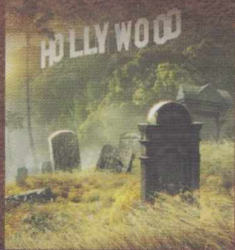

В
Б

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Весь
БРЭДБЕРИ

ГОЛЛИВУДСКАЯ
ТРИЛОГИЯ

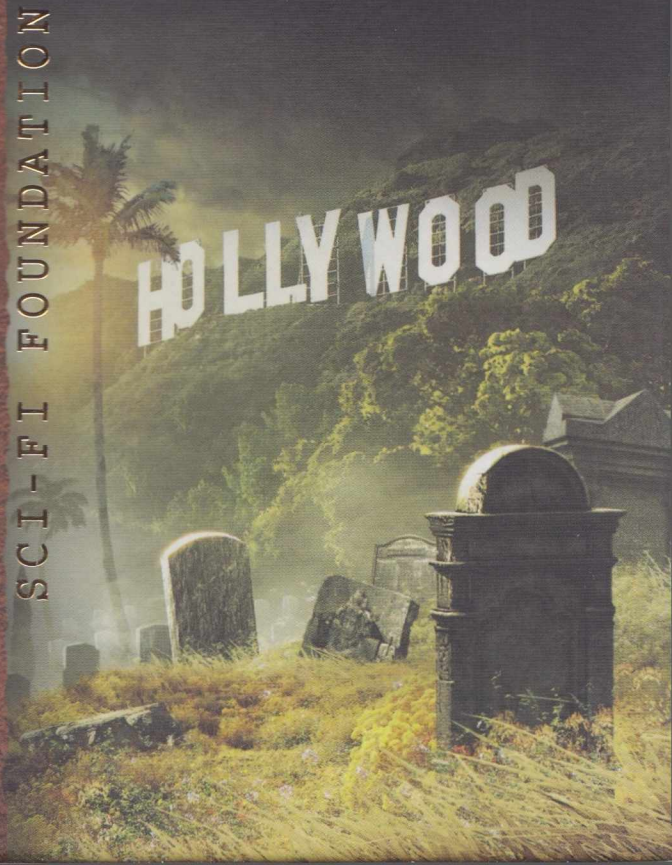

Весь

БРЭДБЕРИ

ГОЛЛИВУДСКАЯ
ТРИЛОГИЯ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ
SCI-FI FOUNDATION

Весь
БРЭДБЕРИ

Весь

БРЭДБЕРИ

СМЕРТЬ - ДЕЛО ОДИНОКОЕ
КЛАДВИЩЕ ДЛЯ БЕЗУМЦЕВ
ДАВАЙТЕ ВСЕ УВЬЕМ КОНСТАНЦИЮ

Рэй

БРЭДБЕРИ

ГОЛЛИВУДСКАЯ
ТРИЛОГИЯ

Москва
2019

Ray Bradbury

DEATH IS A LONELY BUSINESS

Copyright © 1985 by Ray Bradbury

A GRAVEYARD FOR LUNATICS:
ANOTHER TALE OF TWO CITIES

Copyright © 1990 by Ray Bradbury

LET'S ALL KILL CONSTANCE

Copyright © 2002 by Ray Bradbury

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Брэдбери, Рэй.

Б89 Голливудская трилогия : [перевод с английского] /
Рэй Брэдбери — Москва : Эксмо, 2019. — 768 с. — (Отцы-
основатели).

ISBN 978-5-04-100781-2

Великий Рэй Брэдбери и его детективы нуар.

Трилогия о любви, одиночестве и смерти на фоне калифорнийских пейзажей и мира старых голливудских фильмов.

Частный детектив Эльмо Крамли и странный молодой человек — писатель-фантаст, берутся расследовать ряд смертей, на первый взгляд совершенно не связанных между собой.

Голливудский магнат, загадочно погибший в ночь на Хэллоуин, появляется двадцать лет спустя.

Констанция Раттиган, получает по почте старый телефонный справочник и записную книжку, фамилии в которой отмечены надгробными крестиками. Задачу спасти кинозвезду и раскрыть загадку цепочки неожиданных смертей взваливают на себя главные герои трилогии.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© И. Разумовская, С. Самострелова, перевод на русский язык, 2019

© О. Акимова, перевод на русский язык, 2019

© М. Воронежская, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100781-2

**Смерть -
дело одинокое**

*С любовью Дону Конгдону,
благодаря которому возникла эта книга,
и памяти Рэймонда Чандлера, Дэшила Хэммета,
Джеймса М. Кейна и Росса Макдональда,
а также памяти моих друзей и учителей
Ли Брэкетт и Эдмонда Гамильтона,
к сожалению ушедших, посвящается*

Тем, кто склонен к унынию, Венеция в штате Калифорния¹ раньше могла предложить все, что душе угодно. Туман — чуть ли не каждый вечер, скрипучие стоны нефтяных вышек на берегу, плеск темной воды в каналах, свист песка, хлещущего в окна, когда поднимается ветер и заводит угрюмые песни над пустырями и в безлюдных аллеях.

В те дни разрушался и тихо умирал, обваливаясь в море, пирс, а неподалеку от него в воде можно было различить останки огромного динозавра — аттракциона «русские горки»², над которым перекачивал свои волны прилив.

В конце одного из каналов виднелись затопленные, покрытые ржавчиной фургоны старого цирка, и, если ночью пристально взглянуть в воду, заметно было, как снует в клетках всякая живность — рыбы и лангусты, принесенные приливом из океана. Казалось, будто здесь ржавеют все обреченные на гибель цирки мира.

И каждые полчаса к морю с грохотом проносился большой красный трамвай, по ночам его дуга высекала снопы искр из проводов; достигнув берега, трамвай со скрежетом поворачивал и мчался прочь, издавая стоны, словно мертвец, не находящий покоя в могиле. И сам трамвай, и одинокий, раскачивающийся от тряски вожатый знали, что через год их здесь не будет, рельсы залиют бетоном, а паутину высоко натянутых проводов свернут и растащат.

И вот тогда-то, в один такой сумрачный год, когда туманы не хотели развеиваться, а жалобы ветра — стихать, я ехал поздним вечером в старом красном грохочущем, как гром, трамвае и, сам того не подозревая, повстречался в нем с напарником Смерти.

В тот вечер лил дождь, старый трамвай, лязгая и визжа, летел от одной безлюдной, засыпанной билетными конфетти остановки к другой, и в нем никого не было — только я, читая книгу, трясясь на одном из задних сидений. Да, в этом старом, ревматическом деревянном вагоне были только я и вожатый, он сидел впереди, дергал латунные рычаги, отпускал тормоза и, когда требовалось, выпускал клубы пара.

А позади, в проходе, ехал еще кто-то, неизвестно когда вошедший в вагон.

В конце концов я обратил на него внимание, потому что, стоя позади меня, он качался и качался из стороны в сторону, будто не знал, куда сесть, — ведь когда на тебя ближе к ночи смотрят сорок пустых мест, трудно решить, какое из них выбрать. Но вот я услышал, как он садится, и понял, что уселся он прямо за мной, я чувал его присутствие, как чуешь запах прилива, который вот-вот зальет прибрежные поля. Отвратительный запах его одежды перекрывало зловоние, говорившее о том, что он выпил слишком много за слишком короткое время.

Я не оглядывался: я давно по опыту знал, что стоит поглядеть на кого-нибудь — и разговора не миновать.

Закрыв глаза, я твердо решил не оборачиваться. Но это не помогло.

— Ох, — простонал незнакомец.

Я почувствовал, как он наклонился ко мне на своем сиденье. Почувствовал, как горячее дыхание жжет мне шею. Упершись руками в колени, я подался вперед.

— Ох, — простонал он еще громче. Так мог молить о помощи кто-то падающий со скалы или пловец, застигнутый штормом далеко от берега.

— Ох!

Дождь уже лил вовсю, большой красный трамвай, грохоча, мчался в ночи через луга, поросшие мятликом, а дождь барабанил по окнам, и капли, стекая по стеклу, скрывали от глаз тянувшиеся вокруг поля. Мы проплыли через Калвер-Сити³, так и не увидев киностудию, и двинулись дальше — неуклюжий вагон гремел, пол под ногами скрипел, пустые сиденья дребезжали, визжал сигнальный свисток.

А на меня мерзко пахнуло перегаром, когда сидевший сзади невидимый человек выкрикнул:

— Смерть!

Сигнальный свисток заглушил его голос, и ему пришлось повторить:

— Смерть...

И опять взвизгнул свисток.

— Смерть, — раздался голос у меня за спиной. — Смерть — дело одинокое!

Мне почудилось — он сейчас заплачет. Я глядел вперед на пляшущие в лучах света струи дождя, летящего нам навстречу.

Трамвай замедлил ход. Сидевший сзади вскочил: он был взбешен, что его не слушают, казалось, он готов ткнуть меня в бок, если я хотя бы не обернусь. Он жаждал, чтобы его увидели. Ему не терпелось обрушиться на меня то, что его донимало. Я чувствовал, как тянется ко мне его рука, а может быть, кулаки, а то и когти, как рвется он отколошматить или исполосовать меня, кто его знает. Я крепко вцепился в спинку кресла перед собой.

— Смерть... — взревел его голос.

Трамвай, дребезжа, затормозил и остановился.

«Ну давай, — думал я, — договаривай!»

— ...дело одинокое, — страшным шепотом dokonчил он и отодвинулся.

Я услышал, как открылась задняя дверь. И тогда обернулся.

Вагон был пуст. Незнакомец исчез, унося с собой свои похоронные речи. Слышно было, как похрустывает гравий на дороге.

Невидимый впотьмах человек бормотал себе под нос, но двери с треском захлопнулись. Через окно до меня еще доносился его голос, что-то насчет могилы. Насчет чьей-то могилы. Насчет одиночества.

Трамвай дернулся и, лязгая, понесся дальше сквозь непогоду, мимо высокой травы на лугах.

Я поднял окно и высунулся, вглядываясь в дождливую темень позади.

Я не мог бы сказать, что там осталось — город, полный людей, или лишь один человек, полный отчаяния, — ничего не было ни видно, ни слышно.

Трамвай несся к океану.

Меня охватил страх, что мы в него свалимся.

Я с шумом опустил окно, меня била дрожь.

Всю дорогу я убеждал себя: «Да брось! Тебе же всего двадцать семь! И ты же не пьешь». Но...

Но все-таки я выпил.

В этом дальнем уголке, на краю континента, где некогда оставались фургоны переселенцев, я отыскал открытый допоздна салун, в котором не было никого, кроме бармена — поклонника ковбойских фильмов о Хопалонге Кэссиди⁴, которым он и любовался в ночной телепередаче.

— Двойную порцию водки, пожалуйста.

Я удивился, услышав свой голос. Зачем мне водка? Набраться храбрости и позвонить моей девушке Пег? Она за две тысячи миль отсюда, в Мехико-Сити. А что я ей скажу? Что со мной все в порядке? Но ведь со мной и правда ничего не случилось!

Ровно ничего, просто проехался в трамвае под холодным дождем, а за моей спиной звучал зловеющий голос, нагонял тоску и страх. Однако я боялся возвращаться в свою квартиру, пустую, как холодильник, брошенный переселенцами, бредущими на запад в поисках заработка.

Большей пустоты, чем у меня дома, пожалуй, нигде не было, разве что на моем банковском счете — на счете Великого Американского Писателя — в старом, похожем на римский храм здании банка, которое возвышалось на берегу у самой воды, и казалось, что его смоеет в море при следующем отливе. Каждое утро кассиры, сидя с веслами в лодках, ждали, пока управляющий топил свою тоску в ближайшем баре. Я не часто с ними встречался. При том что мне лишь изредка удавалось продать рассказ какому-нибудь жалкому детективному журнальчику, наличных, чтобы класть их в банк, у меня не водилось. Поэтому...

Я отхлебнул водки. И сморщился.

— Господи, — удивился бармен, — вы что, в первый раз водку пробуете?

— В первый.

— Вид у вас просто жуткий.

— Мне и впрямь жутко. Вы когда-нибудь чувствовали, будто должно случиться что-то страшное, а что — не знаете?

— Это когда мурашки по спине бегают?

Я глотнул еще водки, и меня передернуло.

— Нет, это не то. Я хочу сказать: чувствуете *смертельную* жуть, как она на вас надвигается?

Бармен устремил взгляд на что-то за моим плечом, словно увидел там призрак незнакомца, который ехал в трамвае.

— Так что, вы притащили эту жуть с собой?

— Нет.

— Значит, здесь вам бояться нечего.

— Но, понимаете, — сказал я, — он со мной разговаривал, этот Харон⁵.

— Харон?

— Я не видел его лица. О боже, мне совсем худо! Спокойной ночи.

— Не пейте больше!

Но я уже был за дверью и оглядывался по сторонам — не поджидает ли меня там что-то жуткое? Каким путем идти домой, чтобы не напороться на тьму? Наконец решил и, зная, что решил неверно, торопливо пошел вдоль старого канала, туда, где под водой покачивались цирковые фургоны.

Как угодили в канал львиные клетки, не знал никто. Но если на то пошло, никто, кажется, уже не помнил и того, откуда взялись сами каналы в этом старом обветшавшем городе, где ветошь каждую ночь шелестела под дверями домов вперемешку с песком, водорослями и табаком из сигарет, усеивавшим берег еще с тысяча девятьсот десятого года⁶.

Как бы то ни было, каналы прорезали город, и в конце одного из них, в темно-зеленой, испещренной нефтяными пятнами воде, покоились старые цирковые фургоны и клетки; белая эмаль и позолота с них облезли, ржавчина разъедала толстые прутья решеток.

Давным-давно, в начале двадцатых, и фургоны, и клетки, словно веселая летняя гроза, проносились по городу, в клетках метались звери, львы разевали пасти, их горячее дыхание отдавало запахом мяса. Упряжки белых лошадей провозили это великолепие через Венецию, через луга и поля, задолго до того, как сту-

дия «Метро-Голдвин-Майер»⁷ присвоила львов для своей заставки и создала совсем иной, новый цирк, которому суждено вечно жить на лентах киноленты.

Теперь все, что осталось от прошлого праздничного карнавала, нашло себе пристанище здесь, в канале. В его глубокой воде одни клетки стояли прямо, другие валялись на боку, схоронившись под волнами прилива, который иногда по ночам совсем скрывал их от глаз, а на рассвете обнажал снова. Между прутьями решеток сновали рыбы. Днем здесь, на этих островах из дерева и стали, отплясывали мальчишки, по временам они ныряли внутрь клеток, трясли решетки и заливались хохотом.

Но сейчас, далеко за полночь, когда последний трамвай унесся вдоль пустынных песчаных берегов к месту своего назначения, темная вода тихо плескалась в каналах и чмокала в решетках, как чмокают беззубыми деснами древние старухи.

Пригнув голову, я бежал под ливнем, как вдруг прояснилось и дождь перестал. Луна, проглянув сквозь шель в темных тучах, следила за мной, будто огромный глаз. Я шел, ступая по зеркалам, а из них на меня смотрели та же луна и те же тучи. Я шел по небу, лежавшему у меня под ногами, и вдруг — вдруг это случилось...

Где-то поблизости, кварталах в двух от меня, в канал хлынула волна прилива; соленая морская вода гладким черным потоком потекла между берегами. Видно, где-то недалеко прорвало песчаную перемычку и море устремилось в канал. Темная вода текла все дальше. Она достигла пешеходного мостика, как раз когда я достиг его середины.

Вода с шипением обтекала прутья львиных клеток.

Я подскочил к перилам моста и крепко за них ухватился.

Потому что прямо подо мной, в одной из клеток, показалось что-то слабо фосфоресцирующее.

Кто-то в клетке двигал рукой.

Видно, давно уснувший укротитель львов только что проснулся и не мог понять, где он.

Рука медленно тянулась вдоль прутьев — укротитель пробудился окончательно.

Вода в канале спала и снова поднялась.

А призрак прижался к решетке.

Склонившись над перилами, я не верил своим глазам.

Но вот светящееся пятно начало обретать форму. Призрак шевелил уже не только рукой, все его тело неуклюже и тяжело двигалось, словно огромная, очутившаяся за решеткой марионетка.

Я увидел и лицо — бледное, с пустыми глазами, в них отражалась луна, и только, — не лицо, а серебряная маска.

А где-то в глубине моего сознания длинный трамвай, сворачивая по ржавым рельсам, скрежетал тормозами, визжал на останках; и при каждом повороте невидимый человек выкрикивал:

— Смерть... дело... одинокое!

Нет!

Прилив начался снова, и вода поднялась. Все это казалось странно знакомым, будто однажды ночью я уже наблюдал такую картину.

А призрак в клетке снова привстал.

Это был мертвец, он рвался наружу.

Кто-то издал страшный вопль.

И когда в домиках вдоль темного канала вспыхнул свет, я понял, что кричал я.

— Спокойно! Назад! Назад!

Машин подъезжало все больше, все больше прибывало полицейских, все больше окон загоралось в домах, все больше людей в халатах, не очнувшихся от сна, подходило ко мне, тоже не успевшему очнуться, но только не от сна. Будто толпа несчастных клоунов, брошенных на мосту, мы глядели в воду на затонувший цирк.

Меня трясло, я всматривался в затопленную клетку и думал: «Как же я не оглянулся? Как же не рассмотрел того незнакомца, ведь он наверняка все знал про этого беднягу там, в темной воде».

«Боже, — думал я, — уж не он ли, этот тип из трамвая, и затолкал несчастного в клетку?»

Доказательства? Никаких. Все, что я мог предъявить, — это три слова, прозвучавшие после полуночи в последнем трамвае, а свидетелями были лишь дождь, стучавший по проводам и повторявший эти слова, да холодная вода, которая, словно смерть, подступала к затонувшим в канале клеткам, заливала их и отступала, став еще более холодной, чем прежде.

Из старых домишек выходили все новые несуразные клоуны.

— Эй, народ! Все в порядке!

Снова пошел дождь, и прибывающие полицейские косились на меня, словно хотели спросить: «Что у тебя, своих дел мало? Не мог подождать до утра, позвонить, не называя себя?»

На самом краю берега над каналом, с отвращением глядя на воду, стоял один из полицейских в черных купальных трусах. Тело у него было белое — наверно, давно не видело солнца. Он стоял, наблюдая за тем, как волны заливают клетку, как всплывает покойник и манит к себе. За прутьями возникало лицо. Печальное лицо человека, ушедшего далеко и навсегда. Во мне росла шемящая тоска. Пришлось отойти: я почувствовал, как в горле начинает першить от горечи — того и гляди, всхлипну.

И тут белое тело полицейского вспоролу воду. И скрылось.

Я испугался, не утонул ли и он тоже. По маслянистой поверхности канала барабанил дождь.

Но вдруг полицейский показался снова — уже в клетке, прижавшись лицом к прутьям, он хватал ртом воздух.

Я вздрогнул: мне почудилось, будто это мертвец всплыл, чтобы сделать последний судорожный живительный глоток.

А минуто спустя я увидел, как полицейский, изо всех сил работая ногами, уже выплывает из дальнего конца клетки и тащит за собой что-то длинное, призрачное, похожее на погребальную ленту из блеклых водорослей.

Кто-то подавил рыдание. Господи Иисусе, неужто я?

Тело выволокли на берег, пловец растирался полотенцем. Мигая, угасали огни патрульных машин. Трое полицейских, тихо переговариваясь, наклонились над покойником, освещая его фонариками.

— ...похоже, почти сутки.

— ...а следователь-то где?

— У него трубка снята. Том поехал за ним.

— Бумажник? Удостоверение?

— Пусто — видно, приезжий.

Начали выворачивать карманы утопленника.

— Нет, не приезжий, — сказал я и осекся.

Один из полицейских оглянулся и направил на меня фонарик. Он с интересом взгляделся мне в глаза и услышал звуки, которые рвались из моего горла.

— Знаете его?

— Нет.

— Тогда почему...

— Почему расстраиваюсь? Да потому! Он умер, ушел навсегда. О господи! Это же я его нашел!

Неожиданно мысли мои скакнули назад.

Давным-давно, в яркий летний день, я завернул за угол и вдруг увидел затормозившую машину и распростертого под ней человека. Водитель как раз выскочил и нагнулся над телом.

Я сделал шаг вперед и замер. Что-то розовело на дороге возле моего ботинка.

Я понял, что это, вспомнив лабораторные занятия в колледже. Маленький одинокий комочек человеческого мозга.

Какая-то женщина, явно незнакомая, проходя мимо, остановилась и долго смотрела на тело под колесами. Потом, повинувшись порыву, сделала то, чего и сама не ожидала. Медленно опустилась на колени возле погибшего. И стала гладить его по плечу, мягко, осторожно, словно утешая: «Ну, ну, не надо, не надо!»

— Его... убили? — услышал я свой голос.

Полицейский обернулся:

— С чего вы взяли?

— А как же... я хочу сказать... как бы иначе он попал в эту клетку под водой? Кто-то должен был его туда запихнуть.

Снова вспыхнул фонарик, и луч света зашарил по моему лицу, словно глаза врача, ищущего симптомы.

— Это вы позвонили?

— Нет, — поежился я. — Я только закричал и перебудил всех.

— Привет! — тихо проговорил кто-то.

Детектив в штатском, небольшого роста, начинающий лысеть, опустился на колени возле тела и уже выворачивал карманы утопленника. Из них вывалились какие-то клочки и комочки, похожие на мокрые снежные хлопья, на кусочки папье-маше.

— Что это, черт побери? — удивился кто-то.

«Я-то знаю», — подумал я, но промолчал.

Склонившись рядом с детективом, я дрожащими руками подобрал кусочки мокрой бумаги. А детектив в это время обследовал другие карманы, вынимая из них такой же мусор. Я зажал мокрые комочки в кулаке и, выпрямившись, сунул их себе в карман, а сыщик как раз поднял голову.

— Вы насквозь промокли, — сказал он. — Сообщите полицейскому свое имя и адрес и отправляйтесь домой. Сушиться.

Дождь начался снова. Меня трясло. Я повернулся, назвал полицейскому свою фамилию и адрес и быстро пошел к дому.

Я пробежал почти целый квартал, когда возле меня остановилась машина и открылась дверца. Коренастый лысеющий сыщик кивнул мне.

— Господи, ну и вид у вас, хуже некуда! — сказал он.

— От кого-то я уже слышал об этом всего час назад.

— Садитесь.

— Да я живу в квартале отсюда.

— Садитесь!

Весь дрожа, я влез в машину, и он провез меня последние два квартала до моей пролахшей затхлостью, тесной, как коробка от печенья, квартиры, за которую я платил тридцать долларов в месяц. Вылезая из машины, я чуть не свалился — так измотала меня дрожь.

— Крамли, — представился сыщик. — Элмо Крамли. Позвоните мне, когда разберетесь, что за бумажонки вы спрятали в карман.

Я виновато вздрогнул. Потянулся рукой к карману. И кивнул:

— Договорились.

— И хватит вам страдать и трястись. Кем он был? Никем. — Крамли вдруг замолчал — видно, устыдился того, что сказал, и наклонил голову, собираясь ехать дальше.

— А мне почему-то кажется, я знаю, кем он был, — проговорил я. — Когда вспомню, позвоню.

Я стоял, совсем окоченев. Боялся, что за спиной меня ожидает еще что-то страшное. Вдруг, когда я открою дверь, на меня хлынут черные воды канала?

— Вперед! — приказал Элмо Крамли и захлопнул дверцу.

Он уехал. Только две красные точки и остались от его машины, они удалялись в струях снова начавшегося ливня, который заставил меня зажмуриться.

Я посмотрел на телефонную будку возле заправочной станции на другой стороне улицы. Я пользовался этим телефоном, как своим собственным, названивая разным издателям, а вот они никогда не звонили мне в ответ. Шаря в карманах в поисках мелочи, я размышлял, не позвонить ли в Мехико, не разбудить ли Пег, не

взвалить ли на нее мои страхи, не рассказать ли ей про клетку, про утопленника и... о господи... напугать ее до смерти!

«Послушайся сыщика», — подумал я.

Вперед!

У меня уже зуб на зуб не попадал, и я с трудом вставил проклятый ключ в замочную скважину.

Дождь последовал за мной и в квартиру.

Что ждало меня за дверью?

Пустая комната двадцать на двадцать футов, продавленный диван, книжная полка, на ней четырнадцать книг и много пустого места, жаждущего, чтобы его заполнили, купленное по дешевке кресло да некрашенный сосновый письменный стол с несмазанной пишущей машинкой «Ундервуд стандарт» выпуска 1934 года, огромной, как рояль, и громяхющей, как деревянные башмаки по не покрытому ковром полу.

В машинку был вставлен давно ждущий своего часа лист бумаги. А в ящике рядом с машинкой лежала небольшая стопка журналов — полное собрание моих сочинений — экземпляры «Дешевого детективного журнала», «Детективных рассказов», «Черной маски», каждый из них платил мне по тридцать-сорок долларов за рассказ. По другую сторону машинки стоял еще один ящик, ждал, когда в него положат рукопись. Там покоилась единственная страница книги, никак не хотевшей начинаться. На ней значилось:

РОМАН БЕЗ НАЗВАНИЯ

А под этими словами моя фамилия. И дата — июль 1949 г.

То есть три месяца тому назад.

Продолжая дрожать, я разделся, вытерся полотенцем, надел халат, вернулся к письменному столу и уперся в него глазами.

Дотронулся до пишущей машинки, гадая, кто она мне — потерянный друг, слуга или неверная любовница?

Еще несколько недель назад она издавала звуки, отдаленно напоминавшие голос музыки. А теперь почти каждый раз я тупо сижу перед проклятой клавиатурой, словно мне отрубили кисти рук по самые запястья. Трижды, четырежды в день я устраиваюсь за столом, терзаемый муками творчества. И ничего не получается. А если и получается, то тут же, скомканное, летит на пол —

каждый вечер я выметаю из комнаты кучу бумажных шариков. Я застрял в бесконечной аризонской пустыне, известной под названием «Засуха».

Во многом мой простой объяснялся тем, что Пег так далеко — в Мехико, среди своих мумий и катакомб, а я здесь один, и солнце в Венеции не показывается уже три месяца, вместо него лишь мгла, да туман, да дождь, и снова туман и мгла. Каждую ночь я заворачивался в холодное хлопчатобумажное одеяло, а на рассвете разворачивался с прежним мерзким ощущением на душе. Каждое утро подушка оказывалась влажной, а я не мог вспомнить, что мне снилось и отчего она стала солоноватой.

Я выглянул в окно на телефон, я прислушивался к нему с утра до вечера изо дня в день, но еще ни разу он не зазвонил, чтобы предложить превратить в деньги мой замечательный роман, сумей я закончить его в прошлом году.

Вдруг я поймал себя на том, что пальцы неуверенно скользят по клавишам машинки. «Будто руки того утопленника в клетке», — подумал я и вспомнил, как они высовывались между прутьями решеток, покачиваясь в воде, словно морские анемоны. И я вспомнил о других руках, которых так и не увидел, — о руках того, кто ночью стоял в вагоне трамвая у меня за спиной.

И у того и у другого руки не знали покоя.

Медленно, очень медленно я присел к столу.

Что-то стучало у меня в груди, казалось, что-то бьется о решетку брошенной в канал клетки.

Кто-то дышал мне в затылок.

Надо избавиться от того и от другого. Надо что-то сделать, чтобы они успокоились и перестали меня донимать, иначе мне не заснуть.

Какой-то хрип зазвучал в моем горле, словно меня вот-вот вырвет. Но не вырвало.

Вместо этого пальцы забегали по клавишам, зачеркивая заголовок «РОМАН БЕЗ НАЗВАНИЯ».

Потом я сдвинул каретку, сделал интервал и увидел, как на бумаге возникают слова: СМЕРТЬ, затем ДЕЛО и, наконец, ОДИНОКОЕ.

Я дико уставился на этот заголовок, ахнул и, принявшись печатать, печатал, не останавливаясь, почти час, пока не заста-

вил трамвай в отсветах грозových молний умчаться сквозь ливень прочь, пока не залил львиную клетку черной морской водой, которая хлынула, сметая все преграды, и выпустила мертвеца на волю.

Вода струилась по моим рукам, стекала к ладоням и по пальцам выливалась на страницу.

И вдруг, как наводнение, надвинулась темнота.

Я так ей обрадовался, что рассмеялся.

И рухнул в постель.

Я пытался уснуть, но расчихался и все чихал и чихал, извел целую пачку бумажных носовых платков и лежал без сна, совершенно несчастный, предчувствуя, что моя простуда никогда не кончится.

Ночью туман стусился, и где-то далеко в заливе одиноко и потерянно, не переставая, гудела и гудела сирена. Казалось, огромное морское чудовище, давно умершее, брошенное и забытое, оплакивая самого себя, уплывало все дальше от берега, в глубину, в поисках собственной могилы.

Ночью ветер задувал ко мне в окно, шевелил напечатанными страницами моего романа. Я слышал, как бумага, вздыхая, словно вода в каналах, дышит, как дышал мне в затылок тот, в трамвае. Наконец я уснул.

Проснулся поздно в ярком сиянии солнца. Чихая, добрался до двери, распахнул ее настежь и оказался в таком ослепительном потоке дневного света, что мне захотелось жить вечно, но, устыдившись этой мысли, я, подобно Ахаву⁸, готов был посягнуть на солнце. Однако вместо этого я стал поспешно одеваться. Одежда за ночь не высохла. Я натянул теннисные шорты, надел куртку и, вывернув карманы еще сырого пиджака, нашел похожие на папье-маше комочки бумаги, вывалившиеся всего несколько часов назад из карманов мертвеца.

Затаив дыхание, я коснулся их кончиками пальцев. Я знал, что это такое. Но пока не был готов обдумать вопрос до конца.

Я не люблю бегать. Но тут побежал...

Побежал прочь от каналов, от клетки, от голоса в темном ночном трамвае, прочь от моей комнаты, прочь от только что напечатанных страниц, жлуших, чтобы их прочитали, ведь на них

начинался рассказ обо всем случившемся, но сейчас мне еще не хотелось их перечитывать. Ни о чем не думая, я бежал очертя голову вдоль берега к югу.

Бежал в страну под названием «Затерянный мир».

Но замедлил бег, решив поглазеть на утреннюю кормежку диких механических зверей.

Нефтяные вышки. Нефтяные насосы.

Эти гигантские птеродактили⁹, рассказывал я друзьям, стали прилетать сюда по воздуху в начале века и темными ночами плавно опускались на землю, чтобы вить гнезда. Перепуганные прибрежные жители просыпались среди ночи от чавканья огромных голодных животных. Люди садились в постелях, разбуженные в три часа ночи скрипом, скрежетом, стуком костей этих скелетоподобных монстров, взмахами голых крыльев, которые то поднимались, то опускались, напоминая тяжкие вздохи первобытных существ. Их запах, вечный, как само время, проплывал над побережьем, доносясь из допещерного века, из времен, когда люди еще не жили в пещерах, это был запах джунглей, ушедших в землю, чтобы там, в глубине, умереть и дать жизнь нефти.

Я бежал через этот лес бронтозавров¹⁰, представляя себе трицератопсов¹¹ и похожих на частокол стегозавров¹², выдавливающих из земли черную патоку, утопающих в гудроне. Их жалобные крики эхом отдавались от берега, а прибой возвращал на сушу их древний громоподобный рык.

Я бежал мимо невысоких домиков, притулившихся среди чудовищ, мимо каналов, вырытых и наполненных водой еще в 1910 году, чтобы в них отражалось безоблачное небо, по их чистой поверхности в те дни плавно скользили гондолы, а мосты были, как светлячками, увешаны разноцветными лампочками, сулящими веселые ночные балы, похожие на балетные спектакли, уже не повторявшиеся после войны. И когда гондолы погрузились на дно, унеся с собой веселый смех последней вечеринки, черные уроды продолжали сосать песок.

Конечно, кое-кто из тех времен здесь все-таки оставался, укрывшись в лачугах или запершись в немногочисленных виллах, напоминавших средиземноморские, возведенных тут и там по капризу архитекторов.

Я бежал, бежал и вдруг остановился. Мне пора было поворачивать назад, идти искать этот похожий на папье-маше мусор, а потом выяснять, как звали его пропавшего, погибшего владельца.

Но сейчас я не мог оторвать глаз от высившегося передо мной средиземноморского палатца, сиявшего белизной, как будто на песок опустилась полная луна.

«Констанция Раттиган, — прошептал я, — может быть, выйдешь поиграть?»

На самом-то деле дворец был не дворец, а слепящая глаза белоснежная мавританская крепость, фасадом обращенная к океану, она бросала дерзкий вызов волнам: пусть нахлынут, пусть попробуют сокрушить ее. Крепость венчали башенки и минареты, на песчаных террасах наклонно лежали голубые и белые плитки в опасной близости — всего каких-то сто футов — от того места, где любопытные волны почтительно кланялись крепости, где кружились чайки, стараясь заглянуть в окна, и где сейчас замер я.

«Констанция Раттиган».

Но никто не выходил.

Одинокий и таинственный, этот дворец, стоявший на берегу, где царил лишь грохот прибоя да ящерицы, бдительно охранял загадочную королеву экрана.

В окне одной из башен днем и ночью горел свет. Я ни разу не видел, чтобы там было темно. Интересно, она и сейчас там?

Да!

Вон за окном метнулась тень, словно кто-то подошел взглянуть вниз, на меня, и тут же отпрыгнул, как мотылек.

Я стоял, вспоминая.

Ее головокружительный взлет в двадцатых длился всего один быстро пробежавший год, а потом ее неожиданно сбросили с высоты вниз, и она исчезла где-то в подземельях кино. Как писали в старых газетах, директор студии застал ее в постели с гримером и, схватив нож, перерезал Констанции Раттиган мышцы на ногах, чтобы она никогда больше не могла ходить так, как он любил. А сам сразу сбежал, уплыл на запад, в Китай. Констанцию же Раттиган с тех пор никто не видел. И никто не знал, может ли она вообще ходить.

«Господи!» — услышал я свой шепот.

Я подозревал, что поздними ночами Констанция Раттиган навещает мой мир, что она знакома с людьми, которых знаю и я. Что-то предсказывало мне возможность скорых встреч с ней.

«Иди, — говорил я себе. — Возьми вон тот медный молоток в виде львиной морды и постучи в дверь, что выходит на берег».

Нет. Я покачал головой. Испугался, что меня встретит за дверью всего лишь блеск черно-белой киноплёнки.

Ведь с тайной любовью не ищешь встречи, хочется только мечтать, что когда-нибудь ночью она выйдет из своей крепости и пойдет по песку, а ветер, гонясь за ней, будет заметать ее следы, что она остановится возле твоего дома, постучит в окно, войдет и начнет разматывать киноплёнку, изливая в изображениях на потолке свою душу.

«Констанция, дорогая Раттиган, — мысленно умолял я, — ну выйди же! Вскочи в этот длинный белый лимузин, вон он, сверкающий и горячий, стоит на песке возле самого дома, запусти мотор, и мы умчимся с тобой на юг, в Коронадо, на залитый солнцем берег...»

Но никто не выходил, не заводил мотор, никто не звал меня, никто не уносился со мной на юг, к солнцу, подальше от этой туманной сирены, погребенной где-то в океане.

И я отступил, с удивлением обнаружив на своих теннисных туфлях соленую воду, повернулся и поплелся назад к залитым холодным дождем клеткам, побрел по мокрому песку — величайший в мире писатель, чего, правда, никто не знал, кроме меня самого.

С влажными конфетти и мокрыми комочками папье-маше в карманах куртки я вошел туда, куда, как я знал, мне следовало наведаться.

Туда, где собирались старики.

Эта тесная, полутемная лавка глядела на трамвайные рельсы. В ней продавали конфеты, сигареты и журналы, а также билеты на красный трамвай, который пронесился из Лос-Анджелеса к океану.

Владели этой пропахшей табачным дымом лавкой два брата, пальцы у них были испещрены никотиновыми пятнами. Они вечно брюзжали и пререкались друг с другом, как старые девы. На стоявшей сбоку скамье облюбовала себе место стайка стариков.

Не обращая внимания на ведущиеся вокруг разговоры, как зрители на теннисном матче, они просиживали здесь час за часом изо дня в день и морочили головы посетителям, прибавляя себе годы. Один утверждал, что ему восемьдесят два. Другой — что ему девяносто. Третий похвалялся, что ему девяносто четыре. С каждой неделей возраст менялся, старики не помнили, что выдумывали месяц назад.

И когда мимо с грохотом проносились большие красные трамваи, вы, вслушиваясь, могли уловить, как от стариковских костей отшелушивается ржавчина и хлопья ее, точно снег, плывут по кровеносным сосудам, чтобы на миг блеснуть в помутневших глазах. Тогда старики, не закончив фразы, замолкали на несколько часов, сиюсь вспомнить, о чем начали говорить в полдень. Бывало, они заканчивали разговор только к ночи, к тому времени, как братья, продолжая ворчать, закрывали лавку и, переругиваясь, возвращались в свои холостяцкие постели.

Никто не знал, где живут старики. Каждый вечер, когда братья, шпыняя друг друга, скрывались в темноте, старики, подгоняемые соленым ветром, словно перекаати-поле, разбрелись кто куда.

Я вступил в вечную полутьму лавки и остановился возле скамьи, на которой старики восседали с незапамятных времен.

На скамье между ними оставалось свободное место. Там, где всегда сидели четверо, сейчас было трое, и по их лицам я понял: что-то не так.

Я взглянул им под ноги: пол был засыпан не только сигарным пеплом, но и легким снегом — странными кусочками бумаги — конфетти от множества пробитых компостерами трамвайных билетов, конфетти разной формы в виде букв А, Б, В.

Я извлек из кармана теперь уже почти высохшую бумажную массу и сравнил ее со снежинками на полу. Наклонился, набрал этих снежинок полную горсть и, разжав пальцы, пустил весь алфавит по ветру.

Переведя взгляд на пустое место на скамье, я спросил:

— А где же старый джент... — и поперхнулся.

Потому что старики уставились на меня так, будто я выстрелил в них, застывших в молчании, из пистолета. И к тому же их глаза говорили, что для похорон я одет неподобающим образом.

Самый старый зажег трубку, раскурил ее и, попыхивая, про-
бормотал:

— Придет. Всегда приходит.

Однако двое других неловко заерзали на скамейке, и лица их
затуманились.

— Где он живет? — осмелился спросить я.

Старик вынул трубку изо рта:

— А кто интересуется?

— Я. Вы же меня знаете, — ответил я. — Я хожу сюда не один
год.

Старики взволнованно переглянулись.

— Это важно, — заметил я.

Старик снова поерзал на скамье.

— Канарейки, — буркнул он.

— Что?

— Леди с канарейками. — Трубка погасла. Старик стал разжи-
гать ее снова, в его глазах была тревога. — Не стоит его беспоко-
ить. Ничего с ним не сделалось. Он не болен. Придет.

Он убеждал меня слишком усердно, и старики едва заметно
беспокойно задвигались.

— А как его фамилия? — спросил я.

Это была ошибка. Как?! Я не знаю его фамилии! Господи, да
ее все знают! Старики снова уставились на меня.

— Леди с канарейками! — воскликнул я и стремглав выска-
чил из лавки, чуть не угодив под колеса трамвая, проезжавшего
в тридцати футах от дверей.

— Идиот! — заорал вожатый, высунувшись наружу, и погрозил
мне кулаком.

— Леди с канарейками! — по-дурацки прокричал я в ответ,
тоже грозя кулаком в доказательство того, что остался жив.

И помчался ее искать.

Адрес я знал, так как видел вывеску на окне: «...продаются
канарейки».

В нашей Венеции всегда было и теперь есть множество забро-
шенных уголков, хозяева которых выставляют на продажу жалкие
остатки того, что радовало им душу, втайне надеясь, что никто
ничего не купит.

Вряд ли найдется хоть один старый дом с давно не стиранными занавесками, где в окне не красовалась бы вывеска вроде:

«1927 г. ЗАКУСКИ НА СКОРУЮ РУКУ.
РАЗУМН. ЦЕНА. ЧЕРНЫЙ ХОД».

Или:

«МЕТАЛИЧ. КРОВАТЬ. ПОЧТИ НЕ ИСПОЛЬЗ.
ДЕШЕВО. ВЕРХН. ЭТАЖ».

Проходя мимо, невольно задаешься вопросами: на какой же стороне кровати спали, спали ли на обеих сторонах, и если спали, то как долго, и с каких пор там никто больше не спит? Двадцать лет? Тридцать?

«СКРИПКИ, ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ» — гласит другая вывеска.

И в окне — старые инструменты, вместо струн не проволока, не кетгут, а паутина, а за окном, скорчившись над верстаком, старик что-то вырезает из дерева; он всегда отворачивается от света, его руки быстро двигаются; он — свидетель еще тех дней, когда начали затаскивать гондолы из каналов во дворы и использовать как ящики для цветов.

Интересно, сколько лет прошло с тех пор, как этот старик продал последнюю скрипку или гитару?

Постучишь в дверь, в окно — старик не перестанет резать и полировать дерево, лицо и плечи у него трясутся. Почему он смеется? Потому что ты стучишь, а он делает вид, будто не слышит?

Вы проходите мимо окна с объявлением:

«КОМНАТА С ВИДОМ».

Окно комнаты выходит на океан. Но уже лет десять в ней никого нет. И никому нет дела до вида на океан.

Я завернул за угол и нашел то, что искал.

Объявление висело на окне с потемневшими от солнца рамами, тонкие буквы, вычерченные повывавшим виды карандашом, еле заметные, словно написанные лимонным соком, выцветшие, почти совсем стершиеся... Господи! Не иначе, их написали лет пятьдесят назад!

«Продаются канарейки».

Да, полвека назад кто-то послюнил карандаш, написал на картонке это объявление, прикрепил его на годы липкой лентой от мух, а потом отправился пить чай, поднявшись по лестнице, на перила которой налипла пыль, словно их смазали смолой, вошел в комнату, где пыль толстым слоем покрывала лампочки, так что они стали тусклые, как восточные светильники, где подушки превратились в комки ваты, а в шкафах с пустых вешалок свисали тени.

«Продаются канарейки».

Я не стал стучать. Несколько лет назад просто из глупого любопытства я попробовал было постучать и, чувствуя себя полным идиотом, ушел.

А сейчас я повернул древнюю дверную ручку. Дверь подалась. В нижнем этаже царил пустота. Ни в одной из комнат не было мебели. В лучах солнца клубились пылинки. Я крикнул:

— Есть кто дома?

Мне показалось, что на самом верху кто-то прошептал:

— ...никого.

На подоконниках валялись дохлые мухи. К сетке от насекомых на окне прилипло несколько мотыльков, окончивших свои дни летом 1926 года, их крылышки потемнели от пыли.

Где-то далеко наверху, где томилась состарившаяся, забытая в башне безволосая Рапунцель¹³, словно прошелестело падающее перышко.

— ...да?

На прячущихся в темноте стропилах пискнула мышь.

— Войдите.

Я толкнул дверь. Раздался громкий пронзительный скрежет. «Наверно, — подумал я, — ржавые петли нарочно не смазывали, чтобы скрип извещал о появлении непрошеного гостя».

В верхнем холле о давно перегоревшую лампочку билась моль.

— ...сюда, наверх...

Я стал подниматься в царивших здесь средь бела дня сумерках, проходя мимо повернутых к стене зеркал. Ни одно из них не увидит, как я пришел, ни одно не увидит, как уйду.

— ...да? — прошелестело где-то.

На верхней площадке я помедлил у дверей. Может быть, мне показалось, что, распахнув дверь, я увижу гигантскую канарейку,

распростертую на ковре из пыли, уже не поющую, способную отвечать на вопросы только ударами сердца.

Я вошел. И услышал вздох.

Посреди пустой комнаты стояла кровать, на ней с закрытыми глазами лежала старуха, ее губы чуть шевелились — она дышала.

«Археоптерикс»¹⁴, — подумал я.

Так и подумал. Честное слово. Я видел такие кости в музее, видел слабые, как у рептилии, крылья этой погибшей, вымершей птицы, ее силуэт был запечатлен на песчанике — возможно, рисунок сделал какой-то египетский жрец.

Кровать и все, что на ней лежало, напоминали захламленное дно обмелевшей реки. Словно сквозь медленно текущие воды, угадывались соломенный матрас, какая-то ветошь и жалкий скелет.

Она лежала на спине, такая плоская, такая хрупкая, что я сомневался, живое ли передо мной существо или всего лишь окаменелость, не тронутая ходом времени.

— Да?

На пожелтевшем личике, едва видимом из-под одеяла, открылись глаза, словно блеснули стекляшки.

— Я насчет канареек, — услышал я собственный голос. — У вас там объявление на окне? О птицах?

— Ах, — вздохнула старуха. — О боже...

Она забыла. Наверно, уже много лет не спускалась вниз. И за последнюю тысячу дней я, похоже, был единственный, кто поднялся к ней наверх.

— Ах, — прошептала она. — Это было давно. Канарейки. Да-да. У меня были. Замечательные. В тысяча девятьсот двадцатом году, — продолжала она шепотом, — в тридцатом, в тридцать первом... — Шепот стал едва слышен.

Видно, на этом время для нее остановилось. Дальше просто наступало еще одно утро, проходил еще один день.

— Они пели. Господи! Как они пели. Но никто не заходил купить. Почему? Не продала ни одной!

Я огляделся: в дальнем углу стояла птичья клетка и еще две высывались из шкафа.

— Простите, — тихо прошелестела старуха. — Совсем забыла снять с окна эту вывеску...

Я подошел к клеткам. Моя догадка подтвердилась.

На дне первой я увидел обрывок древней, как папирус, газеты «Лос-Анджелес таймс» за 25 декабря 1926 года:

«ВОСШЕСТВИЕ ХИРОХИТО¹⁵ НА ПРЕСТОЛ.

Сегодня днем молодой двадцатисемилетний император...»

Я перешел к другой клетке и прищурился. Меня захлестнули воспоминания о студенческих днях со всеми их страхами:

«БОМБЕЖКА АДДИС-АБЕБЫ.

Муссолини празднует победу. Хайле Селассие¹⁶ заявляет протест...»

Я закрыл глаза и постарался отмахнуться от этого давнего ушедшего в прошлое года. Вот когда, значит, перестали шуршать перья и смолкли трели. Я вернулся к кровати и к тому иссохшему, никому не нужному, что лежало на ней. И снова услышал свой голос:

— Вы когда-нибудь включали по воскресеньям утреннюю передачу «Час канареек со Скалистых гор»?

— С органистом? Он играл, а канарейки — их была целая студия — подпевали! — радостно воскликнула старуха, от приятных воспоминаний ее плоть словно помолодела, голова слегка приподнялась, глаза блеснули, точно осколки стекла. — «Когда в горах весна».

— «Милая Сью», «Голубые небеса», — подхватил я.

— О, они были прелестны! Канарейки. Правда?

— Прелестны. — Мне в то время было десять, и я старался понять, как эти чертovy птицы умудряются так верно вторить музыке. — Я тогда сказал маме, что клетки, наверно, выстилают дешевыми нотами.

— Похоже, вы были неглупым мальчуганом. — Голова в изнеможении упала, старуха закрыла глаза. — Теперь таких не бывает.

«И никогда не было», — подумал я.

— Но на самом деле вы ведь пришли, — опять прошелестела она, — не из-за канареек?..

— Нет, — признался я. — Я насчет того старичка, что снимал у вас...

— Он умер.

Я не успел ничего спросить, как она спокойно продолжила:

— Я не слышала, как он возится внизу на кухне, со вчерашнего утра. Ночью тишина мне все объяснила. Когда сейчас вы открыли дверь внизу, я так и знала: кто-то идет с плохими вестями.

— Сожалею.

— Не стоит. Я его совсем не видела, разве только на Рождество. За мной ухаживает моя соседка, приходит два раза в день, поправляет постель, приносит еду. Значит, он умер, да? Вы хорошо его знали? А похороны будут? Там на бюро пятьдесят центов. Возьмите, купите от меня букетик.

Денег на бюро не было. И бюро тоже не было. Но я сделал вид, будто есть и то и другое, и сунул в карман несуществующие центы.

— Приходите через шесть месяцев, — прошептала она. — Я тогда поправлюсь. И снова буду продавать канареек, и... Вы смотрите на дверь! Вам надо идти?

— Да, мэм, — виновато сказал я. — Хочу предупредить — у вас входная дверь не заперта.

— Ну и что? Кому нужна такая старуха, как я? — Она в последний раз приподняла голову.

Глаза вспыхнули, лицо исказилось, словно что-то отчаянно билось у нее внутри, стремясь вырваться наружу.

— Никто больше не войдет в этот дом, никто не поднимется по лестнице! — выкрикнула она.

Голос смолк, словно радиостанция, оставшаяся за холмами. Веки опустились, она медленно выключалась из действительности.

«Господи, — подумал я, — да ведь ей *хочется*, чтобы кто-то поднялся сюда и оказал ей ужасную услугу! Только не я!» — пронеслось у меня в голове.

Глаза у нее широко раскрылись. Неужели я произнес это вслух?

— Нет, — проговорила она, пристально вглядываясь мне в лицо. — Вы не он.

— Кто?

— Тот, кто стоит у моей двери. Каждую ночь. — Она вздохнула. — Но никогда не входит. Почему?

Она остановилась, как часовой механизм. Еще дышала, но уже хотела, чтобы я ушел.

Я взглянул через плечо. В дверях ветер шевелил пыль, там словно туман клубился, как будто кто-то стоял и ждал. Что-то или кто-то, кто появлялся каждый вечер и стоял в холле.

Я направился к дверям.

— Прощайте, — сказал я.

Молчание.

Надо бы остаться, выпить с ней чаю, пообедать, позавтракать. Но никто не может защитить всех нуждающихся в защите. Верно?

У дверей я задержался.

— Прощайте.

Возможно, она пробормотала это слово в своем старческом глубоком сне. Я чувствовал только, как ее дыхание выталкивает меня из комнаты.

Спускаясь по лестнице, я сообразил, что так и не узнал фамилию старика, утонувшего в лавиной клетке с горстью не нашедших применения конфетти от трамвайных билетов в каждом кармане.

Я отыскал его комнату, но толку от этого не было.

Его фамилии там не будет, так же как и его самого.

Все всегда начинается хорошо. Но как редко история людей, история маленьких и больших городов имеет счастливый конец.

Все разваливается, преобразуется до неузнаваемости. Расползается. Распадается связь времен. Молоко скисает. По ночам в морозящем тумане провода, натянутые на высоких столбах, рассказывают страшные истории. Вода в каналах слепнет от пены.

Чиркнешь по кремню, а искры нет. Ласкаешь женщину, и никакого тепла в ответ.

Внезапно кончается лето.

Зима пробирает до мозга костей.

И наступает черед стены.

Стены, что находится в комнатке, где от грохота пронесшихся мимо больших красных трамваев вы мечетесь, словно в кошмаре, в холодной железной кровати на содрогавшемся нижнем этаже своих, вряд ли королевских, Апартаментов Имени Погибших Канареек в доме, номер которого свалился с фасада, а табличка с названием улицы на углу так перекосилась, что указывает не на север, а на восток, и теперь, если кто-то когда-нибудь захочет найти вас, он свернет не туда, куда надо, и исчезнет навсегда.

Но зато у вас есть стена возле кровати. Можно читать ее слезящимися глазами или протянуть к ней руку, но так и не достать: слишком она далеко, слишком глухая, слишком пустая.

Я знал, что, раз я нашел комнату старика, я найду в ней и эту стену.

И нашел.

Дверь, как и все двери в этом доме, оказалась незапертой, словно комната ждала, что в нее забредет ветер, или туман, или какой-нибудь бледный незнакомец.

Забрел я. И замешкался в дверях. Может быть, я ожидал, что найду здесь на пустой койке рентгеновский снимок старика? Его комната, как и комната леди с канарейками наверху, напоминала о распродажах домашнего скарба, когда к концу не остается ничего — за гроши растаскивают все подряд.

Здесь на полу не валялось даже зубной щетки, не было ни мыла, ни мочалки. Видно, старик мылся раз в день в море, чистил зубы пучком водорослей и стирал единственную рубашку в соленых волнах, а потом раскладывал ее на песке в дюнах, ложился рядом и ждал, пока она высохнет на солнце, если, конечно, оно появится.

Я двинулся вперед, словно нырнул в пучину. Если вы знаете, что человек мертв, воздух в покинутом им помещении противится каждому вашему движению, даже мешает дышать.

Я чуть не задохнулся.

Моя догадка оказалась неверна.

Потому что фамилию старика я увидел на стене. И чуть не упал, когда наклонился, чтобы прочесть ее.

Имя повторялось снова и снова, оно было нацарапано на штукатурке в дальнем от кровати конце стены. Снова и снова. Словно человек боялся, что выживет из ума или будет забыт; словно страхась, что однажды утром проснется безымянным, он снова и снова царапал стену пожелтевшим от никотина ногтем.

«Уильям». А потом «Уилли», затем «Уилл», а под этими именами — «Билл».

А потом снова, снова и снова.

«Смит», «Смит», «Смит», «Смит».

А в самом низу: «Уильям Смит».

И «Смит У.».

Эта его таблица умножения плыла у меня перед глазами. Я вглядывался в нее, а она то становилась совсем неразличимой, то вновь обретала четкость. Потому что я представлял себе все те ночи, когда и сам боялся заглянуть вперед, в темную бездну моего будущего. Боялся увидеть себя в 1999 году, одинокого, царапающего ногтем штукатурку, словно скребущаяся мышь.

— Боже мой, — прошептал я. — Ну-ка постой!

Койка взвизгнула подо мной, как потревоженная во сне кошка. Я навалился на нее всей своей тяжестью и шарил пальцами по штукатурке. Там были какие-то слова. Письмо? Намек? Улика?

И я вспомнил любимый детьми фокус. Просишь приятелей написать что-нибудь в блокноте, вырвать страничку и разорвать ее. Потом уходишь с блокнотом в другую комнату, проводишь мягким карандашом по бесцветным отпечаткам на чистой странице раз, другой и, возвращаясь, объявляешь, что было написано.

Это я сейчас и проделал. Достал карандаш и осторожно начал водить тупым грифелем по стене. Проявились сделанные ногтем царапины: обрисовался рот, потом глаз, какие-то полосы и круги, обрывки стариковской полудремы.

«Четыре часа ночи, а сна нет».

Чуть ниже едва различаемая мольба:

«Господи! Помоги уснуть!»

А на рассвете отчаянное:

«Господи Иисусе!»

И наконец под этими словами я увидел то, что будто ударило меня под колени, и я присел. Потому что на стене было нацарапано:

«Он снова стоит в холле».

«Да ведь это обо мне, — промелькнуло у меня в мозгу. — Это же я пять минут назад стоял наверху перед дверью старухи. И минуту назад — перед этой дверью. И...»

Прошлая ночь. Трамвай. Дождь. Огромный вагон грохочет по рельсам, скрипят и стонут деревянные части, сотрясаются потускневшие металлические детали, а кто-то невидимый раскачивается в проходе у меня за спиной, оплакивая похоронный рейс трамвая.

«Он снова стоит в холле».

А тот стоял в проходе у меня за спиной.

Нет, нет, это уж слишком!

Ведь не преступление же — правда? — испускать стоны в вагоне трамвая? Или стоять в холле, глядя на дверь, одним своим молчанием давая понять старику, что ты здесь.

Правда! Не преступление. Но что, если этот кто-то однажды ночью все-таки вошел в комнату?

И занялся своим «одиноким делом»?

Я снова вгляделся в надпись, такую же выцветшую, едва заметную, как объявление о продаже канареек на окне. И попятился, стремясь уйти, вырваться из жуткой комнаты человека, приговоренного к одиночеству и отчаянию.

Выйдя в холл, я постоял, принюхиваясь к воздуху, пытаюсь угадать, приходил ли сюда снова и снова в последнее время тот, другой, лицо которого едва скрывало череп.

Мне захотелось вихрем взлететь по лестнице и закричать так, чтобы затряслись птичьи клетки:

— Ради всего святого, если тот человек придет опять, позвоните мне!

Но как? В холле я видел пустую подставку для телефона, а под ней — «Желтые страницы» за 1933 год.

Тогда хотя бы крикните в окно!

Но кто услышит ее голос, слабый, как скрип старого ключа в ржавом замке?

«Ладно, — подумал я, — приеду и буду караулить». Только зачем?

Да затем, что эта словно поднятая с морского дна мумия, эта по-осеннему пожелтевшая, обряженная для похорон старуха, лежащая наверху, молит о том, чтобы к ней по лестнице поднялся холодный ветер.

«Запереть все двери?» — подумал я.

Но когда попытался плотнее закрыть входную дверь, у меня ничего не вышло.

И я слышал, как холодный ветер по-прежнему шепчет в доме.

Пробежав часть пути, я замедлил шаг, остановился и взял было курс на полицейский участок.

Однако у меня в ушах зашуршали сухими крыльями мертвые канарейки.

Они рвались на волю. И только я мог их спасти.

И еще я почувствовал, как вокруг меня тихо плещутся воды Нила, поднимая ил со дна, и он, того и гляди, поглотит и сотрет с лица земли древнюю Никотрис — дочь египетского фараона, которой уже две тысячи лет.

Только я мог не дать черным водам Нила унести ее вниз по течению и засыпать песком.

И я побежал к своему «Ундервуду».

Начал печатать и спас птиц.

Напечатал еще пару страниц и спас старые высохшие кости.

Чувствуя свою вину и в то же время торжествуя, торжествуя и чувствуя вину, я вынул листы из машинки, расправил и уложил в ящик, где из птичьих клеток и речного песчаника слагался мой роман, где птицы начинали петь, только когда вы читали напечатанное, а шепот со дна слышался, лишь когда переворачивали страницы.

И, воодушевленный тем, что спас всех, вышел из дому.

Я шел в полицейский участок, обуреваемый грандиозными фантазиями, безумными идеями, вооруженный невероятными уликами, совершенно очевидными решениями возможных загадок.

Я прибыл туда, чувствуя себя сверхловким акробатом, выделяющим сверхсложные трюки на сверхненадежной трапедии, подвешенной к огромному воздушному шару.

Откуда мне было знать, что сыщик — лейтенант Элмо Крамли — вооружен длинными иглами и духовым ружьем?

Когда я появился, он как раз выходил из участка.

Видно, выражение моего лица подсказало ему, что я готов обрушить на него свои наблюдения, фантазии, концепции, улики. Он поспешно вытер лицо, чуть не нырнул обратно в участок и осторожно пошел по дорожке, словно приближался к бомбе.

— Вы-то что тут делаете?

— А разве от граждан не ждут, что они явятся, если могут разгадать убийство?

— Где вы нашли убийство? — Крамли обозрел окрестный пейзаж и убедился, что трупов не видно. — Что имеете сказать еще?

— Вы не хотите выслушать то, что мне известно?

— Все это я уже слышал. — Крамли прошел мимо меня и направился к стоящей у поребрика машине. — Стоит кому-нибудь у нас в Венеции отдать концы от сердечного приступа или оттого, что наступил на свои же шнурки, на следующий день ко мне являются доброхоты с советами, как распутать загадку, отчего остановилось сердце или запутались шнурки. И у вас на лице написано, что вас одолевают эти сердечно-шнурочные заботы. А я не спал всю ночь.

Крамли говорил на ходу, и мне приходилось бежать за ним, так как, подобно Гарри Трумэну, он делал сто двадцать шагов в минуту.

Услышав, что я следую за ним, Крамли бросил через плечо:

— Вот что я вам скажу, юный папа Хемингуэй...

— Вы знаете, как я зарабатываю на жизнь?

— Все в Венеции это знают. Вы же вопите на весь город, стоит вам напечатать рассказ в «Дешевом детективном журнале» или в «Детективах Флина», и тычете пальцем в эти журналы у газетной стойки.

— Ой! — воскликнул я: из моего воздушного шара вытекли остатки горячего воздуха. Приземлившись, я остановился возле автомобиля Крамли напротив сыщика, закусив нижнюю губу.

Крамли это заметил, и у него сделался отечески виноватый вид.

— Господи Иисусе! — вздохнул он.

— Что?

— Вы знаете, за что я не терплю сыщиков-любителей? Почему они у меня в печенках сидят? — спросил Крамли.

— Но я-то не сыщик-любитель. Я — профессиональный писатель, у меня, как у насекомого, усики-антенны, и они мне хорошо служат.

— Значит, вы просто кузнечик, умеющий печатать, — проговорил Крамли и подождал, пока я проглочу обиду. — А вот если бы вы поболтались с мое по Венеции, посидели бы в моей конторе и побегали в морг, вы бы знали, что у любого проходящего мимо бродяги, у любого еле стоящего на ногах пьяницы столько теорий, доказательств, откровений, что их хватило бы на целую Библию, под их тяжестью потонула бы лодка на баптистском воскресном пикнике. Если бы мы слушали каждого болтуна-проповедника, прошедшего через тюремные двери, так полмира оказалось бы под

подозрением, треть — под арестом, а остальных пришлось бы сжечь или повесить. А раз так, чего ради мне слушать какого-то юного писака, который даже еще не зарекомендовал себя в литературе?

Я снова моргнул от обиды, он снова сделал паузу.

— Писаку, который, найдя львиную клетку со случайно утонувшим стариком, уже вообразил, будто наткнулся на «Преступление и наказание», и мнит себя сыном Раскольникова. Все. Речь закончена. Жду реакции.

— Вы знаете про Раскольникова? — изумился я.

— Знал еще до вашего рождения. Но на это овса не купишь. Защищайте вашу версию.

— Я — писатель. О чувствах я знаю больше, чем вы.

— Вздор. Я — детектив. И о фактах знаю больше, чем вы. Бойтесь, что факты соьют вас с толку?

— Я...

— Малыш, скажите мне вот что. Когда-нибудь что-нибудь с вами случилось?

— Что-нибудь?

— Ну да. Что-нибудь. Важное, или не очень, или незначительное. Ну что-нибудь вроде болезней, насилия, смертей, войны, революции, убийства?

— У меня умерли отец и мать...

— Естественной смертью?

— Да. Но одного моего дядю застрелили во время налета...

— Вы видели, как его застрелили?

— Нет, но...

— Ну так вот. Если не видели, не считается. Я хочу спросить: а прежде вам случалось находить людей в львиных клетках?

— Нет, — признался я, помолчав.

— Ну вот видите. Вы до сих пор в шоке. Вы еще не знаете жизни. А я родился и вырос в морге. Вы же сейчас впервые столкнулись с мраморным столом. Так, может быть, успокойтесь и пойдете домой?

Он понял, что его голос стал звучать слишком громко, покачал головой и закончил:

— Почему бы и мне не успокоиться и не поехать домой?

Так он и сделал. Открыл дверцу, прыгнул на сиденье, и не успел я снова надуть свой воздушный шар, как его и след простыл.

Чертыхаясь, я с силой захлопнул за собой дверь телефонной будки, бросил в прорезь монету в десять центов и набрал номер телефона, находящегося за пять миль от меня, в Лос-Анджелесе. Когда на другом конце провода сняли трубку, я услышал, что по радио звучит итальянская песенка, услышал, как хлопнула дверь, как спустили воду в уборной. Но при этом я знал, что там меня ждет солнце, в котором я так нуждался.

Леди, проживающая в этом многоквартирном доме на углу Темпла и улицы Фигуэроя, вспугнутая телефонным звонком, откашлялась и проговорила:

— Que?*

— Миссис Гутьеррес! — заорал я. — Миссис Гутьеррес! Это Чокнутый.

— О, — выдохнула она и засмеялась. — *Si, sí***. Хотите говорить с Фанни?

— Нет, нет, просто покричите ей. Пожалуйста, миссис Гутьеррес!

— Кричу.

Я услышал, как она отошла от телефона, как накренилось ветхое, дышашее на ладан здание. Когда-нибудь ему на крышу сядет черный дрозд и оно рухнет. Услышал, как маленькая собачонка чихуахуа, похожая на веселого шмеля, затопотала по линолеуму вслед за хозяйкой, словно отплясывала чечетку, и залаяла.

Услышал, как открылась дверь на галерею, — это миссис Гутьеррес вышла, чтобы со своего этажа, перегнувшись через перила в солнечный колодез, крикнуть второму этажу:

— Эй, Фанни! Эй! Там Чокнутый.

Я закричал в трубку:

— Скажите, мне нужно нанести визит!

Миссис Гутьеррес подождала. Я услышал, как на галерее второго этажа заскрипели половицы, как будто могучий капитан вышел на мостик обозреть окрестности.

— Эй, Фанни! Чокнутый говорит, что хочет нанести визит.

Долгое молчание. Потом над двором прозвенел чистый голос. Слов я не разобрал.

* Здесь: Алло (исп.).

** Да (исп.).

— Скажите, мне нужна «Тоска»!

— «Тоска»! — прокричала миссис Гутьеррес во двор.

Снова долгое молчание.

Весь дом опять накренился, теперь в другую сторону, словно земля повернулась в полуденной дремоте.

Снизу мимо миссис Гутьеррес проплыло несколько тактов из первого действия «Флории Тоски». Миссис Гутьеррес вернулась к трубке:

— Фанни говорит...

— Слышу, миссис Гутьеррес. Эта музыка означает согласие.

Я повесил трубку. В то же мгновение в нескольких ярдах от меня удивительно вовремя на берег обрушилось до ста тысяч тонн соленой воды. Я склонил голову перед пунктуальностью Господа Бога.

Убедившись, что в кармане завалялось двадцать центов, я бегом бросился к трамваю.

Она была необъятна.

По-настоящему ее звали Кора Смит, но она нарекла себя Фанни Флорианной, и никто не обращался к ней иначе. Я знал ее с давних пор, когда сам жил в этом доме, и не порывал дружбы с ней после того, как переехал к морю. Фанни была такая тучная, что даже спала сидя, не ложилась никогда. Днем и ночью она сидела в огромном капитанском кресле, чье место на палубе ее квартиры было навсегда обозначено царапинами и выбоинами на линолеуме, возникшими под чудовишным весом хозяйки. Фанни старалась как можно меньше двигаться: выплывая в холл и протискиваясь к тесному ватерклозету, она задыхалась, в легких и горле у нее клокотало; она боялась, что когда-нибудь позорно застрянет в уборной.

— Боже мой, — часто говорила она, — какой ужас, если придется вызывать пожарных и вызволять меня оттуда.

Она возвращалась в свое кресло, к радиоприемнику, к патефону и холодильнику, до которого можно было дотянуться не вставая, — он ломился от мороженого, майонеза, масла и прочей убийственной еды, поглощаемой ею в убийственных количествах. Фанни все время ела и все время слушала музыку. Рядом с холодильником висели книжные полки без книг, но уставленные тыся-

чами пластинок с записями Карузо¹⁷, Галли-Курчи¹⁸, Суартхаут¹⁹ и всех остальных. Когда в полночь последняя ария была спета и последняя пластинка, шипя, останавливалась, Фанни погружалась в себя, словно застигнутый темнотой слон. Большие кости удобно устраивались в необъятном теле. Крутое лицо, как полная луна, обозревало обширные пространства требовательной плоти. Опираясь спиной на подушки, Фанни тихо выдыхала воздух, шумно вдыхала его, опять выдыхала. Она боялась погибнуть под собственным весом, как под лавиной. Ведь если она случайно откинется слишком далеко, ее телеса поглотят и сокрушат ее легкие, навеки заглушат голос, навсегда погасят свет. Фанни никогда об этом не говорила. Страх перед собственным весом-убийцей всегда был рядом. Фанни боялась засыпать под тяжестью своей плоти. А утром просыпалась, радуясь, что еще одна ночь миновала и она благополучно пережила ее.

В переулке возле дома ждал своего часа ящик от рояля.

— Слушай, — говорила Фанни, — когда я умру, притащи этот ящик наверх, засунь меня в него и спусти вниз. И раз уж ты здесь, добрая душа, достань-ка мне банку майонеза и большую ложку.

У входной двери в дом я постоял и прислушался.

Голос Фанни лился с этажа на этаж. Прозрачный, как вода горного потока, он каскадами струился со второго этажа на первый и заполнял вестибюль. Этот голос хотелось пить, такой он был чистый.

Фанни.

Когда я поднимался на первый этаж, она выводила трели из «Травиаты». Поднимаясь на второй, я остановился и заслушался, прикрыв глаза. Мадам Баттерфляй приветствовала входящий в гавань белоснежный корабль и лейтенанта, тоже во всем белом.

То был голос хрупкой японской девушки, лившийся с холма, куда она поднялась весенним вечером. Фотография этой девушки стояла на столике возле окна, выходящего на галерею второго этажа. Тогда ей было семнадцать лет, и она весила от силы сто двадцать фунтов, но с тех пор прошло много времени. Голос вел меня наверх по старой темной лестнице и сулил близкое счастье.

Я знал, что стоит мне подойти к дверям, и пение прекратится.

— Фанни, — говорил я обычно, — по-моему, здесь только что кто-то пел.

— Неужели?

— Что-то из «Баттерфляй».

— Как странно. Интересно, кто бы это мог быть?

Мы играли в эту игру годами, говорили о музыке, обсуждали симфонии, балеты и оперы, слушали музыку по радио, заводили старенький, растрескавшийся эдисоновский патефон и ставили пластинки, но никогда, ни разу за три тысячи дней Фанни не пела при мне.

Однако сегодня все было иначе.

Я поднялся на второй этаж, и пение прекратилось. Наверно, она задумалась, решая, что делать дальше. Может быть, взглянув в окно, увидела, как медленно я бреду по улице к дому. Может быть, угадала мои тайные мысли. Может быть, когда я звонил с другого конца города, мой голос (но это невозможно!) донес до нее печаль и шум дождя прошлой ночи. Но как бы то ни было, в цветущем, необъятном теле Фанни Флорианны всколыхнулась мощная интуиция, и Фанни вознамерилась удивить меня.

Я стоял у ее дверей и прислушивался.

Что-то заскрипело, словно большой корабль с трудом прокладывает себе путь по волнам. За дверью настояжилась чуткая совесть.

Тихо зашипел патефон!

Я постучал.

— Фанни! — крикнул я. — Это Чокнутый!

— *Voilà!*

Она открыла дверь, и на меня, как раскаты грома, обрушилась музыка. Эта необыкновенная женщина сперва поставила тонко заточенную деревянную иголку на шипящую пластинку, придвинулась к двери и, схватившись за ручку, выжидала. Как только палочка дирижера метнулась вниз, она распахнула дверь во всю ширь. Из комнаты вырвалась музыка Пуччини, обволокла меня, повлекла за собой. Фанни Флорианна помогла ей.

* Здесь: Прошу! (фр.)

Звучала первая сторона пластинки «Флория Тоска». Фанни усадила меня на шаткий стул, взяла мою пятерню и сунула в нее стакан хорошего вина.

— Я же не пью, Фанни.

— Глупости. Ты посмотри на себя. Пей!

Она вытанцовывала вокруг меня, как те диковинные гиппопотамы, что легче пушинок молочая порхали в «Фантазии»²⁰, и опустилась, как поразительно странная перина, на свое безответное кресло.

К концу пластинки я залился слезами.

— Ну, ну, — зашептала Фанни. — Ну, ну!

— Я всегда плачу, когда слушаю Пуччини, Фанни.

— Да, дорогой, но не так горько.

— Это правда, не так горько.

Я отпил половину второго стакана. Это был «Сент-Эмильон»²¹ 1933 года из хорошего виноградника, его привез и оставил Фанни кто-то из ее богатых друзей. Они приезжали сюда через весь город, рассчитывая душевно поболтать, весело посмеяться, вспомнить лучшие для них времена, не думая о том, чей доход выше. Однажды вечером я увидел, как к ней поднимаются какие-то родственники Тосканини, и остался ждать внизу. Видел, как от нее спускается Лоуренс Тиббет²², — проходя мимо меня, он кивнул. Приезжая поболтать, они всегда привозили лучшие вина и уходили, улыбаясь. Центр мира может быть где угодно. Здесь он находился на втором этаже дома, где сдаются квартиры, расположенного не в лучшем районе Лос-Анджелеса.

Я смахнул слезы рукавом.

— Выкладывай, — приказала великая толстуха.

— Я нашел мертвеца, Фанни. И никто не желает меня выслушать.

— Господи! — У Фанни открылся рот, и круглое лицо стало еще круглее. Глаза тоже округлились и потеплели от сочувствия.

— Бедный мальчик. Кто это был?

— Один из тех милых стариков, что собираются в билетной кассе на трамвайной остановке в Венеции, они сидят там с тех пор, как Билл Санди²³ рассуждал о Библии, а Уильям Дженнингс Брайан²⁴ выступил со своей знаменитой речью о золотом кресте. Этих стариков я видел там еще мальчишкой. Их четверо. Такое

ощущение, будто они приклеились к деревянным скамьям и будут сидеть там вечно. Ни разу не видел никого из них в городе, они нигде мне не встречались. Сидят в кассе целыми днями, неделями, годами, курят трубки или сигары, рассуждают о политике, разбирая всех по косточкам, решают, что делать со страной. Когда мне было пятнадцать, один из них посмотрел на меня и сказал: «Вот вырастешь, мальчик, и, наверно, постарайся изменить мир к лучшему, правда?» — «Да, сэр!» — ответил я. — «Думаю, у тебя получится, — сказал он. — Как по-вашему, джентльмены?» — «Еще бы», — ответили старики и улыбнулись мне. И вот как раз этого старика, что задавал мне вопросы, я и нашел вчера ночью в львиной клетке.

— В клетке?

— Под водой в клетке.

— Ну, знаешь, я вижу, без второй стороны «Тоски» тут не обойтись!

Фанни, как смерч, поднялась с кресла, стремительно, как огромная приливная волна, подкатилась к патефону, с силой pokrutila ручку и, как Божье благословение, осторожно опустила иголку на перевернутую пластинку.

Под звуки первых аккордов она вернулась в кресло, словно корабль-призрак, царственная и бледная, спокойная и сосредоточенная.

— Я знаю, почему ты так тяжело это переживаешь, — сказала она. — Из-за Пег. Она все еще в Мехико? Учится?

— Уехала три месяца назад. Все равно что три года, — ответил я. — Господи, я такой одинокий!

— И все тебя задевает, — добавила Фанни. — Может, позвонишь ей?

— Да что ты, Фанни! Я не могу себе этого позволить. И не хочу, чтобы она платила за мой звонок. Остается надеяться, что она сама на днях позвонит.

— Бедный мальчик! Болен от любви!

— Болен от смерти! И что отвратительно, Фанни, я даже не знал, как звали этого старика. Позор, правда?

Вторая часть «Тоски» меня доконала. Я сидел, опустив голову, слезы струились по лицу и с кончика носа капали в стакан с вином.

— Ты испортил свой «Сент-Эмильон», — мягко упрекнула меня Фанни, когда пластинка закончилась.

— Я просто бешусь от злости, — признался я.

— Почему? — удивилась Фанни. Она, словно большое гранатовое дерево, отягощенное плодами, склонилась над патефоном, подтачивала новую иголку и искала пластинку повеселее. — Почему?

— Фанни, старика кто-то убил. Кто-то засунул его в эту клетку. Как бы он сам туда попал?

— О боже! — простонала Фанни.

— Когда мне было двенадцать, моего дядю — он жил на Востоке — поздно ночью застрелили во время налета, прямо в машине. На похоронах мы с братом поклялись, что найдем убийцу и разделаемся с ним. Но убийца до сих пор гуляет на свободе. Это было давно и в другом городе. А сейчас убийство произошло здесь. Кто бы ни утопил старика, он живет в Венеции, в нескольких кварталах от меня. И когда я найду его...

— Ты передашь его полиции, — перебила меня Фанни и с тяжелой плавностью подалась вперед. — Тебе надо хорошенько выспаться, сразу почувствуешь себя лучше.

Она внимательно изучала мое лицо.

— Нет, — вынесла она окончательный приговор. — Лучше ты себя не почувствуешь. Ладно, делай что хочешь. Будь дураком, как все мужчины. Господи, каково нам, женщинам, наблюдать, как вы, идиоты, убиваете друг друга, как убийцы убивают убийц. А мы стоим рядом, умоляем прекратить это, и никто нас не слышит. Почему ты-то не хочешь меня послушаться, любовь моя?

Она поставила другую пластинку и осторожно, словно даря поцелуй, опустила на нее иголку, а потом добралась до меня и потрепала по щеке своими длинными розовыми, как хризантема, пальцами.

— Пожалуйста, будь осторожен. Не нравится мне ваша Венеция. Улицы там плохо освещены. И эти проклятые насосы! Все ночи напролет качают нефть, качают не переставая. От их стонов нет спасения.

— Венеции я не боюсь, и того, кто там рыскает, тоже, — сказал я.

А сам подумал: «Того, кто стоит в холлах у дверей стариков и старух и ждет».

Возвышавшаяся надо мной Фанни сразу стала похожа на огромный ледник.

Наверно, она снова вгляделась в мое лицо, по которому можно читать, как по книге. Я ничего не могу скрыть. Инстинктивно она бросила взгляд на дверь, как будто за ней мелькнула чья-то тень. Ее интуиция ошеломила меня.

— Что бы ты ни делал, — голос Фанни звучал глухо, затерявшись в глубинах ее многопудового, вдруг насторожившегося тела, — сюда приносить не вздумай.

— Смерть нельзя принести, Фанни.

— Еще как можно. Вот и вытри ноги, когда будешь входить в дом. У тебя есть деньги, чтобы отдать костюм в чистку? Могу немного дать. Доведи до блеска ботинки. Почисти зубы, никогда не оглядывайся. Глаза могут убить. Если на кого-нибудь помотришь и он увидит, что ты хочешь, чтобы тебя убили, он пойдет за тобой. Приходи ко мне, дорогой мальчик, но сначала вымойся и, когда пойдешь сюда, смотри только вперед.

— Ерунда, Фанни, бред собачий. Это смерть не остановит, ты и сама прекрасно знаешь. Но все равно я ничего не притащу к тебе, кроме самого себя, Фанни, и моей любви, как все эти годы.

Мои слова растопили гималайские льды.

Фанни медленно повернулась, как большая карусель, и тут мы оба вдруг услышали музыку: пластинка, оказывается, уже не шипела, а давно играла.

«Кармен».

Фанни Флорианна запустила пальцы за пазуху и извлекла черный кружевной веер: легкое движение — и он раскрылся, как распутившийся цветок. Фанни кокетливо повела им перед лицом, и глаза ее зажглись азартным огнем фламенко, она скромно опустила веки и запела, ее пропавший голос возродился вновь, свежий, как прохладный горный ручей, молодой, каким был я сам всего неделю назад.

Она пела. Пела и двигалась в такт.

Мне казалось, будто я вижу, как медленно поднимается тяжелый занавес «Метрополитен-опера» и окутывает Гибралтарскую скалу, вижу, как он колышется и кружится, подчиняясь движению

ям одержимого дирижера, способного зажечь энтузиазмом танцующих слонов или вызвать из океанских глубин стадо белых китов, пускающих фонтаны воды.

К концу первой арии у меня снова полились слезы.

На этот раз от смеха.

Только потом я подумал: «Господи боже мой! Впервые! У себя в комнате! Она пела!»

Для меня.

Внизу на улице день был в разгаре.

Я стоял на залитом солнцем тротуаре, покачиваясь, смакуя оставшийся во рту вкус вина, и смотрел на второй этаж.

Оттуда неслась прощальная ария. Мадам Баттерфляй расставалась с молодым лейтенантом — весь в белом, он покидал ее навсегда.

Мощная фигура Фанни возвышалась на балконе; она смотрела вниз, ее маленький, похожий на розовый бутон рот печально улыбался: юная девушка, томившаяся за крутым, словно полная луна, расплывшимся лицом, давала мне понять, что музыка, звучащая в комнате за ее спиной, говорит о нашей дружбе, о том, что на какое-то время расстается и мы.

Глядя на Фанни, я вдруг подумал о Констанции Раттиган, запертой в мавританской крепости на берегу океана. Мне захотелось вернуться и расспросить Фанни, что между ними общего. Но она, прощаясь, помахала рукой. И мне ничего не оставалось, как помахать в ответ.

Теперь погода наладилась, и я был готов вернуться в Венецию.

«Ну, держись, лысеющий коротышка, ты и на детектива-то не похож, — мысленно пригрозил я. — Держись, Элмо Крамли, я еду!»

Но кончилось все тем, что я, как безвольная тряпка, переминался с ноги на ногу перед венецианским полицейским участком.

И ломал себе голову: кто же этот Крамли, скрывающийся за его стенами, — Красавица или Чудовище?

Я слонялся по тротуару, пока из верхнего зарешеченного окошка не выглянул кто-то похожий на Крамли.

И я смылся.

От одной мысли, что он снова раскроет пасть и, как паяльной лампой, опалит персиковый пушок на моих щеках, сердце у меня уходило в пятки.

«Господи, — думал я, — ну когда наконец я решусь встретиться с ним лицом к лицу и выложить свои мрачные догадки, которые копятя у меня в ящике для рукописей, словно пыль на могильной плите? Когда?»

Скоро.

Это случилось той же ночью.

Около двух часов перед моим домом разразился небольшой ливень.

«Глупости! — думал я, не вылезая из постели и прислушиваясь. — Что значит «небольшой ливень»? Насколько «небольшой»? Три фута в ширину, шесть — в высоту, и пролился он всего в одном месте? Дождь промочил только коврик у двери и тут же кончился? Нигде больше не выпало ни капли?»

Вот черт!

Соскочив с кровати, я широко распахнул дверь.

На небе ни облачка. Яркие звезды, ни дымки, ни тумана. Дождя неоткуда было взяться.

Но возле двери поблескивала лужица.

И виднелась цепочка следов, ведущих к дверям, и другая — уходящие следы босых ног.

Наверно, я простоял секунд десять, пока меня не прорвало: «Ну хватит!»

Кто-то стоял возле дверей, мокрый, стоял не меньше чем полминуты, гадал, сплю я или нет, хотел постучать и ушел в сторону океана.

«Нет, — прищурился я. — Не в сторону океана. Океан справа от меня, на западе».

А следы босых ног уходили влево, на восток.

И я последовал за ними.

Я бежал так, словно мог догнать небольшой ливень.

Пока не добежал до канала.

Там следы оборвались на самой кромке берега...

Господи боже мой!

Я уставился вниз на маслянистую воду.

Было видно, в каком месте кто-то вскарабкался на берег и по ночной улице пошел к моему дому, а потом побежал назад — шаги сделались шире. И что?..

Нырнул?

Господи, да кому взбретет в голову плавать в этой грязной воде?

Кому-то, кто ни о чем не думает и не боится заболеть? Кому-то, кто любит появляться по ночам и отбывать в ад то ли ради забавы, то ли в поисках смерти?

Я медленно шел вдоль канала, напрягая глаза, стараясь разглядеть, не нарушится ли где черная поверхность воды.

Приливная волна отхлынула, нахлынула снова, в проржавевшем открытом шлюзе плескалась вода. Проплыла стая мелких тюленей, но оказалось, что это всего лишь плавающие на поверхности водоросли.

«Ты все еще там? — шептал я. — Зачем приходил? Почему ко мне?»

Я втянул в себя воздух и затаил дыхание.

Мне почудилось, будто в выдолбленном в бетоне тайнике, под небольшим цементным бункером, по другую сторону ветхого моста...

Я вижу вихор сальных волос, а пониже лоснящийся лоб. На меня глядели глаза. Это могла быть морская выдра или черный дельфин, почему-то заблудившийся и застрявший в канале.

Голова, наполовину торчавшая из воды, долго оставалась на поверхности.

И я вспомнил, как еще мальчиком читал романы про Африку. Там рассказывалось о крокодилах, обосновавшихся в подводных пещерах по берегам реки Конго. Эти твари забивались в пещеры на дне и лежали там. Они прятались в своих тайных убежищах, выжидая, когда какой-нибудь идиот рискнет проплыть мимо. Тогда рептилии стремительно покидали свои подводные укрытия и пожирали жертву.

Неужели передо мной такой же зверь?

Он любит ночные приливы, прячется в тайниках под берегом, а потом выбирается на сушу и идет, оставляя после себя мокрые следы.

Я следил за черной головой в воде. А она, поблескивая глазами, следила за мной.

Нет. Не может быть, что это человек.

Меня передернуло. Я бросился вперед, как бросаются на что-то страшное, желая его прогнать, как путают пауков, крыс, змей. И не от храбрости — от страха я загопал ногами.

Черная голова скрылась под водой. По воде побежала рябь.

Больше голова не показывалась.

Весь дрожа, я пошел назад по цепочке темных следов ливня, который наведалься к моим дверям.

Маленькая лужица по-прежнему блестела у порога.

Я наклонился и выудил из нее горсточку морских водорослей.

И только тут сообразил, что бегал к каналу и возвращался назад в одних трусах.

Ахнув, я быстро огляделся, улица была пуста. Я вбежал в квартиру и с силой захлопнул дверь.

«Завтра, — думал я, — завтра я потрясу кулаками перед носом у Элмо Крамли.

В правом будут обрывки трамвайных билетов.

В левом — комок мокрых водорослей.

Но в участок я не пойду!

В тюрьмах и больницах я готов сразу грохнуться в обморок.

Но где-то же Крамли живет!

Найду где и потрясу кулаками».

Почти сто пятьдесят дней в году солнце в Венеции не может пробиться сквозь туман до самого полудня.

Почти шестьдесят дней в году оно вообще не может выйти из тумана до четырех-пяти часов, когда ему приходит пора садиться на западе.

Дней сорок оно не показывается вовсе.

В остальное же время, если, конечно, вам повезет, солнце, как в других районах Лос-Анджелеса и во всей Калифорнии, восходит в пять тридцать утра и светит весь день.

Но мрачные сорок или шестьдесят дней выматывают душу, и тогда любители пострелять начинают чистить оружие. Если солнце не выходит на двенадцатый день, старушки отправляются покупать отраву для крыс. Однако если на тринадцатый день, когда они уже готовы высыпать мышьяк себе в утренний чай, вдруг

появляется солнце, недоумевая, чего это все так расстроены, старушки морят крыс у каналов и возвращаются к своему бренди.

Во время сорокадневного цикла туманная сирена, затерянная где-то в заливе, безостановочно воеет и воеет, пока всем не начинает мерещиться, будто на местном кладбище зашевелились покойники. А поздно ночью под неумолчный вой сирены ваше подсознание посылает вам образ какого-то древнего земноводного существа — оно плавает далеко в океане, тоскуя, быть может, только о солнце. Все умные животные перемещаются на юг. А ты остаешься на холодном песке с молчащей пишкой машинкой, с пустым счетом в банке и с постелью, теплой лишь с одной стороны. Ты ждешь, что земноводный зверь всплывет когда-нибудь ночью, пока ты спишь. Чтобы от него отделаться, ты встаешь в три часа ночи и пишешь о нем рассказ, но он лежит у тебя годами, в журналы его не посылаешь, боишься. Не «Смерть в Венеции» следовало назвать свой роман Томасу Манну²⁵, а «Невостребованность в Венеции».

Правда все это или игра воображения, но умные люди предпочитают селиться как можно дальше от океана. Территория, контролируемая венецианской полицией, кончается там же, где кончается туман, — где-то в районе Линкольн-авеню.

У самой границы района, подвластного венецианской полиции и венецианской непогоде, находится сад, который я видел всего один или два раза.

С улицы невозможно было судить, есть ли в этом саду дом. Сад так густо зарос кустами, деревьями, тропическими растениями, пальмами, тростником и папирусами, что прокладывать себе путь через эти заросли пришлось бы с помощью топора. В глубь сада вела не мощеная дорожка, а лишь протоптанная тропинка. Однако дом там все-таки был, он тонул в доходящей до подбородка траве, которую никто никогда не косил, и стоял так далеко от улицы, что казался барахтающимся в нефтяной яме слоном, конец которого близок. Почтового ящика здесь не было. Почтальону приходилось бросать газеты прямо в сад и удирать, пока никто не выскочил из джунглей и не напал на него.

Летом из этого зеленого заповедника доносился запах апельсинов и абрикосов. А если не апельсинов и абрикосов, то кактусов, эпифиллюмов²⁶ или цветущего жасмина. Здесь никогда не стреко-

тала газонокосилка. Не свистела коса. Сюда не добирался туман. Здесь, на границе с вечными в Венеции сырими сумерками, дом благоденствовал среди лимонов, которые сияли, как свечи на рождественской елке.

Временами, когда вы проходили мимо, вам чудилось, будто вы слышите, как в саду, словно по равнине Серенгети²⁷, топая, бегают окапи²⁸; казалось, что на закате в небо взмывают тучи фламинго и кружатся над садом живым огнем.

Вот это-то место, где природа так мудро распоряжается погодой, и облюбовал себе, убажывая свою всегда наполненную солнцем душу, человек лет сорока с небольшим, рано начавший лысеть, со скрипучим голосом. А работал он у океана, вдыхая туман, и по роду работы ему приходилось разбираться с нарушением законов и таможенных правил, а иногда и со смертями, которые могли обернуться убийствами.

И звали этого человека Элмо Крамли.

Я нашел его и его дом благодаря прохожим, которые, выслушав мои вопросы, кивали и показывали, куда идти.

Все как один они сходились на том, что каждый вечер, довольно поздно, приземистый детектив легкими шагами вступает в эти зеленые джунгли и скрывается там под шум крыльев летающих вниз фламинго и тяжело поднимающихся на ноги гиппопотамов.

«Как мне быть? — думал я. — Встать на краю этих диких зарослей и выкрикивать его имя?»

Но Крамли окликнул меня сам:

— Господи помилуй, неужто вы?

Когда я появился у его ворот, он как раз выходил из своих райских кущ по тропинке, заросшей сорняками.

— Я.

Пока детектив продвигался по едва заметной тропинке, мне казалось, я слышу те же звуки, которые мне чудились, когда я проходил мимо: вот скачут газели Сетон-Томпсона²⁹, вот в панике разбегаются полосатые, как кроссворд, зебры, а вот ветер приносит запах золотистой мочи — это львы.

— Сдается мне, — проворчал Крамли, — мы сыграли эту сцену еще вчера. Пришли извиниться? Раздобыли материалы похлеще и посмешней?

— Если вы остановитесь и выслушаете... — начал я.

— Ну и голос у вас, доложу я вам! Недаром одна моя знакомая, что живет в трех кварталах от места, где вы нашли труп, говорит, что ее кошки до сих пор не вернулись домой — так вы напугали их в ту ночь своими воплями. Ладно. Я стою. И что?

При каждом его слове мои кулаки все глубже уходили в карманы спортивной куртки. Почему-то я никак не мог их вытащить. Уткнув подбородок в грудь, отведя глаза, я старался собраться с духом.

Крамли посмотрел на часы.

— В ту ночь у меня за спиной в трамвае кто-то стоял! — внезапно закричал я. — Это он засунул старика в львиную клетку.

— Тише, тише! С чего вы так решили?

Кулаки задвигались у меня в карманах, сжались еще сильнее.

— Я чувствовал, как он протягивает ко мне руки. Чувствовал, как шевелятся его пальцы, словно умоляют. Он хотел, чтобы я обернулся и увидел его. Ведь убийцы все хотят, чтобы их обнаружили?

— Да, по мнению халтурщиков, выдающих себя за психологов. Чего ж вы на него не поглядели?

— С пьяными стараешься не встречаться глазами. Еще усядутся рядом, начнут дышать на тебя.

— Верно. — Крамли позволил себе проявить некоторую заинтересованность. Он вытащил кисет, бумагу и стал сворачивать сигарету, намеренно не глядя на меня. — И что?

— Слышали бы вы его голос! Тогда поверили бы. Господи, да он был точь-в-точь тень отца Гамлета, взывающая из могилы: «Помни обо мне!» Но этот-то просто молил: «Посмотри на меня! Узнай меня! Арестуй!»

Крамли закурил и сквозь дым взглянул на меня.

— Да от его голоса я за несколько секунд состарился на десять лет, — продолжал я. — В жизни не был так уверен, что моя интуиция меня не обманывает.

— Интуиция есть у всех. — Крамли изучал свою сигарету, словно не мог решить, нравится она ему или нет. — И бабушки у всех сочиняют рекламные стишки к пшеничным и прочим хлопьям и долдонят их целыми днями, так что руки чешутся прибить старушек. Каждый дурак воображает, будто он может с успехом

совмешать в себе поэта, сочинителя песенок и сыщика-любителя. Знаете, о чем вы напомнили мне, сынок? О том, как целое скопище идиотов атаковало Александра Попа³⁰, размахивая своими поэмами, романами, очерками и требуя у него совета. Поп в конце концов разъярился и написал «Опыт о критике».

— Вы знаете Попа?

Крамли сокрушенно вздохнул, бросил сигарету и наступил на нее.

— А по-вашему, детективы — это легавые и мозги у них как замазка? Что же до Попа... Господи! Да я еще юнцом читал его по ночам под одеялом, чтобы мои не подумали, будто я спятил. А теперь прочь с дороги!

— Вы хотите сказать, что я зря стараюсь? — воскликнул я. — И даже не попытаетесь спасти старика?

И сам вспыхнул, услышав свои слова.

— Я имею в виду...

— Знаю, что вы имеете в виду, — терпеливо проговорил Крамли.

Он смотрел вдоль улицы, словно видел там, вдалеке, мой дом, письменный стол и машинку на нем.

— Вы зациклились на какой-то удачной мысли, вернее, вообразили, что она удачная. И вас залихорадило. Наверно, вам сейчас хочется только одного: вскочить в большой красный трамвай, поймать этого пьяницу и задержать его. Но если вы и вскочите туда, его там не окажется, а если окажется, то выяснится, что это не тот пьяница или вы его просто не узнаете. Вот вы и сбиваете пальцы в кровь, колотя по клавишам своего «Ундервуда», ведь материал «идет здорово», как говорит Хемингуэй, а ваша интуиция отрастила такие щупальца — чувствительней не бывает! Но все это бредни, и я не дам за них даже трех центов.

Крамли стал обходить свою машину, в точности как во время нашей вчерашней катастрофической встречи.

— Нет-нет, постойте! — закричал я. — Не вздумайте снова удрать! Да вы... знаете... что с вами? Вы просто ревнуете!

Крамли так круто повернул голову, что она чуть не оторвалась.

— Я... что?!

Мне показалось даже, что его рука дернулась к револьверу, которого не было.

— И... и... — совсем запутался я. — У вас все равно ничего не выйдет!

Моя наглость потрясла его. Он вытянул шею и уставился на меня поверх машины.

— Не выйдет что?

— Что бы вы ни затеяли! Ничего не получится! — выкрикнул я.

И сам онемел от изумления. Не помню, чтобы я когда-нибудь так орал на кого-то. В школе я был пай-мальчиком и тихоней. Стоило кому-то из учительниц нахмурить брови, и я замирал. А тут пожалуйста...

— Пока вы не научитесь, — начал я, запинаясь и заливаясь краской, — пока не научитесь прислушиваться к желудку, а не к голове...

— Смотри «Философские советы своим равным сыщикам». — Крамли прислонился к машине, словно без нее он тут же грохнулся бы наземь. Фыркнув, он прикрыл рот ладонью и, давясь от смеха, пробормотал: — Продолжайте.

— Да вы же не хотите слушать.

— Давненько мне не приходилось смеяться от души, малыш.

Губы у меня снова склеились, я закрыл глаза.

— Продолжайте, — уже мягче сказал Крамли.

— Просто, — медленно начал я, — я уже давно понял, что чем больше думаю, тем хуже у меня идет работа. Все считают, что нужно думать целыми днями. А я целыми днями чувствую и запоминаю, пропускаю через себя и записываю, а обдумываю все это в конце дня. Обдумывать надо потом.

Лицо Крамли как-то странно засветилось. Он склонил голову набок, поглядел на меня, потом склонил ее на другой бок — точь-в-точь обезьяна в зоопарке, когда она смотрит на вас сквозь прутья клетки и гадает, что это за диковинный зверь там, снаружи?

Затем, ни слова не говоря, не засмеявшись, даже не улыгнувшись, Крамли уселся в машину, спокойно включил зажигание, мягко нажал на газ и медленно, очень медленно тронулся с места.

Проехав яров двадцать, он затормозил, немного подумал, дал задний ход, повернулся, чтобы посмотреть на меня, и закричал:

— Святой Боже Иисусе! А доказательства? Черт вас побери! Доказательства где?

И я с такой поспешностью вытащил из кармана правый кулак, что чуть не разорвал куртку.

Я выставил кулак вперед и наконец-то разжал дрожащие пальцы.

— Вот одно, — сказал я. — Вам известно что-нибудь про это? Нет. А мне известно? Да. Знаю я, кто этот старик? Знаю. А вы знаете его фамилию? Нет!

Крамли положил голову на скрещенные на руле руки и вздохнул.

— Ладно. Выкладывайте.

— Это, — начал я, глядя на комочки мусора в руке, — это маленькие А, крошечные Б и тоненькие В. Целый алфавит, буквы, выбитые компостером из трамвайных билетов... Вы ездите на машине и давно всего этого не видели. А я, бросив ролики, только и делаю, что хожу пешком или езжу на трамвае. Я в этих бумажках по самые уши!

Крамли медленно поднял голову, стараясь не выказывать своего интереса и нетерпения.

Я продолжал:

— Этот старик всегда набивал такими бумажками свои карманы на трамвайной остановке. Он разбрасывал их, как конфетти, в канун Нового года и в июле и кричал: «Счастливого Четвертого июля!»³¹ Когда я увидел, как вы выворачиваете карманы этого бедняги, я сразу понял, что знаю, кто это. Ну, что скажете?

Наступило долгое молчание.

— Черт! — Казалось, Крамли молится про себя: глаза у него закрылись, как мои всего минуту назад. — Помогите мне, Господи! Садитесь.

— Что?

— Садитесь, черт побери! Придется вам доказать то, что вы сейчас сказали. Вы думаете, я идиот?

— Да. То есть, я хочу сказать, нет. — Я с трудом открыл дверцу, так как все еще прятал левый кулак в кармане. — А вот эти водоросли сегодня ночью кто-то оставил возле моих дверей и...

— Заткнитесь и возьмите карту.

Машина рванулась вперед.

Я вскочил в нее в последний момент и порадовался, что успел застегнуть ремень.

Мы с Элмо Крамли вошли в пропахшее табаком помещение, где днем всегда было темно, как на чердаке.

Крамли взглянул на пустующее место между стариками — они клонились друг к другу, словно высохшие плетеные стулья.

Крамли шагнул вперед и, протянув руку, показал им слипшиеся буквы-конфетти.

У стариков было уже два дня, чтобы собраться с мыслями и подумать о пустующем между ними месте.

— Сукин сын, — прошептал кто-то из них.

— Если коп, — проговорил другой, блеснув глазами на бумажную массу в руке Крамли, — если коп показывает мне это — значит, он нашел это в карманах Уилли. Хотите, чтобы я его опознал?

Двое других стариков отвернулись от говорившего, как будто он сказал что-то неприличное.

Крамли кивнул.

Старик трясущимися руками оперся о трость и стал подниматься. Крамли попытался было ему помочь, но старик наградил его таким яростным взглядом, что детектив отступил.

— Обойдусь!

Старик с силой застучал палкой по деревянному полу, словно хотел наказать его за плохие новости, и скрылся за дверь.

Последовав за ним, мы очутились в дымке, дожде и тумане, то бишь в Венеции, на юге Калифорнии, где Бог только что выключил свет.

Старику, когда мы входили в морг, было восемьдесят два года, когда выходили — не меньше ста десяти, он даже не мог больше опираться на трость. Глаза погасли, и он не стал отбиваться, когда мы помогали ему добраться до машины. Не умолкая, он причитал:

— Боже мой, боже мой, кто же это его так безобразно обстриг? И когда? — Он нес чепуху, чтобы хоть как-то отвлечься. — Это вы умудрились? — восклицал он, ни к кому не обращаясь. — Кто это сделал? Кто?

Я знал, но ничего не сказал. Мы вытащили старика из машины и подвели к тому месту на холодной скамье, где он сидел всегда и где его ждали другие старики, делая вид, будто не заметили нашего возвращения. Они сидели, устремив глаза кто в потолок, кто в пол, им не терпелось, чтобы мы ушли, а они смогли бы решить, как поступить — отвернуться от изменника, каким стал для них их

старый друг, или придвинуться к нему поближе и согреть своим теплом.

Мы с Крамли пребывали в глубоком молчании, пока ехали к дому, где продавались канарейки. К дому все равно что пустому.

Я остался за дверью, а Крамли зашел в комнату старика взглянуть на голые стены и прочесть бесконечно повторявшееся имя «Уильям, Уилли, Уилл, Билл, Смит, Смит, Смит», нацарапанное стариком в надежде обрести бессмертие.

Выйдя, Крамли оглянулся на удручающе пустую комнату.

— Господи боже, — пробормотал он.

— Вы прочли, что написано на стене?

— Прочел все. — Крамли огляделся и с неудовольствием осознал, что так и не отошел от двери и смотрит в комнату. — «Он стоит в холле». Кто там стоял? — Крамли обернулся и смерил меня взглядом. — Вы?

— Вы же знаете, что не я, — сказал я, попятившись.

— Полагаю, я мог бы арестовать вас за взлом и проникновение.

— Но вы этого не сделаете, — нервно ответил я. — Эта дверь и все двери в доме не запираются годами. Любой может войти. Кто-то и вошел.

— Откуда я знаю, что это не вы нацарапали своим собственным ногтем эти чертовы слова на стене для того только, чтобы у меня волосы встали дыбом и чтобы я поверил в вашу абракадабру?

— Почерк на стене дрожащий — ясно, что царапал старик.

— Вы могли подумать об этом заранее и подделать каракули.

— Мог, но не подделал. Боже мой, что нужно, чтобы убедить вас?

— Больше, чем мурашки у меня на коже, вот что я вам скажу.

— Тогда, — я снова засунул руки в карманы и сжал кулаки, водоросли все еще были спрятаны и ждали своего часа, — тогда остальное наверху. Поднимитесь. Посмотрите сами. А когда спуститесь, расскажете, что увидели.

Крамли склонил голову набок, снова по-обезьяньи посмотрел на меня, вздохнул и стал медленно подниматься по лестнице, словно старый продавец обуви, несущий по сапожной лапе в каждой руке.

На площадке он долго стоял, как лорд Карнарвон³² перед гробницей Тутанхамона. Потом вошел. Мне казалось, я слышу, как призраки старых птиц шелестят крыльями, рассматривая его. Слышу шепот мумии, встающей из речного песка. Но это вострепнулась у меня в душе старая подружка — муза, жаждущая сенсаций.

На самом же деле я слышал, как Крамли ступает по песку, покрывавшему пол в комнате старухи и заглушавшему его шаги. Вот он дотронулся до клетки — раздался металлический звон. Потом я услышал, как он наклоняется, чтобы ухом уловить ветер времени, доносящийся из пересохшего изболевшегося рта.

И под конец я услышал произнесенное шепотом имя, нацарапанное на стене, произнесенное дважды, трижды, как будто старушка с канарейками иероглиф за иероглифом разбирала египетские письмена.

Когда Крамли с усталым лицом спустился, он выглядел так, будто сапожные лапы переместились ему в желудок.

— Бросаю это дело! — заявил он.

Я ждал.

— «Восшествие Хирохито на престол», — процитировал Крамли старую газету, которую только что увидел на дне клетки.

— Аддис-Абеба? — добавил я.

— Неужели это и впрямь было так давно?

— Теперь вы все видели своими глазами, — сказал я. — Что же вы думаете?

— Что я могу думать?

— А вы не прочитали по ее лицу? Не заметили?

— Чего?

— Она следующая.

— Что?

— Да это же ясно по ее глазам. Она знает, что кто-то стоит в холле. Он поднимается к ее комнате, но не входит, а она просто ждет и молит, чтобы вошел. Меня холод пробирает, не могу согреться.

— То, что вы оказались правы насчет бумажного мусора и трамвайных билетов, то, что нашли, где жил старик, и установили, кто он, еще не делает вас чемпионом по гаданию на картах Таро. Вас, значит, холод пробирает? Меня тоже. Только из ваших

подозрений и моего озноба каши не сварить, особенно если крупа отсутствует!

— Вы не пришлете сюда полицейского? Ведь через два дня ее не станет.

— Если мы начнем приставлять полицейского к каждому, кому суждено умереть через два дня, у нас больше не будет полиции. Вы хотите, чтобы я учил моего шефа, как ему распоряжаться своими людьми? Да он спустит меня с лестницы и мой жетон отправит следом. Поймите же — она никто, мне противно это говорить, но так считает закон. Будь она хоть кем-то, может, мы и поставили бы охрану...

— Тогда я сам.

— Думайте, что говорите. Вам ведь когда-то понадобится поест или поспать. Вы не сможете торчать здесь неотлучно. В первый же раз, когда вы побежите за сосиской, он, кто бы это ни был, если он действительно существует, войдет. Она чихнет, и ей конец. Да не приходит сюда никто! Просто ветер по ночам гоняет комки шерсти и волос. Сначала это услышал старик, теперь — миссис Канарейка.

Крамли перевел взгляд на длинную темную лестницу, туда, где уже не пели птицы, не было весны в горах, бездарный органист в незапамятном году не аккомпанировал своим маленьким желтым певцам.

— Дайте мне время подумать, малыш, — сказал Крамли.

— И дать вам время стать соучастником убийства.

— Опять вы за свое. — Крамли с такой силой распахнул дверь, что петли взвыли. — И как это получается, что вы мне почти что нравитесь и тут же я злюсь на вас, как черт?

— Кто же в этом виноват?

Но Крамли уже ушел.

Крамли не звонил двадцать четыре часа.

Стиснув зубы так, что они чуть не начали крошиться, я взнуздal свой «Ундервуд» и стремительно загнал Крамли в каретку.

«Говори!» — напечатал я.

— Как получилось, — отозвался Крамли откуда-то изнутри моей чудесной машинки, — что вы мне то нравитесь, то я злюсь на вас, как черт?

Потом машинка напечатала: «Я позвоню вам, когда старушка с канарейками умрет».

Как вы понимаете, я еще много лет тому назад липкой лентой приладил к своему «Ундервуду» две бумажки.

На одной значилось: «ПРИЕМ СПИРИТИЧЕСКИХ ПОСЛАНИЙ», на другой крупными буквами было выведено: «НЕ ДУМАЙ!»

Я и не думал. Я просто давал возможность приспособлению для приема спиритических посланий стучать и клацать.

«Сколько еще мы вместе будем биться над этой загадкой?»

«Загадка? — ответил Крамли. — Загадка — это вы».

«Согласны вы стать персонажем моего романа?»

«Уже стал».

«Тогда помогите мне».

«И не рассчитывайте. Дохлое дело».

«Черт побери!»

Я вытащил лист из машинки. И тут зазвонил мой личный телефон на заправочной станции.

Мне показалось, что до будки я бежал миль десять, думая: «Это Пег!»

Все женщины, с которыми меня сводила жизнь, были либо библиотечаршами, либо учительницами, либо писательницами, либо продавали книги. Пег совмещала по крайней мере три из этих профессий, но сейчас она была далеко, и это приводило меня в отчаяние.

Живя все лето в Мехико, она занималась испанской литературой, учила язык, ездила в поездах с коварными пеонами и в автобусах с безмятежными нахалами, писала мне пылающие любовью письма из Тамазунхале и скучающие — из Акапулько, где солнце было яркое, а умы местных жиголо яркостью отнюдь не поражали, во всяком случае не поражали Пег — поклонницу Генри Джеймса³³ и консультантшу по Вольтеру и Бенджамину Франклину³⁴. Она повсюду таскала корзинку для завтрака, набитую книгами. Я часто думал, что, наверно, за ужином вместо сэндвичей она закусывает братьями Гонкур³⁵.

Пег.

Раз в неделю она звонила мне из какого-нибудь заброшенного городка, славного своей церковью, или из большого города, то

только что выбравшись из катакомб с мумиями в Гуанахуато³⁶, то едва успев отдышаться после спуска с Теотихуакана³⁷, и мы в течение трех быстро проносящихся минут слушали, как бьются наши сердца, и твердили друг другу все те же глупости — это была своего рода литания, всегда сладостная, сколько бы раз мы ее ни повторяли и как бы долго она ни тянулась.

Каждую неделю, когда Пег звонила мне, над телефонной будкой сияло солнце.

И каждую неделю, как только разговор заканчивался, солнце скрывалось, наполнил туман. Мне хотелось бежать и скорее натянуть на голову одеяло. А вместо этого я насиловал свою машинку, выстукивая на ней скверные поэмы или рассказы — например, про марсианскую жену, тоскующую по любви и воображающую, как с неба сваливается землянин, чтобы увезти ее с собой, а его, перенесшего ради нее столько злоключений, убивают.

Пег.

Несколько недель, учитывая мою бедность, мы разыгрывали с ней старый телефонный трюк. Телефонистка, звонившая из Мехико, вызывала меня по имени.

— Кого? — спрашивал я. — Что, опять? Оператор, говорите громче!

Я слышал, как где-то далеко дышит Пег. Чем больше я нес всякую чепуху, тем дольше длился разговор.

— Минуточку, оператор, повторите, кто нужен.

Телефонистка повторяла мое имя.

— Сейчас посмотрю, здесь ли он. А кто его спрашивает?

Из-за двух тысяч миль быстро откликнулся голос Пег:

— Скажите, это Пег. Пег.

Я делал вид, будто ухожу и возвращаюсь.

— Его нет. Перезвоните через час.

— Через час! — эхом отзывалась Пег.

Щелчок, гудок, шум, она исчезала.

Пег.

Я вскочил в будку, сорвал трубку с крючка.

— Да? — завопил я.

Но это была не Пег.

Молчание.

— Кто это? — спросил я.

Молчание. Но кто-то там был, и вовсе не за две тысячи миль от меня, а совсем близко. Я ясно слышал, как у кого-то, кто молчал на другом конце провода, воздух посвистывает в ноздрях и во рту.

— Ну? — потребовал я.

Молчание. И звук, который слышишь, когда кто-то ждет у телефона. Кто бы там ни ждал, рот у него был открыт, он дышал в самую трубку. Шепот, шелест.

«Господи, — подумал я. — Ведь не мог же тот хриплый из трамвая вызвать меня в телефонную будку. В телефонные будки не звонят. Никто не знает, что эта будка служит мне личным телефоном».

Молчание. Вдох. Молчание. Выдох.

Клянусь, холодный воздух от шелеста из трубки заморозил мне ухо.

— Ну спасибо, — сказал я.

И повесил трубку.

Не успел я перейти через дорогу, а я бежал, закрыв глаза, как телефон зазвонил снова.

Я застыл посреди улицы, уставившись на будку, боясь дотронуться до трубки, боясь снова услышать лишь чье-то дыхание.

Но чем дольше я стоял, рискуя, что меня задавят, тем больше звонки из телефонной будки казались мне звонками с кладбища, похоронными звонками, сулившими плохие вести, как зловещие телеграммы. Пришлось вернуться и снять трубку.

— Она еще жива, — услышал я чей-то голос.

— Кто? Пег? — взвыл я.

— Спокойнее, — сказал Элмо Крамли.

Я привалился к стене будки, ловя ртом воздух. Наконец успокоился, но разозлился.

— Это вы только что звонили? — задыхаясь, спросил я. — Откуда вы знаете этот номер?

— Да каждый в этом проклятом городе слышал, как заливается этот телефон, и видел, как вы к нему несетесь.

— Ну и кто же еще жив?

— Старушка с канарейками. Я проверил вчера поздно вечером.

— Так то вчера.

— Но, черт побери, я звоню вам не поэтому. Вечером приходите ко мне домой. Я сдеру с вас шкуру.

— Почему?

— Что вы делали возле моего дома в три часа ночи?

— Я?!

— Лучше позаботьтесь о хорошем алиби, вот что. Не люблю, когда за мной следят. Буду дома около пяти. Если быстро оправдаетесь, может быть, получите пиво. А будете тарашить глаза, выгоню под зад коленкой.

— Крамли! — взвыл я.

— Извольте явиться. — Он повесил трубку.

Я медленно побрел к дому.

Телефон зазвонил снова.

Пег!

Или тип с леденящим дыханием?

Или Крамли издевается?

Я со страхом распахнул дверь, вбежал в квартиру, захлопнул за собой дверь и тут же с мучительной тщательностью вставил в «Ундервуд» чистый белый лист, предназначенный для Элмо Крамли, и заставил его говорить мне только приятное.

На Венецию опустилось не меньше десяти тысяч тонн тумана, он подступил к моим окнам и проник ко мне в комнату сквозь щели под дверью.

Каждый раз, когда у меня в душе наступает сырой и безрадостный ноябрь, я знаю: пришло время уйти подальше от океана и найти кого-нибудь, кто бы меня подстриг.

В самой стрижке есть что-то успокаивающее кровь, умиротворяющее сердце и исцеляющее нервы.

И потом, у меня в мозгу все еще звучал голос старика, с трудом выбирающегося из морга: «Боже мой, боже мой, кто же это его так безобразно обстриг?»

Разумеется, в этом безобразии был повинен Кэл. Так что у меня имелось несколько причин нанести ему визит. Кэл — самый плохой брадобрей в Венеции, а может быть, и в целом мире. Но дешевый! Он так и влечет к себе сквозь волны тумана, ждет, бряцая своими тупыми ножницами, грозно размахивая жужжащей, словно шмель, электрической машинкой для стрижки, от которой бедные писатели и другие ничего не подозревающие заходящие к нему клиенты теряют дар речи и впадают в шок.

«Кэл, — думал я, — откромсай-ка эту тьму.

Покороче спереди. Чтобы все видеть.

Покороче на висках. Чтобы все слышать.

Покороче на затылке. Чтобы чувствовать, как ко мне подбираются сзади.

Покороче!»

Но к Кэлу я сразу не попал.

Когда я вышел из дома в туман, по Уиндворд-авеню как раз двигался парад громадных темных слонов. То есть, точнее говоря, медленно плыла процессия тяжелых черных грузовиков с громоздящимися на них гигантскими кранами и еще какими-то механизмами.

Оглушительно грохоча, они направлялись на пирс с намерением снести его до основания или хотя бы начать сносить. Слухи о скором конце пирса ходили по городу уже не один месяц. И вот час пробил. А может быть, пробьет завтра утром. Самое позднее.

У меня еще оставалось время до того, как нужно будет идти к Крамли.

Да и Кэл не был самой соблазнительной приманкой.

Грохоча и гремя железом, слоны, сотрясая землю, двигались по пирсу, чтобы пожрать аттракционы и лошадок с карусели.

Ощущая себя старым русским писателем, неизлечимо влюбленным в свирепые зимы и бешеные метели, как я мог поступить? Только последовать за машинами.

К тому времени, как я дошел до пирса, часть грузовиков уже сгрудилась на песке, готовая двинуться к самой воде и подбирать там мусор, который будут перебрасывать через ограждение. Другие по гниющим доскам направились в сторону Китайского квартала, поднимая тучи древесной пыли.

Я шел за ними, чихал и вытирал нос бумажным платком. С моей простудой следовало бы остаться дома, но перспектива лежать в постели, думая только о дожде, мороси и тумане, пугала меня.

Дойдя до середины пирса, я остановился, меня вдруг поразила собственная слепота: здесь собралось столько людей, которых я постоянно видел, но, оказывается, совсем не знал. Половина аттракционов уже была заколочена свежеструганными сосновыми

досками. Кое-какие еще оставались открытыми и ждали непогоды, когда посетители снова примутся швырять обручи и сбивать молочные бутылки. Возле нескольких киосков толпились молодые люди, казавшиеся постаревшими, и старики, которые выглядели старше своих лет. Все они не сводили глаз с грузовиков, рычавших в конце пирса у самой воды, готовых добросовестно и с полным рвением уничтожить шестьдесят лет прошедшей жизни.

Я смотрел по сторонам и ловил себя на мысли, что редко заглядывал за теперь уже упавшие и валявшиеся на земле двери и не заходил в скатанные палатки, прикрытые досками.

У меня снова возникло ощущение, будто за мной следят, и я обернулся.

Большой завиток тумана плыл вдоль пирса, он проигнорировал меня и поплыл дальше.

Верь после этого своим ощущениям!

Здесь, на середине пирса, стоял потемневший домишко, мимо которого я ходил лет десять, но ни разу не видел, чтобы шторы на окнах были подняты.

Сегодня впервые за все время окна оказались не занавешены.

Я заглянул внутрь.

«Боже, — изумился я, — да тут целая библиотека!»

Я быстро подошел к окну, думая о том, сколько еще таких библиотек прячется на пирсе или затерялось на старых улочках Венеции.

Остановившись под окном, я вспоминал вечера, когда за шторами горел свет и мне чудились призрачные очертания чьей-то руки, листающей страницы невидимой книги, слышался голос, шепчущий какие-то слова, читающий стихи, рассуждающий о тайнах Вселенной. Мне казалось, что это писатель, боящийся сказать все, что думает, или актер, докатившийся до ампулы привидений, король Лир, почти выживший из ума, но зато имеющий двойной комплект подлых дочек.

Но сейчас, в полдень, шторы были подняты. В комнате еще горел слабый свет, в ней никого не было, я разглядел письменный стол, кресло и старомодную, довольно большую кожаную кушетку. Вокруг кушетки, со всех сторон, до самого потолка громоздились горы, башни, бастионы книг. Наверно, их было здесь не меньше тысячи, распаханных и наваленных повсюду, где только можно.

Я отступил от окна и стал рассматривать вывески на дверях и вокруг дверей. Я видел их и раньше, но лишь скользил по ним глазами.

«КАРТЫ ТАРО», — гласила выцветшая надпись.

Вывеска ниже извещала: «ХИРОМАНТИЯ».

На третьей печатными буквами было выведено: «ФРЕНОЛОГИЯ».

А под ней: «АНАЛИЗ ПОЧЕРКА».

И рядом: «ГИПНОЗ».

Я осторожно приблизился к самой двери, там висела совсем маленькая визитная карточка, прикрепленная чертежной кнопкой над дверной ручкой.

На карточке значилась фамилия владельца: «А. Л. ЧУЖАК».

А под фамилией карандашом, более четко, чем о продаже канареек, была нацарапана приписка: «Практикующий психолог».

Ничего себе! Специалист сразу в шести областях!

Я приложил ухо к дверям и прислушался.

Вдруг до меня донесется, как между отвесными, покрытыми пылью книжными полками Зигмунд Фрейд шепчет, что, мол, пенис — это всего лишь пенис, а вот сигара — это дело стоящее? Или вдруг я услышу, как умирает Гамлет, увлекая всех за собой, как Вирджиния Вулф³⁸, словно утопившаяся Офелия, растянувшись на кушетке, чтобы обсохнуть, рассказывает свою печальную историю? Услышу, как шелестят карты Таро? Как скрипят перья? Увижу, как ошупывают головы, словно дыни-кantalупы?

«Загляну-ка еще раз», — решил я.

И снова посмотрел в окно, но увидел только пустую кушетку с вмятиной посредине, оставшейся от множества тел. Это было единственное ложе. Значит, ночью на нем спал А.Л. Чужак. А днем, выходит, на него ложились посетители, оберегающие свои души, словно хрупкое стекло? В моей голове это не укладывалось.

Однако прежде всего меня занимали книги. От них не только полки ломались, ими была битком набита даже ванна, которую я смог разглядеть за полуоткрытой боковой дверью. Кухни не было. А если и была, то в холодильнике, без сомнения, хранились бы «Пири³⁹ на Северном полюсе» или «Бэрд⁴⁰: Один в Антарктиде». Видно, А.Л. Чужак мылся в океане, как многие в наших краях, а пировал в сосисочной Германа, находившейся поблизости.

Поражало меня, правда, не столько это скопище книг — девятьсот, а то и тысяча томов, — сколько их названия, их темы, мрачные, роковые, устрашающие имена их авторов.

На верхних полках, где всегда царила полночная тьма, угрюмый Томас Харди⁴¹ соседствовал с «Закатом и падением Римской империи» Гиббона⁴², злобный Ницше⁴³ — с не оставляющим надежду Шопенгауэром⁴⁴, а бок о бок с ними стояли «Анатомия меланхолии»⁴⁵, Эдгар Аллан По⁴⁶, Мэри Шелли⁴⁷, Фрейд, трагедии Шекспира (комедий видно не было), маркиз де Сад⁴⁸, Томас де Куинси⁴⁹, «Майн кампф» Гитлера, «Закат Европы» Шпенглера⁵⁰ и так далее, и тому подобное...

Были здесь и Юджин О'Нил⁵¹, и Оскар Уайльд — но только его горькие воспоминания о тюрьме⁵²: ни тебе благоухания сирени, ни соловьиного пения. Чингисхан и Муссолини подпирали друг друга. А на снежных вершинах этих книжных Гималаев теснились книги с такими названиями: «Самоубийство как ответ», «Темная ночь Гамлета», «Лемминги в море». На полу лежала «Вторая мировая война», а рядом — «Кракатау»⁵³ — взрыв, прогремевший на весь мир». Тут же я увидел «Голодающую Индию» и «Встает багровое солнце».

Если пробежать глазами все эти названия, задуматься над ними и, не веря себе, перечитать их еще раз, то выход остается только один. Как в случае с плохой экранизацией пьесы «Граур к лицу Электре»⁵⁴, где самоубийство нанизывается на самоубийство, убийство — на убийство, инцест — на инцест, на смену шантажу приходят отравленные яблоки, герои падают с лестниц или наступают на гвозди, смазанные стрихнином, а вы, наглядевшись на все это, в конце концов фыркаете, закидываете голову и разражаетесь...

Хохотом!

— Что вас так рассмешило? — раздался голос у меня за спиной.

Я обернулся.

— Я спрашиваю, что вас так рассмешило?

Он стоял позади меня, его узкое бледное лицо оказалось дюймах в шести от кончика моего носа.

Человек, спящий на кушетке психоаналитика.

Владелец всех этих книг, предрекающих конец света.

А.Л. Чужак.

— Ну? — потребовал он.

— Это ваша библиотека? — запинаясь, пробормотал я.

А. Л. Чужак выжидательно смотрел на меня.

К счастью, я чихнул — это стерло с моего лица смех и позволило скрыть замешательство за бумажным носовым платком.

— Простите меня, простите, — заторопился я. — У меня самого всего четырнадцать книг. Не часто доводится увидеть на пирсе в Венеции Нью-Йоркскую публичную библиотеку.

В маленьких ярко-желтых лисьих глазах А. Л. Чужака погас гневный огонь. Тошние, словно проволочная вешалка, плечи обмякли. Жалкие кулачки разжались. Моя похвала подтолкнула его заглянуть в собственную комнату, он увидел ее чужими глазами, рот раскрылся.

— Ну и что? — удивленно произнес он. — Да, это мои книги.

Я смотрел сверху вниз на этого человечка, росту в нем было не больше пяти футов, а без башмаков, наверно, и того меньше. Мной овладело ужасное искушение проверить, не носит ли он ботинки на трехдюймовых каблуках, но я удержался и, не опуская глаз, глядел на его макушку. А он даже не заметил моего взгляда — так возгордился множеством литературных чудовищ, расплодившихся на его мрачных полках.

— У меня пять тысяч девятьсот десять книг, — объявил он.

— Вы уверены, что не пять тысяч девятьсот одиннадцать?

Не отводя внимательного взгляда от своей библиотеки, он холодно спросил:

— А почему вы смеетесь?

— Названия...

— Названия? — Он снова подался к окну и окинул взглядом полки, стараясь обнаружить веселого предателя, затесавшегося в это собрание книг-душегубов.

— Скажите, — нерешительно начал я, — а нет ли в вашей библиотеке чего-нибудь летнего, чего-нибудь о ясной погоде, свежем ветерке? Нет ли у вас каких-нибудь веселых книг, счастливых находок? Ну, скажем, «Солнечные скетчи о маленьком городке» Ликока⁵⁵ или, например, «Солнце — погибель моя», «Добрый старым летом» или «Июньский смех»?

— Нет! — воскликнул Чужак и даже привстал на цыпочки, потом спохватился и опустил на всю ступню. — Нет...

— А как насчет «Усадьбы Гриль» Пикока⁵⁶, «Гека Финна», «Троих в лодке», «Как зелен был мой отец», «Записок Пиквикского клуба»? Нет ли Джеймса Бенчли⁵⁷, Джеймса Тёрбера⁵⁸, С. Дж. Перельмана⁵⁹?

Я выпаливал эти названия и фамилии, как пулемет. Чужак слушал и как-то съеживался от моего веселого перечня. Но не прерывал меня.

— А как насчет «Шуток Савонаролы⁶⁰» или «Анекдотов Джека Потрошителя»?.. — Я осекся.

Черный как туча и холодный как лед А.Л. Чужак отвернулся.

— Простите, — сказал я и впрямь почувствовал себя виноватым. — Чего бы мне, по правде сказать, хотелось, так это как-нибудь заглянуть к вам, полистать ваши книги. Если вы, конечно, позволите.

А.Л. Чужак взвесил мои слова, решил, что я раскаиваюсь, сделал шаг и взялся за ручку двери своего заведения. Дверь мягко подалась. Он повернулся, оглядел меня своими узкими и блестящими янтарными глазами, его тонкие пальцы судорожно подергивались.

— А почему бы не сейчас? — предложил он.

— Не могу. А вот позже, мистер...

— Чужак. А.Л. Чужак — консультирующий психолог. Нет, не Чудак, как вы могли бы подумать и как у нас называют психиатров. Просто Чужак, добрый доктор, лечу заблудших.

Он подражал моей дурашливой интонации, только его жалкая усмешка по сравнению с моей была как жидкий чай. Я понимал, что она тут же исчезнет, стоит мне, в свою очередь, замолкнуть. Я посмотрел поверх его головы.

— Скажите, чего ради вы оставили на дверях старую вывеску насчет карт Таро? И еще ту, насчет френологии и гипноза?..

— А мою вывеску насчет анализа почерка вы почему не упомянули? Кстати, знаете, за дверью у меня еще одна, о нумерологии. Хотите взглянуть? Будьте моим гостем.

Я уже шагнул вперед, но остановился.

— Заходите, — сказал А.Л. Чужак. — Заходите. — Теперь он улыбался во все лицо, только улыбка была холодная, как у рыбы, а не дружелюбная, как у собаки. — Входите!

При каждом из этих мягких приказов я делал маленький шаг вперед, не сводя иронического взгляда с вывески о сеансах гипноза, висевшей над головой тщедушного человечка, и не скрывая своей иронии. Чужак смотрел на меня не мигая.

— Входите, — повторил он, кивая на свои книги, но не глядя на них.

Я чувствовал, что устоять не в силах, хотя и знал, что каждый из томов повествует об автомобильных авариях, горящих дирижаблях, взрывающихся минах и умственных расстройствах.

— Иду, — отозвался я.

И в этот самый момент весь пирс содрогнулся. Вдали, там, где конец его тонул в тумане, по нему ударило какое-то громадное чудовище, будто кит столкнулся с кораблем или «Куин Мэри» напоролась на старые сваи. Притаившиеся у самого океана железные твари принялись отдиирать доски.

Пирс трясло, тряска, круша доски, вгрызалась в наши тела — в мое и А. Л. Чужака, — напоминая о бренности и обреченности. Толчки проникали в кровь, сотрясали кости. Мы оба дергали головами, стараясь сквозь туман рассмотреть вершащееся вдали разрушение. Мощные удары чуть оттеснили меня от двери. Вокруг все тряслось и колыхалось. А. Л. Чужака подкидывало на его пороге, как забытую игрушку. И без того бледное лицо сделалось еще бледнее. Он выглядел как человек, застигнутый землетрясением или обрушившейся на него приливной волной. Гигантские машины в сотне ярдов от нас снова и снова наносили сокрушительные удары по пирсу, и на молочно-матовом лбу и щеках А. Л. Чужака, казалось, множились невидимые глазу трещины. Война началась! Скоро черные танки с грохотом двинутся по пирсу, уничтожая на своем пути толпу спешащих на сушу беженцев с карнавала, и А. Л. Чужак не успеет оглянуться, как окажется среди них, когда рухнет его домик, сложенный из зловещих карт Таро.

Мне улыбнулась возможность скрыться, но я не сумел ею воспользоваться.

Чужак снова обратил на меня свой взор, словно я мог спасти его от этой атаки на пирс. Казалось, он, того и гляди, даже схватит меня за локоть, ища поддержки.

Пирс ходил ходуном. Я закрыл глаза.

Мне почудилось, будто я слышу, как звонит мой заветный телефон. Я чуть не закричал: «Телефон! Мне звонят!»

Но тут на нас набежала компания мужчин и женщин, с ними было и несколько детей, все они мчались к берегу, торопились к упиравшемуся в море концу пирса. Бегущих возглавлял крупный мужчина в черном плаще и честертоновской шляпе.

— Последний полет! В последний день! В последний раз! — выкрикивал он. — Последняя возможность! Вперед!

— Формтень! — прошептал А.Л. Чужак.

Это действительно был он, собственной персоной — Формтень, единоличный владелец и управляющий старым венецианским кинотеатром, стоявшим в самом конце пирса. Не пройдет и недели, как его театр сотрут с лица земли и останется от него только целлулоидное крошево.

— За мной! — донесся до нас из тумана голос Формтенья.

Я взглянул на А.Л. Чужака.

Он пожал плечами и кивнул, отпуская меня.

Я бросился в туман.

Несмолкающий рев, гром, грохот, медленно нарастающий лязг, скрип, скрежет, будто чудовищная сороконожка-робот в кошмаре взбирается на гору, на вершине чуть медлит, переводит дух и тут же, извиваясь, стремительно низвергается вниз под крики, вопли, визг перелуганных пассажиров, летит в бездну и сразу, еще стремительней, приступом берет новую гору, потом еще одну и еще, чтобы снова в истерике ринуться в пропасть.

Вот они какие, «русские горки».

Я стоял, задрал голову, и глядел на них сквозь туман.

Говорят, через час их уже не будет.

А ведь они составляли часть моей жизни с тех пор, как я себя помнил. Почти каждый вечер отсюда неслись смех и визг, когда люди взлетали вверх на так называемую вершину жизни и стремительно падали вниз навстречу воображаемой гибели.

А теперь, значит, предстоял последний взлет, перед тем как взрывники прикрепят заряды к ногам гигантского динозавра и он рухнет на колени.

— Прыгайте! — крикнул какой-то мальчишка. — Прыгайте! Это бесплатно!

— Да пусть бы мне хоть приплатили — по-моему, это сушая пытка!

— Эй, да вы только взгляните, кто здесь сидит впереди! — крикнул кто-то еще. — И сзади!

Впереди, натянув большую черную шляпу на самые уши, заливался смехом мистер Формтень. За ним сидела Энни Оукли⁶¹, хозяйка тира.

Дальше я увидел владельца одного из здешних аттракционов. Рядом с ним — старушку, она продавала накрученную на палочку сладкую розовую вату — эту иллюзию конфет, которая таяла во рту и насыщала еще меньше, чем китайская еда.

Там же восседали те, кто работал в аттракционах «Сбей молочную бутылку» и «Брось обруч», и вид у них был такой, словно они позируют для фотографии на пропуск в вечность.

Только мистер Формтень, взявший на себя роль рулевого, ликовал от души.

— Как говорил капитан Ахав, не дрейфить! — крикнул он.

Во мне проснулся стадный инстинкт.

Контролер, обычно проверявший билеты на «русских горках», помог мне взгромоздиться на место для трусливых — в задний ряд.

— В первый раз едете? — засмеялся он.

— И в последний.

— Ну, ну! Все готовы визжать?

— А как же! — заорал Формтень.

«Выпустите меня отсюда, — готов был взмолиться я. — Мы же все погибнем».

— Ну, поехали! — завопил контролер. — Прямоком в тартарары!

Мы возносились в небеса и низвергались в ад. Когда мы ухали вниз, у меня возникало жуткое ощущение, что у динозавра уже взорвали ноги.

Мы достигли дна, и я оглянулся. На пирсе стоял А.Л. Чужак и, задрвав голову, глазел на нас — психов, добровольно взошедших на борт «Титаника». А.Л. Чужак попятился в туман.

А мы уже летели вверх, все визжали, визжал и я. «Господи, — думал я, — кричим так, будто и впрямь погибаем!»

Когда все закончилось, участники побрели в тумане, вытирая глаза, стараясь не отставать друг от друга.

Мистер Формтень стоял рядом со мной, когда прибежали взрывники и стали прикреплять взрывчатку к опорам и фермам «русских горок».

— Хотите остаться посмотреть? — участливо спросил Формтень.

— Боюсь, не выдержу, — признался я. — Когда-то видел фильм, в нем прямо на экране убивали слона. Наблюдать, как он свалился, перевернулся, обмяк, было невыносимо. Будто на моих глазах разбомбили собор Святого Петра. Мне страсть как хотелось убить охотников. Нет уж, спасибо, не стану я смотреть на кончину «русских горок».

Но распорядитель с флажком и так нас всех разогнал.

Мы с Формтением повернули назад, в туман. Он взял меня за локоть, словно добрый европейский дядюшка, наставляющий на путь истинный любимого племянника.

— Сегодня вечером. Никаких взрывов. Никаких разрушений. Одни удовольствия. Одни развлечения. Вспомним добрые старые времена. В моем кинотеатре. Может быть, сегодня — наш последний просмотр. Может, завтра. Бесплатно. Вход свободный. Приходите, дорогой.

Он обнял меня и поплыл в тумане, как большой черный буксир.

Проходя мимо дома А. Л. Чужака, я увидел, что дверь по-прежнему широко открыта. Но я не вошел.

Мне хотелось бежать, ведь, наверно, мне звонят на мою заправочную станцию, но было страшно — вдруг две тысячи молчаливых миль прошепчут мне в ответ о смертях на залитых солнцем улицах, о красных кусках мяса в витринах *carneceria* и об одиночестве, ужасном, как зияющая рана.

Волосы мои поседел.

И отросли на дюйм.

«Кэл, — подумал я, — милый, никуда не годный брадобрей! Я иду к тебе!»

Парикмахерская Кэла находилась как раз напротив муниципалитета и рядом с заведением, где брали на поруки. Там в окнах уже лет десять красовались спирали клейкой ленты, на которой,

как цирковые артисты на трапеции, висели дохлые мухи. Туда из расположенной напротив тюрьмы входили похожие на тени мужчины и женщины, а когда они выходили оттуда, казалось, костюмы двигаются сами, под ними никого нет. С этим заведением соседствовала бакалейная лавка. Раньше она принадлежала мамочке и папочке, но они умерли, и теперь их сыночек целыми днями просиживал штаны у окна, принимая по телефону ставки на бега. Иногда ему удавалось продать жестянку консервированного супа.

Что же касается парикмахерской, то хотя там тоже можно было увидеть на подоконнике дохлых мух, больше десяти дней они здесь никогда не залеживались. И вообще, уж раз-то в месяц Кэл непременно сам мыл всю свою парикмахерскую, где, неуклюже двигая руками, словно не смазанными в локтевых суставах, орудовал густо смазанными маслом ножницами, не закрывая розового рта, откуда лился поток отдающих мятной жвачкой слюпен. Вел он себя как на пасеке — в вечном страхе, что не справится с большим серебристым, жужжащим, как шмель, электрическим насекомым, которым водил вокруг ваших ушей. Иногда насекомое и впрямь вдруг выходило из повиновения, больно вас жалило и вцеплялось вам в волосы, тогда Кэл, изрыгая проклятия, дергал и тащил к себе машинку, словно вырывал зуб.

Вот поэтому, а также из соображений экономии я стригся у Кэла всего дважды в год.

Дважды в год еще и потому, что из всех парикмахеров на свете никто столько не болтал, как Кэл, никто так щедро не поливал одеколоном, никто так не злословил, не давал с таким рвением советы и не бубнил без остановки, отчего голова шла кругом. О чем бы вы ни заговорили, он знал любую тему досконально, вдоль и поперек, а объясняя вам, скажем, бездарность теории Эйнштейна, бывало, вдруг останавливался на полуслове, прикрывал один глаз, склонял голову набок и задавал свой Великий Вопрос, на который не могло быть Безопасного Ответа.

— Слушай, а я рассказывал тебе про себя и про Скотта Джоуплина⁶²? Да-да, господи боже, про нас со стариной Скоттом? Ну так послушай, ради бога, про тот день в девятьсот пятнадцатом году. Как Скотт учил меня играть регтайм «Кленовый лист».

На стене висела фотография Скотта Джоуплина, подписанная им в незапамятные времена, чернила вышвели, как на объявлении

в окне леди с канарейками. На снимке можно было разглядеть очень юного Кэла: он сидел на табурете за роялем, а склонившийся над ним Джоуплин накрыл своими большими черными ладонями руки счастливого мальчишки.

Этот веселый мальчуган, навсегда запечатленный на фотографии, пригнулся, стараясь охватить руками клавиатуру, готовый прыгнуть навстречу жизни, миру, Вселенной, готовый проглотить их с потрохами. На его детском лице было такое выражение, что при взгляде на фотографию у меня каждый раз щемило сердце. И я старался пореже на нее смотреть. Слишком больно было наблюдать, как на нее глядит сам Кэл, готовясь задать свой извечный Великий Вопрос, как без всяких просьб и уговоров он кидался к пианино, чтобы отбарабанить свой кленовый регтайм.

Кэл.

Он был похож на ковбоя, который теперь ездит верхом на парикмахерских креслах. Представьте техасских пастухов — жилистых, обветренных, всегда загорелых, засыпающих, не снимая стетсоновских шляп, словно приклеенных к ним на всю жизнь, и душ принимающих в тех же дурацких шляпах. Таким же был и Кэл, когда он ходил крутами вокруг недругов-клиентов с оружием в руках, пожирая волосы, подрезая баки, прислушиваясь к стуку ножниц, восхищаясь своей жужжащей, как шмель, электрической машинкой для стрижки, и говорил, говорил, а я в это время воображал, будто он пляшет вокруг моего кресла, полуголый, словно техасский ковбой в нахлобученной на уши шляпе, и знал, что его обуревают одно страстное желание — рвануть к пианино и пробежать пальцами по улыбающейся клавиатуре.

Иногда я делал вид, будто не замечаю безумных, обожающих взглядов, которые Кэл бросал на ждущие его черные и белые, белые и черные клавиши. Но в конце концов, испустив мазохистский стон, я восклицал:

— Ладно, Кэл, действуй!

И Кэл действовал.

Словно его ударило током, он, неуклюже, по-ковбойски ступая, шел к пианино, причем ковбоев было сразу двое — один в зеркале, более шустрый, более бравый, чем Кэл. Оба рывком поднимали крышку пианино, открывая желтоватую зубастую пасть, горящую нетерпением запеть.

— Послушай вот это, сынок. Ты когда-нибудь, хоть когда-нибудь слышал что-нибудь подобное?

— Нет, Кэл, — отвечал я, сидя в кресле с недостриженной изуродованной головой. — Нет, — отвечал я вполне чистосердечно. — Никогда.

«Боже мой, кто же это его так безобразно обстриг?» — в последний раз прозвучало у меня в ушах восклицание старика, выбирающегося из морга.

И вот я увидел виновника: он маячил в окне парикмахерской, вглядываясь в туман, напоминая кого-то из персонажей с картин Хоппера⁶³ — обитателей пустых комнат, одиноких посетителей кафе или застывших в ожидании на углу улицы прохожих.

Кэл.

Пришлось заставить себя открыть дверь, и я нерешительно вошел в парикмахерскую, глядя под ноги.

Весь пол был засыпан завитками каштановых, черных, седых волос.

— Привет! — с наигранной веселостью сказал я. — Похоже, у тебя был удачный день!

— Знаешь, — ответил Кэл, не отрываясь от окна, — эти волосы валяются здесь уже пять, а то и шесть недель. И все это время никто в здравом уме не входил в эту дверь, если не считать бродяг, что к тебе не относится, идиотов, что тоже не про тебя, или лысых — это тоже не про тебя. А если кто и входил, то лишь затем, чтобы спросить дорогу в психушку. Или приходили бедняки, а это уж точно про тебя, так что садись в кресло, на мой электрический стул, и готовься к казни. Электромашинка уже два месяца как отказала, а у меня наличных нет, не могу привести ее, проклятую, в порядок. Садись.

Подчиняясь приказу своего палача, я направился к креслу, сел и поглядел на устилавшие пол волосы — свидетельства молчащего прошлого, которые должны были что-то означать, но ни о чем не говорили. Даже глядя на них сбоку, я не мог различить в этом мусоре никаких загадочных знаков, предупреждающих об опасности, никаких вещей предзнаменований.

Наконец Кэл обернулся и стал вброд переходить море никому не нужных отрезанных прядей. Его руки, как будто сами по себе,

без его ведома, взяли расческу и ножницы. Он помедлил у меня за спиной, словно палач, опечаленный тем, что ему предстоит отрубить голову молодому королю.

Спросил, какую я хочу длину, точнее говоря, предложил мне самому выбрать масштабы разрушения, но я отвлекся, уставившись в дальний угол ослепительно белой, арктически пустой парикмахерской...

Я глядел на пианино Кэла.

Впервые за пятнадцать лет это пианино было занавешено. Его желто-серая восточная улыбка скрывалась под белой погребальной простыней.

— Кэл. — Я не сводил глаз с простыни. На какое-то время я забыл про мертвого, безобразно остриженного старика с конфетти от трамвайных билетов. — Кэл, — повторил я, — ты что, перестал играть старый кленовый регтайм?

Кэл пощелкал ножницами — шелк-шелк! — снова пощелкал ими у меня возле шеи — шелк-щелк!

— Кэл, — повторил я, — что-то не так?

— Когда наконец прекратятся эти смерти? — произнес он глухо.

И тут же зажужжал шмель, покусывая мне уши, отчего у меня по спине пробежал знакомый холодок, а Кэл, поругиваясь сквозь зубы, уже начал стричь меня тупыми ножницами, как будто косил брошенное пшеничное поле. До меня донесся слабый запах виски, но я смотрел прямо перед собой.

— Кэл? — окликнул я его снова.

— Да? Нет, я хотел сказать — дрянь! Дрянь дело.

Он швырнул на полку ножницы, расческу и дохлого шмеля и, тяжело ступая по океану старых волос, прошел по комнате и сдернул простыню с пианино, а оно заулыбалось, словно большое бессмысленное существо, едва Кэл сел и положил на клавиши вялые руки, похожие на кисти живописца, готового изобразить бог знает что.

А дальше последовал взрыв, словно вырвали сломанный зуб из разможенной челюсти.

— К чергу все! Гады! Сволочи! Я же играл, выжимал из этой штуки все, чему научил меня Скотт. Старина Скотт... Скотт.

Его голос замер.

Кэл бросил взгляд на стену над пианино. И, заметив, что я тоже посмотрел туда, отвел глаза. Но было поздно.

Впервые за двадцать лет я не обнаружил на месте фотографии Скотта Джоплина.

Открыв рот от удивления, я подался вперед в кресле.

А Кэл тем временем, сделав над собой усилие, натянул простыню на черно-белую улыбку и вернулся ко мне с видом плакальщика на собственных поминках. Он остановился у меня за спиной и снова взял в руки орудия пытки.

— В общем, Скотту Джоплину девяносто семь очков, а Кэлу-парикмахеру — ноль, — подвел он итоги проигранной игры, на которую ушла вся жизнь.

Дрожащими пальцами он провел по моей голове.

— Боже милостивый, ты только глянь, что я с тобой сделал! Господи! Ну и поганая же вышла стрижка! А я еще и до половины не дошел. Мне бы надо заплатить тебе — ведь по моей милости ты разгуливал все эти годы как запаршивевший эрдельтерьер! И уж раз на то пошло, дай-ка я расскажу, что сотворил с одним клиентом три дня назад. Ужас! Может, из-за того, что я так изуродовал несчастного, кто-то не выдержал, пожалел его и отправил на тот свет, чтобы избавить от страданий.

Я снова дернулся в кресле, но Кэл мягко придержал меня.

— Надо бы тебе ввести новокаин, но не буду. Так вот, слушай об этом старике.

— Да-да, я слушаю, Кэл, — заверил я его, ведь затем я сюда и пришел.

— Сидел точно там, где ты сейчас, — начал Кэл. — Прямо на этом самом месте, посмотрел в зеркало и говорит: «Стриги на всю катушку!» Так и сказал. «Кэл, говорит, стриги на всю катушку. Самый, говорит, важный вечер в моей жизни. Иду в Майроновский танцзал в Лос-Анджелесе. Не был там уже столько лет! Позвонили мне, говорит, и сказали, что я выиграл большую премию. За что? — спрашиваю. Сказали — самый, мол, почтенный, старейший житель Венеции. Разве, говорю, это повод для праздника? Молчи, говорят, да приоденься. Вот я и пришел, Кэл. Подстриги покороче, только чтобы голова не стала как бильярдный шар. И каким-нибудь там «Тигровым тоником» побрызгай». Ну я и давай стричь. Старик, наверно, года два не стригся, отрастил

целую снежную гору волос. Поливал его одеколоном, пока мухи не стали дохнуть. Ушел счастливый, оставил два бакса, наверно последние. Я не удивился. А сидел он, где ты сейчас. И теперь вот, — закончил Кэл, — он умер.

— Умер? — чуть не закричал я.

— Кто-то нашел его в львиной клетке, потопленной в канале. Мертвым.

— Кто-то... — повторил я, но не добавил, что я.

— Наверно, старик никогда не пил шампанского или давно не пил, вот и перебрал. И свалился. «Кэл, — сказал он мне тогда, — давай на всю катушку». Ты вот насчет чего пошевели мозгами: ведь и я, и ты свободно могли оказаться в том канале, а теперь, разрази меня гром и пропади все пропадом, там он один, навсегда. Поневоле задумаешься, правда? Слушай-ка, сынок, что-то вид у тебя неважный. Я слишком разболтался, да?

— А он не сказал, кто его подвезет, куда, когда и почему? — спросил я.

— Ничего такого не сказал, насколько я помню. Кто-то, наверно, подъехал на трамвае, забрал его и довез прямо до дверей Майроновского танцзала. Ты когда-нибудь проезжал там на трамвае в субботу вечером? Старые дамы и старые джентльмены так и вываливаются оттуда в своих мехах, побитых молью, да в зеленых смокингах. Пахнет от них одеколоном «Бен Гур» и тонкими сигарами. Небось радуются, что не переломали ноги во время танцев, лысины блестят от пота, тушь течет с ресниц и в чернобурках им уже нелегко. Я там как-то был, в этом танцзале. Посмотрел, посмотрел и ушел. Думаю, этому трамваю по дороге к морю следовало бы делать остановку возле кладбища «Лужайка Роз» и почти всех высаживать. Нет, спасибо. Что-то я совсем разболтался, правда? Скажи, если так... Что ни говори, — продолжал он тут же, вернувшись наконец к старику, — а он умер, и самое плохое, что теперь он будет лежать в могиле и еще тысячу лет вспоминать того гада, что так безобразно обкромсал его напоследок. А ведь гад этот — я... И так по одному в неделю. Люди с плохой стрижкой исчезают, и, глянь, их уже вытаскивают — они, оказывается, утонули, а до меня наконец начинает доходить, что мои руки ни к черту не годятся, и...

— Ты не знаешь, кто хотел его забрать и отвезти на эти танцы?

— Откуда мне знать? Да и какая разница? Старик сказал — кто-то, не знаю кто, назначил ему встречу возле венецианского кинотеатра в семь: они, мол, посмотрят часть шоу, поужинают у Модести — это последнее еще не закрытое кафе на пирсе. А потом — наше вам с кисточкой — он проводит его в центр города, в танцзал. На быстрый вальс с какой-нибудь столетней Королевой Роз. Ну чем не праздник, а? А потом домой, в постельку, навеки. Только зачем тебе все это, сынок? Ты...

Зазвонил телефон.

Кэл смотрел на него и бледнел на глазах.

Прозвучало три звонка.

— Ты не ответишь, Кэл? — удивился я.

Кэл смотрел на телефон точно так, как я смотрел на мой телефон на заправочной станции, когда кто-то за две тысячи миль от меня молчал и только натужно дышал. Кэл покачал головой.

— С какой стати я буду снимать трубку, если, кроме плохих новостей, ничего не услышишь? — ответил он.

— Да, в иные дни так и думаешь.

Я медленно стащил с шеи простыню и встал.

Кэл машинально протянул руку ладонью вверх за наличными. А когда сам это заметил, чертыхнулся, убрал руку и застучал по кнопкам кассового аппарата.

Выскользнул чек с надписью «БЕСПЛАТНО».

Я взглянул на себя в зеркало и чуть не фыркнул, как тюлень, от того, что там увидел.

— Потрясающая стрижка, Кэл, — сказал я.

— Убирайся вон!

Идя к выходу, я поднял руку и коснулся того места, где обычно висела фотография Скотта Джоплина, исполняющего веселую музыку пальцами, похожими на две грозди крупных черных бананов.

Если Кэл и заметил мой жест, он виду не подал.

Выходя, я поскользнулся на старых волосах.

Я шел и шел, пока не оказался в сиянии солнца у спрятавшегося в высокой траве бунгало Крамли.

Остановился у входа.

Видно, Крамли почувствовал, что я пришел. Он распахнул дверь и сказал:

— Опять вы за свое?

— Да я сюда и не приближался! Я не из тех, кто пугает людей в три часа ночи, — ответил я.

Крамли поглядел на свою левую руку и, вытянув ее, показал мне.

На ладони лежал маленький комочек маслянистых зеленых водорослей с вмятинами от его пальцев.

Я протянул свою руку и разжал кулак — с таким видом открывают козырного туза.

На моей ладони лежал точно такой же комочек, только подсохший и ломкий.

Крамли перевел взгляд с наших рук на мое лицо, осмотрел лоб, щеки, подбородок, поглядел в глаза и глубоко вздохнул.

— Ну и личико у вас! Абрикосовый пирог, хеллоуинские тыквы, помидоры в огороде, последние летние персики — все вспомнишь, когда на вас поглядишь! Истинный сын санта-клаусовской Калифорнии. Могу ли я, глядя на такое лицо, объявить вас виновным?

Он опустил руку и отступил в сторону.

— Вы любите пиво?

— Не очень, — признался я.

— Предпочитаете, чтобы я приготовил вам шоколадный напиток?

— А можете?

— Нет, черт возьми. Будете пить пиво и извольте его полюбить. Входите! — Крамли, качая головой, пошел в дом.

Я последовал за ним, закрыл дверь, чувствуя себя как студент, приехавший навестить школьного учителя.

Крамли стоял в гостиной у окна и шурился на сухую грязную тропинку, по которой я только что шел.

— Подумать только! В три часа ночи, — пробормотал он. — В три! Прямо там. Под окном. Я услышал, что кто-то всхлипывает. Как вам это понравится? Кто-то плачет! Меня прямо пот прошиб. Словно привидение рыдает. Черт знает что! Дайте-ка я еще раз взгляну на ваше лицо.

Я подставил ему свою физиономию.

— Боже, — удивился он, — вы всегда так легко краснеете?

— Ничего не могу поделать.

— Господи, да если бы вы вырезали чуть ли не целую индийскую деревню, все равно смотрелись бы таким невинным Кроликом Питером⁶⁴. Чем вы питаетесь?

— Плитками шоколада. А в холодильнике, когда могу себе позволить, держу шесть сортов мороженого.

— Наверняка покупаете все это вместо хлеба.

Я хотел возразить, но он поймал бы меня на лжи.

— Ну, в ногах правды нету. Какое пиво вы ненавидите больше всего? У меня есть «Будвайзер» — вполне отвратительный. Есть другой «Будвайзер» — просто ужасный. И есть «Буд» — хуже некуда. Выбирайте! Впрочем, нет. Позвольте мне. — Крамли не торопясь отправился на кухню и вернулся с двумя банками. — Еще можно захватить немного солнца. Пошли отсюда.

И повел меня в сад за домом.

Оказавшись в саду, я не мог поверить своим глазам.

— Да что тут такого? — Крамли вывел меня через заднюю дверь в сверкающее зеленое благоухание тысяч растений — плющей, папирусов, кактусов. Над ними порхали райские птицы. Крамли сиял. — Здесь у меня шесть дюжин разных эпифиллюмов, у забора — кукуруза из Айовы, там — слива, это — абрикос, а вон апельсиновое дерево. Хотите знать, для чего мне это?

— Каждому надо иметь два или три занятия, — не задумываясь, ответил я. — Одного дела так же мало, как одной жизни. Я бы хотел дюжину жизней и дюжину работ.

— Бьете точно в цель! Врач должен копать канавы. Землекоп раз в неделю дежурить в детском саду. Философы дважды в десять дней мыть грязную и жирную посуду. Математики пусть руководят занятиями в школьных гимнастических залах. Поэты для разнообразия пусть водят грузовики. А полицейские детективы...

— ...должны разводить собственные райские сады, — тихо закончил я.

— Господи, — засмеялся Крамли, потряс головой и поглядел на комочек зеленых водорослей, который все еще держал в руке. — Несносный вы всезнайка! Думаете, озадачили меня? А вот сюрприз! — Он нагнулся и повернул какой-то кран. — Внимание, как говорили когда-то. Тсс!

Фонтанчики воды, словно мягкий дождик, забили среди ярких цветов, и весь Рай зашелестел, зашептал: «Тише. Успокойся. Оставь заботы. Остановись. Живи вечно».

Мне показалось, что у меня расслабились мышцы, как будто кости уменьшились в размерах. Со спины словно черная шкура свалилась.

Крамли склонил голову набок, всматриваясь мне в лицо.

— Ну как?

Я пожал плечами:

— Вы видите столько гадости изо дня в день, вам без этого нельзя.

— Беда в том, что парни из участка ни к чему такому и стремиться не станут. Печально, правда? Всю жизнь трубить просто копом, и ничего больше? Да, ей-богу, я бы удавился! Знаете, жаль, что нельзя собрать всю грязь, с которой приходится возиться каждую неделю, притащить ее сюда и использовать как удобрение. Я бы такие розы развел!

— Или венерины мухоловки.

Крамли подумал и кивнул:

— Заслужили пиво.

Я стоял, любовался джунглями, впитывающими дождик, и глубоко вдыхал прохладный воздух, но из-за насморка запахов не чувствовал.

— Надо же, сколько лет проходил мимо, — сказал я, — и все гадал, кто же это живет в таком огромном рукотворном лесу. А теперь, когда встретился с вами, понял, что жить здесь должны именно вы.

Крамли пришлось сдержаться, он не упал на пол от такого комплимента и не стал корчиться от радости. Взяв себя в руки, он открыл две банки и впрямь ужасного пива, и одну из них я заставил себя пригубить.

— Ну не делайте такую физиономию, — взмолился Крамли. — Вы что, на самом деле предпочитаете шоколадный напиток?

— Ну да. — Я отхлебнул большой глоток пива и, набравшись храбрости, задал вопрос: — Хочу узнать, зачем я тут? Вы пригласили меня зайти из-за этих водорослей, которые нашли перед домом? Ну я зашел, осматриваю ваши джунгли, пью ваше плохое пиво. Так что, подозрения с меня сняты?

— Да бросьте вы, ради бога. — Крамли потягивал свое пиво и щурился на меня. — Если бы я считал, что вы этакий спятивший укротитель львов, маньяк, доверху набивающий клетки трупами, вы бы уже два дня сидели у меня на параше. Неужели вы не понимаете, что я знаю вас как облупленного?

— Да что уж такого можно узнать про меня? — заметил я сконфуженно.

— Предостаточно, черт побери! Вот слушайте. — Крамли сделал еще глоток, закрыл глаза, прочел что-то на внутренней стороне век. — В квартале от вашей квартиры есть винная лавка, там же кафе-мороженое, а рядом китайская бакалея. И все в них считают, что вы не в себе. Они так вас и зовут — Псих. А иногда просто Дурак. Вы слишком много и громко болтаете. Они это слышат. Стоит вам продать рассказец в «Потусторонние истории», и вы распахиваете окно и орете на весь пирс. На черта это вам? Но главное, малыш, в итоге все они вас любят. Будущего у вас, ясное дело, нет, с этим они все согласны, ведь какому идиоту взбредет в голову отправиться на Луну и осесть там? Да и когда? В наше время на Марс всем плевать! До двухтысячного года никто и думать не будет, что там и как. Кого это интересует? Только героев комиксов да вас, межпланетный вы наш скиталец Флэш Гордон⁶⁵! Только чокнутых, дорогой мой Бак Роджерс!

Я залился краской, вспыхнул до корней волос и опустил голову, меня и рассердили, и смутили слова Крамли, но при этом подобное внимание мне льстило. Меня часто называли именами героев межпланетных комиксов, но почему-то в устах Крамли это прозвучало нисколько не обидно.

Крамли открыл глаза, увидел, как я покраснел, и сказал:

— Ну хватит пылать!

— Почему вы все это разузнавали обо мне еще до того, как старика... — Я осекся и договорил: — До того, как он умер?

— Я человек любознательный.

— А про большинство людей такого не скажешь. Я с этим в первый раз столкнулся, когда мне было четырнадцать. В этом возрасте все отказываются от игрушек. Я заявил своим: никакого Рождества, никаких больше игрушек. Но мне все равно дарили игрушки каждый год. Другие мальчишки получали рубашки

и галстуки. А я пристрастился к астрономии. В колледже нас было четыре тысячи студентов. Так из них только пятнадцать мальчишек и четырнадцать девчонок вместе со мной наблюдали звезды. Остальные бегали по дорожкам и наблюдали за собственными ногами. Из чего следует...

Я инстинктивно обернулся, так как что-то меня словно толкнуло, и поймал себя на том, что уже иду по кухне.

— Меня вдруг осенило, — объяснил я. — Можно мне...

— Что? — спросил Крамли.

— У вас есть кабинет?

— Разумеется. А что? — Крамли сдвинул брови и слегка встревожился.

Это еще больше заинтриговало меня и заставило проявить настойчивость.

— Не возражаете, если я в него загляну?

— Ну...

Я пошел туда, куда Крамли бросил взгляд.

Кабинет находился сразу за кухней. Когда-то эта комната служила спальней, а теперь в ней не было ничего, кроме письменного стола, стула и пишущей машинки.

— Так я и знал! — воскликнул я.

Я остановился за стулом и посмотрел на машинку. Мой старый, выдавший виды «Ундервуд» ей и в подметки не годился. Это была почти новенькая «Корона» со свежей лентой, а рядом дожидалась своей очереди стопка желтой бумаги.

— Господи! Так вот почему вы так испытующе на меня смотрите, — сказал я. — Все склоняете голову то в одну сторону, то в другую, хмуритесь, прищуриваетесь.

— Стараюсь просветить вашу башку рентгеном, узнать, есть ли в ней мозги, как они работают и что получается. — Крамли склонял голову то направо, то налево.

— Никому не известно, как работают мозги, писатели этого тоже не знают, никто не знает. Я делаю только одно: утром набрасываю, днем вычищаю.

— Враки! — мягко сказал Крамли.

— Истинная правда.

Я оглядел стол, с каждой стороны было по три ящика, под столом стояла плетеная корзина.

Я протянул руку к нижнему ящику слева.

Крамли покачал головой.

Я потянулся к нижнему ящику справа.

Крамли кивнул.

Я медленно выдвинул ящик.

Крамли вздохнул.

В ящике, в открытой коробке, лежала рукопись. На глаз в ней было страниц сто пятьдесят — двести. Начиналась она с первой страницы, титульного листа не было.

— И сколько же она лежит в ящике? — спросил я. — Простите меня, конечно.

— Да ладно, — ответил Крамли. — Пять лет.

— А теперь вы ее закончите, — сказал я.

— Черта с два! С чего вдруг?

— Потому что я так сказал. Я знаю.

— Закройте ящик, — сказал Крамли.

— Не сейчас. — Я выдвинул стул, сел, вставил в машинку лист желтой бумаги.

Напечатал три слова в одну строчку, сделал интервал и напечатал еще три.

Крамли, косясь из-за моего плеча, тихо прочитал:

— «Смерть — дело одинокое». — Он перевел дыхание и дочитал: — «Автор — Элмо Крамли». — Ему пришлось прочитать еще раз: — «Автор — Элмо Крамли». Господи помилуй!

— Ну вот. — Я положил свой титульный лист на его ждущую, когда о ней вспомнят, рукопись и задвинул ящик. — Это вам подарок. Для своей книги я найду другое название. Теперь уж вам придется завершить роман.

Я вставил в машинку еще один лист и спросил:

— На какой странице закончилась ваша рукопись?

— На сто шестьдесят второй, — ответил Крамли.

Напечатав цифру 163, я оставил лист в машинке.

— Вот и все, — проговорил я. — Страница ждет, завтра утром встанете, подойдете к машинке, никаких звонков по телефону, никаких газет, не пойдете даже в ванную, а сядете и начнете печатать. И Элмо Крамли обеспечит себе бессмертие.

— Наглец, — проговорил Крамли, но вполне спокойно.

— Бог вам поможет. Но и самому постараться придется.

Я поднялся, и мы с Крамли постояли, глядя на «Корону» так, будто это был его единственный ребенок и других больше не будет.

— Отдаете мне распоряжения, малыш? — спросил Крамли.

— Нет, это ваш мозг распоряжается, вы только прислушайтесь.

Крамли попятился и вышел в кухню взять еще пива. Я остался возле письменного стола и ждал, но вдруг услышал, как хлопнула задняя дверь. Я нашел Крамли в саду: он подставил лицо под разбрызгиватель, и оно все покрылось освежающими каплями. К этому времени потеплело, солнце здесь, на границе с державой туманов, сияло в полную силу.

— Сколько же вы за это время продали рассказов? Сорок?

— Да, сорок, по тридцать баксов за штуку. Так что автор я богатый.

— Вы и впрямь богаты. Вчера я постоял возле стойки с журналами в винном магазине Абе и прочел один ваш рассказ. Про человека, который обнаружил, что у него внутри скелет, и это его страшно перепугало. Здорово написано, ничего не скажешь. Где, черт побери, вы берете такие идеи?

— Просто у меня внутри тоже скелет, — ответил я.

— Большинство этого даже не замечает. — Крамли вручил мне пиво и наблюдал, какую гримасу я сделаю на этот раз. — Этот старик...

— Уильям Смит?

— Ну да, Уильям Смит. Утром пришло заключение о вскрытии. В легких воды не оказалось.

— Значит, он не утонул! Значит, его убили на берегу канала и уже мертвого затолкали в клетку. А это доказывает...

— Не бегите впереди паровоза, а то вас задавят. И не говорите, что я вам это сообщил, иначе пиво отберу.

Я с радостью протянул ему банку. Но он оттолкнул мою руку.

— А что вы думаете насчет стрижки?

— Какой стрижки?

— В день его смерти, незадолго до нее, мистера Смита действительно безобразно подстригли. Помните, как сокрушался его приятель, выходя из морга? Я сразу понял, что сделать это мог только один никуда не годный парикмахер.

Я рассказал Крамли про Кэла, про премию, которую посулили Уильяму Смигу, про Майроновский танцзал, про кафе Модести и про большой красный трамвай.

Крамли терпеливо меня выслушал и сказал:

— Неубедительно.

— Это все, что нам известно, — возразил я. — Хотите, я проверю венецианский кинотеатр — может, кто и вспомнит, что видел старика перед входом в тот вечер, когда он исчез?

— Нет, — отрезал Крамли.

— Может, мне проверить кафе Модести, трамвай, Майроновский танцзал?

— Нет, — повторил Крамли.

— Что же тогда вы от меня хотите?

— Чтобы вы держались от этого подальше.

— Почему?

— Потому, — сказал Крамли и замолчал. Он взглянул на заднюю дверь. — Если с вами что-нибудь случится, мой дурацкий роман так и не будет дописан. Кто-то должен прочитать это сочинение. А никого другого я не знаю.

— Вы забываете, — возразил я, — ведь кто бы вчера ночью ни стоял возле вашего дома, сейчас он уже стоит возле моего. Я не могу ему этого позволить, правда? Не желаю, чтобы этот тип продолжал за мной следить. Это он подсказал мне название, которое я только что напечатал на вашей машинке. Согласны?

Крамли смотрел мне в лицо, и я понимал, о чем он думает: об абрикосовом пироге, о банановом пирожном и мороженом с клубникой.

— Только будьте осторожны, — проговорил он наконец. — Старик мог поскользнуться, разбить голову и умереть до того, как попал в канал. Поэтому в легких и нет воды.

— А после этого он доплыл до клетки и залез туда. Ясное дело.

Крамли покосился на меня, словно старался оценить, чего от меня ждать.

Не сказав ни слова, он углубился в заросли. Его не было около минуты. Я ждал.

Потом откуда-то издалека до меня донесся трубный рев слона. Я медленно повернулся и, попав под садовый дождик, прислушался. Где-то уже поближе лев открыл огромную, как улей, пасть,

издал мощный рык и словно изрыгнул рой убийц. Стадо антилоп и газелей пронеслось мимо, как порыв летнего ветра; поднимая пыль, они стучали копытами по высохшей земле, и мое сердце устремлялось вслед за ними.

Внезапно на тропинке появился Крамли; он широко улыбался, как мальчишка, который то ли гордится, то ли смущен своей безумной выдумкой, до этой минуты не известной никому. Он побрякивал и двумя новыми банками пива показывал вверх на шесть звуковых систем в виде рожков лилий, подвешенных в кронах деревьев, словно большие темные цветы. Оттуда-то антилопы, газели и зебры защищали нас от безымянных зверей, обитающих за забором бунгало. Слон громко протрубил еще раз, и это меня доконало.

— Африканские записи, — объяснил Крамли, а мог бы и не объяснять.

— Потрясающе! — воскликнул я. — А это что?

Мне почудились десять тысяч африканских фламинго, которых пять тысяч дней назад, когда я был еще школьником, Мартин и Оса Джонсоны⁶⁶ перевозили с пресноводной лагуны, возвращаясь на самолете к нам в Калифорнию, чтобы рассказать простым людям невероятные истории об африканских гну и о своихключениях в Африке.

И тут я вспомнил.

В тот день, когда мне пришлось бежать со всех ног, чтобы успеть послушать Мартина Джонсона, он погиб в авиакатастрофе возле самого Лос-Анджелеса.

А сейчас в этих райских кушах, в убежище Элмо Крамли, я увидел птиц Мартина Джонсона.

И мое сердце взмыло вместе с ними.

Я посмотрел на небо и спросил:

— Что вы собираетесь делать, Крамли?

— Ничего, — ответил он. — Старушка с канарейками будет жить вечно. Можете держать пари.

— Денег нет, — ответил я.

Когда в тот день, ближе к вечеру, появились утопленники, это, конечно, многим испортило пикники, которые устраивались на пляже. Люди негодовали, складывали свои корзины и уходили

домой. Разгневанные женщины и раздраженные мужчины призывали назад собак, упрямо стремившихся к берегу смотреть на странных людей, неподвижно лежавших у самой воды. Детей уводили с пляжа и отсылали домой, категорически запрещая впредь даже приближаться к таким своеобразным незнакомцам.

Ведь утопленники — тема запретная. Как о сексе, говорить о них не принято. Поэтому, если утопленник осмеливался приблизиться к берегу, он сразу, будь то мужчина или женщина, становился *persona non grata*. Дети еще могли кинуться к утонувшему, замышляя какие-то свои мрачные церемонии, но леди, остававшиеся на берегу, после того как семьи, собрав свои пожитки, поспешно удалялись, раскрывали зонтики от солнца и демонстративно поворачивались к океану спиной, словно кто-то, запыхавшись в волнах, окликал их. И ничто из почерпнутого в статьях Эмили Пост⁶⁷ не могло помочь бедным леди в этой ситуации. Все обстояло очень просто: погибший любитель серфинга появлялся без приглашения, без разрешения и даже без предупреждения, как незваный родственник, и его приходилось быстрой трусцой поспешно перетаскивать в таинственные ледники подальше от пляжа.

Но не успевали унести одного неожиданно появившегося из воды незнакомца, как раздавались детские крики:

- Мамочка, смотри! О, только посмотри!
- Уходи! Сейчас же убирайся отсюда!

И вы слышали топот ног, убежавших от выброшенных на берег еще теплых фугасных бомб.

Возвращаясь от Крамли, я слышал об этих незваных визитерах — об утопленниках.

Мне очень не хотелось уходить с солнца, которое, казалось, всегда светило в саду у Крамли.

Возвращение на берег напоминало переезд в другую страну. Приполз туман, как будто радуясь любым плохим новостям, распространявшимся на пляже. Утопленники не интересовали полицию: они не были связаны с ночными происшествиями или неожиданными мрачными находками в каналах, чмокающих деснами всю ночь напролет. Это был просто мусор, выброшенный приливной волной.

Сейчас берег опустел. И ощущение пустоты еще усилилось, когда я окинул взглядом старый венецианский пирс.

— Плохой рис! — услышал я чей-то шепот.

Это прошептал я.

Прошептал старое китайское заклинание, которое выкрикивают на полях, чтобы обеспечить хороший урожай, защитить его от разрушительной воли злых, завистливых богов.

— Плохой рис...

Потому что на длинную змею все-таки наступили.

Ее все-таки растоптали.

«Русские горки» навсегда исчезли с дальнего конца пирса.

То, что осталось от них, теперь усеивало берег, словно гигантские бирюльки. Но играл в них сейчас только большой паровой экскаватор — он фыркал, наклонялся, опускал ковш, подхватывал кости. Игра ему нравилась.

«Когда прекратятся эти смерти?» — всплыли у меня в памяти слова Кэла, которые я услышал всего несколько часов назад.

Глядя на опустевший конец пирса, на его скелет, с которого содрали шкуру, на быстро наступающий на берег туман, я почувствовал, как в мою спину впились холодные дротики. За мной снова кто-то следил. Я резко обернулся.

Но это преследовали не меня.

На противоположной стороне улицы я увидел А. Л. Чужака. Он бежал, глубоко засунув руки в карманы пальто, голова ушла в темный воротник, он все время оглядывался, как крыса, убегающая от собак.

«Господи, — подумал я, — наконец-то я понял, кого он мне напоминает».

По!

Известные фотографии и угрюмые портреты Эдгара Аллана с его высоченным матово-светящимся лбом, задумчивыми, горящими мрачным огнем глазами, обреченным скорбным ртом, прячущимся под темными усами; галстук под несвежим воротничком сбился набок на всегда судорожно напряженном горле.

Эдгар Аллан По.

Бежал По, бежал Чужак, оглядываясь на настигающий его бесформенный туман.

«Господи, — подумал я, — да этот туман гонится за всеми нами!»

К тому времени, как я дошел до венецианского кинотеатра, потерявший терпение туман уже заполз и туда.

Старый венецианский кинотеатр мистера Формтенья был замечателен тем, что оказался последним в мире построенным над водой и раскачивающимся на волнах, как речное судно.

Его фасад стоял на бетонной дорожке, ведущей от Венеции к Океанскому парку и дальше, к Санта-Монике.

Задняя половина кинотеатра выдавалась с пирса, так что под ней плескались волны.

В конце дня я остановился перед входом, и, когда поднял глаза, сердце у меня упало.

Обычного списка идущих фильмов не было. Я увидел только одно слово, выведенное огромными буквами высотой фута в два:

«ПРОЩАЙТЕ».

Меня словно в живот пырнули.

Я шагнул к кассе.

Там сидел Формтень, улыбался мне и, старательно демонстрируя приветливость, махал рукой.

— Прощаетесь? — произнес я скорбно.

— Именно! — расхохотался Формтень. — Та-та-та, тра-та-та! Прощайте! Сегодня бесплатно! Входите! Все друзья Дугласа Фербенкса⁶⁸, Томаса Мейхана, Милтона Силса и Чарльза Рэя⁶⁹ — мои друзья!

Услышав знакомые с детства имена, я растаял: этих актеров я видел на допотопных экранах, когда мне было два, три, четыре года и я сидел на коленях у матери в прохладном кинозале: мы тогда жили в Северном Иллинойсе, пока для нас и впрямь не настали времена «плохого риса» и не пришлось, опережая переселенцев из Оклахомы, двинуться в старом потрепанном автомобиле на запад, где отец стал искать такое место, чтобы платили двенадцать баксов в неделю.

— Я не могу, мистер Формтень.

— Нет, вы посмотрите на него, он не хочет! — Мистер Формтень воздел руки и выкатил глаза, словно Манджафоко⁷⁰, кото-

рый, разозлившись на Пиноккио⁷¹, пригрозил, что перережет его нитки. — Это почему же?

— Стоит мне выйти из кино при дневном свете, на меня наваливается тоска. Ни на что глаза не глядят.

— Ну и где вы видите солнце? — закричал Формтень. — Да когда вы выйдете, уже ночь настанет.

— Все равно. Я хотел расспросить вас кое о чем, что было три дня назад, — сказал я. — Вы, случайно, не помните старика из трамвайной билетной кассы — Билла, Уилли, Уильяма Смита? Он в тот вечер кого-то ждал у входа в кинотеатр.

— Как же! Я еще окликнул его. «Что это у тебя на голове? — крикнул я. — Тебя что, гризли грыз?» У него с волосами было что-то несусветное, смех, да и только. Кто-то прошелся по ним газонокосилкой. Уж не этот ли чертов Кэл?

— Ну да. А вы не видели, с кем встретился Уильям Смит и с кем он ушел?

— Нет, я занят был. Вдруг за билетами явились сразу шесть человек. Подумайте только — шесть! Когда я огляделся, мистер Смит, Уилли, уже исчез. А что?

Руки у меня опустились. Наверно, по моему лицу было видно, как я разочарован. Обдавая меня запахом сен-сена через окошко в стеклянной стене кассы, Формтень поспешил меня приободрить:

— Угадайте-ка, кто появится на старом, проеденном молью серебряном экране в фильмах двадцать второго года? Фербенкс! В «Черном пирате», Гиш⁷² в «Сломанной лилии», Лон Чейни⁷³ в «Призраке оперы». Что может быть лучше?

— Господи, мистер Формтень, это же все немые картины!

— Ну и что? А в двадцать восьмом году вы где были? Чем больше звука, тем меньше настоящего кино! Статуи, но зато как играли! У них только губы шевелились, а вы шевельнуться боялись. Так что на этих прощальных сеансах будет царить молчание. Гмм. Тишина, да? А улыбки и жесты во весь экран? Безмолвные призраки. Молчаливые пираты. А за горгулий и горбунов, что подывают дождю и ветру, пусть говорит орган. Ну как? Свободных мест полно. Идите!

Он ткнул большим пальцем в кнопку кассы.

Машина выбросила мне красивый новенький оранжевый билет.

— Ладно. — Я взял билет и взглянул в лицо этого пожилого чудака, лет сорок не бывавшего на солнце, безумно влюбленного в кино и предпочитавшего журнал «Серебряный экран» энциклопедии «Британника». От любви к старым лицам на старых афишах в его глазах светилась легкая сумасшедшинка.

— А Формтень — это ваша настоящая фамилия? — спросил я в конце концов.

— Понимаете, моя фамилия означает такое место, как этот кинотеатр, где тени обретают форму, а формы предстают в виде теней. Можете предложить мне фамилию получше?

— Нет, сэр... мистер Формтень, — сказал я. И действительно не мог. — А что... — начал было я.

Но Формтень сразу догадался и расплылся в улыбке.

— Что будет со мной завтра, когда мой кинотеатр снесут? Не волнуйтесь. У меня есть покровитель. И у моих фильмов тоже. Сейчас они, все три тысячи, сложены в кинобудке, а скоро, на рассвете, окажутся в миле отсюда, в нижнем этаже дома на берегу, куда я хожу крутить фильмы и смеяться от души.

— У Констанции Раттиган! — воскликнул я. — То-то я часто видел какой-то странный мигающий свет в окне нижнего этажа или поздно вечером наверху в гостиной. Значит, это вы у нее были?

— А кто же еще? — заулыбался Формтень. — Уже много лет, закончив здесь, я трушú по берегу к ней, волоку с собой по двадцать фунтов кинолент. Эта Констанция целыми днями спит, а ночи напролет мы с ней смотрим кино и грызем воздушную кукурузу, то есть грызет-то она — Раттиган. Мы сидим и держимся за руки, как два ненормальных ребенка, грабим вместе с героями фильмов склепы, а иногда рыдаем так, что не можем перемотать бобину — от слез ничего не видим.

Я выглянул на берег, тянувшийся за фасадом кинотеатра, и мне представилось, как мистер Формтень трусит рысцой вдоль линии прибоя, тащит воздушную кукурузу, а вместе с ней и Мэри Пикфорд⁷⁴, и леденцы, и Фербенкса, спешит к престарелой королеве — ее верный рыцарь, как и она, влюбленный в бесконечную смену света и тьмы, воспроизводящую на экране грез столь же бесконечную смену закатов и восходов.

А на рассвете Формтень наблюдает, как Констанция Раттиган, подтверждая ходящие о ней слухи, бежит обнаженная к океану,

ныряет в холодные соленые волны и выплывает, зажав в крепких белоснежных зубах целебные морские водоросли, царственными движениями расчесывает и заплетает волосы, а Формтень, еле волоча ноги, возвращается домой в лучах восходящего солнца, опьяненный воспоминаниями, бурча и урча себе под нос мощные органичные мелодии «вурлитцера»⁷⁵, вьвшиися в его душу, сердце, костный мозг и услаждающие нёбо.

— Послушайте, — Формтень подался ко мне, совсем как Эрнст Тессиджер в «Старом темном доме» или как зловещий доктор Преториус в «Невесте Франкенштейна», — когда войдете, сразу поднимайтесь наверх, за экран. Были там когда-нибудь? Нет! Поднимайтесь по темной лестнице, что за экраном. Вот это переживание! Все равно что побывать в таинственном кабинете доктора Калигари. Век будете меня благодарить.

Пожимая ему руку, я воззрился на него в изумлении.

— Бог мой! — воскликнул я. — Ну и ручища у вас! Не та ли это лапа, что высунулась в темноте из-за книжных полок в «Коте и канарейке», схватила и утащила адвоката, пока он не прочел завещание?

Формтень посмотрел на свою руку, зажатую в моей, и рассмеялся.

— А вы славный мальчик! — сказал он.

— Стараюсь, мистер Формтень, — ответил я. — Стараюсь.

Войдя в зал, я вслепую пробрался по проходу, нащупал металлических поручни, по ступеням просцениума поднялся к вечно погруженной во тьму сцене и нырнул за экран, чтобы взглянуть на великих призраков.

Иначе как призраками их и нельзя было назвать. Высокие, бледные, темноглазые — герои иллюзий своего времени. Мне они казались скрученными, словно мягкие белые конфеты, так как я смотрел на них под углом. В полном безмолвии они жестикулировали и шевелили губами, дожидаясь, когда заиграет орган, но музыка все не начиналась. А на экране быстро мелькали кадр за кадром, и то появлялся Фербенкс с перекошенным лицом, то таяла, словно воск, Гиш, то толстяк Арбакль⁷⁶, похудевший из-за того, что я смотрел на него сбоку, бился усохшей головой о верхний край экрана и соскальзывал в темноту, а я смотрел на них и чувствовал, как у меня под ногами, под полом, мечутся волны,

как колышется пирс и кинотеатр, тонущий во вздымающейся воде, кренится, потрескивает, дрожит, сквозь щели в досках проникает запах соли. Все новые картины, светлые, как сливки, темные, как чернила, мелькали на экране, а кинотеатр поднимался и опускался, будто кузнечные мехи, и я опускался вместе с ним.

И тут взревел орган.

Точно такой же рев раздался несколько часов назад, когда огромный невидимый паровой молот принялся сокрушать пирс.

Кинотеатр накренился, выпрямился и снова качнулся, словно на ушедших под воду «русских горках».

Орган ревел, истошно вопил, прелюд Баха отскакивал от стен так, что со старых люстр сыпалась пыль, занавески дрожали, словно траурные одежды на ветру, а я, стоя за экраном, уже протягивал руку, стараясь ухватиться за что-нибудь, но замирал от ужаса, как бы что-нибудь не ухватилось за меня.

Бледные тени надо мной быстро шевелили губами, страдали. Призрак в белой маске в виде черепа, в шляпе с плюмажем медленно спускался по лестнице Парижской оперы; наверно, так же медленно минутой раньше прошествовал по темному проходу Формтень, откинул короткую занавеску, закрывавшую орган, — зазвенели, задребезжали кольца, на которых она висела, Формтень, как неотвратимый рок, как сама судьба, сел за инструмент, закрыл глаза, открыл рот, пальцы, как пауки, разбежались по клавишам, и грянул Бах.

Боясь оглянуться, я сквозь тридцатифутовый экран, по которому бродили привидения, всматривался в зал, стараясь разглядеть невидимых в темноте зрителей: прикованные к своим местам, они вздрагивали от аккордов органа, не отводя глаз от жутких теней, приподнимались и опускались вместе с кинотеатром, который качался на волнах ночного прилива.

Интересно, он тоже здесь, среди этих едва различимых лиц, чьи глаза устремлены на скользящее по экрану прошлое? Этот плакальщик из трамвая, этот любитель шагать по берегу канала под дождем, покидающий дом в три часа ночи? Не его ли это лицо виднеется в зале? Там? Или вон там? В темноте подрагивают бледные луны, созвездие лиц в переднем ряду, еще созвездие подале — пятьдесят — шестьдесят человек, и про каждого можно предположить, что он тоже совершит роковую вылазку в тумане,

столкнется с кошмаром и без звука исчезнет в воде, только волны тяжело вздохнут, отбегая назад за подкреплением.

«Как угадать его среди этих полуночников? — думал я. — И что бы такое крикнуть, чтобы он в панике сорвался с места, бросился по проходу, а я за ним?»

С экрана улыбался гигантский череп, влюбленные укрылись на крыше Оперы, призрак преследовал их, распахивая плащ, подслушивал их испуганный любовный лепет и усмехался; орган гремел, кинотеатр покачивался на высоких волнах, готовый справиться морские похороны в случае, если планки пола разойдутся и пучина поглотит нас.

Я быстро переводил глаза с одного едва различимого обращенного к экрану лица на другое, все выше и выше по рядам, пока не уперся взглядом в окошко киномеханика, где вдруг увидел часть лба и безумный глаз, устремленный вниз на восхитительные роковые страсти, бушующие в гейзерах света и тьмы.

Глаз Ворона из поэмы По. Или... Чужака!

Предсказателя по картам Таро, психолога, френолога, нумеролога и...

...киномеханика.

Кто-то же должен крутить фильм, пока Формтень терзает орган, заходясь от восторга. Обычно в другие вечера старик сам перебежал из кассы в будку киномеханика, оттуда к органу, прыгал из одного помещения в другое, будто под личиной беспокойного старца скрывался взбесившийся мальчишка.

А сейчас...

Кто еще мог увлечься этим поздним ночным меню из горбунов, разгуливающих скелетов и волосатых лап, срывающих жемчуга с шеи спящей женщины?

Чужак.

Музыка достигла апогея. Призрак исчез. На экране возник новый отрывок — дергающиеся кадры «Джекила и Хайда»⁷⁷ выпуска тысяча девятьсот двенадцатого года.

Я соскочил со сцены и бросился бежать по проходу между злодеями и убийцами.

Глаз По в окошке исчез.

Когда я добежал до будки, в ней никого не оказалось, пленка сама по себе выползала из проектора, похожего на светящегося

жука. Джекил, превращаясь в Хайда, спускался по лучу света на экран.

Музыка смолкла.

Внизу, выходя из кинотеатра, я увидел выдохшегося, но счастливого Формтень. Он снова сидел в кассе, продавал билеты в тумане.

Я проснулся в окошко, схватил его за руку и крепко сжал.

— Неплохой рис для вас, а?

— Что? — воскликнул Формтень, он принял мои слова за комплимент, хотя и не понял их.

— Будете жить вечно! — сказал я.

— Откуда вы знаете то, чего не знает даже Бог? — спросил Формтень. — Приходите снова, попозже. В час ночи. Будет Вейдт⁷⁸ в «Калигари». В два часа — Чейни в «Смейся, клоун, смейся». В три — «Горилла», в четыре — «Летучая мышь». Пусть кто-нибудь скажет, что этого мало.

— Только не я, мистер Формтень.

Я двинулся в туман.

— Не впали в депрессию? — крикнул он мне вслед.

— Думаю, что нет.

— Если способны думать, значит, не впали.

Наступила ночь.

Оказалось, что кафе Модести закрылось рано, а может быть, и навсегда, чего я знать не мог. Так что некого было спросить про Уильяма Смита, про парадную прическу и про ужин.

Пирс тонул в темноте. Светилось только окно в домишке специалиста по картам Таро А.Л. Чужака. Я прищурился.

Испугавшись, проклятый свет погас.

* * *

— Плохой рис? — переспросил Крамли по телефону. Но когда понял, что это я, голос у него повеселел. — О чем речь?

— Крамли, — с трудом выдавил из себя я, — появилось еще одно имя, его надо добавить к нашему списку.

— К какому списку?

— К леди с канарейками...

— Это не наш список, а ваш...

— Чужак, — сказал я.

— Что?

— А. Л. Чужак — психолог с пирса.

— Гадает на картах Таро, владетель странного собрания книг, нумеролог-любитель, пятый всадник Апокалипсиса?

— Вы его знаете?

— Малыш, я знаю весь пирс вдоль и поперек, всех и каждого на нем, рядом с ним, вокруг него, над и даже под ним. Знаю всех штангистов, толчущих песок на пляже, всех бродяг, что по ночам валяются на берегу мертвецки пьяными, а на рассвете воскресают от одного запаха семидесятицентового мускателя. А. Л. Чужак — этот плюгавый карлик? Не пойдет!

— Не вешайте трубку! Да ведь у него на лбу написано. Он просто напрашивается в жертвы. И будет следующим. Год назад я напечатал рассказ в «Дешевом детективном журнале» про два поезда, идущих в противоположных направлениях. На минуту они останавливаются на станции. Один пассажир смотрит на другого во встречном поезде, их глаза встречаются, и первый понимает, что напрасно посмотрел, что тот в окне напротив — убийца. А убийца смотрит на него и улыбается. Вот и все. Просто улыбается. И мой герой понимает, что обречен. Он отводит глаза, стараясь себя спасти. Но второй — убийца — продолжает смотреть на него. А когда мой герой снова поднимает глаза, в окне напротив уже никого нет. И он понимает, что убийца сошел с поезда; через минуту тот появился в поезде, где ехал мой герой, в его вагоне, прошелся по проходу и сел сзади. Ну что, страшно? Страшно.

— Идея шикарная, но так не бывает, — отрезал Крамли.

— Бывает, и чаще, чем вы думаете. В прошлом году мой приятель на «Роллс-Ройсе» пересекал страну. И его шесть раз чуть не сбросили с дороги. В разных штатах. На него нападали люди, которым не нравился его роскошный автомобиль. Если бы они преуспели, это было бы убийство, самое настоящее убийство, и ничего больше.

— Ну, это совсем другое дело. Роскошная машина есть роскошная машина. Им было все равно, кто в ней сидит. Убить, и все... А то, о чем вы говорите...

— Есть убийцы и убийцы. Старик из трамвайной кассы был настоящей жертвой. И леди с канарейками тоже. Их глаза так

и говорили: «Возьми меня, сделай милость, прикончи навсегда...» Чужак будет следующим, — произнес я в заключение. — Могу прозакладывать жизнь.

— Не надо, — вдруг очень спокойно возразил Крамли. — Вы паренек хороший, но, видит бог, молоко у вас на губах не обсохло.

— Чужак, — повторил я. — Сейчас, когда гибнет пирс, он тоже погибнет. Если его никто не убьет, он привяжет себе на шею «Закат Запада» или «Анатомию меланхолии» и бросится в воду с остатков пирса. Так что добавьте Чужака в наш список.

И, словно соглашаясь со мной, в африканских владениях Крамли взревел жаждущий крови лев.

— Надо же! Только-только у нас пошел хороший разговор, — посетовал Крамли.

И повесил трубку.

Впервые за многие недели, месяцы, даже годы по всей Венеции стали поднимать шторы.

Как будто город у океана просыпался, перед тем как уснуть навеки.

Прямо напротив моего дома в маленьком бунгало, с которого хлопьями осыпалась белая краска, шторы подняли днем, и...

Когда вечером я пришел домой и выглянул в окно, я обомлел. На меня смотрели глазки.

Не просто пара глаз, а дюжина, и даже не одна дюжина, а сотня, а то и больше.

Глазки были стеклянные, уложенные рядами. Они образовывали светящиеся дорожки, а некоторые покоились на небольших подставках.

Глазки были и голубые, и карие, и зеленые, и серые, и черные, и желтые.

Я перешел через узкую улицу и стал разглядывать эту сказочную модернистскую выставку.

— Вот бы обрадовались мальчишки! Вот поиграли бы на грязном школьном дворе! — сказал я самому себе.

Глазки ничего не сказали. Лежа на своих подставках или собранные небольшими кучками на белом бархате, они не мигая смотрели сквозь меня и дальше, в некое холодное будущее у меня за плечами. Я чувствовал, как их взгляд скользит по моей спине.

Кто сделал эти стеклянные глазки, кто положил их на окно и ждал, сидя внутри, когда их удастся продать и вставить кому-нибудь в глазницу, я не знал.

Кто бы это ни был, он принадлежал к невидимым венецианским умельцам, продающим свои изделия. Иногда в пещерной глубине этого бунгало я замечал острый язычок голубовато-белого пламени и видел, как чьи-то руки работали над похожими на слезы каплями расплавленного стекла. Но лицо старика (а в Венеции, штат Калифорния, все старики) пряталось за толстой защитной маской из металла и стекла. Издалека удавалось разглядеть только, как появляется на свет новый глаз, пока еще слепой, как его помещают в центр пламени, с тем чтобы на следующий день, словно яркую конфету, положить на подоконник.

Приходил ли кто покупать столь своеобразные украшения — этого я тоже не знал. Никогда не видел, чтобы кто-то ошупью входил в бунгало и выходил из него с обновленным взглядом. За весь год шторы поднимали всего раз или два в месяц.

Глядя на подоконник, я думал: «Странные глазки, не видели ли вы пропавших канареек? Не заметили, куда они делись?» И добавлял: «Следите за моей квартирой, ладно? Ночью будьте настороже. Погода может измениться. Может пойти дождь. И ко мне могут наведаться тени. Могут позвонить в дверь. Вы уж, пожалуйста, все примечайте и хорошенько запомните».

Но блестящие шарики, черные, как агат, и белые, как мрамор, — мои давние друзья по играм в школьном дворе — даже не моргнули в ответ.

В эту минуту чья-то рука, словно рука фокусника, высунулась из мрака и опустила на глазки штору.

Похоже, стеклодуву не понравилось, что я глазею на его глаза. А может, он боялся, как бы я не расчихался так, что потеряю один глаз и приду к нему просить замену.

Покупатель! Я мог испортить его безупречный послужной список. Десять лет он высувал глаза и ни одного не продал.

«Интересно, — подумал я, — а не продает ли он в качестве побочного промысла купальные костюмы тысяча девятьсот девятого года?»

Вернувшись к себе, я выглянул в окно.

Штора снова была поднята, ведь я уже не стоял за окном, словно инквизитор.

Глазки сияли, чего-то ожидая.

«Интересно, что они увидят ночью?» — подумал я.

«Я трепещу, чего-то ожидая».

Я мгновенно проснулся.

— Что это? — обратился я к пустому потолку.

Кто это сказал? Леди Макбет?⁷⁹

«Я трепещу, чего-то ожидая».

Бояться неизвестно чего без причины.

И с этим страхом дожить до рассвета.

Я прислушался.

Не туман ли это бьется в мою дверь, оставляя на ней синяки? Не он ли проверяет на прочность мою замочную скважину? И не подкрадывается ли к моему коврику только мне предназначенный маленький шторм с дождем, чтобы оставить у дверей морские водоросли?

Пойти и посмотреть я боялся.

Я открыл глаза и взглянул на дверь в коридор, ведущий в мою крошечную кухню и еще более крошечную ванную.

Вечером я повесил на дверь свой старый и рваный белый халат. Но теперь, когда я был без очков — они лежали на полу возле кровати, а все врачи сходились на том, что зрение у меня препаршивое, — халат перестал быть халатом.

На двери висело Чудовище.

Когда мне было пять лет и мы жили на востоке, в Иллинойсе, мне приходилось среди ночи подниматься по темной лестнице в ванную. И если там не горел хотя бы тусклый свет, вверху на площадке всегда пряталось Чудовище. Иногда мать забывала включить свет. Поднимаясь по лестнице, я изо всех сил старался не смотреть вверх. Но страх одолевал меня, и я все же поднимал глаза. Чудовище неизменно было там, оно рычало голосом проносившихся мимо в ночи паровозов, траурных поездов, увозивших любимых сестер и дядей. Я останавливался у подножия лестницы...

И визжал.

Сейчас Чудовище висело здесь, на двери, ведущей в темноту, в коридор, на кухню, в ванную.

«Чудовище, — заклинал я, — уходи!»

«Чудовище, — убеждал я белое пятно на двери, — я знаю, тебя нет. Ты мой старый халат».

Беда в том, что я не мог как следует его разглядеть.

«Дотянуться бы до очков, — думал я, — надеть их, тогда я вскочу...»

А пока я лежал, мне снова было восемь, потом семь, потом пять лет, а потом и четыре года, я делался все меньше и меньше, а Чудовище на двери — все больше, все длиннее, все темнее.

Я боялся даже моргнуть. Боялся, что любое движение заставит его мягко спланировать вниз и...

— Ах! — вскрикнул кто-то.

Потому что на другой стороне улицы зазвонил телефон.

«Заткнись, — подумал я. — Ты вспугнешь Чудовище, оно прыгнет!»

А телефон звонил. В четыре часа ночи! В четыре! Господи, кто?..

Пег? Заблудилась в мексиканских катакомбах? Пропала?

Телефон звонил.

Крамли? С результатами вскрытия, которых я и знать не желаю?

Телефон все звонил.

Или то голос холодного дождя, бегущей ночи, бессвязный бред алкоголика, оплакивающего страшные события, в то время как длинный трамвай, мчась сквозь грозу, визжит на поворотах?

Звонки смолкли.

Крепко зажмурившись, сжав зубы, закутав голову простыней, я, отвернувшись к стене, прижался к влажной подушке. И мне показалось, будто я слышу неуверенный шепот. Я похолодел.

Затаил дыхание. Старался утишить сердцебиение.

Потому что именно сейчас, именно в это мгновение...

Разве не почувствовал я, как Нечто коснулось кровати, кто-то тяжело опустился на нее?

У меня в ногах?

Следующей жертвой стал не Чужак.

И не леди с канарейками испустила вдруг последний вздох, сделав прощальный круг по комнате.

Исчез кое-кто другой.

И вскоре после рассвета блестящие глазки напротив моей многострадальной квартиры увидели, как прибыло доказательство.

Перед моей дверью остановился грузовик.

Невыспавшийся, измученный, я услышал его и насторожился.

Кто-то постучался в дверь моего гроба.

Я заставил себя взлететь в воздух, проплыл, как воздушный шар, по комнате, с треском распахнул дверь и слипающимися глазами всмотрелся в морду огромного здоровенного быка. Бык произнес мою фамилию. Я признался, что это я. Он попросил подписать вот здесь, показал где. Я подписал что-то похожее на квитанцию министерства транспорта и стал смотреть, как грузчик потопал обратно к своему грузовичку, выволок из кузова какой-то знакомый упакованный объемистый предмет и покатил его по улице.

«Господи, — подумал я, — что это? От кого?..»

Но огромный узел на колесах задел дверной косяк, и раздался мелодичный звук. Я зашатался, предугадав ответ.

— Куда ставить? — спросил бык, оглядывая мои заставленные роскошной мебелью королевские покои. — Здесь сойдет?

Он с трудом подтащил упакованный предмет к стене, окинул презрительным взглядом мою дешевую тахту, пол без ковра, мою пишущую машинку и потопал к выходу, оставив дверь открытой настежь.

А на другой стороне улицы я увидел десять дюжин блестящих голубых, карих, серых стеклянных глазок, следящих за тем, как я срываю упаковку и вижу...

Ту самую Улыбку.

— Мой бог! — вскричал я. — Да это же пианино, я слышал, как оно играет...

Регтайм «Кленовый лист».

Хлоп! Закрылась дверца кабины, грузовик, тарыхтя, укатил.

Я рухнул на свою уже почти рухнувшую тахту, не в силах поверить, что передо мной эта широкая, безучастная, сияющая слоновой костью улыбка.

«Крамли!» — мысленно воззвал я. Провел ладонью по омерзительной стрижке, слишком длинной на затылке, слишком короткой на висках. Пальцы ничего не чувствовали.

«Да, малыш?» — отозвался Крамли.

«Я передумал, Крамли, — мысленно признавался я. — Исчезнет не Чужак и не старая леди с канарейками».

«Вот тебе раз! Кто же?» — спросил Крамли.

Кэл-брадобрей.

Молчание. Вздох. Затем...

Щелчок, гудки.

Вот почему, глядя на то, что осталось на память от встреч со Скоттом Джоплином, я не сорвался с места и не помчался звонить своему другу полицейскому детективу.

Все стеклянные глазки из бунгало напротив дружно изучали мою стрижку и наблюдали, как я закрываю дверь.

«Ладно, — подумал я. — Только ведь я даже собачьего вальса играть не умею».

Парикмахерская была открыта и пуста. Муравьи, пчелы, термиты и им подобные побывали здесь до полудня. Стоя в дверях, я глядел на полное опустошение. Как будто кто-то подкатил ко входу гигантский пылесос и высосал из помещения все.

Пианино, как известно, попало ко мне. Интересно, кто получил и кому могли понадобиться парикмахерское кресло, притирания, лосьоны, оставлявшие пятна и мазки на зеркалах, висевших на стенах? И еще интересно, кому достались волосы?

Посреди парикмахерской стоял человек. Как мне помнилось, это был хозяин, сдававший ее в аренду, — мужчина лет пятидесяти, он водил метлой по безволосому полу, без видимой цели гладил пустые половицы. Он поднял глаза и увидел меня.

— Кэла нет, — объявил он.

— Вижу, — ответил я.

— Подонок смылся, не заплатив мне за четыре месяца аренды.

— Дела у него шли плохо, правда?

— Да никаких дел вообще не было. Только стрижки. Даже на два бакса они не тянули, никуда не годились, могли бы побить все рекорды в штате.

Пошупав свою макушку и затылок, я согласно кивнул.

— Мерзавец, унес ноги, а ведь задолжал мне за пять месяцев. Сосед-бакалейщик говорит, Кэл еще был здесь в семь утра. От агентства по продаже подержанных вещей в восемь явились за креслом. Остальное забрала Армия спасения. Не знаю, кому до-

стало пианино. А хотелось бы знать. Загнал бы его, хоть какие-то деньги выручил. — Хозяин взглянул на меня.

Я промолчал. Пианино есть пианино. По каким-то причинам Кэл отослал его мне.

— Как вы думаете, куда он подался? — спросил я.

— Вроде у него родственники в Оклахоме, в Канзасе, в Миссури. Сейчас кто-то заходил, сказал, будто слышал, как два дня назад Кэл заявил, что будет гнать машину, пока земля не кончится, а тогда кинется прямо в Атлантику.

— Кэл такого не сделает.

— Да нет, скорее осядет где-нибудь у ирокезов, и скатертью дорожка. Видит бог, стриг он хуже некуда.

Я прошел по чистым белым половицам, по очищенной от вострой территории, сам не зная, чего ишу.

— А вы кто? — спросил хозяин, беря метлу наперевес.

— Писатель, — пояснил я. — Вы же меня знаете. Я — Чокнутый.

— Черт, а я вас не узнал. Это Кэл вас так изукрасил?

Он поглядел на мои волосы. Я почувствовал, как у меня кровь приливает к скальпу.

— Еще вчера.

— Расстрелять его за это мало.

Я прошел по комнате и завернул за тонкую деревянную перегородку, отделявшую заднюю часть парикмахерской. Там стояли мусорные ведра, там же была уборная.

Я уставился в мусорное ведро и обнаружил в нем то, что искал.

Фотографию Кэла со Скоттом Джоплином, прикрытую накопившимися за месяц волосами, которых оказалось не так уж много.

Я нагнулся и вытащил фотографию.

И меня словно обдало ледяным холодом.

Скотт Джоплин исчез!

Кэл был на месте, навсегда оставшись юным и сияющим от счастья, его тонкие пальцы лежали на клавишах.

А человек, нагнувшийся над ним и усмехавшийся...

Был вовсе не Джоплином.

Это был совсем другой парень, черный, более молодой, казавшийся более порочным.

Я поднес фотографию к самым глазам и внимательно всмотрелся в нее.

На том месте, где когда-то была голова Скотта Джоплина, виднелись следы засохшего клея.

«Господь был милостив к Кэлу, — подумал я. — Никому из нас и в голову не пришло как следует рассмотреть снимок. К тому же он был под стеклом и висел высоко, не так-то легко было его снять».

Видно, когда-то, давным-давно, Кэлу попалась фотография Скотта Джоплина, он бритвой вырезал голову и заклеил ею лицо этого другого парня. Налепил голову на голову. И подпись наверняка подделал. А мы все эти годы смотрели на снимок, вздыхали, прищелкивали языками и восторгались: «Ну, Кэл, вот здорово! Да тебе повезло! Взгляни только!»

И все годы Кэл глядел на фото, зная, что это обман, зная, что и сам он обманщик, и обрабатывал головы клиентов так, что казалось, будто над ними пронесся канзасский смерч, а потом их расчесал впавший в буйство жнец-маньяк.

Я перевернул снимок и снова полез в мусорное ведро, надеясь найти отрезанную голову Скотта Джоплина.

И знал, что не найду.

Кто-то ее забрал.

И тот, кто сорвал ее со снимка, тот и звонил Кэлу по телефону, угрожая: «Все про тебя знаю», «Ты теперь весь на виду», «Разоблачен». Я вспомнил, как у Кэла зазвонил телефон. А Кэл испугался и не снял трубку.

А однажды, два или три дня назад, пришел он в свою парикмахерскую, и что же? Взглянул случайно на снимок и чуть не упал. Голова Скотта Джоплина пропала. Значит, и Кэл пропал.

Все, что он успел, — это распорядиться насчет парикмахерского кресла, оставить лосьоны Армии спасения и отправить мне пианино.

Я прекратил поиски. Сложил фотографию Кэла без Джоплина и вышел из-за перегородки посмотреть, как хозяин подметает половицы, на которых не осталось волос.

— Кэл, — начал я.

Хозяин перестал мести.

— Кэл не... — продолжил я. — Я хочу сказать... Ведь... Я имею в виду... ведь Кэл жив?

— Гад, — ответил хозяин, — жив-живехонек, удрал на восток, проехал уже, поди, миль четыреста и не заплатил мне за семь месяцев.

«Слава богу, — подумал я. — Значит, можно не рассказывать об этом Крамли. Во всяком случае, сейчас. Бегство — это не убийство, и Кэл — не жертва.

Нет?

Удрал на восток? А может, Кэл покойник, хоть и ведет машину?»

Я вышел из парикмахерской.

— Парень, — сказал хозяин, — ты плохо выглядишь, и когда пришел, плохо выглядел, и сейчас.

«Не так плохо, как некоторые», — подумал я.

Куда мне теперь идти? Что делать, если Улыбка заняла всю мою квартиру, где и спальня и гостиная в одной комнате, а я умею играть только на «Ундервуде»?

В ту ночь телефон на заправочной станции зазвонил в два тридцать. А я, вымотанный предшествующей бессонной ночью, как пришел, так и лег спать.

Лежал и прислушивался.

Телефон не умолкал.

Он звонил две минуты, потом три. Чем дольше он звонил, тем холоднее мне становилось. Когда я наконец соскочил с кровати, натянул купальные трусы и потащился через дорожку, у меня уже зуб на зуб не попадал, как в метель.

Сняв трубку, я сразу почувствовал, что это Крамли, там далеко, на другом конце провода, и он еще ничего не успел сказать, а я уже понял, что за новости он собирается сообщить.

— Все-таки случилось? Да? — спросил я.

— Откуда вы знаете? — Крамли говорил так, будто тоже не спал всю ночь.

— Почему вы туда пошли? — спросил я.

— Час назад я брился, и вдруг меня будто стукнуло. Возникли предчувствия, о каких, черт побери, вы обожаете рассказывать. Я еще здесь, жду следователя. Хотите подойти и сказать: «Ну я же говорил!»?

— Нет, не хочу. Но приду.

И повесил трубку.

Вернувшись к себе, я увидел свое «Нечто», оно все еще висело на двери ведущего в ванную коридора. Я сорвал его, швырнул на пол и стал топтать. Это было только справедливо, ведь ночью оно нанесло визит леди с канарейками, вернулось на рассвете и ничего мне не сказало.

«Господи, — думал я, тупо топчась на купальном халате. — Теперь все клетки опустели».

Крамли стоял на одном берегу Нижнего Нила, у сухого русла реки. Я встал на другом. Патрульная машина и фургон из морга ждали внизу.

— Вам это зрелище не понравится, — предупредил Крамли.

Он помедлил, дожидаясь, когда я кивну, чтобы откинуть простыню.

— Это вы звонили мне среди ночи? — спросил я.

Крамли покачал головой.

— Сколько прошло с тех пор, как она умерла?

— Мы считаем, часов одиннадцать.

Я мысленно вернулся назад. Четыре часа утра. В четыре утра зазвонил телефон. Звонило «Нечто», чтобы сказать мне. Если бы я побежал отвечать на звонок, холодный ветер в трубке рассказал бы мне — об этом.

Я кивнул, Крамли откинул простыню.

Под ней была леди с канарейками, и в то же время ее там не было. Какая-то часть ее витала в темноте, а на то, что осталось на кровати, смотреть было страшно.

Глаза ее неподвижно уставились на жуткое «Нечто», на ту дьявольщину, что висела на двери у меня в коридоре и невидимой тяжестью опустилась на мою постель. Рот, когда-то еще приоткрывавшийся, чтобы прошептать: «Подойди, подойди, я жду тебя!» — теперь был широко открыт от ужаса, протестовал, пытался отогнать что-то, оттолкнуть, выставить прочь из комнаты!

Придерживая пальцами простыню, Крамли взглянул на меня.

— Пожалуй, мне следует извиниться перед вами.

— За что?

Говорить было трудно: она лежала между нами, уставившись на нечто кошмарное на потолке.

— За правильную догадку. Догадались вы. За сомнения. Сомневался я.

— Догадаться было нетрудно. У меня умер брат, умер дед, умерли тетки. И мать с отцом тоже умерли. Все смерти одинаковы, правда ведь?

— Мм, да. — Крамли выпустил из рук простыню — на долину Нила упал осенью снег. — Только это — естественная смерть, малыш. Не убийство. Такой взгляд, как у нее, бывает у всех, кто чувствует, как во время приступа сердце рвется прочь из груди.

Я хотел выложить доказательства. Но прикусил язык. Краем глаза я кое-что заметил, и это заставило меня повернуться и отойти к пустым птичьим клеткам. Много времени мне не потребовалось: я сразу понял, что привлекло мое внимание.

— Боже мой, — прошептал я, — Хирохито. Аддис-Абеба. Они исчезли!

Обернувшись, я указал Крамли на клетки.

— Кто-то забрал из них обрывки старых газет. Тот, кто поднялся сюда, не только напугал ее до смерти, он прихватил газеты. Господи, да он коллекционер! Держу пари, карман у него набит трамвайными конфетти, и отклеенную голову Скотта Джоплина тоже он припрятал.

— Голову Скотта Джоплина? Это еще что такое?

Крамли не хотелось, но все же в конце концов он подошел взглянуть на дно клеток.

— Найдете эти газеты — и он у вас в руках.

— Просто, как дважды два! — вздохнул Крамли.

Он проводил меня вниз мимо повернутых к стене зеркал, которые не видели, как кто-то поднимался сюда ночью, не видели, как он уходил. Внизу на площадке на пыльном окне все еще висело объявление о продаже канареек. Сам не знаю почему я потянулся и вынул его из облезлой, скрепленной скотчем рамки. Крамли наблюдал за мной.

— Можно, я возьму? — спросил я.

— Вам будет тошно глядеть на него. Да черт с вами. Берите.

Я сложил объявление и сунул в карман.

Наверху в птичьих клетках песен не слышалось.

В дом, отдуваясь от выпитого днем пива и насвистывая, вошел следователь.

А между тем начался дождь, и когда мы с Крамли сели в машину, лило во всей Венеции. Мы уезжали из дома леди с канарейками, подальше от моей квартиры, подальше от телефонов, звонивших в неподобающее время, подальше от серого океана, от пустого пляжа, от воспоминаний об утопленниках. Лобовое стекло напоминало огромный глаз, плачущий, утирающий слезы, снова заливающийся слезами, а «дворники» снова враз-вперед, враз-вперед, застывали, взвизгивали и снова двигались враз-вперед, снова останавливались и, взвизгнув, двигались опять. Я не отрываясь смотрел вперед.

Войдя в свое притаившееся в джунглях бунгало, Крамли взглянул на меня, понял, что тут нужно бренди, а не пиво, вручил мне стакан и кивком показал на телефон в спальне.

— У вас есть деньги позвонить в Мехико-Сити?

Я покачал головой.

— Считайте, что они у вас есть, — сказал он. — Позвоните, поговорите со своей девушкой. Закройте дверь и поговорите.

У меня перехватило горло, я сжал руку Крамли так, что чуть не переломал ему пальцы. И позвонил в Мехико.

— Пег!

— Кто это?

— Да я, я!

— Господи, у тебя такой странный голос, такой далекий.

— Я и впрямь далеко.

— Слава богу, ты хоть жив.

— Жив.

— У меня ночью было жуткое ощущение. Я не могла заснуть.

— Во сколько это было, Пег, во сколько?

— В четыре. А что?

— Господи Иисусе!

— Да что такое?

— Ничего. Я тоже не мог заснуть. А как там в Мехико-Сити?

— Полно смертей.

— Боже, я думал, это только у нас.

— Что?

— Да ничего. Господи, как хорошо слышать твой голос.

— Скажи что-нибудь.

Я сказал.

— Скажи еще раз!

— Почему ты кричишь, Пег?

— Не знаю. Нет, знаю. Когда, черт тебя возьми, ты предложишь мне выйти за тебя?

— Пег, — пробормотал я в замешательстве.

— Ну так все же когда?

— Но у меня тридцать долларов в неделю, сорок, если повезет, неделями вообще пусто и месяцами тоже ни гроша.

— Я дам обет жить в бедности.

— Ну ясно.

— Дам обет. И буду дома через десять дней. И дам два обета.

— Десять дней что десять лет.

— Почему женщинам всегда приходится самим просить руки у мужчин?

— Потому что мы трусы и всего боимся больше, чем вы.

— Я буду тебя защищать.

— Ничего себе разговор. — Я вспомнил о своей двери ночью, о том, как на ней висело что-то страшное, как это «что-то» опустилось мне на постель. — Ты лучше поспеши.

— Ты помнишь мое лицо? — вдруг спросила Пег.

— Что?

— Помнишь ведь, правда? А то, знаешь, ровно час назад случился жуткий кошмар — я не могла вспомнить, как ты выглядишь, не могла вспомнить, какого цвета у тебя глаза, и подумала: какая я дура, что не захватила твою фотографию. Но все прошло. Меня ужасно испугало, что я могу забыть тебя. Ты ведь меня никогда не забываешь, правда?

Я не сказал ей, что всего лишь накануне забыл, какие у нее глаза, и целый час не мог прийти в себя — это было похоже на смерть, только я не мог сообразить, кто из нас умер — Пег или я.

— Легче тебе, когда ты слышишь мой голос?

— Да.

— Я теперь с тобой? Видишь мои глаза?

— Да.

— Ради бога, как только повесишь трубку, сразу отправь мне свое фото. Я не хочу больше так пугаться.

— Но у меня только паршивенькая фотка за двадцать пять центов, я...

— Вот и пришли ее. Нельзя мне было уезжать сюда и оставлять тебя одного, без всякой защиты.

— Говоришь так, будто я — твой ребенок.

— А кто же ты?

— Не знаю. А любовь может защитить людей, Пег?

— Должна. Если моя любовь тебя не защитит, я этого Богу никогда не прошу. Давай еще поговорим. Пока мы говорим, любовь с нами и ты в порядке.

— Я уже в порядке. Ты меня вылечила. Скверно мне было сегодня, Пег. Ничего серьезного. Что-то съел, наверно. Но сейчас все в норме.

— Вернусь и сразу перееду к тебе, что бы ты там ни говорил. Если поженимся — прекрасно. Тебе просто придется смириться с тем, что работать буду я, пока ты заканчиваешь свою Великую Американскую Эпопею. И хватит об этом, молчи! Когда-нибудь потом поможешь мне!

— Ты уже командуешь?

— Конечно, я же не хочу вешать трубку, а хочу, чтобы мы говорили весь день, но понимаю — тебе это влетит в копейку. Скажи мне еще раз то, что я хочу услышать.

Я сказал.

И она исчезла. В трубке зажужжало, а я остался наедине с куском кабеля длиной две тысячи миль и миллиардом еле слышных шорохов и шепотков, стремящихся ко мне. Я повесил трубку, чтобы они не успели проникнуть мне в уши и заползти в мозг.

Когда, открыв дверь, я вышел из спальни, Крамли ждал меня возле холодильника — он искал, чем бы подкрепиться.

— Удивлены, откуда я взялся? — рассмеялся он. — Забыли, что вы у меня? Так увлеченно трепались?

— Забыл, — признался я.

И, чувствуя себя совершенно несчастным от своей простуды, взял все, что он протянул мне, вынув из холодильника. Из носа у меня текло.

— Возьмите бумажный платок, малыш, — сказал Крамли. — Забирайте всю коробку. И пока вы здесь, — добавил он, — напомним-ка мне, кто следующий в вашем списке.

— В нашем списке, — поправил его я.

Крамли сузил глаза, нервно провел рукой по лысине и кивнул.

— Список тех, кому еще предстоит умереть в порядке очереди. — Он закрыл глаза, вид у него был подавленный. — Наш список, — повторил он.

Я не стал сразу рассказывать ему про Кэла.

— И заодно, — Крамли отхлебнул пива, — напишите имя убийцы.

— Это должен быть кто-то, кто знает в Венеции, штат Калифорния, всех.

— Тогда это я, — заметил Крамли.

— Не надо так говорить.

— Почему?

— Потому, — ответил я, — что мне делается страшно.

* * *

Я составил список.

Составил второй список.

А потом вдруг поймал себя на том, что составляю третий.

Первый список получился короткий — это был перечень возможных убийц, и ни в одну из версий я не верил.

Второй назывался «Жертвы на выбор» и вышел довольно длинный, туда входили те, кто исчезнет в ближайшее время.

Дойдя до середины, я вдруг сообразил, что включаю в него всех венецианских бродяг. Тогда я отвел отдельную страницу для Кэла-парикмахера, пока он не испарился из моей памяти, и еще одну — для Чужака, бегающего по улицам. Еще одну страницу я посвятил всем тем, кто вместе со мной камнем летел в преисподнюю на «русских горках», и еще одну — тому историческому вечеру, когда плавучий кинотеатр мистера Формтеня переплывал Стикс⁸⁰, чтобы бросить якорь на Острове Мертвых и (подумать только!) утопить самого владельца серебряного экрана.

Я отдал последний долг миссис Канарейке, написал целую страницу о стеклянных глазках, собрал все и сложил в свою Говорящую коробку. Эту коробку я держал возле пишущей машинки, там накапливались мои идеи, по утрам они разговаривали со мной, рассказывая, куда бы им хотелось податься и что они намерены учинить. Я лежал в полусне и слушал, а потом

вставал, садился за машинку и помогал им отправиться туда, куда им не терпелось попасть, и там они совершали бог знает что; так рождались мои рассказы. То про собаку, которая жаждала разрыть могилу. То про машину времени, мечтающую отправиться в прошлое. То про человека с зелеными крыльями, которому хотелось летать по ночам, когда его никто не видит. То про самого себя, как я скучаю без Пег в своей холодной, будто гроб, кровати.

Один из списков я отвез показать Крамли.

— А чего вы не напечатали их сразу на моей машинке? — удивился он.

— Ваша ко мне еще не привыкла и будет только мешать. А моя меня опережает, так что я едва за ней поспеваю. Вот, взгляните.

Крамли прочел мой список возможных жертв.

— Черт возьми, — пробормотал он, — да вы всунули сюда половину здешней торговой палаты, чуть ли не всех членов «Клуба Львов»⁸¹, владельцев наших прославленных аттракционов на пирсе и блошиного цирка.

Он сложил список и спрятал в карман.

— А почему вы обошли вниманием кое-кого из своих давних друзей, живущих в Лос-Анджелесе?

В груди у меня словно запрыгала ледяная лягушка.

Я тут же представил себе большой дом с комнатами, сдающимися внаем, его темные коридоры, приветливую миссис Гутьеррес и милую Фанни.

Лягушка в груди затрепыхалась еще сильнее.

— Не говорите так, — сказал я.

— А где другой список, с убийцами? Там тоже вся торговая палата?

Я покачал головой.

— Бойтесь показать его мне, потому что я и сам из них, — усмехнулся Крамли.

Я вынул из кармана второй лист, взглянул на него и разорвал.

— Где у вас мусорная корзина? — спросил я.

Пока мы разговаривали, на улице напротив владений Крамли появился туман. Он немного помедлил, словно искал меня, а потом, подтверждая мои параноидальные подозрения, проник в сад,

накрыл его, словно одеялом, притушил рождественские огни на апельсиновых и лимонных деревьях и окутал цветы, так что им пришлось закрыть чашечки.

— Как он посмел сюда явиться? — возмутился я.

— Как все, — ответил Крамли.

— *Que?* Это Чокнутый?

— *Si*, миссис Гутьеррес.

— Я звоню в офис?

— *Si*, миссис Гутьеррес.

— Фанни зовет вас с балкона.

— Я слышу, миссис Гутьеррес.

Далеко отсюда, в солнечном уголке, там, где не бывает ни мороси, ни тумана, ни дождя и прибой не выбрасывает на берег незваных гостей, в многоквартирном доме, где комнаты сдавались внаем, словно пение сирены, раздавалось сопрано Фанни.

— Скажи ему, — услышал я, как она пропела, — скажи, у меня есть новая запись «Волшебной флейты» Моцарта!

— Она говорит...

— Я слышу ее, миссис Гутьеррес. Передайте ей — слава богу, это благодатная музыка.

— Она хочет, чтобы вы ее навестили, соскучилась, говорит, надеется, вы простили ее, так сказала.

За что? — силился я вспомнить.

— Говорит...

Голос Фанни парил в теплом чистом воздухе.

— Скажи, пусть приходит, но никого с собой не приводит.

Эти слова нокаутировали меня. Призраки некогда съеденного мороженого зашевелились и подняли головы у меня в крови. Разве я когда-нибудь приходил к ней не один? Я задумался. Интересно, кого, по ее мнению, я могу привести к ней без приглашения?

И тут я понял.

Халат, что по ночам висит у меня на двери. Пусть там и висит. Канарейки на продажу. Нечего тащить к Фанни их опустевшие клетки. Львиная клетка в канале. Не кати ее перед собой по улицам. Призрак Оперы. Не сдирай его с серебряного экрана, не прячь в карман. Не надо.

«Господи, Фанни, — подумал я. — Неужели туман дополз и до тебя? Неужели добрался до вашего дома? Неужели дождь коснулся твоих дверей?»

Я так громко закричал в телефон, что, наверно, Фанни услышала меня этажом ниже.

— Передайте ей, миссис Гутьеррес, я приду один. Один. Но скажите, что я не знаю, смогу ли прийти. У меня денег нет даже на трамвай. Может быть, я приду завтра...

— Фанни говорит — если придете, она денег даст.

— Здорово! Но пока в карманах пусто.

И тут я вдруг увидел, что дорогу переходит почтальон и кладет конверт в мой почтовый ящик.

— Не вешайте трубку! — завопил я и побежал.

Письмо было из Нью-Йорка, в конверте лежал чек на тридцать долларов за рассказ, который я только что продал в журнал «Странные истории» (рассказ про человека, который боялся ветра, а тот преследовал его повсюду, от самых Гималаев, и теперь по ночам сотрясал его дом, жаждал забрать его душу).

Бегом я вернулся к телефону и закричал:

— Я иду в банк, если получу деньги, вечером приеду!

Фанни передали мои слова, и прежде, чем наша посредница повесила трубку, Фанни пропела три такта «Арии с колокольчиками» из «Лакме».

Я бросился в банк.

«Кладбищенский туман! — думал я. — Не вздумай пролезть передо мной в трамвай, когда я поеду к Фанни!»

Если пирс был большим «Титаником», плывущим ночью навстречу айсбергу, в то время как пассажиры переставляли стулья на его палубе, а кто-то пел: «Ближе к Тебе, мой Боже!» — и норвил при этом ударить по взрывателю с тротилом...

...то дом с комнатами, сдающимися внаем, на углу Темпла и улицы Фигуэроя, со всеми своими занавесками, жильцами, с нижним бельем, сохнувшим на веревках почти во всех окнах, со стиральными машинами, крутящимися как безумные в прачечной на заднем дворе, с запахом мексиканских лепешек и закусок из соленого мяса, пропитавшим все коридоры, — этот многоквартир-

тирный дом просто безмятежно плавал посреди пригорода Лос-Анджелеса.

Сам по себе это был маленький остров Эллис⁸², плывущий без руля и без ветрил, населенный людьми из шестнадцати стран. Субботними вечерами на верхних этажах устраивались праздники энчилады⁸³ и в коридорах танцевали конгу⁸⁴, но в будние дни все двери были закрыты. Люди уходили к себе рано, они работали в центре города на складах готового платья, в дешевых магазинах или в долине на предприятиях, оставшихся от оборонной промышленности, или продавали дешевую бижутерию на Олвера-стрит.

О самом доме никто не заботился. Хозяйка миссис О'Брайен старалась появляться здесь как можно реже: она панически боялась карманников и свято берегла свое семидесятидвухлетнее целомудрие. Если кто и опекал дом, то это Фанни Флорианна, только она умела со своего балкона на втором этаже, словно с балкона оперного театра, так нежно пропеть свои распоряжения, что даже мальчишки в бильярдной через дорогу переставали галдеть и задираться, словно петухи или голуби, подходили к балкону с киями в руках, махали ими и кричали ей «ole!».

На первом этаже жили трое китайцев, ну и, конечно, вездесущие чикано⁸⁵, на третьем — японский джентльмен и шесть молодых людей из Мехико-Сити, у которых был один белый, как мороженое, костюм на всех и они по очереди шеголяли в нем раз в неделю по вечерам. Там же жили несколько португальцев, ночной сторож с Гаити, два торговца с Филиппин и еще несколько чикано. На последнем этаже жила миссис Гутьеррес — обладательница единственного в доме телефона.

Второй этаж почти весь занимала Фанни и ее триста восемьдесят фунтов. Здесь же жили две сестры — старые девы из Испании, торговец ювелирными изделиями из Египта и две леди из Монтеррей, про которых судачили, будто они за скромную плату продают свои милости проигравшимся и сластолюбивым игрокам в пул, если тем поздними вечерами по пятницам удастся без посторонней помощи вскарабкаться по лестнице. «Каждая мышшка в свою норку», — говорила Фанни.

Мне доставляло удовольствие постоять в сумерках возле дома, послушать доносящиеся из всех окон веселые звуки радио и смех, вдохнуть запахи приготовляемой еды.

Я рад был войти в этот дом и встретиться с его обитателями.

Подвести итог жизни некоторых людей очень просто — эта жизнь все равно что стук хлопнувшей двери или кашель, раздавшийся на темной улице.

Вы выглядываете в окно, а улица пуста. Тот, кто кашлянул, уже исчез.

Есть люди, доживающие до тридцати, до сорока лет, но они ничем не привлекают к себе внимания, их жизни проходят незаметно, невидимо, догорают быстро, как свечи.

В доме и вокруг него ютилось немало таких незаметных, почти невидимых людей разного рода, которые хоть и жили там, но их словно и вовсе не было.

Например, там обитали Сэм, Джимми и Пьетро Массинелло и еще один весьма примечательный слепец Генри, черный, как темные коридоры, по которым он шествовал, преисполненный своей негритянской гордости.

Всем или большинству из них суждено было в течение нескольких дней исчезнуть, причем все исчезали по-разному, один за другим. И поскольку это произошло быстро и так неодинаково, никто не придавал этому значения, и даже я мог бы не обратить внимания на их последнее прости.

Сэм.

Сэм был мексиканец, нелегально перебравшийся в Америку, чтобы мыть посуду, побираться, покупать дешевое вино, пропадать где-то по нескольку дней, а потом снова появляться, как блуждающий по ночам мертвец, снова мыть посуду, снова попрошайничать, надуваться дешевым контрабандным вином. По-испански он говорил плохо, по-английски еще хуже, так как еле ворочал языком, переставшим его слушаться из-за пристрастия к мускателю. Никто не понимал, что он хочет сказать, да никого это и не интересовало. Спал он в подвальном этаже и никому не мешал.

Вот и все про Сэма.

Понять, что хочет сказать Джимми, тоже было невозможно, но не из-за вина, а потому, что кто-то украл у него челюсти. Зубы,

бесплатно сделанные для него городским управлением здравоохранения, кто-то похитил ночью, когда он довольно опрометчиво решил переночевать в ночлежке на Мейн-стрит. Их украли из стакана с водой, который стоял возле его подушки. Когда Джимми проснулся, его широкая белозубая улыбка исчезла навсегда. Джимми, беззубый, но подбодренный джином, вернулся в дом навеселе, демонстрировал всем свои розовые десны и хохотал. Потеря зубных протезов и чешский акцент иммигранта делали его речь такой же нечленораздельной, как у Сэма. Он спал в пустых ваннах, ложился в три ночи, а днем выполнял самую разную работу вокруг дома и много смеялся без всяких на то причин.

Это все про Джимми.

Пьетро Массинелло заменял собой целый цирк, ему, как и другим, разрешали в декабре переселять всех его веселых артистов — собак, кошек, гусей и попугаев — с крыши, где они жили летом, в кладовку в подвальном этаже. Там они уже много лет пережидали зиму под попури из лая и гоготания, то ссорясь друг с другом, то погружаясь в дремоту. Пьетро можно было встретить на улицах Лос-Анджелеса; он шагал, сопровождаемый стадом обожающих его животных, собаки виляли хвостами, на каждом плече Пьетро восседал попугай, утки переваливались следом, он носил с собой портативный заводной патефон, ставил его на углу улицы, и под звуки вальса «Сказки Венского леса» собаки танцевали, а прохожие бросали Пьетро кто сколько мог. Это был маленький человек с колокольчиками на шляпе, с подведенными черным большими наивными безумными глазами, к его обшлагам и петлицам были пришиты бубенчики. Он не говорил с людьми. Он пел.

На двери его, примыкавшей к подвалу каморки, красовалась вывеска «КОРМУШКА», там все дышало любовью — животные обожали своего чудаковатого хозяина, который преданно за ними ухаживал, ласкал и баловал.

Это все про Пьетро Массинелло.

Генри — слепой негр — был еще более своеобразен, не только потому, что в отличие от Сэма и Джимми отчетливо и понятно говорил, но и потому, что, сколько мы его помнили, никогда не пользовался тростью и сумел выжить, когда другие незаметно, без похоронных маршей, однажды ночью покинули этот мир навсегда.

Когда я вошел в дом, Генри ждал меня.

Ждал в темноте, притаившись у стены, лицо у него было такое черное, что я его даже не заметил.

И обомлел, увидев его глаза, незрячие, но с яркими белками.

Я подошел к нему, от удивления раскрыв рот.

— Генри? Это ты?

— Испугал тебя, да? — Генри улыбнулся, потом вспомнил, зачем он здесь. — Тебя жду, — сказал он, понизив голос и оглядываясь, словно мог увидеть какие-то тени.

— Что-то не так, Генри?

— Да. Нет. Не знаю. Все изменилось. Наш дом уже не тот. Люди нервничают, даже я.

Я увидел, как он пошарил правой рукой в темноте, нащупал полосатую, как мятная конфета, трость и крепко сжал ее. Раньше я не замечал, чтобы он пользовался тростью. Я пристально всмотрелся в нее: закругленный конец казался тяжелым — похоже, туда залили немало свинца. Это была не трость слепого. Это было оружие.

— Генри! — удивленно прошептал я.

Некоторое время мы стояли молча, я внимательно вглядывался в него, но ничего необычного не заметил.

Слепой Генри.

Он все держал в памяти. Гордясь собой, он высчитал и заучил, сколькими шагами измеряется его квартал, сколькими следующий и следующий за ним. Знал, сколько шагов требуется, чтобы перейти улицу на одном перекрестке, сколько — на другом. С надменной уверенностью он мог перечислить названия улиц, по которым проходил, определить, что проходит мимо мясника или мимо чистильщика сапог, мимо аптеки или бильярдной — он узнавал их по запаху. Даже если лавки были закрыты, он слышал запахи кошерных блюд, различал сорта табака в запечатанных коробках, узнавал по запаху африканской слоновой кости бильярдные шары, убранные в свои гнезда и запертые там, ощущал, как возбуждающе потягивало с заправочной станции, когда там наполняли бак, а Генри шел своей дорогой, глядел прямо перед собой, без черных очков, без трости, только слегка шевелил губами, отсчитывая шаги, сворачивал в пивную Эла, уверенно проходил между занятыми столиками прямо к свободному стулу у рояля,

садился, протягивал руку к кружке пива, которую Эл перед его приходом неизменно ставил на определенное место, исполнял на рояле ровно три мелодии, в том числе регтайм «Кленовый лист», — и, увы, куда лучше, чем брадобрей Кэл, — допивал пиво и удалялся в темноту, где чувствовал себя хозяином, снова отсчитывал шаги и повороты, направляясь домой, окликал невидимых знакомых, называя их по именам, гордый своими скрытыми талантами; путь ему указывали чуткий на запахи нос да ноги, крепкие и мускулистые благодаря ежедневным десяти милям, которые он проходил по городу.

Если вы пытались помочь ему перейти через дорогу, что я однажды опрометчиво сделал, он отдергивал локоть и обращал к вам такое гневное лицо, что вы сразу заливались краской.

— Не трогайте, — шипел он. — Не пугайте меня. Я из-за вас сбился. Где я был? — Он, словно шелкая костяшками счетов, скрывавшихся у него в голове, производил в уме какие-то вычисления, пересчитывал свои косички. — Ага! Значит, так. Тридцать пять поперек улицы, тридцать семь на той стороне. — И он двигался дальше, один, оставив вас на тротуаре, шел, как на параде, — тридцать шагов через Темпл в одну сторону, тридцать семь — в другую, через Фигуэроя. Несуществующая трость отбивала ритм. Он маршировал, ей-богу, он по-настоящему маршировал!

И это он — Генри, не имевший фамилии, Генри-слепец, прислушивавшийся к ветру, знавший все трещины на тротуаре, изучивший запах пыли в своем большом доме, это он первый предупреждал, если что-то было не так на лестницах, если ночь слишком тяжело наваливалась на крышу, если в холлах пахло незнакомым потом.

И сейчас, поздним вечером, когда улицы и коридоры дома погрузились в полную темноту, Генри стоял в вестибюле, прижавшись к потрескавшейся стене. Глаза у него были закрыты, глазные яблоки двигались под веками, ноздри раздувались, колени слегка согнулись, словно кто-то стукнул его по голове. Темные пальцы сжимали трость. Он к чему-то прислушивался, так напряженно прислушивался, что я невольно обернулся и стал вглядываться в длинный глухой коридор, ведущий в дальний конец дома, где была настежь распахнута задняя дверь и чего-то ждала еще более темная ночь.

— Что случилось, Генри? — снова спросил я.

— Обещаешь, что не скажешь Флорианне? Фанни теряет голову, если расскажешь ей что-то нехорошее. Обещаешь?

— Конечно, Генри, я не стану расстраивать ее.

— Куда ты подевался в последние дни?

— У меня были свои заботы, Генри. И я совсем обнищал. Мог, конечно, доехать на попутках, но... да ладно.

— Тут столько случилось всего за сорок восемь часов. Пьетро, он сам, его собаки, и птички, и гуси, а ты знаешь, какие у него кошки?

— Так что же с Пьетро?

— Кто-то заложил его. Позвонил в полицию. Сказал — он мешает. Пришли полицейские, забрали всех его любимцев, увели его. Ему удалось кое-кого пристроить. Я получил его кошку, живет теперь у меня в комнате. Миссис Гутьеррес взяла еще одну собаку. Когда его уводили, Пьетро плакал. Никогда не слышал, чтобы мужчина так плакал. Ужас просто.

— Кто же на него донес? — Я и сам расстроился. Я видел, как собаки обожали Пьетро, видел, с какой любовью за ним хвостом ходили кошки и гуси, вспомнил, как на его шляпе с колокольчиками сидели канарейки и как сам он половину моей жизни плясал на улицах. — Кто же заложил его, Генри?

— В том-то и беда, что никто не знает. Просто явились копы и сказали: «Давай!» — и все его любимцы исчезли навсегда, а Пьетро посадили: то ли он мешал кому-то, то ли затеял скандал перед домом, ударил кого-то, набросился на полицейского. Никто не знает, в чем дело. Но кто-то на него донес. Только это еще не все...

— Что же еще? — спросил я, прислоняясь к стене.

— Сэм.

— А с ним что?

— Он в больнице. Напился вдрызг. Кто-то поднес ему две кварты чего-то сильно крепкого. Этот идиот сразу все выпил. Ну и как это называется? Острый алкоголизм. Будет Божья воля, так доживет до завтра. Никто не знает, кто его угостил. Но самое-то плохое — Джимми, вот это хуже всего!

— Господи! — прошептал я. — Дай-ка я присяду. — Я сел на ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж. — Вот уж поистине «Ничего новенького, или Отчего собака сложла»!

— Что?

— Старая пластинка на семьдесят восемь оборотов. Пользовалась успехом, когда я был мальчишкой. Называлась «Ничего новенького, или Отчего собака съехала». Собака наелась горелого овса в сгоревшем амбаре. Почему сгорел амбар? Из дома долетели искры, вот он и сгорел. Искры из дома? В доме стоял гроб, вокруг свечи. Свечи вокруг гроба? Умер чей-то дядя... И так далее, и так далее. А все кончилось тем, что собака наелась горелого овса и съехала. В общем, «ничего новенького». Это твои рассказы так на меня подействовали, Генри. Ты уж прости. Мне очень жаль.

— Вот именно, жаль. Так вот, про Джимми. Знаешь, где он спит по ночам? То на одном этаже, то на другом. А раз в неделю раздевается и залезает в ванну на третьем этаже мыться. Или на первом, в умывальной. Ну, сам знаешь. И вот как раз вчера он забрался в полную ванну, перевернулся и утонул.

— Утонул!

— Утонул. Глупо, верно? И какой позор, если об этом напишут на могильной плите, хотя никакой плиты у него, ясное дело, не будет. Похоронят на кладбище для бродяг. Найден в ванне, полной грязной воды. Перевернулся. Был такой пьяный, что заснул в ванне и захлебнулся. И ведь как раз на этой неделе он получил новые зубы. А зубы-то исчезли, что ты на это скажешь? Его нашли в ванне, утонувшего. А зубов-то нет.

— О господи! — воскликнул я, подавив не то смех, не то рыдание.

— Вот именно. Помянем Господа. Он нас всех спасет. — У Генри задрожал голос. — Теперь ты понимаешь, почему я не хочу, чтобы ты сказал об этом Фанни? Мы ей расскажем потом, понемногу. Будем сообщать каждую неделю о каком-то одном случае. Растянем на несколько недель. Пьетро Массинелло в тюрьме, его собаки пропали, кошки разбежались, гусей сварили. Сэм в больнице. Джимми утонул. А я? Взгляни на мой платок. Я его комкаю в кулаке. Он весь мокрый от слез. Я не слишком-то хорошо себя чувствую.

— Да уж, сейчас вряд ли кто чувствует себя хорошо.

— А теперь, — Генри безошибочно протянул руку туда, откуда раздавался мой голос, и мягко коснулся моего плеча, — а теперь поднимайся и изволь быть веселым. Повесели Фанни.

Я постучал в дверь Фанни.

— Слава богу! — донесся до меня ее голос.

Казалось, будто пароход поднялся вверх по течению, широко распахнул дверь и, вспенивая воду, по линолеуму вернулся назад.

Снова втискиваясь в свое кресло, Фанни взглянула на меня и спросила:

— Что стряслось?

— Стряслось? Господи. — Я повернулся и посмотрел на дверную ручку, за которую все еще держался. — Ты что, никогда не запираешь дверь?

— А зачем? Кому придет в голову врываться сюда и штурмовать Бастилию? — Но Фанни не смеялась. У нее был настороженный вид. Как и у Генри, нос у нее был чуткий. А меня бросило в пот.

Я закрыл дверь и сел в кресло.

— Кто умер? — спросила Фанни.

— Умер? Что ты хочешь сказать? — запинаясь, ответил я вопросом на вопрос.

— У тебя такое лицо, будто ты только что с китайских похорон и очень проголодался. — Она сделала попытку улыбнуться, но только поморгала.

— Ах да, — нашелся я. — Меня Генри напугал в вестибюле, вот и все. Ты же его знаешь. Входишь в дом, а его в темноте не видно.

— Какой ты никудышный враль! — возмутилась Фанни. — Где ты пропадал? Я извелась, дожидаясь, когда ты наконец явишься. Ты когда-нибудь уставал оттого, что ждешь? Я так ждала тебя, дорогой мой, боялась, не случилось ли чего. Ты, наверно, грустил?

— Очень грустил, Фанни.

— Ну вот. Я так и знала... Это из-за того ужасного старика в львиной клетке? Так ведь? Как он смел огорчить тебя?

— От него это не зависело, Фанни, — вздохнул я. — Наверно, он предпочел бы остаться в билетной кассе и подсчитывать конфетти у себя на жилете.

— Ну ладно. Фанни тебя развеселит. Не опустишь ли иголку на пластинку, дорогой? Да, это она, Моцарт. Под него можно петь и танцевать. Как-нибудь пригласим сюда Пьетро Массинелло, хорошо? «Волшебная флейта» как раз для него. И пусть приведет свой зверинец.

— Конечно, Фанни.

Я опустил иголку, пластинка многообещающе зашипела.

— Бедный мальчик, — вздохнула Фанни. — У тебя и впрямь несчастный вид.

Кто-то тихо поскреб по двери.

— Это Генри, — сказала Фанни. — Он никогда не стучится.

Я пошел открывать и услышал голос Генри в коридоре:

— Это я.

Я распахнул дверь, и Генри потянул носом.

— Мятная жвачка. По ней я тебя и узнаю. Ты вообще-то жуешь что-нибудь другое?

— Не жую, даже табак.

— Твой кеб здесь.

— Мой... что?

— С каких это пор ты можешь позволить себе такси? — изумилась Фанни, щеки у нее порозовели, глаза зажглись. Мы провели чудесные два часа с Моцартом, и вокруг нашей внушительной леди даже воздух светился. — Ну так в чем дело?

— Вот именно. С каких это пор я могу себе позволить... — проговорил я и прикусил язык, потому что Генри, оставаясь за дверью, предостерегающе покачал головой. И осторожно приложил палец к губам.

— Так это твой друг. Таксер. Знает тебя по Венеции. Ясно?

— Ясно! — ответил я, нахмурившись. — Раз ты так говоришь...

— Да, и вот еще что. Это для Фанни. Пьетро просил ей передать. У него внизу так тесно, совсем места нет.

Он вручил мне пушистого мурлыкающего кота, белого в рыжих и черных пятнах.

Я взял его на руки и понес эту мягкую ношу к Фанни, а та, взяв кота, и сама замурлыкала.

— О боже! — воскликнула она, радуясь и Моцарту, и пестрому коту. — Ну и кот! Прямо мечта!

Генри кивнул ей, кивнул мне и скрылся в коридоре.

Я подошел к Фанни и крепко обнял ее.

— Ты только послушай, послушай, какой у него моторчик! — воскликнула она, поднимая кота, толстого, как подушка, и целуя его.

— Запри дверь, Фанни, — попросил я.

— Что? — удивилась она. — Зачем?

По дороге вниз я нашел Генри, он все еще чего-то ждал, притаившись у стены.

— Генри, ради бога, что ты тут делаешь?

— Прислушиваюсь, — ответил он.

— К чему?

— К дому. К этому месту. Ш-ш-ш! Осторожно. Ну вот!

Он поднял трость и, словно антенну, направил ее в глубину коридора.

— Там. Ты... слышишь?

Где-то шелестел ветер. Где-то далеко, сквозь темноту, пробежало легкое дуновение. Скрипнули балки. Кто-то вздохнул. Застонала дверь.

— Ничего не слышу.

— Потому что стараешься. Не надо стараться. Стой спокойно. Просто слушай. А сейчас?

Я прислушался. У меня по спине пробежал холодок.

— Кто-то в доме есть, — прошептал Генри. — Кто-то чужой. Я чувю. Я не дурак. Наверху кто-то есть, бродит, замышляет недоброе.

— Не может быть, Генри.

— Так и есть, — прошептал он. — Это я, слепой, тебе говорю. Чужой. Плохой. Генри знает, что говорит. Не послушаешься, упадешь с лестницы или...

«Утону в ванне», — подумал я. А вслух сказал:

— Будешь стоять тут всю ночь?

— Кто-то же должен сторожить.

«Слепой?!» — подумал я.

Он прочитал мои мысли. Кивнул.

— Ну ясно. Старый Генри. А как же? А теперь беги. Там, у входа, огромный сногшибательный «Дьюсенберг»⁸⁶, пахнет — помереть можно! Никакое это не такси. Я соврал. Кто может заехать за тобой так поздно? Кого-нибудь знаешь с такой шикарной машиной?

— Никого.

— Ну иди. Я поберегу Фанни для нас. А вот кто теперь позаботится о Пьетро? Ни Джимми нет, ни Сэма.

Я пошел к выходу, из одной ночи в другую.

— Да, еще одно...

Я остановился. Генри сказал:

— А что за дурные новости ты принес сегодня и ничего не сказал? Ни мне, ни Фанни?

Я рот раскрыл.

— Откуда ты знаешь?

Я подумал о леди с канарейками, как она, завернутая в простыни, молча опускается на дно реки и скрывается из виду. Подумал о Кэле, о том, как крышка пианино прихлопнула ему пальцы, исполнявшие «Кленовый лист».

— Хотя ты и жуешь мятную жвачку, — рассудительно заметил Генри, — дыхание у тебя, молодой сэр, сегодня несвежее. А значит, пишу ты перевариваешь плохо. Это значит, плохой для писак выдался день, до нутра пробрало.

— День был для всех плохой, Генри.

— Ну, я пока еще здесь пофырчу и порычу. — Генри выпрямился и потряс тростью, целясь в коридор, где сгущалась тьма, перегорели лампочки и тихо оплывали души. — Генри — сторожевой пес. А теперь — марш!

Я вышел из дому к машине, которая не только пахла, но и на самом деле была «Дьюсенбергом» выпуска двадцать восьмого года.

Перед входом стоял лимузин Констанции Раттиган.

Длинный, сверкающий, роскошный, словно витрина магазина на Пятой авеню, неизвестно как оказавшаяся на убогой окраине Лос-Анджелеса.

Задняя дверца была распахнута. Шофер на переднем сиденье низко надвинул на глаза фуражку и смотрел прямо перед собой. Он даже не взглянул на меня. Я пытался привлечь его внимание, но лимузин ждал, мотор ворчал, и я только тянул время.

В жизни не ездил в такой машине! Может, это мой единственный и последний шанс.

Я прыгнул внутрь.

Не успел я устроиться сзади, как лимузин тронулся с места и одним плавным движением, словно боа-констриктор, отполз от тротуара. Задняя дверца захлопнулась за мной, мы рванулись вперед, и при выезде из квартала наша скорость составляла уже шестьдесят миль в час. А Темпл-Хилл мы взяли приступом на скорости в семьдесят пять миль. До Вермонта ухитрились домчаться

по зеленой волне, там свернули на Уилшир и понеслись в Уэствуд, хотя необходимости в этом не было, но, наверно, так казалось эффективней.

Я сидел на заднем сиденье, как Роберт Армстронг⁸⁷ на коленях у Кинг-Конга, ликуя и воркуя что-то себе под нос. Я знал, куда еду, но не мог понять, за что мне такое счастье.

Потом я вспомнил вечера, когда приходил навестить Фанни и слышал у ее дверей такой же аромат «Шанели», кожи и парижских ночей, какой вдыхал сейчас. Видно, Констанция Раттиган бывала у Фанни за несколько минут до меня. Можно сказать, что мы с ней не раз разминулись всего на волосок норки, на выдох, благоухающий французскими духами.

Перед поворотом в Уэствуде мы проехали мимо кладбища, так неудобно расположенного, что стоило зазеваться, как тут же попадаешь на его парковку. А ведь могло случиться и наоборот — пришлось бы искать стоянку, колеся по кладбищу между могилами! Занятно!

Прежде чем я успел это обдумать, и кладбище, и парковка остались позади, и мы уже были на полпути к океану.

В Венеции и Уиндворде мы ехали вдоль берега. Легко и быстро, словно мелкий дождичек, проскочили мимо моей тесной квартиры. В окне, возле которого стояла моя машинка, мерцал слабый свет. «Интересно, — подумал я, — может, на самом деле я сижу там, а все это мне только снится?» Позади осталась моя покинутая телефонная будка и Пег на другом конце молчащего провода, за две тысячи миль отсюда. «Ах, Пег, — подумал я, — видела бы ты меня сейчас!»

Ровно в полночь мы свернули к задним воротам белой мавританской крепости, и лимузин остановился так мягко, как накатывает волна на песок; хлопнула дверца, шофер, не став разговорчивей после долгой поездки, в полном молчании быстро скрылся в задних дверях форта. И больше не появлялся.

Целую минуту я ждал, что будет дальше. Но ничего не дождался, вылез из машины, как воришка, чувствуя себя без вины виноватым и подумывая, не лучше ли удрать?

В верхнем этаже я заметил темную фигуру. Шофер ходил по мавританской крепости, возведенной на венецианских песках, и зажигал везде свет.

Я покорно ждал. И смотрел на часы. Когда минутная стрелка проползла последнюю секунду последней минуты, над входом в крепость вспыхнули огни.

Я поднялся к открытой двери и вошел в пустой дом. Где-то далеко, в холле, я увидел маленькую фигурку, она сновала по кухне, готовила напитки. Невысокая девушка в форме горничной. Она помахала мне и убежала.

Я вошел в гостиную, где расположилась целая стая подушек размерами от спиц до датских догов. Я сел на самую большую и сразу утонул в ней, вдобавок к тому, что сердце у меня и так уходило в пятки.

В комнату вбежала служанка, поставила поднос с двумя бокалами и тут же умчалась, я даже не успел ее рассмотреть (в комнате горела только свеча). Служанка бросила через плечо:

— Пейте! — не то с французским, не то с каким-то другим акцентом.

В бокале оказалось холодное белое вино из самых лучших, сейчас оно было мне просто необходимо. Моя простуда усилилась. Я не переставая чихал и шмыгал носом.

В две тысячи семьдесят восьмом году при раскопках на побережье Калифорнии, где, по слухам, некогда правили короли и королевы, которых потом смыло приливом, была обнаружена древняя могила или то, что приняли за могилу. Говорили, будто иных из правителей хоронили с их колесницами, других с реликвиями — свидетельствами их великолепия и высокомерия. А были и такие, кто оставил после себя только изображения, хранящиеся в странных коробках, и если рассматривать эти изображения на свет, да еще намотать их на бобину, то они начинали говорить и на экранах возникали целые представления черно-белых теней.

Так вот. В одной из обнаруженных и вскрытых могил была похоронена королева, в ее склепе даже пылинки не было, не было в нем и мебели, только подушки на полу, а вокруг ряд за рядом штабелями поднимались до самого потолка коробки с наклейками, на наклейках значились названия всех прожитых королевой жизней. Но все эти жизни только казались настоящими, на самом деле их вовсе не было. То были грезы, законсервированные и укупоренные в жестянки. Из коробок слышались возгласы джиннов,

в них скрывались и принцессы — они прятались там от убийственной реальности, мечтая сохраниться для вечности. В каком-то далеком году, затерявшемся под слоем песка и воды, эта гробница находилась по адресу: Калифорния, Венеция, Океанское побережье, Спидвей, 27. А звали королеву, фильмы которой, спрятанные в коробки, заполняли комнату от пола до потолка, — Констанция Раттиган.

И вот я сидел в этой комнате, ждал и размышлял.

Я надеялся, что она не окажется похожей на леди с канарейками. Надеялся, что увижу не мумию с запорошенными пылью глазами.

И надеялся не зря.

Вторая после Никотрис египетская царица наконец появилась. Она вошла без всякой торжественности, на ней не было ни вечернего туалета из серебристых кружев, ни даже элегантного платья с шарфом, ни брючного костюма.

Я почувствовал, что она стоит в дверях, еще до того, как она заговорила. И что же я увидел?

Женщину около пяти футов роста в черном купальном костюме с неправдоподобно загорелым телом и лицом, смуглым, как мускатный орех или корица. Стриженные волосы — светло-каштановые с проседью — лежали как им вздумается, словно она только коснулась их гребнем и оставила в покое. Тело у нее было стройное, крепкое, быстрое, и сухожилия ног вовсе не казались перерезанными. Она босиком стремительно перешла комнату и остановилась, глядя на меня сверху вниз блестящими глазами.

— Ты хороший пловец?

— Неплохой.

— Сколько раз переплывешь мой бассейн из конца в конец? — Кивком она показала на большое изумрудное озеро за доходящими до пола окнами.

— Двадцать.

— А я сорок пять. И каждому моему знакомому, прежде чем я пушу его к себе в постель, приходится переплывать его сорок раз.

— А я, выходит, не выдержал экзамен.

— Констанция Раттиган, — представилась она, схватив мою руку и крепко ее пожал.

— Знаю, — ответил я.

Она отступила на шаг и оглядела меня с головы до ног.

— Значит, это ты жуешь мятную жвачку и любишь «Тоску», — сказала она.

— А вы, значит, говорили и со слепцом Генри, и с Флорианной?

— Верно. Подожди здесь. Если я не окунусь на ночь, я засну прямо при тебе.

Я не успел ответить, как она уже нырнула через окно, переплыла бассейн и устремилась в океан. Первая же волна накрыла ее с головой, и она исчезла из виду.

Я подумал, что, когда она вернется, ей не захочется вина. И пошел на кухню — голландскую, белую, как сливки, голубую, как небо, полную аромата готового кофе, возвещающего начало нового дня, — и обнаружил булькающий кофейник с ситечком. Я взглянул на свои дешевые часы — почти час ночи. Налил кофе для двоих, отнес его на веранду, выходящую на изумрудно-голубой бассейн, и стал ждать.

— Да! — воскликнула Констанция, отряхиваясь по-собачьи прямо на пол. Схватив чашку, она отпила кофе и, наверно, обожгла губы. — Так начинается мой день, — сказала она, продолжая пить.

— Когда же вы ложитесь?

— Иногда на рассвете, как все вампиры. Не терплю полдень.

— Откуда тогда у вас такой загар?

— Лампа солнечного света в подвальном этаже. Почему ты так смотришь?

— Потому, — начал я, — потому, что вы совсем не такая, какой я вас представлял. Я думал, вы похожи на Норму Десмонд⁸⁸ в том фильме, что сейчас вышел на экраны. Вы его видели?

— Я прожила его, черт побери! Половина фильма — про меня, остальное — мура. Эта дуреха Норма хочет сделать себе новую карьеру. А я почти всегда хочу только одного — забиться к себе в берлогу и не показываться. Хватит с меня продюсеров, хватающих за коленки, директоров, норовящих завалить тебя на матрас, зануд писателей и трусливых сценаристов. Не принимай на свой счет. Ты ведь писатель?

— Да, черт возьми.

— В тебе что-то есть, малыш! Держись подальше от кино. Они выжмут тебя как губку. О чем это я говорила? Ах да. Уже давно я отдала все свои шикарные наряды на распродажу в Голливуд. Я бываю на премьерах, наверно, раз в год, и то переодевшись кем-нибудь другим. Раз в два месяца завтракаю у Сарди или в «Дерби» с кем-нибудь из старых приятелей, а потом опять скрываюсь в своей норе. К Фанни заезжаю примерно раз в месяц, обычно в это время. Она такая же полуночница, как твоя покорная слуга.

Констанция допила кофе и стала вытираться большим мягким желтым полотенцем, оно прекрасно оттеняло ее загорелую кожу. Накинула его на плечи и снова внимательно посмотрела на меня. Мне хватило времени как следует рассмотреть эту женщину, которая была и не была Констанцией Раттиган, великой королевой экрана времен моего детства. Тогда по полотну скользила обольстительная коварная женщина, завлекавшая в свои сети мужчин, темноволосая, восхитительно стройная. Сейчас передо мной была сожженная солнцем, обитающая в песках пустыни мышь, быстрая, проворная, без возраста, вся — словно смесь мускатного ореха, корицы и меда. Мы стояли с ней, обдуваемые ночным ветром, у стен ее мечети возле средиземноморского бассейна. Я взглянул на этот дом и подумал: «Ни радио, ни телевизора, ни газет». Констанция мгновенно прочитала мои мысли.

— Верно! В гостиной только кинопроектор и киноплёнки. Время хорошо работает лишь в одном направлении — назад, в прошлое. Я управляю прошлым. И, черт побери, знать не знаю, что делать с настоящим. А будущее? Ну его к дьяволу! Я в него не собираюсь, знать его не хочу и тебя возненавижу, если будешь меня в него заманивать. Моя жизнь превосходна.

Я оглядел освещенные окна ее дома, представил себе комнаты за ними, поглядел на оставленный возле мечети лимузин.

Она вдруг занервничала, сорвалась с места, убежала и вернулась, неся с собой белое вино. Налила его в стаканы, приговаривая:

— Какого черта! Пей, я...

Она протянула мне стакан с вином, а я неожиданно для самого себя рассмеялся. Меня словно прорвало. Я хохотал до колик.

— В чем дело? — удивилась она, только что не отнимая у меня стакан. — Что смешного?

— Вы, — задыхаясь от смеха, прорычал я. — Ведь это вы — и шофер, и горничная. Горничная, шофер — и все это вы!

Я показал на кухню, на лимузин, на нее.

Констанция поняла, что я ее разгадал, и, разделяя мое веселье, запрокинула голову и залилась звонким, искренним смехом.

— Ну, малыш, попал в самую точку. Господи, а я-то думала, что хорошо сыграла.

— Так и есть! — воскликнул я. — Вы потрясающая! Но когда вы передавали мне вино, я заметил что-то знакомое в движении вашей руки. Я же видел руки шофера на руле. И пальцы горничной, державшие поднос. Констанция... То есть я хочу сказать, мисс Раттиган...

— Констанция...

— Вы могли бы продолжать этот маскарад еще долго, — сказал я. — Вас выдало какое-то легкое движение.

Она убежала, тут же вернулась, игривая, как комнатная собачка, на голове у нее красовалась шоферская фуражка, она ее сбросила, надела наколку горничной, щеки порозовели, глаза сияли.

— Чью задницу хочешь ушипнуть? Шофера? Или горничной?

— У всех троих задницы что надо!

Она снова наполнила мой стакан, отбросила в сторону и фуражку, и наколку и сказала:

— Это единственное мое развлечение. Уже много лет нет никакой работы, вот я и придумываю ее для себя сама. Инкогнито разъезжаю по ночам по городу. Вечерами делаю покупки, одетая как служанка. Сама управляюсь с проекционным оборудованием, сама мою лимузин. А еще я неплохая куртизанка, если тебе куртизанки по душе. В двадцать третьем году я зарабатывала по пятьдесят баксов за ночь, приличные «бабки», тогда ведь доллар был долларом, и за два бакса можно было пообедать.

Мы перестали хохотать, вернулись в дом и опустили на подушки.

— Зачем все эти тайны? Зачем ночные прогулки? — спросил я. — А днем вы когда-нибудь выходите?

— Только на похороны. Понимаешь... — Констанция отхлебнула кофе и откинулась на подушки, похожие на свору собак. — Я не слишком жалую людей. Еще в молодости они стали сильно меня раздражать. Наверно, продюсеры оставили на моей коже

слишком много отпечатков пальцев. А вообще не так плохо играть в хозяйку дома в одиночестве.

— А при чем тут я? — спросил я Констанцию.

— Ты — друг Фанни, это раз. Во-вторых, мне кажется, ты хороший мальчик. Способный, но безмозглый, то есть я хочу сказать — неискушенный. Этакие большие синие глаза, совсем наивные. Жизнь еще не достала тебя, правда? Надеюсь, и не достанет. Ты кажешься мне надежным, довольно симпатичным и забавным. Хотя никакой физподготовки, так ведь теперь выражаются — «физподготовка»? А это значит, что я не собираюсь тащить тебя в спальню. Так что твоей девственности ничего не угрожает.

— Я не девственник.

— Может быть. Но выглядишь, черт тебя побери, именно так! Я покраснел до корней волос.

— Вы не ответили. Зачем я здесь?

Констанция Раттиган поставила чашку, наклонилась и посмотрела мне прямо в лицо.

— Фанни, — сказала она, — Фанни чем-то страшно встревожена. Вне себя от страха. Ее кто-то напугал. Уж не ты ли?

На какое-то время я совсем забыл о том, что творилось вокруг.

Пока мы мчались по побережью, все мрачные мысли вылетели у меня из головы. А когда я попал в этот дом, когда мы стояли у бассейна, когда я смотрел, как эта женщина ныряет, потом возвращается, а мое лицо освежает ночной ветер и во рту вкус вина, я совсем забыл о том, что происходило в последние двое суток.

И внезапно сообразил, что уже давно не смеялся так, как сейчас. От смеха этой странной женщины я снова почувствовал, что мне двадцать семь, как оно и было, а не девяносто, как мне казалось, когда я утром встал с постели.

— Это ты виноват, что Фанни чего-то боится? — повторила Констанция Раттиган и вдруг осеклась. — Что за черт! — воскликнула она. — Да у тебя такой вид, будто я только что задавила твою любимую собаку! — Она схватила меня за руку и стиснула ее. — Я что, ударила тебя по *kishkas*?

— По киш...?

* Сосиска (*идиш*).

— Ну, по шарам. Извини, пожалуйста.

Она сделала паузу. А я продолжал молчать. И она сказала:

— Я чертовски боюсь за Фанни. Я опекаю ее. Думаю, ты и понятия не имеешь, как часто я приезжаю к ней, в этот крысиный дом.

— Ни разу вас там не видел.

— Да видел, только не понял. Год назад ночью мы праздновали Пятое мая⁸⁹, был испано-мексиканский струнный оркестр. Мы отплясывали конгу во всех коридорах. Разогрелись от вина и энчилады. Я шла первая в конге, одетая как Рио Рита⁹⁰, никто не знал, что это я. Только так и можно хорошо повеселиться. А ты был в конце цепочки и все время сбивался с темпа. Мы ни разу не столкнулись лицом к лицу. Через час я поболтала с Фанни и удрала. Чаше всего я приезжаю туда часа в два ночи, и мы с Фанни вспоминаем Чикагскую оперу и Институт искусств, я тогда занималась живописью и пела в хоре. А Фанни исполняла ведущие партии в опере. Мы были знакомы с Карузо, и обе были худые как шепки, веришь? Фанни? Тощая? А какой голос! Господи, мы тогда были такие молодые! Ну а остальное тебе известно. Я прошла долгий путь с отметинами от матрасов на спине, и когда их стало слишком много, ушла качать деньги у себя во дворе.

Она махнула рукой, указывая на четыре нефтяные качалки, видневшиеся за окнами кухни, они поднимались и опускались, тяжело дыша. Что может быть лучше таких домашних животных, помогающих хорошо жить!

— А Фанни? У нее была неудачная любовь, она мучилась, махнула на все рукой и дошла до теперешних размеров. Ни один мужчина, ни сама жизнь, ни я не могли убедить ее взяться за себя и вернуть прежнюю красоту. Мы просто перестали об этом говорить и остались друзьями.

— И, судя по всему, верными друзьями.

— Да, это обоюдно. Она талантливая, милая, эксцентричная и пролащая. Я семеню вокруг нее, как чихуахуа вокруг мамонта, танцующего гавот. Сколько раз мы от души хохотали с ней в четыре утра! Мы не подшучиваем друг над другом насчет того, как у нас сложилась жизнь. Обе прекрасно понимаем, что к прежнему возврата нет. У нее на это свои причины, у меня свои. Она слиш-

ком близко узнала одного мужчину. Я за короткое время узнала слишком многих. От дел удаляются по-разному, сам можешь судить по моим переодеваниям и по тому, как Фанни раздулась, будто шар Монгольфье⁹¹.

— Хорошенького вы мнения о мужчинах! И не дрогнув высказываете все это мне — реальному, живому мужчине, который сидит прямо перед вами, — заметил я.

— Ты не из них. Это я скажу смело. Ты не мог бы изнасиловать целый хор или использовать вместо постели письменный стол своего агента. И родную бабушку не стал бы спускать с лестницы, чтобы получить страховку. Может, ты размазня или дурак, не знаю. Но теперь я предпочитаю дураков и растяп, тех, кто не разводит тарантулов и не отрывает крылышки у колибри. И глупых писателей, которые мечтают, как они улетят на Марс и не вернуться в наш дурацкий дневной мир.

Она запнулась, услышав свои слова.

— Господи, что-то я разболталась. Давай-ка вернемся к Фанни. Она не из пугливых, живет в этой своей старой развалюхе уже двадцать лет, двери всегда настежь для всех и каждого, в руке банка майонеза. Но сейчас что-то не так. Она вздрагивает, стоит блохе чихнуть. Ну?..

— Вечером мы слушали оперу и пытались шутить. Она ничего не сказала.

— Может, просто не хотела беспокоить Марсианина — это одна из кличек, которые она для тебя придумала, правда? А я вижу, как у нее кожа дергается. Ты разбираешься в лошадях? Замечал когда-нибудь, как у лошади передергивается и вздрагивает кожа, когда на нее садится муха? Так вот, на Фанни сейчас то и дело садятся невидимые мухи, а она только стискивает зубы и вздрагивает всем своим телом. Будто ее астрологическая карта не в порядке. Песочные часы сломались — видно, кто-то вместо песка насыпал в них прах из погребальной урны. За дверцей холодильника какой-то странный шепот. А в самом холодильнике среди ночи валится лед, и звук такой, будто там какой-то псих хихикает. Всю ночь в коридоре урчит унитаз. Термиты собираются прогрызть дыру под ее креслом, тогда она вообще рухнет в тартарары. Пауки на стенах плетут для нее саван. Ну как тебе этот списочек? И все — лишь инстинктивные

подозрения, ничего определенного. Из суда ее вышвырнули бы в одну минуту — фактов никаких. Понимаешь?

«Я трепещу, чего-то ожидая».

Я вспомнил эти слова, но не произнес их. А спросил:

— Вы говорили об этом с Генри?

— Генри считает себя величайшим слепцом в мире. Мне от этого радости мало. Говорит намеками. Что-то, мол, не так, но он не скажет. Ты можешь пролить свет? Тогда я напишу Фанни или позвоню ей через эту мадам Гутьеррес, а может, сама заеду завтра ночью и скажу, что все в ажуре. Ну давай, не молчи!

— Нельзя ли мне еще вина? Пожалуйста!

Не сводя с меня глаз, Констанция стала наливать мне в стакан.

— Ладно, — сказала она. — Начинай врагь.

— Что-то и на самом деле происходит, но сейчас говорить еще рано.

— А когда заговоришь, будет уже поздно. — Констанция Раттиган вскочила и стала ходить по комнате, а потом повернулась и уставилась на меня, словно нацелила дустволку. — Почему ты не хочешь говорить, ведь знаешь, что Фанни напугана до потери сознания?

— Потому что я сам устал пугаться каждой тени. Потому что всегда был трусом и сам себе противен. Когда что-нибудь узнаю, позвоню вам.

— Господи. — Констанция прыснула. — Голос у тебя громкий. Ладно, я отступаю и даю тебе простор для действий. Знаю, ты любишь Фанни. Как ты думаешь, может, ей стоит пожить у меня несколько дней, неделю — может быть, это ей поможет?

Я взглянул на большие подушки — на яркое стадо слонов, — шелковые сверху, набитые гусиным пухом, формой и размерами они напоминали саму Флорианну.

Я покачал головой:

— Ее гнездо там. Я пытался вытащить ее в кино, в театр, даже в оперу. Забудьте об этом. Она не выходит на улицу уже больше десяти лет. Забрать ее из ее дома, из этого огромного слоновника?.. Знаете...

Констанция Раттиган вздохнула и наполнила вином мой стакан.

— Значит, ничего хорошего из этого не получится, да?

Она изучала мой профиль. А я изучал темный прибор за высокими окнами, где под приливной волной ворочались во сне пески — пришло время и им отдохнуть.

— Все всегда слишком поздно, правда? — продолжала Констанция Раттиган. — Нельзя защитить ни Фанни, ни кого другого, если кому-то взбредет в голову причинить им вред или просто убить.

— Об убийстве слова не было сказано, — возразил я.

— У тебя такое простодушное розовое лицо, прямо как ты-вочка. По нему все видно. Когда я предсказывала будущее, я гадала не по чайникам, а по глазам, по беззащитным ртам. Фанни перепугана, и это пугает меня. Впервые за много лет, плавая по ночам, я представляю себе, как меня накрывает большая волна и уносит туда, откуда мне уже не вернуться. Я не желаю, чтобы мне портили единственное мое настоящее удовольствие! — И мягко добавила: — Ведь ты не будешь портить нам жизнь?

— Что?!

Внезапно она заговорила как Крамли или как Фанни, когда та попросила «никого с собой не приводить».

Наверно, вид у меня был такой потрясенный, что Констанция Раттиган снова прыснула со смеху.

— Да нет же, черт возьми! Ты ведь из тех, кто убивает только на бумаге, а это совсем не то, что убивать по-настоящему. Прости меня.

Но я уже вскочил: мне не терпелось высказать все, что я думаю, наговорить бог знает каких резкостей, только я не знал, с чего начать.

— Послушайте, — сказал я. — У меня был сумасшедший месяц. Я стал присматриваться к тому, чего не замечал раньше. Раньше я никогда не читал некрологи. Теперь читаю. У вас когда-нибудь случались такие недели или даже месяцы, когда ваши друзья один за другим сходили с ума, или уезжали, или умирали?

— Когда тебе шестьдесят, — язвительно засмеялась Констанция Раттиган, — такими бывают целые годы. Я боюсь спускаться с лестницы — мой приятель сломал себе таким образом шею. Боюсь есть — двое знакомых подавились. А океан? Трое утонули. Самолеты? Шестеро разбились. В автомобильных авариях погибли двадцать. Спать, черт возьми, тоже страшно! Десять моих дру-

зей умерли во сне. Только и успели сказать: «Что за черт?» И все. А пить? Четырнадцать погибли от цирроза. Можешь представить такой же веселенький список? Для тебя все только начинается. А у меня тут есть телефонная книга, вот взгляни.

Она схватила со столика у двери маленькую черную записную книжку и сунула ее мне в руки.

— Книга мертвых.

— Что?

Я стал переворачивать страницы, читать фамилии. На каждой странице возле половины фамилий стояли красные крестики.

— Этой моей телефонной книге тридцать пять лет. Половина тех, чьи телефоны в ней записаны, уже ушли навсегда, а у меня духа не хватает вычеркнуть фамилию или вырвать страницу. Это все равно что признать — умерли бесповоротно. Так что, выходит, я такая же размазня, как и ты, сынок.

Она взяла у меня книгу мертвых.

Из окна потянуло холодным ветерком, и я услышал, как на берегу зашевелился песок, словно невидимый могучий зверь положил на него большую лапу.

— Я не хотел нагонять страху на Фанни, — сказал я наконец. — Я не Тифозная Мэри⁹². Не переносчик заразы. Если что-то происходит здесь и сейчас, это происходит само по себе. Уже несколько дней, как у меня пропал аппетит. Люди вдруг умирают или исчезают, а никакой связи между ними нет, и я ничего не могу доказать. Когда это случается, я всегда оказываюсь где-то поблизости и чувствую себя виноватым оттого, что не могу понять, узнать, предотвратить все это. Меня мучает страх, что так будет продолжаться дольше, чем я могу выдержать. Теперь стоит мне взглянуть на кого-нибудь, и я сразу думаю: вдруг он или она будут следующими? И я знаю, что если буду ждать, то все погибнут. Похоже, на этой неделе события еще ускорились. Вот и все, что я могу сказать. А теперь мне лучше замолкнуть.

Констанция подошла ко мне, поцеловала кончики пальцев и приложила их к моим губам.

— Не буду больше тебя терзать. Для размазни ты здорово огрызаешься. Ну что, еще выпьешь? Или посмотришь кино? Может, поплаваешь ночью в моем бассейне? Или вкусишь благотворительный секс со своей киномамочкой? Что выберешь?

Я низко опустил голову, стараясь избежать ее насмешливого, прожигающего меня взгляда.

— Предпочитаю кино. Хотелось бы посмотреть Констанцию Раттиган в «Кружевных занавесках». В последний раз я видел их, когда мне было пять.

— Сразу видно, ты знаешь, как сделать старым людям приятное! «Кружевные занавески»! погоди, я налажу проектор. Когда я была маленькой, отец работал киномехаником в Канзас-Сити и научил меня управляться с аппаратурой. Я и сейчас умею. В этом доме мне не нужен никто.

— Нет, нужен. Я. Чтобы смотреть фильм.

— Черт! — Она перепрыгнула через подушки и принялась возиться с проектором в углу гостиной. Схватила с ближайшей полки жестянку с пленкой и стала ловко заправлять пленку в аппарат. — Ты прав. Буду следить за твоим лицом, когда ты будешь следить за моим.

Пока она, напевая, налаживала кинопроектор, я вышел на невысокий балкон над пляжем. И окинул взглядом берег — сначала южную часть, потом повел глазами вдоль владений Констанции Раттиган, потом поглядел на север. И тут...

Внизу, у самого прибоя, я кое-что заметил.

Там неподвижно стоял человек или что-то напоминающее человека. Я не мог сказать, долго ли он там стоит или только что вылез из воды. Мне не видно было, мокрый ли он. Похоже, он был голый.

У меня рот открылся от удивления, я быстро заглянул в комнату. Констанция Раттиган, насвистывая сквозь сжатые зубы, по-прежнему возилась с пленкой.

На берег обрушилась волна, словно из пушки выстрелили. Я обернулся. Человек все еще стоял на том же месте, руки по швам, голова вздернута, ноги слегка расставлены, вид вызывающий.

«Убирайся! — хотел крикнуть я. — Что тебе здесь нужно? Мы ничего не сделали!»

«Ты в этом уверен?» — была моя следующая мысль.

«Никого нельзя убивать, даже тех, кто этого заслуживает».

Нет?

Последняя волна ударила по берегу позади стоящей фигуры. Вода разлетелась, как множество разбившихся зеркал, и, падая,

осколки заслонили человека. И стерли его. Когда волна откатилась, незнакомца уже не было. Наверно, он побежал по пляжу на север.

Побежал мимо львиной клетки в канале, мимо пустых окон леди с канарейками, мимо моей квартиры, где на кровати лежит скрученный саван.

— Готов? — крикнула Констанция Раттиган из комнаты.

«Не совсем», — подумал я.

Когда я вошел, Констанция сказала:

— Иди посмотреть, как старая леди делается молодой.

— Вовсе вы не старая, — возразил я.

— Клянусь богом, нет. — Она пробежала по гостиной, гася везде свет, взбивая подушки в центре комнаты. — Эта помешанная на здоровье пишет книгу, которая выйдет в будущем году. Гимнастика под водой. Секс на отливе. Какие слабительные принимать, после того как пресытишься за ночь тренером местной футбольной команды. Что... Бог мой! Опять покраснел! Ты хоть что-нибудь знаешь о девушках?

— Не слишком много.

— Сколько их у тебя было?

— Не много.

— Значит, одна, — догадалась Констанция и фыркнула, когда я вздернул голову. — Где она сейчас?

— В Мехико-Сити.

— Когда вернется?

— Через десять дней.

— Скучаешь? Любишь ее?

— Да.

— Небось хочется позвонить ей, проболтать всю ночь, чтобы хоть ее голос уберег тебя от такого дьявола, как я?

— Да вовсе я вас не боюсь.

— Черта с два, еще как боишься! Веришь в теплоту тел?

— Что?

— В теплоту тел! В секс без секса? В объятия. В то, что можешь согреть эту старую ядовитую ящерицу своим теплом и не потерять при этом невинность. Просто обнять и прижать к себе покрепче. А теперь смотри на потолок, там все и будет происходить. Кино до самого утра, пока солнце не встанет, как член у Френсиса Буш-

мана⁹³. Ой, прости! Черт бы меня побрал! Ну иди, сынок. Будем греться.

Констанция опустилась на подушки, потянула меня за собой и тут же нажала какую-то кнопку на пульте, вмонтированном в пол. Погасла последняя лампа. Зажужжал шестнадцатимиллиметровый проектор. На потолке заплясали тени.

— Смотри. Как тебе это нравится?

Вздернув красивый нос, она показала на потолок.

Там двадцать семь лет тому назад Констанция Раттиган закурила сигарету.

Здесь, рядом со мной, реальная Констанция Раттиган выпустила изо рта облачко дыма.

— Ну и сука же я была! — проговорила она.

Я проснулся на рассвете, не веря, что я здесь. Проснулся, чувствуя себя необыкновенно счастливым, словно ночью случилось что-то замечательное. Но ничего не случилось, просто я спал на роскошных подушках рядом с женщиной, от которой пахло специями и хорошо натертым полом. Она была как те выставленные в витрине восхитительные шахматы с тщательно выточенными фигурами, на которые глазеешь в детстве. Как только что отстроенный гимнастический зал для девочек, где слегка пахнет пылью, осевшей на золотистых бедрах после полуденных теннисных схваток.

Уже рассвело, и я повернулся на бок.

Ее не было.

Я услышал, как на берег набежала волна. В распахнутые окна влетал прохладный ветер. Я сел. Далеко в сумрачном еще море мелькала рука — вверх-вниз, вверх-вниз. Констанция что-то крикнула.

Я выбежал на берег, нырнул и поплыл за ней, но на полпути почувствовал, что выдохся. Нет, в атлеты я не гожусь! Повернув назад, я вышел на песок и сел ждать. Наконец Констанция приплыла и встала надо мной, на сей раз совершенно голая.

— Господи! — удивилась она. — Ты и белья не снял. Что за молодежь нынче пошла!

Я не мог оторвать от нее глаз.

— Ну и как? Нравлюсь тебе? Недурна для старухи императрицы? Как ты считаешь? Неплохой живот, тугая попка, на лобке кудри...

Но я закрыл глаза. Она усмехнулась. И с хохотом унеслась. Пробежала с полмили по берегу и, перепугав лишь чаек, вернулась.

Вскоре над пляжем поплыл аромат кофе и запах свежеподжаренных гренок. Когда я приплелся в дом, Констанция уже сидела на кухне. На ней так ничего и не было, только глаза обведены тушью — видно, она подкрасила их за минуту до моего прихода. Быстро моргая, будто крестьянская девушка из немого фильма, она вручила мне джем и гренки, а сама скромно прикрыла колени салфеткой, дабы не смущать мой взор во время еды. На соске левой груди у нее повисла капля клубничного джема. Я это видел. Она увидела, что я вижу, и спросила:

— Голодный?

Отчего я только быстрее стал намазывать свои гренки.

— Ну ладно! Иди позвони в Мехико-Сити.

Я позвонил.

— Ты где? — прозвучал за две тысячи миль от меня голос Пег.

— В Венеции, в телефонной будке, у нас дождь, — сказал я.

— Врешь! — закричала Пег.

И была права.

А потом вдруг все неожиданно кончилось.

Было уже очень поздно, вернее, очень рано. Я чувствовал, что опьянен жизнью, оттого что эта женщина, не жалея времени, возилась со мной столько часов подряд и разговаривала всю ночь напролет, пока не возникла угроза, что на востоке за испарениями и туманами вот-вот взойдет солнце.

Я выглянул на берег и посмотрел на прилив. Никаких утопленников и в помине не было, и никого, кто мог бы помнить, видели их здесь или нет. Уходить не хотелось, но я боялся задерживаться: надо было писать рассказы, чтобы хоть на три шага опередить смерть. «День без работы за машинкой, — любил говорить я и повторял этот девиз так часто, что мои друзья, услышав его, возводили глаза к небу и тяжело вздыхали, — день без работы за машинкой — маленькая смерть». У меня не было охоты оказаться за кладбищенской стеной, я собирался бороться до конца вместе со своим «Ундервудом», который, если хорошо прицелиться, стрелял без промаха в отличие от всевозможного другого оружия.

— Я отвезу тебя домой, — предложила Констанция Раттиган.

— Нет, спасибо. Мне же близко. Триста ярдов по берегу, не больше. Мы соседи.

— Ну уж и соседи! Это место для постройки обошлось мне в двадцатом году в двести тысяч, сейчас оно стоит пять миллионов. А сколько платишь за квартиру ты? Тридцать баксов в месяц?

Я кивнул.

— Ладно, сосед! Ступай разомни ноги. Как-нибудь в полночь загляни еще!

— И не раз! — заверил я ее.

— Валяй! — Она взяла мои ладони в свои, то есть в руки шофера, служанки и королевы экрана. Прочла мои мысли и рассмеялась: — Считаешь меня сбрендившей?

— Хотел бы я, чтобы все в мире были такими сбрендившими. Она сменила тему, чтобы уйти от комплиментов.

— А как насчет Фанни? Удастся ей жить вечно?

У меня увлажнились глаза. Я кивнул.

Констанция поцеловала меня в обе щеки и оттолкнула.

— Пошел вон!

Я соскочил с ее выложенного плитками крыльца на песок, прошел несколько шагов, обернулся и сказал:

— Счастливо, принцесса!

— Катись, — отозвалась она, явно польщенная.

И я умчался.

За день ничего особенного не случилось.

Зато ночью...

Я проснулся и посмотрел на свои микки-маусовы часы⁹⁴, недоумевая, что меня разбудило. Крепко зажмурился и стал слушать, до боли напрягая уши.

Стреляли из ружья. Бах-ба-бах! И опять бах-бах, и снова бах-ба-бах — стреляли на берегу, у пирса.

«Господи боже, — подумал я, — пирс сейчас почти пуст, тир закрыт, кто же там среди ночи жмет на спуск и бьет по мишеням?»

Бах-ба-бах и удары гонга. Бах-ба-бах. И опять, и опять.

Двенадцать выстрелов подряд, затем еще двенадцать, и еще, и еще, будто кто-то разложил ружья — сначала три, рядом шесть, потом девять — и перебегаёт от одного, отстрелившего свое, к дру-

тому — заряженному, бегают между ними без передышки, целится и знай палит.

Кто-то спятил!

Так, наверно, и есть. Кто бы он там ни был — один на пирсе, в тумане, бегают от ружья к ружью и садит в злую судьбу.

«Может, это сама Энни Оукли — хозяйка тира?» — подумал я.

Бах! Вот тебе, сукин сын! Бах! Получай, мерзавец, получай, беглый любовник! Бах! Вот тебе, недоделанный! Бабник поганый! Бах!

Трах и снова трр... ах! Где-то далеко, но ветер доносит.

«Много же надо пуль, — подумал я, — чтобы уничтожить что-то невозможное».

Так продолжалось минут двадцать.

А когда кончилось, заснуть я уже не смог.

Три дюжины пуль угодили мне в грудь, я с закрытыми глазами дополз до машинки и отстучал на ней про все эти выстрелы среди ночи.

— Шеф-шен?

— Что, что? Повторите!

— Шеф-шен. Говорит Шалый кот.

— Господи, твоя воля, — ахнул Крамли. — Это вы! С чего вдруг Шеф-шен?

— Ну это же лучше, чем Элмо Крамли?

— Точно! А для вас, писака, «Шалый кот» — прямо в точку! Как движется Эпохальный Роман об Америке?

— А вы уже утерли нос Конан Дойлу?

— Смешно сказать, сынок, но с тех пор, как мы встретились, я каждый вечер выдаю по четыре страницы. Сражаюсь, как на войне. Поди, к Рождеству закончу. Похоже, с шалыми котами полезно иметь дело. Это последний комплимент. Больше не ждите. За разговор заплатили вы. Монета ваша. Говорите.

— Я наметил еще кое-кого для нашего списка возможных жертв.

— Иисус среди лилий! Христос на кресте! — вздохнул Крамли.

— Забавно, что вы даже не заметили...

— Уж куда забавней, от наших дел прямо живот надорвешь! Продолжайте.

— Ну, возглавляет парад по-прежнему Чужак. Затем Энни Оукли, или как там ее настоящее имя, — хозяйка тира. Сегодня ночью на пирсе была стрельба, наверно, она сама и стреляла. Кто же еще? Я хочу сказать, вряд ли она в два часа ночи открыла свое заведение для кого-то незнакомого. Верно?

— Узнайте ее настоящее имя! — перебил меня Крамли. — Пока не узнаете, ничего делать не буду!

Я почувал, что меня снова хотят поднять на смех, и замолчал.

— Эй, Кот, вы что, язык проглотили? — спросил Крамли.

Я молчал.

— Вы еще тут? — осведомился он.

Я молчал как мертвый.

— Эй вы, Лазарь⁹⁵! — воскликнул Крамли. — Кончайте, к черту, ваши штучки! Ну-ка вылезайте из своей смердящей могилы!

Я рассмеялся.

— Значит, можно продолжать список?

— Сейчас, только глотну пивка. Ну вот. Давайте.

Я перечислил еще шесть имен, включая Формтеня, хотя сам не очень верил в эту версию.

— И возможно, — закончил я с сомнением, — Констанция Раттиган.

— Раттиган! — взревел Крамли. — Да вы знаете, о ком говорите? Эта Раттиган ест на завтрак тигриные яйца! Да она наизнанку вывернет двух акул из трех! Из Хиросимы вышла бы, не размазав тушь на ресницах и даже серьги не потеряв. А что до Энни Оукли, так она тоже в жертвы не годится. Она продырявит любого, кто... нет уж, если она что и сотворит, так скорее соберет все свои ружья, сбросит их с пирса в море и сама прыгнет следом. Вот это на нее больше похоже. А уж Формтеня! И не смешите! Этот вообще не подозревает, что есть какой-то реальный мир с такими, как мы, нормальными дураками. Его похоронят в его «Вурлитцере» самое раннее в девяносто девятом году. Ну, чем еще порадуете?

Я с трудом перевел дыхание и решил напоследок рассказать Крамли хотя бы о загадочном исчезновении Кэла-парикмахера.

— Загадочное? Черта с два! — усмехнулся Крамли. — Где вы были? Да этот проклятый живодед просто свалил. Набил свою колымагу всяким барахлом из парикмахерской и дал деру на

восток. Не на запад, заметьте, где конец страны, а на восток. Почти вся полиция смотрела, как он развернулся на сто семьдесят градусов перед участком, и не арестовали его только потому, что он орал песню: «Осенние листья, о боже, в Озарке падают листья».

Я глубоко, с дрожью облегчения вздохнул, радуясь, что Кэл жив. И не стал рассказывать об исчезнувшей голове Скотта Дюплина, из-за чего Кэл, наверно, и покинул навсегда наш город. А Крамли продолжал:

— Ну что, исчерпали свой список свеженьких догадок насчет будущих жертв?

— Как сказать... — вяло отозвался я.

— Прыгните в океан, потом прыгните к своей машинке — и, как учит Дзен⁹⁶, это гарантирует вам целую страницу и покой на душе! Вот что детектив советует гению, прислушайтесь. Пиво в холодильнике, так что пи-пи позже в унитазе. Оставьте ваш список дома. Пока, Шалый кот!

— До скорого, Шеф-шен, — попрощался я.

Сорок дюжин выстрелов, прогремевших прошлой ночью, не давали мне покоя. Их эхо то и дело звучало у меня в ушах.

И к тому же меня притягивал грохот с пирса, который громили, пожирали, раздирали на части. Так, наверно, притягивает некоторых шум битвы.

«Стрельба — пирс», — стучало у меня в голове, пока я нырнул в океане, а потом, как тот благоразумный кот, каким мне рекомендовал стать шеф Крамли, нырнул за машинку.

«Интересно, — думал я, — сколько же человек уложила прошлой ночью Энни Оукли? А может, всего одного?»

«И вот еще что интересно, — размышлял я, складывая в свою Говорящую Коробку шесть свежих готовых страниц бессмертного, гениального романа, — какие новые запойно-мрачные книги развел, как поганки, А.Л. Чужак на полках своей катакомбной библиотеки?!»

«Отпетые парни рекомендуют трупный яд».

«Нэнси Дрю и Парнишка *Weltschmerz*»⁹⁷.

«Веселые проделки владельцев похоронных бюро в Атлантик-Сити».

«Не ходи туда, не смей, — думал я. — Нет, надо, — возражал я самому себе. — Только не вздумай смеяться, когда станешь читать новые названия, а то Чужак выскочит и призовет тебя к ответу».

«Стрельба, — думал я, — пирс гибнет, а тут еще этот А. Л. Чужак — подголосок Фрейда». И вдруг впереди меня на пирсе оказался на своем велосипеде Хишник.

Или, как я его иногда называю, Эрвин Роммель⁹⁸, командующий немецким корпусом в Африке. А иногда я именую его просто: Калигула⁹⁹. Убийца.

На самом же деле его зовут Джон Уилкс Хопвуд.

Помню, как несколько лет назад я прочитал убийственную рецензию на его выступление в маленьком голливудском театре:

«Джон Уилкс Хопвуд, всегдашний злодей утренних спектаклей, подтвердил свою репутацию в новой роли. Он вошел в раж, неистовствовал, бесновался, рвал страсть в клочья и обрушивал ее прямо на головы ни в чем не повинных дам — членов клуба. Простодушные зрительницы внимали ему, раскрыв рты».

Я часто видел, как он пронесился на своем ярко-оранжевом «Ралее» по дороге вдоль океана из Венеции в Океанский парк и в Санта-Монику. На нем всегда был хороший свежееотутюженный английский костюм, а на белоснежных кудрях красовалась ирландская кепка, затеняющая лицо — лицо генерала Эрвина Роммеля или, если угодно, физиономию кровожадного ястреба Конрада Вейдта в момент, когда он собирается задушить то ли Джоан Кроуфорд¹⁰⁰, то ли Грир Гарсон¹⁰¹. Его щеки покрывал шикарный загар, они блестели, как отполированный мускатный орех, и я часто задумывался, где кончается этот роскошный загар? Не на уровне ли шеи, ведь я ни разу не видел его на пляже раздетым. Он вечно сновал на своем велосипеде по городкам, расположенным на берегу океана, ожидая, не потребуются ли его услуги Германскому генеральному штабу или леди, заседающим в «Лиге помощи Голливуду», — кто из них первым его призовет, к тому он и ринется.

Когда снимались военные фильмы, он был постоянно занят, поскольку, по слухам, у него в шкафу хранились мундиры немецких войск, сражавшихся в Африке, а также траурная накидка на случай, если придется выступить в роли вампира.

Но насколько я мог судить, для ежедневной носки у него был только один этот английский костюм в мелкую ломаную клетку. И одна пара обуви — элегантные английские туфли цвета бычьей крови, всегда до блеска начищенные. Велосипедные зажимы, сверкающие на его твидовых брюках, казалось, были из чистого серебра, и покупал он их не иначе как где-нибудь в Беверли-Хиллз. Зубы всегда так блестели, что выглядели искусственными. И, проносясь мимо на велосипеде, он обдавал вас запахом эликсира, освежающего дыхание, видно, пользовался этим снадобьем на случай, если по дороге в Плайя-дель-Рей вдруг получит срочный вызов от Гитлера.

Чаще всего я видел его по воскресеньям на Мускульном берегу: он неподвижно подпирал свой велосипед, в то время как вокруг демонстрировались ходуном ходящие дельтовидные мышцы и раскатывался громогласный мужественный смех. Хопвуд красовался на пирсе Санта-Моники с видом генерала Роммеля в последние дни отступления из Эль-Аламейна¹⁰², его удручало обилие песка, но зато радовало глаз обилие молодых тел.

Он казался таким далеким от всех нас, когда, погруженный в свои германо-англо-байронические грезы, скользил мимо на велосипеде.

Мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь я стану свидетелем того, как он припарковывает свой «Ралей» возле круглосуточно открытого, облюбованного летучими мышами обиталища предсказателя по картам Таро А.Л. Чужака.

Однако он таки там припарковался и замешкался у дверей.

«Не входи! — подумал я. — К А.Л. Чужаку заходят лишь те, кому нужно раздобыть кольца с ядом, которые так любили Медици¹⁰³, или телефонные номера кладбищенских склепов».

Но Эрвина Роммеля это не пугало.

А равно не пугало ни Хишника, ни Калигулу.

Чужак притягивал их.

И все трое послушно вошли.

К тому времени, как туда подоспел я, дверь уже оказалась закрытой. На ней я впервые заметил список, хотя он, наверно, выцветал тут годами и уже пожелтел, — список, напечатанный на машинке с бледной лентой, в котором перечислялись все те, кто проникал в эти врата, дабы психоанализ вернул им здоровье.

Х. Б. Уорнер¹⁰⁴, Уорнер Улэнд¹⁰⁵, Уорнер Бакстер¹⁰⁶, Конрад Нагель¹⁰⁷, Вилма Бэнки¹⁰⁸, Джон Барримор¹⁰⁹, Клара Боу¹¹⁰.

Прямо-таки «Указатель актеров» за двадцать девятый год.

Но значилась здесь и Констанция Раттиган.

Во что я не поверил.

И Джон Уилкс Хопвуд.

В это мне пришлось поверить.

Ибо я увидел, как за пыльным, полузанавешенным от любопытных взглядов окном на рваной кушетке, из расползавшихся швов которой с безумным неистовством торчала набивка, кто-то лежит. Этот кто-то был в коричневом твидовом костюме. Он лежал, закрыв глаза, и, как видно, повторял про себя реплики из последнего акта пересмотренного и заново отредактированного «Гамлета».

«Иисус среди лилий! — как сказал бы Крамли. — Христос по дороге к кресту!»

В эту минуту сработала актерская интуиция, и Хопвуд, сосредоточенно творящий про себя свои молитвы, вдруг открыл глаза.

Он быстро повернул голову, перевел взгляд в окно и увидел меня.

Увидел меня и А. Л. Чужак, сидевший у кушетки спиной к окну с блокнотом и карандашом в руках.

Я отшатнулся, тихонько выругался и поспешил прочь.

В полном замешательстве я быстро прошел весь разрушенный пирс и купил себе шесть плиток шоколада «Нестле», две шоколадки «Кларк» и два шоколадных батончика, чтобы подкрепиться на ходу. Когда я очень счастлив, или очень огорчен, или смущен, я всегда набиваю рот сладостями и бросаю обертки где попало.

Здесь-то, на конце пирса, в золотистом предвечернем освещении меня и настиг Калигула-Роммель. Рабочие, разрушающие пирс, ушли. Стояла полная тишина.

Я услышал, как его велосипед шуршит у меня за спиной. Сперва Хопвуд молчал. Он шествовал, крепко прижав к себе своего «Ралея», словно женщину-насекомое. Потом остановился на том месте, где я всегда его видел, и застыл, будто статуя Рихарда Вагнера¹¹¹, который старается различить в шуме прилива, набегающего на песок, звуки одного из своих мощных хоров.

Какие-то молодые люди внизу все еще играли в волейбол. Гулкие удары по мячу и смех, похожий на ружейные залпы, подвели итог дню. За ними два рекордсмена по поднятию тяжестей вздымали в небо свои миры, надеясь внушить сидящим неподалеку молодым женщинам, что судьба, которая хуже смерти, на самом деле вовсе не так плоха и ее радости можно вкусить в комнатах, расположенных над сосисочной, как раз напротив пляжа.

Джон Уилкс Хопвуд, не глядя в мою сторону, наблюдал за этой сценой. Он брал меня измором, я ждал, потел, но не поддавался его вызову, не уходил. Ведь всего полчаса назад я без спросу сунул нос в его жизнь. Теперь надо платить.

— Вы меня преследуете? — в конце концов не выдержал я и тут же понял, что сваял дурака.

Хопвуд расхохотался своим знаменитым безумным хохотом, который он всегда приберегал к концу акта.

— Дорогой мой, вы слишком молоды, таких, как вы, я швыряю в море.

«Ну и ну, — подумал я, — что же на это ответить?»

Напрягая мышцы, Хопвуд откинул голову, обратив свой орлиный профиль к пирсу Санта-Моники, видневшемуся примерно в миле к северу от нас.

— А вот если вы решите когда-нибудь преследовать меня, — улыбнулся он, — то я живу там, над каруселью с лошадками.

Я повернулся к Санта-Монике. Там, на еще живом пирсе, крутилась карусель, как крутилась под скрипучую музыку каллиопы¹¹² с тех пор, как я был ребенком. А над бойко скачущими лошадками размещались «Карусельные апартаменты» — этикие орлиные гнезда для отставных немецких генералов, несостоявшихся актеров и утомленных жизнью романтиков. Я слышал, что там селились большие, но малоиздающиеся поэты. А также писатели великого ума, но обойденные рецензентами. А также художники, языки у которых были хорошо подвешены, но картины не вывешивались нигде. А также известные кинозвезды, подвизавшиеся раньше на ролях куртизанок, а теперь промышлявшие проституцией среди продавцов спагетти. Старые английские матроны, когда-то обитавшие в Брайтоне и вздыхающие по Утесам, жили здесь, окруженные салфеточками и раскормленными китайскими мопсами.

И вот выяснилось, что Бисмарк, Томас Манн, Конрад Вейдт, адмирал Дениц¹¹³, Эрвин Роммель и Безумный Отто Баварский¹¹⁴ тоже проживают над каруселью.

Я вглядывался в великолепный орлиный профиль. Хопвуд, чувствуя мой взгляд, пыжился от гордости. Он хмуро посмотрел на золотые пески пляжа и тихо проговорил:

— Небось считаете, будто я рехнулся, если дошел до того, что меня пользует этот А. Л. Чужак?

— Ну...

— Между тем он человек весьма проникательный, умеет рассмотреть проблему как нечто целое, и вообще он личность непростая. А мы — актеры, как вам известно, самый неуравновешенный народ. Будущее у нас всегда неопределенно, ждешь телефонных звонков, а телефон молчит. Не знаем, куда девать время. Вот и мечемся. То увлечемся нумерологией, то картами Таро, то астрологией, то восточной медитацией под великим деревом в Охи с Кришнамурти¹¹⁵. Вам не приходилось этим заниматься? Прекрасно. А как вам нравится проповедница Вайолет Гринер с ее храмом Агабека? А предсказатель будущего Норвелл? А с Эйми Семпл Макферсон¹¹⁶ вы не знакомы? Я знаком — сперва она наложила на меня руки, потом я уложил ее в постель. А с трясунами не сталкивались? Божественный экстаз! Или, например, выступления хора в Первой баптистской церкви по ночам в воскресенье? Черные ангелы! Неземное блаженство! А можно еще все ночи напролет играть в бридж или с полудня до темноты в бинго, причем компаньоны у меня — леди с сиреневыми волосами. Актеры кидаются на все. Похвалите при нас хорошего потрошителя животных, мы и к нему поспешим. «Ассоциация предсказателей будущего по кишкам имени Цезаря!» Вдруг я заработаю на этом деле кучу денег — буду резать голубей и выуживать из них внутренности, как карты, пусть пророчат будущее, воняя на солнце. Да я за что угодно возьмусь, лишь бы убить время. Мы, актеры, только тем и занимаемся — убиваем время. Девяносто процентов нашей жизни — ожидание роли. Вот тогда-то мы и отправляемся на кушетку к А. Л. Чужаку, а потом спешим на Мускульный берег.

Говоря это, Хопвуд не сводил глаз с гибких, как резина, греческих богов, которые резвились на пляже, подхлестываемые соленым ветром и похотью.

— Вы когда-нибудь задумывались, почему вампиры, — заговорил он снова, и над верхней губой у него заблестела тонкая полоска пота, капельки пота выступили и на лбу под кепкой, — почему вампиры не отражаются в зеркалах? А этих молодых красавцев там, внизу, видите? Уж они-то отражаются во всех зеркалах, но только они сами — рядом с ними в зеркале нет никого. Одни лишь чеканные боги. И когда они любуются своими отражениями, думаете, они видят еще кого-нибудь? Например, девушек, на которых они гарцуют, словно морские кони? Не верится мне, что они видят кого-нибудь, кроме себя. Так что, — вернулся он к тому, с чего начал, — я надеюсь, теперь вы понимаете, почему углядели меня у этого крошки крота А. Л. Чужака.

— Мне и самому приходится ждть телефонных звонков, — проговорил я. — Времяпрепровождение — хуже не придумаешь!

— Значит, вы меня понимаете. — Хопвуд устремил на меня горящие глаза — казалось, они прожигают мою одежду до дыр.

Я кивнул.

— Заходите ко мне как-нибудь. — Он кивнул на видневшиеся вдаль «Карусельные апартаменты», где, скорбя по чему-то, слабо напоминавшему «Прекрасное Огайо», всхлипывала каллиопа. — Я расскажу вам об Айрис Три, дочери сэра Бирбома Три¹¹⁷, она тоже жила в этом доме. Сводная сестра Кэрола Рида¹¹⁸, британского режиссера. И с Олдосом Хаксли¹¹⁹ сможете встретиться, он иногда там появляется.

Хопвуд заметил, как я дернулся, и понял, что я заглотил приманку.

— Хотели бы познакомиться с Хаксли? Тогда будьте паинькой, — ласково процедил он, — и, может быть, я это устрою.

Я всячески старался скрыть, что встреча с Хаксли — моя неотвязная, несбыточная мечта. Я всю жизнь сходил по нему с ума, желание быть таким же блестящим, таким же остроумным, так же недосыгаемо возвышаться над другими терзало меня, как голод. И подумать только — я смогу с ним встретиться!

— Заходите в гости, — рука Хопвуда скользнула к карману пиджака, — и я познакомлю вас с одним молодым человеком. Он мне дороже всех на свете.

Я отвел глаза, как мне не раз приходилось делать при некоторых высказываниях Крамли и Констанции Раттиган.

— Ага! — промурлыкал Джон Уилкс Хопвуд, и его рот древнего германца изогнулся в довольной усмешке. — Молодой человек засмушался. Только это не то, что вы думаете. Смотрите! Вернее — взирайте!

Он вынул из кармана смятую гляцевую фотографию. Я потянулся к ней, но Хопвуд держал ее крепко и большим пальцем закрывал лицо изображенного на снимке.

А то, что не было закрыто, оказалось самым совершенным юношеским телом, какое мне когда-либо доводилось видеть.

Оно вызывало в памяти стоящую в вестибюле Ватиканского музея статую Антиноя¹²⁰, возлюбленного Адриана, — снимок этой статуи я когда-то видел. Вспомнился мне и юноша Давид, и сотни молодых людей, которые на моих глазах с детства и по сей день возились и боролись на пляже — загорелые и безмятежные, безудержно счастливые, но не ведающие истинной радости. В одной этой фотографии, которую держал Джон Уилкс Хопвуд, тщательно закрывая лицо юноши, казалось, было запечатлено бесчисленное множество летних дней.

— Не правда ли, история не знала другого такого прекрасного тела? — Это был не вопрос, а утверждение. — И оно мое! Принадлежит мне! Я один владею и распоряжаюсь им! — заявил он. — Да не моргайте вы так! Смотрите!

Он убрал палец с лица сказочно красивого юноши.

На меня смотрел ястреб, древнегерманский воин, командир танковых войск в Африке.

— Господи! — воскликнул я. — Да это вы!

— Я, — подтвердил Джон Уилкс Хопвуд.

И запрокинул голову, от его жестокой улыбки веяло мельканием сабель, блеском шпаг. Он смеялся молча, отдавая дань памяти немому кино.

— Да, представьте себе, это я! — повторил он.

Я снял очки, протер их и всмотрелся внимательней.

— Смотрите, смотрите, никакой подделки, никакого трюкачества.

Когда я был мальчиком, в газетах печатались такие головоломки: лица президентов разрезали на три части и перемешивали — здесь подбородок Линкольна, там нос Вашингтона, а над ними

глаза Рузвельта. Потом их смешивали с лицами тридцати других президентов, и всю эту путаницу надо было распутать, и за правильно склеенные варианты вы получали десять баксов. А здесь прекрасное тело греческого юноши было соединено с головой орла-сокола-ястреба, с лицом, отмеченным печатью злодейства или безумия или и того и другого вместе.

Джон Уилкс Хопвуд через мое плечо вглядывался в фотографию так, будто никогда раньше не видел эту поразительную красоту, и глаза его горели гордостью за свою Силу Воли.

— Думаете, это фокус?

— Нет.

Но украдкой я поглядывал на его шерстяной костюм, на свежетыглаженную рубашку, жилет, аккуратно повязанный галстук, на его запонки, блестящую пряжку на ремне, серебряные зажимы на брюках у щиколоток.

И вспоминал о парикмахере Кэле и о пропавшей голове Скотта Джоплина.

Джон Уилкс Хопвуд провел пальцами в пятнах цвета ржавчины по своей груди и ногам.

— Да, — рассмеялся он, — вся красота прикрыта. Так что вам никак не проверить, если не придете в гости. А ведь хочется проверить, правда? Неужели и впрямь этот старый песочник, игравший когда-то Ричарда¹²¹, сохраняет облик солнечной юности? Как это может быть, что такое юное чудо уживается со старым морским волком? Что связывает Аполлона...

— С Калигулой, — ляпнул я и похолодел.

Но Хопвуд не обиделся. Он рассмеялся, кивнул и взял меня за локоть.

— Калигула — это хорошо! Так что сейчас будет говорить Калигула, а прекрасный Аполлон пока спрячется и подождет. На все вопросы ответ один — сила воли! Исключительно сила воли. Здоровье, еда — вот главное в жизни актера! Мы не только не смеем падать духом, но должны непрестанно заботиться о своем теле! Никаких булок, никаких шоколадных плиток...

Я моргнул и почувствовал, как последняя из шоколадок тает у меня в кармане.

— Никаких пирогов, пирожных, никаких крепких напитков, даже с сексом перебарщивать нельзя. Спать укладываемся в де-

сять. Встаем на рассвете, пробежка по берегу, два часа в гимнастическом зале ежедневно, ежедневно на протяжении всей жизни. Лучшие друзья — тренеры по гимнастике, и обязательно два часа в день езда на велосипеде! И так тридцать лет подряд, тридцать каторжных лет! И после всего этого вы отправляетесь к гильотине Господа Бога. Он отхватывает вашу старую одуревшую орлиную голову и приторачивает ее к навечно загорелому золотому юношескому телу! А сколько пришлось за это заплатить! Но не жалко ничего! Игра стоила свеч! Красота принадлежит мне! Невиданное кровосмешение! Нарциссизм чистой воды! Мне никто не нужен.

— Я вам верю, — сказал я.

— Ваша честность вас погубит.

И он вставил фотографию в карман, как цветок.

— А все же вы сомневаетесь.

— Можно еще раз взглянуть?

Он дал мне фотографию.

Я снова впился в нее глазами. И пока смотрел, услышал шум прибоя, набегавшего прошлой ночью на темный берег.

И вспомнил, как из океана вдруг вышел обнаженный человек.

Я вздрогнул и прищурился.

Уж не этот ли обнаженный торс я видел? Не этот ли человек явился из моря, желая испугать меня, когда Констанция Раттиган возилась с проректором?

Хотелось бы это знать. Но я только спросил:

— А вы знакомы с Констанцией Раттиган?

Он насторожился:

— Почему вы спрашиваете?

— Заметил ее фамилию в списке на дверях Чужака. Вот мне и пришло в голову — не встречались ли вы, как те ночные корабли?

«Или купальщики, — подумал я, — он как-нибудь выйдет из волн прибоя в три часа ночи, а она как раз отправится плавать».

Его тевтонский рот надменно pokrивился.

— Наш фильм «Скрещенные клинки» в двадцать шестом году прогремел на всю Америку. В то лето о нашем романе кричали все газеты. Я был величайшей любовью ее жизни.

— Значит, это вы... — начал было я, но вовремя остановился, закончив про себя: «Значит, это вы, а не утопившийся директор

рассекли ей ножом связки на ногах, так что она год не могла ходить?»

Правда, прошлой ночью у меня не было возможности проверить, есть ли у нее шрамы на ногах. А бегала Констанция так, что, похоже, эти перерезанные связки — враки столетней давности.

— Вам тоже следует навеститься к А.Л. Чужаку, он мудрый человек, истый последователь Дзен, — сказал Хопвуд, садясь на велосипед. — Кстати, он просил передать вам вот это.

И он вынул из кармана пачку оберток от шоколадок, двенадцать штук, аккуратно соединенных скрепкой. В основном от шоколадок «Кларк», «Хрустящий» и от шоколадных батончиков. Бумажки, которые я бездумно пускал по ветру на берегу, а кто-то, оказывается, их подбирал.

— Он знает про вас все, — заявил Безумный Отто Баварский и затрясся от беззвучного хохота.

Я стыдливо взял конфетные обертки — эти свидетельства моего поражения, — чувствуя, как еще десять лишних фунтов нарастают у меня на боках.

— Приходите! — повторил свое приглашение Хопвуд. — Покаетесь на карусели. Проверите, правда ли, что невинный юный Давид навеки повенчан со старым чертякой Калигулой. Придете?

И укатил в своем коричневом твидовом костюме и в коричневой кепке, с улыбкой глядя только вперед.

А я пошел обратно к музею меланхолии, созданному А.Л. Чужаком, и попробовал заглянуть внутрь через покрытое пылью окно.

На маленьком столике рядом с продранной кушеткой лежала кучка ярких оранжевых, желтых, коричневых шоколадных оберток.

«Неужели они все мои?» — подумал я.

«Мои, — признался я сам себе, — вон какой я пухлый, но он, он — псих!»

И я пошел покупать мороженое.

— Крамли?

— А вроде меня звали Шеф-шен?

— По-моему, я нащупал кой-какие намеки, кто убийца.

Наступила долгая тишина, подобная молчанию моря, — видно, Крамли положил телефонную трубку, взъерошил волосы и снова поднес трубку к уху.

— Джон Уилкс Хопвуд, — объявил я.

— Вы забываете, что никаких убийств пока не было, — сказал Крамли. — Есть только предположения и подозрения. Между тем существует такое учреждение, как суд, и такое понятие, как доказательства. Нет доказательств — нет дела, и вам так поддадут с вашими намеками, что вы неделю на задницу сесть не сможете.

— Вы когда-нибудь видели Джона Уилкса Хопвуда голым?

— Ну хватит!

Шеф-шен повесил трубку.

Когда я вышел из телефонной будки, шел дождь. Почти сразу же телефон зазвонил, будто знал, что я еще не успел уйти. Я схватил трубку и почему-то закричал:

— Пег!

Но услышал только шум дождя и чье-то тихое дыхание за много-много миль отсюда.

«Больше не буду отвечать на звонки в этой будке», — подумал я.

— Сукин ты сын! Попробуй-ка схвати меня, мерзавец! — заорал я.

И повесил трубку.

«Что я наделал? — подумалось мне. — Вдруг он все слышал и явится сюда?»

«Дуралей!» — подумалось мне.

А телефон зазвонил снова.

Надо было отозваться, может быть, даже извиниться перед этим далеким дыханием и сказать, что я прошу не обращать внимания на мое хамство.

Я взял трубку.

И услышал, как в пяти милях от меня грустит одинокая леди. Фанни. Она плакала.

— Боже мой, Фанни! Это ты?

— Да-да! Господи Иисусе, помоги мне! — Она захлебывалась от слез, задыхалась, давилась словами. — Пока взбиралась по лестнице, чуть не умерла. С тридцать пятого года я по ней не

поднималась! Где ты прячешься? Все рухнуло. Жизнь кончена. Все поумирали. Почему ты мне не сказал, что они умерли? Господи, господи! Какой кошмар! Ты можешь сейчас приехать? Джимми, Сэм, Пьетро! — Она завела литанию, а я от тяжести своей вины перед ней вжался в стенку телефонной будки. — Пьетро, Джимми, Сэм! Почему ты мне врал?

— Я не врал, я просто не говорил.

— А теперь вот Генри, — прорыдала она.

— Генри? Да что ты! Он же не...

— Упал с лестницы!

— Но он жив? Жив? — завопил я.

— Слава богу, лежит у себя в комнате. Отказался от больницы.

Я услышала, что он упал, и выскочила. Вот тогда и узнала про то, о чем ты мне не сказал. Генри лежал, стонал, ругался и всех их перечислил. Джимми, Сэм, Пьетро. Зачем ты принес в наш дом смерть?

— Фанни, я здесь ни при чем!

— Приедешь и докажешь. У меня три майонезные банки с мелочью. Возьми такси, пусть шофер поднимется, я с ним из этих банок расплачусь. Да, когда приедешь и постучишься, как я узнаю, что это ты?

— Ох, Фанни, может, и сейчас с тобой разговариваю совсем не я? Откуда ты знаешь?

— Я ничего не знаю! — жалобно заплакала Фанни. — В том-то и ужас! Я ничего, ничего не знаю!

— В Лос-Анджелес, — сказал я шоферу такси десять минут спустя. — За три майонезные банки.

— Алло, Констанция? Я в телефонной будке напротив дома Фанни. Вы не могли бы приехать? Надо ее отсюда выволакивать. Она страшно напугана.

— И есть причина?

Я глядел на многоквартирный дом, где жила Фанни, и гадал, сколько тысяч теней населяют его сверху донизу.

— На этот раз есть.

— Иди к ней. Охраняй ее. Я приеду через полчаса. Наверх подниматься не буду. Как хочешь убеди ее спуститься, и мы увезем ее. Беги.

Констанция так хлопнула трубкой, что я вылетел из будки и чуть не угодил под мчавшийся по улице автомобиль.

Я постучал к Фанни на свой лад, так что она поняла, кто это, и распахнула дверь. Передо мной предстало нечто вроде обезумевшего слона: глаза выпучены, волосы всклокочены и торчат во все стороны, — словом, вид такой, будто ей только что выстрелили в голову из ружья.

Я оттащил ее в кресло и кинулся к холодильнику, соображая, что ей быстрее поможет — вино или майонез. Пожалуй, вино.

— Выпей сейчас же! — приказал я и тут вспомнил, что водитель такси поднялся вместе со мной — наверно, решил, что я жулик и хочу сбежать.

Я нашел майонезную банку, полную мелочи, и вручил ему.

— Хватит? — спросил я.

Он быстро прикинул, сколько тут денег, как прикидывают, сколько мармеладок в банке, выставленной в витрине, цыкнул зубом и побежал вниз, брэнча монетами.

Фанни покорно осушила стакан вина. Я налил ей второй и сел ждать. Наконец она заговорила:

— Вот уже две ночи кто-то стоит у меня за дверью. Приходят и уходят, уходят и приходят — такого еще никогда не было. Стоят там, дышат. Господи, что может быть нужно ночью от старой, толстой, всеми забытой обнищавшей оперной певицы? Не насиловать же меня собираются! Кто позарится на стопудовое оперное сопрано?

И тут она закатилась смехом и хохотала так неудержимо, так долго, что я не мог взять в толк, что с ней — истерика или она сама над собой так потешается. Пришлось побить ее по спине, остановить этот приступ, а то цвет ее лица уже внушал опасения. Я дал ей еще вина.

— Боже, боже, боже! — задыхалась Фанни. — До чего же хорошо посмеяться. Слава богу, что ты здесь. Ты защитишь меня, верно? Прости, что я тебе всякого наговорила. Конечно, не ты притащил к нам в дом эти страсти и подбросил мне под двери. Это — злобная собака Баскервилей, это она вздумала явиться сюда пугать Фанни.

— Фанни, прости, что я не сказал тебе про Джимми, Пьетро и Сэма. — Я тоже выпил вина. — Не хотелось оглушать тебя

некрологами. Послушай, через несколько минут сюда подъедет Констанция Раттиган. Она хочет, чтобы ты погостила у нее несколько дней.

— Новые новости! — воскликнула Фанни, широко раскрыв глаза. — Откуда ты-то ее знаешь? И вообще это ни к чему! Мой дом здесь! Если я отсюда уеду, я пропала — умру, и все. Здесь мои пластинки.

— Мы возьмем их с собой.

— А книги?

— И книги заберем.

— И майонез у меня особый, у нее такого нет.

— Я куплю.

— У нее нет места.

— Даже для тебя, Фанни, места у нее хватит.

— А что же будет с моим пестрым котом?

Это продолжалось до тех пор, пока я не услышал, как внизу прижался к поребрику лимузин.

— Ну так как, Фанни?

— Теперь, раз ты здесь, уже все хорошо. Когда будешь уходить, загляни к миссис Гутьеррес, попроси ее немножко посидеть со мной, — бодро проговорила Фанни.

— Откуда этот наигранный оптимизм? Ведь час назад ты считала, что приговорена к смерти?

— Дорогой мой, Фанни в полном порядке. Эта гадина больше не вернется. Я чувствую, и к тому же...

И как по заказу в эту минуту весь огромный дом содрогнулся во сне.

Створки двери в комнате Фанни жалобно заскрипели.

Как подстреленная, и на этот раз подстреленная насмерть, Фанни приподнялась в кресле и чуть не задохнулась от ужаса.

Я мигом пересек комнату, распахнул дверь и высунулся в длинный, как долина реки, коридор — миля в одну сторону, миля в другую, — от него расходились бесконечные черные туннели, по которым потоком струилась ночная тьма.

Я прислушивался, но улавливал лишь, как потрескивает штукатурка на потолке и елозят в дверных проемах двери. Где-то журчал и урчал, ведя свою нескончаемую речь в ночи, унитаза, этот холодный белый фарфоровый склеп.

В коридоре, разумеется, никого не было.

Тот, кто был здесь раньше, если действительно кто-то был, быстро прикрыл за собой дверь или куда-то убежал — либо вперед, либо назад. Туда, откуда невидимым потоком вливалась ночь — длинная, извивающаяся река с веющим над ней ветром, навещающим воспоминания обо всем, что было здесь съедено, обо всем, что было выброшено, обо всем, что было таким желанным и в чем больше не было нужды.

Мне хотелось прокричать темным коридорам то же, что я собирался выкрикнуть ночному берегу перед арабской цитаделью Констанции Раттиган: «Убирайтесь! Оставьте нас в покое. Может, по-вашему, мы и заслужили смерть, но мы не хотим умирать!»

Однако, обращаясь в пустоту, я крикнул другое:

— Так, ребятаки! Порезвились и хватит! Ступайте, ступайте! Брысь! Вот молодцы! Доброй ночи!

Я подождал, пока несуществующие ребятаки разошлись по своим несуществующим комнатам, вернулся к Фанни, прислонился к притолоке и, фальшиво улыбаясь, закрыл дверь.

Трюк сделал свое дело. Или Фанни притворилась, что поверила мне.

— Из тебя выйдет хороший отец, — улыбнулась она.

— Да нет, я буду как все отцы — неумный и нетерпеливый. Этих ребят надо было накачать пивом и засунуть в койки давным-давно. Ну что, Фанни? Лучше тебе?

— Лучше, — вздохнула она и закрыла глаза.

Подойдя к ней, я обхватил ее руками, что было сродни полету Линдберга¹²² вокруг земного шара под восторженные вопли толпы.

— Все рассосется, — сказала Фанни. — Ты теперь иди. Все в порядке. Ты же сам сказал — ребяташки уже в кроватях.

«Какие ребяташки?» — чуть не ляпнул я, но прикусил язык. Ах да, ребяташки.

— В общем, с Фанни все благополучно, и ты иди домой. Бедняжка. Поблагодари Констанцию, но скажи ей от меня: «Нет, спасибо». Пусть приедет ко мне в гости. Миссис Гутьеррес обещала переночевать у меня. Она может спать на этой кровати — представляешь, я не сплю на ней уже тридцать лет! Не могу лежать на спине, задыхаюсь. Словом, миссис Гутьеррес придет сюда, а ты, мой дорогой, был очень добр, что зашел. И я знаю, что ты вообще

очень добрый, ты просто не хотел меня расстраивать, вот и не сказал, что наши друзья внизу умерли.

— Да, Фанни, поэтому.

— Но в их смертях не было ничего необычного, верно?

— Нет, Фанни, — солгал я. — Всему виной только глупость, изменившая красота и уныние.

— Господи! — воскликнула Фанни. — Изъясняешься как лейтенант с мадам Баттерфляй.

— Потому-то мальчишки и лупили меня в школе.

Я двинулся к двери. Фанни глубоко вздохнула и внезапно сказала:

— Если со мной что-нибудь случится — совершенно не обязательно, но вдруг! Загляни в холодильник!

— Куда?

— В холодильник, — с загадочным видом повторила Фанни. — Сейчас не смей!

Но я уже дернул дверцу и уставился в освещенное нутро. На меня смотрели ряды банок — желе, джемы, соусы, майонез. Обведя их долгим взглядом, я захлопнул холодильник.

— Я же просила не смотреть сейчас, — упрекнула меня Фанни.

— Мне ждать некогда. Я должен знать.

— Ну а я теперь ничего тебе не скажу, — вспыхнула она. — Нечего было подглядывать! Я как раз собиралась признаться, что это, может, по моей вине нечисть пробралась в дом.

— Нечисть, Фанни? Какая нечисть?

— Ну, вся эта мерзость, которую, как мне казалось, ты приволок сюда на своих подошвах. Только, может, это дело рук Фанни. Может, я сама во всем виновата, может, я зазвала эту гадость с улицы.

— Так зазвала или нет? — взревел я, наклонившись над ней.

— Ты меня больше не любишь?

— Люблю, черт побери! Я же хочу выгашить тебя отсюда, а ты не даешься. Обвиняешь меня, что я отравил вам тут уборные, теперь заставляешь исследовать холодильник. Господи Иисусе, Фанни!

— А теперь лейтенант рассердился на Баттерфляй. — Из глаз Фанни выкатились слезы.

Больше я вынести не мог.

Я открыл дверь.

Перед ней стояла миссис Гутьеррес — наверно, она уже давно стояла за дверью и, как всегда, будучи дипломатом, держала в руках тарелку с горячими тако¹²³.

— Я завтра позвоню, Фанни, — пообещал я.

— Звони, конечно, и Фанни будет жива.

«Интересно, — думал я, — если я крепко зажмурюсь и притворюсь, что я слеп...

Найду ли я комнату Генри?»

Я постучался к Генри.

— Кто это? — отозвался он из-за запертой двери.

— Кто это спрашивает «кто это»? — сказал я.

— Кто это спрашивает, кто это спрашивает «кто это»? — Генри не выдержал и рассмеялся, потом вспомнил, что он расшибся. — Ты, значит.

— Влужи меня, Генри!

— Да я нормально. Ну, слетел с лестницы, и все дела. Ну, чуть не убился до смерти, эка важность. Дайте мне тут отлежаться взаперти. А завтра я выйду. Ты добрый парень — вон беспокоишься, жив ли я.

— Генри, как это случилось? — спросил я запертую дверь.

Генри подошел ближе. Я почувствовал, что он прислонился к двери с другой стороны, словно исповедующийся перед окошечком священника.

— Он мне поставил подножку.

Кролик, запрыгавший у меня в груди, превратился в большую крысу, и она заметалась вверх-вниз.

— Кто, Генри?

— Ну этот! Сукин сын! Поставил мне подножку, мерзавец.

— Он что, сказал что-нибудь? Откуда ты знаешь, что он был здесь?

— Откуда, откуда! Откуда я знаю, что в холле горит свет? Чую. Тепло чую. Там, где он стоял в коридоре, прямо жарко было. А потом, он же дышал! Я слышал, как он тихо так, осторожно втягивал в себя воздух и выдыхал. Он ни слова не сказал, когда я проходил мимо него, но я-то слышал, как у него сердце бьется — бух, бух. А может, это мое так бухало. Я-то думал, проскочу мимо

него так, что он меня не заметит. Ведь мы — слепые — как рассуждаем? Раз я в темноте, так, поди, и другие тоже. И вдруг — бух! И я под лестницей и понять не могу, как я там очутился. Я давай звать Джимми, Сэма и Пьетро и вдруг вспомнил: идиот, они же все умерли, и ты, дурак, помрешь, если не крикнешь кого другого. Ну и стал орать подряд все имена без разбору. Двери захлопали, чуть с петель не сорвались, тут он и выскочил. Вроде он даже босой был, так тихо скакнул. Но я учуял, как пахло у него изо рта.

У меня перехватило дыхание, и я оперся о дверь.

— Ну и чем от него несло?

— Надо подумать. Потом скажу. А сейчас Генри лучше прилечь. Черт! Я даже рад, что слепой. Не хотел бы видеть, как я ваюсь с лестницы, будто мешок с грязным бельем. Ну, пока.

— Спокойной ночи, Генри, — сказал я.

Я повернулся, но в тот же момент и дом, как огромный пароход, сделал поворот против речного ветра в темноте. Мне померещилось, что я опять в час ночи сижу в кинотеатре мистера Формтента, а под сиденьями пол ходит ходуном, оттого что прилив чмокает, хлопает и сотрясает половицы, а по экрану скользят большие серебристо-черные тени. Дом опять содрогнулся. Кинотеатр все-таки другое дело. А здесь, в этом огромном, старом, плохо освещенном здании, тени, сбегав с экрана, таились у лестничных пролетов, прятались в ваннах, вывинчивали по ночам лампочки, чтобы всем приходилось, как слепому Генри, искать выход на улицу ошупью.

Пришлось двигаться на ощупь и мне. На верхней площадке я замер. Кто-то дышал, и воздух передо мной колебался. Но оказалось, что это всего лишь эхо моих же вдохов и выдохов: отражаясь от стен, оно возвращалось ко мне и касалось моего лица.

«Ради Христа, — внушал я себе, — не оступись, сбегая вниз».

Когда я вышел от Фанни, лимузин выпуска 1928 года с шофером ждал меня. Дверца захлопнулась, мы помчались к Венеции, и на полдороге сидевший впереди водитель снял кепи, распустил волосы и превратился...

...в Констанцию Раттиган — следователя, ведущего допрос.

— Ну? — спросила Констанция холодно. — Очень она встревожена?

— Не то слово! Только встревожил ее не я.

— Да?

— Да! Черт побери! Остановитесь вон там и высадите меня на ближайшем углу к чертовой матери!

— Ну, ну, мистер Хемингуэй! Для робкого мальчика из Северного Иллинойса выражаетесь вы лихо!

— А подите вы, мисс Раттиган...

Это возымело действие. Плечи ее слегка обмякли. Она поняла, что может потерять меня, если не будет поосмотрительней.

— Констанция, — уже спокойнее поправила она.

— Констанция, — повторил я. — Не моя вина, что кто-то утонул в ванне, кто-то перепил, кто-то свалился с лестницы, а кого-то забрала полиция. Почему вы-то сами не поднялись к Фанни прямо сейчас? Вы же ее старый закадычный друг!

— Я боялась — вдруг, если она увидит нас вместе, ее кондрашка хватит и мы не сможем ввести ее в рамки.

Констанция сбавила скорость с довольно-таки истерической — семьдесят миль в час до менее нервной — шестидесяти или шестидесяти двух. Но ее пальцы, как когти, впивались в руль, будто она воображала, что это мои плечи, и собиралась как следует тряхануть меня.

— Лучше бы вам, — сказал я, — увезти ее оттуда раз и навсегда. Сейчас она неделю спать не будет, а это ее доконает, она не выдержит изнеможения. И нельзя же все время питаться одним майонезом!

Лимузин замедлил бег до пятидесяти пяти миль в час.

— Здорово тебе от нее досталось?

— Да нет, просто, как и вы, она обозвала меня Прислужником Смерти. Видно, я для всех козел отпущения, просто какой-то разносчик чумных блох! Что бы там ни творилось в доме Фанни — а что-то творится, это факт, — я тут ни при чем. И плюс ко всему Фанни сама выкинула какую-то глупость.

— Какую?

— Не знаю, она отказалась мне объяснить. Она сама в себе не уверена. Может, вам удастся что-нибудь из нее вытянуть. У меня жуткое ощущение, что Фанни сама навлекла на себя все это.

— Каким образом?

Скорость упала до сорока. Констанция наблюдала за мной в зеркало заднего вида. Я облизнул губы.

— Могу только строить догадки. Что-то спрятано у нее в холодильнике — это она сама сказала. «Если, — говорит, — со мной что случится, загляни в холодильник». Господи! До чего все глупо. Может, вы сегодня попозже съездите к ней и заглянете в этот несчастный холодильник? Может, вам удастся сообразить, почему, как и что Фанни собственноручно допустила к себе? И чего она так смертельно боится?

— Милостивый Боженька, — пробормотала Констанция, закрывая глаза. — Пресвятая Дева!

— Констанция! — завопил я.

Ибо мы только что вслепую проскочили под красный свет.

На счастье, Господь Бог не дремал и подстелил нам соломку.

Констанция остановилась у моего дома, вышла из машины и, когда я отпер дверь, заглянула в комнату.

— Здесь-то и создаются шедевры?

— Кусочек Марса на Земле...

— А это и есть пианино Кэла? Я слышала, будто музыкальные критики однажды пытались его сжечь. И про клиентов Кэла слышала, как они в один прекрасный день ввалились к нему в парикмахерскую, выли, кричали и демонстрировали, что он учинил с их волосами.

— Кэл — хороший парень, — сказал я.

— Ты давно смотрелся в зеркало?

— Он старался.

— Только с одного бока. Кстати, напомни, когда снова ко мне заглянешь, — ведь мой отец тоже, бывало, стриг. И меня научил. А почему мы стоим на пороге? Боишься, что скажут о тебе соседи, если... Черт! Опять покраснел! Что я ни скажу, все оказывается не в бровь, а в глаз. До чего же ты непосредственный. С тех пор как мне минуло двенадцать, я таких стеснительных не видела.

Она просунула голову дальше.

— Господи! Сколько хлама! Ты что, никогда не убираешь? И похоже, читаешь десять книг сразу, да к тому же половина из них — комиксы. А что это рядом с машинкой? Дезинтегратор Бака Роджерса?¹²⁴ Ты и крышки посылаешь?

— Точно, — подтвердил я.

— Ну и свалка, — пропела Констанция, и это следовало принять как комплимент.

— Все мое — ваше!

— Вот так кроватка! До того узкая, уж на ней-то сексом втроем не займешься.

— Одному из партнеров придется оставаться на полу.

— Боже мой! Какого года эта твоя машинка?

— Тысяча девятьсот тридцать четвертого. «Ундервуд Стандарт», старушка, но молодец.

— Совсем как я, да, малыш? Не хочешь пригласить престарелую знаменитость войти и помочь ей снять сережки?

— Вы забыли? Вам надо ехать обратно к Фанни и исследовать ее холодильник. К тому же если вы проведете здесь ночь, то, учтите, фейерверков не будет.

— Словом, бережешь порох в пороховнице?

— Берегу, Констанция.

— Воспоминания о твоих заштопанных трусах сводят меня с ума!

— Что ж, я, конечно, не юный Давид.

— Господи! Ты даже и не Голиаф! Пока, малыш! Спешу к Фаннинному холодильнику. Спасибо!

Она вlepила мне такой поцелуй, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки, и умчалась.

Не оправившись от этого поцелуя, я кое-как добрался до кровати.

И напрасно.

Потому что мне приснился Сон.

Каждую ночь ко мне навевывался мелкий дождик, покапает за моими дверями, пошелестит несколько минут и пройдет. Я боялся выглянуть наружу. Вдруг там стоит промокший Крамли и сердито сверкает глазами. Или Формтень дрожит и дергается, как действующие лица в старых фильмах, а из носа и с бровей у него свисают водоросли...

Каждый вечер я ждал, дождь проходил, и я засыпал.

Тогда начинался Сон.

Я — писатель, живу в маленьком зеленом городке в Северном Иллинойсе, сижу в кресле, таком же, какое осталось в пустой парикмахерской Кэла, вдруг кто-то врывается с телеграммой. В ней сообщают, что у меня купили сценарий за сто тысяч долларов.

Я сижу в кресле, ору от счастья, размахивая телеграммой и вдруг вижу, что лица у всех в парикмахерской леденеют, словно вечной мерзлотой покрываются, и, хотя они пытаются с улыбками поздравлять меня, даже зубы у них выглядят как сосульки.

Я разом стал изгоем. Их дыхание обдает меня холодом. Я изменился навсегда. Прощения мне нет.

Парикмахер кончил стричь меня слишком быстро, будто я стал неприкасаемым. И я пошел домой, сжимая телеграмму в потных руках.

Поздно ночью на краю леса, недалеко от моего дома — городок у нас маленький, — раздался рев чудовища.

Я сел на кровати, и все мое тело будто покрылось кристалликами льда. Чудовище с рыком приближалось. Я распылил глаза и раскрыл рот, чтобы уши не заложило. Чудовище рычало все ближе, оно уже одолело пол-леса, ломая и сокрушая все на своем пути, подминая лесные цветы, распугивая кроликов и птиц, которые с криками взмывали к звездам.

Сам я не мог ни крикнуть, ни шевельнуться. Я чувствовал, как от лица отлила кровь. И видел на бюро рядом с кроватью праздничную телеграмму. Чудовище опять испустило истошный вой и снова пошло крушить все, перекусывая деревья своими страшными, как турецкий ятаган, зубами.

Я вскочил, схватил телеграмму, подбежал к двери, распахнул ее настежь. Чудовище уже вылезало из лесу. Оно стонало, ревело, заглушало своим грозным воем ночной ветер.

Я разорвал телеграмму на мелкие кусочки, выбросил их на лужайку и закричал:

— Я отказываюсь! Забирайте ваши деньги! Забирайте вашу славу! Я остаюсь здесь! Никуда не поеду! Нет! — И еще раз: — Слышите, нет! Нет, нет! — И в заключение отчаянным голосом: — Нет!

В динозаврьей глотке чудовища замер рык. Минуту длилась устрещающая тишина.

Луна спряталась за облака.

Я ждал, и пот замерзал у меня на лице.

Чудовище с шумом втянуло в себя воздух, выдохнуло его, повернулось и заковыляло обратно в лес: оно уходило все дальше, его было уже едва видно, оно исчезало бесследно. Над лужайкой, словно мотыльки, кружились обрывки телеграммы. Я закрыл и запер дверь и, не помня себя от облегчения, свалился в постель. Заснул я под утро.

Вот и сейчас, проснувшись от этого сна в своей кровати в Венеции, я подошел к двери и посмотрел на каналы. Что мне крикнуть им — этой темной воде, туману, песку на пляже, океану? Кто меня услышит, какое чудовище поймет мою «теа супра», мой решительный отказ, мой протест против обвинений, мои доводы, что намерения у меня самые добрые и талант мой себя еще покажет?

Крикнуть им: «Ступайте прочь! Я ни в чем не виноват! Я не должен умирать! И, ради бога, оставьте в покое остальных!» Может быть, прокричать это?

Я открыл рот, собираясь попробовать. Но рот у меня был забит пылью, которая каким-то образом все запорошила в темноте.

Я сумел только протянуть руку, как нищий, но пантомима эта, конечно, была бесполезной.

«Пожалуйста», — сказал я про себя.

И прошептал вслух:

— Пожалуйста!

А потом закрыл дверь.

И тут же в будке через дорогу зазвонил телефон.

«Не буду отвечать, — подумал я. — Это он. Ледяной человек».

Телефон продолжал звонить.

Нет, это Пег.

Телефон звонил.

Это он.

— Заткнись! — заорал я.

Телефон замолчал.

Не выдержав тяжести собственного тела, я рухнул в постель.

* Моя вина (лат.).

Стоя на пороге, Крамли недоуменно моргал.

— Господи помилуй! Вы знаете, который час?

Мы стояли, не спуская друг с друга глаз, словно боксеры, уже измотавшие один другого до одури и теперь не соображающие, куда бы упасть.

Я не мог придумать, что сказать, и потому произнес:

— «Слишком хорошо стали смотреть за мной в последнее время»¹²⁵.

— Пароль верный. Шекспир. Входите.

Он провел меня через весь дом туда, где, благоухая кофе, булькал на плите большой кофейник.

— Корпел допоздна над своим шедевром. — Крамли кивнул на пишущую машинку, видневшуюся в спальне. Из нее свисал длинный желтый лист — словно муза дразнилась, высунув язык.

— Пишу на казенной бумаге, на ней больше помещается. Мне, наверно, чудится, что если дойду до конца обычного листа, то и продолжать не стану. Господи, ну и видок у вас! Приснилось что-то страшное?

— Хуже не бывает! — И я рассказал ему свой сон — и про парикмахерскую, и про сто тысяч за проданный сценарий, и про ночное чудовище, и про то, как я кричал на него, а оно, стеная, удалилось и я остался жив-живехонек.

— Надо же! — Крамли налил в две большие чашки чего-то густого и булькающего, как лава. — У вас даже сны интереснее, чем у меня.

— Но что сей сон значит? Что мы никогда ничего в жизни не добьемся? Если я и дальше буду бедствовать и не опубликую ни одной книжки, окажусь неудачником! Но выходит, если у меня купят роман, издадут его и на моем счете в банке заведутся деньги, я опять же оказываюсь неудачником, да? Значит, все друг друга ненавидят? Адрузья? Умеют ли хотя бы они прощать? Вы старше меня, Крамли, растолкуйте мне этот сон. Почему чудовище хотело меня убить? Почему мне пришлось отказаться от денег? Что все это значит?

— Черт его знает, — хмыкнул Крамли. — Я же не психиатр.

— Может, А.Л. Чужак меня вразумит?

— Вот-вот, нагадает на кофейной гуще, прочтет с потолка. Нет уж! А записать этот сон не собираетесь? Другим вы всегда это советуете...

— Когда немного успокоюсь. По дороге к вам, всего несколько минут назад, я вспомнил, что мой доктор когда-то предлагал сводить меня на экскурсию в анатомический театр. Слава богу, у меня хватило ума отказаться. А то я действительно мог бы сказать, что за мной «слишком хорошо стали смотреть в последнее время». А сейчас у меня просто ум за разум заходит. Все вертится в голове — как очистить львиную клетку? Как разгладить простыни под старой леди с канарейками? Как отвлечь Кэла-парикмахера от Джоплина? Как защитить ночью Фанни, ведь она на другом конце города, а я еще и без оружия?

— Пейте кофе, — посоветовал Крамли.

Я порылся в кармане и вынул фотографию Кэла со Скоттом Джоплином, только головы у Скотта не было. И рассказал Крамли, где нашел снимок.

— Кто-то украл голову с фотографии. А Кэл увидел это, понял, что песенка его спета, и унес ноги из Венеции.

— Ну, это не убийство, — заметил Крамли.

— То же самое, — возразил я.

— То же самое, что «бывает, и свиньи летают». Переходим к слушанию следующего дела, как говорят в суде.

— Кто-то опоил Сэма чем-то очень крепким. И он умер. Кто-то затолкал Джимми под воду в ванне, и он утонул. Кто-то напугал полицию на Пьетро, его забрали, и это его убьет. Кто-то просто встал над леди с канарейками и напугал ее до смерти. Кто-то запихнул мертвого старика в львиную клетку.

— Кстати, от следователя получены кое-какие данные об этом старике, — прервал меня Крамли. — В крови полно алкоголя.

— Естественно. Кто-то накачал его джином, огрел по голове, уже мертвого стащил к каналу и засунул в клетку, а сам пошел себе к своему автомобилю или просто домой где-то здесь, в Венеции. Правда, он был весь мокрый, но в такой дождь кто обратит внимание на промокшего человека без зонта?

— Чушь! Нет уж, позвольте покрепче: маразматические бредни! Да ни один судья не купится на такие бездарные выдумки. Люди мрут. Происходят несчастные случаи. Мотив! Дайте мне мотив, черт побери. А у вас ничего нет, все построено на идиотской песенке: «Поздно ночью на крыльчке я заметил человечка,

тут в глазах забегало, а его как не было». И сегодня его снова не было! Господи, хотел бы я, чтобы он убежал, сплыл! Подумайте сами. Если этот так называемый убийца и впрямь существует, то нам известен только один человек, который имел касательство ко всем этим происшествиям: вы!

— Я? Да неужели вы думаете...

— Не думаю. Успокойтесь. Не тарашьте на меня свои круглые кроличьи глаза. Подождите, я кое-что вам покажу.

Крамли подошел к полке с книгами, висевшей на одной из стен в кухне (книжные полки в его доме были в каждой комнате), и снял с нее толстенный том.

Он бросил его на кухонный стол. Полное собрание сочинений Шекспира.

— Бессмысленное злодейство, — проговорил он.

— Что?

— У Шекспира его полно, да и у вас тоже, и у меня, и вообще у всех и каждого. Бессмысленная злобность. Вас эти слова ни на что не наводят? А ведь они означают, что какой-то подонок бегаёт по городу и делает свое грязное дело без всякой причины. Или это нам кажется, что без причины.

— Без причины никто не будет творить бесчинства, даже подонки.

— Да ну? — ласково фыркнул Крамли. — До чего же мы наивны! Если хотите знать, половина задержанных у нас на участке — это те, кто едет на красный свет и давит пешеходов, те, кто избивает жен, стреляет в друзей, и никто из них не может вспомнить, зачем они это делали. Мотивы-то, конечно, есть, но так глубоко запрятаны, что без динамита до них не доберешься. А того типа, которого вы стараетесь найти, пуская в ход вашу подогретую виски и пивом логику, если он и вправду существует, разыскать нет возможности: ведь нет ни мотива, ни подоплеки, ни улики. Он и будет себе разгуливать без горя и забот, если только вам не удастся собрать доказательства — косточку за косточкой, чтобы выстроить всю цепочку.

С довольным видом Крамли сел и налил еще кофе.

— Вы когда-нибудь задумывались, почему на кладбищах нет сортиров? — спросил он.

У меня отпала челюсть.

— Верно! Никогда не замечал! К чему покойникам уборные? Если только... Если только вы не пишете рассказ в стиле Эдгара По о трупе, который проснулся в полдень и захотел облегчиться.

— Загорелись накропать такой рассказик? Надо же! Теперь я раздаю идеи!

— Крамли!

— Начинается, — вздохнул он, отодвигая стул.

— Вы верите в гипноз? В регрессию сознания?

— Да вы уже и так регрессировали дальше некуда!

— Послушайте! — выпалил я. — Я же так рехнусь! Загипнотизируйте меня. Верните назад, запихните меня туда.

— Святой Моисей! — Крамли вскочил, допил кофе и выхватил из холодильника пиво. — Куда же вас запихать-то? В психушку?

— Крамли, я ведь столкнулся с убийцей! И хочу снова с ним встретиться. Тогда я не обратил на него внимания, он же был пьян. Он ехал со мной в последнем трамвае в тот вечер, когда я нашел мертвеца в львиной клетке. Стоял в трамвае позади меня.

— Это все равно ничего не доказывает.

— То, что он бормотал, может послужить доказательством. Но я не могу вспомнить что. Если бы вам удалось вернуть меня назад, чтобы я опять оказался в ливень в этом трамвае и опять услышал его голос, я смог бы теперь узнать его и убийства прекратились бы. Разве вы этого не хотите?

— Факт, хочу. Значит, я вас вот так заморожу, вы проблеме мне, что вы узнали, а я тут же пойду и арестую убийцу — так, что ли? «Пошли, — скажу, — нехороший вы человек! Мой друг-писатель под гипнозом узнал ваш голос, и больше никаких доказательств не требуется. Вот наручники, давайте-ка их защелкнем!»

— Пошли вы к черту! — Я вскочил и со стуком поставил на стол чашку. — Я сам себя загипнотизирую. В конце концов, не так уж это трудно! Самовнушение, и все! Я и так все время сам себя убеждаю.

— Перестаньте. Вы же не знаете, как это делается. Вы не тренировались. Сядьте, ради бога! Найду я вам хорошего гипнотизера. Да! — Крамли как-то странно рассмеялся. — Может, обратитесь к А.Л. Чужаку? Он же практикующий гипнотизер.

— Господи! — содрогнулся я. — Даже не шутите так. Он задушит меня Шопенгауэром, Ницше, «Анатомией меланхолии» Бартона, и я уже никогда не оживу. Нет, Элмо, это должны сделать вы.

— Я должен выставить вас отсюда и лечь в постель.

Он ласково подтолкнул меня к двери.

И настоял, что отвезет домой. По дороге, глядя прямо вперед, в непроглядное будущее, он сказал:

— Не тревожьтесь. Больше ничего такого не случится, малыш.

Но он ошибся.

Конечно, это обнаружилось не сразу.

Я проснулся в шесть утра, вообразив, что снова услышал стрельбу.

Но то просто разрушали пирс: рабочие, как зубные врачи, сиделись вырвать этот громадный зуб.

«Интересно, — подумал я, — почему разрушители берутся за разрушение в такой ранний час? А что это за ружейные выстрелы? Может, это они так хохочут?»

Я принял душ и выскочил из дому, как раз навстречу стене тумана, которая надвигалась из Японии.

Старики с трамвайной остановки уже были на берегу, опередив меня. Я не видел их с того самого дня, как пропал их друг — мистер Смит, нацарапавший на стене в спальне свою фамилию.

Я смотрел, как они наблюдают за гибелью пирса, и чувствовал, что у них внутри тоже рушатся все основы. Они не двигались, только челюсти ходили ходуном, будто они вот-вот сплюнут жеванный табак. Опущенные вдоль тела руки вздрагивали. Я знал, что и они знают: разрушат пирс — и тут же загрохочут машины, кладущие асфальт, зальют гудроном трамвайные рельсы, заколотят кассу, где продают трамвайные билеты, выметут остатки билетных конфетти. Будь я на их месте, я сегодня же отправился бы в Аризону или куда-нибудь еще, где светит солнце. Но я был на своем месте и на полвека моложе, мои суставы еще не заржавели, а кости не скрипели всякий раз, когда огромные машины наносили сокрушительный удар по пирсу, оставляя после себя пустоту.

Я подошел к старикам и встал между двумя из них, мне хотелось сказать им что-то значительное.

Но я просто глубоко вздохнул.
Этот язык они понимали хорошо.
Услышав мой вздох, они долго ждали.
А потом закивали головами.

— Так! В хорошенькое дельце ты меня опять втравил!

Мой голос, летящий по проводам в Мехико-Сити, был голо-
сом Оливера Гарди¹²⁶.

— Олли! — воскликнула Пег голосом Стэна Лорела. — Скорей
лети сюда! Спаси меня от мумий в Гуанахуато!

Стэн и Олли. Олли и Стэн. С самого начала мы с Пег называли
наш роман «романом Лорела и Гарди», потому что с детства были
в них влюблены и здорово навострились подражать их голосам.

— Почему ты ничего не делаешь, чтобы помочь мне? — закри-
чал я, подражая мистеру Гарди.

А Пег в роли Лорела запищала в ответ:

— Ох, Олли... ну, словом... Кажется... я...

И вслед за этим наступила тишина. Мы только вздыхали с от-
чаянием, и наши вздохи, наша жажда встречи, наша любовная
печаль проносились в Мехико и обратно. Миля за милей и доллар
за долларом, а доллары-то платила Пег.

— Нет, Стэн, тебе это не по карману, — вздохнул я наконец, —
и у меня уже начинает побаливать там, куда аспирин не попадает.
Стэн, милый мой Стэнли, пока!

— Олли! — всхлипнула Пег. — Дорогой мой Олли. Пока!

Как я уже сказал...

Крамли ошибся.

Ровно в одну минуту двенадцатого я услышал, как у моего дома
затормозил похоронный автомобиль.

Я не спал и по мягкому шороху, с каким машина остановилась
у дверей, понял, что это лимузин Констанции Раттиган — он ти-
хонько жужжал, ожидая, когда я отзовусь.

Не задавая ни Богу, ни кому другому никаких вопросов,
я вскочил и машинально оделся, не замечая, что натягиваю на
себя. Тем не менее я почему-то надел темные брюки, черную ру-
башку и старую синюю куртку. Только в Китае ходят на похороны
в белом.

Целую минуту я стоял, сжимая ручку двери, — не мог собраться с духом, чтобы повернуть ее и выйти из дому. Подойдя к лимузину, я сел не на заднее сиденье, а на переднее, рядом с Констанцией, которая, не поворачивая головы, смотрела прямо перед собой на белые и холодные волны прибоя.

По ее щекам текли слезы. Не проронив ни слова, она медленно тронулась с места. Скоро мы уже были на середине Венецианского бульвара.

Я боялся задавать вопросы, страхась услышать ответ.

Примерно на полпути Констанция проговорила:

— Меня охватило предчувствие.

Больше она ничего не прибавила. Я понял, что она никому не звонила. Просто едет проверить свое предчувствие.

Как потом выяснилось, если бы даже она и позвонила кому-нибудь, было бы уже поздно.

В половине двенадцатого мы подъехали к дому Фанни.

Мы не выходили из лимузина, по щекам Констанции катились слезы, и, по-прежнему глядя перед собой, она сказала:

— Господи, у меня такое ощущение, будто во мне весу пять пудов, двинуться не могу.

Но в конце концов двинуться все же пришлось.

Когда мы уже поднялись до середины лестницы, Констанция вдруг упала на колени, зажмурилась, перекрестилась и прорыдала:

— О Господи, Господи, сделай так, чтобы Фанни была жива, сделай, Господи!

Я помог ей, опьяневшей от горя, подняться наверх.

На площадке второго этажа нас встретила темнота и сильный, словно засасывающий, сквозняк. Где-то за тысячу миль, на другом конце ночи, в северном крыле этого дома, кто-то открыл и закрыл дверь. Вышел подышать воздухом или спасался бегством? Одна тень переплеталась с другой. Минуту спустя до нас долетел пушечный выстрел захлопнувшейся двери. Констанция пошатнулась на своих каблуках, я схватил ее за руку и потащил за собой.

Мы двигались сквозь непогоду, и вокруг становилось все холоднее, все влажнее, все темнее. Я пустился бегом, не своим голосом бормоча заклинания, пытаюсь спасти Фанни.

«Все в порядке, она у себя в комнате, — твердил я мысленно магические формулы, — она у себя вместе со своими пластинками, портретами Карузо, гороскопами, майонезными банками, со своим пением...»

Она действительно была у себя.

Дверь ее комнаты висела на петлях.

Фанни лежала на спине, прямо на линолеуме, посреди комнаты.

— Фанни! — закричали мы в один голос.

«Вставай! — просилось у нас на язык. — Тебе нельзя лежать на спине, ты задохнешься! Ты тридцать лет не лежала в кровати. Ты можешь спать только сидя. Вставай, Фанни!»

Но она не шевелилась. Она ничего не говорила. Она не пела. И даже не дышала.

Мы опустились подле нее на колени, взывая к ней шепотом, молясь про себя. Мы стояли возле нее на коленях, будто два кающихся грешника, будто молящиеся паломники, мы тянули к ней руки, будто целители, словно это могло что-то изменить. Словно своим прикосновением мы могли вернуть ей жизнь.

Но Фанни лежала, устремив глаза в потолок, точно хотела сказать: «Откуда здесь взялся потолок? И почему я молчу?»

Все было очень просто и очень страшно. Не то Фанни сама упала, не то ее толкнули, но встать она не смогла. Она лежала здесь одна среди ночи, пока не задохнулась от собственной тяжести. Не нужно было особых усилий, чтобы удержать ее в этом положении, не дать ей повернуться. Не надо было ни душить, ни наваливаться на нее. Никакого насилия не требовалось. Нужно было только постоять над ней и убедиться, что она не может перевернуться, опереться на что-нибудь и подняться. Достаточно было понаблюдать за ней минуту-другую, пока она наконец совсем не затихла, а глаза не остекленели.

«Фанни! Ох, Фанни, — стонал я. — Фанни, — оплакивал я ее, — что же ты с собой сделала?»

И вдруг я различил едва слышный шепоток.

У меня дернулась голова. Я выкатил глаза.

Диск потрепанного патефона все еще вращался медленно, очень медленно. Но все-таки вращался. А значит, всего пять минут назад она завела патефон, поставила пластинку и...

Ответила на стук, открыла дверь в темноту.

Диск вращался. Но пластинки под иглой не было. «Тоска» исчезла.

Я прищурился и вдруг...

Быстро простучали каблучки.

Констанция вскочила и, задыхаясь, побежала к двери на балкон, выходящий на заваленный мусором пустырь, на Банкер-Хилл и на бильярдную, откуда всю ночь доносились раскаты хохота. Не успел я схватить Констанцию, как она дернула дверь и бросилась к балконным перилам.

— Нет! Констанция, не надо! — закричал я.

Но она выскочила туда, потому что ее рвало — она склонилась над перилами, нагнулась и освободилась от всего. Я рад был бы последовать ее примеру. Но только стоял, присматривая за ней, и переводил глаза с нее на гору, у подножия которой мы стояли минуту назад.

Наконец рвота прекратилась.

Повернувшись, я, сам не зная почему, пересек комнату, обошел Фанни и открыл маленькую дверцу. Отблеск слабого холодного света упал мне на лицо.

— Святой боже! — воскликнула Констанция, стоя в дверях у меня за спиной. — Что ты делаешь?

— То, что велела Фанни, — ответил я, едва шевеля онемевшими губами. — Если что случится, посмотреть в холодильнике.

Ледяной могильный ветерок обвевал мои щеки.

— Вот я и смотрю.

Конечно, в холодильнике ничего не было.

Вернее, там было слишком много всего. Желе, джемы, самые разные майонезы, соусы для салатов, маринованные огурцы, острые перцы, сдобные ватрушки, булочки, булки, масло, холодная вырезка — словом, настоящий арктический гастроном. При виде этого становилось понятно, как планомерно и упорно создавалась невероятная толщина Фанни.

Я глядел, напрягая зрение, пытаюсь обнаружить то, что имела в виду Фанни.

«Боже мой! — думал я. — Но что? Что я должен искать? Может, что-то скрыто в одной из этих банок?»

Я с трудом сдержался, чтобы не вывернуть все джемы и желе на пол. Но вовремя отдернул руку.

Нету здесь ничего. А если есть, то найти это я не могу.

У меня вырвался жуткий глухой стон, и я захлопнул дверцу.

Диск, с которого исчезла «Тоска», отчаялся и перестал крутиться.

«Надо, чтобы кто-нибудь вызвал полицию, — подумал я. — Но кто?»

Констанция снова выскочила на балкон.

Значит, я.

К трем часам ночи все было закончено. Приехала полиция, всех опросила, записала фамилии, многоквартирный дом был поднят на ноги, словно в подвале обнаружился пожар, и когда я вышел на улицу, то машина из морга еще стояла у входа, а служители прикидывали, как им вытащить Фанни из комнаты, снести вниз по лестнице и увезти. Я надеялся, что они не додумаются использовать ящик от рояля в переулке, насчет которого шутила Фанни.

Они и не додумались. Но Фанни пришлось пролежать в комнате до рассвета — утром пригнали машину побольше и носилки поосновательней.

Ужасно тяжело было оставлять ее там одну на ночь. Но полиция не разрешила мне побыть с ней, ведь, в конце концов, случай был самый обычный — естественная смерть.

Пока я спускался по лестнице, минуя этаж за этажом, двери одна за другой закрывались, гас свет, и я вспомнил вечера в конце войны, когда последние из пляшущих конгу, выбившись из сил, расходились по своим комнатам или разбрелись по улицам, а я в одиночку поднимался на Банкер-Хилл, а потом спускался к вокзалу, откуда меня уносил домой грохочущий трамвай.

Выйдя на улицу, я увидел, что Констанция Раттиган свернулась на заднем сиденье своего лимузина и тихо лежит, глядя в никуда. Услышав, что я открываю заднюю дверцу, она сказала:

— Садись за руль.

Я уселся на переднее сиденье.

— Отвези меня домой, — тихо попросила Констанция.

Несколько минут я набирался храбрости, но в конце концов признался:

- Не могу.
- Почему?
- Не умею водить машину.
- Что?

— Никогда этому не учился. К чему мне? — Язык, тяжелый как свинец, с трудом меня слушался. — Разве писатели могут позволить себе иметь машину?

— Господи помилуй! — Констанция ухитрилась выпрямиться и вылезла из машины. Она двигалась неуклюже, как с похмелья. Медленно, ничего не видя, покачиваясь, обошла лимузин и махнула мне: — Подвинься!

Кое-как она завела машину. На этот раз мы ехали со скоростью десять миль в час, как будто нас окружал густой туман, в котором и на десять шагов уже ничего не видно.

Мы доехали до гостиницы «Амбассадор». Констанция повернула ко входу, и мы остановились, как раз когда расходились последние участники субботней вечеринки в смешных шляпах, с воздушными шариками в руках. В «Кокосовой роще» над нами гасли огни. Я видел, как, подхватив инструменты, спешат домой музыканты.

Констанцию знали все. Мы расписались в книге, и нам отвели бунгало в нескольких минутах ходьбы от гостиницы. Багажа у нас не было, но это, по-видимому, никого не волновало. Посыльный, провожавший нас в бунгало, смотрел на Констанцию так, будто считал, что ее нужно нести на руках. Когда мы вошли в комнату, Констанция спросила его:

— Как насчет того, чтобы за пятьдесят долларов найти ключ и отпереть бассейн, который за гостиницей? Мы хотели бы поплавать.

— Ключ-то, если хорошенько постараться, найти можно, — сказал посыльный. — Но купаться среди ночи...

— Я всегда купаюсь в это время, — объяснила Констанция.

Через пять минут в бассейне вспыхнули огни, и я, усевшись там, наблюдал, как Констанция ныряет и плавает: она сделала двадцать кругов, иногда проплывая под водой, из одного конца бассейна в другой, даже не высываясь, чтобы набрать воздуха.

Раскрасневшаяся, она вылезла через десять минут, и я закутал ее в большое полотенце и не разомкнул руки.

— Когда же вы будете плакать? — решил спросить я.

— Черт возьми! Этим я сейчас и занималась, — ответила она. — Если под боком нет океана, сойдет и бассейн. Если нет бассейна, включи душ. Тогда можешь кричать, выть и рыдать сколько тебе влезет, и никто об этом не узнает, никто не услышит. Когда-нибудь этим пользовался?

— Никогда. — Я с благоговением посмотрел на нее.

В четыре утра Констанция застала меня в ванной, я стоял и смотрел на душ.

— Давай! — ласково сказала она. — Запусти его! Попробуй!

Я встал под душ и пустил воду, открыв кран до предела.

В одиннадцать утра, возвращаясь, мы проехали через Венецию, поглядели на каналы, затянутые тонкой зеленой ряской, миновали полуразрушенный пирс, наблюдали, как взмывают вверх, в туман, чайки. Солнце так и не вышло, а прибой был чуть слышен, словно приглушенный гул черных барабанов.

— К черту все это! — выдохнула Констанция. — Бросай монету! Орел — едем на север, в Санта-Барбару, решка — на юг, в Тихуану.

— Нет у меня даже мелочи, — ответил я.

— Господи! — Констанция порылась в кошельке, вынула монету в двадцать пять центов и подбросила в воздух.

— Решка.

К полудню мы приехали в Лагуну, благо дорожный патруль нас почему-то не задержал. Мы сидели в открытом кафе, расположенном на скале над берегом, и пили двойной коктейль «Маргарита».

— Ты видел фильм «Вперед же, странница!»?

— Десять раз, — ответил я.

— Так в этом фильме, в первой части, здесь завтракали влюбленные Бетт Дэвис¹²⁷ и Пол Хенрид¹²⁸. Они сидели там, где мы сейчас сидим. В начале сороковых тут всегда шли натурные съемки. Стул, на котором ты сидишь, до сих пор хранит отпечаток задницы Хенрида.

В три мы были в Сан-Диего и ровно в четыре остановились перед ареной, где происходили бои быков.

— Ну как, выдержишь? — спросила Констанция.

— Попробую, — сказал я.

Мы высидели до третьего быка, вышли в предвечерние сумерки, выпили еще две «Маргариты» и, перед тем как двинуться на север, съели плотный мексиканский обед. Потом выехали на остров и наблюдали закат, сидя у «Отеля дель Коронадо». Мы ни о чем не говорили, просто смотрели, как солнце, опускаясь, окрашивает в розовый цвет старые викторианские башни и свежоокрашенную белую обшивку отеля.

По дороге домой мы купались в прибое, молчали, иногда держались за руки.

В полночь мы остановились перед джунглями, где жил Крамли.

— Женись на мне, — сказала Констанция.

— Непременно, в следующей жизни, — ответил я.

— Что ж! И это неплохо! До завтра!

Когда она уехала, я пошел через заросли по тропинке к дому.

— Где вы пропадали? — спросил стоявший в дверях Крамли.

— Дядюшка Уиггли¹²⁹ говорит: «Отпрыгни на три шага».

— А Скизикс и Зимолюбка¹³⁰ говорят: «Входи!» — сказал Крамли.

В руке у меня очутилось что-то холодное — пиво.

— Да! — вздохнул Крамли. — На вас смотреть страшно. Бедняга.

И он обнял меня. Никогда бы не подумал, что Крамли способен кого-то обнять, даже женщину.

— Осторожно! — воскликнул я. — Я сделан из стекла!

— Я узнал сегодня утром, в Центральном отделении. Приятель сказал. Я вам сочувствую, малыш. Знаю, что вы были большими друзьями. Ваш список при вас?

Мы вышли в джунгли, где раздавалось только стрекотание сверчков да доносились откуда-то из глубин дома жалобы Сеговии, тоскующей по каким-то давно прошедшим дням, когда солнце в Севилье не заходило сорок восемь часов.

Я нашел в кармане свой несчастный измятый список и протянул его Крамли.

— С чего это вы им заинтересовались?

— Да так, ни с того ни с сего, — ответил Крамли. — Просто вы разожгли мое любопытство.

Он сел и начал читать.

Старик в львиной клетке. Убит, оружие неизвестно.

Леди, торговавшая канарейками. Напугана.

Пьетро Массинелло. В тюрьме.

Джимми. Утонул в ванне.

Сэм. Умер. Кто-то опоид его спиртным.

Фанни.

И недавняя приписка:

Задохнулась.

Другие возможные жертвы:

Генри-слепой.

Энни Оукли — хозяйка тира.

А. Л. Чужак — психиатр-мошенник.

Джон Уилкс Хопвуд.

Констанция Раттиган.

Мистер Формтень.

Приписка: нет, его надо вычеркнуть.

Я сам.

Крамли повертел список в руках, всмотрелся в него еще раз, перечитал фамилии.

— Да, друг! Настоящий зверинец. А я-то почему сюда не попал?

— Потому что все перечисленные здесь чем-то пришиблены. А вы? Вас не пришибешь. У вас собственный стартер.

— Это только с тех пор, как мы встретились, малыш. — Крамли осекся и покраснел. — А себя-то вы почему сюда вписали?

— Потому что я до смерти напуган.

— Понятно, но у вас тоже есть собственный стартер, и работает он безотказно. Так что, следуя вашей логике, вам бояться нечего. А вот что делать с остальными? Они так торопятся убежать от всего, что того и гляди сорвутся с утеса.

Крамли снова повертел список, не глядя на меня, и начал читать фамилии вслух.

Я остановил его:

— Ну так как?

— Что «ну так как»?

— Больше ждать нельзя, — сказал я. — Приступайте к гипнозу, Крамли. Ради всего святого, верните меня в тот вечер.

— Господи помилуй! — проговорил Крамли.

— Вы должны проделать это не откладывая. Сегодня же. Обязаны.

— Господи! Ну хорошо, хорошо! Садитесь. Даже лучше — ложитесь. Выключить свет? Боже, дайте я вышью чего-нибудь покрепче.

Я сбежал за стульями и поставил их в ряд друг за другом.

— Вот это вагон в том ночном трамвае, — пояснил я. — Я сидел здесь. Сядьте позади меня.

Я сбежал на кухню и принес Крамли виски.

— Надо, чтобы от вас пахло так же, как от него.

— Вот за этот штрих огромное спасибо. — Крамли опрокинул виски в рот и закрыл глаза. — Ничем глупее в жизни не занимался.

— Замолчите и пейте.

Он опрокинул вторую порцию. Я сел. Потом, подумав, вскочил и поставил пластинку с записью африканской бури. На дом сразу обрушился ливень, он бушевал и за стенками большого красного трамвая. Я притушил свет.

— Ну вот, отлично.

— Заткнитесь и закройте ваши гляделки, — сказал Крамли. — Боже! Не представляю, с чего начинать?

— Ш-ш. Как можно мягче.

— Ш-ш, тихо. Все хорошо, малыш. Засыпайте.

Я внимательно слушал.

— Едем тихо, — гудел Крамли, сидя за моей спиной в вагоне трамвая, едущего ночью под дождем. — Спокойствие. Тишина. Расслабьтесь. Легче. Поворачиваем мягко. Дождь стучит тихо.

Он начинал входить в ритм, и, судя по голосу, ему это нравилось.

— Тихо. Мягко. Спокойно. Поздно. Далеко за полночь. Дождь каплет, тихий дождь, — шептал Крамли. — Где вы сейчас, малыш?

— Сплю, — сонно пробормотал я.

— Спите и едете. Едете и спите, — гудел он. — Вы в трамвае?

— В трамвае, — пробормотал я. — А дождь поливает. Ночь.

— Так, так. Сидите в вагоне. Едем дальше. Прямо через Калвер-Сити, мимо студии. Поздно, уже поздно, в трамвае никого, только вы и кто-то еще.

— Кто-то, — прошептал я.

— Кто-то пьяный.

— Пьяный, — повторил я.

— Шатается, шатается, болтает-болтает. Бормоток, шепоток, слышите его, сынок?

— Слышу шепот, бормотание, болтовню, — проговорил я.

И трамвай поехал дальше, сквозь ночь, сквозь мрак и непогоду, а я сидел в нем послушный, основательно усыпленный, но весь — слух, весь — ожидание, покачивался из стороны в сторону, голова опущена, руки, как неживые, на коленях.

— Слышите его голос, сынок?

— Слышу.

— Чувствуете, как от него пахнет?

— Чувствую.

— Дождь усилился?

— Усилился.

— Темно?

— Темно.

— Вы в трамвае все равно как под водой, такой сильный дождь, а сзади вас кто-то раскачивается, стонет, шепчет, бормочет...

— Д-д-д... а-а-а...

— Слышно вам, что он говорит?

— Почти.

— Глубже, тише, легче, несемся, трясемся, катимся. Слышите его голос?

— Да.

— Что он говорит?

— Он...

— Спим, спим, крепко, глубоко. Слушайте.

Он обдавал мой затылок дыханием, теплым от виски.

— Ну что? Что?

— Он говорит...

В голове у меня раздался скрежет, трамвай сделал поворот. Из проводов полетели искры. Ударил гром.

— Ха! — заорал я. — Ха! — И еще раз: — Ха!

Я завертелся на стуле в паническом ужасе — как бы увернуться от дыхания этого маньяка, этого проспиритованного чудовища. И вспомнил еще что-то: запах! Он вернулся ко мне вдруг и теперь обдавал мне лицо, лоб, нос.

Это был запах разверстых могил, запах сырого мяса, гниющего на солнце. Запах скотобойни.

Я крепко зажмурился, и меня начало рвать.

— Малыш! Проснитесь! Господи помилуй! Очнитесь, малыш! — кричал Крамли, он тряс меня, шлепал по щекам, массировал шею. Он опустился на колени, пытаясь подпереть мне голову, поддержать руки, не зная, как лучше меня ухватить. — Ну все, малыш, все! Ради бога, успокойтесь!

— Ха! — выкрикнул я, в последний раз содрогнулся, дико озираясь, выпрямился и вместе с этим гниющим мясом свалился в могилу, а трамвай пронесся надо мной, и могилу залило дождем, а Крамли продолжал бить меня по щекам, пока у меня изо рта не вылетел большой сгусток залежавшейся пищи.

Крамли вывел меня в сад, добился, чтобы я стал ровнее дышать, вытер мне лицо, ушел в дом подтереть пол и вернулся.

— Господи! — воскликнул он. — Ведь получилось! Мы достигли даже большего, чем хотели! Правда?

— Да, — устало согласился я. — Я услышал его голос. И говорил он именно то, что я ждал. То, что предложил вам как название вашей книги. Но голос его я хорошо слышал, он мне запомнился. Когда я теперь его увижу, где бы это ни оказалось, я его узнаю. Мы идем по следу, Крамли! Мы уже близко. На этот раз он не уйдет. Теперь у меня есть примета еще лучше, чтобы его узнать.

— Какая?

— Он пахнет трупом. В тот раз я не заметил, а если и заметил, то так нервничал, что забыл. Но сейчас вспомнил. Он мертвый, наполовину мертвый. Так пахнет пес, раздавленный на улице. У него рубашка, и брюки, и пиджак — все застарело-заплесневевшее. А сам он еще того хуже. Так что...

Я побрел в дом и очутился за письменным столом.

— Ну теперь-то я и своей книге могу дать новое название, — сказал я и стал печатать.

Крамли следил за моей рукой. На бумаге появились слова, и мы оба прочли:

«От смерти на всех парусах».

— Хлесткое название, — сказал Крамли.

И пошел выключить звук, убрать шум темного дождя.

Панихиду по Фанни Флорианне служили на следующий день. Крамли отпросился на час и подвез меня к благостному старомодному кладбищу на холме, с которого открывался вид на горы Санта-Моники. Я удивился, обнаружив вереницу машин у ограды, и еще больше удивился, увидев, что к открытой могиле движется длинная процессия желающих возложить цветы. Людей было не меньше двух сотен, а цветов, наверно, тысячи.

— Обалдеть! — пробормотал Крамли. — Только посмотрите, какое сборище! Кого тут только нет! Вон тот сзади — это же Кинг Видор¹³¹!

— Точно, Видор. А вон Салка Фиртель. Когда-то она писала сценарии для Греты Гарбо¹³². А вон тот типчик — мистер Фоке, адвокат Луиса Б. Майера¹³³. А этот подальше — Бен Гётц, он возглавлял филиал МГМ в Лондоне. А тот...

— Как же вы никогда не говорили, что ваша подружка Фанни водится с такими шишками?

— А думаете, мне она говорила?

«Фанни, милая моя Фанни, — подумал я, — как это на тебя похоже, ведь словечком не обмолвилась, не похвасталась ни разу, что столько знаменитостей карабкалось все эти годы по лестницам твоего чудовищного дома, чтобы посидеть с тобой, поболтать, повспоминать, послушать твое пение. Почему, Фанни, ты ни разу об этом не заикнулась? Как жаль, что я этого не знал, я никому не проболтался бы».

Я вглядывался в лица среди цветов. Крамли тоже.

— Думаете, он тут? — тихонько спросил он.

— Кто?

— Тот, кто, по-вашему, прикончил Фанни.

— Если бы я его увидел, я бы его узнал. Хотя нет, я бы узнал его, только если бы услышал.

— И что тогда? — спросил Крамли. — Арестовали бы его за то, что несколько дней назад он ехал пьяный в ночном трамвае?

Наверно, по моему лицу он понял, как я ужасно устал.

— Ну вот, опять я порчу вам настроение, — расстроился Крамли.

— Друзья! — начал кто-то.

И толпа смолкла.

Это была самая лучшая панихида из всех, какие я когда-либо наблюдал, если только так можно сказать о панихиде. Меня никто не просил выступить, да и с какой стати? Но другие брали слово на одну-три минуты и вспоминали Чикаго в двадцатых годах или Калвер-Сити в середине двадцатых, тогда там были луга и поля и МГМ возводила там свою лжецивилизацию. В ту пору раз десять в году вечерами на обочину возле студии подавали большой красный автомобиль, в него садились Луис Б. Майер с Беном Гётцем и остальными и играли в покер по дороге в Сант-Бернардино, там они просматривали последние фильмы с Джильбертом¹³⁴, или Гарбо, или Наварро¹³⁵ и привозили домой пачки карточек с предварительными оценками: «шикарный фильм», «дрянной», «прекрасный», «кошмар» — и долго потом тасовали эти карточки вместе с королями и дамами, валетами и тузами, стараясь представить, какие же, черт возьми, у них на руках взятки. В полночь они снова собирались за студией, играли в карты и, благоухая запретным виски, вставляли со счастливыми улыбками или с мрачными, полными решимости лицами посмотреть, как Луис Б. Майер ковыляет к своей машине и первый уезжает домой.

И сейчас они все были здесь, и их речи звучали очень искренне и очень проникновенно. Никто не лгал. За каждым сказанным словом угадывалось большое горе.

В разгар этого жаркого полдня кто-то взял меня за локоть. Я обернулся и ахнул:

— Генри! Ты-то как сюда добрался?

— Уж конечно, не пешком.

— Как же ты нашел меня в этой толпе?

— Мылом «Слоновая кость» от тебя одного пахнет, от всех других «Шанелью» или «Пикантным». В такие дни, как сегодня, я радуюсь, что я слепой. Слушать все это — еще ладно, а видеть никакой охоты нет.

Выступления продолжались. Теперь речь держал мистер Фокс, адвокат Луиса Б. Майера, законы он знал назубок, но вряд ли

смотрел фильмы, выпускаемые студией. Сейчас он вспоминал прежние дни в Чикаго, когда Фанни...

Среди ярких цветов порхала колибри, вслед за ней появилась стрекоза.

— Подмышки, — тихо произнес Генри.

Поразившись, я выждал, а потом спросил шепотом:

— Что еще за подмышки?

— На улице перед нашим домом, — зашептал Генри, глядя в небо, которого он не видел, и цедя слова уголком рта, — и в коридорах. Возле моей комнаты. И возле комнаты Фанни. Пахло подмышками. Это он. — Генри помолчал, потом кивнул. — Он так пахнет.

В носу у меня зашипало. Глаза заслезились. Я переступал с ноги на ногу. Мне не терпелось бежать, расследовать, искать.

— Когда это было, Генри? — прошептал я.

— Позавчера. В тот вечер, как Фанни ушла от нас навсегда.

— Ш-ш! — зашипели на нас те, кто стоял поблизости.

Генри замолчал. Дождавшись, когда выступающие сменяли друг друга, я спросил:

— Где это было?

— В тот вечер, до того как с Фанни случилось, я переходил улицу, — прошептал Генри. — И запах там стоял крепкий, прямо разило. Потом мне показалось, что эти Подмышки идут за мной по коридору. Потому что запахло так, что у меня аж лобные пазухи пробрало. Словно гризли в затылок дышит. Ты когда-нибудь слышал, как дышит гризли? Я когда улицу переходил, так и замер, будто меня клюшкой саданули. Подумал, если кто так пахнет, то он, не иначе, всех ненавидит — и самого Бога, и собак, и людей — весь мир! Попадись ему под ноги кошка, он ее не обойдет — раздавит. Одно слово — ублюдок! А пахнет от него точно подмышками. Это тебе может помочь?

Я оцепенел. Мог только кивнуть, а Генри продолжал:

— Я запах подмышек учуял в коридорах еще несколько дней назад, просто он тогда был слабее, а вот когда эта сволочь ко мне подошла... Ведь ногу мне подставил как раз мистер Подмышки. Теперь я это понял.

— Ш-ш! — опять шикнули на нас.

Выступал какой-то актер, потом священник, потом раввин, а в заключение между памятниками промаршировал хор Первой баптистской церкви, что на Центральной авеню, они выстроились и стали петь. А пели они «Мой в небе край родной, мой в небе дом», «Встретимся ли мы с тобой, где святые все поют?», «Вот уж многие святые перешли к тем берегам, и грядут часы благие, скоро все мы будем там».

Такие божественные голоса я слышал разве что в конце тридцатых, когда Рональд Колман¹³⁶, одолев снежные пики, спускался в Шангри-Ла или когда в «Зеленых пастбищах» такие рулады раздавались с облаков. Но вот райское пение смолкло, а я так расчувствовался и возликовал, что Смерть предстала передо мной в новом обличе — желанной и залитой солнечным светом, и колибри снова запорхала в поисках нектара, а стрекоза задела крыльшками мою щеку и улетела.

Когда мы с Крамли и Генри выходили с кладбища, Крамли сказал:

— Хотел бы я, чтобы меня проводили на тот свет под такое пение. Вот бы петь в этом хоре! И деньги не нужны, если так поешь.

Но я не спускал глаз с Генри. Он чувствовал мой взгляд.

— Дело в том, — проговорил он, — что этот мистер Подмышки снова к нам повадился. Можно подумать, хватит уже с него, верно? Но его, видно, голод мучает, хочется творить подлости, не может остановиться. Запугивать людей до смерти для него в радость. Причинять боль — он этим живет. Он и старого Генри хочет погубить, как сгубил других. Но не выйдет. Больше я не свалюсь. Ниоткуда.

Крамли серьезно прислушивался к рассуждениям Генри.

— Если Подмышки снова появится...

— Я вам дам знать *inmediatamente*. Он шляется у нас по дому. Я застал его, когда он ковырял запертую дверь Фанни. Комнату ведь запечатали, такой закон, да? Он возился с замком, а я как закричу! Спугнул его. Он же трус, ручаюсь. Оружия у него нет, зачем ему? Носу слепцу и так можно подставить, свалится с лестницы за милую душу! Я так и наорал на него: «Подмышки! Скотина!»

— В другой раз вызывай нас. Подвезти тебя? — спросил Крамли.

— Нет, кое-кто из недостойных леди из нашего дома захватил меня с собой, спасибо им. Они меня и отвезут.

— Генри! — Я протянул ему руку. Он сразу схватил ее, будто все видел.

— Скажи, Генри, а чем пахнет от меня? — спросил я.

Генри понюхал, понюхал и рассмеялся.

— Вообще-то, теперь таких бравых парней, как раньше, не бывает. Но ты сойдеешь.

Когда мы с Крамли уже порядочно отъехали, нас обогнал лимузин, выжимавший семьдесят миль в час, спеша оставить позади заваленную цветами могилу. Я замахал руками и закричал.

Констанция Раттиган даже не обернулась. На кладбище она держалась в стороне, пряталась где-то сбоку, а сейчас мчалась домой в гневе на Фанни — как та посмела нас покинуть — и, возможно, негодуя на меня, считая, что я каким-то образом навел на них Смерть, предъявившую свой счет.

Лимузин скрылся в бело-сером облаке выхлопных газов.

— Гарпии и фурии пронесли мимо, — заметил Крамли.

— Да нет, — возразил я, — всего лишь растерявшаяся леди спешит скрыться, и ей это необходимо.

Следующие три дня я пытался дозвониться до Констанции Раттиган, но она не отвечала. Она хандрила и злилась, и в ее глазах, черт знает почему, я был связан с тем человеком, который как тень бродил по коридорам и совершал злодеяния.

Пытался я позвонить и в Мехико-Сити, но Пег тоже не было. Мне казалось, что я потерял ее навсегда.

Я бродил по Венеции, присматривался, прислушивался, принюхивался, надеялся услышать тот страшный голос, учуять тлетворный запах чего-то умирающего или давно умершего.

Даже Крамли куда-то запропал. Его нигде не было, сколько я ни высматривал.

В конце этих трех дней, измученный тщетными попытками дозвониться и несостоявшимися встречами с убийцами, выбитый из колеи похоронами, я возроптал на судьбу и выкинул такое, на что раньше никогда не решился бы.

Около десяти вечера я брел по пустому пирсу, сам не зная куда, пока не пришел в нужное место.

— Эй! — окликнул меня кто-то.

Я схватил с полки ружье и, даже не проверив, заряжено оно или нет, не посмотрев, не стоит ли кто рядом, начал палить. Бах, бах! И бах, бах! И еще бах, бах, бах! Я сделал шестнадцать выстрелов!

И услышал, как кто-то кричит.

Ни в одну из мишеней мне попасть не удалось. До этого я ни разу не держал в руках ружья. Я и сам не знал, во что целюсь, впрочем, нет — знал!

— Вот тебе, сукин ты сын! Получай, гад! Будешь знать, мерзавец!

Бах, бах и опять бах, бах!

Патроны кончились, но я продолжал жать на спусковой крючок. И вдруг понял, что стараюсь впустую. Кто-то отобрал у меня ружье. Оказалось, это Энни Оукли. Она тарашилась на меня так, будто видела в первый раз.

— Вы понимаете, что творите? — спросила она.

— Не понимаю и понимать не хочу, идите вы все знаете куда? — Я оглянулся. — А почему у вас так поздно открыто?

— А что делать? Спать не могу, а заняться нечем. А с вами-то, мистер, что стряслось?

— Через неделю в этот час на всем нашем несчастном земном шаре никого в живых не останется.

— Неужели вы в это верите?

— Не верю, но похоже на то. Дайте мне еще ружье.

— Да вам уже и стрелять-то неохота.

— Охота! Но денег у меня нет, так что буду палить в долг, — заявил я.

Она долго всматривалась в меня. Потом протянула ружье и напутствовала:

— Ухлопай-ка их всех, ковбой. Задай им жару, чертяка!

Я выстрелил еще шестнадцать раз и случайно попал в две мишени, хотя даже не видел их — так у меня запотели очки.

— Ну что, хватит? — раздался позади спокойный голос Энни Оукли.

— Нет! — заорал я. Но потом сбавил тон: — Ладно, хватит. А чего это вы вышли из тира на дорожку?

— Да испугалась, как бы меня не подстрелили. Объявился тут, знаете, один маньяк, разрядил два ружья не целясь!

Мы посмотрели друг на друга, и я расхохотался.

Энни послушала, послушала, а потом спросила:

— Вы смеетесь или плачете?

— А вам как кажется? Мне надо что-то сделать. Немедленно. Скажите только — что?

Она посмотрела на меня долгим изучающим взглядом и начала убирать бегущих уток и пляшущих клоунов, гасить свет. Открыв дверь, ведущую во внутренние помещения, она встала на пороге, освещенная сзади, и проговорила:

— Если все еще хочется выстрелить, вот вам цель! — И ушла.

Только спустя полминуты до меня дошло, что она приглашает меня последовать за ней.

— И часто ты такое выкидываешь? — спросила меня Энни Оукли.

— Прости, пожалуйста, — извинился я.

Я лежал на одном краю ее кровати, она — на другом, покорно слушая мои излияния про Мехико-Сити и про Пег, про Пег и про Мехико-Сити, которые так далеко, что можно сойти с ума.

— А я всю жизнь, — вступила в разговор Энни Оукли, — сплю с парнями, которым со мной либо до смерти скучно, либо они рассказывают мне про других женщин, либо курят, либо, стоит мне выйти в ванную, садятся в свои машины и смываются. Знаешь, как меня зовут на самом деле? Лукреция Изабель Клари-са Аннабелла Мария Моника Брауди. Это моя мамаша так меня нарекла. А я какое имечко выбрала? Энни Оукли. Вся беда, что я тупая. Мужчины через десять минут уже не знают, как от меня сбежать. Тупица. Прочту книгу, а через час уже ничего не помню! Ничего в башке не задерживается. Я чего-то разболталась, да?

— Немножечко, — ласково сказал я.

— Казалось бы, парни радоваться должны, что им Бог посылает дуру, но им со мной быстро становится невтерпеж. Все эти годы каждую ночь на том месте, где ты лежишь, лежит какой-нибудь охламон — каждую ночь другой. А эта чертова сирена в тумане

знай вое! Тебя не доводит ее вой? В иную ночь, даже если рядом валяется какой-нибудь придурок, стоит этой сирене завывать, я до того завожусь! Такой себя одинокой чувствую! А он уже ключи от машины достает и на дверь поглядывает.

Зазвонил телефон. Энни схватила трубку, послушала, сказала:

— Черт возьми! — И передала трубку мне: — Тебя.

— Быть не может, — возразил я. — Никто не знает, что я здесь.

Но трубку взял.

— Что ты у этой делаешь? — спросила Констанция Раттиган.

— Да ничего. Как ты меня разыскала?

— Мне кто-то позвонил. Какой-то голос посоветовал проверить, нет ли тебя у нее? И трубку повесил.

— Господи! — Я похолодел.

— Быстро выбирайся из тира, — приказала Констанция. — Ты мне нужен. Твой подозрительный дружок нанес мне визит.

— Мой дружок?

Под тиром ревел океан, сотрясая комнату и кровать.

— Возникал внизу, на берегу, два вечера подряд. Приходи, надо его припугнуть, о господи!

— Констанция!

Трубка молчала, слышен был только шум прибоя под окнами Констанции Раттиган. Потом она проговорила странным, каким-то неживым голосом:

— Он и сейчас там.

— Не показывайся ему.

— Этот идиот стоит у самой воды. Там, где стоял прошлой ночью. Просто стоит и смотрит на окна, будто ждет меня. К тому же этот болван голый. Что он себе воображает? Что обезумевшая старуха выскочит из дому и оседлает его? Господи!

— Констанция, закрой окна и погаси свет.

— Нет, нет! Он пьется в море. Может, услышал мой голос. Может, думает, что я вызываю полицию.

— Вот и вызови ее!

— Исчез! — Констанция шумно вздохнула. — Приходи, малыш. Побыстрее!

Трубку она не повесила. Просто выпустила из рук и отошла. Мне было слышно, как стучат ее каблучки, будто кто-то печатает на машинке.

Я тоже не повесил трубку. Положил ее почему-то рядом с собой, будто это была пуповина, связывающая меня с Констанцией Раттиган. Пока я не повешу трубку, она не умрет. Я слышал, как ночной прилив подступает к концу ее телефонной линии.

— Все как с другими. Теперь и ты уходишь, — прозвучало рядом. Я повернулся.

Энни Оукли сидела, завернувшись в простыни, как брошенный ламантин¹³⁷.

— Не вешай, пожалуйста, трубку! — попросил я.

А сам подумал: «Пока я не доберусь до конца линии и не спасу чью-то жизнь».

— Тупая я, — сказала Энни Оукли. — Потому и уходишь, что я дура.

Ох и страшно было мчаться ночным берегом к дому Констанции Раттиган! Мне все мерещилось, что навстречу несется отвратительный мертвец.

— Господи! — задыхался я. — Что же будет, если я наскочу на него!

— Ух! — завопил я.

И врезался в довольно плотную тень.

— Слава богу, это ты! — воскликнула тень.

— Нет, Констанция! — возразил я. — Слава богу, что это ты!

— Что тебя так разбирает? Что нашел смешного?

— Вот это! — Я похлопал по большим ярким подушкам, на которых возлежал. — За сегодняшнюю ночь я уже переменял две постели!

— Лопнуть можно со смеху! — отозвалась Констанция. — А как ты посмотришь, если я расквашу тебе нос?

— Констанция, ты же знаешь, моя девушка — Пег. Просто мне было тоскливо. Ты не звонила столько дней! А Энни всего-навсего позвала меня поболтать в постели. Я же не умею врать, все равно физиономия меня выдаст. Посмотри на меня!

Констанция посмотрела и расхохоталась:

— Господи, прямо яблочный пирог с пылу, с жару! Ладно уж. — Она откинулась на подушки. — Вот, наверно, я тебя сейчас напугала!

— Надо было подать голос еще издали.

— Ох, я так обрадовалась тебе, сынок! Прости, что не звонила. Раньше мне хватало пары часов, и я забывала о похоронах. А теперь который день не могу опомниться.

Она повернула выключатель. В комнате стало темней, заработал шестнадцатимиллиметровый проектор.

Два ковбоя молотили друг друга на белой стене.

— Как ты можешь смотреть фильмы в таком настроении? — удивился я.

— Хочу разогреться как следует — если мистер Голый завтра опять пожалует, выскочу и оторву ему башку.

— Не смей даже шутить так! — Я посмотрел в высокое окно на пустынный берег. Только белые волны вздымались на краю ночи. — Как ты считаешь, это он позвонил тебе и сообщил, что я у Энни, а сам отправился покрасоваться на берегу?

— Нет. У того, кто звонил, был не такой голос. Тут, наверно, замешаны двое. Господи! Ну я не знаю, как это объяснить. Понимаешь, тот, кто появляется голый, он, наверно, какой-нибудь эксгибиционист, извращенец, правда? Иначе он ворвался бы сюда, измордовал бы старуху, или убил, или и то и другое. Нет, меня больше напугал тот, кто звонил, — вот от него меня действительно затрясло.

«Представляю, — подумал я. — Я ведь слышал, как он дышит в трубку».

— У него голос форменного выродка, — сказала Констанция.

«Да», — мысленно согласился я с ней — и будто услышал, как где-то вдалеке заскрежетал большой красный трамвай, поворачивая под дождем, и как голос за моей спиной бубнил слова, ставшие названием для той книги, что пишет Крамли.

— Констанция... — начал я, но замолчал. Я собрался сказать ей, что уже видел этого обнаженного на берегу несколько вечеров назад.

— У меня есть поместье к югу отсюда, — сказала Констанция. — Завтра я хочу поехать туда, проверить, как там. Позвони мне попозже вечером, ладно? А пока наведешь для меня кое-какие справки, согласен?

— Любые! Ну какие только смогу!

Констанция наблюдала за тем, как Уильям Фэрнам сбил своего брата Дастина с ног, поднял и снова свалил одним ударом.

— Мне кажется, я знаю, кто этот мистер Голый.

— Кто?

Она оглядела волны прибоя, словно дух неизвестного все еще витал там.

— Один сукин сын из моего прошлого. Голова у него как у от-
вратного немецкого генерала, а тело — тело лучшего из лучших
юношей, что когда-либо летом резвились на берегу.

К зданию с каруселями подкатил мопед, на нем сидел молодой человек в купальных трусах, загорелый, блестящий от крема, великолепный. На голове у него был массивный шлем, темное забрало закрывало лицо до самого подбородка, так что я не мог его разглядеть. Но тело молодого человека просто поражало красотой — пожалуй, ничего подобного я в жизни не видел. При взгляде на него я вспомнил, как много лет назад встретил такого прекрасного Аполлона: он шагал вдоль берега, а за ним, не сводя с него глаз, замороженные сами не зная чем, следовали мальчишки. Они шли, словно овеваемые его красотой, влюбленные, но не сознающие, что это — любовь; став старше, они будут гнать от себя это воспоминание, не решаясь заговорить о нем. Да, существуют такие красавцы на свете, и всех — и мужчин, и женщин, и детей — тянет к ним, и это — чудесное, чистое, светлое влечение, оно не оставляет чувства вины, ведь при этом ничего не случается, решительно ничего не происходит. Вы видите такую красоту и идете за ней, а когда день на пляже кончается, красавец уходит, и вы уходите к себе, улыбаясь радостной улыбкой, и когда час спустя поднимаете руку к лицу, обнаруживаете, что она так и не исчезла.

За целое лето на всем берегу вы встретите юношей или девушек с подобными телами лишь однажды. Ну от силы два раза, если боги вздремнули и не слишком ревниво следят за людьми.

И сейчас, восседая на мопеде, на меня глядел через темное непроницаемое забрало истинный Аполлон.

— Что, пришли проведать старика? — раздался из-под забрала гортанный, раскатистый смех. — Прекрасно! Идемте!

Он прислонил мопед к стене, вошел в дом и стал впереди меня подниматься по лестнице. Как газель, он в несколько прыжков взлетел наверх и скрылся в одной из комнат.

Чувствуя себя древним старцем, я поднимался следом, аккуратно ступая на каждую ступеньку.

Войдя за ним в комнату, я услышал, как шумит душ. Через минуту он появился совершенно обнаженный, блестя от воды и все еще в шлеме. Он стоял на пороге ванной, глядя на меня, как смотрятся в зеркало, явно довольный тем, что видит.

— Ну, — спросил он, так и не снимая шлема, — как вам нравится этот самый прекрасный юноша на свете? Этот молодой человек, в которого я влюблен?

Я густо покраснел.

Он рассмеялся и стащил с себя шлем.

— Боже! — воскликнул я. — Это и вправду вы!

— Старик! — сказал Джон Уилкс Хопвуд. Он посмотрел на свое тело и заулыбался. — Или юнец? Кого из нас вы предпочли бы?

Я с трудом перевел дух. Нельзя было медлить с ответом. Мне хотелось скорее сбегать вниз, пока он не запер меня в этой комнате.

— А это зависит от того, кто из вас стоял поздно вечером на берегу под окнами Констанции Раттиган.

И тут, словно это заранее было срепетировано, внизу в ротонде заиграла каллиопа и закружилась карусель. Казалось, дракон заглотил отряд волынщиков и пытается их изрыгнуть, не беспокоясь о том, в какой последовательности и под какой мотив.

Юный старец Хопвуд, словно кошка, растягивающая время перед прыжком, повернулся ко мне загорелой спиной, рассчитывая вызвать новый приступ восхищения.

Я зажмурился, чтобы не видеть этого золотого блеска.

А Хопвуд тем временем решил, что сказать:

— С чего вы взяли, что такая старая кляча, как Раттиган, может меня интересовать? — И, потянувшись за полотенцем, он стал растирать грудь и плечи.

— Сами же говорили, что вы были главной любовью ее жизни, а она — вашей и что вся Америка в то лето была влюблена в вас, влюбленных.

Хопвуд повернулся, чтобы проверить, отражается ли на моем лице ирония, которую он заподозрил в голосе.

— Это она подслала вас, чтобы меня отвадить?

— Возможно.

— Скажите, сколько раз вы можете отжаться? А способны вы шестьдесят раз пересечь бассейн? А проехать на велосипеде сорок миль, даже не вспотев? Причем ежедневно? А какой вес вы можете поднять? А сколько человек (я отметил, что он сказал «человек», а не «женщин») поиметь за ночь? — сыпал вопросами Хопвуд.

— Нет, нет, нет и нет на все ваши вопросы, а на последний — ну, может быть, двух, — отчеканил я.

— Тогда, — произнес Гельмут Гунн, поворачиваясь ко мне великолепной грудью Антиноя, ничуть не уступающей его золотой спине, — выходит, что угрожать мне вы никак не можете! *Ja?*

Из его рта, в точности похожего на разрез бритвой, из-за блестящих акульих зубов с шипением и свистом вырывались слова:

— Я ходил и буду ходить по берегу!

«Ну да, — подумал я, — впереди гестапо, а сзади сонм солнечных юношей!»

— Не собираюсь ничего подтверждать. Может, я там и был когда-нибудь. — Он показал подбородком на берег. — А может, нет!

Его улыбкой можно было вскрыть вены на запястьях.

Он бросил мне полотенце. Я его подхватил.

— Вытрите мне спину, ладно?

Я отшвырнул полотенце. Оно упало ему на голову, закрыв лицо. На секунду злобный Гунн исчез. Остался лишь Солнечный принц Аполлон, чьи ягодицы блестели, как яблоки в садах у богов.

Из-под полотенца раздался спокойный голос:

— Интервью окончено.

— А разве оно начиналось? — удивился я.

И пошел по лестнице вниз, откуда поднималась драконья музыка осипшей каллиопы.

На венецианском кинотеатре не было ни одной афиши.

Все надписи исчезли.

Несколько минут я вчитывался в пустоту, чувствуя, как у меня в груди что-то переворачивается и испускает дух.

Обойдя кинотеатр со всех сторон, я подергал двери — они были заперты, заглянул в кассу — она пустовала, оглядел еще раз

* Да? (нем.).

шиты для афиш. Всего несколько вечеров назад с них улыбались Барримор, Чейни и Норма Ширер. Сейчас они были пусты.

Я отошел назад и напоследок снова медленно вчитался в пустоту.

— Хотите... — раздался вдруг сзади чей-то голос.

Я круто повернулся. Передо мной стоял улыбающийся мистер Формтень. Он вручил мне большой сверток киноафиш. Я знал, что это такое. Мои дипломы об окончании института Носферату¹³⁸, училища Квазимодо, аспирантуры Робин Гуда и д'Артаньяна.

— Мистер Формтень, ну как вы можете отдать их?

— Вы же романтик, верно?

— Ну да, но только...

— Берите, берите! До свидания и прощайте! Но вон там вы сейчас увидите другое прощание. *Kommen-sei pier oudt!*^{**}

Дипломы остались у меня в руках, а он потрусил к пирсу.

Я догнал его в самом конце, он указал пальцем в воду и наблюдал, как я, сморщившись, ухватился за перила и склонился вниз.

Под водой лежали ружья; в первый раз за долгие годы они молчали. Лежали на дне, на глубине футов пятнадцати, но вода была прозрачная, потому что вышло солнце.

Я насчитал целую дюжину длинных, холодно поблескивающих металлом стволов, мимо них плавали рыбы.

— Вот это прощание так прощание! — Формтень проследил за моим взглядом. — Одно за другим! Одно за другим! Сегодня рано утром. Я подбежал, кричу: «Что вы делаете?» А она говорит: «А как по-вашему?» И снова одно за другим, одно за другим. «Вас закрывают, и меня сегодня закроют, — говорит, — так что какая разница!» И все кидает и кидает ружья.

— А она... — начал я и остановился. Вгляделся в воду под пирсом и вокруг него. — Она сама как?

— Не прыгнула ли вслед за ними? Нет, нет! Постояла тут еще со мной, посмотрела на океан. «Они здесь долго не пролежат, — посмеялась, — через неделю ни одного не останется. Мальчишки-дураки начнут нырять за ними. Верно?» Что я ей мог ответить? «Да», — говорю.

— Что-нибудь она сказала напоследок?

^{**} Пошли на пирс! (*идиш*)

Я не мог отвести глаз от длинных ружей, поблескивающих в прибывающей воде.

— Сказала, что уедет пасти коров. Только, говорит, не быков, чтобы быков и близко не было. Будет доить коров и сбивать ма-сло — вот все, что я от нее услышал.

— Надеюсь, так и будет, — сказал я.

Среди ружей вдруг замельтешили целые стаи рыб, будто при-пльвших поглазеть на оружие. Но ружья безмолвствовали.

— Как приятно, что они молчат, правда? — сказал Формтень.

Я кивнул.

— Не забудьте афиши, — напомнил Формтень. Дипломы выпали у меня из рук. Он подобрал их и снова дал мне — эти свидетельства моих увлечений в младые годы, когда я маль-чишкой носился взад-вперед по темным проходам между ряда-ми с попкорном в руках, плечом к плечу с Призраком и Гор-буном.

Возвращаясь, я прошел мимо маленького мальчика — он раз-глядывал останки «русских горок», громоздившиеся на песке, словно куча костей.

— Почему этот динозавр умер здесь, у нас на берегу? — спро-сил мальчик.

Я первый принял эти обломки за динозавра. Мне было досад-но, что и мальчик увидел разрушенный аттракцион моими глаза-ми — мертвое чудовище, выброшенное приливом.

Мне хотелось крикнуть:

«Не смей их так называть!»

Но вслух я ласково проговорил:

— О боже, сынок, я и сам не знаю.

И, повернувшись, побрел прочь, унося с собой с пирса неви-димую охапку ружей.

В эту ночь мне приснились два сна.

В первом лавочку имени Зигмунда Фрейда и Шопенгауэра, где А. Л. Чужак торговал картами Таро, разнес в шепки озверевший от голода гигантский экскаватор, так что книги маркиза де Сада и Де Куинси, Сартра и больных дочерей Марка Твена¹³⁹ покачи-вались на волнах в темной воде, опускаясь на блестящие на дне ружья из тира.

Второй сон был как виденный мной когда-то фильм о семье русского царя: их выстроили в ряд у вырытых могил и начали по ним стрелять, а они дергались, подпрыгивали, словно персонажи немых фильмов, и один за другим, будто пробки из бутылок, уничтоженные, сшибленные с ног, падали в яму. А вас в это время душил идиотский смех. Истерический! Неестественный! Бамс!

В моем сне в яму падали друг за другом Сэм, Джимми, Пьетро, леди с канарейками, Фанни, Кэл, старик в львиной клетке, Констанция, Чужак, Крамли, Пег и я сам!

Бамс!

Я в ужасе проснулся, обливаясь ледяным потом.

Телефон на заправочной станции напротив моего дома заходился звонками.

Замолчал.

Я затаил дыхание.

Он прозвонил еще один раз и снова смолк.

Я ждал.

Опять один звонок и молчание.

«Господи, — подумал я, — Пег так звонить не станет. Крамли тоже. Один звонок и вешают трубку. Кто же это?»

Телефон опять прозвонил один раз, и снова тишина.

Это он! Мистер Одинокая Смерть! Звонит, чтобы сообщить мне о том, чего я знать не хочу!

Я сел в постели, волоски у меня на груди встали дыбом, будто Кэл прошелся своим электрическим парикмахерским шмелем по моей шее, едва не задев нерв.

Я оделся и выбежал на берег. Глубоко втянул в себя воздух и удивленно уставился вдаль.

Южнее, на берегу, пылали огнями окна мавританской крепости Констанции Раттиган.

«Констанция! — подумал я. — Фанни это не понравилось бы».

«Фанни?»

И тут я пустился бежать.

Покинув линию прибоа, я двинулся на берег, как сама Смерть.

В замке Констанции все лампы были зажжены, все двери распахнуты, будто она решила впустить к себе всю природу, весь мир, и ночь, и ветер — пусть наведут порядок в доме, пока ее нет.

А ее не было.

Я понял это, даже не входя внутрь, потому что к волнам прилива вела длинная цепочка ее следов. Я остановился и попытался разглядеть, в каком месте они исчезли в воде, чтобы никогда больше не появиться.

Я не был удивлен. И сам поражался тому, что не был удивлен. Подойдя к широко раскрытой парадной двери, я чуть не позвал шофера, посмеялся над собственной глупостью и, ни до чего не дотрагиваясь, вошел внутрь. В арабской гостиной играл патефон, танцевальная музыка 1934 года. Какие-то мелодии из спектаклей Ноэля Каурда¹⁴⁰. Я не стал выключать патефон. Кинопроектор тоже был включен, пленка прокрутилась до конца, фильм завершился, и пустую стену освещал белый глаз киноламп. Я не выключил и ее. В ведерке со льдом ждала бутылка французского шампанского, будто Констанция вышла на берег, собираясь привести к себе в гости золотого морского бога, выплывшего из глубин.

На подушке была приготовлена тарелочка с разными сырами, рядом уже запотевший шейкер с мартини. Лимузин стоял в гараже, а следы на песке все не исчезали, и вели они только в одну сторону. Я позвонил Крамли и поздравил себя с тем, что даже не плачу — до того ошеломлен.

— Крамли? — спросил я трубку. — Крамли, Крам, — позвал я.

— А, дитя ночи! — отозвался он. — Опять не на ту лошадку поставили?

Я объяснил ему, откуда звоню.

— Что-то меня ноги не держат. — И внезапно я сел, не выпуская трубку из рук. — Приезжайте за мной!

Крамли нашел меня на пляже.

Мы стояли, глядя на ярко освещенный арабский форт, он казался празднично украшенным шатром посреди песчаной пустыни. Дверь, выходящая на берег, так и оставалась распахнутой, и из нее лилась музыка. Запас пластинок никак не хотел кончаться. «Сезон сирени» сменяла «Диана», потом — «Языческая любовная песня», за ней — «Послушайте песню о Ниле». Я так и ждал, что вот-вот появится растрепанный, с безумными глазами Рамон Наварро, вбежит в дверь, выскочит обратно и бросится по берегу к морю.

— А здесь только я и Крамли.

— Что?

— Я и не заметил, что думаю вслух, — извинился я.

Мы медленно пошли к дому.

— Вы что-нибудь трогали?

— Только телефон.

У входа я пропустил Крамли внутрь, чтобы он мог все осмотреть, а сам подождал, когда он выйдет.

— А где шофер?

— Вот об этом я вам еще не сказал. Никакого шофера никогда не было.

— То есть?

Я объяснил ему, как Констанция Раттиган развлекалась, играя разные роли.

— Выходит, в собственном лице она имела целое созвездие звезд, все роли исполняла сама, — хмыкнул Крамли. — Здорово! Как говорится, чем дальше — тем смешнее.

Мы обошли форт и остановились на обдуваемом ветром крыльце — с него было видно, что следы на песке постепенно исчезают.

— Возможно, самоубийство, — предположил Крамли.

— Констанция на это не пошла бы.

— Господи, до чего же вы уверены в людях! Не пора ли повзрослеть! Как будто, если человек вам нравится, он не может выкинуть что-нибудь необычное без вашего ведома.

— Кто-то ждал ее на берегу.

— Докажите!

Мы прошли вдоль цепочки следов Констанции, они обрывались в прибое.

— Он стоял вот здесь, — показал я. — Два вечера подряд. Я его видел.

— Прекрасно. По шиколотку в воде. Так что следов убийцы не имеется. Что еще можете показать, сынок?

— Час назад кто-то позвонил мне, разбудил, велел идти на берег. Он знал, что дом Констанции пуст или скоро будет пуст.

— Оповестили по телефону? Час от часу не легче. Теперь уж вы сами стоите по шиколотку в воде. И следов никаких. Это все?

Наверно, я покраснел. Ведь Крамли понял, что я привираю. Мне не хотелось рассказывать, что я не подходил к телефону, а, почуяв недоброе, сразу бросился на берег.

— Ну что ж, писака, по крайней мере, вы цельная натура. — Крамли посмотрел на белые волны, причесывающие песок, перевел взгляд на следы, потом на дом — белый, холодный и пустой среди ночи. — Вы хоть понимаете, что значит «цельная»? От слова «целый», «целое число». То есть, чтобы его получить, надо все части объединить в одно целое. Ничего общего с нравственными достоинствами это не имеет. Гитлер, например, был цельной натурой — ноль плюс ноль плюс ноль — в сумме имеем ноль. Так и у вас — телефонные звонки, следы под водой, неясные намеки и дурацкая уверенность в людях. Эти ночные тревоги начинают действовать мне на нервы. Итак, в итоге — все?

— Нет, черт побери! Я подозреваю определенного человека. Констанция его узнала. Я тоже. Я ходил к нему. Выясните, где он был сегодня вечером, — и убийца у вас в руках! А вы...

Голос перестал меня слушаться. Пришлось снять очки и стереть со стекла маленькие соленые капли, а то я ничего не видел.

Крамли потрепал меня по щеке:

— Ну не надо, не надо! Откуда вы знаете, может, этот парень, кто бы он там ни был, увлек ее за собой в воду...

— И утопил!

— Да нет! Они поплавали, мило беседуя, проплыли сто ярдов, вышли и отправились к нему. Кто знает, может, она прибудет домой на рассвете, со странной улыбкой на губах.

— Нет, — ответил я.

— Я что, оскверняю таинственный романтический образ?

— Не в этом дело.

Но Крамли мог заметить, что я не слишком уверен.

Он взял меня за локоть.

— Чего вы недоговариваете?

— Констанция сказала, что недалеко отсюда, где-то на берегу, у нее есть бунгало.

— Ну так, может, она туда и поехала. Если то, что вы рассказываете, правда, она могла запаниковать, вот и решила подстраховаться.

— Но ее лимузин здесь.

— Ну, знаете, кое-кто и пешком ходит. Вы, например. Леди могла с милу пройти по воде вдоль берега на юг и оставить нас в дураках.

Я посмотрел на юг, словно мог различить на берегу сбежавшую леди.

— Дело в том, — продолжал Крамли, — что пока нам не на что опереться. Пустой дом. Звучат старые пластинки. Записок о самоубийстве нет. Нет и следов насилия. Придется ждать, когда она вернется. Даже если не вернется, у нас все равно нет оснований открывать дело. Нет *corpus delicti*. Спорим на ведро пива, что она...

— Пойдемте завтра со мной в комнаты над каруселями. Когда вы увидите лицо этого человека...

— Черт, вы имеете в виду того, о ком я думаю?

Я кивнул.

— Этого педика? — сказал Крамли. — Этого цирлих-манирлих?

Вдруг рядом в море раздался громкий вопль.

Мы оба так и подскочили.

— Господи помилуй, что это? — воскликнул Крамли, взглядываясь в ночной океан.

«Констанция, — решил я. — Она возвращается».

Я тоже стал всматриваться в темноту, но потом понял.

— Это тюлени. Иногда они приплывают сюда поиграть.

Послышались еще всплески и плюханье — какой-то морской житель уплывал в темноте в океан.

— Черт! — выругался Крамли.

— Кинопроектор в гостиной еще работает, — сказал я. — Патефон играет. В плите на кухне что-то печется. Свет горит во всех комнатах.

— Пойдемте выключим все и потушим, пока этот замок не сторел к чертовой матери!

И мы снова пошли вдоль цепочки следов Констанции Раттиган к ее сияющей ослепительным светом крепости.

— Эй! — прошептал Крамли. Он смотрел на восток. — А это еще что?

На горизонте протянулась узкая полоска холодного света.

— Это рассвет, — сказал я. — Я уж боялся, он никогда не наступит.

На рассвете задул ветер, он занес песком следы Констанции Раттиган.

А на берегу показался мистер Формтень: он шел, оглядываясь через плечо, и нес в обеих руках коробки с пленками. В эту самую минуту вдали позади него огромные чудища со стальными зубами, вызванные из морских пучин застройщиками-спекулянтами, разбивали в шепки его кинотеатр.

Увидев нас с Крамли на пороге дома Констанции Раттиган, мистер Формтень прищурился, всматриваясь в наши физиономии, потом перевел взгляд на песок и на океан. Нам не пришлось ничего объяснять ему. Он понял все по нашим бледным лицам.

— Она вернется, — твердил он. — Увидите, вернется. Констанция никуда не денется. Господи, с кем же я теперь буду смотреть свои фильмы? Нет, она вернется, увидите. — Глаза у него наполнились слезами.

Мы оставили его охранять опустевший форт и поехали ко мне. По дороге лейтенант-детектив Крамли разбушевался и произнес обличительную речь, оперируя крепкими выражениями вроде «чертова кукла», «бешеная корова», «бесовское отродье» и «дерьмо собачье», и напроць отверг мое предложение прокатиться на этой паршивой карусели и задать несколько вопросов фельдмаршалу Эрвину Роммелю или его прелестному, облаченному в розовые лепестки напарнику Нижинскому¹⁴¹.

— Дня через два, может, и навестим его. Если эта сумасшедшая старуха не приплывет обратно из Каталины. Вот тогда я начну задавать вопросы. А сейчас-то чего? Не буду я копать в лошадином дерьме, чтобы найти лошадь.

— Вы сердитесь на меня? — спросил я.

— Сержусь не сержусь, какая разница? Чего мне сердиться? Просто вы мне все мозги наизнанку вывернули, а сердиться мне ни к чему. Вот вам доллар, купите себе билет и можете десять раз поучаствовать в этих скачках вокруг каллиопы.

Он высадил меня у моей двери и с шумом укатил прочь.

Войдя к себе, я поглядел на старое пианино Кэла. Простыня сползла с его длинных желтовато-белых зубов.

— Перестань скалиться, — сказал я.

В тот день произошли три события.

Два приятных. Одно ужасное.

Из Мехико пришло письмо. В нем была фотография Пег. Она подкрасила глаза на карточке коричневыми и зелеными чернилами, чтобы мне легче было вспомнить, какого они цвета.

Еще я получил открытку от Кэла из Хилы Бенд.

«Сынок, настраиваешь ли ты мое пианино? — спрашивал Кэл. — Половину рабочего дня я мучаю здешний народ в пивной забегаловке. В этом городе полно лысых. Они еще не подозревают, какие они счастливики, раз к ним приехал я. Вчера подстриг шерифа. Он дал мне сутки, чтобы я убрался из города. Так что придется завтра газовать в Седалию. Удачи тебе. Твой Кэл».

Я перевернул открытку. На ней была фотография хилы — ядовитой аризонской ящерицы с черными и белыми полосками на спине. Кэл нацарапал на открытке скверный автопортрет, изобразив себя сидящим перед чудищем, как перед музыкальным инструментом, и играющим только на черных клавишах.

Я посмеялся и отправился в Санта-Монику, еще не зная, что скажу этому несуразному человеку, живущему двойной жизнью над стонущей каруселью.

— Фельдмаршал Роммель! — закричал я, подойдя. — Как и почему вы решили убить Констанцию Раттиган?

Но меня никто не услышал.

Карусель крутилась молча. Каллиопа была включена, но запись на валике уже кончилась, и бороздки, шипя, все крутились и крутились.

Хозяин карусели не умер, но был мертвецки пьян. Он даже не спал, а, сидя у себя в кассе, по-видимому, не замечал, что музыка не играет и лошадки кружатся под чавканье каллиопы, в которую кто-то засунул булочку со швейцарским сыром.

Все это мне очень не понравилось, и я уже собрался подняться наверх, как вдруг заметил какой-то мелкий разлетающийся бу-мажный мусор на кругу, над которым кружились лошади.

Я дал карусели совершить еще два полных оборота, потом ухватился за металлический шест, вскочил на круг и, покачиваясь, стал пробираться между шестами.

Клочки бумаги разметались от ветра, поднимаемого скачущими конями и самим крутящимся устройством,двигающимся в никуда.

На кругу под обрывком бумаги я заметил чертежную кнопку. Видимо, кто-то приколол записку ко лбу одной из деревянных лошадок. А кто-то ее нашел, прочел и убежал.

Этот «кто-то» был Джон Уилкс Хопвуд.

Испытывая такую же безнадежность, как безнадежна сама поездка на карусели, я целых три минуты собирал обрывки, потом соскочил с круга и стал складывать из них записку. На это ушло еще пятнадцать минут: я находил какое-то страшное слово на одном клочке, еще более страшное — на другом, внушающее ужас — на третьем. Все они свелись к неумолимому смертному приговору. Эта записка должна была пробраться холодом до мозга костей. Любой, вернее, любой, чей старый скелет не по праву облекала юная золотая плоть, должен был скрючиться, прочтя эту записку, будто его ударили в пах.

Все целиком я сложить не смог. Каких-то клочков не хватало, но смысл состоял в том, что адресат, которому направлялась записка, был человек старый и отвратительный. Отвратительный в буквальном смысле слова. Он сам ласкал свое юное тело, ибо кого мог привлечь человек с таким лицом? И уже давным-давно. Записка напоминала, что в 1929 году его вышвырнули из киностудии, причем речь шла о чьих-то переломанных запястьях, обвинили его и в том, что он подделывается голосом под немца, а также в пристрастии к странным приятелям — юношам и большим престарелым дамам. «В барах по вечерам тебя обзывали по-всякому и поднимали на смех, когда ты уползал, насосавшись дешевого джина. А теперь на твоих руках смерть. Я видел тебя на берегу, когда она бросилась в море и не вернулась. Все скажут, что это — убийство. Спокойной ночи, прекрасный принц».

Вот оно. Смертоносный заряд, посланный и полученный.

Собрав клочки, я стал подниматься по лестнице, чувствуя себя на девяносто лет старше, чем несколько дней назад.

Дверь в комнату Хопвуда с тихим шепотом открылась под моей рукой. Повсюду на полу валялась одежда, стояли чемоданы, словно Хопвуд собрался укладывать вещи, потом ударился в панику и решил отправиться в путь налегке.

Я выглянул из окна. Внизу, на пирсе, все еще был привязан к фонарному столбу его велосипед. Но мопеда не было. Правда, это ни о чем не говорило. Он мог и в море на нем въехать.

«Интересно, — подумал я, — вдруг он в своих бетах встретится с Энни Оукли, а потом они оба наткнутся на Кэла!»

Я вывалил маленькую мусорную корзинку на шаткий столик возле кровати Хопвуда и сразу увидел разорванный листок тонкой ярко-желтой почтовой бумаги, продающейся в Беверли-Хиллз, с инициалами Констанции Раттиган. На листке было напечатано:

«В ПОЛНОЧЬ. ЖДИ. ШЕСТЬ НОЧЕЙ ПОДРЯД. НА КРАЮ ПЛЯЖА. МОЖЕТ БЫТЬ. УЧТИ: МОЖЕТ БЫТЬ. КАК В ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА».

И в конце тоже напечатанные инициалы «К. Р.».

Буквы походили на шрифт машинки Констанции, которая, как я заметил, стояла открытой на столе в арабской гостиной.

Я перебирал обрывки, размышляя, могла ли Констанция написать Хопвуду. Нет, не могла. Она сказала бы мне.

Эту записку неделю назад отправил Хопвуду кто-то другой. И Хопвуд, как жеребец, гарцевал по берегу и ждал в волнах прибоя, не выбежит ли к нему смеющаяся Констанция. Может, он устал дожидаться, утащил ее в море и утопил? Нет, нет. Наверно, он видел, как она нырнула и не вынырнула. Испугался, бросился домой, и что он там нашел? Эту записку, полную страшных слов и унижительных разоблачений, — он будто получил удар ниже пояса. Ему ничего не оставалось, как бежать из города. Его гнали две причины — страх и боязнь позора.

Посмотрев на телефон, я вздохнул. Нет смысла звонить Крамли. Нет *corpis delicti*. Только рваные листки, которые я рассовал по карманам. Они казались крылышками moskitov — хрупких, но ядовитых.

«Расплавьте все ружья! — подумал я. — Переломайте ножи, сожгите гильотины, но и тогда злобные душонки будут писать письма, способные убивать».

Рядом с телефоном я заметил маленький флакон одеколона и, вспомнив слепого Генри, его память и его чуткий нос, забрал флакончик с собой.

Внизу все крутилась в молчании карусель, лошади по-прежнему прыгали через невидимые барьеры, стремясь к финишу, достигнуть которого им не было суждено.

Я взглянул на пьяного хозяина, сидевшего в кассе, как в гробу, содрогнулся и при полном отсутствии какой-либо музыки поспешил убраться восвояси.

Чудо случилось сразу после ланча.

Из журнала «Америкэн Меркурий» пришло заказное письмо, в котором спрашивали, соглашусь ли я продать им один из моих рассказов, если они пришлют мне чек на триста долларов.

— Соглашусь ли? — взревел я. — Господи помилуй! Да они спятили?

Я высунулся на пустую улицу и заорал, обращаясь к домам, к небу, к берегу:

— Мой рассказ купил «Америкэн Меркурий»! За триста баксов! Теперь я богат!

Я перебежал дорогу, чтобы показать письмо ярким стеклянным глазкам в маленьком окошке напротив.

— Смотрите! — кричал я. — Как вам это нравится? Смотрите!

— Я богат! — бормотал я, пока, задыхаясь, бежал к винному магазину, чтобы сунуть письмо под нос хозяину.

«Смотрите!» Я вертел письмом над головой в трамвайной кассе.

«Хей!» — и вдруг застыл как вкопанный. Оказалось, я успел добежать до банка, воображая, будто чек уже у меня в кармане, и готов был положить на счет это всполошившее меня письмо.

А дома я неожиданно вспомнил тот страшный сон.

Чудовище, которое явилось, чтобы схватить и съесть меня.

Идиот! Дурак! Разве можно было кричать «хороший рис», надо было кричать «плохой»!

В эту ночь, впервые за долгое время, дождь не смочил коврик у моей двери, никто ко мне не приходил, и на рассвете на тротуаре возле дома не оказалось водорослей.

Видимо, моя открытость, мои истошные вопли спугнули того, кто ко мне навевался.

«Все страньше и страньше»¹⁴², — подумал я.

Похорон на следующий день не было, ведь не было покойной, состоялась только панихида по Констанции Раттиган, организованная, видимо, фанатами, гоняющимися за автографами и фотографиями артистов, — их крысиная шайка вместе с толпой киностатистов перемешивала ногами песок перед арабским фортом Констанции Раттиган.

Я стоял в отдалении от этой толчеи и наблюдал, как несколько престарелых спасателей, обливаясь потом, протащили по пляжу переносной орган и установили его, забыв принести стул для леди, которая играла на нем, играла плохо, да еще и стоя. На ее лбу блестели соленые капли, она дергала головой, управляя траурным хором, чайки слетались посмотреть, что происходит, и, поняв, что кормом не пахнет, взмывали вверх, а какой-то подставной священник тьякал и лаял, словно пудель, так что перепуганные птички-песочники разбежались в разные стороны, а крабы поглубже прятались в песок, я же скрипел зубами, не зная, орать мне от ярости или залиться демоническим смехом, наблюдая, как с ночного экрана мистера Формтенья, а может быть, из полночной глубины под пирсом одна за другой появляются какие-то гротескные фигуры, ковьяют к волнам прибоя и кидают в них привядшие цветочные гирлянды.

«Черт тебя побери, Констанция! — думал я. — Приплыла бы ты сейчас! Прекратила бы это идиотское шоу!»

Но мои заклинания не действовали. Единственное, что приплыло, так это цветочные гирлянды, которые не пожелал принять прилив. Кое-кто пытался забросить их обратно в море, но проклятые гирлянды упорно возвращались обратно, и к тому же начался дождь. Все стали лихорадочно искать газеты, чтобы прикрыть головы, а спасатели, ворча, поволокли несчастный орган по песку обратно, и на берегу под дождем остался один я. Я накрылся газетой, и у меня над глазами повис вверх ногами заголовок:

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПРОСЛАВЛЕННОЙ ЗВЕЗДЫ НЕМОГО КИНО».

Подойдя к морю, я начал ногами запихивать гирлянды в воду. На этот раз они там и остались. А я разделся до трусов, схватил в охапку цветы и отплыл с ними насколько сил хватило, потом выпустил их и повернул назад.

На обратном пути я запутался ногами в одной из гирлянд и чуть не утонул.

— Крамли! — прошептал я.

И сам не понял, что это было — мольба или проклятие.

* * *

Крамли открыл дверь. Его лицо блестело и сияло, но явно не от пива. Видно, что-то случилось.

— Привет! — воскликнул он. — Где вы пропадали? Я вам с утра названиваю. Боже! Проходите-ка и посмотрите, что натворил этот старик!

Он торопливо прошел в свой кабинет и драматическим жестом указал на стол, где лежала довольно внушительная стопка густо исписанных листов.

Я присвистнул:

— Вот это да, С. В. С.!

— Точно, подходящие для меня инициалы: С. С. Крамли. Крамли С. С. Твою мать!

Он выхватил лист из машинки.

— Хотите прочесть?

— Зачем? — рассмеялся я. — Ведь получилось отлично, верно?

— Вдруг как поперло! — рассмеялся он в ответ. — Будто плотину прорвало!

Я сидел и от полноты чувств фыркал, глядя на его сияющее, как солнце, лицо.

— И когда же это случилось?

— Две ночи назад! Как-то в полночь. В позапрошлую ночь, что ли? Ну не помню когда. Я себе лежал, зубы сосал, глядя в потолок, не читал, радио не слушал, даже пива не пил. На улице ветер выл, гнулись деревья, и вдруг у меня в башке заплясали всякие треклятые идеи, как угри на сковородке! Я, к черту, вскочил, ринулся сюда и как пошел, как пошел стучать, так до рассвета и не останавливался, а к рассвету у меня уже была готова целая гора этих листов, такая, будто кроты нарыли, а сам я то смеялся, то плакал. Вроде того. В шесть утра завалился в постель и все глядел на эту

* Сукин вы сын.

кучу и ржал — до того был счастлив, будто только что завел роман с самой завидной леди на земле!

— Так оно и есть, — тихо заметил я.

— Забавно, однако, — продолжал Крамли, — с чего это началось. Может, ветер был виноват, только кто-то стал оставлять у меня на крыльце водоросли вместо визитных карточек. И что вы думаете, как повел себя старый детектив? Выскочил с ружьем, крикнул: «Стой! Стрелять буду!»? Ничуть не бывало. Не кричал и не стрелял. Сидел себе и барабанил на машинке, гремел, как в Новый год или в Хеллоуин. И знаете, что дальше было? Ну-ка попробуйте догадаться!

Я похолодел. Целая колония мурашек поползла у меня по спине.

— Ветер затих, — проговорил я. — Следов у вашего порога больше не было.

— Ну? — удивился Крамли.

— И водоросли больше не появлялись. И тот, кто приходил, кем бы он ни был, с тех пор не возвращался.

— Откуда вы знаете? — ахнул Крамли.

— Да вот знаю! Вы сделали то, что надо, хотя сами не догадывались. Совсем как я. Я наорал на него, и от меня он тоже отстал. О господи, господи!

Я рассказал Крамли о моей удаче с «Меркурием», о том, как я дурак дураком носился по городу, как кричал всем, и небу в том числе, и как с тех пор дождь перестал в три часа ночи стучать в мою дверь и — кто знает? — может, никогда больше стучать не будет.

Крамли так и сел, будто я обрушил на него наковальню.

— Элмо, — продолжал я, — мы приближаемся к цели! Мы сами не ожидали, а напугали его. Чем дальше он от нас уходит, тем больше мы о нем знаем. Ну, во всяком случае, так мне кажется. По крайней мере, мы знаем, что его пугают громко оружие дуралей и детективы, которые, хохоча, барабанят, как маньяки, на машинке до пяти утра. Печатайте, печатайте, Крамли. Тогда вы в безопасности...

— Бред сивой кобылы! — выдохнул Крамли. Но сам при этом смеялся.

Его улыбка придала мне храбрости. Я порылся в карманах и вынул анонимное письмо, спугнувшее Хопвуда, а также любов-

ное послание, напечатанное на солнечно-яркой почтовой бумаге и заманившее актера на берег.

Крамли повозился с кусочками этой головоломки и снова, будто любимым старым халатом, прикрылся циничным скепсисом.

— Письма напечатаны на разных машинках. Оба без подписи. Да каждое из них мог напечатать любой дурак! И если, как мы считаем, этот Хопвуд был насчет секса тронутый, значит, он, прочтя желтую записку, вообразил, будто ее и впрямь написала Раттиган, и помчался на берег ждать, как паинька, когда она к нему бросится и начнет тискать ему задницу. Но мы-то знаем, что Раттиган в жизни бы ничего подобного не написала. У нее чувства достоинства хватило бы на десятитонный грузовик. Она нигде никогда не стояла с протянутой рукой — ни в голливудских студиях, ни на панели, ни на берегу. И что это нам дает? Заплывы свои она совершала в странное время. Я на дежурствах наблюдал это ночь за ночью. И пока она резвилась с акулами за двести ярдов от берега, любой — даже я — мог забраться в ее гостиную, воспользоваться ее почтовой бумагой, нашлепать на машинке призывную записку, выбраться и послать ее по почте этому дураку Хопвуду, а дальше сидеть и ждать, когда начнется фейерверк.

— И что из этого? — спросил я.

— А то, — сказал Крамли, — что результат у всей затеи получился обратный. Раттиган струхнула, заметив этого эксгибициониста, заплыла подальше, чтобы от него избавиться, и попала в быстрое течение. А Хопвуд на берегу ждал, когда она вернется, и, когда увидел, что она не возвращается, наложил в штаны и убежал. А на другой день получил эту вторую записку — форменный конец света! Он понял, что кто-то видел его на берегу и может указать на него как на убийцу Раттиган. Так что...

— Он уже скрылся, — проговорил я.

— Правильно. Но нам-то все равно еще плыть и плыть до берега без весел и без руля. Что мы можем предъявить?

— Того типа, что звонит нам по телефону, того, что украл у парикмахера Кэла голову Скотта Джоплина со старой фотографии и так напугал Кэла, что тот удрал из Венеции.

— Допустим.

— Типа, который прячется в холлах, кто напоил старика, засунул его в старую львиную клетку и, наверно, захватил себе на

память из его кармана немного конфетти от трамвайных билетов.

— Допустим.

— Типа, до смерти напугавшего леди с канарейками и ставившего у нее газеты, которыми она устилала дно клеток. А когда Фанни перестала дышать, он забрал себе как трофей пластинку с «Тоской». А потом послал письма старому актеру Хопвуду и выкурил его из города навсегда. Из комнат Хопвуда он, наверно, тоже что-то спер, но этого мы никогда не узнаем. А у Констанции Раттиган он мог как раз перед моим приходом прихватить бутылку шампанского. Надо проверить! Этот тип не может удержаться, чтобы чего-нибудь не хапнуть! Он, видите ли, коллекционер!

Зазвонил телефон. Крамли снял трубку, послушал, передал ее мне.

— Подмышки, — проговорил низкий голос.

— Генри!

Крамли приблизил ухо к трубке рядом со мной.

— Подмышки вернулся, крутился здесь час или два назад. — Голос Генри доносился из другой страны, из огромного далекого дома в Лос-Анджелесе, из прошлого, которое уже неумолимо умирало. — Кто-то должен его схватить. Кто?

Генри повесил трубку.

— Подмышки, — повторил я и, вынув из кармана пахнущий весной одеколон Хопвуда, поставил его на стол перед Крамли.

— Не подойдет! — вскинулся Крамли. — Кто бы ни был этот гад в доме Фанни, это не Хопвуд. Тот всегда благоухал, как клумба с бархатцами или звездная пыль. Хотите, чтобы я поехал обнюхивать дверь вашего друга Генри?

— Нет, — отверг я это предложение. — К тому времени как вы туда приедете, мистер Подмышки будет уже здесь, начнет шаркать ногами у наших с вами дверей.

— Не начнет, если мы будем громко кричать и печатать, печатать и кричать. Разве вы не помните? Кстати, что вы тогда кричали?

Я рассказал Крамли о том, что «Америкэн Меркурий» купил мой рассказ, и о миллиарде долларов, которые мне теперь причитаются.

— Господи помилуй! — воскликнул Крамли. — Теперь я понимаю, что чувствует папаша, когда его сыночка принимают в Гарвард. Ну-ка, малыш, расскажите еще раз. Как вы этого добились? Что делать для этого мне?

— Утром за машинку и набрасывайте.

— Ясно.

— Днем вычишайте.

Далеко в заливе загудела туманная сирена, долго и заунывно повторяя, что Констанция Раттиган больше не вернется.

Крамли сел за машинку.

Я тянул свое пиво.

Ночью в десять минут второго кто-то появился у моей двери. Я еще не спал.

«Господи, — подумал я, — ну пожалуйста! Сделай так, чтобы все не началось сначала!»

В дверь стукнули изо всей силы — бамс! — и еще два раза, один громче другого. Кто-то добивался, чтобы его впустили.

«О господи! Вставай, трус, — говорил я себе. — Вставай и покончи с этим. Раз и навсегда!»

Я вскочил и распахнул дверь.

— Шикарно выглядишь в рваных трусах! — воскликнула Констанция Раттиган.

— Констанция! — завопил я и втащил ее в комнату.

— А ты думал кто?

— Но я же был на твоих похоронах!

— Я тоже. Совсем как в «Томе Сойере», черт побери! Ну и сборище же олухов! И этот вшивый орган! Натягивай брюки, быстро! Нам надо ехать!

Констанция завела мотор старого подержанного «форда» и указала мне на незастегнутую ширинку.

Пока мы ехали вдоль моря, я все причитал:

— Надо же! Ты жива!

— Забудь о похоронах и утри сопли. — Констанция улыбнулась пустой дороге, бегущей нам навстречу. — Святой боже! Всех обвела вокруг пальца!

— Но зачем?

— Черт побери, малыш, этот стервец ночь за ночью прочесывал песок у меня под окном.

— А ты не писала ему? Не звала?

— Звала? Ну, знаешь, хорошего же ты обо мне мнения!

Она остановила «форд» на задах своего запертого арабского замка, закурила сигарету, выпустила дым в окно, огляделась.

— Все спокойно?

— Он больше не вернется, Констанция.

— Прекрасно! Каждую ночь он выглядел все краше. Когда человеку сто десять лет, он уже не мужчина, просто брюки. Да мне к тому же казалось, что я знаю, кто это.

— Ты догадалась правильно.

— Ну вот я и решила покончить со всем этим раз и навсегда. Запасла продукты в бунгало, к югу отсюда, и поставила там этот «форд», а сама вернулась.

Выскочив из машины, она потащила меня к задней двери дома.

— Я зажгла все лампы, включила музыку, приготовила стол с закусками, распахнула все двери и окна настежь и, когда в тот вечер он появился, промчалась мимо него, крича: «Спорим, что обгоню! Пльвем до Каталины!» И бросилась в море. Он так обалдел, что не поплыл следом, а если и поплыл, то сделал два-три гребка и повернул назад. А я отплыла на двести ярдов и легла на спину. Еще целых полчаса я видела его на берегу — поди, ждал, что я вернусь, а потом повернулся и дал деру. Наверно, перепугался до смерти. А я поплыла к югу, вышла с прибором к моему бунгало неподалеку от Плайя-дель-Рей, взяла бутылку шампанского и бутерброд с ветчиной и уселась на крылечке. Давно так отлично себя не чувствовала! Ну и пряталась там до сих пор. Ты уж прости, малыш, что заставила тебя поволноваться. Ты-то в порядке? Поцелуй меня. На это физподготовки не требуется.

Она поцеловала меня, мы прошли через дом к парадной двери, выходящей на берег, и открыли ее навстречу ветру — пусть раздувает занавеси и посыпает песком плитки пола.

— Господи, неужели я здесь жила? — подивилась Констанция. — Я чувствую себя собственным привидением, которое вернулось взглянуть на свой дом. Все это уже не мое. Ты замечал когда-нибудь — если возвращаешься домой после каникул, кажет-

ся, что вся мебель, книги, радио злятся на тебя, как брошенные кошки? Ты для них уже умер. Чувствуешь? Не дом, а морг!

Мы прошлись по комнатам. Белели чехлы на мебели, наброшенные от пыли, а ветер, словно его потревожили, никак не мог утомониться.

Констанция высунулась из дверей и крикнула:

— Так-то, сукин ты сын! Выкуси!

Она обернулась:

— Найди-ка еще шампанского и запри все! У меня от этого склепа мороз по коже! Поехали!

Только пустой дом и пустой берег наблюдали за нашим отъездом.

— Ну как тебе? Нравится? — старалась перекричать ветер Констанция Раттиган. Она опустила верх «форда», мы мчались сквозь струящуюся навстречу теплую, с прохладцей, ночь, и волосы у нас развевались.

Мы подъехали к высокой песчаной перемычке у полуразвалившегося причала, остановились перед маленьким бунгалом, и Констанция, выскочив из машины, стащила с себя все, кроме трусов и лифчика. На песке перед бунгалом тлели остатки маленького костра. Подбросив туда бумаги и шепок, Констанция дождалась, чтобы костер разгорелся, и сунула в него вилки с сосисками, а сама, сев рядом со мной и барабаня меня по коленям, как молодая обезьянка, ерошила мне волосы и потягивала шампанское.

— Видишь там, в воде, обломки бревен? Это все, что осталось от «Бриллиантового пирса». На нем устраивали танцы. В восемнадцатом году там сиживал за столиком Чарли Чаплин, а с ним Д. У. Гриффит¹⁴³. А в дальнем конце мы с Десмондом Тейлором. Впрочем, к чему вспоминать? Смотри рот не обожги! Ешь!

Внезапно она замолчала и посмотрела на север.

— Они нас не выследили? Они, или он, или сколько их там? Они нас не заметили? Мы в безопасности? Навсегда?

— Навсегда, — сказал я.

Соленый ветер раздувал костер. Искры, разлетаясь, отражались в зеленых глазах Констанции Раттиган.

Я отвел взгляд.

— Мне надо еще кое-что сделать.

— Что?

— Завтра, часов в пять, пойду размораживать у Фанни холодильник.

Констанция перестала пить и нахмурилась.

— Чего ради?

Пришлось мне выдумать причину, чтобы не портить ей эту ночь с шампанским.

— У меня был друг — художник Стритер Блэр, каждую осень он получал на местных ярмарках голубую ленту — приз за хлеб собственного изготовления. Когда он умер, в его холодильнике нашли шесть караваев. И один его жена дала мне. Целую неделю я отрезал от него по кусочку, мазал маслом и ел — кусок утром, кусок вечером. И мне было хорошо — можно ли придумать лучший способ проститься с замечательным человеком? Когда я съел последний кусок, мой друг умер для меня навсегда. Наверно, поэтому мне хочется забрать все Фаннины джемы и майонезы. Понятно?

Но Констанция насторожилась.

— Понятно, — сказала она в конце концов.

Я вышиб пробку из очередной бутылки.

— За что пьем?

— За мой нос, — сказал я. — Наконец-то я избавился от проклятого насморка. Шесть коробок бумажных платков извел. За мой нос!

— За твой длинный красивый нос! — подхватила Констанция и залпом выпила шампанское.

Этой ночью мы спали на песке, ничего не опасаясь, хотя в двух милях от нас цветочные гирлянды все еще тыкались в берег рядом с бывшим пристанищем покойной Констанции Раттиган, а в трех милях к югу улыбалось в моем доме пианино Кэла и старенькая пишущая машинка ждала, когда я вернусь спасти Землю от нашествия марсиан на одной странице и Марс от землян — на другой.

Среди ночи я проснулся. Рядом со мной было пусто, но песок все еще сохранял тепло там, где, свернувшись калачиком под боком у бедного писателя, спала Констанция. Я встал и услышал, как она, словно тюлень, вспенивает воду далеко в море. Когда

она выбежала из воды, мы прикончили шампанское и спали до полудня.

День выдался такой, когда и в голову не приходит задумываться о смысле жизни, лежи себе, наслаждайся погодой, и пусть жизненные соки текут и переливаются. Но все-таки мне надо было поговорить с Констанцией.

— Я не хотел портить вчерашний вечер. Господи, так счастлив был, что ты жива! Но, по правде говоря, все как в бейсболе — одного убрали, вышел второй. Мистер Дьявол-во-Плоти, который болтался на берегу у тебя под окнами, удрал: он испугался, что решат, будто ты утонула по его милости. А он только и хотел трянуть стариной, как в двадцать восьмом году, порезвиться среди ночи, поплавать голышом. И вместо этого ты, как он вообразил, утонула на его глазах... Вот он и сбежал, но тот, кто направил его к тебе, все еще здесь.

— Господи, — прошептала Констанция. Веки, закрывавшие ее глаза, вздрагивали, как два паука. Она устало вздохнула. — Выходит, это все-таки не кончилось?

Я сжал ее испачканную песком руку.

Констанция долго лежала молча, потом, не раскрывая глаз, спросила:

— А холодильник Фанни при чем? Ведь я так и не вернулась туда — сто лет назад — заглянуть в него. А ты как раз заглядывал и ничего не увидел.

— Потому-то я и хочу посмотреть снова. Все горе в том, что комната опечатана.

— Хочешь, чтобы я взломала замок?

— Констанция!

— Я проберусь в дом, выгоню из коридоров привидения, ты отколотишь их дубинкой, потом мы сорвем печать с дверей, утащим Фаннины банки с майонезом и на дне третьей банки обнаружим ответ на все загадки, если только его уже не похитил кто-то другой или не испортил.

Вдруг муха, жужжа, коснулась моего лба. В голове шевельнулось какое-то забытое соображение.

— Кстати, я вспомнил один рассказ, я давным-давно читал его в каком-то журнале. Девушка на леднике упала и замерзла. Через

двести лет ледник растаял, а девушка осталась такая же молодая и красивая, как в тот день, когда упала.

— У Фанни в холодильнике ты красивых девушек не найдешь, не жди!

— Да, там будет какая-нибудь жуть.

— А когда ты найдешь — если найдешь — эту жуть, ты ее вытащишь и уничтожишь?

— Да, и не один раз, а девять! Точно! Девяти, пожалуй, хватит!

— Как звучит та несчастная первая ария из «Тоски»? — спросила Констанция. Ее лицо под загаром побледнело.

В сумерках я вышел из машины Констанции у дома Фанни. В вестибюле вечер казался еще темнее, чем на улице. Я долго вглядывался в темноту. Мои руки, державшие дверцу машины, дрожали.

— Хочешь, чтобы мамочка пошла с тобой? — спросила Констанция.

— Слушай, побойся бога!

— Ну прости, малыш. — Она похлопала меня по щеке, вlepила мне такой поцелуй, что мои веки взлетели над глазами, как шторы над окнами, и всунула мне в руки листок бумаги. — Здесь телефон моего бунгало, он зарегистрирован на имя Трикси Фриганза. Помнишь, была такая девица — море по колено? Не помнишь? Дурачок! Если тебя скинут с лестницы, вопи во все горло! Если найдешь гада, подкрадись, встань сзади вплотную, как в конге, и сбрось его со второго этажа! Мне подождать тебя?

— Констанция! — взмолился я.

Спускаясь с холма, она не преминула проскочить под красный свет.

Я поднялся в верхний холл, навеки погруженный во тьму. Лампочки из него украли давным-давно. И вдруг услышал, как кто-то бросился бежать. Шаги были легкие, словно бежал ребенок. Замерев, я вслушивался.

Шаги затихали, бегущий спустился с лестницы и выскочил в заднюю дверь.

В холле потянуло ветром, и он принес с собой запах. Как раз тот, о котором говорил слепой Генри. Пахло одеждой, годами

висевшей на чердаке без проветривания, и рубашками, которые месяцами не сменялись. Было такое чувство, будто я оказался в полночь в глухом переулке, куда наведалься, чтобы задрать ноги, целая свора собак с бессмысленными улыбками на мордах.

Запах подстегнул меня, и я помчался во всю прыть. Добежав до двери Фанни, я затормозил. Сердце в груди колотилось как бешеное, а пахло здесь так сильно, что я начал хватать ртом воздух. Он стоял здесь только что! Надо было сразу бежать за ним, но мое внимание привлекла дверь. Я вытянул руку.

Дверь на несмазанных петлях тихо качнулась внутрь.

Кто-то сломал замок на двери Фанни.

Кому-то здесь что-то понадобилось.

Кто-то приходил сюда что-то искать.

Теперь настала моя очередь.

Я вступил в темноту, хранящую воспоминания о вкусной еде.

Здесь пахло точно в магазине деликатесов, в этом теплом гнезде, где двадцать лет пасся, лакомился и пел большой, милый, добрый слон.

«Интересно, — мелькнуло у меня в мозгу, — сколько еще будет держаться здесь аромат укропа, закусок и майонеза? Скоро ли он выветрится и развеется по длинным лестницам? Но приступим...»

В комнате царил ужасающий беспорядок.

Тот, кто побывал здесь, вывернул содержимое полок, ящиков бюро, шкафов. Все было выброшено на пол, на линолеум. Партитуры любимых опер Фанни перемешались с разбитыми патефонными пластинками, которые, видно, кто-то расшвыривал ногами или в горячке поисков разбивал о стенку.

— Господи, Фанни, — прошептал я, — какое счастье, что тебе не довелось этого увидеть!

Все, что можно было перевернуть и сломать, было сломано. Даже громадное, похожее на трон кресло, в котором лет пятнадцать царствовала Фанни, было опрокинуто, как опрокинули и его хозяйку.

Но в единственное место этот мерзавец не заглянул, и туда-то должен был заглянуть я. Спотыкаясь об обломки на полу, я схватился за ручку дверцы холодильника и дернул ее на себя.

В лицо мне пахнуло прохладным воздухом. Я пристально всматривался внутрь, как всматривался несколько ночей назад,

до боли напрягая глаза, стараясь увидеть то, что должно было лежать у меня перед носом. То, что искал здесь тот, кто прятался в холле, — незнакомец из ночного трамвая. Искал и не нашел, оставил мне.

Все в холодильнике выглядело точно так же, как всегда. Джеммы, желе, приправы для салатов, привядшая зелень — передо мной переливалась всеми красками холодная святыня, которой поклонялась Фанни.

И вдруг я резко втянул в себя воздух.

Засунув руку внутрь, я отодвинул к задней стенке баночки, бутылки и коробки с сыром. Все они стояли на тонком, сложенном пополам листе бумаги, который я сперва принял за подстилку, впитывающую капли.

Я вытянул бумагу и в слабом свете холодильника прочел: «Янус. Еженедельник «Зеленая зависть».

Не закрыв дверцу, я, шатаясь, пробрался к креслу Фанни, поднял его и рухнул дожидаться, когда мое сердце уgomонится.

Я переворачивал бледно-зеленые газетные страницы. На последней были напечатаны некрологи и частные объявления. Я пробежал их глазами. Ничего важного не заметил, просмотрел еще раз и увидел...

Маленькое обращение, отмеченное красными чернилами.

Вот, значит, что он искал, чтобы унести с собой и уничтожить следы.

Почему я решил, что именно это объявление? Вот что в нем говорилось:

«ГДЕ ТЫ СКРЫВАЕШЬСЯ ВСЕ ЭТИ ГОДЫ? МОЕ СЕРДЦЕ ИЗБОЛЕЛОСЬ, А ТВОЕ? ПОЧЕМУ НЕТ НИ ПИСЕМ, НИ ЗВОНКОВ? КАКОЕ СЧАСТЬЕ ДЛЯ МЕНЯ, ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ ПРОСТО ПОМНИШЬ ОБО МНЕ, ТАК ЖЕ КАК Я О ТЕБЕ. СКОЛЬКО ВСЕГО У НАС БЫЛО, И МЫ ВСЕ ПОТЕРЯЛИ! ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО ВСПОМНИТЬ, ВЕРНИСЬ, НАЙДИ ДОРОГУ ОБРАТНО.

ПОЗВОНИ».

И подпись:

«КТО-ТО, КТО ЛЮБИЛ ТЕБЯ ДАВНЫМ-ДАВНО».

А на полях кто-то нацарапал:

«КТО-ТО, КТО ЛЮБИЛ ТЕБЯ ВСЕМ СЕРДЦЕМ ДАВНЫМ-ДАВНО».

Господи помилуй! Пресвятая Богородица!

Не веря своим глазам, я перечитал объявление раз шесть подряд.

Выпустив газету из рук, я наступил на нее и подошел к открытому холодильнику немного остыть. Потом снова вернулся и перечитал проклятое объявление в седьмой раз.

Ну и дьявольская же штука! Ну и ловко сработано! Какова приманка! Гарантированная, безотказная ловушка!

Прямо-таки Роршаховский тест¹⁴⁴! Торжество хиромантии! До чего же завлекательная жульническая лотерея: тут же ставишь, тут же выигрываешь! Эй, женщины, мужчины, старые, молодые, brunettes, блондины, худые и толстые! Смотрите! Слушайте! Это ВАМ!

На такое объявление может отозваться кто угодно — всякий, кто когда-то кого-то любил и лишился своей любви, и, говоря «всякий», я имею в виду любого одинокого человека в нашем городе, в нашем штате, в целом мире!

Кто бы, прочитав это, не соблазнился поднять трубку, набрать номер и темным вечером наконец-то прошептать:

— Я здесь. Приходи, прошу тебя!

Стоя посреди комнаты, я пытался представить себе, что пережила Фанни в тот вечер — палуба ее корабля скрипела, когда она под звуки скорбящей на патефонном диске «Тоски» всем своим грузным телом кидалась то в одну, то в другую сторону, а холодильник с его драгоценным содержимым был широко раскрыт, и глаза Фанни бегали, а сердце металось в груди, как колибри в огромном вольере.

Боже! Боже! Редактором такой газетенки мог быть только Пятый всадник Апокалипсиса!

Я просмотрел все остальные объявления. Под каждым значился один и тот же телефонный номер. Только по нему вы получали сведения обо всем, что говорилось в объявлениях. И это был номер телефона проклятуших издателей газеты «Янус. Еженедельник «Зеленая зависть», чтоб им на том свете в огне гореть!

Фанни в жизни не купила бы такой газеты. Значит, кто-то ей дал ее или... Я замер и взглянул на дверь.

Нет!

Кто-то подсунул газету в ее комнату, обведя красными чернилами именно это объявление, чтобы она наверняка его увидела.

«КТО-ТО, КТО ЛЮБИЛ ТЕБЯ ВСЕМ СЕРДЦЕМ ДАВНЫМ-ДАВНО».

— Ах, Фанни! — в отчаянии вскрикнул я. — Несчастливая дуреха! Как ты могла?

Распихивая ногами осколки «Богемы» и «Баттерфляй», я двинулся к дверям, потом опомнился, вернулся к холодильнику и захлопнул дверь.

На третьем этаже дела обстояли не лучше.

Дверь в комнату Генри была широко распахнута. Прежде я никогда не видел ее открытой. Генри любил, чтобы двери всегда были закрыты. Он не хотел, чтобы кто-то из зрячих имел перед ним преимущество. Но сейчас...

— Генри?

Я сделал шаг внутрь. Маленькая квартирка была аккуратно прибрана. Она поражала чистотой и порядком: каждая вещь на своем месте, все начищено. Но в комнате никого не было.

— Генри?

На полу лежала его трость, рядом темный шнур — черный шпагат с завязанными на нем узелками.

Шнур и трость казались брошенными как попало, будто Генри обронил эти вещи в драке или забыл их, когда убежал...

Но куда?

— Генри?

Я поднял шнур и стал разглядывать узелки. Сперва два подряд, потом пропуск, еще три узелка, опять пропуск, потом узелки шли группами по три, по шесть, по четыре и по девять.

— Генри! — крикнул я громко.

И побежал стучаться к миссис Гутьеррес.

Она открыла дверь, увидела меня и разрыдалась. Глядела на мое лицо, а слезы так и катились по ее щекам. Протянув пахнущую маисовыми лепешками руку, она погладила меня по лицу.

— О бедный, бедный! Входи, ох, ох! Бедный! Садись, садись. Есть хочешь? Сейчас принесу. Нет, садись, садись. А кофе хочешь? Да? — Она принесла мне кофе и вытерла глаза.

— Бедная Фанни! Бедный Чокнутый! Что?

Я развернул газету и, держа перед ее глазами, показал объявление.

— Не читаю *inglese*, — попятилась она.

— И не надо! — сказал я. — Не помните? Фанни не приходила к вам звонить с этой газетой?

— Нет, нет! — И тут же краска залила ее лицо — она вспомнила! — *Estupido! Si!* Приходила! А куда звонила, не знаю!

— Она долго говорила, много?

— Долго. — Миссис Гутьеррес приходилось переводить в уме каждое мое слово, но вот она энергично затрясла головой. — *Si!* Долго. Долго смеялся. Она так смеялся и говорил, говорил и смеялся!

«Смеялась, приглашая к себе Ночь, Бесконечность и Вечность», — подумал я.

— И держала в руках эту газету?

Миссис Гутьеррес повертела газету, словно это была китайская головоломка.

— Может, *si*, может, *no*. Эту ли, другую ли? Не знаю. А Фанни теперь у Бога.

Чувствуя, что потяжелел вдвое, я повернулся и, держа в руке сложенную газету, прислонился к двери.

— Хотел бы и я там оказаться, — сказал я. — Можно от вас позвонить?

По наитию я не стал набирать номер «Зеленой зависти», указанный в объявлении. Я подсчитал узелки, завязанные Генри на шнурке, и набрал получившийся номер.

— Издательство «Янус», — ответил гнусавый голос. — «Зеленая зависть». Не вешайте трубку.

Аппарат уронили на пол. Я услышал, как тяжелые шаги прощаркали по сугробам скомканных бумаг.

— Сработало! — заорал я, испугав бедную миссис Гутьеррес, она даже отшатнулась от меня. — Номер совпал! — прокричал я выпуску «Зеленой зависти», который держал в руке.

* Глупая! (*исп.*)

Для чего-то Генри узелками обозначил на своем памятном шнурке номер издательства «Янус».

— Алло, алло! — звал я трубку.

Но слышно было только, что в далекой редакции «Зеленой зависти» дико визжит какой-то маньяк, прикованный рехнувшимися, бешено бренчащими гитаристами к электрическому стулу. А два гиппопотама с носорогом, отплясывая в сортире фанданго, пытаются заглушить их музыку. В этом бедламе кто-то упорно стучал на машинке. А кто-то наигрывал на гармошке под барабан.

Подождав минуты четыре, я грохнул трубку на рычаг и в неистовстве ринулся к дверям.

— Мистер, — закричала миссис Гутьеррес, — почему так волнуешься?

— Почему, почему! Заволнуешься тут! — надрывался я. — Кто-то бросает трубку и больше не подходит к телефону, а у меня нет денег, чтобы добраться до этой сволочной редакции, она где-то в Голливуде, и звонить снова нет смысла — трубка-то снята, а время поджимает, и еще Генри пропал! Неужели он умер, черт побери?

«Не умер, — должна была сказать миссис Гутьеррес, — просто спит».

Но она ничего не сказала, и я, мысленно поблагодарив ее за это, вынесеня вихрем в холл, не зная, куда бежать. Даже на то, чтобы доехать до Голливуда на несчастном красном трамвае, денег у меня не было. Я...

— Генри! — крикнул я в лестничный пролет.

— Да? — отозвался голос.

Я повернулся как ужаленный и вскрикнул. Передо мной была темнота.

— Генри! Это...

— Я, — сказал Генри и выступил в едва заметное пятно света. — Уж если Генри решил спрятаться, так он спрячется как следует, его никто не найдет. Этот мистер Подмышки опять был здесь. Думаю, он знает, что мы знаем обо всей этой каше. Я услышал, как он крадется по крыльцу под моим окном. Все бросил как попало и сбежал. Ты нашел, что я бросил?

— Да. Трость и шнур с узелками — догадался, что они означают номер телефона.

— Хочешь, расскажу про эти узелки и этот номер?

— Хочу, конечно.

— За день до того, как Фанни ушла от нас навсегда, услышал я, как в коридоре кто-то плачет. Она стояла у моей двери. Я открыл — пусть, думаю, вся эта печаль ко мне войдет. Нечасто я встречал ее наверху, она же не могла подниматься, для нее это смерть была! «Я не должна была этого делать!» — плачет она. «Я сама во всем виновата», — только и повторяет. «Вот, Генри, возьми это барахло и побереги его, — говорит. — Какая же я дура». И сует мне старые пластинки и какие-то газеты. «Это очень важно», — говорит. Ну а я подумал: «Что за черт?» Но поблагодарил, все взял, а она так и пошла к себе вниз, плачет в голос и твердит: «Какая я дура». Эти газеты и пластинки я сунул куда-то и думать о них забыл. А вот когда Фанни отпели, похоронили и в землю зарыли, я раз утром наткнулся рукой на эти паршивые бумаги и думаю: «Что это еще такое?» Позвал миссис Гутьеррес и спрашиваю ее по-английски и по-мексикански: «Что это?» Она эти газеты просмотрела и увидела, что в пяти разных номерах одни и те же слова обведены чернилами. И номер телефонный всюду указан одинаковый. Ну я и начал гадать, с чего бы это Фанни так горько плакала и что это за номер, вот и завязал узелки. А потом позвонил. Ты звонил?

— Да, Генри, — подтвердил я. — Я нашел одну такую газету у Фанни в квартире. Что же ты мне раньше про них не говорил?

— А зачем? Я думал, это глупость какая-то. Дамские штучки. А ты-то прочел газету? Мне миссис Гутьеррес прочитала, плохо, но прочла вслух. Я только смеялся. «Боже, — думал я, — ну и чушь собачья!» Только теперь я думаю по-другому. Кто-то прочел этот бред и клюнул?

— Фанни клюнула, — с трудом выговорил я.

— Ну а скажи мне, когда ты набрал этот чертов номер, какой-то сукин сын снял трубку, ответил, собрался кого-то позвать и больше не вернулся?

— Все точно так, тот же сукин сын, — сказал я.

Генри начал подталкивать меня к открытой двери своей комнаты, будто я тоже был слепой. Я не протестовал.

— Как же у них дела идут в этой газете? — подивился он.

Мы уже приблизились к его двери.

— Думаю, когда тебе на все наплевать, — сказал я, — деньги к тебе сами плывут.

— Точно! Со мной всегда была одна беда — мне до всего есть дело. Вот ко мне деньги и не плыли. Ну и не надо! У меня и так наличных денег полно...

Он замолчал, услышав, как я втянул в себя воздух.

— Вот, вот, так дышит тот, кому хочется одолжить мои накопленные денежки! — улыбнулся он, спокойно кивнув.

— Только если ты поедешь со мной, Генри. Поможешь найти негодяя, издевавшегося над Фанни.

— Подмышки?

— Подмышки!

— Мой нос к твоим услугам. Пошли.

— Нам нужны деньги на такси, Генри. Надо сэкономить время.

— В жизни не ездил на такси, зачем оно мне теперь?

— Нам нужно успеть в эту редакцию, пока она не закрылась.

Чем скорее мы все выясним, тем спокойнее можно будет действовать. Я не желаю больше всю ночь тревожиться, как ты тут, и трястись за самого себя в своей лачуге.

— У Подмышек острые зубки, да?

— Да уж, в этом лучше не сомневаться.

— Пошли! — Генри, улыбаясь, обошел свою комнату. — Поищем-ка, где слепой прячет денежки. А по всей комнате! Дать восемьдесят баксов?

— Нет, что ты!

— Шестьдесят? Сорок?

— Двадцать-тридцать хватит за глаза!

— Ладно. — Генри остановился, захрюкал, засмеялся и вытащил из бокового кармана брюк толстую пачку денег. И стал отсчитывать бумажки.

— Вот сорок баксов!

— Скоро отдать не смогу, учти.

— Ну, если мы отыщем этого гада, который насмерть напугал Фанни, ты мне ни цента не будешь должен. Держи деньги! Захвати мою трость. Запри дверь — и вперед! Поехали найдем идиота, который снимает трубку и отправляется в отпуск.

В такси Генри улыбался всем запахам и ароматам, хотя откуда они исходят, не видел.

— Шикарно! Ни разу не нюхал такси! А это наше новенькое и едет быстро.

Я не смог удержаться и спросил:

— Генри, как ты умудрился скопить столько денег?

— Понимаешь, я играю на скачках, хотя лошадей не вижу, не трогаю и даже не могу их понюхать. У меня там друзья завелись. Они прислушиваются и делают ставки. Знаешь, я больше ставлю и меньше проигрываю, чем зрячее дурачье. Так денежки и копятся. Когда набирается слишком много, я хожу к кому-нибудь из этих противных леди в бунгало рядом с нашим домом. Все говорят, что они противные. Но мне-то плевать. Все равно ничего не вижу — слепой. Так что вот так. Где мы?

— На месте, — объяснил я.

Мы остановились в захудалой части Голливуда, южнее бульвара, в переулке за каким-то зданием. Генри потянул носом.

— Это не Подмышки, но кто-то из таких же. Держи ухо остро.

— Сейчас вернусь.

Я вышел из машины. Генри остался на заднем сиденье — глаза безмятежно закрыты, трость на коленях.

— Буду прислушиваться к счетчику, чтобы не бежал слишком быстро.

Сумерки уже успели уступить место темному вечеру, пока я, шагая по переулку, разыскал вход в здание, над задними дверями которого красовалась наполовину потухшая неоновая вывеска с изображением двуликого бога Януса, глядящего в разные стороны. Одно из его лиц было почти смыто дождем, да и второе вот-вот должна была постичь та же участь.

«Даже у богов, — подумал я, — выдаются неудачные годы».

Извиняясь и прося прощения, я пробирался вверх по лестнице мимо молодых, но со старыми лицами парней и девушек, скорчившихся на ступеньках, как побитые собаки; все курили, и никто не обращал на меня внимания. Наконец я поднялся на верхний этаж.

Помещение редакции, казалось, не убирали со времен Гражданской войны. Весь пол, каждый его дюйм, был завален, засыпан, забросан бумагами. На столах и подоконниках лежали сотни пожелтевших, пожухлых старых газет. А три корзины для

мусора пустовали. Те, кто швырял в них скомканную бумагу, видно, всякий раз промахивались, и таких промахов было не меньше десятков тысяч. Я шел через это бумажное море, доходившее мне до шиколоток, давя старые сигары, окурки и, судя по хрусту их крошечных ребер, тараканов. Под заваленным бумажными сугробами столом я увидел брошенную телефонную трубку, взял ее и послушал.

Я подумал, что услышу, как шумят машины под окнами миссис Гуттеррес. Балда! Она-то уж, наверно, давно повесила свою трубку.

— Благодарю, что подождали, — сказал я.

— Эй вы, что надо? — спросил кто-то.

Я повесил трубку и обернулся.

Через бумажное море ко мне продвигался высокий костлявый мужчина, на кончике его длинного худого носа висела прозрачная капля. Желтые от никотина глаза осмотрели меня с ног до головы.

— Я звонил сюда полчаса назад, — кивнул я на трубку. — Только что закончил разговаривать сам с собой.

Он уставился на телефон, поскреб в затылке, и наконец до него дошел смысл моих слов. Изобразив слабое подобие улыбки, он протянул:

— Во-от гадство!

— Точно то же подумал и я.

Я заподозрил, что он гордится тем, как пренебрегает телефоном, — куда эффективней самому сочинять новости.

— Слушай, парень, — сказал мужчина, которого осенила новая идея — видно, он был из тех сообразительных, кто вытаскивает мебель из дому, когда ему нужно загнать в хлев коров. — А ты, случаем, не из легавых?

— Нет, я пудель.

— Что, что?

— Помнишь фильм «Пара черных ворон»?

— Что?

— Шел в двадцать шестом году. Там еще двое белых толкуют о пуделях? Ладно! Забудь! Это ты писал? — И я протянул ему страницу «Зеленой зависти» с грустнейшим призывом в самом низу.

Он прищурился на газету.

— Черт, нет, не я. Но все по закону. Это прислали.

— А тебе не пришло в голову, что может натворить такое явление?

— О чем ты говоришь? Мы же их не читаем, станем мы! Печатаем, и делу конец. У нас свободная страна, верно? Ну-ка дай взглянуть. — Он выхватил газету и, шевеля губами, стал читать. — Ах это! Черт! Здорово! Вот хохма, да?

— И тебе невдомек, что кто-то мог прочесть эту гнусь и решить, что это правда про него?

— Им же хуже. Слушай, парень, а катился бы ты отсюда вон! И без тебя тошно! — Он сунул мне в руку газету.

— Без домашнего телефона этого шутника я не уйду!

Он остолбенел, заморгал глазами, потом расхохотался.

— Да это секретная информация. Никому знать не положено. Хочешь ему написать — пожалуйста. Мы перешлем. Или он зайдет, сам заберет.

— Но мне надо срочно. Тут один человек умер, и... — Однако завод у меня вдруг кончился. Я снова глянул на окружавшее нас бумажное море и, еще ни о чем толком не помышляя, вынул из кармана коробок спичек.

— Как у вас тут насчет пожарной опасности? — спросил я.

— Какая еще пожароопасность? Иди ты к чертовой матери! — Он обвел горделивым взглядом вороха бумаги годичной давности, пустые банки из-под пива, брошенные прямо на пол бумажные стаканчики, старую обертку от гамбургеров. Его прямо-таки распирало от самодовольства. Глаза заискрились, когда его взгляд упал на картонки от молока, стоящие на подоконниках и активно вырабатывающие пенициллин, рядом с ними валялись кем-то сброшенные мужские трусы — завершающий штрих в этом хаосе.

Я чиркнул спичкой, чтобы привлечь его внимание.

— Эй! — воскликнул он.

Я задул первую спичку, показывая ему, какой я покладастый, но, поскольку никакого желания помочь он так и не выказывал, я зажег вторую.

— А что, если я случайно уроню ее на пол?

Он снова окинул взглядом пол. Бумажное море шуршало и ласкало его щиколотки. Урони я спичку, и огонь доберется до него в считанные секунды.

— Не посмеешь ты бросить, — сказал он.

— Да? — Я задул эту спичку и зажег третью.

— Ну и чувство юмора у тебя! Сволочное!

Я уронил спичку.

Он завопил и подпрыгнул.

Я наступил на пламя, прежде чем оно успело распространиться.

Он набрал полную грудь воздуха и разразился руганью:

— Катись отсюда к чертовой матери! Катись, говорю!

— Подожди! — Я зажег последнюю спичку и, пригнувшись над ней, чтобы не погасла, пристально следя за огоньком, придвинулся вплотную к куче, в которой было не меньше полутонны рукописей, визитных карточек, разорванных конвертов.

Я прикоснулся спичкой к куче в нескольких местах, и бумага загорелась.

— Черт тебя подери! Чего ты хочешь?

— Всего лишь номер телефона. Ничего больше. Заметь, я даже адреса не прошу, так что увидеть этого типа, выследить его я не смогу. Но если ты, ублюдок, не скажешь мне номер его телефона, я все тут спалю к чертям собачьим.

С удовольствием я услышал, что голос у меня звучит громче обычного децибел на десять. Это Фанни бушевала у меня в крови. Множество других умерших кричали вместе со мной, всем им хотелось вырваться наружу.

— Давай номер! Сейчас же! — закричал я.

Огонь начал расползаться.

— Вот дерьмо! Затопчи огонь, дам я тебе этот проклятый номер!

Я начал отплясывать на горящей бумаге, заструился дым, и к тому времени, как мистер Янус, редактор, два лика которого смотрели в разные стороны, разыскал номер, записанный в его блокноте, пожар закончился.

— Держи, будь ты проклят. Вот этот несчастный номер: Вермонт, четыре-пять-пять-пять. Записал? Четыре-пять-пять-пять.

Я зажег еще одну, уже самую распоследнюю спичку, вчитываясь в карточку, которую он сунул мне под нос.

«Кто-то, кто любил тебя», — значилось на ней и номер телефона.

— Ну! — завизжал редактор.

«Фанни, — подумал я, — теперь его песенка спета».

Видно, я произнес эти слова вслух, потому что лицо редактора вспыхнуло и он обдал меня слюной.

— Чего ты добиваешься?

— Чтобы меня убили, — ответил я, сбегая вниз.

— Надеюсь, так и будет! — крикнул он мне вслед.

Я открыл дверцу такси.

— Счетчик тикает как бешеный, — сообщил Генри с заднего сиденья. — Хорошо, что я богатенький.

— Сейчас я вернусь.

Я знаками попросил шофера подъехать к телефонной будке на углу, а сам бросился к ней бегом. У меня долго не хватало духу набрать номер, боялся — вдруг действительно ответят!

А что можно сказать убийце, если звонишь ему в такое время, когда ужинать пора?

Я набрал номер.

«Кто-то, кто любил тебя давным-давно».

Ну кто бы стал отвечать на такой дурацкий призыв?

Да любой, если бы увидел эти слова в трудную минуту. Голос из прошлого, он напоминает о знакомых прикосновениях, теплом дыхании у твоего уха, о страсти, поражающей, как удар молнии. Кто из нас устоит, услышав этот голос в три утра? А может, вспомнишь об этом призыве, когда проснешься в полночь, разбуженный чьим-то плачем, и окажется, что плачешь ты сам, слезы льются по твоим щекам, а ты даже не заметил, что ночью тебе приснился дурной сон.

«Кто-то, кто любил тебя...»

«Где сейчас она? Где он? Неужели еще жив? Быть того не может! Столько времени прошло. Тот, кто любит меня, неужели он где-то живет и дышит? А вдруг? Не позвонить ли? Я ведь тут, попробую».

Я три раза набрал номер, потом вернулся и сел рядом с Генри на заднее сиденье — он все еще слушал счетчик.

— Не расстраивайся, — сказал он. — Счетчик меня не волнует. На меня еще лошадок хватит, так что денежки не уйдут. Иди, дитя, позвони еще раз.

И дитя пошло.

На этот раз где-то далеко-далеко, как мне показалось — в неведомой стране, трубку снял тот, кто сам назначил себе день похорон.

— Да? — проговорил голос.

Я замер, но наконец выдавил:

— Кто это?

— Ну, если вопрос стоит так, то кто это? — тот же осторожный голос.

— Почему вы так долго не подходили к телефону? — Я слышал шум проезжающих машин на том конце провода.

Значит, это автомат в каком-нибудь переулке. «Черт! — подумал я. — Он поступает так же, как я. Пользуется ближайшей платной уличной будкой как своим номером».

— Ну что ж, если вам больше нечего сказать... — проговорил голос.

— Подождите! — воскликнул я, а сам подумал: «Голос мне знаком, дайте-ка вслушаться как следует». — Я увидел в «Янусе» ваше объявление. Вы не могли бы мне помочь?

То, что я волнуюсь, пришлось по вкусу другому концу провода — мой собеседник перестал осторожничать.

— Я могу помочь кому угодно, когда угодно и где угодно, — беспечно проговорил он. — Вы что, из этих... из одиноких?

— Что? — воскликнул я.

— Вы один из...

«Одинокие» — так он сказал, и вопрос решился.

Я снова был у Крамли, он погрузил меня в прошлое, я ехал в старом трамвае, под дождем, на поворотах раздавался страшный скрежет. Голос на другом конце провода был тот же, что в ту дождливую ночь, полвека назад, голос, твердивший о смерти и одиночестве, об одиночестве и смерти. Я запомнил этот голос, а сеанс гипноза с Крамли вернул его мне с такой силой, что голова чуть не раскололась, сейчас же я слышал его в трубке. Не хватало одной детали. Я все еще не знал, кому этот голос принадлежит. Он был так знаком, фамилия вертелась у меня на кончике языка, но...

— Продолжайте! — отчаянно крикнул я.

На другом конце, что-то заподозрив, замерли. И вдруг я услышал сладостные звуки, ставшие за полжизни родными.

На другом конце провода шумел дождь. Но самое главное — там ревел прибой, все громче и громче, все ближе и ближе, я почувствовал, что он подкатывается к моим ногам.

— Господи! Да я знаю, где вы! — вскрикнул я.

— Ничуть не бывало! — сказал голос, и трубку повесили.

Но недостаточно быстро. Я дико смотрел на трубку, зажатую у меня в кулаке.

— Генри! — заорал я.

Генри, устремив глаза в никуда, выглянул из такси.

Забираясь в машину, я упал.

— Генри, ты и дальше со мной?

— А как же я без тебя? — ответил Генри. — Скажи водителю, куда нам.

Я сказал. Мы двинулись.

Такси остановилось. Стекла в нем были опущены. Генри высунулся наружу, и его голова с обращенным вперед лицом напоминала изваяние, украшающее нос какого-то темного корабля. Он принюхивался.

— Не был здесь с детства. Пахнет океаном. А чем еще? Гнилью вроде. А-а, это пирс. Ты тут живешь, писака?

— Ты хотел спросить: «Тут ли живет Знаменитый Американский Писатель?» Тут.

— Надеюсь, твои романы пахнут лучше?

— Надеюсь, если доживу и они будут написаны. Генри, мы можем себе позволить, чтобы такси нас подождало?

Генри лизнул большой палец, отсчитал три бумажки по двадцать долларов и протянул водителю.

— С этим тебе будет не так страшно ждать нас, сынок?

— За такие деньги, — сказал водитель, пряча доллары, — можете не беспокоиться до утра.

— Ну, к тому времени дело будет сделано, — отозвался Генри. — Детеныш, ты соображаешь, что делаешь?

Я не успел ответить, как под пирс подкатила большая волна.

— Грохочет, будто нью-йоркская подземка, — сказал Генри. — Смотри, чтобы тебя не задавило.

Мы вышли из такси и оставили его дожидаться нас у входа на пирс. Я попытался вести Генри.

— Не надо, — воспротивился он. — Только говори, где веревки натянуты или проволока или камни валяются. А то у меня локоть очень чувствительный. Не люблю, когда меня водят под руку.

Я отпустил его, и он зашагал, горло подняв голову.

— Подожди меня здесь, — сказал я. — Отступи немного назад. Ага, хорошо. Так тебя не видно. Когда пойду обратно, я скажу только одно слово — «Генри», а ты в ответ скажешь мне, чем пахнет. Ясно? И сразу повернешься и пойдешь к машине.

— Ясно. Я отсюда счетчик слышу.

— Скажешь шоферу, чтобы ехал в полицейское управление. Спроси Элмо Крамли. Если его нет, пусть позвонят ему домой. Он должен вместе с тобой приехать сюда. Чем скорей, тем лучше, раз уж мы раскрутили все это. Если только и вправду раскрутили. Может, твой нос нам больше не понадобится.

— Надеюсь, понадобится. Я и трость прихватил, чтобы всыпать этому мерзавцу. Дашь мне припечатать ему разок?

Я поколебался.

— Разок — пожалуйста, — сказал я наконец. — Ну как, Генри, ты в порядке?

— Братец Лис умеет лежать тихонько.

Я пошел дальше, чувствуя себя Братцем Кроликом¹⁴⁵.

Пирс ночью выглядел кладбищем слонов — огромные черные кости, прикрытые, как крышкой, туманом, а волны, накатывая на кости, то хоронили их, то обнажали, то хоронили, то снова обнажали.

Я пробирался вдоль магазинчиков и крошечных, как обувные коробки, домишек со сдающимися квартирами, мимо закрытого покерного клуба, примечая по дороге разбросанные тут и там похожие на гробы телефонные будки. Света в них не было, они стояли и ждали — если не завтра, то на будущей неделе их снесут.

Я шел по планкам, и у меня под ногами вздыхали, скрипели и терлись друг о друга мокрые и сухие доски. Весь пирс потрескивал и покачивался, как тонущий корабль, стонал, когда я проходил мимо красных флажков и надписей «Опасно», а когда перешагнул через натянутую цепь, оказалось, что дальше идти некуда. Остановившись на краю пирса, я обернулся и поглядел на заколоченные наглухо двери домов и на скатанные брезентовые палатки.

Я проскользнул в самую последнюю на пирсе телефонную будку и, чертыхаясь, поискал в кармане мелочь, выданную мне Генри. Бросил монетку в щель и стал набирать номер, полученный в редакции «Януса».

— Четыре-пять-пять-пять, — набрал я, повторяя цифры шепотом, и стал ждать.

В эту минуту вдруг лопнул изношенный ремешок моих микки-маусовых часов. Часы упали на пол будки. Кляня все на свете, я поднял их и бросил на полочку под телефоном. А сам приложил ухо к трубке. Где-то далеко, на другом конце, раздавались телефонные звонки.

Я оставил трубку висеть, вышел из будки и постоял, закрыв глаза, прислушиваясь. Сначала я слышал только громкий рев прибора под ногами. Такой, что содрогались доски. Потом он затих, и я, напрягая уши, вдруг услышал...

Вдали, примерно на середине пирса, звонил телефон.

«Совпадение? — подумал я. — Телефоны вольны звонить где угодно и в любое время. Но что, если звонит тот, чей номер я набрал?»

Сунув голову в будку, я схватил болтающуюся трубку и повесил ее на место.

Телефон в отдалении, в продуваемой ветром темноте, перестал звонить.

Что, конечно, еще ничего не доказывало.

Я снова опустил монету и снова набрал номер.

Глубоко вздохнул и...

Телефон в стеклянной будке-гробике, удаленный от меня на половину светового года, зазвонил снова.

Я так и подскочил, у меня даже грудь славилло. Глаза расширились, и я глубоко втянул в себя холодный воздух.

Я не стал вешать трубку. Выйдя из будки, я ждал — вдруг кто-то выскочит из ночных закоулков, из мокрых палаток, из старого аттракциона «Сбей молочную бутылку». Может же выбежать кто-то, кто, как я, ждет звонка. Кто-то, кто вроде меня готов выскочить в два часа ночи под дождь, чтобы услышать голос из Мехико-Сити, где светит солнце, где жизнь все еще жива, кипит и, кажется, никогда не умрет. Кто-то...

Пирс тонул в темноте. Ни одного освещенного окна. Из палаток ни шороха. А телефон звонил. Волны прибой перекатывались под настилом пирса, будто искали, кто бы ответил. А телефон звонил и звонил. Чтобы заткнуть ему глотку, мне хотелось самому побежать туда, схватить треклятую трубку и ответить.

«Господи! — думал я. — Надо забрать монету. Надо...»

И вдруг свершилось.

Блеснул луч света и тут же погас. Там, напротив телефонной будки, что-то шевельнулось. А телефон звонил. Продолжал звонить. И кто-то, стоя в темноте, внимательно к нему прислушивался. Я увидел, как задвигалось что-то белое, и понял — тот, кто там стоит, осторожно осматривает пирс, вглядывается, ищет.

Я замер.

Телефон звонил. Наконец тень зашевелилась, обернулась, прислушиваясь. Телефон звонил. Вдруг тень пустилась бежать через дорогу.

Я влетел в будку и схватил трубку как раз вовремя.

Шелк.

Я слышал дыхание на том конце провода. Наконец мужской голос произнес:

— Да?

«Боже, — подумал я. — Тот самый голос! Я слышал его час назад, когда звонил из Голливуда».

«Кто-то, кто любил тебя давным-давно».

Видимо, я произнес это вслух.

На том конце провода с шумом вздохнули, втянули в легкие воздух, и наступила долгая пауза — там ждали.

— Да?

Будто мне выстрелили в ухо, а потом в сердце.

На сей раз я узнал этот голос.

— О боже! — прохрипел я. — Это вы.

Мои слова прострелили ему голову. Он стал задыхаться, я услышал, как он с трудом перевел дыхание.

— Будьте вы прокляты! — закричал он. — Будьте вы трижды прокляты!

Он не стал вешать трубку. Он просто выпустил ее, раскалившуюся от его дыхания, из рук. Она звякнула и заплесала, будто

повешенный на веревке. Я услышал, как поспешно удаляются шаги.

Когда я вышел из своей будки, пирс был совершенно пуст. Там, где на миг блеснул свет, теперь царила темнота. Только под ногами у меня, когда я заставил себя не бежать, а идти к той телефонной будке, плясали обрывки старой газеты. Преодолев бесконечные сто ярдов, я увидел, что трубка болтается на шнуре и постукивает по холодному стеклу будки.

Я приложил трубку к уху.

И услышал, как на другом конце провода тикают мои десяти-долларовые микки-маусовы часы, лежащие на полке в той будке за сто миль от меня.

Если мне повезет и я останусь жив, я спасу моего Микки.

Я повесил трубку, повернулся и окинул взглядом все эти маленькие домики, закрытые игровые павильоны, ларьки, лачуги, подозревая, что сейчас возьму и выкину какое-нибудь безумство.

И выкинул.

Я прошел около семидесяти футов и остановился перед окном маленькой лачуги. Прислушался. Внутри кто-то был, кто-то двигался, может быть, натягивал на себя в темноте одежду, чтобы выйти на улицу. Что-то там шуршало, кто-то сердито шептал, вроде совещался сам с собой, где искать носки, где туфли и куда запропастился этот несчастный галстук. А может, это волны под пирсом нашептывали свои выдумки, все равно их никто не мог проверить.

Бормотание стихло. Видно, он почувал, что я стою под дверью. Послышались шаги. Я неловко отпрянул назад, сообразив, что в руках у меня ничего нет. Даже тростью Генри я не вооружился.

Дверь яростным рывком открыли.

Я смотрел во все глаза. И как это ни дико, видел одновременно две вещи.

Кучку желтых, красных и коричневых оберток от шоколадок «Кларк», «Нестле» и батончиков, лежавших в комнате в полутьме на маленьком столике.

И...

Маленького человечка, углую тень, взирающую на меня ничего не понимающими глазами, будто этого карлика разбудили от сорокалетней спячки.

То был А.Л. Чужак собственной персоной. Чужак — предсказатель по картам Таро, френолог, занюханный психиатришка, круглосуточный консультант-психолог, он же астролог, фрейдист, нумеролог и само воплощение Зря Прожитой Жизни, — стоял на пороге, машинально застегивая рубашку, пытаясь вглядеться в меня расширенными то ли от наркотиков, то ли от удивления перед моей беспримерной наглостью глазами.

— Будь ты трижды проклят! — тихо проговорил он снова. И прибавил, неожиданно дрогнув губами в подобии улыбки: — Входите.

— Нет, — прошептал я. А затем громко предложил: — Нет уж! Выходите вы!

На этот раз ветер дул не в ту сторону, а может, именно в ту?

«Господи! — думал я, съезживаясь от страха, но снова обретая почву под ногами. — Куда же дул ветер все эти дни? Как же я мог ничего не почувствовать? Да очень просто! — опомнился я. — Ведь у меня был насморк — целых десять дней. Нос был заложен намертво. Можно считать, носа не было».

«Ох, Генри, — думал я, — ну и молодец же ты! Твой любознательный клюв всегда начеку, всегда ко всему принюхивается и подает сигналы твоей недремлющей смекалке. Ведь это ты, умница, переходя улицу в девять вечера, учуял однажды запах давно не стиранной рубашки и грязного белья, когда навстречу тебе прошествовала сама Смерть».

Глядя на Чужака, я чувствовал, как у меня сжимаются ноздри. Запах пота — первое свидетельство поражения. Запах мочи — запах ненависти. Чем же еще пахло от Чужака? Бутербродами с луком, нечищеными зубами, от него разлило жаждой самоуничтожения. Запах двигался на меня, как штормовая туча, как неуправляемый поток. Меня охватил вдруг такой тошнотворный ужас, будто я стоял на пустынном берегу, а передо мной вздыбилась волна в девяносто футов высотой, которая вот-вот обрушится. Во рту пересохло, меня прошиб пот.

— Входите, — еще раз неуверенно предложил Чужак.

Мне показалось, что он сейчас, как рак, вползет обратно. Но он перехватил мой взгляд на телефонную будку прямо напротив

его дома и взгляд на будку в конце пирса, где еще тикал Микки-Маус, и все понял. Не успел он открыть рот, как я позвал:

— Генри!

В темноте шевельнулось что-то темное. Я услышал, как у Генри скрипнули башмаки, и обрадовался его спокойному, теплomu голосу:

— Да?

Чужак перебежал глазами с меня на темную тень, туда, откуда раздался голос.

Наконец я смог выговорить:

— Подмышки?

Генри глубоко вздохнул и выдохнул:

— Подмышки!

Я кивнул:

— Ты знаешь, что делать дальше.

— Слышу, как шелкает счетчик, — отозвался Генри.

Краем глаза я видел, что он двинулся прочь, остановился и поднял руку.

Чужак вздрогнул. Я тоже. Трость Генри просвистела в воздухе и со стуком упала на пирс.

— Тебе может понадобится! — крикнул Генри.

Чужак и я уставились на упавшее перед нами оружие.

Услышав, как тронулось с места такси, я дернулся вперед, схватил трость и прижал к груди, будто с ней мне не страшны были ни ножи, ни ружья.

Чужак проводил глазами удаляющиеся огоньки.

— Что за черт? Что все это значит? — спросил он.

И стоявшие за его спиной покрытые пылью Шопенгауэр и Ницше, Шпенглер и Кафка тоже недоуменно перешептывались, подперев руками свои безумные головы: «Что все это значит?»

— Подождите, я схожу за ботинками. — Чужак исчез.

— Только за ботинками! Больше ничего не брать! — крикнул я вслед.

Он сдавленно засмеялся.

— А чем еще я могу запасться? — крикнул он, невидимый, возясь в доме.

Он высунул в дверь руки — в каждой был ботинок.

— Ножей у меня нет! Ружей тоже! — Он напялил ботинки, но не зашнуровал их.

В то, что случилось в следующую секунду, поверить было никак невозможно. Тучи, нависшие над Венецией, вдруг решили раздвинуться и открыли полную луну.

Мы оба подняли глаза, пытаясь понять, доброе это предзнаменование или дурное, и если доброе, то для кого из нас?

Чужак обвел взглядом берег, потом пирс.

— «Когда вокруг один песок, и впрямь берет тоска»¹⁴⁶, — произнес он. Потом, услышав собственный голос, фыркнул себе под нос. — «О, устрицы! — воскликнул Морж. — Прекрасный вид кругом! Бегите к нам! Поговорим, пройдемся бережком».

Он двинулся к дороге. Я остался стоять.

— А дверь свою вы не собираетесь запереть?

Чужак едва глянул через плечо на свои книги, которые, сбившись на полках, как стая стервятников, блестели из-под черных перьев запорошенными пылью золотыми глазами, дожидаясь, когда к ним протянется рука и они обретут жизнь. Их невидимый хор напевал мрачные песни, которые мне следовало услышать давным-давно. Я вновь и вновь пробежал глазами по их корешкам.

«Боже мой! Как же я раньше не видел!»

Этот устрашающий бастион, таящий в себе смертные приговоры, этот перечень поражений, этот литературный Апокалипсис, нагромождение войн, склок, болезней, депрессий, эпидемий, этот водоворот кошмаров, эти катакомбы бреда и головолomных лабиринтов, в которых бьются, ища выход и не находя его, обезумевшие мыши и взбесившиеся крысы. Этот строй дегенератов и эпилептиков, балансирующих на краю библиотечных утесов, а над ними в темноте многочисленные колонны одна другой гаже и отвратительней.

Отдельные авторы из этого сборища, отдельные книги хороши. По, например, или Сартр¹⁴⁷ — они как острая приправа. Но почему же я не видел, что это не библиотека, а скотобойня, подземная темница, башня, в застенках которой десятки мучеников в железных масках, осужденных на веки вечные, молча сходят с ума?

Почему я сразу не задумался и не распознал суть этой коллeкции?

Потому что ее охранял Румпельштильцхен¹⁴⁸.

Даже сейчас, глядя на Чужака, я так и ждал, что он вот-вот схватит себя за ногу и разорвется на две половинки.

Он ликовал.

Что было еще страшней.

— Эти книги, — наконец прервал молчание Чужак, глядя на луну и даже не оборачиваясь на свою библиотеку, — эти книги обо мне не думают! С какой стати я буду думать о них?

— Но...

— И потом, — добавил он, — кому придет в голову похитить «Закат Европы»?

— Я думал, вы любите свои книги!

— Люблю? — Он удивленно помолчал. — Господи! Неужели вы так и не понимаете? Я ненавижу все! Что бы вы ни назвали! Ненавижу все на свете!

И он зашагал в ту сторону, где скрылось такси с Генри.

— Ну что? — крикнул он мне. — Вы идете?

— Иду! — отозвался я.

— Это у вас что, оружие?

Мы медленно двигались вперед, присматриваясь друг к другу. Я с удивлением обнаружил, что сжимаю в руках трость Генри.

— Нет, скорей щупальце, так мне кажется, — ответил я.

— Щупальце очень большого насекомого?

— Очень слепого.

— А без него он сможет найти дорогу? И куда он отправился в столь позднее время?

— Выполнять поручение. И незамедлительно вернется, — соврал я.

Но Чужак был живым детектором лжи. При звуках моего голоса его просто вывернуло наизнанку от восторга. Он ускорил шаги, потом остановился и уперся в меня изучающим взглядом.

— Я так понимаю, он во всем полагается на свой нос. Я слышал, что вы спросили и что он ответил.

— Насчет подмышек? — уточнил я.

Чужак поежился в своих заношенных одеждах. Стрельнул глазами под левую руку, потом под правую, окинул взглядом множество пятен и выцветших проплешин — красноречивые свидетельства долгой истории прошедших лет.

— Про подмышки? — повторил я.

И словно пронзил его грудь пулей.

Чужак покачнулся, но устоял на ногах.

— Куда и зачем мы идем? — прохрипел он.

Я чувствовал, что его сердце под засаленным галстуком колотится, как у испуганного кролика.

— Мне казалось, ведете меня вы. Я знаю только одно. — И на этот раз я на полшага опередил его. — Слепой Генри все искал чье-то грязное белье, нестираную рубашку, зловонное дыхание. Нашел и объяснил мне где.

Я не повторил зловещее слово «подмышки». Но Чужак и без того при каждом моем слове сжимался, будто становился все меньше.

— Зачем я понадобился слепцу? — наконец спросил он.

Мне не хотелось сразу открывать ему все. Надо было испытать и прощупать его.

— Из-за еженедельника «Янус. Зеленая зависть», — пояснил я. — Я видел через окно эту газету у вас в комнате.

То была явная ложь, но удар попал в цель.

— Да, — подтвердил Чужак. — Но что вас связывает — вас и этого слепого?

— А то, что вы... — Я набрал полную грудь воздуха и выпалил: — Вы — мистер Душегуб!

Чужак прикрыл глаза, быстро обдумал, как отреагировать. И рассмеялся.

— Душегуб? Душегуб! Смешно! С чего вы взяли?

— С того. — Я шел впереди, он трусил за мной. Я говорил, обращаясь к туману, надвигающемуся с моря. — С того, что Генри уже давно учуял этот запах, когда однажды переходил через улицу. Тот же запах он заметил в коридоре дома, где живет, а сегодня, сейчас, — здесь. И пахнете так вы!

Кроличьи удары сердца опять сотрясли тело человечка, но он понимал, что пока в безопасности — все это не доказательства!

— Да с какой стати, — ахнул он, — я стал бы ошиваться в каком-то богом забытом доме, где я ни за что не согласился бы жить? Зачем мне это надо?

— Затем, что вы выискивали одиноких и заброшенных, — объяснил я. — И я — тупой идиот, непроходимый слепец, куда

хуже Генри, я — дурак из дураков, — я служил вам наводчиком и помогал отыскивать их. Фанни была права! И Констанция тоже! Именно я был прислужником Смерти, Тифозной Мэри. Это я приводил болезнь, то есть вас, за собой. Во всяком случае, вы следовали за мной по пятам. Искали несчастных одиночек. — Дыхание вырывалось из моей груди, как бой барабанов. — Несчастных одиночек.

И, едва я это сказал, накал страстей, обуревавших нас обоих, достиг апогея. Я выплеснул из себя правду, будто открыл дверцу топки и оттуда пахнуло жаром, он обжигал мне язык, сердце, душу. А Чужак? Я приподнял завесу над его тайной жизнью, о которой никто не догадывался, вытащил на свет его порок, и, хотя еще предстояло изобличать его, добиваться от него признания, было ясно, что я сдернул асбест и выпустил огонь наружу.

— Как вы их назвали? — спросил Чужак, он остановился ярдах в десяти от меня, неподвижный как статуя.

— Одинокие. Это вы их так назвали. Вы их так описывали — одинокие и заброшенные.

Так оно и было. И передо мной, беззвучно, бесшумно ступая, окутанные туманной дымкой, прошли в похоронном марше их души: Фанни и Сэм, Джимми и Кэл, а за ними все остальные. Раньше я не знал, как их всех назвать, не понимал, что у них общего, что их объединяет.

— Да вы бредите, — ответил Чужак. — Выдумываете, лжете, строите догадки. Ко мне это все не имеет отношения.

А сам глядел на обтрепанные манжеты, скрывавшие его худые запястья, на следы пота, стекавшие поздними ночами по пальто. Его одежда, казалось, садится на глазах, а он ерзает в своей собственной бледной коже.

Я бросился в атаку.

— Господи, да вы, даже стоя здесь, гниете! Вы — оскорбление для общества! Вы ненавидите все на свете, всех и каждого, все и вся! Сами же сейчас в этом признались! Вот вы и отравляете все своей грязью, своим вонючим дыханием! Ваше грязное белье — вот ваше знамя! Вы поднимаете его на древке, чтобы отравить ветер. Эх вы, А. Л. Чужак — олицетворение Апокалипсиса!

Он сиял. Он был в восторге! Мои оскорбления звучали для него как комплименты. Он привлек внимание! Его эго подняло

голову. Сам того не подозревая, я устроил западню и прицепил приманку.

«Что дальше? — думал я. — Господи, господи, что дальше-то говорить? Как вытянуть из него признание? Как с ним расквитаться?»

А он уже снова шагал впереди, весь раздувшийся от моих оскорблений, гордый обвинениями в том, что сеял смерть и горе, — этими медалями, которые я прикрепил на его грязный галстук.

Мы шли. И шли. И шли.

«Господи, — думал я, — сколько же еще мы будем блуждать? Сколько же еще мы будем рассуждать? Сколько же еще все это будет длиться?»

«Как в фильме, — думал я, — в невозможном, невероятном фильме, который все тянется и тянется, где одни объясняют, а другие возражают, а первые снова объясняют».

Это не может продолжаться.

Но продолжается.

Он не уверен в том, что знаю я, и я тоже в этом не уверен, и оба мы стараемся догадаться, не вооружен ли другой.

— И оба мы трусы! — сказал Чужак. — И оба боимся испытать один другого.

Морж шел дальше. Устрицы следовали за ним.

Мы шли.

И это уже не была сцена из плохого или хорошего фильма, где герои слишком много разговаривают, нет, это была поздняя ночь, и луна то пряталась, то появлялась вновь, туман сгустился, а я продолжал диалог с идиотом психиатром, который вел дружбу с духом отца Гамлета.

«Чужак, — думал я. — Ну и фамилия! Уклонишься от одного, отпрянешь от другого — вот и становишься чужаком.

Интересно, как это с ним случилось? Окончил колледж, весь мир у его ног, начал частную практику, и вдруг в один прекрасный год — землетрясение, помнит ли он его? В тот год у него отказали ноги и мозги, и начался долгий спуск с горы, но не на тобогане, а прямо на худой заднице, и не было рядом женщины, чтобы подхватить его по дороге в пропасть, смягчить сотрясение,

облегчить кошмар, унять его, плачущего по ночам и одержимого ненавистью на рассвете. И вот как-то утром он встал с постели и обнаружил себя... где?

В Венеции, штат Калифорния, и последняя гондола давным-давно уплыла, и фонари гаснут, а в каналах нефть и старые львиные клетки, и за их решетками ревут только волны прилива...»

— У меня есть один списочек, — начал я.

— Что?

— Оперетта «Микадо»¹⁴⁹, — сказал я. — Одна песенка из нее прямо про вас. «Свою возвышенную цель достигнете со временем. Накажете виновников заслуженным ими бременем». Одинокие. Все, без исключения. Вы внесли их в список, чтобы, как поется в песенке, никого не пропустить. Чем они провинились? Сдались без боя. Или даже не попытались чего-то достичь. Посредственности, или неудачники, или растерявшиеся. А наказать их за это взялись вы. О боже!

Теперь уже он раздулся как павлин.

— Допустим, — сказал он, продолжая идти вперед. — Ну и что?

Я приготовился, прицелился и выстрелил.

— Подозреваю, — сказал я, — что где-то здесь поблизости находится отрезанная голова Скотта Джоплина.

Он не смог удержаться, и против воли его правая рука дернулась к грязному карману пиджака. Он сделал вид, будто хочет просто поправить карман, но, обнаружив, что с гордостью смотрит на правую руку, отвел взгляд и продолжал шагать.

Первый выстрел. Первое попадание. Я ликовал. «Хотел бы я, — мелькнуло у меня в мозгу, — чтобы вы — детектив лейтенант Крамли — были сейчас здесь».

Я выпустил второй заряд.

— Продажа канареек, — тоненьким голосом пропищал я, таким же тоненьким, как выпуклые карандашные буквы на карточке, висевшей на окне старой леди. — Хирохито восходит на престол. Аддис-Абеба. Муссолини!

Левая рука Чужака с тайным удовлетворением потянулась к левому карману.

«Господи, — подумал я, — значит, он таскает эти старые бумажные подстилки из клеток с собой?»

Здорово!

Он вышагивал впереди. Я следом.

Мишень номер три. Целимся в третий раз. Стреляем.

— Львиная клетка. Старик из кассы!

Подбородок А. Л. Чужака склонился к нагрудному карману.

Ага, вот где, черт побери, хранятся конфетти от трамвайных билетов, конфетти, которые так никому и негодились!

Чужак плыл сквозь туман, ничуть не встревоженный тем, что я уже наловил полный сачок его преступлений. Он резвился, словно счастливое дитя на полях Антихриста. Его маленькие башмаки шелкали по планкам. Он сиял.

«Ну а что дальше? — забеспокоился я. — Ах да!»

Я представил себе, как Джимми хвастался в доме новой челюстью, рот у него был до ушей. И другого Джимми, лежащего вниз лицом под водой в ванне.

— Искусственные челюсти! — воскликнул я. — Верхние! Нижние!

Слава тебе господи, Чужак на этот раз не хлопал себя по карманам. А то я от ужаса разразился бы истерическим хохотом, узнав, что он таскает с собой мертвую улыбку. Он оглянулся через плечо, и я понял, что челюсти остались у него дома (в стакане с водой?).

Мишень номер пять. Приготовились. Пли!

— Танцующие чихуахуа, попугаи-шеголи!

Чужак отбил на досках пирса чечетку, стрельнув глазами на левое плечо. Я заметил на нем следы от птичьих лап и остатки помета! Один из попугаев Пьетро жил у него в доме.

Мишень номер шесть.

— Марокканская крепость на берегу Аравийского моря.

Тонкий, как у ящерицы, язык Чужака скользнул по пересохшим губам.

Значит, бутылка шампанского Констанции запрятана на полках между одурманенным де Куинси и утрюмым Харди.

Поднялся ветер.

Я содрогнулся. Мне вдруг почудилось, что за нами, за мной и Чужаком, летят, шурша по темному пирсу, десятки шоколадных оберток, голодные маленькие призраки моего застарелого порока.

И наконец я собрался с духом и произнес то, чего никак не мог выговорить, но все-таки заставил себя. Мучительно горькие слова надломали мой язык и раздавили что-то в груди.

— Многоквартирный дом. Полночь. Набитый холодильник. «Тоска»...

Казалось, черный диск пронесся над городом, первая часть «Тоски» зазвучала, закрутилась и проскользнула под дверь А. Л. Чужака...

Список оказался длинным. Я уже был на грани паники, ужаса истерики от отвращения к самому себе, от собственного горя, от восторга перед собственной пронциательностью. Того и гляди я мог пуститься в пляс, затеять драку, разразиться воплями.

Но Чужак опередил меня. С мечтательным взором, вслушиваясь в тихие арии Пуччини, звучащие у него в голове, он заявил:

— Теперь толстуха обрела покой. Она в нем нуждалась. Я дал ей покой.

Что произошло после этого, я помню смутно.

Кто-то закричал. Я. Еще кто-то закричал. Он.

Я занес руку, потрясая тростью.

«Убью! — подумал я. — Размозжу голову!»

Чужак едва успел отскочить, когда трость просвистела по воздуху. Она ударила не его, а пирс и вылетела у меня из рук. Гремя, она покатилась по доскам, и Чужак поддал ее ногой, так что трость упала в песок.

Обезоруженный, я смог только ринуться на плюгавого мерзавца с кулаками, и, когда он увернулся, я зашатался, так как у меня внутри лопнула последняя пружина.

Я стал задыхаться. Я рыдал. Мои слезы под душем несколько дней назад — это были цветочки. Сейчас я захлебывался от рыданий, слезы лились потоком, даже кости заныли. Я стоял, обливаясь слезами, и пораженный Чужак чуть было не потянулся хлопнуть меня по плечу, чтобы успокоить: «Ну не надо, не надо».

— Да все в порядке, — сказал он наконец. — Она обрела покой. Вы должны мне за это спасибо сказать.

Луна скрылась за плотной стеной тумана, и я воспользовался темнотой, чтобы овладеть собой. Теперь я еле двигался, как при замедленной съемке. Язык не слушался, и я почти ничего не видел.

— Значит, вы считаете, — с трудом, как под водой, проговорил я, — что я должен вас благодарить за то, что они все умерли? Так?

Наверно, Чужак испытывал невероятное облегчение: ведь все эти месяцы или даже годы он жаждал излиться, не важно кому, не важно где, не важно как. Луна снова выплыла на небо. Ее лучи опять осветили Чужака, и я увидел, как дрожат его губы от желания выговориться.

— Да, я всем им помог!

— Помогли? — ахнул я. — Господи помилуй! Помогли?

Мне пришлось сесть. Он помог мне опуститься и, удивленный моей слабостью, склонился надо мной, будто считал себя ответственным за меня и за то, что произойдет этой ночью. Он — тот, кто убивал во спасение, пресекал страдания, уводил от одиночества, усыплял, когда рушились надежды, избавлял от жизни. Одаривал солнечными закатами.

— Но ведь и вы помогали, — рассудительно продолжал Чужак. — Вы писатель. Любопытный. Мне только и оставалось ходить за вами следом, подбирая шоколадные обертки. Вы не представляете, как легко преследовать людей! Никто никогда не оглядывается, ни один человек. Вы тоже. Да что там! Вам и в голову ничего не приходило. Вы были моей верной ищейкой, наводящей на смерть. И гораздо дольше, чем вы полагаете, — больше года! Вы поставляли мне людей, о которых собирались писать в своих книгах. А кем они все были? Гравий на дорожке, мякина на ветру, пустые ракушки на взморье, карты без тузов, игральные кости без точек. Ни прошлого, ни настоящего. А я избавлял их от будущего.

Я поднял на него глаза. Силы возвращались ко мне. Горе на какое-то время отступило. Медленно нарастал гнев.

— Значит, вы все признаете?

— Почему бы и нет? Собака лает, ветер носит. После того как мы здесь все выясним, я поведу вас в полицию, непременно поведу, и, если вы захотите там что-нибудь сказать, у вас не будет никаких доказательств. Все мои слова — выпущенный пар.

— Не совсем так, — возразил я. — Вы не могли отказать себе в удовольствии взять от каждой жертвы что-нибудь на память. В вашей гнусной берлоге хранятся патефонные пластинки, бутылка шампанского, старые газеты.

— Сукин сын! — выругался Чужак и замолчал. Он засмеялся, будто лаем залился, а потом осклабился: — Ловко! Выудили это из меня, да?

Задумавшись, он покачивался на пятках.

— Что ж! — заявил он. — Теперь у меня нет другого выхода. Я обязан убить вас.

Я вскочил, и, хотя был всего на фут выше, чем он, и не слишком уж храбр, он от меня отпрыгнул.

— Нет! — сказал я. — Вы не сможете!

— Это почему же?

— Потому что вы не можете пустить в ход руки! — объяснил я. — Вы же никого из них пальцем не тронули. Вы обходились без рукоприкладства, теперь я все понял. Ваша задача заключалась в том, чтобы заставить людей самих что-то с собой сделать, или вы уничтожали их косвенным путем. Правильно?

— Правильно. — В нем снова разыгралась гордость. Он забыл о том, что я стою рядом, и погрузился в созерцание своего славного блестящего прошлого.

— Старик из трамвайной кассы. Вам всего-то и понадобилось напоить его, ну, может, подтолкнуть — он упал, ударился головой, а вы потом прыгнули в воду и помогли ему попасть в клетку.

— Верно!

— А леди с канарейками? Вы просто постояли над ее постелью, строя страшные гримасы?

— Правильно.

— Сэм. Опоили его такой дрянью, что он угодил в больницу.

— Именно!

— Джимми. Удостоверились, что он выпил в три раза больше, чем можно, и вам даже не понадобилось переворачивать его в ванне. Он сам перевернулся и захлебнулся.

— Правильно.

— Пьетро Массинелло. Вы написали городским властям, что надо забрать его самого и всех его кошек, собак и птиц. Если он еще не умер в тюрьме, то скоро умрет.

— Верно.

— Ну и Кэл-парикмахер.

— Я утащил голову Скотта Джоплина, — сказал Чужак.

— А Кэл испугался и удрал из города. Джон Уилкс Хопвуд. Чудовишный эгоцентрист. Вы послали ему записку на почтовой бумаге Констанции Раттиган, подначили его каждый вечер появляться голым на берегу. Хотели испугать Констанцию, чтобы она утопилась?

— Было такое.

— А потом покончили с Хопвудом — дали ему понять, что, когда исчезла Констанция, его видели на берегу. И послали ему вдобавок подлое, страшное письмо, в котором обвиняли его в самых мерзких грехах.

— Он и был в них повинен, во всех.

— А Фанни Флорианна? Вы подсунули ей под дверь свое объявление, она вам позвонила, и вы договорились о встрече, а дальше все уже было просто: вы ворвались к ней, и повторилось то же, что со старушкой с канарейками, — вы испугали Фанни, она попятилась, упала на спину и не смогла встать, ну а вы спокойно постояли над ней, убедились, что она больше не встанет, и все. Верно я говорю?

На этот раз он не решился подтвердить мои слова: он видел, что я в бешенстве и хотя еще нетвердо стою на ногах, но ярость придает мне сил.

— За все это время вы допустили только одну ошибку — оставили у Фанни газету с обведенным чернилами объявлением. Потом вы вспомнили об этом и проникли к ней в комнату, но найти газету не смогли. Вы не догадались заглянуть лишь в одно место — в холодильник. Ваша газета с объявлением лежала там под банками. Ее нашел я. И потому я здесь. И не собираюсь стать следующим в вашем списке. Хотя у вас, наверно, другие планы.

— Да.

— Ничего у вас не выйдет! И знаете почему? По двум причинам. Первое — я не одинокий, я не заблудшая овца, не причисляю себя к неудачникам. Я добьюсь успеха. Буду счастливым. Женюсь, у меня будет прекрасная жена и прекрасные дети. Я напишу кучу замечательных книг, они будут нарасхват. Вашим требованиям это никак не отвечает. Так что вы, несчастный шут гороховый, не сможете меня убить — со мной все в порядке. Понятно? Я собираюсь жить вечно.

И вот вам вторая причина — вы не можете меня пальцем тронуть. Вы ведь своими руками никого не убили. Если убьете меня самолично, это испортит вам всю картину. Всех других вы довели до смерти либо шантажом, либо запугивая. Но сейчас, если вы вздумаете помешать мне пойти в полицию, вам придется совершить настоящее убийство собственными руками, безмозглый вы идиот!

Я шагал впереди, а он, совершенно сбитый с толку, поспешал за мной, чуть ли не дергая меня за локоть, чтобы обратить на себя внимание.

— Верно, верно, год назад я чуть не убил вас. А потом у вас начали покупать рассказы, и вы встретились с той женщиной, вот я и решил, что буду просто ходить за вами по пятам и подбирать нужных мне людей. Да, так и было. А началось все в тот вечер, в бурю, в последнем трамвае, когда я был мертвецки пьян. Вы сидели тогда так близко — протяни я руку, я мог бы до вас дотронуться. И дождь хлестал, и повернись вы... но вы не поворачивались, а то увидели бы и узнали меня, но вы не обернулись...

Мы уже сошли с пирса, миновали темную улицу вдоль канала и быстро поднялись на мост. Бульвар был пуст. Ни автомобилей, ни фонарей. Я прибавил шагу.

На середине моста через канал, неподалеку от львиных клеток, Чужак остановился и схватился за перила.

— Почему вы не хотите войти в мое положение? Помочь мне? — прорыдал он. — Я хотел вас убить! Это правда! Но получилось, что я убил бы Надежду, а люди без нее жить не могут, даже такие, как я. Верно ведь?

Я уставился на него:

— Нет, после сегодняшнего разговора вам надеяться не на что.

— Почему? — задохнулся он. — Почему? — И посмотрел на холодную маслянистую воду.

— Потому что вы окончательно и бесповоротно спятили.

— Я убью вас!

— Нет, — сказал я, испытывая глубокую грусть. — Вам осталось убить только одного человека. Последнего из одиноких. Нечисто опустошенного. Самого себя.

— Себя?! — вскричал Чужак.

— Вас!

— Меня?! — завизжал он еще громче. — Да будьте вы прокляты, прокляты, прокляты...

Он круто повернулся. Вцепился в перила моста. И прыгнул. Его тело скрылось в темноте.

Он погрузился в волны, грязные, покрытые маслянистыми пятнами, как его костюм, темные и страшные, как его душа, они сомкнулись над ним, и он исчез.

— Чужак! — завопил я.

Он не показывался.

«Вернитесь!» — хотел крикнуть я.

И вдруг испугался: а что, если он и правда вернется?

— Чужак! — шептал я. — Чужак! — Я перевесился через перила, вглядываясь в зеленую пену и зловонные воды прилива. — Я же знаю, что вы здесь!

Не может все так кончиться. Слишком просто. Он, конечно, затаился где-то в темноте под мостом, как большая жаба, глаза подняты, лицо зеленое, затаился и ждет, тихонько набирая в легкие воздух. Я прислушался. Ни всплеска. Ни вдоха. Ни шороха.

— Чужак! — прошептал я.

«Чужак», — отозвалось эхо под мостом.

Вдали на берегу огромные нефтяные чудища поднимали головы, слыша мои призывы, и снова опускали их под аккомпанемент вздохов накатывающих на берег волн.

«Не жди! — казалось мне, бормочет под мостом Чужак. — Здесь хорошо. Покойно. Наконец-то покой. Пожалуй, я здесь и останусь».

«Лжец, — думал я, — небось выскочишь, стоит мне зазеваться!»

Мост заскрипел. Я в ужасе обернулся.

Нигде ничего! Только туман растекается по пустому бульвару.

«Беги, — говорил я себе. — Звони! Вызывай Крамли! Почему он не едет? Беги! Нет, нельзя! Если я отлучусь, Чужак сбежит».

Где-то далеко, в двух милях от меня, прогремел красный трамвай, он свистел и визжал, совсем как чудовище в моем страшном сне, чудовище, норовившее отнять у меня время, жизнь, будущее, — трамвай несся к заполненной гудроном яме, ждавшей его в конце пути.

Я подобрал кусочек щебня и бросил его в канал.

— Чужак!

Камешек шлепнул по воде и ушел на дно.

Он меня обманул, скрылся. А я должен отплатить ему за Фанни.

«Да, еще Пег, — подумал я. — Надо ей позвонить».

«Нет, нет, потом. Придется и ей подождать».

Сердце у меня в груди колотилось так сильно, что казалось, оно вспенит воду и со дна поднимутся мертвецы. Само мое дыхание, боялся я, может расшатать буровые вышки. Я зажмурился, стараясь утишить и дыхание, и сердце.

«Чужак, — мысленно уговаривал я, — выходи. Фанни здесь, она ждет тебя. И леди с канарейками тоже ждет. И старик из трамвайной кассы — вот он, рядом со мной. А Пьетро ждет, когда ты вернешь ему его любимцев. Выходи! Я здесь, мы все здесь, ждем тебя.

Чужак!»

На этот раз он, видно, услышал.

И появился, чтобы разделаться со мной.

Он вылетел из черной воды, как пушечное ядро из жерла.

«Господи, — испугался я, — дурак! Зачем ты его звал?»

Теперь он был не меньше десяти футов ростом! Карлик превратился в чудовище, мелкий жулик — в Гренделя¹⁵⁰.

Он налетел на меня, как дракон, выпустив когти, с воплями, с визгом, с хрипом. Обрушился, словно воздушный шар, наполненный кипятком. Все его благие намерения, его миф о самом себе, логика совершаемых им убийств — все было забыто.

— Чужак! — кричал я.

Вся эта сцена напоминала замедленную съемку, что было особенно страшно, словно я мог останавливать кадр за кадром и гадать, почему он так поразительно вырос и изогнулся, вглядываться в его пылающие глаза, в искаженный ненавистью рот, в руки, которые в неистовстве сжимали железными пальцами мой пиджак, рубашку, мое горло. Мое имя, как запекшаяся кровь, горело на его губах, пока он, перегибаясь назад, поднимал меня. Черная как смола вода ждала.

«Господи, только не туда», — думал я. Железные двери львиных клеток были широко распахнуты. Они тоже ждали.

— Нет!

Замедленная съемка кончилась. Завершилась молниеносным падением.

Подброшенные его бешенством, мы полетели вниз, хватая ртом воздух.

Мы грохнулись в воду, как две бетонные статуи, и пошли ко дну, сжимая друг друга в объятиях, словно охваченные безумной страстью, стараясь подмять под себя один другого и, наступив на спину поверженного, выбраться на поверхность, к свету и воздуху.

Погружаясь в воду, я, казалось, слышал, как Чужак молит, закликает: «Ну тони! Тони! Тони!» — будто мальчишка, захваченный какой-то шальной игрой без правил, злится на противника, не желающего подчиниться. «Тони!»

Но теперь под водой нас уже никто не мог увидеть. Мы крутились, вцепившись один другому в горло, словно два крокодила. Наверно, сверху это казалось схваткой пожирающих друг друга пираний. Или огромным пропеллером, исступленно крутящим воду с радужными пятнами нефти.

И пока я тонул, где-то в глубине мозга у меня вспыхивал слабый огонек надежды.

«Он впервые убивает по-настоящему, — наверно, думал я, хотя было ли время думать? — Но я живой, я не поддамся ему. Я боюсь темноты больше, чем он боится жизни. Он должен это понять. Я должен победить!»

Но доказательств этому не было.

Мы еще раз перекатились в воде и налетели на что-то твердое, так что у меня вышибло весь воздух из легких. Львиная клетка. Чужак заталкивал, залихивал меня в открытую дверь. Я молотил руками и ногами. И вдруг, крутясь в белой пене и водовороте брызг, сообразил:

«Господи! Да я же в клетке! Внутри. Все кончается тем, с чего начиналось. На рассвете приедет Крамли и увидит в клетке меня! Я буду манить его из-за прутьев решетки. Господи!»

Легкие жгло, как огнем. Я пытался изловчиться и вырваться, хотел на последнем вздохе оглушить его криком. Хотел...

И вдруг борьба кончилась.

Руки Чужака разжались.

«Что это? — всполошился я. — Почему?»

Он почти совсем отпустил меня.

Я попробовал оттолкнуть его, но словно уперся в чучело, во что-то потерявшее способность двигаться. Будто я ворочал труп, сбежавший из могилы, а теперь пожелавший вернуться назад.

«Он сдался, — подумал я. — Он знает, что должен стать последним в списке. Знает, что не может убить меня. Я не гожусь в его жертвы».

Видимо, он и впрямь принял решение. Поддерживая Чужака, я видел его лицо — бледное лицо призрака, видел, как он содрогается, отпуская меня на волю. Наконец-то я мог ринуться вверх — на воздух, к ночи, к жизни!

Сквозь темную воду я различил ужас, застывший у него в глазах, когда он открыл рот, сжал ноздри и выдохнул струю жутко светящегося воздуха. Потом втянул в легкие темную воду и пошел ко дну — конченный человек, решивший покончить с самим собой.

Когда я почти вслепую, отчаянно гребя, подплыл к выходу из клетки, он плавал в ней, как окоченевшая марионетка. А я вырвался из-за решеток и рванулся вверх, отчаянно моля: «Хочу жить вечно, хочу увидеть туман, хочу найти Пег, где бы она ни была в нашем треклятом опасном мире».

Я выплыл на поверхность, в туман, который превратился в накапывающий дождь. Голова у меня раскалывалась от боли, и я издал громкий вопль — вопль радости, что спасся, и вопль скорби. Казалось, зазвучал скорбный голос всех тех, кто погиб в этот последний месяц и так не хотел погибать. Я захлебнулся, меня вырвало, я чуть снова не погрузился с головой, но все же дотащился до берега, выкарабкался из воды и сел ждать возле канала.

Где-то на краю света затормозил автомобиль, хлопнула дверца, раздались поспешные шаги. Из дождя вытянулась длинная рука, сильные пальцы сжали мое плечо и стали меня трясти. Как в кадре, снятом крупным планом, передо мной возникло лицо Крамли — словно лягушка под стеклом. Он склонился надо мной, как потрясенный отец над утонувшим сыном.

— Ну как вы? Живы? Всё ничего?

Я, задыхаясь, кивнул.

Вслед за Крамли приближался Генри: он шел, прихуливаясь к дождю, боясь учуять страшный запах, но ничего дурного не слышал.

— Как он? — спросил Генри.

— Жив, — сказал я и действительно ощутил, что это правда. — Слава богу! Жив!

— А где Подмышки? Я должен рассчитаться с ним за Фанни.

— Я уже рассчитался, Генри, — проговорил я.

И кивнул вниз, на львиную клетку, где за решетками, как бледное желе, плавал новый призрак.

— Крамли, — сказал я, — его конура битком набита уликами и доказательствами.

— Проверим.

— А какого черта вы так долго не приезжали? — возмутился я.

— Этот вонючий водитель оказался слепым похуже меня. — Нашупывая ногами дорогу, Генри подошел к краю канала и сел рядом со мной. Крамли сел по другую сторону, и мы сидели, болтая ногами, чуть не взбаламучивая ими темную воду. — Он даже полицейский участок найти не мог. Куда он делся? Я бы его тоже вздул.

Я фыркнул. Из носа хлынула вода.

Крамли вплотную придвинулся ко мне:

— Где болит?

«Там, где никому не видно», — подумал я. Как-нибудь ночью лет через десять это все всплывет. Надеюсь, Пег не рассердится на меня, если я подниму крик среди ночи, — ей будет случай проявить материнскую заботу.

«Через минутку, — думал я, — надо позвонить Пег. «Пег, — скажу я, — выходи за меня замуж. Приезжай в Венецию сегодня же. Приезжай домой. Будем вместе голодать, но жизнь будет прекрасна, клянусь богом! Выходи наконец за меня, Пег, и спаси меня, чтобы я не попал в одинокие и заброшенные. Спаси меня, Пег!»

И она скажет мне по телефону «да» и придет».

— Не болит нигде, — ответил я Крамли.

— Ну слава богу, а то кто же станет читать мою дурацкую книгу, если вас не будет?

Я расхохотался.

— Простите. — От смущения за свою непосредственность Крамли уткнулся подбородком в грудь.

— Черт! — Я схватил его руку и положил ее себе на шею, чтобы он меня помассировал. — Я люблю вас, Крамли. Я люблю тебя, Генри.

— Во дает! — нежно сказал Крамли.

— Бог с тобой, милый, — проговорил слепой.

Подъехала еще одна машина. Дождь затихал.

Генри потянул носом:

— Этот лимузин мне знаком.

— Святой боже! — высунулась из окна машины Констанция Раттиган. — Ну и компания! Лучший в мире знаток марсиан! Величайший слепой на свете! И незаконный сын Шерлока Холмса!

Кое-как мы отозвались на ее шутку, но ответить в том же духе сил не хватило.

Констанция вышла из машины и остановилась за моей спиной, глядя в канал.

— Все кончено? Это он там?

Мы дружно кивнули, словно зрители в ночном театре. Мы не могли отвести глаз от темной воды, от львиной клетки и от призрака, который, маня, вздымался и падал за прутьями решетки.

— Боже! Ты же весь мокрый, хоть выжимай. Так и заболеть недолго. Надо раздеть парня, вытереть насухо и согреть. Не возражаете, если я заберу его к себе?

Крамли кивнул.

Я положил руку ему на плечо и крепко его сжал.

— Сейчас шампанское, а потом пиво? — предположил я.

— Жду вас, — сказал Крамли, — жду в моих джунглях.

— Генри! — позвала Констанция. — Поедешь с нами?

— А то как же? — отозвался Генри.

А машины все подъезжали, и полицейские готовились прыгать в воду, вытаскивать то, что лежало в львиной клетке, а Крамли направился к лачуге Чужака; с меня же, дрожащего от холода, Констанция и Генри содрали мокрый пиджак, помогли забраться в машину, и мы поехали по самой середине ночного берега, среди огромных, тяжело вздыхающих буровых вышек, оставляя позади мой несуразный маленький дом, где я трудился. Позади остался и домишко с покатою крышей, где ждали Шпенглер и Чингисхан,

Гитлер и Ницше, а также несколько дюжин старых оберток от шоколада, осталась позади и залптая касса на трамвайной остановке, где завтра снова соберутся старики ждать последних в этом столетии трамваев.

Пока мы ехали, мне показалось, что мимо прошмыгнул на велосипеде я сам — двенадцатилетний мальчуган, развозящий спозаранку в темноте газеты. А дальше нам навстречу попался я, уже повзрослевший, девятнадцатилетний, — я шел, натываясь на столбы, пьяный от любви, а на щеке у меня краснела губная помада.

Как раз когда мы собирались свернуть к аравийской крепости Констанции, мимо нас с шумом пронесся другой лимузин. Он промчался по дороге как молния. Уж не я ли, такой, каким буду через несколько лет, сидел там? А рядом Пег в вечернем платье, мы возвращались с танцев. Но лимузин скрылся из виду. Будущему придется подождать.

Когда мы въезжали в засыпанный песком задний двор мавританской крепости, я испытывал простое и самое большое на свете счастье — я был жив.

Лимузин остановился, мы с Констанцией вышли и ждали Генри, а он величественно махнул нам рукой и произнес:

— Отойдите, а то ноги отдавлю!

Мы посторонились.

— Дайте слепому показать вам дорогу!

Он пошел вперед.

Мы радостно последовали за ним.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Венеция в штате Калифорния* (Венис) — восточный пригород Лос-Анджелеса на берегу Тихого океана. С юга примыкает к городку Санта-Моника. Венеция создавалась с 1905 г. по идеям и на средства табачного магната Эббота Кинни, решившего построить город по образцу итальянской Венеции, для чего было проложено более 32 км каналов. Создан парк с аттракционами и прочими развлечениями. В 1950—1960-х гг. город пришел в запустение. С 1970-х гг. началось возрождение Венеции. Сейчас она известна как излюбленное место обитания художников и архитекторов. Появилось много авангардных построек.

² *«Русские горки»* — так в США называется аттракцион, известный в России как «американские горки».

³ *Калвер-Сити* — южный пригород Лос-Анджелеса, центр кинопромышленности.

⁴ *Хопалонг Кэссиди* — ковбой, герой 28 вестернов К.Э. Малфорда, написанных в 1907—1940-х гг. Кинокомпания «Парамаунт пикчерз» сняла о нем 35 фильмов, «Юнайтед артистс» — еще 31. Во всех 66 фильмах (1935—1953) в роли Хопалонга снимался Уильям Бойд (1895—1972), так что в конце концов его имя и имя его героя стали синонимами.

⁵ *Харон* — в древнегреческой мифологии перевозчик душ умерших в царство теней.

⁶ *... и табаком из сигарет, усеивавшим берег еще с тысяча девятьсот десятого года.* — Имеются в виду последствия деятельности табачного магната Кинни.

⁷ *«Метро-Голдвин-Майер»* (МГМ) — голливудская киностудия, основанная в 1924 г. и до 1951 г. возглавляемая Луисом Б. Майером. До середины 50-х гг. — крупнейшая студия Голливуда. Неизменной до сего дня остается заставка фильмов — рычащий лев.

⁸ *Ахав* — демонический капитан, герой эпического романа Германа Мелвилла (1819—1891) «Моби Дик, или Белый кит» (1851).

⁹ *Птеродактиль* — род ископаемых летающих пресмыкающихся с хорошо развитыми зубами и коротким хвостом.

¹⁰ *Бронтозавр* — ископаемое пресмыкающееся громадных размеров (от 9 до 22 м в длину) с очень длинным хвостом и шеей.

¹¹ *Трицератопс* — крупное (до 6 м длины) ископаемое пресмыкающееся мелового периода с толстыми ногами, длинным хвостом, рогом на конце морды и парой рогов на лбу.

¹² *Стегозавр* — ископаемое пресмыкающееся до 10 м в длину, с двойным гребнем костяных пластин высотой до метра по всей спине.

¹³ *Рапунцель* — героиня одноименной сказки братьев Гримм, запертая в башне. В наказание за то, что по ее длинным косам к ней поднимался возлюбленный, колдунья остригла ее.

¹⁴ *Археоптерикс* — ископаемая птица юрского периода величиной с ворону.

¹⁵ *Хирохито* — император Японии с 1926 по 1989 г.

¹⁶ *Хайле Селассие* (1892—1975) — император Эфиопии с 1930 по 1974 г.

¹⁷ *Карузо Энрико* (1873—1921) — итальянский оперный певец, тенор, мастер бельканто.

¹⁸ *Галли-Курчи Амелита* (1889—1963) — итальянская оперная певица, колоратурное сопрано.

¹⁹ *Суартхаут Гледис* (1904—1969) — американская певица, контральто.

²⁰ «*Фантазия*» — мультипликационный фильм Уолта Диснея (1901—1966).

²¹ «*Сент-Эмильон*» — французское вино типа кларет.

²² *Тиббет Лоуренс* (1896—1960) — американский баритон.

²³ *Санди Уильям Эшли (Билли)* — проповедник-евангелист, проповедовал идеи строгости нравов. Его выступления проходили с участием оркестров, хоров и собирали многолюдные аудитории.

²⁴ *Брайан Уильям Дженнингс* (1860—1925) — американский политический деятель. В так называемой «Речи о Золотом кресте» ратовал за отказ от золотого стандарта.

²⁵ *Манн Томас* (1875—1955) — знаменитый немецкий писатель,

лауреат Нобелевской премии по литературе 1929 г. Повесть «Смерть в Венеции» написана в 1913 г.

²⁶ *Эпифиллум* — растение семейства кактусовых.

²⁷ *Серенгети* — национальный парк в Северной Танзании, создан в 1941 г.

²⁸ *Окапи* — парнокопытное жвачное животное семейства жираф.

²⁹ *Сетон-Томпсон Эрнест* (1860—1946) — канадский писатель и художник-анималист.

³⁰ *Поп Александр* (1688—1744) — английский поэт-классицист, критик.

³¹ *Четвертое июля* — 4 июля 1776 г. принята Декларация о независимости США. С тех пор этот день является национальным праздником.

³² *Лорд Карнарвон Джордж Эдвард* (1866—1923) — английский египтолог, вскрывший 17 февраля 1923 г. гробницу Тутанхамона.

³³ *Джеймс Генри* (1843—1916) — крупнейший американский писатель, автор психологических романов. Предтеча литературы «потока сознания».

³⁴ *Франклин Бенджамин* (1706—1790) — американский просветитель, ученый, государственный деятель.

³⁵ *Братья Гонкур* — *Эдмон* (1822—1896) и *Жюль* (1830—1870) — французские писатели, по их завещанию учреждена Гонкуровская академия, присуждающая литературные премии.

³⁶ *Гуанахуато* — город в Центральной Мексике, основан в 1545 г. Славится древними соборами.

³⁷ *Теотихуакан* — место археологических раскопок в 40 км от Мехико-Сити. Здесь находятся остатки самого крупного доколумбова города в Западном полушарии. Славится своими памятниками, в том числе Пирамидой Солнца.

³⁸ *Вирджиния Вулф* (1881—1941) — английская писательница модернистского направления, автор романов и эссе.

³⁹ *Пири Эдвин* (1856—1920) — американский исследователь Арктики. В 1909 г. достиг Северного полюса.

⁴⁰ *Бэрд Ричард Эвелин* (1888—1957) — американский летчик и полярный исследователь. Первым облетел оба полюса. Руководил тремя экспедициями в Антарктику.

⁴¹ *Харди (Гарди) Томас* (1840—1928) — английский писатель, в его

психологических романах преобладают трагические мотивы и характеры.

⁴² *Гиббон Эдуард* (1737—1794) — английский историк, его главный труд — «Закат и падение Римской империи» в шести томах.

⁴³ *Ницше Фридрих* (1844—1900) — немецкий философ, представитель иррационализма и волюнтаризма, проповедовал культ сильной личности.

⁴⁴ *Шопенгауэр Артур* (1788—1860) — немецкий философ-иррационалист.

⁴⁵ «*Анатомия меланхолии*» — произведение английского ученого, философа и психолога Роберта Бартона (1577—1640).

⁴⁶ *По Эдгар Аллан* (1809—1849) — американский поэт и прозаик, теоретик литературы, автор рассказов в жанре «новеллы ужаса», классик трагической новеллы, родоначальник детективной литературы.

⁴⁷ *Шелли Мэри* (1797—1851) — английская писательница, автор готических повестей.

⁴⁸ *Маркиз де Сад Донатьен Альфонс Франсуа* (1740—1814) — французский писатель, описывал извращения, связанные с наслаждением жестокостью.

⁴⁹ *Де Куинси (Квинси) Томас* (1785—1859) — английский писатель, критик и публицист. Оставил воспоминания об ощущениях курильщика опиума — «Исповедь англичанина, употребляющего опиум» (1822).

⁵⁰ *Шпенглер Освальд* (1880—1936) — немецкий философ и историк. Главное сочинение «Закат Европы» (1923).

⁵¹ *О'Нил Юджин* (1888—1953) — крупный американский драматург, лауреат Нобелевской премии 1936 г., автор психологических трагедий.

⁵² ... *горькие воспоминания о тюрьме...* — Имеются в виду написанные Оскаром Уайльдом (1854—1900) «Баллада Редингской тюрьмы», «De Profundis» и «Письма из тюрьмы».

⁵³ *Кракатау* — действующий вулкан в Индонезии, речь идет об одном из самых катастрофических в мире извержений, происшедшем в 1883 г., сопровождавшемся выпадением вулканического пепла на площади свыше 800 000 кв. км. Морская волна вызвала гибель людей на соседних островах.

⁵⁴ «*Траур к лицу Электре*» — пьеса Юджина О'Нила.

⁵⁵ *Ликок Стивен Батлер* (1869—1944) — канадский писатель, автор юмористических рассказов, пародий, теоретических работ о юморе в литературе.

⁵⁶ *Бикок Томас Лав* (1785—1866) — английский писатель-сатирик.

⁵⁷ *Бенчли Джеймс* (1889—1945) — американский юморист и сатирик.

⁵⁸ *Тёрбер Джеймс* (1894—1961) — американский писатель-юморист и карикатурист.

⁵⁹ *Перельман Сидни Джеймс* (1904—1979) — американский юморист и сатирик.

⁶⁰ *Савонарола* (1452—1498) — настоятель доминиканского монастыря во Флоренции, призывал Церковь к аскетизму, осуждал гуманистическую культуру, организовывал сожжение произведений искусства.

⁶¹ *Оукли Энни* (1860—1926) — американская цирковая артистка-снайпер. В 1935 г. о ней был снят фильм.

⁶² *Скотт Джоуплин* (1868—1917) — американский композитор и пианист, автор сочинений в стиле регтайм.

⁶³ *Хоппер Эдуард* (1882—1967) — американский живописец и график, автор городских пейзажей.

⁶⁴ *Кролик Питер* — герой сказок английской детской писательницы и художницы Беатрикс Поттер (1866—1943).

⁶⁵ *Флэш Гордон* и *Бак Роджерс* — герои комиксов о межпланетных приключениях.

⁶⁶ *Джонсоны Мартин* и *Оса* — известные американские исследователи, писатели и продюсеры. Совершали экспедиции в страны Тихого океана и в Африку.

⁶⁷ *Пост Эмили* (1872—1960) — американская журналистка, автор книг, статей и радиопередач о правилах хорошего тона.

⁶⁸ *Фербенкс Дуглас* (1883—1939) — актер и продюсер, звезда Голливуда. Ампула — благородный рыцарь. Снялся в десятках фильмов.

⁶⁹ *Рэй Чарльз* (1891—1943) — выдающийся актер эпохи немого кино, играл благородных любовников.

⁷⁰ *Манджафоко* — главный злодей, директор кукольного театра.

⁷¹ *Пиноккио* — герой фильма У. Диснея по одноименной сказке итальянского писателя Коллоди (1826—1890).

⁷² *Гиш Лилиан* (1893—1993) — американская актриса немого кино.

⁷³ *Чейни Лон* (1883—1930) — звезда немого кино, играл роли злодеев, славился способностью к перевоплощению.

⁷⁴ *Пикфорд Мэри* (1893—1979) — киноактриса, в 1910—1920-х гг. — звезда немого кино, международную известность ей принесли роли скромных сентиментальных девушек, добродетель которых непременно вознаграждалась.

⁷⁵ *«Вурлитцер»* — музыкальный автомат, сопровождавший демонстрацию немых фильмов, названный по фамилии его создателя.

⁷⁶ *Фатти Арбакль* (1878—1933) — американский актер немого кино, снимался в амплуа комика-толстяка.

⁷⁷ *«Доктор Джекил и мистер Хайд»* — фильм снят по фантастической повести Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886) — о раздвоенности личности, сочетании доброго и порочного в одном человеке.

⁷⁸ *Вейдт Конрад* (1893—1943) — известный киноактер немецкого происхождения, покинул Германию в 1933 г. Его амплуа — элегантно-демонические роли.

⁷⁹ *«Я трепещу, чего-то ожидая» <...> Кто это сказал? Леди Макбет?* — Герой ошибается. Эти слова принадлежат королеве из трагедии Шекспира «Ричард II», действие II, сцена 2. Перевод М. Донского.

⁸⁰ *Стикс* — в древнегреческой мифологии подземная река, через которую перевозили души умерших.

⁸¹ *«Клуб Львов»* — общественная организация бизнесменов, клубов на службе общества, основана в 1917 г. Девиз: «Свобода, разум, безопасность страны».

⁸² *Эллис* — небольшой остров в заливе Аппер-Бей близ Нью-Йорка. С 1892 по 1943 г. — главный центр по приему иммигрантов в США.

⁸³ *Энчилада* — мексиканский пирожок-тортилья с начинкой из курицы, сыра, томатного соуса с перцем.

⁸⁴ *Конга* — танец африканского происхождения, популярный на Кубе и в странах Латинской Америки. Танцующие стоят друг за другом, образуя цепочку.

⁸⁵ *Чикано* — американец мексиканского происхождения, живущий в США.

⁸⁶ *«Дьюсенберг»* — марка дорогого автомобиля, выпускавшегося в США с 1918 по 1937 г.

⁸⁷ *Армстронг Роберт* — актер, игравший роль героя в первой версии фильма «Кинг-Конг» (1933).

⁸⁸ *Норма Десмонд* — героиня фильма «Бульвар Сансет» (1950), стареющая актриса, в прошлом звезда немого кино.

⁸⁹ *Пятое мая* — мексиканский праздник в честь победы мексиканской армии над французскими войсками Наполеона III 5 мая 1862 г.

⁹⁰ *Рио Рита* — героиня музыкального шоу.

⁹¹ *Монгольфье* — братья *Жозеф Мишель* (1740—1810) и *Жак Этьен* (1745—1799), изобретатели воздушного шара. Первый полет с людьми состоялся 21 ноября 1783 г. в Париже.

⁹² *Тифозная Мэри* — прозвище Мэри Маллон (1870—1938) — поварихи-ирландки. Работая во многих американских семьях, заразила брюшным тифом более пятидесяти человек. Была бациллоносителем, а сама обладала иммунитетом. Была предана суду и дважды содержалась в изоляции.

⁹³ *Бушман Френсис Ксавьер* (1883—1966) — американский актер, игравший героев-любовников, отличался мощным телосложением, служил моделью для скульпторов.

⁹⁴ *Микки-маусовы часы* — дешевые штампованные часы.

⁹⁵ *Лазарь* — по евангельской легенде, человек, воскрешенный Христом (Евангелие от Иоанна, 2).

⁹⁶ *Дзен* — течение буддизма, проповедь непосредственного действия, интуитивизма. С середины XX в. приобрело большую популярность в США.

⁹⁷ «*Нэнси Дрю и Парнишка Weltschmerz*» — героиня серии юношеских книг Эдварда Стратамейера (1863—1930), продолжения которых выходят до сего дня. Герой Брэдли шутя соединяет ее и «парнишку *Мировая Скорбь*».

⁹⁸ *Роммель Эрвин* (1891—1944) — немецкий фельдмаршал по прозвищу Лис Пустыни, во время Второй мировой войны командовал танковыми войсками в Северной Африке.

⁹⁹ *Калигула Цезарь* (12—41) — римский император, отличавшийся крайней жестокостью и безрассудством.

¹⁰⁰ *Кроуфорд Джоан* (1909—1977) — американская киноактриса, начинала карьеру, снимаясь в немом кино. Лауреат премии «Оскар» в 1945 г.

¹⁰¹ *Гарсон Грир* (1904—1996) — американская киноактриса на ампула добропорядочных американок.

¹⁰² ...дни отступления из Эль-Аламейна... — В октябре 1942 г. немецкие войска под командованием Роммеля были разгромлены в Египте британской армией, которой командовал генерал (позднее фельдмаршал) Монтгомери.

¹⁰³ *Медици* — флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии. К нему принадлежали французские королевы Екатерина и Мария, прославившиеся интригами и коварством.

¹⁰⁴ *Уорнер Х. Б.* (1876—1958) — английский актер, снимавшийся во множестве английских и американских фильмов.

¹⁰⁵ *Уэлэнд Уорнер* (1880—1938) — американский актер, играл характерные роли, в основном азиатов.

¹⁰⁶ *Бакстер Уорнер* (1891—1957) — популярный американский киногерой-романтик 30-х гг.

¹⁰⁷ *Нагель Конрад* (1896—1970) — американский киногерой 20—30-х гг.

¹⁰⁸ *Бэнки Вилма* (1898—1992) — американская актриса венгерского происхождения, ушла из кино, когда оно стало звуковым.

¹⁰⁹ *Барримор Джон* (1888—1942) — американский киноактер.

¹¹⁰ *Боу Клара* (1905—1963) — популярнейшая актриса американского немого кино.

¹¹¹ *Вагнер Рихард* (1813—1883) — немецкий композитор и дирижер. Реформатор оперы, новатор в области мелодики. Создавал оперы на сюжеты германской мифологии.

¹¹² *Каллиопа* — паровой орган, использовавшийся в США на ярмарках, в цирках, на каруселях.

¹¹³ *Адмирал Дениц* (1891—1980) — среди других военных преступников был осужден на Нюрнбергском процессе и приговорен к десяти годам лишения свободы.

¹¹⁴ *Безумный Отто Баварский* (принц Отто Баварский, 1848—1916) — брат баварского короля Людвига II, отстраненного в 1886 г. от управления страной из-за усилившегося душевного расстройства, страдая тем же заболеванием, тем не менее провел на престоле 1886—1913 гг.

¹¹⁵ *Кришнамурти* (1895—1986) — юноша-индус, воспитанием которого, будучи в Индии в 1910 г., занялась известная теософка — последовательница Блаватской англичанка Энни Безант (1847—1933), провозгласившая его Учителем Мира, новым Спасителем. В 1926—1927 гг. ездила с ним по Европе и Америке, однако Кришнамурти

воспротивился такому обожествлению и впоследствии стал популярным лектором.

¹¹⁶ *Макферсон Эйми Семпл* (1890—1944) — евангелистка, основавшая в Лос-Анджелесе «Международную церковь Истинного Евангелия». Участница множества судебных процессов и скандалов.

¹¹⁷ *Три Бирбом* (1853—1917) — английский актер и режиссер, постановщик шекспировских пьес.

¹¹⁸ *Рид Кэрол* (1906—1976) — знаменитый британский кинорежиссер, постановщик «Третьего человека» (1949) и «Оливера» (1968).

¹¹⁹ *Хаксли Олдос Леонард* (1894—1963) — английский писатель-модернист, автор интеллектуальных романов.

¹²⁰ *Антиной* — греческий юноша, любимец римского императора Адриана, обожествлен после смерти. Почитался образцом юношеской красоты.

¹²¹ *Ричард* — очевидно, имеется в виду герой трагедии Шекспира «Ричард III».

¹²² *Линдберг Чарлз Огастес* (1902—1974) — американский летчик, совершивший в 1927 г. первый беспосадочный перелет через Атлантику.

¹²³ *Тако* — мексиканская тортилья с начинкой из мяса, фасоли, сыра и острого соуса.

¹²⁴ *Дезинтегратор Бака Роджерса* — игрушка, представляющая собой фантастическое оружие из космических боевиков, бесплатно присылавшаяся отправителям определенного количества крышек от банок с овсяными и прочими хлопьями.

¹²⁵ «*Слишком хорошо стали смотреть за мной в последнее время*» — Шекспир. «Гамлет», акт II, сцена 2. Перевод Б. Пастернака.

¹²⁶ *Гарди Оливер* (1892—1957) и *Лорел Стэн* (1890—1965) — знаменитая голливудская комическая пара, мастера эксцентрических сценок.

¹²⁷ *Дэвис Бетти* (1908—1989) — выдающаяся драматическая киноактриса. Дважды лауреат премии «Оскар» — в 1935 и 1938 гг.

¹²⁸ *Хенрид Пол* (1908—1992) — австрийский актер, приехавший в США в 1940 г. Снимался в ролях европейских аристократов.

¹²⁹ *Дядюшка Уиггли* — кролик, герой детских рассказов Гаррис Хаярд (1873—1962).

¹³⁰ *Скизикс* и *Зимолубка* — герои комиксов Кинга Франка (1883—1969).

¹³¹ *Видор Кинг* (1894—1982) — режиссер и продюсер, лауреат премии «Оскар» 1978 г.

¹³² *Гарбо Грета* (1905—1990) — настоящее имя Грета Густавсон, шведка по происхождению, звезда американского немого кино 20—30-х гг. Ампула загадочных роковых женщин. Благодаря замкнутому образу жизни и обаянию созданных ею образов стала легендой.

¹³³ *Майер Луис Б.* (1885—1957) — один из основателей и совладельцев фирмы МГМ.

¹³⁴ *Джилберт Джон* (1895—1936) — киноактер на ампула героя-любовника.

¹³⁵ *Наварро Рамон* (1899—1968) — романтический идол Голливуда, снимался до начала 30-х гг.

¹³⁶ *Колман Рональд* (1891—1958) — американский актер английского происхождения. Снимался во многих фильмах, в частности в фильме «Потерянный горизонт» по роману Джона Хилтона (1900—1972), где рассказывается о поисках утопической страны *Шангри-Ла* — страны с идеальным общественным устройством.

¹³⁷ *Ламантин* — млекопитающее из отряда сирен или травоядных китов. Водятся у берегов Америки от Флориды до Бразилии, а также у берегов Африки. В силу своей малочисленности взяты в США под охрану.

¹³⁸ *Носферату* — человек-вампир, герой одноименного фильма Роберта Вине, поставленного в 1921 г. по мотивам «Дракулы» Брэма Стокера.

¹³⁹ *...больных дочерей Марка Твена...* — Две дочери Марка Твена скончались в молодости от тяжелых болезней.

¹⁴⁰ *Кауард Ноэль Пирс* (1899—1973) — английский актер, драматург, композитор. Автор оперетт, ревью, киносценариев, сочетающих в себе элементы комедии и мелодрамы.

¹⁴¹ *Нижинский Вацлав* (1889—1950) — русский артист балета, балетмейстер. С 1909 г. с труппой С. Дягилева танцевал в Париже.

¹⁴² *«Все страньше и страньше»* — цитата из сказки Л. Кэрролла (1832—1898) «Алиса в Стране чудес». Перевод Н. Демуровой.

¹⁴³ *Гриффит Дэвид Уорк* (1875—1948) — режиссер, классик мирового кино. Творчество Гриффита оказало большое влияние на развитие мирового киноискусства.

¹⁴⁴ *Роршаховский тест* — психологический тест, предложенный

в 1921 г. швейцарским психиатром Германом Роршахом для определения личностных особенностей пациента.

¹⁴⁵ *Братец Лис* и *Братец Кролик* — герои «Сказок дядюшки Римуса», созданных Джоэлем Чандлером Харрисом (1848—1908) по мотивам негритянского фольклора.

¹⁴⁶ «Когда вокруг один песок, и впрямь берет тоска»; «О, устрицы! — воскликнул Морж. — Прекрасный вид кругом! Бегите к нам! Поговорим, пройдемся бережком!» — цитаты из сказки Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». Перевод А. Щербакова.

¹⁴⁷ *Сартр Жан Поль* (1905—1980) — французский философ и писатель, глава французского экзистенциализма.

¹⁴⁸ *Румпельштильцхен* — герой одноименной сказки братьев Гримм, от ярости разорвавший себя пополам.

¹⁴⁹ «*Микадо*» (1885) — оперетта английского композитора Артура Салливана (1842—1900), либретто Уильяма Гильберта (1836—1911).

¹⁵⁰ *Грендель* — страшное чудовище, убитое Беовульфом, героем одноименной англосаксонской поэмы — древнейшего английского литературного памятника (около VIII в.).

**Кладбище
для безумцев:
Еще одна повесть
о двух городах**

*С любовью к живущим:
Сиду Стебелу, который показал мне,
как решить мою собственную загадку;
Александре, моей дочери,
которая прибирала за нами.*

*И ушедшим:
Федерико Феллини, Рубену Мамуляну,
Джорджу Кьюкору, Джону Хьюстону,
Биллу Сколлу, Фрицу Лангу,
Джеймсу Вонгу Хауи
и Джорджу Бернсу,
который сказал мне,
что я писатель,
когда мне было четырнадцать.*

*И еще
Рэю Харрихаузену¹,
по вполне понятным причинам.*

Жили-были два города внутри города: один светлый, другой темный. Один весь день в непрестанном движении, другой — всегда неподвижен. Один — теплый, наполненный изменчивыми огнями, другой — холодный, застывший под тяжестью камней. Но когда по вечерам над «Максимус филмз», городом живых, заходило солнце, он становился похож на расположенное напротив кладбище «Грин-Глейдс», город мертвых.

Когда гасли огни, и все замирало, и ветер, овевавший угловатые здания киностудии, становился холоднее, казалось, невероятная грусть пронеслась по сумеречным улицам — от ворот города живых к высокой кирпичной стене, разделявшей два города внутри города. И внезапно улицы наполнялись чем-то таким, что можно назвать не иначе как припоминанием. Ибо, когда люди уходят, остаются лишь архитектурные постройки, населенные призраками невероятных событий.

Да, это был самый безумный город в мире, где ничего не могло произойти и происходило все. Здесь убивали десять тысяч людей, а потом они вставали, смеясь, и спокойно расходились. Здесь поджигались и не сгорали целые дома. Выли сирены, мчались патрульные машины, их заносило на поворотах, а потом полицейские снимали синюю униформу, смывали кольдкремом сочно-оранжевый макияж и возвращались к себе, в маленький придорожный отель где-то там, в огромном и невероятно скучном мире.

Здесь бродили динозавры: вот они совсем крохотные — и вдруг уже пятидесятифутовые ящеры надвигаются на полураздетых дев, визжащих в унисон. Отсюда отправлялись воины в различные походы, чтобы в конце пути (чуть дальше по улице) сложить доспехи и копья в костюмерной «Вестерн костюком компани»². Здесь рубил головы Генрих VIII. Отсюда Дракула отправился бродить по свету

во плоти, чтоб вернуться во прахе. Здесь видны Стояния Крестного пути и остался след неиссякаемых потоков крови тех сценаристов, что, изнемогая, несли свой крест к Голгофе, сгибаясь под непосильной тяжестью поправок, а за ними по пятам гнались режиссеры с плеткой и монтажеры с острыми как бритва ножами. С этих башен правоверных мусульман призывали каждый день к послезакатной молитве, а из ворот с шелестом выезжали лимузины, где за каждым окном сидели безликие властители, и селяне отводили взгляд, боясь ослепнуть от их сияния.

Все это было наяву, и тем охотнее верилось, что с заходом солнца проснутся старые призраки, теплый город остынет и станет похож на дорожки по ту сторону стены, окруженные мраморными плитами. К полуночи, погрузившись в этот странный покой, рожденный холодом, ветром и далекими отзвуками церковных колоколов, два города наконец становились одним. И ночной сторож был единственным живым существом, бродившим от Индии до Франции, от канзасских прерий до нью-йоркских домов из песчаника, от Пиккадилли до Пяцца-ди-Спанья, за каких-то двадцать минут проделывая немислимые двадцать тысяч миль. А его двойник за стеной проводил свою рабочую ночь, бродя среди памятников, выхватывая фонарем из темноты всевозможных арктических ангелов, читая имена, как титры, на надгробиях, и садился полуночничать за чаем с останками кого-нибудь из «Кистонских полицейских»³. В четыре утра сторожа засыпают, и оба города, бережно свернутые, ждут, когда солнце взойдет над засохшими цветами, стертыми надгробиями и родиной индийских слонов: они готовы принять по воле Режиссера-Вседержителя и с благословения агентства «Сентрал кастинг» бесчисленные толпы народа.

Так было и в канун Дня всех святых 1954 года.

Хеллоуин.

Моя самая любимая ночь в году.

Если бы ее не было, я никогда не сел бы писать эту новую «Повесть о двух городах».

Как я мог устоять, когда холодный резец выгравировал на камне приглашение?

Как я мог не преклонить колено, не набрать в грудь побольше воздуха и не сдуть пыль с мраморной плиты?

Первым пришел...

В то утро после Хеллоуина я пришел на студию в семь утра.

Последним ушел...

Было почти десять вечера, когда я в последний раз совершал свой ночной обход, упиваясь простой, но невероятной мыслью, что наконец-то работаю там, где все ясно определено. Здесь все имело совершенно явное начало и четкий, необратимый конец. Там, за стенами съемочного павильона, я не слишком доверял жизни с ее пугающими сюрпризами и допотопными сюжетами. Здесь же, гуляя по аллеям на рассвете или на закате, я мог воображать, будто сам открываю и закрываю киностудию. Она принадлежала мне, ибо я так захотел.

Итак, я шагал по территории в полмили шириной и в милю глубиной, среди четырнадцати кинопавильонов и десяти открытых съемочных площадок, жертва собственного романтизма и безумной страсти к кино, которое укрощает жизнь, — а там, по ту сторону ажурных кованых ворот в испанском стиле, никто ее укротить не мог.

Час был поздний, но многие съемочные группы составили свое расписание так, чтобы закончить съемки в канун Дня всех святых, так что прощальные попойки в честь окончания съемок совпали на разных площадках. Из трех павильонов, распахнувших гигантские раздвижные ворота, гремел джаз, слышался смех, хлопали пробки от шампанского и доносились песни. Народ внутри, разодетый в киношные костюмы, приветствовал народ, ввалившийся снаружи в нарядах на Хеллоуин.

Я же никуда не входил, только лишь улыбался или смеялся, проходя мимо павильонов и площадок. В конце концов, раз уж я вообразил себя хозяином киностудии, то мог задержаться или уйти когда угодно.

Но стоило мне вновь ступить во тьму, и я чувствовал внутри себя какую-то дрожь. Моя любовь к кино началась много лет назад. словно Кинг-Конг, она обрушилась на меня, когда мне было тринадцать; и я так и не смог выбраться из-под этой гигантской туши, в которой билось сердце.

Каждое утро, когда я приходил на студию, она точно так же обрушивалась на меня. Несколько часов уходило на то, чтобы побороть ее чары, восстановить дыхание и приняться за работу. На закате волшебные чары снова опутывали меня; мне становилось трудно дышать. Я знал, что когда-нибудь, очень скоро, мне придется покинуть эти места, вырваться на волю, уйти и больше не возвращаться, иначе кино, как Кинг-Конг, вечно падающий точно на свою жертву, однажды прихлопнет меня насмерть.

Я как раз проходил мимо крайнего павильона, когда его стены в последний раз сотряслись от взрыва веселого смеха и грохота джазовых барабанов. Один из ассистентов оператора пронесся мимо меня на велосипеде; его багажная корзина была доверху наполнена кинопленкой, отправляющейся на вскрытие под нож монтажера, в чьей власти спасти картину либо похоронить ее навеки. Затем она попадет или в кинотеатры, или на полку с мертвыми фильмами, где не сгниет — всего лишь покроется пылью.

Где-то на Голливудских холмах церковные часы пробили десять. Я повернул и не спеша побрел к своей каморке в здании для сценаристов.

В кабинете меня ожидало приглашение стать безмозглым тупицей.

Нет, оно не было выгравировано на мраморной плите, а всего лишь аккуратно напечатано на хорошей почтовой бумаге.

Прочтя его, я сполз в кресло, лицо мое покрылось холодной испариной, рука порывалась схватить, скомкать и выбросить подальше этот листок.

Вот что в нем было:

«Грин-Глейдс-парк»,

Хеллоуин

Сегодня в полночь.

У дальней стены, в середине.

P. S. Вас ждет потрясающее открытие. Материал для бестселлера или отличного сценария. Не пропустите!

Вообще-то я совсем не храбрец. Я не вожу машину. Не летаю самолетами. До двадцати пяти лет боялся женщин. Ненавижу высоту; Эмпайр-стейт-билдинг⁴ — для меня суший кошмар. Меня

пугают лифты. Эскалаторы вызывают тревогу. Я разборчив в еде. Первый раз я попробовал стейк лишь в двадцать четыре года, а все детство провел на гамбургерах, бутербродах с ветчиной и пикулями, яйцах и томатном супе.

— «Грин-Глейдс-парк»! — произнес я вслух.

«Господи! — подумал я. — В полночь? Это я-то, которого лет в пятнадцать гоняла толпа уличных задир? Мальчик, спрятавшийся в объятиях брата, когда впервые смотрел «Призрак оперы?»»⁵

Да, он самый.

— Дурак! — завопил я.

И отправился на кладбище.

В полночь.

3

На выходе из студии я хотел было зайти в мужской туалет неподалеку от главных ворот, но затем повернул в другую сторону. От этого места я по давней привычке держался подальше: подземная пещера, где слышались звуки невидимых струй и торопливые всплески — словно шмыгнул проворный рак, — стоило лишь коснуться ручки и приоткрыть дверь. Я всегда останавливался, откашливался и медленно открывал дверь. И тогда дверцы кабинок начинали захлопываться то со стуком, то совсем тихо, а иногда с грохотом ружейного выстрела, словно те, кто обитал в этой пещере весь день и из-за вечеринок не прятался даже в этот поздний час, в панике разбегались кто куда, — и ты входил в тишину холодного кафеля и подземных течений, поскорее делал свои дела и выскакивал, не помыв рук, чтобы уже снаружи услышать, как неохотно просыпаются ловкие раки, с шорохом распахиваются двери и всплывают на поверхность пещерные жители, встревоженные и всполошенные, кто сильно, кто нет.

Итак, я повернул в другую сторону и, окликнув, нет ли кого внутри, нырнул в женский туалет напротив: холодное, отделанное чистым белым кафелем помещение, ни темной пещеры, ни шмыгающих существ, — а потом мигом вынырнул обратно, как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо шагает отряд прусской гвар-

дии, направляясь на вечеринку в десятом павильоне. Командир, светловолосый красавец с большими невинными глазами, покинул своих гвардейцев и, ничего не подозревая, пошел к мужской уборной.

«Больше никто его не увидит», — подумал я и заспешил прочь по улице. Была уже почти полночь.

Такси (оно мне не по карману, но не пойду же я в одиночку на кладбище, черт побери!) остановилось перед кладбищенскими воротами за три минуты до назначенного времени.

Долгих две минуты я прикидывал в уме количество склепов и могил, где около девяти тысяч мертвецов были на полной ставке у фирмы «Грин-Глейдс-парк».

Пятьдесят лет их складывали сюда, каждого в свое время. С тех самых пор, как владельцам строительной конторы Сэму Грину и Ральфу Глейду пришлось объявить о своем банкротстве, снять вывеску и занять участок надгробиями.

Понимая, что их имена неплохо сочетаются, обанкротившиеся строители одноэтажных коттеджей назвали новое дело просто «Грин-Глейдс-парк», и всех скелетов, выпавших из шкафов соседней киностудии, стали хоронить здесь, на этом кладбище.

Поговаривали, что киношники, замешанные в их темной афере с недвижимостью, вложились в дело: взамен два джентльмена будто бы соглашались держать язык за зубами. Все слухи, пересуды, грехи и старые делишки были похоронены в первой же могиле.

И вот, сжав колени и стиснув зубы, я сидел, уставившись на маячившую вдалеке стену, за которой я насчитал шесть мирных, теплых, прекрасных павильонов, где завершались последние хеллоуинские пирушки, заканчивались последние вечеринки, затихала музыка и хорошие парни вместе с плохими направлялись домой.

И пока я глядел на отсветы автомобильных фар, пляшущие на высоченных стенах павильонов, воображая себе все эти бесконечные прощания — «пока», «доброй ночи», — мне вдруг так захотелось быть вместе с ними, плохими и хорошими, и ехать неизвестно куда: лучше уж неизвестность, чем это.

На кладбище часы пробили полночь.

— Ну что? — раздался чей-то голос.

Мой взгляд словно отскочил от стены киностудии и остановился на стриженной голове шофера такси.

Тот пристально всматривался сквозь железную решетку, высасывая аромат из мятной жвачки, прилепленной к зубам. Ворота дребезжали от ветра, вдали замирало эхо башенных часов.

— Ну и кто пойдет открывать ворота? — спросил шофер.

— Я?! — в ужасе переспросил я.

— Сам напросился.

После долгих колебаний я все же заставил себя взяться рукой за ворота: к моему удивлению, они оказались незапертыми, и я распахнул их настежь.

Я повел за собой машину, как старик, ведущий под уздцы смертельно усталую и перепуганную лошадь. Такси неустанно что-то бормотало вполголоса, но все без толку, а шофер вторил шепотом:

— Черт, черт! Если что-то пойдет в нашу сторону, не думай, я здесь не останусь.

— Ничего, я тоже здесь не останусь. Вперед!

По обе стороны гравийной дорожки виднелось множество белых силуэтов. Я услышал чей-то призрачный вздох, но это было всего лишь мое дыхание: легкие пыхтели, как кузнечные мехи, пытаясь раздуть в груди хоть какую-то искру.

На голову мне упали несколько капель дождя.

— Боже, — прошептал я. — И зонтика нет.

«Какого лешего я здесь делаю?» — пронеслось в моей голове.

Каждый раз, пересматривая старые фильмы ужасов, я смеялся над тем, как парень выходит поздно ночью на улицу, хотя надо было остаться дома. Или над тем, как женщина делает то же самое, хлопая большими невинными глазами и надевая туфли на шпильках, в которых на бегу только спотыкаешься. Но вот и со мной случилось то же самое, и все из-за этой дурацкой соблазнительной записки.

— Все! — прокричал таксист. — Дальше не поеду!

— Трус! — крикнул я.

— Ага! Я подожду здесь!

И вот я уже шагаю к дальней стене, дождь льет как из ведра, заливая лицо и пожар проклятий. клопочуший в моем горле.

Фары такси давали достаточно света, чтобы разглядеть лестницу, прислоненную к задней ограде кладбища: по ней можно было забраться и попасть на натурные площадки «Максимус филмз».

Я остановился у подножия и стал вглядываться вверх сквозь холодную морось.

Там, наверху, стоял человек. Он словно собирался перелезть через стену.

Но его фигура застыла, точно вспышка молнии выхватила ее и навсегда запечатлела на бледно-голубой эмульсии киноплетки: голова была наклонена вперед, как у бегуна-рекордсмена, а тело согнулось так, будто он готов был перевалиться через стену и сорваться вниз, на территорию «Максимус филмз».

Однако человек, словно статуя, не менял этой нелепой позы.

Я хотел было окликнуть его, но тут понял, почему он молчит, почему он так неподвижен.

Человек на лестнице то ли умирал, то ли был мертв.

Он пришел сюда, преследуемый тьмой, забрался на лестницу и окаменел при виде... чего? Может, что-то у него за спиной заставило его замереть от ужаса? Или — еще хуже — что-то за стеной, в темноте студии?

Дождь поливал белые камни надгробий.

Я слегка подергал лестницу.

— Господи! — вскричал я.

Потому что старик на вершине лестницы вдруг свалился вниз.

Я отскочил и бросился на землю.

Он упал между надгробиями, как десятитонный свинцовый метеор. Я поднялся на ноги и склонился над ним, уже не слыша ни грохота в своей груди, ни шелеста дождя, омывавшего каменные плиты и тело покойного.

Я вгляделся в его лицо.

Ответом был взгляд водянистых, бесцветных глаз.

— Почему ты смотришь на меня? — спросил он молча.

«Потому, — подумал я, — что я тебя узнал!»

Лицо его было белым, как надгробные камни.

«Джеймс Чарльз Арбутнот, бывший глава «Максимус филмз», — подумал я.

— Да, — прошептал он.

«Но, но, — беззвучно кричал я, — в последний раз я видел тебя в тринадцать лет, я катался на роликах напротив твоей студии в ту самую неделю, когда ты погиб, двадцать лет назад; потом появились дюжины фотографий — две разбитые машины, врезавшиеся в телефонный столб, страшные, искореженные обломки, окровавленная мостовая, изуродованные тела; а после этого были два дня с сотнями других фотографий — тысячи людей, пришедших на твои похороны, миллион цветов, нью-йоркские боссы, утирающие непритворные слезы, и мокрые глаза за двумя сотнями темных очков, когда актеры без улыбки выходили из машин. Да, это стало большой утратой для всех. А эти последние фото искореженных машин на бульваре Санта-Моника, а газеты, которые неделями не могли забыть о тебе, а радио, где непрестанно пели тебе хвалы и не прощали короля за то, что он ушел навсегда! И все это, Джеймс Чарльз Арбутнот, все это ты.

Не может быть! Это невозможно! — почти кричал я. — Ты, здесь, сейчас, на стене? Кто тебя туда заташил? Тебя что, можно убивать много раз?»

Сверкнула молния. Удар грома обрушился, словно хлопнула гигантская дверь. Дождь поливал лицо мертвеца, капли-слезы текли из глаз. Открытый рот заполнялся водой.

Я закричал и опрометью бросился прочь.

Добежав до такси, я понял, что сердце мое осталось там, возле тела.

Теперь оно гналось за мной. Оно настигло меня, как пуля, попавшая в печень, и припечатало к кузову машины.

Шофер тревожно вглядывался в темноту аллеи позади меня, где дождь барабанил по тротуару.

— Там кто-нибудь есть? — крикнул я.

— Нет!

— Слава богу. Сматываемся!

Мотор никак не отзывался.

У нас обоих вырвался стон отчаяния.

Повинуясь страху, мотор все-таки завелся.

Не так уж просто ехать задним ходом со скоростью шестьдесят миль в час.

Нам это удалось.

Полночи я просидел, оглядывая свою обыкновенную гостиную с обыкновенной мебелью в маленьком домике на самой заурядной улице, в тихом квартале. После трех чашек горячего какао мне по-прежнему было холодно, я дрожал; на стене мое воображение рисовало мрачные картины.

«Люди не умирают дважды! — думал я. — Человек, который там, на лестнице, хватался руками за ночной ветер, не мог быть Джеймсом Чарльзом Арбутнотом. Трупы разлагаются. Трупы исчезают».

Я вспомнил, как однажды в 1934 году Арбутнот вышел из своего лимузина перед воротами студии, и тут я подкатился к нему на роликах, потерял равновесие и упал прямо в его объятия. Он, смеясь, помог мне удержаться на ногах, подписал книгу, ушибнул за щеку и прошел через ворота.

И вот теперь — Господи Иисусе! — этот человек, давно затерянный в прошлом, падает откуда-то с высоты вместе с холодным дождем на кладбищенский газон.

Мне уже мерещилось, будто я слышу голоса и читаю заголовки:

ДЖЕЙМС ЧАРЛЬЗ АРБУТНОТ УМЕР И ВОСКРЕС.

— Нет! — сказал я, обращаясь к белому потолку, где шуршал дождь и падал человек. — Это был не он. Все это ложь!

«Подожди до утра», — произнес чей-то голос.

Утро не принесло ясности.

В радио- и теленовостях не промелькнуло никаких мертвых тел.

Газеты пестрели сообщениями об автомобильных авариях и антинаркотических рейдах. Об Арбутноте ни слова.

Я рассеянно вышел из дома и пошел на задний двор, в гараж, забитый игрушками и старыми журналами об открытиях

и изобретениях. Никакой машины, только подержанный велосипед.

Я проехал уже полпути до студии и вдруг понял, что не могу вспомнить ни одного перекрестка, через которые промчался вслепую. Вздрыгнув от ужаса, я свалился с велосипеда.

Огненно-красный родстер со сложенным верхом, поравнявшись со мной, затормозил так резко, что запахло паленой резиной.

Водитель в бейсболке, надетой козырьком назад, явно мчался на полном газу. Он рассматривал меня сквозь ветровое стекло: один глаз ярко-голубой, другой не виден из-за моногля, словно всаженного в глазницу и сверкавшего искрами на солнце.

— Эй ты, чертов сукин сын придурочный, здорово! — крикнул он, по-немецки растягивая гласные.

Велосипед чуть не выпал у меня из рук. Я видел этот профиль на старинных монетах, когда мне было лет двенадцать. Это был то ли воскресший Цезарь, то ли германец, верховный понтифик Священной Римской империи. Мое сердце колотилось так, что в легких не осталось места для воздуха.

— Не слышу! — крикнул он. — Говори!

— Здорово, — услышал я собственные слова, — чертов придурочный сукин сын. Ты Фриц Вонг? Родился в Шанхае, отец китаец, мать австрийка, рос в Гонконге, Бомбее, Лондоне и дюжине городов Германии. Сбежал из дома, бродяжничал, потом работал монтажером, потом сценаристом, потом оператором на студии UFA⁶, потом режиссером в разных уголках мира. Фриц Вонг, потрясающий режиссер, снявший великий фильм немого кино «Песнь Кавальканти». Парень, который устанавливал планку голливудского кино с тысяча девятьсот двадцать пятого по тысяча девятьсот двадцать седьмой год и которого вышвырнули вон за сцену в одном фильме, где ты лично снялся в роли прусского генерала: эпизод, где он вдыхает запах нижнего белья Герты Фрелих. Всемирно известный режиссер, который вернулся в Берлин, а затем бежал от Гитлера, режиссер, снявший «Безумную любовь», «Иступление», «Путешествие на Луну и обратно»...

С каждым моим словом его голова поворачивалась на четверть дюйма, в то время как рот расплывался в улыбке ярмарочного Петрушки. Монокль вспыхивал, сигналив морзянкой.

Из-за монокла иногда выглядывал краешек восточного глаза. Я думал, что левый глаз был Пекином, а правый — Берлином, но нет. Восточный казался больше лишь благодаря увеличительному стеклу монокла. Лоб и скулы являли непобедимый оплот тевтонской самоуверенности, крепость, способную простоять две тысячи лет или до тех пор, пока не расторгнут контракт.

— Как ты меня назвал? — необычайно любезно спросил он.

— А ты как меня назвал? — тихо отозвался я. — Чертов придурочный. — Я вздохнул. — Сукин сын.

Он кивнул. Улыбнулся. И распахнул передо мной дверцу машины:

— Залезай!

— Но ты же меня...

— ...совсем не знаю? Неужели ты думаешь, я разъезжаю по улицам и подвожу каждого безмозглого велосипедиста? По-твоему, я не видел, как ты шныряешь по павильонам, делая вид, будто ты Белый Кролик на столовской кухне? Ты же этот... — он прищелкнул пальцами, — побочный сын Эдгара Райса Берроуза и Владыки Марса⁷, незаконный отпрыск Герберта Уэллса, который произошел от Жюля Верна. Закидывай свой велик. Мы опаздываем!

Я запихнул велосипед на заднее сиденье и едва успел сесть в машину, как она рванула с места на скорости пятьдесят миль в час.

— Кто знает? — орал Фриц Вонг, перекрикивая рев мотора. — Мы оба ненормальные, раз работаем там, где работаем. Но ты счастливчик, ты все еще любишь это дело.

— А ты разве нет? — спросил я.

— Помоги, Господи, — пробормотал он. — Да!

Я не мог оторвать взгляд от Фрица Вонга: он склонился над рулем, подставляя ветру лицо.

— Ты самый тупой придурок, какого я встречал! — кричал он. — Хочешь попасть под колеса? Ты что, не умеешь водить машину? А что у тебя за велосипед? Это твой первый сценарий в кино? Как ты можешь писать такую галиматью? Почему бы не почитать Томаса Манна, Гёте?

— Томас Манн и Гёте, — спокойно объяснил я, — не сумели бы написать мало-мальски приличный сценарий. «Смерть в Венеции»⁸ — да. «Фауста»? Легко. Но хороший сценарий? Или ко-

роткий рассказ вроде тех, что пишу я: описать высадку на Луну и заставить тебя поверить в это? Черта с два! А как ты можешь вести машину с этим моноклем?

— Не твое собачье дело! Лучше ничего не видеть. Посмотри ближе на козла, что едет впереди, и захочешь врезаться ему в задницу! Дай-ка поглядеть тебе в лицо. Ты меня одобряешь?

— По-моему, ты классный!

— Бог мой! Да для тебя, похоже, все, что скажет великий и могучий Вонг, — как Библия. Как вышло, что ты не водишь машину?

Мы оба старались перекричать ветер, который бил нам в глаза и трепал губы.

— Писатель не в состоянии купить себе машину! К тому же, когда мне было пятнадцать, я видел пятерых погибших людей, разорванных в клочья. Машина врезалась в телефонный столб.

Фриц взглянул на мое побелевшее при воспоминании лицо.

— Как на войне, да? А ты не такой уж тупой. Я слышал, тебе дали работу в новом проекте с Роем Холдстромом? Спецэффекты? Здорово. Терпеть не могу условностей.

— Мы дружили еще в школе. Я смотрел, как он лепит крохотных динозавров в гараже. Мы пообещали друг другу, что, когда вырастем, будем вместе создавать чудовищ.

— Нет, — кричал Фриц Вонг сквозь ветер, — ты их не создаешь, ты на них работаешь! Вот Мэнни Либер. Ящерница-ядозуб, которой мерещится паук. Берегись! Это настоящий зверинец!

Он кивнул собирателям автографов, стоявшим на другой стороне улицы, напротив ворот студии.

Я тоже посмотрел туда. Внезапно душа моя покинула тело и мгновенно перенесла меня в прошлое. Шел 1934 год, я толкался и давился в толпе страждущих, которые размахивали блокнотами и ручками, шныряли под «солнечными» прожекторами на премьерных показах, подлавливали Марлен Дитрих у ее парикмахера, охотились за Кэри Грантом во время боксерских матчей по средам на стадионе «Лиджен», ждали у дверей ресторана, пока Джин Харлоу закончит свой более чем трехчасовой обед или когда Клодетт Кольбер, смеясь, выйдет в полночь.

Я окинул взглядом толпу безумцев и снова увидел бульдожьих носы, сплюснутые мордочки, бледные близорукие лица безымянных друзей откуда-то из прошлого, стоящих перед величест-

венным, в стиле испанского музея Прадо, фасадом киностудии «Максимус», чьи тридцатифутовые ажурные чугунные ворота открывались и с лязгом захлопывались за спиной недосягаемых знаменитостей. Я представил себя, затерянного в этом гнездове голодных птиц, жадно разинувших клювы в ожидании пищи: мимолетных встреч, фотовспышек, росчерков в блокнотах. Солнце скатилось за горизонт, в памяти моей взошла луна, и я увидел, как еду на роликах все девять миль до дома по пустынным тротуарам, мечтая, что когда-нибудь стану величайшим в мире писателем или наемным сценаристом где-нибудь на «Шиш-под-Нос пикчерз».

— Зверинец? — пробормотал я. — Вот так, значит?

— А это их зоопарк! — продолжил Фриц Вонг.

И, ворвавшись в ворота студии, мы поехали, раздвигая толпу прибывающих людей, статистов и администраторов. Фриц Вонг направился напрямик под знак «Стоянка запрещена».

Я вышел из машины и спросил:

— Какая разница между зверинцем и зоопарком?

— Здесь, в зоопарке, за решеткой нас держат деньги. А там, в зверинце, болванов держат под замком их глупые мечты.

— Когда-то я был одним из них и мечтал оказаться по ту сторону, в стенах киностудии.

— Глупец. Теперь тебе уже отсюда не выбраться.

— Еще как выберусь. Я только что закончил новый сборник рассказов и пьесу. Мое имя будут помнить!

— Не стоило мне этого говорить. — Монокль Фрица блеснул. — Мое презрение может улетучиться.

— Насколько я знаю Фрица Вонга, через тридцать секунд оно вернется.

Фриц наблюдал, как я вытаскиваю из машины свой велосипед.

— Мне кажется, ты почти немец.

Я сел на велосипед.

— Ты меня оскорбляешь.

— Ты со всеми так разговариваешь?

— Нет, только с Фридрихом Великим, мне не нравятся его манеры, но я обожаю его фильмы.

Фриц Вонг вывинтил из глаза монокль и опустил в нагрудный карман рубашки — словно бросил монету, чтобы запустить какой-то внутренний автомат.

— Я наблюдал за тобой несколько дней, — нараспев произнес он. — Во время припадков безумия я читал твои рассказы. Ты не лишен таланта, а я мог бы отполировать его до блеска. Сейчас я работаю — помоги мне Бог — над совершенно безнадежной картиной об Иисусе Христе, Ироде Антипе и всех этих безмозглых апостолах. Предыдущий режиссер-алкаш, который не способен руководить даже детсадом, потратил на фильм девять миллионов долларов. Меня выбрали ликвидатором. Ты христианин, или как?

— Отступник.

— Отлично! Не удивляйся, если по моей милости тебя вышибут из твоего дурацкого сериала с динозаврами. Если сможешь помочь мне спасти от тлена этот ужастик про Христа, для тебя это будет ступенькой наверх. Принцип Лазаря! Если ты работаешь над дохлой курицей и выводишь ее вон из киношного склепа, то зарабатываешь очки. Я еще несколько дней понаблюдаю за тобой и почитаю, что ты пишешь. Появись сегодня ровно в час в студийной столовке. Ешь то, что ем я, говори, когда к тебе обращаются, понял, талантливый маленький ублюдок?

— Так точно, *Unterseeboot Kapitän**. Будет сделано, господин большой ублюдок.

Когда я отъезжал, он подтолкнул меня. Не сильно — просто своей рукой старого философа помог тронуться с места.

Я не обернулся.

Боялся, что, оглянувшись, увижу его.

6

— Боже правый! — сказал я себе. — Из-за него я чуть не забыл! Прошлая ночь. Холодный дождь. Высокая стена. Труп.

Я припарковал велосипед возле павильона 13.

Полицейский из охраны студии, проходя мимо, спросил:

— У вас есть разрешение на парковку здесь? Это место Сэма Шёнбродера. Позвоните в администрацию.

— Разрешение! — закричал я. — Черт подери! Для велосипеда?

* Капитан подводной лодки (нем.).

Гремя великом, я прошел через огромные двойные двери с тамбуром и попал в темноту павильона.

— Рой?! — крикнул я.

Тишина.

Я огляделся в крошечной тьме среди свалки игрушек Роя Холдстрема.

Точно такая же, но поменьше, была у меня в гараже.

Павильон 13 был усыпан игрушками трехлетнего Роя, книжками пятилетнего Роя, наборами фокусника восьмилетнего Роя, наборами для электрических и химических опытов девяти- и десятилетнего Роя, вырезками из воскресных комиксов одиннадцатилетнего Роя, а еще фигурками Кинг-Конга, сделанными в 1933 году, когда Рою исполнилось тринадцать и за две недели он посмотрел гигантскую обезьяну пятьдесят раз.

Руки у меня так и зачесались. Здесь валялись копеечные магнето, гироскопы, оловянные паровозики, наборы фокусника, заставляющие ребятишек скрипеть зубами и мечтать об ограблении магазина. Здесь лежало мое собственное лицо — прижизненная маска, снятая Роем: он смазал мне лицо вазелином и чуть не задушил под слоем гипса. И дюжина раскиданных везде слепков его собственного профиля — прекрасного, ястребиного, — а еще черепа и скелеты в полный рост, рассованные по углам или сидящие на садовых стульях, — в общем, все, чтобы Рой чувствовал себя как дома в этом павильоне, таком огромном, что через его ворота, словно в шлюз космодрома, можно было заташить «Титаник» и еще осталось бы место для фрегата «Олд-Айронсайд»⁹.

Одну из стен Рой сплошь заклеил огромными рекламными плакатами и постерами из «Затерянного мира», «Кинг-Конга» и «Сына Кинг-Конга», а также «Дракулы» и «Франкенштейна». В апельсиновых ящиках посреди этой «вулвортовской» барачки лежали скульптурные изваяния Карлоффа и Лугоши. На рабочем столе — три оригинальных шарнирных макета динозавров, подаренных создателями «Затерянного мира»: резиновая плоть старых чудовищ давно расплавилась, обнажив металлический костяк.

Так что павильон 13 был одновременно магазином игрушек, сундуком с чудесами, саквояжем волшебника, мастерской фокус-

ника и неосязаемым вместилищем снов, посреди которого ежедневно стоял Рой и своими длинными музыкальными пальцами подавал сигналы мифическим существам, чтобы шепотом пробудить их от сна, длившегося десять миллиардов лет.

И вот я осторожно пробираюсь через эту свалку, через эту кучу хламья, порожденного ненасытной страстью ко всяким механизмам, жадной привязанностью к игрушкам и любовью к гигантским прожорливым монстрам, отрубленным головам и темным размотанным мумиям Тутанхамонов.

Повсюду лежали огромные брезентовые тенты, под которыми Рой до поры скрывал свои творения. Я не осмелился заглянуть под них.

Посредине всего этого стоял скелет, держа в поднятой руке записку. Она гласила:

КАРЛ ДЕНЕМ!¹⁰

(Так звали продюсера «Кинг-Конга».)

ГОРОДА МИРА, УЖЕ ГОТОВЫЕ, ЛЕЖАТ ЗДЕСЬ, ПОД ТЕНТОМ, И ЖДУТ, КОГДА ИХ ОТКРОЮТ. НЕ ТРОГАЙ. СПЕРВА НАЙДИ МЕНЯ.

ТОМАС ВУЛФ НЕ ПРАВ. ДОМОЙ ВОЗВРАТ ЕСТЬ. ПОВЕРНИ НАЛЕВО ОТ СТОЛЯРКИ, ВТОРАЯ НАТУРНАЯ ПЛОЩАДКА СПРАВА. ТВОИ БАБУШКА С ДЕДУШКОЙ ЖДУТ ТЕБЯ ТАМ! ИДИ И ВЗГЛЯНИ! РОЙ.

Я посмотрел на брезентовые тенты вокруг. Торжественное открытие! Ну конечно!

Я бежал и думал: «Что он имел в виду? Мои бабушка с дедушкой? Ждут?» Я замедлил бег и начал глубоко вдыхать свежий воздух, пахнувший дубами, вязами и кленами.

Ибо Рой был прав.

Домой возврат есть.

Перед второй натурной площадкой стояла табличка: «Форестплейнс», но это был Гринтаун, город, где я родился и вырос на хлебе, зревшем всю зиму за брюхатой печью, и вине, бродившем там же на исходе лета, и кирпичи, осыпаясь, падали в эту самую печь, как железные зубы, задолго до прихода весны.

Я пошел не по тротуарам, а по траве, радуясь, что у меня есть такой друг, как Рой, который знал о моей давней мечте и позвал меня посмотреть на нее.

Я прошел мимо трех белых домиков, где в 1931 году жили мои друзья, свернул за угол и остановился, потрясенный.

На пыльной кирпичной дороге стоял старый отцовский «Бьюик» 1929 года; на нем в 1933-м мы отправимся на Запад. Он стоял, тихо ржавея: фары потрескались, кожух радиатора облупился, сам радиатор был, как пчелиными сотами, облеплен мотыльками, желтыми и голубыми крыльями бабочек — мозаикой давно ушедших летних дней.

Я наклонился и заглянул внутрь, чтобы дрожащей рукой погладить колючий ворс подушек на заднем сиденье, где мы с братом толкались локтями и орали друг на друга, проезжая через Миссури, Канзас, Оклахому и...

Это не была отцовская машина. Но это была она.

Я поднял глаза и увидел перед собой девятое и величайшее из чудес света.

Дом моих бабушки с дедушкой, терраса, качели, герань в розовых горшках вдоль ограды, папоротники, торчащие повсюду зелеными фонтанчиками, и просторная лужайка, похожая на зеленую кошачью шкуру, так густо усеянная клевером и одуванчиками, что хотелось сбросить ботинки и пробежаться босиком по всем этим коврам. И...

Высокое сводчатое окно комнаты, где я когда-то спал, а потом, проснувшись, выглядывал наружу и видел зеленые луга и зеленый мир.

На летних садовых качелях, тихо покачиваясь вперед-назад, растопырив на коленях ладони с длинными пальцами, сидел мой лучший друг...

Рой Холдстром.

Он тихо скользил, затерявшись, как и я, в каком-то из летних полдней давно ушедших времен.

Увидев меня, Рой поднял свои длинные журавлиные руки и развел ими вправо и влево, охватив лужайку, деревья, себя, меня.

— Господи, — прокричал он, — разве это не... счастье?

Рой Холдстром с двенадцати лет мастерил в гараже динозавров. В фильме, снятом на восьмимиллиметровой пленке, динозавры гонялись за его отцом и потом сожрали его целиком. Позже, когда Рою было уже двадцать, он возил своих динозавров по студиям-однодневкам и начал снимать малобюджетные фильмы в жанре «затерянных миров», они-то его и прославили. Динозавры настолько заполнили его жизнь, что друзья забеспокоились и попытались подыскать Рою хорошую девушку, которая бы поладила с его чудовищами. Ищут до сих пор.

Я поднялся по ступеням крыльца, вспоминая тот особенный вечер, когда Рой взял меня на оперу «Зигфрид» в зале «Шрайн»¹¹.

— Кто поет? — спросил я.

— К черту пение! — вскричал Рой. — Мы идем смотреть дракона!

Что ж, музыка была изумительная. Но дракон? Убейте тенора. Потушите огни.

Наши места были так далеко от сцены, что — увы! — я видел только левую ноздрю дракона Фафнира! Рой же не видел ничего, кроме огромных огненных клубов, которые невидимое чудовище извергало из своих ноздрей, чтобы уничтожить Зигфрида.

— Проклятье! — шептал Рой.

Фафнир погиб, волшебный меч глубоко вонзился в его сердце. Зигфрид издал победный клич. Рой вскочил на ноги, проклиная спектакль, и выбежал из зала.

Я нашел его в фойе, он бормотал себе под нос:

— Вот это Фафнир! Господи! Ты видел?!

Когда мы вылетели в темноту на улицу, Зигфрид все еще завывал о жизни, любви и кровавой резне.

— Вот несчастные идиоты, эти зрители, — сказал Рой. — Еще два часа сидеть там без Фафнира!

И вот теперь он тихо качался на невесомо скользящих качелях, на террасе, затерявшейся во времени, но всплывшей вновь из глубины лет.

— Эй! — счастливо прокричал он. — Ну как? Точно дом моей бабушки!

— Нет, моей!

— Наших!

Рой рассмеялся, по-настоящему счастливый, и протянул мне пухлую книгу Вулфа «Домой возврата нет».

— Он не прав, — тихо произнес Рой.

— Да, — сказал я, — мы дома, ей-богу!

Я осекся. Ибо там, за зелеными лугами съёмочной площадки, я увидел высокую стену между киностудией и кладбищем. Видение мертвеца на садовой лестнице стояло у меня перед глазами, но я пока не был готов заговорить о нем. Вместо этого я спросил:

— Как поживает твое чудовище? Ты его нашел?

— А твое-то чудовище где?

И так уже много дней подряд.

Нас с Роем пригласили, чтобы мы рисовали чертежи и создавали чудовищ, чтобы наши метеориты падали из космоса, а из темных заводей появлялись гуманоиды, роняя капли смолы с незатейливых пластмассовых челюстей.

Сначала наняли Роя, потому что он был продвинут в техническом плане. Его птеродактили, как живые, летали в доисторических небесах. Его бронтозавры сами, словно горы, шли к Магомету.

А потом кто-то прочел два-три десятка моих «жутких историй» в журнале «Уиэрд тейлз»¹² — рассказов, которые я писал с двенадцати лет, а в двадцать один начал продавать палп-журналам, — и нанял меня, чтобы «создавать сюжет» для чудовищ Роя; от этого предложения у меня участилось дыхание, ибо я, когда с билетом, когда без, на своем веку посмотрел около девяти тысяч фильмов и полжизни только и ждал, чтобы кто-нибудь нажал на курок и дал старт моему безудержному забегу в мир кино.

— Я хочу то, чего никто раньше не видел! — заявил мне Мэнни Либер в первый же день. — Нечто трехмерное, огненное, падающее на Землю. Какой-нибудь метеор...

— Где-нибудь в районе Метеоритного кратера в Аризоне... — вставил я. — Он там уже миллион лет. Отличное место для нового метеора: он врежется в землю и...

— Оттуда появляется наш новый монстр! — воскликнул Мэнни.

— Мы вправду видим его? — спросил я.

— Что ты хочешь сказать? Мы должны его видеть!

— Да, но вспомните фильм «Человек-леопард»!¹³ Страх нагнетается ночными тенями, чем-то невидимым. А как насчет «Острова мертвых»? Женщина вроде мертва, но на самом деле находится в кататоническом ступоре, потом она просыпается и видит, что погребена в могиле.

— Это все для радиоспектаклей! — заорал Мэнни Либер. — Черт побери, люди хотят видеть то, что их пугает...

— Не хочу с вами спорить...

— И не спорь! — Мэнни бросил на меня огненный взгляд. — Выдай мне десять страниц, чтоб поджилки тряслись! А ты, — указал он на Роя, — все, что он напишет, склеивай какашками динозавров! Все, проваливайте! И чтобы в три утра ваши кривые рожи отразились в зеркале у меня в кабинете!

— Есть! — рывкнули мы.

Дверь за нами захлопнулась.

Выйдя на солнышко, мы с Роем, моргая, смотрели друг на друга.

— Опять влипли, Стэнли!

И с громким хохотом отправились работать.

Я написал десять страниц, оставив место для монстров. Рой шлепнул на стол тридцать фунтов сырой глины и затанцевал во-круг, похлопывая и придавая ей форму, в надежде, что монстр сам возникнет, словно пузырь из доисторического болота, а потом обрушится, со свистом выпуская сернистый газ, — и вот он, настоящий ужас.

Рой прочел мои десять страниц.

— Ну и где твое чудовище?

Я взглянул на его руки, пустые, хотя и покрытые кроваво-красной глиной.

— А где твое? — спросил я.

И вот теперь, три недели спустя, чудовище было здесь.

— Эй, — сказал Рой, — чего ты на меня уставился? Подойди, возьми пончик, сядь, скажи что-нибудь.

Я подошел, взял у него пончик и сел на качели, плавно уносясь то вперед, в будущее, то назад, в прошлое. Вперед — к ракетам и Марсу. Назад — к динозаврам и ископаемым.

И вездесущим, безликим чудовищам.

— Для человека, который обычно говорит со скоростью девяносто миль в минуту, — сказал Рой Холдстром, — ты чертовски молчалив.

— Мне страшно, — сказал я наконец.

— Так, черт побери. — Рой остановил нашу машину времени. — Говори, о всемогущий.

Я заговорил.

Я воздвиг стену, подгащил лестницу, поднял на нее мертвое тело, добавил холодный дождь, а затем вызвал разряд молнии, который ударил в мертвеца, и тот упал наземь. Когда я закончил и капли дождя высохли у меня на лбу, я протянул Рою печатный листок с хеллоуинским приглашением.

Рой пробежал его глазами, бросил на пол веранды и придавил ногой.

— Чьи-то шуточки!

— Конечно. Только... дома мне пришлось сжечь свои подштанники.

Рой поднял записку и перечел, а затем устремил взгляд в сторону кладбищенской ограды.

— Зачем кому-то это посылать?

— Ага. Тем более что на студии мало кто вообще знает о моем существовании!

— Но черт возьми, это же была ночь Хеллоуина. Однако какая изощренная шутка: поставить мертвеца на лестницу. Погоди, а что, если тебе было сказано прийти в полночь, а другим — в восемь, в девять, в десять и в одиннадцать? Напугать всех по очереди! Тогда это имеет смысл!

— Только при условии, что все это придумал ты!

Рой резко повернулся ко мне:

— Уж не думаешь ли ты, что...

— Нет. Да. Нет.

— Тогда кто?

— Помнишь тот Хеллоуин? Нам было по девятнадцать, и мы пошли в «Парамаунт»¹⁴ на Боба Хоупа в фильме «Кот и канарейка», и тут девушка, сидевшая впереди нас, вдруг закричала. Я огляделся, смотрю, а ты сидишь в резиновой маске вампира.

— Ага! — засмеялся Рой.

— А помнишь, как ты позвонил мне и сказал, что наш лучший друг, старина Ральф Кортни, умер? Ты попросил меня прийти и сказал, что он лежит у тебя дома, но все оказалось шуткой: ты хотел уговорить Ральфа напудрить лицо белой пудрой, лечь и притвориться мертвым, а потом встать, когда я приду. Помнишь?

— Угу. — Рой снова засмеялся.

— Но я встретил Ральфа на улице, и шутка не получилась.

— Точно. — Рой тряхнул головой, хохоча над своими проделками.

— Ну вот. Понятное дело, я подумал, будто это ты поставил чертова покойника и отправил мне письмо.

— Одна неувязка. Ты редко говорил со мной об Арбутноте. Допустим, я смастерил покойника, но как быть уверенным, что ты узнаешь беднягу в лицо? А этот тип точно знал, что ты видел Арбутнота много лет назад, верно?

— М-да...

— Чей-то труп под дождем — зачем это, если ты, черт побери, не знаешь, кто перед тобой? Ты рассказывал мне о множестве других людей, с которыми ты встречался в детстве, ошиваясь возле студии. Я бы сделал другого мертвеца — Рудольфа Валентино¹⁵ или Лона Чейни, чтобы ты узнал наверняка. Так?

— Так, — неуверенно согласился я, внимательно посмотрел Рою в лицо и быстро отвел глаза. — Прости. Но черт возьми, это был Арбутнот. Я видел его раз двадцать пять за все время, тогда, в тридцатых. На предварительных показах. И здесь, у входа в студию. Видел его самого и его спортивные машины, с дюжину разных моделей, и еще лимузины, три штуки. А его женщины, несколько дюжин, они всегда смеялись! А когда он раздавал автографы, то незаметно вкладывал в твой блокнот двадцатипятицентовик. Четвертак! В тридцать четвертом! На четвертак тогда можно было купить молочный коктейль, шоколадку и билет в кино.

— Ах вот, значит, какой он был. Неудивительно, что ты его запомнил. Сколько он тебе дал?

— За один месяц — доллар двадцать пять центов. Я был богат. А теперь он лежит в земле там, за стеной, где я был прошлой ночью, верно? Зачем кому-то пугать меня, чтобы я думал, будто его выкопали из могилы и водрузили на лестницу? К чему тратить

силы? Мертвец тяжелый, он упал, как железный сейф. Чтобы поднять его, нужны по меньшей мере двое. Так зачем?

Рой надкусил следующий пончик.

— Ага, зачем? Может, кто-то использует тебя, чтобы ты разболтал об этом всему свету. Ты ведь собирался рассказать об этом кому-то еще, правда?

— Мне надо...

— Не надо. Ты выглядишь таким напуганным.

— С чего мне пугаться? Хотя такое чувство, что это не просто шутка, тут есть еще какой-то смысл.

Рой, спокойно жуя, задумчиво смотрел на стену.

— Черт, — наконец произнес он. — Ты утром не ходил смотреть — вдруг тело все еще там? Может, сходим посмотрим?

— Нет!

— Эй, трусишка! Сейчас же день, светло.

— Нет, хотя...

— Эй! — окликнул нас возмущенный голос. — Что вы тут делаете, болваны?!

Мы поглядели с террасы вниз.

Посреди лужайки стоял Мэнни Либер. Неподалеку был припаркован его «Роллс-Ройс»; мотор работал глухо и почти бесшумно, не вызывая ни малейшей вибрации кузова.

— Ну так что? — прокричал Мэнни.

— У нас совещание! — непринужденно заявил Рой. — Мы хотим переехать сюда!

— Что?!

Мэнни оглядел старый дом в викторианском стиле.

— Отличное место для работы, — затараторил Рой. — Здесь будут наши кабинеты, солнечная веранда, поставим карточный столик, пишушую машинку.

— У тебя уже есть кабинет!

— Кабинеты не дают вдохновения. А это... — я обвел подбородком вокруг, принимая эстафету от Роя, — вдохновляет. Вам надо бы переселить всех сценаристов из писательского флигеля! Стива Лонгстрита¹⁶ поселим вон там, в новоорлеанском особняке, пусть пишет сценарий фильма о Гражданской войне. А эта французская булочная? Не правда ли, отличное место, где Марсель Дементон сможет закончить свою революцию? Идем дальше —

Пиккадилли: черт возьми, туда засунем всех этих новых английских сценаристов!

Мэнни не спеша поднялся на террасу, краснея от смущения. Он окинул взглядом киностудию, свой «Роллс-Ройс» и, наконец, нас обоих, как будто застукал нас за сараем голыми и с сигаретой во рту.

— Господи, мало того что за завтраком все пошло к чертям собачьим. У меня еще тут два кекса, которые хотят превратить хижину леди Пинкхэм¹⁷ в писательский храм!

— Вот именно! — подхватил Рой. — На этой самой террасе у меня родился замысел самой жуткой мини-декорации в истории кино!

— Хватит гипербол, — отступил Мэнни. — Показывай, что у тебя там!

— Можно воспользоваться вашим «Роллс-Ройсом»? — спросил Рой.

И мы воспользовались.

Пока мы ехали к павильону 13, Мэнни Либер, неподвижно глядя прямо перед собой, произнес:

— Я пытаюсь заставить этот дурдом работать, а вы, ребята, сидите себе на террасе, в кулак свистите. Где, черт побери, обещанное чудовище?! Три недели жду...

— Черт побери, — сказал я, вызывая к здравому смыслу, — нужно же время, чтобы из мрака появилось что-то действительно новое. Дайте нам возможность вздохнуть, дайте время на то, чтобы тайное «я» само вышло наружу. Не волнуйтесь. Вот Рой, он замесит глину. И из глины все и возникнет. А пока наш монстр еще скрыт во тьме, понимаете...

— Простите! — отрезал Мэнни, устремив вперед горящий взгляд. — Не понимаю. Даю вам еще три дня! Я хочу видеть монстра!

— А что, если, — вдруг выпалил я, — монстр уже видит вас?! Бог мой! Что, если снять все с точки зрения монстра, выглядывающего из засады?! Камера движется, она и есть монстр, народ пугается камеры и...

Мэнни удивленно посмотрел на меня, прищурил один глаз и пробормотал:

— Неплохо. Камера, хм?

— Да! Камера выползает из кратера. Камера, она же монстр, с пыхтением идет по пустыне, вздымая пыль, распугивая ядозубов, змей, грифов...

— Черт подери! — Мэнни Либер заворуженно смотрел на воображаемую пустыню.

— Черт подери! — восхищенно воскликнул Рой.

— Мы поставим на камеру линзу с масляной пленкой, — тараторил я, — добавим клубы пара, тревожную музыку, тени и героя, глядящего прямо в камеру, и...

— А что потом?

— Если я расскажу, то уже не напишу.

— Напиши, напиши!

Мы остановились возле павильона 13. Я выскочил из машины, бормоча:

— О да! Пожалуй, я сделаю две версии сценария: одну — для вас, другую — для себя.

— Две? — вскричал Мэнни. — Зачем?

— В конце недели я вручу вам обе. И вы решите, какая лучше.

Мэнни подозрительно взглянул на меня, так до конца и не выбравшись из «Роллс-Ройса».

— Чушь! Лучший вариант ты напишешь для себя!

— Нет. Я буду стараться изо всех сил для вас. И для себя тоже.

По рукам?

— Два монстра по цене одного? Идет! Пиши!

Перед дверью Рой театрально остановился.

— Вы готовы? Приготовьте ваш разум и душу! — сказал он, как пастор, воздев к небу свои прекрасные руки артиста.

— Я готов, черт возьми. Открывай!

Рой распахнул наружную дверь, за ней — внутреннюю, и мы вошли в непроглядную тьму.

— Дай свет, черт возьми! — произнес Мэнни.

— Потерпите, — шепнул Рой.

Мы слышали, как он движется в темноте, осторожно переступая через невидимые предметы.

Мэнни нервно подергивался.

— Почти готово! — нараспев прокричал Рой откуда-то из мрака. — Итак...

Рой включил ветрянную машину на медленной скорости. Сначала послышались шелест вроде чудовишной бури, приносящей ненастье с андских вершин, снежные вихри, завывающие на гималайских уступах, ливень над Суматрой, шум ветра в джунглях, дующего в сторону Килиманджаро, крахмальный шелест волн у берегов Азорских островов, крик первобытных птиц, хлопанье перепончатых крыльев, — смешение звуков, от которого мороз драл по коже и мозг словно выпадал из тесного черепа навстречу...

— Свет! — закричал Рой.

И вот над пейзажами Роя Холдстрема забрезжил свет, открывая взору столь нездешние и прекрасные ландшафты, что у вас замирало сердце, страх улетучивался, а затем вы вновь погружались в трепет, когда тени огромными стаями леммингов проносились над микроскопическими дюнами, крошечными холмами и миниатюрными горами, уносясь подальше от смертельной угрозы, уже ощутимой, но еще не явленной.

Я с восхищением огляделся вокруг. И вновь Рой словно прочел мои мысли. Светотени, отбрасываемые на полночный экран моей мысленной камеры-обскуры, были украдены им, скопированы и воплощены даже прежде, чем я успел выпустить их на волю, облечь в слова. Теперь уже я буду использовать эту мини-реальность для воплощения в жизнь своего самого необычного и странного сценария. Мой герой едва удержался, чтобы не промчаться по этим миниатюрным просторам.

Мэнни Либер глядел на все это, пораженный.

Созданная Роем страна динозавров — это был мир призраков, представший перед нами в свете древней, искусственной зари.

Весь этот затерянный мир был окружен гигантскими стеклянными панелями, на которых Рой нарисовал первобытные джунгли и смоляные болота, где плавали его твари, под нестерпимо пламенеющими, как марсианские закаты, небесами, горевшими тысячей оттенков красного.

Меня охватила та же дрожь, какую я ощутил еще школьником, когда Рой позвал меня к себе домой и распахнул ворота гаража, в котором — я ахнул — были не автомобили, а существа, движимые древней потребностью вставать на дыбы, скрести когтями, жевать, летать, визжать и умирать во всех наших детских снах.

И вот теперь здесь, в павильоне 13, лицо Роя горело отблесками небес над целым континентом в миниатюре, куда нас с Мэнни выбросило волной.

Я на цыпочках пересек этот континент, боясь разрушить какую-нибудь крохотную деталь. Дойдя до единственной оставшейся под тентом скульптуры, я остановился.

Наверное, это оно, величайшее из его чудовищ, цель, поставленная им самим, когда нам еще не перевалило за тридцать и мы гуляли по коридорам нашего местного Музея естественной истории. Это чудовище, конечно же, все еще существовало в каком-нибудь уголке мира, пряталось под землей, топтало угольные пласты, затерянное в богом забытых угольных шахтах прямо под нашими ногами! Слушай! Слушай этот подземный гул, биение первобытного сердца и свист воздуха в вулканических легких, стремящихся вырваться на свободу! Неужели Рой выпустил его на свободу?

— Разрази меня гром! — Мэнни Либер наклонился к задрапированному монстру. — Это оно?

— Да, — ответил Рой. — это оно.

Мэнни прикоснулся к покрывалу.

— Постойте, — сказал Рой. — Мне нужен еще один день.

— Лжец! — вскричал Мэнни. — Черт побери, я не верю, что под этой тряпкой у тебя вообще что-то есть!

Мэнни сделал два шага. Рой подскочил к нему в три прыжка.

В этот момент в павильоне 13 раздался телефонный звонок.

Прежде чем я успел пошевелиться, Мэнни схватил трубку.

— Ну, что еще? — прокричал он.

И изменился в лице. Может, побледнел, а может, нет, только в его лице что-то изменилось.

— Это я знаю. — Он перевел дыхание. — Это я тоже знаю. — Он сделал еще один вдох, его лицо начало краснеть. — А об этом я знал еще полчаса назад! Черт побери, да кто говорит?

На том конце телефонной линии послышалось какое-то осинное жужжание. Повесили трубку.

— Сукин сын!

Мэнни отшвырнул телефон, я подхватил.

— Кто-нибудь, наденьте на меня смирительную рубашку, это дурдом какой-то! Так о чем это я? Вы оба!

Он указал на нас.

— Даю вам два дня, а не три. Либо вы по-хорошему предъявите мне чудовище наяву и при божьем свете, либо...

И тут наружная дверь павильона открылась. В ослепительном свете солнца появился коротышка в черном костюме, один из шоферов киностудии.

— Ну что еще? — заорал Мэнни.

— Мы его пригнали сюда, но мотор заглох. Вот, только что починили.

— Так проваливайте отсюда, ради бога!

Мэнни бросился к нему с поднятым кулаком, но дверь с грохотом захлопнулась, коротышка исчез, и Мэнни пришлось обрушить весь свой гнев на нас.

— К вечеру пятницы все должно быть готово окончательно. Сдайте мне работу, или вы больше никогда работы не получите, ни тот ни другой.

— А это, — спокойно спросил Рой, — мы можем оставить себе? Гринтаун, Иллинойс, кабинеты? Теперь, когда вы видели наши результаты, хотите сделать из нас дурачков?

Мэнни оглянулся и довольно долго молчал, окидывая взглядом эту необыкновенную, затерянную во времени страну, как ребенок на фабрике фейерверков.

— Черт, — вздохнул он, на мгновение забыв о своих проблемах, — приходится признать, что вы действительно это сделали.

Он замолк, рассердившись на собственную похвалу, и резко сменил тему:

— Ладно, кончайте болтать и хватит рассиживаться!

Бах! И он ушел, хлопнув дверью.

Стоя посреди нашего доисторического ландшафта, затерянного во времени, мы с Роем смотрели друг на друга.

— Все страньше и страньше, — сказал Рой. — Ты и вправду собираешься это сделать? Написать две версии одного сценария? Одну для него, другую для нас?

— Ага! Точно.

— И как ты собираешься это сделать?

— Черт побери, — ответил я, — я занимался этим пятнадцать лет, написал сотню рассказов для палп-журналов, один рассказ

в неделю, сто недель подряд, а тут два наброска сценария за два дня? И оба блестящие? Доверься мне.

— Ладно, верю-верю.

Наступило долгое молчание, затем Рой сказал:

— Так что, пойдем посмотрим?

— Посмотрим? На что?

— На покойника, которого ты встретил. Под дождем. Вчера ночью. Там, на стене. Погоди.

Рой подошел к огромной двойной двери павильона. Я последовал за ним. Он открыл дверь. Мы выглянули наружу.

Черный, украшенный искусной резьбой катафалк с прозрачными стеклами как раз уезжал прочь по аллее киностудии, мотор с прогоревшим глушителем страшно ревел.

— Держу пари, я знаю, куда он поехал, — сказал Рой.

8

Мы объехали вокруг киностудии по Гауэр-стрит на старом, потрепанном роевском «фордике» 1927 года выпуска.

Мы не видели, как черный катафалк въехал на кладбище, но когда мы подкатили к воротам и остановились, похоронная машина как раз выезжала из аллей между надгробиями.

Минуя нас, катафалк вывез гроб на залитую ярким солнечным светом улицу.

Мы повернули головы, провожая взглядом черный автомобиль, выезжающий из ворот с тихим шуршанием, почти неслышным, словно полярное дыхание арктических льдин.

— В первый раз вижу, чтобы катафалк вывозил гроб с кладбища. Опоздали!

Я обернулся и увидел хвост автомобиля, направлявшегося на восток, обратно в сторону киностудии.

— Куда опоздали?

— К твоему покойнику, идиот! Идем!

Мы уже почти подошли к дальней стене кладбища, как Рой вдруг остановился.

— Господи, это ж его могила.

Я посмотрел туда же, куда смотрел Рой, — футах в десяти над нами на мраморе было выгравировано:

ДЖ. Ч. АРБУТНОТ, 1884—1934
ПОКОЙСЯ С МИРОМ

Это был один из тех похожих на древнегреческий храм склепов, где хоронят знаменитостей: запертая на замок чугунная решетка, а за ней массивная внутренняя дверь из дерева и бронзы.

— Не мог же он сам выйти оттуда, а?

— Нет, но что-то там было, на лестнице, и я узнал его лицо. А кто-то другой знал, что я это лицо узнаю, и позвал меня посмотреть.

— Замолчи. Идем.

Мы пошли по дорожке.

— Гляди в оба. Мы ведь не хотим, чтобы нас застукали за этим глупым занятием.

Мы подошли к стене. Разумеется, на ней ничего не было.

— Я же говорил: даже если тело было здесь, мы опоздали, — вздохнул Рой и окинул взглядом стену.

— Нет, посмотри-ка. Вон там.

Я указал на вершину стены.

На ней виднелись две отметины, словно что-то прислоняли к ее верхнему краю.

— Лестница?

— И еще здесь, внизу.

Примерно в пяти футах, под соответствующим углом, у подножия стены в траве было два полудюймовых углубления от лестницы.

— И здесь. Видишь?

Я показал Рою продолговатую вмятину на траве, там, куда упало что-то тяжелое.

— Так-так, — пробормотал Рой. — Похоже, Хеллоуин продолжается.

Рой присел на траву и длинными костлявыми пальцами провел по отпечатку, оставленному тяжелым телом — всего двенадцать часов назад оно лежало здесь под холодным дождем.

Я присел рядом с Роем, разглядывая продолговатое углубление, и вздрогнул.

— Я... — начал было я, но осекся.

Ибо между нами легла чья-то тень.

— Добрый день!

Над нами грозно возвышался дневной кладбищенский сторож.

Я бросил на Роя быстрый взгляд.

— Это та могила? Давно здесь не был. Это...

Надгробная плита по соседству была засыпана листьями. Я смахнул пыль. Под нею оказалась полустертая надпись: «СМАЙТ. 1875—1929».

— Это она! Дедушка, дорогой! — воскликнул Рой. — Бедняга. Умер от воспаления легких. — Рой помог мне смести оставшуюся пыль. — Я так любил его. Он...

— А где ваши цветы? — спросил суровый голос над нами.

Мы с Роем так и застыли.

— У мамы, она принесет, — сказал Рой. — Мы пошли вперед, чтобы найти могилу. — Рой оглянулся через плечо. — Да вон и мама.

Кладбищенский сторож, человек немолодой и весьма недоверчивый, чье лицо очень смахивало на потертый надгробный камень, бросил взгляд в сторону ворот.

Вдалеке, где-то возле бульвара Санта-Моника, по улице шла женщина с букетом цветов.

«Слава богу», — подумал я.

Сторож недовольно хмыкнул, пожевал челюстями, развернулся и медленно пошел прочь между могил. Как раз вовремя, потому что женщина остановилась и пошла в другую сторону, удаляясь от нас.

Мы вскочили. Рой схватил с ближайшей могилки несколько цветков.

— Ты что!

— К черту! — Рой кинул цветы на могилу дедушки Смайта. — На случай, если этот дядька вернется и удивится, почему нет цветов, после всего, что мы ему натрепали. Идем!

Мы отошли ярдов на пятьдесят и выждали время, притворяясь, будто беседуем, хотя почти ничего не говорили. Наконец Рой тронул меня за локоть.

— Осторожно, — прошептал он. — Смотри в сторону. Не гляди в упор. Он возвращается.

Старый сторож действительно подошел к тому месту у стены, где остался продолговатый след от упавшего тела.

Он поднял голову и увидел нас. Я тут же обнял Роя за плечо, как бы утешая его.

Потом старик наклонился и пальцами, как граблями, причесал траву. И вскоре уже ничто не напоминало о тяжелом предмете, который прошлой ночью, при проливном дожде, якобы свалился откуда-то сверху.

— Теперь ты веришь? — спросил я.

— Интересно, куда поехал тот катафалк? — произнес Рой.

9

Когда мы снова въезжали в главные ворота киностудии, нам навстречу опять прошелестел катафалк. Пустой. Словно долгий вздох осеннего ветра, он выплыл из ворот, свернул за угол и умчался, возвращаясь в страну Смерти.

— Черт! Все в точности как я и предполагал! — Не отпуская руля, Рой обернулся назад, на пустынную улицу. — Это начинает мне нравиться!

Мы направились туда, откуда выехал катафалк.

Впереди, по противоположной стороне улицы, шагал Фриц Вонг, будто управляя машиной или ведя за собой невидимый военный отряд, он чертыхался и что-то бормотал себе под нос; острый профиль рассекал воздух пополам, а на голове красовался черный берет: Фриц единственный в Голливуде носил берет и сцеплялся с каждым, кто осмеливался ему об этом сказать!

— Фриц! — окликнул его я. — Рой, останови!

Фриц небрежной походкой подошел к нам, облокотился на автомобиль и поприветствовал нас в уже знакомой манере:

— Здорово, марсианский придурок на велосипеде! А это что за странная махака за рулем?

— Здорово, Фриц, сукин... — Я осекся и проблеял: — Рой Холдстром, величайший в мире изобретатель, создатель и гениальный творец динозавров!

Монокль Фрица Вонга блеснул огнем. Он пристально взглянул на Роя своим китайско-немецким оком, затем решительно кивнул.

— Друг Питекантропа Прямоходящего — мой друг!

Рой с чувством пожал ему руку.

— Мне понравился ваш последний фильм.

— Понравился! — вскричал Фриц Вонг.

— Я был в восторге!

— Хорошо. — Фриц взглянул на меня. — Что нового за это утро?

— Ты не заметил, здесь происходит что-то странное?

— Только что здесь прошагала римская фаланга из сорока человек. По десятому павильону бегала горилла, волоча собственную голову. Из мужской уборной выкинули одного художника-постановщика, он «голубой». Иуда устроил в Галилее забастовку, требует, чтобы платили больше сребреников. Нет-нет. Ничего странного, иначе я бы заметил.

— А мимо никто не проезжал? — подсказал Рой. — Похоронная процессия?

— Похоронная процессия! Думаете, я бы не заметил? Погодите-ка! — Его монокль блеснул в сторону ворот, затем в сторону натуральных площадок. — Да, черт побери. Я даже подумал с надеждой: вдруг это катафалк Демилля¹⁸, мы могли бы отпраздновать. Он поехал вон туда!

— А что, сегодня где-то снимают похороны?

— Да в каждом павильоне: тухлые сценарии, актеры, вялые как трупы, английские режиссеры-гробовщики, своими кривыми лапами они не сумеют принять роды даже у кита! Ведь вчера был Хеллоуин, верно? А сегодня настоящий мексиканский День мертвых, первое ноября, так почему на «Максимус филмз» не должны его отмечать? Мистер Холдстром, где вы откопали эту развалюху?

— Это, — произнес Рой, приходя в тихую ярость, как Эдгар Кеннеди в старой комедии Хэла Роуча, — машина, с которой Лорел и Харди¹⁹ торговали рыбой в той самой короткометражке, в тридцатом году. Она обошлась мне в пятьдесят баксов плюс семьдесят за покраску. Прочь с дороги, сэр!

Фриц Вонг, в восторге от Роя, отскочил назад.

— Через час, марсианин! В столовке! Приходи обязательно!

Мы попытели дальше среди полуденной толпы, свернули за угол. Рой направил машину в сторону Спрингфилда (штат Иллинойс), Нижнего Манхэттена и Пиккадилли.

— Ты знаешь, куда мы едем? — спросил я.

— Черт побери, на студии есть отличное место, где можно спрятать тело. Кто его там заметит? На натуральных площадках среди абиссинцев, греков, чикагских гангстеров, приведи туда хоть шесть десятков уличных банд и сорок полковых оркестров Сузы, никто ничего не пронюхает! Дружище, этот труп должен быть где-то здесь!

Подняв клубы пыли, мы в последний раз свернули за угол и въехали в город Томбстоун, штат Аризона.

— Неплохое название для города, — заметил Рой.

10

Было тихо и тепло. В этот час — «Ровно в полдень» — нас окружала тысяча следов, отпечатавшихся в пыли кино съемочных задворков. Некоторые принадлежали Тому Миксу²⁰, Хуту Гибсону и Кену Мейнардю. Взметая горячую пыль, я смотрел, как ветер уносит прочь память. Конечно, их следы не могли сохраниться, пыль не вечна, и даже отпечатки огромных сапог Джона Уэйна давно улетучились, и точно так же следы от сандалий Матфея, Марка, Луки и Иоанна исчезли с песчаного берега Галилейского моря всего в сотне ярдов отсюда, на площадке № 12. Тем не менее здесь все еще пахло лошадьми, и вот-вот сюда подкатит дилижанс с грузом свежих сценариев и новой бандой вооруженных ковбоев. Я не мог отказать себе в тихой радости просто посидеть в стареньком «фордике» Лорела и Харди, глядя на паровоз времен Гражданской войны, который заправляли углем дважды в год, и он превращался то в поезд 9.10 из Галвестона, то в траурный поезд Линкольна, везущий его домой — о господи! — домой!

Наконец я спросил Роя:

— Почему ты так уверен, что труп здесь?

— Черт побери! — Рой топнул ногой по полу машины, как однажды Гэри Купер — по коровьей лепешке. — Посмотри-ка внимательно на эти строения.

Я присмотрелся.

Здесь, в этом уголке Дикого Запада, за фальшивыми фасадами скрывались сварочные цеха, музеи старинных автомобилей, склады декораций и...

— Столярная мастерская? — предположил я.

Рой кивнул, и наш «Форд» медленно, как сонная муха, пополз за угол, подальше от посторонних глаз.

— Гробы делают здесь, так что труп здесь. — Рой вылез из своей развалюхи, по очереди вытаскивая одну длинную ногу за другой. — Гроб вернули сюда, потому что он был изготовлен здесь. Идем, пока не появились индейцы!

Вслед за ним я вошел в прохладную пещеру, где на стеллажах стояли предметы мебели эпохи Наполеона и трон Юлия Цезаря ждал своего хозяина, оставшегося в далеком прошлом.

Я огляделся.

«Ничто не умирает навсегда, — подумал я. — Все возвращается. Если захочешь, конечно.

И где он прячется? Где он воскрес? Здесь, — думал я. — О да, это здесь.

В головах мужчин, что приходят с готовым обедом навынос и выглядят как рабочие, а уходя, выглядят как мужья или идеальные любовники».

А что же в промежутке?

Построй пароход «Красавица Миссисипи»²¹, если хочешь швартоваться у причалов Нового Орлеана, или возведи колоннаду Бернини на задворках. Или построй новый Эмпайр-стейт-билдинг, а потом создай огромную механическую обезьяну, которая сможет забраться на небоскреб.

Твоя фантазия — для них чертеж, все они правнуки Микеланджело и да Винчи, отцы вчерашнего, сыновья будущего.

И вот сейчас мой друг Рой, пригнувшись, нырнул в темную пещеру за ковбойским салуном и потащил меня за собой, пробираясь между спрятанных там фасадов Багдада и Верхнего Сандаски.

Тишина. Все ушли обедать.

Рой потянул носом воздух и тихо засмеялся.

— Боже мой, да! Чувствуешь этот запах! Опилки! Из-за них я бегал с тобой в школьную столярку. И еще звук деревообрабатывающего станка. Сразу слышно: люди работают. У меня руки так и тряслись. Погляди-ка. — Рой остановился рядом с длинным стеклянным футляром и залюбовался.

Там был фрегат «Баунти»²² в миниатюре: двадцать дюймов в длину, — в полной оснастке он плыл по воображаемым морям два долгих века назад.

— Ну же, давай, — тихо сказал Рой. — Потрогай.

Я прикоснулся к фрегату, и меня охватил такой восторг, что я забыл, зачем мы пришли, и мне захотелось остаться здесь навсегда. Но Рой в конце концов оттащил меня прочь.

— Ну что, счастливчик, — шепнул он мне, — выбирай какой хочешь.

Перед нами в теплой полумгле раскинулся огромный склад гробов, простиравшийся на пятьдесят футов вглубь.

— Зачем им столько? — спросил я, когда мы подошли ближе.

— Чтобы похоронить всех дохлых индейек, которых наклепает киностудия до Дня благодарения.

Мы подошли к траурному конвейеру.

— Все твои, — сказал Рой. — Выбирай.

— Наверху вряд ли. Слишком высоко. А люди ленивы. Поэтому... вот этот.

Я пнул ботинком ближайший гроб.

— Давай, — торопил Рой, подсмеиваясь над моей нерешительностью. — Открывай.

— Нет, ты.

Рой наклонился и попробовал поднять крышку.

— Черт!

Гроб был наглухо заколочен.

Где-то послышался автомобильный гудок. Мы выглянули наружу.

К нам по томбстоунской улице подъезжала машина.

— Скорее! — Рой бросился к одному из столов, лихорадочно порывлся в инструментах и нашел молоток и лом, чтобы вытащить гвозди.

— Господибожемой, — прошептал я.

Там, в ослепительных лучах полуденного солнца, поднимая пыль, во двор конюшни въезжал «Роллс-Ройс» Мэнни Либера.

— Бежим отсюда!

— Нет, пока не посмотрим... есть!

Последний гвоздь отлетел прочь.

Рой ухватился за крышку, сделал глубокий вдох и открыл гроб.

Снаружи, где пылало солнце, в ковбойском городке зазвучали голоса.

— Господи, да открой же глаза! — воскликнул Рой. — Гляди!

Я закрыл глаза, потому что не хотел снова почувствовать капли дождя на своем лице. Но теперь я их открыл.

— Что скажешь? — спросил Рой.

Да, труп был там, мертвец лежал на спине с широко распахнутыми глазами, раздувшимися ноздрями и раскрытым ртом. Только дождь больше не поливал это лицо, не наполнял водой рот, стекая по щекам и подбородку.

— Арбутнот, — сказал я.

— Он, — выдохнул Рой. — Теперь я припоминаю его снимки. А чертовски похож. Но зачем кому-то поднимать это, что бы это ни было, на лестницу, с какой целью?

Я услышал, как хлопнула дверь. В сотне ярдов от нас Мэнни Либер вышел из своего «Роллса» среди нагретой пыли и, шурясь, вглядывался во тьму, вокруг, около, поверх наших голов.

Я отпрянул.

— Подожди, не убегай, — сказал Рой.

Он шмыгнул носом и запустил руки в гроб.

— Не делай этого!

— погоди, — сказал он, прикасаясь к телу.

— Ради бога, скорее!

— Ты только погляди, — продолжал Рой.

Он схватил труп и поднял его.

— Боже! — ахнул я и осекся.

Тело оказалось легким, словно мешок кукурузных хлопьев.

— Не может быть!

— Очень даже может.

Рой встряхнул его. Оно шуршало, как огородное чучело.

— Черт меня побери! Смотри, на дне гроба свинцовые грузила, которые они привязали к мертвецу, как только водрузили его на

лестницу, чтобы он был потяжелее! И когда он упал, как ты говоришь, удар был тяжелый. Тревога! Акулы плывут сюда!

Рой быстро выглянул наружу, в полуденный зной, и мельком увидел, как вдалеке из машин выходят какие-то люди и собираются вокруг Мэнни.

— Ладно, бежим.

Рой бросил тело, с грохотом захлопнул крышку и побежал.

Я метнулся за ним, лавируя в лабиринте из мебели, колонн и картонных фасадов.

Отбежав на порядочное расстояние, миновав три дюжины дверей и одолев половину пролета лестницы в стиле ренессанс, мы с Роем, обернувшись, остановились и стали вглядываться и вслушиваться, до боли вытягивая шею. Где-то вдали, футах в девяноста или ста, Мэнни Либер подошел к тому самому месту, где мы стояли всего минуту назад. Голос Мэнни заглушал все остальные. Насколько я понял, он приказал всем заткнуться. Наступило молчание. Пришедшие открыли гроб с фальшивым трупом.

Рой посмотрел на меня, подняв брови. Я посмотрел на него, не смея даже дышать.

Послышался взволнованный ропот, крики, ругательства. Мэнни орал на остальных. Потом какое-то бормотание, потом снова разговор, Мэнни опять заорал, и наконец послышался стук закрываемой крышки гроба.

Этот звук подействовал на нас с Роем, как выстрел стартового пистолета, и мы рванули вниз по лестнице. Мы сбежали по ступеням, как могли тише, промчались еще сквозь дюжину дверей и высочили с задней стороны столярной мастерской.

— Ты что-нибудь слышишь? — тяжело дыша, обернулся Рой.

— Нет. А ты?

— Ничегошеньки. Но они определенно взорвались. И даже не один раз, а трижды. И больше всех Мэнни! Господи, да что происходит? Зачем весь этот сыр-бор из-за какой-то двухбаксовой восковой куклы, которую я в полчаса слеплю тебе из латекса, воска и гипса?!

— Не гони так, Рой, — сказал я. — Мы же не хотим, чтобы видели, как мы убегаем.

Рой замедлил бег, но по-прежнему шагал размашистой, журавлиной походкой.

— Господи, Рой! — сказал я. — А вдруг они узнают, что мы там были?!

— Откуда им знать? Да ладно, все это просто шутка.

«И зачем только, — думал я, — я познакомил своего лучшего друга с мертвецом?»

Минуту спустя мы добрались до тарантаса Лорела и Харди, стоявшего позади мастерской.

Рой сел на водительское сиденье, улыбаясь самой что ни на есть дьявольской улыбочкой и при этом любуясь небесами и каждым облачком.

— Залезай, — сказал он.

Гвалт внутри мастерской все усиливался. Кто-то где-то сыпал проклятиями. Другой выступал с критикой. Кто-то соглашался. Остальные были против, и вся небольшая толпа вывалилась на улицу, в полуденный зной, как рой рассерженных пчел.

Через мгновение «Роллс-Ройс» Мэнни Либера бесшумным вихрем пронесся мимо.

Внутри машины я разглядел трех его прихлебателей с бледными лицами.

И лицо Мэнни Либера, пунцово-красное от злости.

Он увидел нас, когда «Роллс» мчался мимо.

Рой помахал рукой и весело крикнул:

— Привет!

— Рой! — закричал я на него.

— И что на меня нашло?! — захохотал Рой и поехал.

Я бросил на Роя враждебный взгляд и едва не разразился проклятиями. Вдыхая ветер, Рой с наслаждением выдыхал его через рот.

— Ты тупица! — сказал я. — У тебя что, вообще нет нервов?

— А с чего мне пугаться куклы из папье-маше? — дружески рассуждал Рой. — Черт, как мне нравится, что у Мэнни поиграли на нервах. За этот месяц я наслушался от него кучу всякой чепухи. И вот теперь кто-то сунул бомбу в штаны ему. Здорово!

— Так это ты? — вырвалось у меня вдруг.

— Ты опять за свое? — ошеломленно спросил Рой. — Зачем мне шить и клеить какое-то дурацкое чучело, а потом лазить по лестницам в полночь?

— А что ты сейчас сказал? Чтобы разогнать скуку. Сунуть бомбу другому в штаны.

— Ничего подобного. Я хочу, чтобы ты мне поверил. Но сейчас мне не терпится пообедать. Когда Мэнни появится, его физиономия наверняка вызовет фурор.

— Как ты думаешь, нас кто-нибудь там видел?

— Нет, конечно. Поэтому я и помахал! Чтобы показать, какие мы глупые и невинные! Творится что-то неладное. Мы должны вести себя естественно.

— Когда в последний раз мы вели себя естественно?

Рой засмеялся.

Под рев мотора мы обогнули сзади мастерские, проехали через Мадрид, Рим и Калькутту, а затем остановились возле бурого здания где-то в Бронксе.

Рой взглянул на часы:

— У тебя назначена встреча. С Фрицем Вонгом. Поехали. В ближайший час нас обоих должны видеть где угодно, только не здесь.

Он кивнул в сторону Томбстоуна в двухстах ярдах от нас.

— Когда ты наконец начнешь бояться? — спросил я.

Рой ощупал рукой свои костлявые колени:

— Пока что не трясутся.

Он высадил меня перед столовой. Я вышел и остановился, глядя ему в лицо. Рой смотрел полусерьезно-полушутливо.

— А ты зайдешь? — спросил я.

— Зайду, скоро. У меня тут еще кое-какие делишки.

— Рой, уж не собираешься ли ты отколоть какую-нибудь глупость, а? У тебя какой-то отсутствующий, безумный взгляд.

— Я как раз думал, — сказал Рой. — Когда умер Арбутнот?

— На этой неделе исполняется двадцать лет. Столкновение двух машин, погибли три человека. Арбутнот, его бухгалтер Слоун и еще жена Слоуна. Об этом несколько дней трубили газеты. Похороны были шикарнее, чем у Валентино. Мы с друзьями стояли за воротами кладбища. Цветов хватило бы на новогодний Парал роз²³. Тысячи людей не пришли в тот день на работу, слезы текли из-под их темных очков. Господи, какое это было горе. Арбутнота так любили.

— Значит, авария?

— Свидетелей не было. Может, один слишком близко подъехал к другому. Возвращался пьяный после вечеринки на студии.

— Может быть. — Рой оттянул нижнюю губу и прищурил на меня один глаз. — А вдруг тут есть что-то еще? Может, после стольких лет кто-то что-то узнал об аварии и теперь угрожает все рассказать. Иначе зачем этот труп на стене? К чему эта паника? Зачем все замалчивать, если нечего скрывать? Боже, да ты слышал, как они только что кричали? Неужели, если окажется, что мертвец — не мертвец и труп — не труп, руководство так взбудоражится?

— Наверняка письмо было не одно, — сказал я. — Его получил не только я, но и другие. Но я единственный кретин, который пошел посмотреть. Однако сегодня за весь день я не проронил об этом ни слова, ничего не разболтал. Тому, кто повесил труп на стену, пришлось сегодня же писать или звонить на студию, чтобы поднялась паника и приехал катафалк. А тот, кто сделал мертвеца и послал записку, сейчас здесь, наблюдает за всем этим цирком. Зачем... зачем... зачем?..

— Тсс, — тихо сказал Рой. — Тсс. — Он завел мотор. — За ланчем мы решим эту загадку, будь она трижды неладна. Сделай невинное лицо. Притворись наивным поедателем горохового супа от Луиса Б. Майера²⁴. Пойду проверю свои модельки. Надо приладить еще одну маленькую улочку. — Он взглянул на часы. — Через два часа моя страна динозавров будет готова для съемки. И тогда все, что нам нужно, — это наше замечательное и потрясающее чудовище.

Я посмотрел на Роя, чье лицо по-прежнему лихорадочно пылало.

— Надеюсь, ты не собираешься выкрасть тело и водрузить его обратно на стену?

— Даже в мыслях не было, — ответил Рой и уехал.

11

В дальней левой части столовой, посередине зала, был небольшой подиум, не выше фута, на котором стоял один-единственный столик с двумя стульями. Я часто представлял себе, как за ним восседает надсмотрщик боевой римской триремы и с грохотом

обрушивает то один молот, то другой, задавая темп потным гребцам, прикованным к своим веслам, запутанным и покорным; они плывут к какому-то далекому театральному проходу, за ними гонятся разъяренные постановщики, а на берегу их встречает толпа рассерженных зрителей.

Но за этим столом никогда не сидел командир римской галеры, задающий темп.

Это был стол Мэнни Либера. Он восседал там один над своей тарелкой, помешивая еду, словно то были голубиные потроха под ножом личного гадалца Цезаря, тыкая вилкой селезенку, не обращая внимания на сердце, предсказывая судьбы. Иногда он сидел там, ссутулившись, вместе с врачом киностудии, Доком Филипсом, пробуя новые зелья и снадобья и запивая их водой из-под крана. Бывали дни, когда он закусывал потрохами режиссеров и сценаристов, а те хмуро смотрели ему в глаза, кивая: да-да, съемки не укладываются в график! Да-да, мы ускоримся!

Никто не хотел сидеть за этим столом. Зачастую вместо счета тебе приносили розовый квиток об увольнении.

Сегодня, когда я прошмыгнул в столовую и, поджавшись, лавировал между столиками, небольшой подиум Мэнни пустовал. Я остановился. И впервые не увидел на этом столе ни тарелок, ни приборов, ни даже цветов. Мэнни все еще где-то бродил, проклиная солнце за свои оскорбленные чувства.

Но меня уже ждали за самым длинным столом, где половина мест уже была заполнена, и народ все прибывал.

За то время, что я проработал на студии, я ни разу не подходил близко к этому столу. Как большинство новичков, я боялся завязывать общение со звездами и знаменитостями. Когда я был еще мальчиком, Уэллс выступал с лекциями в Лос-Анджелесе, но я не пошел к нему за автографом. Я умер бы от радости при виде его. Те же чувства я испытывал, глядя на этот стол, за которым сидели лучшие режиссеры, монтажеры и сценаристы, словно на Тайной вечере в ожидании запаздывающего Христа. Увидев всех их снова, я оробел.

Развернувшись, я попытался незаметно пройти мимо, в дальний угол, где мы с Роем частенько наспех глотали бутерброды и суп.

— Нет, нет, не туда! — прогремел чей-то голос.

Моя голова втянулась в плечи, шея, лоснясь от пота, перископом выглядывала из ворота рубашки.

— Тебе назначено здесь! — крикнул мне Фриц Вонг. — Марш ко мне!

Рикошетом промчавшись между столов, я встал перед Фрицем, разглядывая собственные ботинки. Я почувствовал, как его рука опустилась на мое плечо, готовая вот-вот сорвать с меня погоны.

— Это, — объявил Фриц, — наш гость из иного мира, с того конца столовой. Я помогу ему совершить посадку.

Положив руки мне на плечи, он мягко заставил меня сесть.

Наконец я поднял глаза и посмотрел вдоль стола на дюжину людей, устремивших на меня взгляды.

— А теперь, — объявил Фриц, — он расскажет нам о своих поисках чудовища!

Чудовище.

С тех пор как было объявлено, что мы с Роем намерены написать сценарий, сотворить самое ужасное страшилище в голливудской истории и вдохнуть в него жизнь, тысячи людей стали помогать нам в наших поисках. Слово мы искали Скарлетт О'Хару или Анну Каренину. Но нет... мы искали чудовище, и так называемый спор о будущем чудовище велся на страницах «Вэрайети» и «Холливуд репортер»²⁵. Наши с Роем имена упоминались в каждой статье. Я вырезал и сохранял каждую заметку, даже самые дурацкие и никчемные. Другие студии, агенты и широкая публика начали заваливать нас фотографиями. У ворот нашей студии появились Квазимодо номер два и три, а также четыре Призрака Оперы. От оборотней не было отбоя. Двоюродных и троюродных братьев Лугоши и Карлоффа, прятавшихся в павильоне 13, выкидывали вон с площадки.

Мы с Роем чувствовали себя так, будто заседаем в жюри конкурса «Мисс Атлантик-Сити», перенесенного каким-то образом в Трансильванию. Те полужвери, что ждали нас каждый вечер у выхода, не лезли ни в какие ворота; фотографии были еще хуже. Наконец мы сожгли все снимки и покинули студию через боковой выход.

В таком режиме наши поиски чудовища продолжались весь месяц.

И вот теперь Фриц Вонг снова спросил:

— Итак. Где чудовище? Объясни!

Я посмотрел на все эти лица и произнес:

— Нет. Нет, пожалуйста. Мы с Роем скоро будем готовы, но пока... — Я быстро глотнул невкусной голливудской водопроводной воды. — Я три недели наблюдал за этим столом. Каждый садится всегда на одно и то же место. Этот здесь, тот напротив. Держу пари, те, кто сидит на этой стороне, даже не знают тех, кто напротив. Почему бы не перемешаться? Сесть посвободнее, чтобы каждые полчаса люди могли меняться местами, как в игре «Музыкальные стулья», перемещаться, знакомиться с новыми людьми, а не слушать надоевшую болтовню, не видеть знакомые рожи. Простите.

— Простите?! — вскричал Фриц, схватил меня за плечи и потряс своим смехом. — О'кей, ребята! Музыкальные стулья! Алле-ап!

Аплодисменты. Одобрительные возгласы.

Все так развеселились, что начали похлопывать друг друга по спине, обмениваться рукопожатиями, искать новые стулья и снова рассаживаться. Все это повергло меня в еще больший конфуз и неловкость: новый взрыв смеха и веселья. Снова раздались аплодисменты.

— Придется каждый день сажать маэстро с нами за стол, чтобы он учил нас, как вести себя в обществе и в жизни, — объявил Фриц. — Ладно, успокойтесь, соотечественники! — прокричал он. — Слева от вас, юный маэстро, Мэгги Ботуин, лучший монтажёр в истории кино!

— Вздор! — Мэгги Ботуин кивнула мне и вернулась к принесенному с собой омлету.

Мэгги Ботуин.

Прямая и спокойная, она была похожа на строгое пианино и казалась выше своего роста благодаря манере сидеть, вставать и ходить, благодаря тому, как держала руки на коленях и зачесывала волосы наверх, по моде времен Первой мировой войны.

В одной радиопередаче я слышал, как она рассказывала о своей способности укрощать змей.

Эта пленка, что с шуршанием проходит через ее руки, скользит между пальцами, извивается и мелькает.

Это время, что проходит лишь затем, чтобы повторяться снова и снова.

То же самое, говорила она, и с самой жизнью.

Будущее стремительно мчится на тебя. И пока оно не умчалось прочь, у тебя есть одно-единственное мгновение, чтобы превратить его в милое, узнаваемое и достойное прошлое. Мгновение за мгновением будущее мерцает в твоей руке. Если ты не сумеешь поймать, не схватив руками, не разрушив, придать форму этой веренице мгновений, у тебя не останется ничего за спиной. Твоя цель, ее цель, цель всех нас — вылепить самих себя и оставить свой отпечаток на этих разрозненных кусочках будущего, которые, соприкоснувшись, перерастут в быстро исчезающие кусочки прошлого.

То же самое с фильмом.

С одним лишь различием: ты можешь проживать его снова и снова, столько раз, сколько захочешь. Пропускай будущее через свои руки, превращай его в сегодня, превращай его во вчера, а затем снова начинай с завтра.

Замечательная профессия — контролировать стечение трех времен: безбрежного, невидимого будущего; настоящего — суженного фокуса; и огромного кладбища секунд, минут, часов, лет, тысячелетий, сквозь которые пробиваются ростки двух других времен.

А если тебе не нравится ни одна из трех стремительных рек времени?

Хватай ножницы. Режь. Вот так! Тебе лучше?

И вот она прямо передо мной на мгновение сложила руки на коленях, а затем подняла восьмимиллиметровую камеру и начала снимать панораму лиц за столом, переходя от одного к другому, спокойно и без лишних движений, пока камера не остановилась на мне.

Я неотрывно смотрел в объектив и вспоминал тот день в 1934 году, когда увидел за воротами студии эту женщину, снимавшую на пленку всех придурков и идиотов, тупоголовых охотников за автографами и меня в их числе.

Мне хотелось крикнуть ей: «Вы помните?» Но откуда она могла помнить?

Я опустил голову. Камера застрекотала дальше.

В этот самый момент вошел Рой Холдстром.

Он стоял в дверях столовой, обшаривая ее взглядом. Отыскав меня, он не помахал рукой, а бешено замотал головой. Затем развернулся и направился вон из столовой. Я вскочил и выбежал на улицу прежде, чем Фриц Вонг успел меня поймать.

Я увидел, как Рой исчезает в мужской уборной, и нашел его перед белой фарфоровой святыней, поклоняющимся «Фонтанам Рима»²⁶ Респиги. Я встал рядом с ним: иссяк источник, как зимой, вода застыла в моих старых трубах.

— Смотри. Вот это я нашел только что в тринадцатом павильоне.

Рой положил на кафельную полочку передо мной машинописный листок.

Чудовище явилось наконец!
Сегодня в «Браун-дерби»!
Уайн-стрит. Ровно в 10.
Приходи! Или потеряешь все!

— И ты поверил! — ахнул я.

— Так же, как ты поверил в свою записку и пошел на это чертово кладбище. — Рой задумчиво глядел в стену прямо перед собой. — Бумага и шрифт такие же, как на твоей записке? Идти мне или не идти вечером в «Браун-дерби»? Черт, почему бы нет? Трупы на стенах, исчезнувшие лестницы, разглаженные следы на траве, куклы из папье-маше, да вдобавок Мэнни Либер с его воплями. Пять минут назад я подумал: если Мэнни и остальные так рассердились из-за огородного чучела, что, если оно вдруг исчезнет, а?

— Но ты же этого не сделал?.. — проговорил я.

— Не сделал? — переспросил Рой.

Он сунул записку в карман. Затем взял со стола в углу небольшую коробку и передал ее мне.

— Нас кто-то использует. Я решил предпринять кое-что самостоятельно. Возьми. Иди в кабинку. Открой.

Я послушался.

Запер дверь.

— Ну, что стоишь? — крикнул Рой. — Открывай!

- Открываю, открываю.
- Я открыл коробку и заглянул внутрь.
- Боже мой! — воскликнул я.
- Что ты там видишь? — спросил Рой.
- Арбутнота!
- И коробка подошла, тютелька в тютельку, а? — сказал Рой.

13

- Как тебе такое в голову пришло?
- Все коты любопытны. А я кот, — ответил Рой, протискиваясь через голпу.

Мы возвращались в столовую.

Рой держал под мышкой коробку, на его лице сияла победная улыбка.

— Смотри, — продолжал он. — Кто-то отправляет тебе записку. Ты идешь на кладбище, находишь труп, но никому не говоришь и тем самым портишь чью-то игру. Этот человек звонит на студию, те посылают за телом и начинают паниковать, когда видят такую картину. А я вне себя от дикого любопытства. Что это за игра, спрашиваю я. А узнать это я могу, только сделав ответный ход своими фигурами, верно? Час назад мы видели и слышали реакцию Мэнни и его сотоварищей. А давай-ка разберемся, как они среагируют, — сказал я себе, — если, найдя труп, снова его потеряют и будут ломать голову, у кого он? А он у меня!

Мы остановились перед дверью столовой.

— Не пойдешь же ты туда с этой штукой! — воскликнул я.

— Это самое безопасное место на свете. Коробка, которую я таскаю по всей студии, ни у кого не вызовет подозрений. Но будь осторожен, напарник, в этот самый момент за нами наблюдают.

— Кто?! — вскричал я, резко оборачиваясь.

— Если б я знал, все бы уже разрешилось. Идем.

— Я не голоден.

— Странно, — заметил Рой, — а вот я почему-то готов съесть слона.

Снова войдя в столовую, я увидел, что столик Мэнни по-прежнему пустует. Я так и застыл, глядя на него.

— Чертов безумец, — прошептал я.

Рой потряс коробкой у меня за спиной. Она зашуршала.

— Да, я такой, — радостно ответил он. — Давай шевелись.

Я прошел на свое место.

Рой поставил удивительную коробку на пол, подмигнул мне и уселся на противоположном конце стола, расплываясь в невинно-безупречной улыбке.

Фриц бросил на меня испепеляющий взгляд, как будто своим отсутствием я нанес ему личное оскорбление.

— Минуту внимания! — Фриц шелкнул пальцами. — Знакомство продолжается! — Он указал на сидящих вдоль стола. — Следующий — Станислав Грок, личный гример Николая Ленина²⁷, человек, который готовил тело Ленина, наносил воск на лицо, вводил парафин в тело, чтобы оно все эти годы хранилось у Кремлевской стены в Москве, в Советской России!

— Гример Ленина? — переспросил я.

— Косметолог.

Станислав Грок помахал маленькой ручкой над маленькой головой, сидящей на маленьком теле.

Он был едва ли выше тех поющих лилипутов, что играли жевунов в «Волшебнике из Страны Оз»²⁸.

— Слушай и повинуйся! — прокричал он. — Ты пишешь чудовищ. Рой Холдстром их создает. А я нарумянивал, покрывал воском, выглаживал величайшее советское чудовище, давно покойное!

— Не обращай внимания на этого изумительного русского ублюдка, — сказал Фриц. — Лучше посмотри на стул рядом с ним!

Стул был пуст.

— Чей же он? — спросил я.

Кто-то кашлянул. Все головы повернулись.

Я затаил дыхание.

Пришествие свершилось.

Последний из пришедших был настолько бледен, что, казалось, кожа его светится изнутри. Он был высок — шесть футов и три дюйма ростом, прикинул я; длинные волосы, ухоженная, подстриженная борода и такая поразительная ясность в глазах, что, казалось, он видит все твои кости сквозь плоть и всю твою душу сквозь кости. Когда он проходил мимо столиков, ножи и вилки зависали в воздухе, не добравшись до полуоткрытых ртов. Он проходил, оставляя за собой шлейф молчания, а затем жизненная суэта мало-помалу возобновлялась. Он шел размеренным шагом, словно вместо изорванного плаща и замызганных штанов на нем были дорогие одежды. Проходя мимо каждого стола, он осенял всех крестом, но его глаза смотрели прямо вперед, будто им открывался какой-то иной мир, не наш. Он смотрел на меня, и я весь сжался, ибо не мог вообразить, почему он выделил меня среди всех этих признанных и авторитетных талантов. Наконец он остановился и встал надо мной с такой торжественностью, что я вскочил с места.

Наступило молчание, а этот человек с красивым лицом вытянул вперед свою тонкую руку с тонким запястьем, которая завершалась тонкими пальцами, самыми восхитительными из всех виденных мной.

Я протянул руку и взял его ладонь в свою. Он перевернул ее, и я увидел посреди запястья шрам от прошедшего насквозь гвоздя. Он перевернул и другую руку: посреди левого запястья я увидел такой же рубец. Он улыбнулся, прочитав мои мысли, и спокойно объяснил:

— Большинство людей думают, что гвозди вбивали в ладони. Это не так. Ладони не могут выдержать вес тела. А запястья могут. Запястья.

Затем он повернул руки, чтобы показать, где вышли гвозди.

— Иисус, — обратился к нему Фриц Вонг, — это наш гость из иных миров, наш молодой фантаст...

— Я знаю.

Прекрасный незнакомец кивнул и указал на себя.

— Иисус Христос, — представился он.

Я посторонился, давая ему сесть, а затем рухнул на свое место.

Фриц Вонг передал через стол небольшую корзинку, полную хлеба.

— Пожалуйста, — попросил он, — преврати это в рыбу!

Я открыл рот от удивления.

Но Иисус, просто шелкнув пальцами, выудил из хлеба серебристую рыбку и подбросил ее высоко в воздух. Восхищенный Фриц поймал ее под общий смех и аплодисменты.

Официантка принесла несколько бутылок дешевого пойла, вызвав еще больше криков и аплодисментов.

— Это вино, — сказал Иисус, — еще десять секунд назад было водой. Прошу!

Вино разлили по бокалам и попробовали.

— Определенно... — начал я и запнулся.

Все сидящие за столом посмотрели на меня.

— Он хочет знать, — закричал Фриц, — тот ли ты, кем себя называешь?

С угрюмой грацией высокий человек вытащил и показал свое водительское удостоверение. На нем значилось:

«Иисус Христос. 911, Бичвуд-авеню. Голливуд».

Он опустил его обратно в карман, дождался, пока за столом снова воцарится тишина, и сказал:

— Я пришел на эту студию в двадцать седьмом, когда здесь снимали «Царя Иисуса». Работал плотником в мастерских на заднем дворе. Я вырезал и отполировал все три голгофских креста, которые и сейчас там стоят. По всей стране искали Христа: в каждой баптистской норе, на каждой католической помойке. А нашли здесь. Режиссер спросил, кем я работаю. Плотником. «Господи, — вскричал он, — дай-ка я посмотрю на это лицо! Приклейте ему бороду!» «Сделай так, чтобы я был похож на святого Иисусика», — посоветовал я гримеру. Я вернулся из гримерной, одетый в длинные одежды, в терновом венце, в полной святой амуниции. Режиссер сплясал на Голгофе и омыл мне ноги. А дальше, вы знаете, пока баптисты выстраивались в очереди за пирогами на фестивале в Айове²⁹, я подкатил на своем пыльном тарантасе с транспарантами: «ЦАРЬ ГРЯДЕТ», «ОН УКАЗЫВАЕТ ПУТЬ». Целых десять лет, как Мессия, я колесил по стране, останавливаясь в мотелях, пока вино и венерины дочери не превратили мои одежды в лохмотья. Кому понравится Спаситель, шляющийся

по бабам? Не то чтобы я часто кадрил девчонок и заводил чужих жен, как дешевые часы, нет, просто я был Им, понимаете?

— Кажется, понимаю, — мягко сказал я.

Христос положил перед собой свои длинные запястья, длинные руки, длинные пальцы — так садятся коты в ожидании, что весь мир придет им поклоняться.

— Женщины считали богохульством даже то, что дышали одним воздухом со мной. Они испытывали ужас от прикосновения. Поцелуй считали смертным грехом. А сама близость? Все равно что прыгнуть в кипящий котел и вариться там вечно, по уши в мерзости. Хуже всех были католики — нет, пожалуй, трясуны³⁰. Когда я путешествовал по стране инкогнито, мне удалось всего раз или два переночевать в мотеле, прежде чем меня узнали. После месяца, проведенного в страдальческих мечтах о гибких красотках, я едва не сошел с ума. Я просто побрился и помчался прочь через всю страну, бросая палки повсюду, подминая под себя телок направо и налево. Я раздавил больше шлюх, чем паровой каток на баптистско-нудистском купании. Я мчался на всех парах, надеясь, что проповедники с ружьями не припомнят мне все гимны и гимены и не подстрелят меня картечью. Я молился, чтобы девицы никогда не догадались о том, что получали наслаждение в объятиях главного участника Тайной вечери. И вот, когда мой член превратился в выжатый лимон, а сам я допилелся до положения риз, киношники собрали меня по косточкам, дали взятки шерифам, успокоили пастырей из Северного Хлева в Небраске, оплатив для них новые купели для крещения моих отпрысков «последних дней»³¹, и увезли меня домой, в келью на задворках студии. Там меня держали как Иоанна Крестителя под страхом лишиться обей моих буйных головок, пока не будет отснята еще одна, последняя рыбешка в Галилее и еще одно чудесное путешествие на Голгофу. Только преклонный возраст и сломанный перец остановили меня. Я был сослан в третью лигу. Что само по себе здорово, мне страшно хотелось попасть куда-нибудь в третью лигу. Там не было большего бабника, чем заблудшая душа, которую вы видите перед собой. Я был недостоин играть Христа, а в это время в тысячах кинотеатров по всей стране я спасал души и вожделел сладенького. Много лет я умерял свои страдания, топя их не в плоти, а в вине. Мне повезло, что Фриц подшуткатурил меня для нового фильма:

тонны грима — неплохо для общих планов. Вот так. Глава такая-то, стих такой-то. Изображение медленно гаснет.

Раздались аплодисменты. Весь стол хлопал в ладоши и кричал «браво!».

Закрыв глаза, Христос покачал головой вправо-влево.

— Ничего себе история, — пробормотал я.

— Не верь ни единому слову, — сказал Христос.

Овации смолкли. Вошел кто-то еще.

На другом конце стола появился Док Филипп.

— Господи, — произнес Иисус сильным и чистым голосом. —

А вот и Иуда!

Но даже услышав это, доктор и ухом не повел.

Он помедлил, с отвращением оглядывая зал, боясь неожиданной встречи. Доктор был похож на тех ящериц, что попадают иногда на опушке девственного леса: они вращают глазами, ужасно пугливы, принюхиваются, пробуют воздух своими чуткими лапками, мелко подергивают хвостом, со всех сторон ожидают смертельной опасности и не питают никаких надежд — лишь нервно подергиваются, готовые в любой момент сорваться с места, шоркнуть, сбежать. Его пристальный взгляд нашел Роя и отчего-то остановился на нем. Рой выпрямился на стуле, застыл и слабо улыбнулся в ответ.

«Господи, — подумал я, — кто-то видел, как Рой убегает с коробкой. Кто-то...»

— Не желаете ли прочесть молитву перед едой? — закричал Фриц. — Молитву хирурга: Боже, избави нас от докторов!

Док Филипп метнул в сторону молниеносный взгляд, словно его щеки коснулась какая-то мелкая мушка. Рой снова откинулся на спинку стула.

Приход Дока был неожиданностью. Где-то там, за дверьми столовой, под палящим полуденным солнцем Мэнни и еще несколько блох так и подпрыгивали от гнева и обиды. И доктор пришел сюда, то ли подальше от этого кошмара, то ли в поисках подозреваемых, — что именно его привело, я не знал.

Но вот он здесь, Док Филипп, знаменитый целитель, работавший на всех студиях от появления первых камер с крутящейся ручкой до прихода звукового кино с его визгами и воплями и, наконец, до нынешнего дня, когда земля содрогнулась. Если

Грок — это вечно веселый шут, то Док Филипс — мрачный целитель, излечивающий любое самолюбие, зловещая тень на стене, убийственный взгляд с последнего ряда на предпросмотрах, ставящий диагноз слабым фильмам. Броде тех футбольных тренеров, которые наблюдают с края поля за своей победоносной командой, ни разу не достаивая игроков даже малейшим намеком на одобрительную улыбку. Он говорил не фразами и предложениями, а обрывками и обрубками слов из наспех написанного рецепта. Между его отрывистыми «да» и «нет» пролетала тишина.

Он был восемнадцатилетним юнцом, когда глава студии «Скайларк» забил в лунку свой последний шар и упал замертво. Ходили слухи, что Филипс отчалил от калифорнийского берега вместе с тем самым знаменитым издателем, который выбросил за борт не менее знаменитого режиссера, инсценировав «несчастный случай на воде». Я видел его фотографии у гроба Валентино, у постели Джинни Иглз³², на какой-то яхте во время парусной регаты в Сан-Диего, куда его взяли как зонтик от солнечного удара для дюжины нью-йоркских киномагнатов. Говорили, он посадил на иглу всех звезд киноиндустрии, а затем лечил их в своей тайной клинике где-то в Аризоне, неподалеку от Нидлз. Ироничное указание в названии города также не было оставлено без внимания. Филипс редко обедал в столовой; от его взгляда портилась еда. Собаки лаяли на него, словно на посланника ада. Взятые им на руки младенцы кусались и страдали кишечными коликами.

При появлении доктора все вздрагивали и расступались.

Док Филипс метал пристальные взгляды то в одного, то в другого. Через несколько мгновений у некоторых начался нервный тик.

Фриц повернулся ко мне:

— Для него всегда есть работа. То слишком много цыпочек явились с утра пораньше к пятому павильону. То сердечные приступы в нью-йоркском офисе. То этот актер в Монако попался со своим ненормальным дружкой из оперы. Он...

Мрачный доктор прошагал за нашими стульями, что-то шепнул Станиславу Гроку, потом быстро повернулся и спешно покинул столовую.

Фриц хмуро поглядел на входную дверь вдали и, обернувшись ко мне, грозно сверкнул моноклем:

— Ну что, все понимающий господин футурист, расскажите нам, черт возьми, что происходит?

Пунцовый румянец вспыхнул на моих щеках. От стыда язык прилип к нёбу. Я опустил голову.

— Музыкальные стулья! — раздался чей-то крик.

Грок вскочил и, глядя на меня, повторил:

— Стулья, стулья!

Все засмеялись. Все задвигались, и мое смущение осталось незамеченным.

Когда же народ наконец перестал носиться в разные стороны, я вдруг увидел, что Станислав Грок, человек, полировавший Ленину лоб и причесывавший его козлиную бородку для вечной жизни, сидит напротив меня, а рядом со мной сидит Рой.

Грок широко улыбнулся, словно мы всю жизнь были друзьями.

— Куда это Док так рванул? Что происходит? — спросил я.

— Не обращай внимания. — Грок спокойно взглянул на дверь столовой. — Сегодня в одиннадцать утра я почувствовал толчок, будто студия кормой налетела на айсберг. С тех пор народ снует как угорелый, вычерпывая воду из тонущей лодки. Я счастлив, когда вижу столько людей в панике. Тогда я забываю свою унылую работу по превращению гадких утят Бронкса в бруклинских лебедей.

Он прервался, чтобы съесть ложечку фруктового салата.

— Как вы думаете? С каким айсбергом столкнулся наш «Титаник»?

Рой откинулся на спинку стула и сказал:

— Что-тостряслось в бутафорских и столярных мастерских.

Я бросил на Роя сердитый взгляд. Станислав Грок напрягся.

— Ах да! — медленно произнес он. — Небольшая проблемка с морской коровой, деревянной женской фигурой для фрегата «Баунти».

Я пнул Роя под столом, а он спросил, наклонившись вперед:

— Но вы ведь, конечно, говорили не об айсберге?

— О нет, — со смехом ответил Грок. — Я говорил о столкновении не с арктическим айсбергом, а с воздушным шаром, наполненным струей горячего воздуха: все эти раздувшиеся от спеси

продюсеры-балаболки и студийные подпевалы сейчас вызваны на ковер к Мэнни. Кто-то будет уволен. А затем... — Грок указал на потолок своими маленькими кукольными ручонками, — упадет наверх!

— Как это?

— Человека увольняют из «Уорнера», и он падает наверх в «МГМ». Человека увольняют из «МГМ», и он падает наверх в «Двадцатый век Фокс». Падение наверх! Закон Ньютона наоборот! — Грок замолчал, улыбаясь собственному остроумию. — Да, но ты, бедный писателишка, если тебя уволят, никогда не сможешь упасть наверх, только вниз. Я...

Он осекся, потому что...

Я внимательно смотрел на него, как, должно быть, тридцать лет назад разглядывал своего деда, когда тот умер, навеки, в своей спальне наверху. Щетина на бледно-восковой коже деда, веки, готовые вдруг раскрыться и пропустить рассерженный взгляд, от которого бабушка, как Снежная королева, всегда застывала посреди гостиной, — все, все это предстало передо мной так же четко и ясно, как этот миг, когда напротив меня марионеткой сидел посмертный гример Ленина, по-мышинному жуя свой фруктовый салатик.

— Вы что, — вежливо осведомился он, — ищете следы швов над моими ушами?

— Нет, нет!

— Да, да! — развеселившись, возразил он. — Все ищут! Гляди!

Он наклонился вперед, вертя головой направо и налево, натягивая кожу у линии волос, затем на висках.

— Надо же, — сказал я. — Отличная работа.

— Нет. Безупречная!

Ибо тонкие порезы были едва-едва различимы, и если мышинные пятнышки рубцов и были там когда-то, то давным-давно сошли.

— Неужели вы... — начал я.

— Оперировал сам себя? Вырезал себе аппендикс? Может, я вроде той женщины, что сбежала из Шангри-Ла³³ и сморщилась, как монгольская старуха!

Грок рассмеялся, и меня очаровал его смех. Не было ни минуты, когда бы он не веселился. Казалось, стоит ему перестать

смеяться, как он тут же задохнется и умрет. Вечно счастливый хохот и не сходящая с лица улыбка.

— Да? — спросил он, видя, что я разглядываю его зубы и губы.

— А над чем вы все время смеетесь? — спросил я.

— Да надо всем! Ты когда-нибудь смотрел фильм с Конрадом Вейдтом?..

— «Человек, который смеется»?

Грок остолбенел от удивления.

— Невероятно! Ты не можешь этого знать!

— Моя мать была помешана на кино. Когда я учился в первом, втором, третьем классах, она забирала меня после школы, и мы шли смотреть Мэри Пикфорд, Лона Чейни, Чаплина. И... Конрада Вейдта!³⁴ Цыгане разрезают ему рот, чтобы он улыбался до конца жизни, а он влюбляется в слепую девушку, которая не может видеть этой страшной улыбки. Потом он ей изменяет, а когда принцесса с презрением его отвергает, возвращается к своей слепой девушке, плачет и находит утешение в ее невидящих объятиях. А ты сидишь в темноте кинотеатра «Элит», где-то у бокового прохода, и плачешь. Конец.

— Боже мой! — воскликнул Грок почти без смеха. — Ты потрясающий малыш. Правда!

Он усмехнулся.

— Я — тот самый герой Вейдта, только цыгане не разрезали мне рот. Это сделали самоубийства, убийства, кровавые бойни. Когда ты заживо погребен вместе с тысячами мертвецов и изо всех сил, преодолевая тошноту, пытаешься выбраться из могилы, расстрелянный, но живой. С тех пор я не притрагиваюсь к мясу, потому что оно пахнет гашеной известью, трупами, непогребенными телами. Так что вот... — он развел руками, — фрукты. Салаты. Хлеб, свежее масло и вино. И со временем я пришел себе эту улыбку. Я защищаю истинный мир фальшивой улыбкой. Когда стоишь перед лицом смерти, почему бы не показать ей эти зубы, похотливый язык и смех? Кстати, это я взял *тебя* под свою ответственность!

— Меня?

— Я сказал Мэнни Либеру, чтобы он нанял Роя, твоего приятеля, спеца по тираннозаврам. И сказал: нам нужен кто-нибудь, кто пишет так же хорошо, как Рой фантазирует. Вуаля! И вот ты здесь!

— Спасибо, — медленно проговорил я.

Грок снова принялся клевать свою еду, довольный, что я плююсь на его подбородок, его рот, его лоб.

— Вы могли бы сколотить состояние... — сказал я.

— Как раз этим я и занимаюсь. — Он отрезал ломтик ананаса. — Студия платит мне баснословные деньги. Их звезды то и дело приходят с помятыми лицами после пьянки или пробивают лобовое стекло головой. На «Максимус» постоянно боятся, что я уйду. Челуха! Я останусь. И буду молодеть с каждым годом, резать и подшивать, и снова подшивать, пока моя кожа не натянется так, что при каждой улыбке будут выскакивать глаза! Вот так! — Он показал. — Потому что я не могу вернуться назад. Ленин выставил меня из России.

— Покойник вас выставил?

Фриц Вонг наклонился и с немалым удовольствием прислушался к разговору.

— Грок, — сказал он мягко, — объясни. Ленин с новым румянцем на щеках. Ленин с новенькими зубами, прячет во рту улыбку. Ленин с новыми, хрустальными глазами под веками. Ленин удаляет себе родинки и подстригает козлиную бородку. Ленин, Ленин. Рассказывай.

— Очень просто, — сказал Грок, — Ленин для них — святой чудотворец, бессмертный в своем хрустальном гробу. А Грок, кто он такой? Разве это Грок придал яркость его губам, свежесть его лицу? Нет! Ленин, даже умерший, сам становится все краше и краше! И что же? Грока в расход! И Грок бежал! И где теперь Грок? Падает наверх... вместе с вами.

На другом конце длинного стола снова появился Док Филипп. Он не стал подходить ближе, однако резким кивком велел Гроку следовать за ним.

Грок не спеша промокнул салфеткой тонкие ярко-розовые улыбающиеся губы, сделал еще один долгий глоток холодного молока, скрестил на тарелке нож и вилку и стал пробираться к выходу. Вдруг он остановился, задумался и сказал:

— Нет, это не «Титаник», скорее Озимандия! — и выбежал вон.

— И к чему, — помолчав, сказал Рой, — он болтал тут про всяких морских коров и столярное дело?

— Он что надо, — отозвался Фриц Вонг. — Конрад Вейдт в миниатюре. Я задействую этого сукина сына в моем следующем фильме.

— А при чем тут Озимандия? — спросил я.

16

Весь остаток дня Рой беспрестанно просовывал голову в дверь моего кабинета и показывал свои покрытые глиной руки.

— Пусто! — кричал он. — Нет чудовища!

Я выдергивал лист из пишущей машинки.

— Пусто! Нет чудовища!

Но наконец, к десяти вечера, Рой поехал вместе со мной в «Браун-дерби».

По дороге я прочел вслух первую часть «Озимандии»:

Я встретил путника; он шел из стран далеких
И мне сказал: вдали, где вечность сторожит
Пустыни тишину, среди песков глубоких
Обломок статуи распавшейся лежит.

Из полустертых черт сквозит надменный пламень —
Желанье заставлять весь мир себе служить;
Вяатель опытный вложил в бездушный камень
Те страсти, что могли столетья пережить.

По лицу Роя пробежали какие-то тени.

— Читай дальше, — попросил он.

Я прочел:

И сохранил слова обломок изваянья:
«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»
Крутом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...*

* Стихотворение Дж. Китса «Озимандия» цитируется в переводе К. Бальмонта.

Когда я закончил, Рой проехал молча еще два-три длинных и мрачных жилых квартала.

— Поворачивай назад, поехали домой, — сказал я.

— Почему?

— После этого стихотворения кажется, что киностудия и кладбище — единое целое. У тебя когда-нибудь был такой стеклянный шар: встряхнешь его, и внутри поднимаются снежные вихри? Вот так у меня вертится сейчас все внутри.

— Фигня, — отозвался Рой.

Я взглянул на его великолепный орлиный профиль, рассекавший ночной воздух. Рой был полон того оптимизма, которым, пожалуй, обладают лишь настоящие мастера, уверенные, что способны сотворить мир именно таким, каким они хотят его видеть, несмотря ни на что.

Я вспомнил, что, когда нам обоим было по тринадцать лет, Кинг-Конг сорвался с Эмпайр-стейт-билдинг и упал прямо на нас. Поднявшись на ноги, мы больше не были прежними. Мы сказали друг другу, что либо однажды напишем и вдохнем жизнь в столь же великое, могучее и прекрасное чудовище, как Кинг-Конг, либо просто умрем.

— Чудовище, — прошептал Рой. — Мы пришли.

И мы подкатили к «Браун-дерби», ресторану с коричневым котелком вместо крыши, не столь гигантским, как у ресторана на бульваре Уилшир, в пяти милях отсюда, на другом конце города: тот котелок был таким огромным, что пришелся бы впору самому Господу на Пасху или какой-нибудь киношной шишке в пятничный вечер. О том, что это далеко не простой ресторан, говорили только 999 рисованных шаржей, которыми были увешаны все стены внутри. Снаружи то было ничем не примечательное здание в псевдоиспанском стиле. Мы отважно переступили порог этого безликого места и оказались перед 999 портретами.

При виде нас метрдотель «Браун-дерби» приподнял левую бровь. В прошлом страстный собачник, теперь он любил только кошек. От нас странно пахло.

— У вас, конечно, нет договоренности? — вяло заметил он.

— Недоговоренности? По поводу этого заведения? — переспросил Рой. — Сколько угодно!

От таких слов у метрдотеля на затылке шерсть встала дыбом, но все же он нас пропустил.

Ресторан был почти безлюден. За несколькими столиками сидели люди, доедая десерт и допивая коньяк. Кое-где официанты уже начали перестилать скатерти и раскладывать приборы.

Впереди послышался смех, и мы увидели трех женщин, стоящих возле столика: они наклонились к мужчине, который, по видимому, пересчитывал купюры, чтобы оплатить счет за вечер. Молодые женщины смеялись и обещали, пока он расплачивается, ждать на улице и рассматривать витрины, после чего, в облаке духов, промчались мимо нас с Роем. Мы же стояли словно вкопанные и удивленно таращились на человека в кабинке за столиком.

Это был Станислав Грок.

— Боже мой! — воскликнул Рой. — Это вы?

— Я?!

Вечное пламя Грока внезапно погасло.

— Что вы здесь делаете? — воскликнул он.

— Нас пригласили.

— Мы тут кое-кого искали, — сказал я.

— А нашли меня и здорово расстроились, — заметил Грок.

Рой, страдавший достопамятным синдромом Зигфрида, незаметно попятился назад. Обещали дракона, а получил комара. Он не мог оторвать взгляда от Грока.

— Почему ты на меня так смотришь? — резко спросил корытышка.

— Рой! — предостерегающе произнес я.

Ибо понял, что Рой подумал то же, что и я. Это была всего лишь шутка. Кто-то знал, что Грок иногда ужинает здесь, и направил нас по ложному следу. Чтобы сбить с толку и нас, и Грока. И все же Рой внимательно рассматривал уши, нос и подбородок карлика.

— Не-а, — сказал Рой, — вы не подходите.

— Для чего? Продолжай! Давай! Это что, расследование?

Смех тихой пулеметной очередью начал вырываться из его груди и наконец слетел с тонких губ.

— Но почему в «Браун-дерби»? Здесь бывают совсем не те страшилища, что вы ищете. Скорее персонажи ночных кошмаров.

А я сам, обезьяньей лапой сляпанный из лоскутов? Кого я могу напугать?

— Не волнуйтесь, — ответил Рой. — Страх приходит потом, когда в три часа ночи я вспоминаю о вас.

Это подействовало. Грок разразился небывалым хохотом и жестом пригласил нас сесть в его кабинке.

— Раз уж этой ночью вам все равно не спать, выпьем!

Мы с Роем нервно окинули взглядом ресторан.

Нет чудовища.

Когда шампанское было разлито по бокалам, Грок поднял за нас тост:

— Пусть вам никогда не придется завивать ресницы мертвецу, чистить ему зубы, вошить бороду и подкрашивать сифилитичные губы.

Грок поднялся и посмотрел на дверь, куда убежали его женщины.

— Вы видели их лица? — Грок улыбнулся им вслед. — Это мои! А знаете, отчего эти девчонки так безумно в меня влюблены и никогда меня не покинут? Я — верховный лама долины Голубой Луны³⁵. Стоит им уйти, дверь — моя дверь — захлопнется и их лица увянут. Кроме того, я предупредил их, что прикрепил тонкие ниточки под их глазами и подбородками. Стоит им слишком далеко, слишком быстро ударить к другому концу ниточки — их истинный облик раскроется. И вместо тридцати им будет сорок два!

— Фафнир, — проворчал Рой.

Его пальцы сжали край стола, как будто он вот-вот вскочит с места.

— Кто?

— Один приятель, — пояснил я. — Мы должны были встретиться с ним сегодня.

— Сегодня уже прошло, — сказал Грок. — Но вы оставайтесь. Допейте шампанское. Закажите еще, я оплачу. Может, хотите салат, пока кухня не закрылась?

— Я не голоден, — буркнул Рой, в глазах которого читалось то же бесконечное разочарование, как на спектакле «Зигфрид» в «Шрайн».

— Хотим! — ответил я.

— Два салата, — сказал Грок официанту. — С голубым сыром? Рой закрыл глаза.

— Да! — сказал я.

Грок повернулся к официанту и сунул ему в руку неоправданно щедрые чаевые.

— Побалуйте моих друзей, — сказал он, ухмыльнувшись. Затем, бросив взгляд на дверь, куда его женщины рысцой умчались на своих миниатюрных копытцах, он покачал головой. — Мне пора. На улице дождь. И вся эта вода льет на лица моих пташек. Они же растают! Прощайте. Арриведерчи!

И ушел. Входная дверь с тихим шорохом закрылась за ним.

— Сматываемся. Я чувствую себя дураком! — сказал Рой.

Пошевелившись, он расплескал свое шампанское, чертыхнулся и принялся вытирать. Я налил ему еще и смотрел, как он медленно и спокойно допивает свой бокал.

Через пять минут в дальнем углу ресторана появилось оно.

Метрдотель разворачивал вокруг самого дальнего столика ширму. Она выскользнула и с резким шуршанием наполовину сложилась обратно. Метрдотель что-то пробурчал себе под нос. А затем в дверях кухни, где, как я понял, уже несколько секунд назад появились мужчина и женщина, произошло некое движение. И вот, когда метрдотель поправил свернувшийся экран, они вышли на свет и, глядя лишь вперед, на эту ширму, поспешно направились к столу.

— Боже мой! — сипло прошептал я. — Рой?

Рой взглянул туда же.

— Фафнир! — шепнул я.

— Не может быть! — Рой замер и пристально взгляделся в прощмыгнувшую парочку. — Точно.

Но тот, кто торолливо прошел от кухни к столу, за руку таща за собой свою даму, был не Фафнир, не мифологический дракон, не жуткий змей.

Это был тот, кого мы искали столько долгих недель и трудных дней. Тот, кого я мог бы создать при помощи пера или машинки, чувствуя, как холодок ужаса ползет вверх по руке и леденит затылок.

Это был тот, кого Рой тщетно пытался сотворить каждый раз, когда запускал свои длинные пальцы в глину. Кровавый пузырь,

раздувшийся на поверхности грязной первобытной жижи и обретший форму лица.

И это лицо вобрало в себя все изуродованные, рубцеватые, замогильные лица раненых, расстрелянных и похороненных людей за все десять тысяч лет, что существуют войны.

Это был Квазимодо в старости, истерзанный ниспосланными ему божьими карами в виде раковых опухолей и нескончаемыми страданиями от проказы.

И сквозь это лицо просвечивала душа, которой суждено жить в нем вечно.

«Вечно! — подумал я. — Ей никогда не выбраться!»

Это было наше чудовище.

Все решилось в один миг.

Мысленно сделав моментальное фото этого создания, я закрыл глаза и увидел, что ужасающий лик оставил огненный отпечаток на моей сетчатке; он пылал так неистово, что глаза мои до краев наполнились слезами и невольный звук вырвался из моего горла.

Это было лицо, в котором тонули два страшных жидких глаза. Лицо, в котором эти исступленно барахтающиеся глаза не находили ни тихой гавани, ни покоя, ни спасения. И, не видя вокруг себя ничего безупречного, эти глаза, блестя отчаянием, плавали на одном месте, держась на поверхности месива из плоти, не желая тонуть, отказываясь сдаться и исчезнуть совсем. В них светилась искра последней надежды, надежды на то, что, вращаясь в том или ином направлении, они все-таки высмотрят для себя что-нибудь: незаметный способ избавления, проявление совершенной красоты, весть о том, что все не так ужасно, как кажется. И вот эти глаза покачивались, как поплавков на якоре, среди раскаленной докрасна лавы истребленной плоти, среди плавящейся массы генетического материала, в которой ни одна душа, даже самая мужественная, не способна выжить. Ноздри размеренно втягивались, рот отверстой раной заходил в беззвучном крике и исторгал воздух обратно.

В этот момент я увидел, как Рой дернулся вперед, потом назад, словно в него выстрелили, а рука его безотчетным и быстрым движением потянулась к карману.

Затем, когда странный человек-развалина скрылся за водруженной на место ширмой, рука Роя вынырнула из кармана,

достав оттуда маленький блокнот для эскизов и карандаш. Не отрывая взгляда от ширмы, словно прозревая сквозь нее, и совсем не глядя в блокнот, Рой сделал набросок страшного видения, кошмара, кровотокающей плоти — разрушенной и обезнадеженной.

Рой, подобно Гюставу Доре³⁶ задолго до него, обладал той же точностью пальцев, которые двигались, бегали, оставляя чернильный след, рисуя набросок, ему достаточно было одним взглядом окинуть лондонскую толпу, и, словно из открывшегося крана, из опрокинутого стакана, сквозь воронку памяти, из-под его пальцев струей выхлестывали образы, брызгали с карандаша, и каждый глаз, каждая ноздря, каждый рот, каждая щека, каждое лицо оказывались четкими и законченными, будто отпечатанные. Через десять секунд рука Роя, точно паук, брошенный в кипяток, плясала и лихорадочно сновала, судорожно набрасывая воспоминания. Мгновение назад блокнот был пуст. И вот уже чудовище — не все, но большая его часть — оказалось там!

— Черт! — прошептал Рой и отшвырнул карандаш.

Я посмотрел на ширму с восточным орнаментом, затем на набросок.

То, что я увидел, смахивало на полупозитивный-полунегативный снимок промелькнувшего перед нашими глазами страшилища.

Теперь, когда чудовище скрылось из виду и метрдотель за ширмой принимал заказ, я не мог оторвать взгляда от рисунка Роя.

— Почти все, — прошептал Рой. — Но не совсем. Поиски закончены, юнга.

— Нет.

— Да.

Я отчего-то вскочил.

— Спокойной ночи.

— Ты куда? — опешил Рой.

— Домой.

— Ну и как ты думаешь добираться? Час трястись в автобусе? Сядь.

Рука Роя бегала по блокноту.

— Перестань, — сказал я.

Это было все равно что выстрелить ему в лицо.

— И это после стольких недель ожидания? К черту! Что это с тобой?

— Я выхожу из игры.

— Я тоже. Думаешь, мне все это нравится? — Он задумался над своими словами. — Ладно, пусть мне будет плохо, но сперва я разберусь с этим.

Он сделал рисунок еще кошмарнее, выделяя самые страшные черты.

— Ну как?

— Вот теперь мне действительно страшно.

— Думаешь, он выскочит из-за ширмы и схватит тебя?

— Точно!

— Садись и ешь свой салат. Знаешь, как говорит Хичкок: когда главный художник закончил с декорациями, фильм состоялся. Наш фильм состоялся. Это — его завершение. Дело в шляпе.

— Но отчего мне так стыдно? — Я тяжело опустился обратно на стул и не мог уже смотреть в Роев блокнот.

— Потому что ты не он, а он не ты. Благодарю Бога и цени каждое проявление Его милости. Что, если я порву все это и мы уйдем? Сколько еще месяцев нам понадобится, чтобы найти что-то столь же печальное и страшное?

Я с трудом проглотил комок в горле.

— Вечность.

— То-то. Другого такого вечера не будет. Так что сиди спокойно, ешь и жди.

— Я подожду, но спокойно сидеть не смогу, и мне будет очень грустно.

Рой посмотрел на меня в упор.

— Видишь эти глаза?

— Да.

— Что ты в них видишь?

— Слезы.

— Значит, я переживаю не меньше твоего, но ничего не могу с собой поделать. Остынь. Выпей.

Он подлил еще шампанского.

— Какая гадость, — сказал я.

Рой рисовал, и лицо ясно проявлялось на бумаге. Лицо на стадии полного разложения, словно его жилец — разум, обитавший

под этой оболочкой, — сбежал, уплыл за тысячи миль и теперь безвозвратно тонет. Если под этой плотью и были кости, их давно разметало на части, и, воссоединившись, они обрели какие-то жуткие очертания — чужие фасады, замаскированные под руины. Если и был под этими костями разум, прячущийся в расселинах сетчатки и слуховых каналов, то он отчаянно заявлял о себе через вращающиеся белки глаз.

Однако, как только нам принесли еду и налили шампанского, мы с Роем застыли от ужаса: из-за ширмы раздались взрывы невероятного хохота, гулко отражавшиеся от стен. Сперва женщина не смеялась в ответ, но затем, по прошествии часа, ее негромкий смех звучал почти наравне с хохотом мужчины. Но если его смех звучал чисто, как колокол, то ее хихиканье было почти истеричным.

Чтобы не дать деру, я надрался в хлам. Когда бутылка с шампанским опустела, метрдотель принес другую и отвел мою руку, которой я пытался нащупать пустой бумажник.

— Грок, — напомнил он, но Рой его не слышал.

Он заполнял блокнот — страницу за страницей; время шло, смех слышался все громче, наброски Роя становились все более гротескными, словно бурные всплески бесхитростного веселья подстегивали воспоминания и заставляли исчеркивать страницы. Наконец смех затих. Из-за ширмы послышался негромкий шорох светлых сборов, и перед нашим столиком появился метрдотель.

— Прошу вас, — вкрадчиво сказал он. — Мы закрываемся. Не возражаете?

Он кивнул в сторону двери и отошел в сторону, отодвигая стол. Рой поднялся, посмотрел на ширму с восточным орнаментом.

— Нет, — произнес метрдотель. — Вы должны уйти первыми, таков порядок.

Я уже был на полпути к двери, когда мне пришлось обернуться назад.

— Рой? — позвал я.

Рой пошел за мной, то и дело оглядываясь, словно уходил из театра, когда спектакль еще не закончился.

Когда мы с Роем вышли на улицу, к обочине как раз подъезжало такси. На улице не было ни души, кроме мужчины среднего роста в длинном верблюжьем пальто, стоявшего к нам спиной

на краю тротуара. Его выдала папка, зажатая под мышкой слева. День за днем я видел эту папку в летнюю пору моей юности и ранней молодости перед дверями «Коламбии», «Парамаунта», «МГМ» и прочих киностудий. Она была полна прекрасно нарисованных портретов Греты Гарбо³⁷, Рональда Колмана, Кларка Гейбла, Джин Харлоу и тысяч других, и на каждом — росчерк актера красными чернилами. Все они принадлежали неистовому собирателю автографов, нынче постаревшему. Я заколебался в нерешительности, но все же остановился.

— Кларенс? — окликнул я его.

Человек вздрогнул, словно не хотел быть узнанным.

— Это же ты? — спросил я и взял его за локоть. — Ты Кларенс, да?

Тот отшатнулся, но наконец обернулся ко мне. Это было то же лицо, только седые морщины и бледность старили его.

— Что? — произнес он.

— Ты меня помнишь? — спросил я. — Наверняка помнишь. Когда-то я носился по Голливуду вместе с тремя сумасшедшими сестрами. Одна из них еще шила такие цветастые гавайские рубашки, в которых Бинг Кросби³⁸ снимался в своих ранних фильмах. Я приходил к «Максимус» в полдень и стоял там каждый день все лето тысяча девятьсот тридцать четвертого года. И ты тоже там был. Как я мог забыть? У тебя был единственный из виденных мной набросков Греты Гарбо, подписанный ею...

Моя литания только испортила все. От каждого слова Кларенс вздрагивал под своим теплым верблюжьим пальто.

Он нервно кивал. И нервно поглядывал на дверь «Браун-дерби».

— Что ты делаешь здесь так поздно? — спросил я. — Все давно сидят по домам.

— Кто знает? Так, от нечего делать... — сказал Кларенс.

Кто знает. А вдруг Дуглас Фэрбенкс³⁹, будто снова живой, неспешной походкой идет по проспекту, куда там до него Марлону Брандо. Фред Аллен, Джек Бенни, Джордж Бернс словно вышли из-за угла, со стороны стадиона «Леджн», где только что закончились боксерские матчи, и оттуда валила толпа счастливых людей, счастливых, как в те старые добрые времена, которые были намного прекраснее нынешнего вечера и всех будущих вечеров.

Так, от нечего делать. Да.

— Что ж, — согласился я. — Кто знает? Ты что, меня совсем не помнишь? Я тот придурок. Конченный придурок. Марсианин.

Кларенс обшарил взглядом мой лоб, нос, подбородок, но в глаза не смотрел.

— Н-нет, — проговорил он.

— Что ж, доброй ночи, — пожелал я.

— Прощайте, — ответил Кларенс.

Рой увел меня к своей жестянке, мы забрались в машину, Рой шумно дышал от нетерпения. Едва усевшись, он схватил блокнот, карандаш и замер в ожидании.

Кларенс по-прежнему стоял на краю тротуара рядом с такси, когда двери «Браун-дерби» открылись и чудовище вместе со своей красавицей вышли оттуда.

Стояла прекрасная, на редкость теплая ночь, однако то, что произошло дальше, было не столь прекрасно.

Человек-чудовище стоял, вдыхая полной грудью воздух, очевидно ольяненный шампанским и самозабвением. Зная, что его лицо похоже на поле давно проигранного сражения, он не показывал виду. Он взял за руки свою спутницу и, о чем-то болтая и смеясь, повел ее к такси. Только в этот момент, когда она шла, глядя в никуда, я заметил, что...

— Она слепая! — воскликнул я.

— Что? — переспросил Рой.

— Слепая. Она его не видит. Ничего удивительного, что они стали друзьями! Он приглашает ее на ужин, но никогда не говорит, как он выглядит на самом деле!

Рой подался вперед и внимательно посмотрел на женщину.

— Господи, — произнес он, — ты прав. Слепая.

А мужчина все смеялся, и женщина, стараясь не отставать, изображала веселье, как оглушенный полугай.

В этот момент стоявший к ним спиной Кларенс, наслушавшись их смеха и нескончаемой болтовни, медленно обернулся и посмотрел на парочку. Полуприкрыв глаза, он снова напряженно прислушался, и вдруг по его лицу скользнуло выражение невероятного удивления. Из рта вырвалось какое-то слово.

Чудовище перестало смеяться.

Кларенс сделал шаг вперед и что-то сказал мужчине. Женщина тоже перестала смеяться. Кларенс задал еще какой-то вопрос.

После чего Человек-чудовище немедленно сжал кулаки и замахнулся, как будто собираясь ударить Кларенса, забить его в асфальт по самую макушку.

Кларенс упал на одно колено, что-то проблеяв.

Человек-чудовище возвышался над ним, кулаки его дрожали, туловище раскачивалось взад и вперед, то сдерживаясь, то отдаваясь порыву.

Кларенс взмолил о пощаде, слепая женщина, наугад ощупывая воздух, что-то сказала, и тогда Человек-чудовище закрыл глаза, и руки его опустились. Кларенс вмиг вскочил на ноги и унесся прочь во тьму. Я чуть было не выпрыгнул из машины, чтобы бежать за ним, хотя сам не знал толком зачем. В следующее мгновение мужчина помог своей слепой подруге сесть в такси, и оно с ревом унеслось.

Рой нажал на педаль газа, и мы помчались в погоню.

Такси свернуло направо на Голливудский бульвар, но тут перед нами зажегся красный свет, и пришлось остановиться, пропуская пешеходов. Рой жал на педаль газа, словно пытаюсь расчистить путь, ругался и, наконец, когда переход опустел, рванул на красный свет.

— Рой!

— Хватит звать меня по имени. Никто нас не видел. Мы просто не можем потерять его! Господи, как он мне нужен! Мы должны узнать, куда он едет! И кто он такой! Вот он!

Впереди мы увидели такси, сворачивающее на Гауэр-стрит. Там же неподалеку показался Кларенс, он все еще бежал, но не заметил, как мы проехали мимо.

В руках у него ничего не было. Свою папку он выронил и оставил лежать где-то в окрестностях «Браун-дерби». Интересно, думал я, как скоро он заметит пропажу.

— Бедный Кларенс.

— Почему «бедный»? — спросил Рой.

— Он тоже в этом замешан. Иначе зачем ему было торчать возле «Браун-дерби»? Совпадение? Нет, черт возьми. Кто-то велел ему прийти. Боже, и вот теперь он потерял все эти великолепные портреты. Рой, нам надо вернуться и спасти их.

— Нам надо ехать вперед, — отрезал Рой.

— Интересно, — произнес я, — какую записку получил Кларенс? Что в ней было написано?

— Кем написано? — спросил Рой.

Возле бульвара Сансет Рой снова проехал на красный свет, чтобы нагнать такси, которое приближалось к бульвару Санта-Моника.

— Они направляются к студии! — воскликнул Рой, но тут же поправился: — Хотя нет...

Ибо, поравнявшись с бульваром Санта-Моника, такси свернуло налево, в сторону кладбища.

Тем временем мы подъехали к церкви Святого Себастьяна, наверное, самому захудалому из костелов Лос-Анджелеса. Внезапно такси нырнуло влево на боковую улочку сразу за церковь.

Проехав по переулку примерно сто ярдов, машина остановилась. Рой затормозил и заглушил мотор. Мы увидели, как Человек-чудовище повел женщину к небольшому белому зданию, едва различимому во тьме. Он отсутствовал всего минуту. Где-то открылась и закрылась дверь, после чего Человек-чудовище вернулся в такси, которое плавно доехало до следующего перекрестка, быстро развернулось и направилось обратно в нашу сторону. К счастью, наши фары были потушены. Такси промчалось мимо. Рой выругался, врубил зажигание, выжал педаль газа, машина, взревев, сделала умопомрачительный разворот на сто восемьдесят градусов, несмотря на мои крики, и мы снова оказались на бульваре Санта-Моника — как раз вовремя, чтобы заметить, как такси останавливается перед церковью Святого Себастьяна и высаживает пассажира, который быстро, не оборачиваясь, зашагал к освещенному входу в костел. Такси уехало.

Выключив фары, Рой неслышно подъехал и остановил машину в темном месте под деревом.

— Рой, что ты собираешься...

— Тихо! — зашипел Рой. — Предчувствие. Предчувствие — это все. Этот тип такой же посетитель ночных церквей, как я хорист...
Прошло несколько минут. В церкви по-прежнему горел свет.

— Пойдем посмотрим, — предложил Рой.

— Что?

— Ладно, я сам пойду!

Рой вышел из машины и скинул ботинки.

— Вернись! — крикнул я.

Но Рой уже ушел, в одних носках. Я выскочил на улицу, снял ботинки и пошел за ним. Через десять секунд Рой был уже у двери церкви, следом подошел я, и мы, распластавшись, прикинулись к стене. Прислушались. До нас доносился голос: он звучал громко, стихал, снова делался громче.

Голос чудовища! Он торопливо перечислял жуткие бедствия, страшные преступления, ужасные ошибки и грехи, чернее мраморных небес над головой и под ногами.

Голос пастора отвечал коротко и столь же поспешно словами прощения и обещания лучшей жизни, в которой чудовище если и не возродится красавцем, то сможет обрести кое-какие радости, раскаявшись.

И снова шепот, шепот из темных глубин ночи.

Я закрыл глаза и весь превратился в слух.

Шепот, шепот. И вдруг... я замер, не веря своим ушам.

Рыдание. Горестный плач, нескончаемый, безудержный.

Одинокий человек, пришедший в церковь, человек с ужасным лицом и пропащей душой выплескивал свою громадную печаль, заставляя содрогаться стены исповедальни, церковь и меня. Стоны, вздохи и снова плач.

От этого звука слезы едва не потекли у меня из глаз. Затем все стихло, послышался... шорох. Шаги.

Мы бросились бежать.

Подбежав к машине, мы прыгнули внутрь.

— Ради бога! — прошипел Рой.

Он наклонился, пригнув мою голову. Человек-чудовище вышел из церкви и побежал один через пустынную улицу.

Добравшись до ворот кладбища, он обернулся. Проезжавшая мимо машина поймала его в лучи своих фар, как в лучи театральных софитов. Он застыл на месте, немного помедлил, а затем исчез в кладбищенской тьме.

Вдалеке, за дверьми церкви, мелькала чья-то тень, потом свечи погасли, двери закрылись.

Мы с Роем переглянулись.

— Боже мой! — произнес я. — Как велики должны быть грехи, чтобы исповедоваться в столь поздний час! А этот плач! Ты

слышал? Как думаешь, может, он пришел простить Господа за свое лицо?

— Свое лицо. Ах да, да, — сказал Рой. — Мне просто необходимо выяснить, что он затевает, я не могу его упустить!

И Рой снова вышел из машины.

— Рой!

— Ты что, не понимаешь, болван? — закричал Рой. — Он — это наш фильм, наш монстр! А вдруг он улизнет? Черт!

И помчался через улицу.

«Дурак! — подумал я. — Что он делает?»

Но я побоялся окликнуть его в этот поздний час, ведь было далеко за полночь. Рой перепрыгнул через ограду кладбища и погрузился во тьму, как утопленник в воду. Я так подскокил на своем сиденье, что ударился головой о крышу машины и с проклятиями упал на место; Рой, черт тебя возьми. Черт тебя возьми, Рой.

«А вдруг сейчас подъедет полицейский патруль, — думал я, — и спросит: что это вы тут делаете? Что я отвечу? Жду Роя. Он пошел на кладбище, через минуту вернется. Вернется? Точно вернется? Конечно, стоит только немного подождать!»

Я подождал. Пять минут. Десять.

А потом — я не поверил своим глазам — появился Рой, и двигался он так, словно его обработали электрошоком.

Он шел через улицу медленно, как во сне, и даже не заметил, как его рука повернула ручку и открыла дверцу машины. Он сел на переднее сиденье, пристально глядя в сторону кладбища.

— Рой?

Не слышит.

— Что ты там такое увидел, куда ты смотришь?

Нет ответа.

— Он что, оно... гонится за тобой?

Молчание.

— Рой! — Я потряс его за локоть. — Говори! Что там?!

— Он, — произнес Рой.

— Ну и?

— Ты не поверишь, — сказал Рой.

— Я поверю.

— Нет. Успокойся. Теперь он мой. Что за монстр будет у нас, юнга!

Наконец он повернулся и посмотрел на меня: глаза его горели, а душа проступала на щеках и губах ярким румянцем.

— Ну что, дружище, сделаем фильм?

— Сделаем?

— О да! — воскликнул он, воодушевленный своим открытием.

— И это все, что ты можешь сказать? Ничего о том, что случилось на кладбище, о том, что ты там видел? Просто: «о да»?

— О! — произнес Рой, вновь обратив немигающий взгляд в сторону кладбища. — Да.

В мощеном дворике церкви погасли огни, и она погрузилась во тьму. Улица погрузилась во тьму. Яркие краски на лице моего друга потухли. Кладбище наполнилось ночными тенями, растушеванными на рассветных окраинах.

— Да, — прошептал Рой.

И мы поехали домой.

— Жду не дождусь, чтобы добраться до своей глины, — сказал он.

— Только не это!

Потрясенный, Рой повернулся ко мне. Потоки уличных фонарей проплывали по его лицу. Казалось, он глядит на меня из-под толщи воды, как человек, которого невозможно коснуться, достать, спасти.

— Полагаю, ты хочешь сказать, что я не должен использовать это лицо в нашем фильме?

— Дело не только в лице. У меня такое чувство... если ты это сделаешь, нам крышка. Господи, Рой, мне действительно страшно. Не забывай, кто-то написал тебе, чтобы ты пришел и увидел его сегодня вечером. Кто-то хотел, чтобы ты его увидел. Кто-то сказал и Кларенсу, чтобы он пришел туда сегодня! Все происходит так быстро. Давай сделаем вид, будто нас не было в «Браундерби».

— Но как я могу притвориться? — возразил Рой.

Он прибавил газу.

Ветер врывался в раскрытые окна, рвал на мне волосы, трепал веки и губы.

По лбу Роя бежали тени, спускаясь вдоль его восхитительного орлиного носа, соскальзывая по торжествующим губам. Мне мерещились губы Грока или рот Человека, который смеется.

Рой почувствовал на себе мой взгляд и спросил:

— Начинаешь меня ненавидеть?

— Нет. Удивляюсь, как я мог, зная тебя столько лет, так и не узнать тебя.

Рой поднял левую руку с целой кипой набросков из «Браундерби». Они трепыхались и хлопали на ветру за окном машины.

— Отпустить?

— Мы же с тобой знаем, что у тебя в голове фотоаппарат. Ты отпустишь эти, а в левом глазу уже приготовлен новехонький ролик отснятой пленки.

Рой помахал листками.

— Ага. Следующая партия будет в десять раз лучше.

Блокнотные листки взлетели и скрылись в ночи где-то позади нас.

— Мне от этого ничуть не легче, — сказал я.

— А мне — да. Теперь чудовище у нас в руках. Оно наше.

— Ага, а кто его нам отдал? Кто нас направил, чтобы мы его увидели? Кто наблюдал, как мы за ним наблюдаем?

Рой протянул руку и нарисовал на запотевшем стекле жутковатую рожу.

— Вот, это моя муза.

Больше не было сказано ни слова. Остальной путь до дома мы проделали в холодном молчании.

17

В два часа ночи зазвонил телефон.

Это была Пег, она звонила из Коннектикута, где как раз занимался рассвет.

— У тебя была когда-нибудь жена по имени Пег, — кричала она, — которая десять дней назад уехала на преподавательскую конференцию в Хартфорд? Почему ты не звонил?

— Я звонил. Но тебя не было в номере. Я оставил сообщение, что я звонил. Боже, как я хочу, чтобы ты поскорее вернулась.

— О бог мой, — медленно произнесла она по слогам. — Стоит мне уехать из города, и у тебя сразу начинается Великая депрессия. Хочешь, чтобы мамочка прилетела домой?

— Да нет. Обычные козни на студии.

Я замолчал, не зная, что сказать.

— Ты что, мысленно считаешь до десяти, зачем? — спросила она.

— Боже, — произнес я.

— От Него, как и от меня, не убежишь. Ты соблюдал диету, как хороший мальчи́к? Сходи взвесься за один цент на уличных весах, получи распечатку, сделанную красными чернилами, и пошли мне. Эй, — добавила она, — я серьезно. Хочешь, чтобы я прилетела домой? Завтра?

— Я люблю тебя, Пег, — сказал я. — Возвращайся тогда, когда ты собиралась вернуться.

— А что, если тебя не будет, когда я вернусь? У тебя все еще Хеллоуин?

Ох уж эта женская интуиция!

— Его отложили на следующую неделю.

— Я все узнаю по твоему голосу. Держись подальше от кладбиш.

— Почему ты это сказала?!

Мое сердце подпрыгнуло, как кролик.

— Ты положил цветы на могилы родителей?

— Забыл.

— Как ты мог?

— Во всяком случае, кладбище, где они лежат, гораздо лучше.

— Лучше чего?

— Лучше любого другого, потому что они там.

— Положи цветочек за меня, — попросила она. — Я люблю тебя. Пока!

И она повесила трубку: раздался шорох, негромкий треск, и все стихло.

В пять утра, когда солнце и не думало показываться, а тучи, налетевшие с Тихого океана, неподвижно зависли над крышей, я рассеянно посмотрел на потолок, потом встал и на ощупь, без очков добрался до печатной машинки.

Я сел в предрассветных сумерках и написал: «ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧУДОВИЩА».

Но разве оно когда-нибудь исчезало?

Разве оно не маячило где-то впереди меня на протяжении всей моей жизни, шепотом призывая к себе?

Я напечатал: «ГЛАВА I».

Что такого прекрасного в совершенном чудовище? Отчего мальчишки и мужчины ищут ответ на этот вопрос?

Что заставляет нас полжизни бредить всякими Тварями, Пу-галами, Монстрами, Уродцами?

И главное, что вызывает безумное желание догнать и поймать самое страшное страшилище в мире?!

Я перевел дух и набрал номер Роя. Его голос раздался откуда-то издалека, словно из-под воды.

— Все в порядке. Все будет, как ты хочешь, Рой. Нормально, — сказал я.

Затем повесил трубку и снова повалился на кровать.

На следующее утро я стоял возле павильона 13, где работал Рой Холдстром, и читал нарисованный им плакат:

ОСТОРОЖНО!
РАДИОАКТИВНЫЕ РОБОТЫ.
БЕШЕНЫЕ СОБАКИ.
ЗАРАЗНЫЕ БОЛЕЗНИ

Я приложил ухо к дверям павильона и представил себе, как там, под высокими сводами, в безмолвной темноте, Рой плетет глиняные узоры, точно неуклюжий паук, попавшийся в сети своей собственной страсти и ее порождений.

— Вперед, Рой, — прошептал я. — Вперед, чудовище.

И, в ожидании, пошел прогуляться по разным городам мира.

18

Шагая, я думал: «Боже, Рой помогает родиться на свет чудовищу, которого я боюсь. Как унять дрожь и смириться с безумием Роя? Как мне его протащить в сценарий? Куда его вставить? В какую местность, в какой город, в какой уголок мира?»

Боже, думал я, шагая, теперь-то я понимаю, почему так мало мистических сюжетов написано среди американских декораций. Англия с ее туманами, дождями, болотами, старинными домами, лондонскими привидениями, Джеком Потрошителем — это да!

А что Америка? Ни одной стоящей истории про привидения или огромных собак. Разве что Новый Орлеан: там достаточно туманов, дождей и одиноких домов на болотах, от которых холодный пот прошибает: есть где раскопать могилку, пока святые вечно куда-то маршируют⁴⁰. Еще Сан-Франциско, где каждую ночь завывают сирены, подавая кораблям сигнал в тумане.

Может, Лос-Анджелес. Вотчина Чандлера и Джеймса Кейна. Хотя...

Во всей Америке было всего одно настоящее место, где можно было спрятать убийцу или расстаться с жизнью.

Киностудия «Максимус»!

Рассмеявшись, я свернул на боковую дорожку и пошел через дюжину натуральных площадок, по пути делая заметки.

Здесь можно отыскать и Англию, и далекий Уэльс, и заболоченную Шотландию, и дождливый Эйре, и развалины древних замков, и могильные склепы, под сводами которых снимались ужасики и привидения толпами носились всю ночь по стенам просмотровых залов, что-то отрывисто бормоча, в то время как ночные сторожа распевали похоронные гимны, проезжая мимо на старинных колесницах Демиля, запряженных конями с пламенеющими султанами.

Итак, сегодня ночью статисты-призраки исполнят бой часов, холодные капли разлетятся из поливальных установок на лужайках, упадут на разогретые за день тихие могильные камни, поднимется кладбищенский туман и поверх стены незаметно приплывет сюда. Здесь ты в любой вечер можешь пройтись по Лондону и встретить Призрак Стрелочника⁴¹, от чьего фонаря загорелся паровоз, который со свистом пронесся мимо него, словно железный бронепоезд, и протаранил павильон 12, чтобы затем раствориться на страницах старого октябрьского номера «Сильвер скрин».

Итак, я бродил по аллеям, ожидая, пока не зайдет солнце и Рой с руками по локоть в кроваво-красной глине не выйдет наружу и не возвестит о рождении новой жизни!

Ровно в четыре я услышал далекие ружейные выстрелы.

Это были вовсе не выстрелы: просто Рой гонял туда-сюда крокетный мяч по лужайке натурной площадки № 7. Он лупил и лупил по мячу, но, почувствовав на себе мой взгляд, застыл на месте. Он поднял голову и удивленно посмотрел на меня. С виду он был похож не на акушера, принявшего роды, а скорее на хищника, только что убившего свою жертву и наевшегося до отвала.

— Я это сделал, ей-богу! — крикнул он. — Я его поймал! Наше чудовище, твое чудовище, мое! Сегодня — в глине, завтра — на пленке! Все будут спрашивать: «Кто это сделал?» Мы, сынок, это сделали мы!

Рой сжимал своими длинными костлявыми пальцами воздух.

Я медленно подошел, изумленно глядя на него.

— Поймал? Господи, Рой, ты так и не рассказал мне. Что ты там видел, когда погнался за ним прошлой ночью?

— Всему свое время, дружище. Слушай, я закончил работу полчаса назад. Один взгляд на это, и ты начнешь строчить так, что твоей машинке придет каюк. Я позвонил Мэнни! Он подъедет через двадцать минут. Я чуть с ума не сошел от нетерпения. Пришлось гонять мячи. Вот так!

Он опять с размаху ударил по мячу, и тот улетел прочь.

— Остановите меня, пока я не убил кого-нибудь!

— Рой, успокойся.

— Нет, я никогда не успокоюсь. Мы сделаем величайший фильм ужасов в истории кино. Мэнни...

— Эй, вы двое, что вы тут делаете? — окликнул нас чей-то голос.

Почти неслышно урча, к нам подкатил «Роллс-Ройс» Мэнни, эдакий белоснежный театр на колесах. Лицо нашего босса выглядывало из маленького кассового окошечка.

— Вы хотели встретиться, нет?

— Нам идти пешком или сесть в машину? — спросил Рой.

— Пешком!

И «Роллс» проскользнул мимо.

Мы не спеша побрели к павильону 13.

Я все время смотрел на Роя, надеясь разглядеть хоть намек на то, что он придумал за эту долгую ночь. Даже когда мы были мальчишками, он редко показывал свои настоящие чувства. Обычно он распахивал передо мной настежь двери гаража, чтобы продемонстрировать своего последнего динозавра. Только после моего восхищенного вздоха он позволял себе крик радости. Если мне это нравилось, для него уже не имело значения, что скажут другие.

— Рой, — спросил я, пока мы шли, — у тебя все в порядке?

Перед павильоном 13 мы увидели Мэнни Либеры — он просто кипел от злости.

— Где вы пропадаете, черт возьми?! — заорал он.

Рой открыл дверь павильона, проскользнул внутрь, и дверь захлопнулась за ним с тяжелым стуком.

Мэнни бросил на меня испепеляющий взгляд. Я подскочил и распахнул дверь перед ним.

Мы вошли во мрак.

Вокруг было темно, если не считать единственной лампочки, висевшей над станком с металлическими опорами, на котором Рой лепил свои модели, — в шестидесяти футах от нас, на том конце пустынного пространства, полумарсианского пейзажа, неподалеку от погруженного во мрак метеоритного кратера.

Рой скинул ботинки и, словно балетный танцор, стрелой промчался через этот ландшафт, боясь раздавить какое-нибудь деревце размером с ноготок или машинку величиной с наперсток.

— Снимите туфли! — прокричал он нам.

— Черта с два!

И все же Мэнни стащил с себя туфли и на цыпочках прошел через миниатюрный мирок. С рассвета здесь появилось много нового; новые горы, новые деревья и плюс еще что-то укрытое мокрой тряпкой и стоявшее под лампой.

Мы оба, в одних носках, подошли к станку.

— Готовы? — Глаза Роя, как маяки, выхватили из темноты наши лица.

— Да, черт меня подери! — Мэнни схватился за влажное полотенце.

Рой оттолкнул его руку.

— Нет, — сказал он. — Я сам!

Мэнни отступил назад, вспыхнув от гнева.

Рой поднял влажное полотенце, словно это был занавес величайшего представления на Земле⁴⁷.

— Это вам не красавица и чудовище, — вскричал он, — а настоящему красивое чудовище!

Мы с Мэнни Либером так и ахнули.

Рой не соврал. Это была лучшая из всех его работ, то самое существо, что неслышно покинуло космический корабль, прилетев из далекого далека, за множество световых лет от нас. Это был тот полуночный охотник, что пробирался межзвездными тропами, тот одинокий мечтатель, что скрывался за страшной, ужасной, безобразной личиной.

Чудовище.

Это был тот одинокий человек за восточной ширмой в «Браундерби», хохочущий над шуткой, казалось сказанной много дней назад.

Существо, которое умчалось прочь по ночным улицам, скрылось на кладбище и осталось среди белых могил.

— О боже, Рой.

Мои глаза наполнились слезами от сильного потрясения — столь же острого и ясного, как то, другое, когда Человек-чудовище вышел на улицу и обратил обезображенное лицо к ночным небесам.

— О боже...

Рой не мог оторвать безумного, влюбленного взгляда от своего удивительного творения. Затем он все же медленно повернулся, чтобы посмотреть на Мэнни Либера. Увиденное поразило нас обоих.

Лицо Мэнни было белым, как овечий сыр. Глаза выкатились из глазниц. Из горла доносилось клокотание, словно его душили проволокой. Пальцы вцепились в грудь, будто сердце внезапно остановилось.

— Что ты наделал? — взвизгнул он. — Господи! Боже мой, о господи! Что это? Фокус? Шутка? Закрой его! Ты уволен!

Мэнни швырнул мокрое полотенце в глиняное чудовище.

— Дерьмо!

Неловкими, механическими движениями Рой накрыл глиняную голову.

— Я не сделал ничего...

— Сделал! Ты что, хочешь, чтобы *это* появилось на экране? Извращенец! Собирай манатки! Убирайся! — Мэнни, весь дрожа, закрыл глаза. — Немедленно!

— Вы же сами этого требовали! — возразил Рой.

— Пусть, а теперь я требую уничтожить это!

— Это моя лучшая, величайшая работа! Да посмотрите же на него, черт возьми! Он прекрасен! Он мой!

— Нет! Он принадлежит студии! На свалку его! Съемки отменяются. Вы оба уволены. Я хочу, чтобы через час здесь было все чисто. Пошевеливайтесь!

— А почему вы принимаете все так близко к сердцу? — спокойно спросил Рой.

— Разве?

И Мэнни, с туфлями под мышкой, решительно прошагал через весь павильон, давя по пути миниатюрные домики и расшвыривая игрушечные грузовики.

У дальнего выхода из павильона он остановился, втянул носом воздух и кинул на меня огненный взгляд.

— Ты не уволен. Получишь новую работу. А этот сукин сын — вон!

Дверь открылась и, словно окно готического собора, пропустила ворох света, а затем с грохотом захлопнулась, оставив меня наблюдать провал Роя и крушение его надежд.

— Господи, что мы такого сделали? Что такого, черт возьми? — кричал я, обращаясь к Рою, к самому себе, к красному глиняному бюсту монстра, открытого и явленного миру чудовища. — Что?!

Рой весь дрожал.

— Боже! Я полжизни работал, чтобы сделать что-то стоящее. Я учился, ждал, пытался увидеть и наконец действительно увидел. И вот творение явилось из-под моих пальцев, о боже, как оно явилось! Что за тварь такая возникла из этой проклятой глины? Как же так: она родилась на свет, а я убит?

Рой вздрогнул. Он поднял кулаки, но бить было некого. Он посмотрел на своих доисторических животных и широко развел руки, точно желая обнять и защитить их.

— Я вернусь! — хрипло прокричал он им и медленно побрел прочь.

— Рой!

Он, спотыкаясь, выбрался на свет, я бросился за ним. Снаружи пылало раскаленное предзакатное солнце, мы словно плыли сквозь реку огня.

— Куда ты?

— Бог знает! Не ходи. Не хватало еще и тебе остаться с носом! Это твоя первая работа. Ты предупреждал меня вчера ночью. Теперь я знаю, зря я все это затеял, только вот почему? Я спрячусь где-нибудь на территории, чтобы ночью вынести потихоньку своих друзей!

Рой с тоской посмотрел на закрытую дверь, за которой обитали дорогие его сердцу чудища.

— Я помогу, — сказал я.

— Нет. Тебе не стоит показываться со мной. Подумают, что ты меня на это подбил.

— Рой! Мэнни смотрел на тебя так, будто хотел убить! Я позволю своему приятелю, детективу Крамли. Может быть, он поможет! Вот его телефон. — Я торопливо написал номер на мятом клочке бумаги. — Спрячь. Позвони мне вечером.

Рой Холдстром прыгнул в тарантас Лорела и Харди и на скорости десять миль в час задымил в сторону натуральных площадок.

— Поздравляю, чертов придурочный сукин сын! — произнес чей-то голос.

Я обернулся. Посреди аллеи стоял Фриц Вонг.

— Я на них наорал, и тебе наконец дали переписывать сценарий для моего паршивого фильма «Бог и Галилея». Мэнни только что промчался мимо меня на своем «Ройсе». Он прокричал, что я могу взять тебя на новую работу. Так что...

— А в сценарии есть какие-нибудь монстры? — Мой голос дрожал.

— Только Ирод Антипа. Либер хотел тебя видеть.

И он потащил меня к кабинету Мэнни Либера.

— погоди, — сказал я.

Я вглядывался через плечо Фрица в дальний конец аллеи, пытаясь разглядеть улицу за воротами киностудии, где каждый день, неизменно, собиралась толпа, стадо, людской зверинец.

— Идиот! — произнес Фриц. — Куда ты собрался?

— При мне только что уволили Роя, — ответил я. — Теперь я хочу снова пригласить его на работу!

— Dummkopf. — Фриц быстрой походкой догнал меня. — Мэнни хочет видеть тебя прямо сейчас!

— Сейчас, но через пять минут.

Выйдя за ворота киностудии, я посмотрел на противоположную сторону улицы.

«Кларенс, ты здесь?» — подумал я.

20

И точно, там они и стояли.

Придурки. Психи. Идиоты.

Толпа влюбленных, молящихся на храм киностудии.

Совсем как те полуночники, что когда-то таскали меня с собой на боксерские матчи голливудского стадиона «Леджн» — поглядеть, как мимо промчится Кэри Грант, или Мэй Уэст⁴³, колыхаясь, проплывет сквозь толпу, словно гибкая змея из перьев, или Граучо Маркс неслышно прокрадется вместе с Джонни Вайсмюллером, таскавшим за собой Лупе Велес, как леопардовую шкуру.

Болваны (и я среди них) с огромными фотоальбомами, с перепачканными руками, держащими маленькие, неразборчиво подписанные карточки. Чудаки, которые со счастливыми лицами стояли под проливным дождем на премьере мюзикла «Дамы» или «Дорожка флирта», а между тем Депрессия все не кончалась, хотя Рузвельт сказал, что это не может длиться вечно и счастливые дни снова настанут.

Уроды, шакалы, бесноватые, фанатики, несчастные, пропащие.

Когда-то я был одним из них.

И вот они здесь, передо мной. Моя семья.

⁴³ Болван (нем.).

Среди них еще остались несколько лиц с тех времен, когда я сам скрывался в их тени.

Двадцать лет спустя — господи! — тут была Шарлотта со своей мамой! В 1930-м они похоронили Шарлоттиногo отца и с тех пор прямо-таки прописались перед воротами шести киностудий и десяти ресторанов. И вот теперь, спустя целую жизнь, они стояли здесь: Ма, лет под восемьдесят, крепкая, прозаическая, как зонтик, и Шарлотта, под пятьдесят, как всегда, хрупкая, словно стебелек. Обе притворщицы. У обеих под бледными, как носорожья кость, улыбками скрывался стандартный набор мыслей.

В этом странном, увядшем букете могильных цветов я стал высматривать Кларенса. Ибо Кларенс был среди них самым одержимым: он таскал от студии к студии огромные двадцатифунтовые альбомы с фотографиями. В красной коже — для «Парамаунта», в черной — для «РКО», в зеленой — для «Уорнер бразерс».

Зимой и летом Кларенс был закутан в большое, не по размеру, пальто из верблюжьей шерсти с карманами, куда он рассовывал ручки, блокноты и миниатюрные фотокамеры. Он снимал пальто только в самые жаркие дни. И тогда становился похож на черепаху, вырванную из панциря и с испугом глядящую на жизнь вокруг.

Я перешел улицу и остановился перед толпой.

— Привет, Шарлотта, — сказал я. — Здорово, Ма.

В тихом шоке обе женщины уставились на меня.

— Это же я, — продолжал я. — Помните? Двадцать лет назад. Я стоял тут. Космос. Ракеты. Время?..

Шарлотта ахнула и невольно прикрыла рукой свои выпирающие зубы. Она наклонилась вперед, как будто вот-вот рухнет с поребрика.

— Ма, — вскричала она, — надо же... это... это же Псих!

— Псих! — Я тихонько засмеялся.

В глазах Мама вспыхнул огонек.

— Надо же, господи! — Она тронула меня за локоть. — Бедняга! Что ты делаешь здесь? Все еще собираешь автографы?..

— Нет, — нехотя произнес я. — Я здесь работаю.

— Где?

Я мотнул головой через плечо.

— Там? — недоверчиво воскликнула Шарлотта.

— В отделе писем? — спросила Ма.

— Нет. — Щеки у меня запылали. — Можно сказать... в отделе текстов.

— Ты копировщик?

— О, ради бога, Ма. — Лицо Шарлотты вспыхнуло. — Он имеет в виду писательскую работу, верно? Сценарии?!

Последнее было верной догадкой. Все лица вокруг Шарлотты и Ма загорелись румянцем.

— Боже мой! — воскликнула мать Шарлотты. — Не может быть!

— Так и есть, — почти шепотом сказал я. — Я работаю над фильмом вместе с Фрицем Вонгом. «Цезарь и Христос».

Долгое, ошеломленное молчание. Ноги зашаркали. Рты открылись.

— Мы не могли бы... — начал кто-то, — попросить у вас...

Но Шарлотта сама закончила фразу:

— Ваш автограф. Пожалуйста!

— Я...

Но все руки с карандашами и белыми карточками уже протянулись ко мне.

Я стыдливо взял Шарлоттину карточку и написал свою фамилию. Мать недоверчиво посмотрела на подпись, перевернутую вверх ногами.

— Напиши название фильма, над которым ты работаешь, — попросила Ма. — «Христос и Цезарь».

— А после своей фамилии напиши еще: «Псих», — подсказала Шарлотта.

Я написал: «Псих».

Чувствуя себя полнейшим кретином, я стоял в углублении водостока, а надо мной склонялись все эти головы, и все эти несчастные, пропащие чудачки, прищурившись, разглядывали подпись, чтобы угадать, кто я такой.

Чтобы как-то скрыть свое смущение, я спросил:

— А где Кларенс?

Шарлотта с матерью открыли от удивления рты.

— Ты и его помнишь?

— Как можно забыть Кларенса с его папками и пальто! — отозвался я, ставя росчерки.

— Он еще не звонил, — раздраженно сказала Ма.

— Не звонил? — Я в удивлении поднял глаза.

— Примерно в это время он звонит вон на тот таксофон напротив, спрашивает, что было, кто выходил и все в таком духе, — ответила Шарлотта. — Экономит время. Спать ложится поздно, так как по ночам обычно торчит у ресторанов.

— Я знаю.

Я поставил последний автограф, сгорая от непростительного восторга. Я все еще не мог смотреть на своих новых поклонников, которые улыбались мне, словно я только что одним прыжком перемахнул через всю Галилею.

На другой стороне улицы в стеклянной будке зазвонил телефон.

— А вот и Кларенс! — сказала Ма.

— Простите... — Шарлотта направилась к телефону.

— Пожалуйста. — Я тронул ее за локоть. — Столько лет прошло. Сделаем ему сюрприз? — Я переводил взгляд с Шарлотты на Ма и снова на Шарлотту. — Согласны?

— Ну что ж, ладно, — проворчала Ма.

— Давай, — сказала Шарлотта.

Телефон все еще звонил. Я подбежал и снял трубку.

— Кларенс? — произнес я.

— Кто это?! — закричал он с внезапным недоверием.

Я попытался объяснить поподробнее, но в конце концов остановился на старом своем прозвище Псих.

Все это не возымело никакого действия на Кларенса.

— Где Шарлотта или Ма? Я болен.

«Болен, — подумал я, — или, как Рой, вдруг перепугался?»

— Кларенс, где ты живешь? — спросил я.

— Что?!

— Дай мне хотя бы твой телефон...

— Я никому не даю свой телефон! Меня ограбят! Мои фотографии. Мои сокровища!

— Кларенс! — умолял я. — Я был прошлой ночью в «Браундерби».

Молчание.

— Кларенс? — окликнул я. — Мне нужна твоя помощь, чтобы кое-кого опознать.

Клянусь, я слышал, как бьется его заячье сердечко на том конце провода. Слышал, как его глазки альбиноса дергаются в глазницах.

— Кларенс, — сказал я, — пожалуйста! Запиши мою фамилию и номера телефонов.

Я продиктовал.

— Позвони или напиши на студию. Я видел того человека, который чуть не ударил тебя вчера ночью. За что? Кто?..

Щелчок. Гудки.

Кларенс, где бы он ни был, исчез.

Я перешел через улицу, словно во сне.

— Кларенс не придет.

— Что ты имеешь в виду? — с упреком сказала Шарлотта. — Он всегда приходит!

— Что ты ему сказал?! — Мать Шарлотты повернулась ко мне своим левым, злым глазом.

— Он болен.

«Болен, как Рой, — подумал я. — Болен, как я».

— Кто-нибудь знает, где он живет?

Все отрицательно покачали головой.

— Думаю, ты мог бы проследить за ним! — Шарлотта остановилась и засмеялась сама над собой. — То есть...

Кто-то сказал:

— Я видел его однажды в Бичвуде. Во дворе, среди одноэтажек...

— У него есть фамилия?

Нет. Как и у остальных — за все эти долгие годы. Никаких фамилий.

— Проклятье! — прошептал я.

— Кстати, а как... — Мать Шарлотты внимательно посмотрела на карточку, которую я подписал. — Как твоя кличка?

Я назвал ей по буквам.

— Будешь снимать фильмы, — фыркнула Ма, — подыщи-ка другое имя.

— Зовите меня просто Псих.

И я пошел прочь.

— Пока, Шарлотта, пока, Ма.

— Пока, Псих, — ответили они.

Фриц ждал меня наверху, перед кабинетом Мэнни Либера.

— Тут такая кутерьма пошла! — воскликнул он. — Что это с тобой?

— Поговорил с горгульями.

— Что, опять спустились с собора Парижской Богоматери? Входи!

— Но почему все это? Час назад мы с Роем были на Эвересте. А теперь он отправился в ад, а я с тобой — в Галилею. Объясни.

— Здесь твой путь к успеху, — сказал Фриц. — Кто знает? У Мэнни померла мамаша. Или любовница пропустила пару мячей в свои ворота. Может, у него запор? Может, ему поставили клистир? Выбирай сам. Роя уволили. Так что нам с тобой теперь предстоит ломать комедию из серии «Маленькие негодяи»⁴⁴ для шестилеток. Заходи!

Мы вошли в кабинет Мэнни Либера.

Мэнни Либер стоял, повернувшись к нам затылком.

Он стоял посреди просторной комнаты, где все было белым: белые стены, белый ковер, белая мебель и огромный, совершенно белый стол, на котором не было ничего, кроме белого телефона. Настоящий вихрь вдохновения, созданный неким ослепшим от снега художником из декорационных мастерских.

Позади стола висело зеркало четыре на шесть футов, так что, взглянув через плечо, можно было увидеть самого себя за работой. В комнате имелось всего одно окно. Оно выходило на заднюю ограду студии, расположенную не более чем в тридцати футах, и из окна открывался панорамный вид на кладбище. Я не мог оторвать взгляда от этого зрелища.

Но тут Мэнни Либер прочистил горло. Затем, не оборачиваясь, произнес:

— Он ушел?

Я спокойно кивнул, глядя на его напрягшиеся плечи.

Мэнни почувствовал мой кивок и выдохнул.

— Его имя больше никогда не будет упоминаться здесь. Будто его и не было.

Я молчал, а Мэнни повернулся и стал ходить вокруг меня, перемалывая внутри себя гнев, которому он не мог дать волю. Его лицо представляло собой сплошной нервный тик. То глаза с бровями двигались вразнобой, то рот перекашивался несообразно движению бровей, то голова сворачивалась куда-то набок. Мэнни шагал и, казалось, был вне себя от ярости; в любой момент мог произойти взрыв. Тут он заметил Фрица Вонга, наблюдавшего за нами обоими, и подошел к нему, словно желая вызвать у Фрица вспышку гнева.

Фриц благоразумно сделал то, что, по моим наблюдениям, проделывал часто, когда мир становился для него слишком реален. Он вынул из глаза линзу и опустил его в нагрудный карман. Что-то вроде тонкого намека: мне это неинтересно, я отстраняюсь. Вместе с линзой он засунул в карман и Мэнни.

А Мэнни Либер все расхаживал и говорил. Я ответил полупрошептом:

— Да, но что нам делать с Метеоритным кратером?

Фриц предупреждающе мотнул головой в мою сторону: «Заткнись!»

— Так вот! — Мэнни сделал вид, что не слышал. — Другая наша проблема, главная проблема — это... отсутствие концовки для фильма «Христос и Галилея».

— Повторите, я не расслышал? — с убийственной вежливостью переспросил Фриц.

— Нет концовки! — вскричал я. — А вы не пробовали прочитать Библию?

— Да были у нас эти Библии! Но наш сценарист не мог прочесть мелкий шрифт даже на бумажном стаканчике. Я видел твой рассказ в «Эсквайре»⁴⁵. Очень смахивает на книгу Эклизиаста.

— Иова, — пробормотал я.

— Заткнись. Что нам нужно, так это...

— Матфей, Марк, Лука — и я!

Мэнни Либер недовольно фыркнул.

— С каких это пор начинающие писатели отказываются от величайшей работы века? Срок исполнения — вчера, чтобы завтра Фриц мог возобновить съемки. Пиши хорошо, и когда-нибудь все это, — он обвел рукой вокруг, — будет твоим!

Я посмотрел в окно на кладбище. День был солнечный, но могильные камни мокли под невидимым дождем.

— Боже мой, — прошептал я, — надеюсь, этого не случится.

Это его доконало. Мэнни Либер побледнел. Он снова оказался там, в павильоне 13, в темноте, вместе со мной, Роем и глиняным чудовищем.

Не говоря ни слова, он помчался в уборную. Дверь со стуком захлопнулась.

Мы с Фрицем переглянулись. Там, за дверью, Мэнни явно было плохо.

— *Gott!*, — вздохнул Фриц. — Надо было послушаться Геринга!

Через минуту, шатаясь, Мэнни Либер вернулся, огляделся по сторонам, словно удивляясь тому, что комната все еще плывет, доковылял до телефона, набрал номер, сказал: «Заходи сюда!» — и направился к выходу.

Я остановил его у двери.

— Насчет павильона тринадцать...

Мэнни поднес руку ко рту — похоже, ему снова стало дурно. Глаза округлились.

— Я знаю, вы собираетесь очистить павильон, — затараторил я. — Но у меня там осталась куча вещей. А мне хотелось бы остаток дня провести с Фрицем — поговорить насчет Галилеи и Ирода. Вы не могли бы оставить там весь хлам, чтобы я мог прийти завтра утром и забрать свои вещи? А потом можете очищать павильон.

Мэнни в задумчивости закатил глаза. Затем, прикрывая рот рукой, он сделал один короткий кивок: да, — обернулся и столкнулся нос к носу с высоким, худым, бледным человеком, входившим в кабинет. Они что-то сказали друг другу шепотом, после чего Мэнни, не прощаясь, ушел. Этот высокий бледный человек был Хоуп из финансового отдела.

Он посмотрел на меня, заколебался, затем с некоторым смущением произнес:

— Похоже, м-м-м, у нас нет концовки для вашего фильма.

— А Библию не пробовали почитать? — хором спросили мы с Фрицем.

* Господи (нем.).

Зверинец исчез, тротуар перед студией был пуст. Шарлотта, Ма и остальные пошли дальше, к другим студиям, к другим ресторанам. Таких, как они, по всему Голливуду наберется дюжины три. Хоть один наверняка знает фамилию Кларенса.

Фриц отвез меня домой.

По дороге он сказал:

— Загляни в бардачок. Футляр для очков. Открой.

Я открыл маленькую черную коробочку. Там, в шести аккуратных углублениях из красного бархата, лежали шесть блестящих стеклянных моноклей.

— Мой багаж, — сказал Фриц. — Все, что я сохранил и взял с собой в Америку, когда мне пришлось сваливать, имея при себе лишь ненасытный член и талант.

— Великий талант.

— Не надо. — Фриц легонько ткнул меня кулаком в голову. — Только оскорбления, недоносок. Я показываю тебе эти штуки, — он подтолкнул локтем коробку с моноклями, — как доказательство: не все потеряно. Все кошки, и Рой тоже, приземляются на лапы. Посмотри-ка, нет ли чего еще в бардачке?

Я нашел толстую копию рукописи.

— Если прочтешь и не выбросишь, станешь мужчиной, сынок. Это Киплинг. Иди. Приходи завтра, в два тридцать, в столовку. Поговорим. Потом, положже, мы покажем тебе черновой вариант эпизодов «Христос с протянутой рукой» или «Для чего ты меня оставил?». *Ja?*

Я вышел из его машины напротив своего дома.

— Зиг хайль! — сказал я.

— О, вот это уже лучше!

И Фриц укатил, оставив меня наедине с домом, таким пустым и безмолвным, что я сразу вспомнил: «Крамли».

Вскоре после захода солнца я сел на велосипед и отправился в Венис⁴⁶.

* Да? (нем.)

Ненавижу ездить на велосипеде по ночам, но мне хотелось удостовериться, что никто за мной не следит.

Кроме того, нужно было придумать, что я скажу своему другу-детективу. Что-нибудь вроде: «Помоги! Спаси Роя! Сделай так, чтобы его снова приняли на работу. Разгадай тайну чудовища».

При этой мысли я чуть было не повернул обратно.

Я уже представлял себе, как Крамли тяжело вздыхает, слушая мой невероятный рассказ, воздевает руки к небу, неторопливо потягивает пиво, топя в нем свое презрение к недостатку твердых, крепко сколоченных и остро заточенных фактов в моих речах.

Я припарковал велик перед его небольшим охотничьим домиком, расположенным в миле от океана, среди колючих кустов, и зашагал через рожицу африканских лилий по тропинке, где, казалось, только вчера промчались, вздымая пыль, табуны окали.

Едва я поднял руку, чтобы позвонить, дверь настежь распахнулась.

Из темноты вынырнул кулак с зажатой в нем банкой пенного пива. Я не мог разглядеть человека, который ее держал. Я схватил банку. Рука исчезла. Я услышал, как затихают шаги в глубине дома.

Перед тем как войти, я выпил три больших глотка для храбрости.

Дом был пуст.

А вот сад полон.

Элмо Крамли в шляпе бананового воронки сидел под сенью колючего кустарника, неподвижно глядя на пиво в своей загорелой руке, и молча пил.

Подле него на ротанговом столике стоял телефон, из дома тянулся кабель. Пристально и устало поглядев на меня из-под белого охотничьего шлема, Крамли набрал номер.

На том конце подняли трубку. Крамли произнес:

— Снова головная боль. Беру больничный. Вернусь через три дня, договорились? Хорошо.

И повесил трубку.

— Полагаю, головная боль — это я, — предположил я.

— Ты — это каждый раз... больничный на трое суток.

Он кивком указал на стул. Я сел. Он отошел на край своих персональных джунглей, где трубили слоны и слышался шорох крыльев невидимых гигантских шмелей, колибри и фламинго, вымерших задолго до того, как будущие экологи заявили об их вымирании.

— Где, черт возьми, ты пропадал? — спросил Крамли.

— Я женился.

Крамли обдумал мой ответ, пренебрежительно фыркнул, не спеша подошел ко мне, обнял за плечи и поцеловал в макушку.

— Принимаю!

И, рассмеявшись, вытащил целый ящик пива.

Мы сидели и ели хот-доги в небольшой ротанговой беседке в глубине сада.

— Ладно, сынок, — наконец сказал он. — Твой старый папочка скучает по тебе. Но юноша под одеялами не слышит. Старая японская поговорка. Я знал, что однажды ты вернешься.

— Ты меня прощаешь? — спросил я, едва сдерживая слезы.

— Друзья не прощают, они забывают. Промочи-ка горло. А что Пег, отличная жена?

— Год как поженились — и уже ссоримся из-за денег. — Я густо покраснел. — Она зарабатывает больше. Но мои заработки на киностудии растут — сто пятьдесят в неделю.

— Черт! Это же на десять баксов больше, чем зарабатываю я!

— Ненадолго, всего на полтора месяца. Скоро снова буду писать рассказы для «Дайм мистери»⁴⁷.

— И преотличнейшие рассказы. Хоть мы давно не виделись, я все время следил...

— А ты получил мою открытку на День отца? — быстро спросил я.

Крамли кивнул и расплылся в улыбке.

— А как же! — Он выпрямился на стуле. — Но тебя привели сюда не только семейные чувства, верно?

— Люди гибнут, Крамли.

— Как, опять? — вскричал он.

— Ну, почти гибнут, — сказал я. — Или встают из могил не то чтобы живые, а в виде кукол из папье-маше...

— Полегче, не гони лошадей!

Крамли бросился в дом, вернулся с бутылкой джина и плеснул из нее в свое пиво, пока я вздохнул продолжал рассказ. В его тропическом лесу за домом, под крики африканских хищников и птиц из девственных джунглей, включились дождевальные установки. Наконец я закончил рассказ обо всем, что произошло начиная с Хеллоуина. Наступило молчание.

Крамли испустил печальный вздох.

— Значит, Роя Холстрому уволили из-за глиняной скульптуры. А что, лицо чудовища было действительно таким страшным?

— Да!

— Эстетика. Тут старая ишейка тебе не поможет!

— Ты должен. Сейчас Рой все еще на студии, он ждет случая, чтобы незаметно выкрасть всех своих доисторических чудовищ. Они стоят тысячи долларов. Но Рой находится там нелегально. Не сможешь ли мне разобраться, что, черт возьми, все это значит? А Рою — снова получить работу?

— Господи Иисусе! — вздохнул Крамли.

— Ага, — отозвался я. — Если они поймают Роя за выносом вещей, то боже мой!

— Проклятье! — произнес Крамли. Он подлил еще джина в свое пиво. — Ты знаешь, кто был этот тип в «Браун-дерби»?

— Нет.

— А кто может его знать, как думаешь?

— Священник в церкви Святого Себастьяна.

Я рассказал Крамли о полуночной исповеди, как говорил, как плакал этот голос, как тихо ответил служитель церкви.

— Скверно. Беспросветно. — Крамли покачал головой. — Священники обычно либо ничего не знают, либо не раскрывают имен. Если я приду к нему и начну расспрашивать, через две минуты он вышвырнет меня вон. Кто еще?

— Может быть, метрдотель из «Дерби». А еще его узнал один человек, стоявший возле ресторана в ту ночь. Человек, которого я знал еще в детстве, когда катался по улицам на роликах. Кларенс. Я как раз расспрашивал, пытаюсь узнать его фамилию.

— Продолжай расспрашивать. Если он знает, кто этот Человек-чудовище, будет от чего плясать дальше. Черт, как все это глупо. Рой уволен, тебя засунули на другую работу, и все из-за какого-то глиняного истукана. Неадекватная реакция. Всеобщее

помешательство. И какое отношение весь этот бред имеет к кукле на приставной лестнице?

— Вот именно.

— А я-то, — вздохнул Крамли, — когда увидел тебя в дверях, думал: вот, буду счастлив, что он вернулся в мою жизнь.

— А ты не счастлив?

— Нет, черт возьми. — Его голос смягчился. — Господи, да. Но чего мне действительно хочется, так это чтоб ты выбрался из этой кучи конского дерьма.

Он бросил взгляд на восходящую над садом луну и сказал:

— Боже, боже... Ну и раззадорил же ты меня. — И добавил: — Попахивает шантажом!

— Шантажом?!

— Зачем затевать всю эту канитель с записками, провоцировать ни в чем не повинных людей вроде тебя и Роя, вешать фальшивые трупы на лестницы, делать так, чтобы вы создали копию чудовища, если это ни к чему не ведет? Какой толк наводить панику, если тебе от этого никакой выгоды? Наверняка были и другие записки, другие письма, верно?

— Я не видел.

— Конечно, но ты был всего лишь средством, орудием, чтобы все завертелось. Ты не проболтался. А кто-то сболтнул. Держу пари, сегодня вечером кто-то получил от вымогателя письмо со словами: «Двести тысяч немечеными полусотенными купюрами — и больше никаких воскресших покойников». Так... расскажи-ка мне про киностудию, — наконец произнес Крамли.

— Про «Максимус»? Самая успешная киностудия в истории. До сих пор. В прошлом месяце «Вэрайети» опубликовала их прибыли. Сорок миллионов чистыми. Ни одна другая студия даже рядом не стояла.

— Это реальные цифры?

— Вычти пять миллионов и все равно получишь чертовски богатую студию.

— А были в последнее время крупные неприятности, шумные скандалы, кадровые пертурбации, волнения? Не знаешь, кто-нибудь еще был уволен, фильмы снимались с производства?

— Последние несколько месяцев все было тихо и спокойно.

— Значит, все дело в этом. То есть в прибылях! Все идет чинно, благородно, и вдруг происходит нечто, не то чтобы очень важное, но все пугаются. Кто-то подумал: «Боже мой, человек на стене», и пошло-поехало! Тут какая-то тайна, что-то тут зарыто... — Крамли рассмеялся. — Ну конечно, зарыто! Арбутнот? Слушай, а вдруг кто-то решил раскопать какой-то старый грязный скандал, о котором никто толком и не слышал, и теперь — не слишком тонко — угрожает вылить всю эту грязь наружу?

— Что же это за скандал двадцатилетней давности, если на студии считают, будто с его раскрытием все рухнет?

— Если хорошенько покопаемся в нечистотах, узнаем. Проблема только в том, что копание в нечистотах никогда не было моим любимым занятием. А Арбутнот при жизни был чист?

— По сравнению с другими студийными шишками? Несомненно. Он не был женат, и у него были девушки, что вполне нормально для любого холостяка, но девчонки приличные, из тех, что ездят верхом на лошадях в Санта-Барбаре и не сходят со страниц «Таун энд кантри»⁴⁸. Холеные и симпатичные, принимают душ дважды в день. Никакой грязи.

Крамли снова вздохнул, словно кто-то сдал ему плохие карты и он уже готов махнуть на все рукой и сдаться.

— А как насчет той аварии, в которую попал Арбутнот? Был ли это несчастный случай?

— Я видел фотографии в газетах.

— К черту фотографии! — Крамли окинул взглядом свои домашние джунгли и внимательно всмотрелся в тени. — А что, если несчастный случай вовсе не был случаем? Что, если это, ну скажем, непредумышленное убийство? Что, если все упились до полусмерти, а затем погибли?

— Они как раз возвращались со студии, с большой попойки. Об этом много писали в газетах.

— Почему бы нет, — задумчиво проговорил Крамли. — Студийный босс, богатый, как Крез, получающий неслыханные прибыли от «Максимуса», надирается в стельку, пускается наперегонки с другой машиной, которую ведет Слоун, врезается в нее, отскакивает рикошетом, и все натываются на телефонный столб. Такие новости не для первых страниц. На фондовых биржах обвал. Инвесторы смеются. Съемки останутся. Убе-

ленный сединами босс рухнет с пьедестала и так далее и тому подобное, поэтому нужно какое-то прикрытие. А вот теперь кто-то, кто был тогда на месте происшествия или совсем недавно обнаружил эти факты, трясет студию, угрожая рассказать побольше, чем сказали фотографии и следы протектора на асфальте. А что, если...

— Если что?

— Если это был не несчастный случай и они отправились в ад вовсе не из-за пьяных шалостей? Если кто-то намеренно отправил их туда?

— Убийство?! — воскликнул я.

— Почему нет? У таких важных, таких больших и крупных кинобоссов всегда куча врагов. Все эти подпевалы, что выются вокруг них, строят козни и норовят при случае подкинуть какую-нибудь гадость. Кто на студии «Максимус» в тот год был следующим в очереди за властью?

— Мэнни Либер? Да он мухи не обидит. Только воздух сотрясает: пшик — и лопнул!

— Сделаем ему скидку на одну муху и один воздушный шар. Он ведь теперь глава студии, верно? Так-то вот! Пара проколотых шин, несколько раскрученных винтиков и — бабах! Вся студия у твоих ног, пожизненно!

— Звучит логично.

— Но если нам удастся найти парня, который это сделал, он сам все докажет за нас. Ладно, красавчик, что еще?

— Думаю, надо проштудировать местные газеты двадцатилетней давности и посмотреть, чего не хватает. И еще, мог бы ты немного поболтать на студии? Так, незаметно.

— С моим-то плоскостопием? Кажется, я знаю охранника у ворот студии. Несколько лет назад он работал в «Метро». Он пропустит меня и будет держать язык за зубами. Что еще?

Я перечислил. Столярные мастерские. Кладбищенская ограда. И домик в Гринтауне, где мы с Роем планировали работать и где сейчас, возможно, сидит Рой.

— Рой все еще там, ждет момента, чтобы выкрасть своих чудовищ. И знаешь, Крам, если все, что ты говорил, правда — уличные гонки, убийство, случайное или преднамеренное, — надо немедленно вытаскивать Роя оттуда. Если кто-то из работников студии

сегодня вечером заглянет в тринадцатый павильон и обнаружит там коробку, где Рой спрятал украденный им труп из папье-маше, представляешь, что они с ним сделают?!

Крамли недовольно проворчал:

— Ты просишь меня не только вернуть Рою работу, но и помочь ему остаться в живых, верно?

— Не говори так!

— Отчего же? Ты ведь как питчер в бейсболе: все время на поле, бегаешь, ловишь удобные мячи, пропускаешь плохие. Как, черт возьми, я поймаю Роя? Буду слоняться по съемочным площадкам с сачком для бабочек и кошачьим кормом?! Твои друзья с киностудии знают Роя в лицо, я — нет. Эти быки могут затоптать его задолго до того, как я успею выйти из загона. Дай мне всего один факт, от которого можно было бы плясать!

— Человек-чудовище. Если мы узнаем, кто это, станет ясно, почему Роя выгнали из-за глиняного бюста.

— Ладно, ладно. Что еще? По поводу чудовища.

— Мы видели, как он пошел на кладбище. Рой побежал за ним, но так и не рассказал мне, что он там видел и что делал этот человек. Может... может, это он, Человек-чудовище, подвесил на кладбищенскую ограду кукольного двойника Арбутнота и разослал записки, чтобы шантажировать людей!

— Ну ты загнул! — Крамли энергично потер обеими руками свою лысую голову. — Узнать, кто такой этот Человек-чудовище, спросить, где он позаимствовал лестницу и как ему удалось сострять чучело из папье-маше, неотличимое от Арбутнота! Не плохо, неплохо! — Крамли широко улыбнулся.

Он побежал на кухню за новым пивом.

Мы выпили, и Крамли устремил на меня по-отечески теплый взгляд:

— Я просто подумал... как здорово, что ты снова дома.

— Черт, — сказал я, — я даже не спросил про твой роман...

— «С наветренной стороны от смерти»?

— Но это не то название, которое я тебе подарил!

— Твое название было слишком хорошим. Я возвращаю его тебе обратно. «С наветренной стороны от смерти» выйдет на следующей неделе.

Я вскочил и схватил Крамли за руки.

— Крам! Господи! Ты сделал это! У тебя есть шампанское?!
Мы оба заглянули в его холодильник.

— Может, если смешать пиво с джином в блендере, получится шампанское?

— Почему бы не попробовать?
И мы попробовали.

24

Прозвенел телефон.

— Это тебя, — сказал Крамли.

— Слава богу! — Я схватил трубку. — Рой!

— Я больше не хочу жить, — сказал Рой. — О боже, это ужасно.
Приезжай поскорей, пока я не сошел с ума. Павильон тринадцать!
Связь оборвалась.

— Крамли! — крикнул я.

Крамли повел меня к своей машине.

Мы ехали по городу. Я не мог разжать губы, чтобы заговорить.
Мои пальцы так крепко вцепились в колени, что прекратилось всякое кровообращение.

У ворот киностудии я сказал Крамли:

— Не жди. Я позвоню через час и все расскажу...

Я зашагал к воротам, вошел. Нашел телефонную будку неподалеку от павильона 13 и вызвал такси, чтобы оно ждало у девятого павильона, ярдах в ста от меня. Затем я вошел в двери павильона 13.

И шагнул в темноту и хаос.

25

Я увидел тысячу вещей, разом опустошивших мою душу.

Вокруг, вырванные с мясом и разбросанные по всей площадке, валялись вперемешку маски, черепа, деревянные ноги, грудные ребра и лица Призрака, содранные с костей.

Чуть поодаль еще дымились руины, оставшиеся после войны, тотального истребления.

Крохотные деревушки и миниатюрные города, построенные Роем, обратились в прах. Его чудовища были выпотрошены, обезглавлены, растерзаны и погребены под горами собственной пластиковой плоти.

Я шагал через обломки, раскиданные по полу так, словно на миниатюрные крыши, башенки и карликовых человечков обрушился град ночной бомбежки, уничтожившей все до основания. Рим рухнул под пятой гигантского Аттилы. Великая библиотека не сгорела в Александрии; крохотные листочки ее книг, будто крылышки колибри, ворохом лежали на дюнах. Париж еще тлел. Лондон лежал кишками наружу. Москва была навеки стерта с лица земли ногой исполинского Наполеона. В общем, то, что создавалось в течение пяти лет, по четырнадцать часов в день, семь дней в неделю, было уничтожено за каких-то... пять минут!

«Рой, — подумал я, — ты не должен это видеть!»

Но он это видел.

Шагая через поля проигранных сражений и разоренные деревни, я заметил у дальней стены чью-то тень.

Это была тень из кинофильма «Призрак оперы», виденного мной в пятилетнем возрасте. Там за кулисами вертятся какие-то балерины — и вдруг застывают на месте, глядя в одну точку, и с визгом бросаются бежать. Ибо там, вверху, на колосниках, они увидели подвешенное, как мешок с песком, тело ночного сторожа, которое тихо покачивалось. Этот фильм, эта сцена, эти балерины и мертвец, висящий высоко во тьме, навсегда врезались в мою память. И вот теперь, в дальнем конце съемочного павильона, в его северной части, что-то покачивалось на длинной и тонкой, как паутина, нити. Оно отбрасывало гигантскую двадцатифутовую тень на голую стену, точь-в-точь как в том старом и страшном фильме.

— О нет! — прошептал я. — Этого не может быть!

Но это было.

Я представил себе приход Роя, его шок, его крик, удушающий приступ отчаяния, затем ярость и новый приступ отчаяния, захлестнувший и одолевший его уже после того, как он позвонил мне. Я представил, как он в бреду ищет веревку, шнур или провод и наконец — повисает и тихо покачивается. Он не мог жить без

своих удивительных крохотных человечков и домиков, без своих игрушек, своих сокровищ. И он был слишком стар, чтобы воссоздать все это снова.

— Рой, — прошептал я, — не может быть, это не ты! Ты всегда так хотел *жить*.

Но тело Роя медленно поворачивалось высоко во тьме. «Мои чудовища мертвы», — говорило оно.

— Но они ведь никогда и не жили!

— Значит, — вздохнул Рой, — и я никогда не жил.

— Рой, — сказал я, — неужели ты оставишь меня *одного* на этом свете?!

— Может быть.

— Но надеюсь, ты не позволил себя повесить?!

— Все может быть.

— А если так, почему ты все еще здесь? Почему они не срезали тебя с веревки?

— А это значит, что...

— Тебя только что убили! Тебя еще не нашли. Я первый, кто тебя увидел!

Мне ужасно захотелось потрогать его ступни, его ноги, чтобы убедиться, что это действительно Рой! Мысли о человеке из папьемаше в гробу мелькали у меня в голове.

Я осторожно протянул руку, чтобы дотронуться... но вдруг...

Возле рабочего стола Роя стоял станок, где под покровами скрывалась его последняя и самая лучшая работа — Человек-чудовище, монстр из ночного ресторана, существо, ходившее в церковь за оградой через улицу.

Кто-то взял плотницкий молоток и нанес им дюжину ударов. Лицо, голова, череп — все это было смято так, что от них осталась лишь бесформенная груда обломков.

«Господи Иисусе», — прошептал я.

Стало ли это для Роя последней каплей?

Или разрушитель, поджидавший в темноте, напал на него внезапно посреди уничтоженных городов, а потом повесил?

Я вздрогнул. И остановился.

Потому что услышал, как распахнулась дверь павильона.

Я скинул туфли и бесшумно помчался в укрытие.

Это был он, хирург-целитель-врачеватель, виртуоз подпольных абортов среди бела дня, расстрига-доктор, подсаживающий на иглу своих пациентов.

Док Филипс скользнул в луче света на том конце павильона, огляделся по сторонам, увидел развалины, потом заметил наверху повешенного и кивнул, как будто подобная смерть была повседневным событием. Он зашагал вперед, расшвыривая ногами разрушенные города, словно они мусор и ненужный хлам.

При виде этого у меня вырвалось проклятие. Прихлопнув рот ладонью, я поспешно отступил в тень.

И стал наблюдать через щелочку в декорации.

Доктор замер на месте. Как олень на лесной поляне, он внимательно осматривался, вглядываясь сквозь линзы очков в стальной оправе, напрягая не только зрение, но и обоняние. Его уши, казалось, подергивались по бокам лысого черепа. Он встряхнул головой и с небрежным шарканьем направился дальше, сметая на пути Париж, расшвыривая Лондон, и наконец остановился, разглядывая ужасный груз, висящий под потолком...

В его руке блеснул скальпель. Он схватил какой-то сундук, открыл его, подставил под висящее тело, взял стул, взобрался на него и перерезал веревку над шеей Роя.

С ужасным грохотом Рой ударился о дно сундука.

Я вскрикнул от горя. И застыл, уверенный, что на этот раз он услышал и доберется до меня, с усмешкой сжимая в руке холодное стальное лезвие. Я резко задержал дыхание.

Опустившись на колени, доктор наклонился, чтобы осмотреть тело.

Входная дверь с шумом распахнулась. Послышалось эхо шагов и голосов.

Пришли уборщики: не знаю, всегда ли они приходили в это время или их вызвал Док Филипс.

Доктор захлопнул крышку, раздался тяжелый стук.

Я вцепился зубами в костяшки пальцев и зачихнул в рот кулак, чтобы заглушить разрывавшие меня приступы отчаяния.

Замок сундука защелкнулся. Доктор жестом пригласил рабочих.

Я отступил назад, пока команда рабочих с метлами и совками шагала по павильону, чтобы смести и выбросить развалины Афин, стены Альгамбры, библиотеки Александрии и кришнаитские храмы Бомбея в мусорное ведро.

Чтобы убрать и вывезти то, на что Рой Холдстром потратил всю свою жизнь, понадобилось лишь двадцать минут; а заодно на скрипучей тележке был вывезен и сундук, в котором, сложенное в три погребели, скрытое от глаз, лежало тело моего друга.

Когда в последний раз хлопнула дверь, я издал отчаянный, горестный вопль, проклиная ночь, смерть, чертова доктора и уходящих рабочих. Я выбежал, потрясая в воздухе кулаками, и остановился, ничего не видя от слез. Долго я стоял так, дрожа и плача, и лишь потом, успокоившись, увидел нечто невероятное.

К северной стене павильона были прислонены ряды соединенных между собой декораций в виде дверных проемов, похожих на те пороги и двери, через которые мы с Роем шныряли вчера.

В центре первого проема стояла знакомая небольшая коробочка. Все выглядело так, будто ее оставили там случайно. Я понял: это дар.

Рой!

Я ринулся вперед, остановился, глядя на коробку, и наконец *прикоснулся* к ней. В ответ — шорох и стук.

Что бы ни было внутри, оно *шуршало*.

Неужели ты там, мертвец, что стоял на лестнице у стены под дождем?

Шорох — стук — шуршание.

«Проклятье! — подумал я. — Когда же я наконец избавлюсь от тебя?!»

Я схватил коробку и побежал.

У выхода я остановился.

Закрыв глаза, я отер губы и медленно приоткрыл дверь. Вдалеке рабочие свернули за угол и направились к столярной мастерской и большой железной мусоросжигательной печи.

Док Филипс, идя вслед за ними, давал молчаливые указания.

Меня пробрала дрожь. Если бы я пришел на пять минут позже, то появился бы в тот самый момент, когда он обнаружил тело Роя

и развалины городов всего мира. Мой труп мог оказаться в сундуке вместе с телом Роя!

Такси ждало меня за девятым павильоном.

Рядом стояла телефонная будка. Покачиваясь, я вошел в нее, опустил монету и набрал номер полиции. Из трубки послышался голос: «Слушаю! Алло? Слушаю! Алло! Алло!»

Я стоял в будке, шатаясь, как пьяный, и глядел на трубку, словно это была мертвая змея.

Что я мог сказать? Что съёмочный павильон убран и пуст? Что в мусоросжигателе, возможно, что-то горит и сгорит задолго до того, как подоспеют патрульные машины с сиренами?

А что потом? Вот он я, без защиты, без оружия, без доказательств.

Меня уволят, а может, убьют, и буду я лежать там, по ту сторону ограды, в арендованной могилке?

Нет!

Я вскрикнул. Кто-то бил меня молотком по голове, пока она не превратилась в кровавую глину, растерзанную, как плоть Человека-чудовища. Шатаясь, я отчаянно пытался выйти, но, к моему ужасу, не мог вырваться из этого наглухо заколоченного гроба, как бы я ни бился о стекло.

Дверь телефонной будки распахнулась.

— Вы открывали не в ту сторону! — сказал шофер такси.

У меня вырвался какой-то безумный смех, и я позволил шоферу увести себя.

— Вы что-то забыли.

Он принес мне коробку, упавшую на пол в будке.

Шорох — шуршание — стук.

— Ах да, — ответил я. — Его.

Пока мы выезжали со студии, я лежал ничком на заднем сиденье. Подъехав к первому перекрестку, шофер спросил:

— Куда сворачивать?

— Налево.

Я прикусил зубами запястье. Шофер пристально посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— Господи, — произнес он, — вы выглядите ужасно. Вам плохо?

Я замотал головой.

- Кто-то умер? — догадался он.
— Да. Умер.
— Ну вот. Вестерн-авеню. Дальше на север?
— На юг.

В квартиру Роя, на Пятьдесят четвертой. А что потом? Войдя внутрь, почувствую ли я оставленный добрым доктором запах одеколона, висящий в воздухе прихожей, точно невидимая завеса? А может, подручные доктора уже ташат по темному коридору вещи и только и ждут, чтобы выволочь меня оттуда, как ненужную мебель?

Я дрожал и ехал дальше, раздумывая о том, суждено ли мне когда-нибудь повзрослеть. Я прислушался к своему внутреннему голосу и услышал: звук разбивающегося стекла.

Мои родители умерли давно, а их смерть, казалось, была легка.

Но Рой? Я не мог даже представить тот водоворот страха и отчаяния, который затягивает человека в свою пучину.

Теперь мне было страшно возвращаться на студию. Безумная архитектура всех этих наскоро сколоченных вместе уголков мира безжалостно обрушивалась на меня. Каждая южноамериканская плантация, каждый иллинойский чердак, как мне мерещилось, кишели маньяками-детоубийцами и осколками разбитых зеркал, в каждом чулане качались повешенные на крюках друзья.

Полуночный дар — кукольная коробка с покойником из папье-маше, чье лицо исказила смерть, — лежал на полу такси.

Шуршание — стук — шорох.

Вдруг меня словно молния ударила.

— Нет! — закричал я водителю. — Поверните здесь. К океану. К морю.

Когда Крамли открыл дверь, он внимательно посмотрел мне в лицо и не спеша пошел к телефону.

— Выпросил себе больничный на пять дней, — сказал он.

Он вернулся с полным стаканом водки и обнаружил меня сидящим в саду: я жадно глотал соленый морской воздух и пытался разглядеть звезды, но над землей стлался слишком густой туман. Крамли посмотрел на коробку, лежащую у меня на коленях, взял мою руку, вставил в нее стакан с водкой и поднес к моему рту.

— Выпей это, — спокойно сказал он, — а потом мы уложим тебя. Утром поговорим. Что это?

— Спрячь, — попросил я. — Если кто-нибудь узнает, что эта штука здесь, нас обоих могут убрать.

— Но что там?

— Полагаю, смерть.

Крамли взял картонную коробку. Она шуршала, гроыхала и шелестела.

Крамли приподнял крышку и заглянул внутрь. Оттуда на него смотрела странная вещь из папье-маше.

— Так это и есть бывший глава киностудии «Максимус»? — спросил Крамли.

— Да.

Крамли еще с минуту разглядывал лицо, а затем кивнул:

— Точно, сама смерть.

Он закрыл крышку. Тяжелый предмет внутри коробки шевельнулся и прошелестел что-то вроде: «Спи».

«Нет! — подумал я. — Не вынуждай меня!»

27

Утром состоялся разговор.

28

В полдень Крамли высадил меня перед домом Роя на углу Вестерн-авеню и Пятдесят четвертой. Он внимательно осмотрел мое лицо.

— Как тебя зовут?

— Я отказываюсь называть себя.

— Хочешь, я тебя подожду?

— Поезжай. Чем раньше ты начнешь околачиваться вокруг студии и собирать информацию, тем лучше. В любом случае нас не должны видеть вместе. Ты взял мой список контрольных точек и карту?

— Все здесь. — Крамли постучал себя по лбу.

— Встретимся через час. В доме моей бабушки. Наверху.

— Добрая старушка.

— Крамли?

— Что?

— Я люблю тебя.

— Такая любовь в рай не приведет.

— Нет, — согласился я, — зато проведет сквозь тьму.

— Да брось, — сказал Крамли и уехал.

Я вошел в дом.

Прошлой ночью интуиция меня не подвела.

Если миниатюрные города Роя были разорены, а от его чудовища остались лишь кровавые ошметки глины...

В прихожей стоял запах докторского одеколона...

Дверь в квартиру Роя была приоткрыта.

Квартира была выпотрошена.

— Господи, — прошептал я, стоя посреди этих комнат и озираясь вокруг. — Как в Советской России. История повторяется.

Ибо Рой стал несуществующим человеком. Этой ночью в книжных магазинах из книг будут вырваны страницы, а тома переплетены заново, так что само имя Роя Холдстрома исчезнет навсегда, как скандальный слух, как плод воображения. Ничего не останется.

Не осталось ничего: ни книг, ни картин, ни письменного стола, ни бумаг в корзине. Даже рулон туалетной бумаги исчез из уборной. В аптечке — пусто, как в буфете матушки Хаббард⁴⁹. Ни тапочек под кроватью. Ни самой кровати. Ни пишущей машинки. Пустые шкафы. Ни динозавров. Ни рисунков динозавров.

Несколько часов назад квартира была вычищена пылесосом, выскоблена и отполирована высококачественным воском.

Безумная ярость выжгла павильон, уничтожив его Вавилон, Ассирию, Абу-Симбел.

А здесь безумная чистота втянула в себя саму память до последней пылинки, само дыхание жизни.

— Господи, вот ужас, а? — раздался за моей спиной чей-то голос.

В дверях стоял молодой человек. На нем была блуза художника, сильно заношенная, а пальцы и левая щека перепачканы краской. Волосы казались растрепанными, а в глазах проглядыва-

вало что-то дикое, звериное, как у человека, который работает в темноте и только иногда выходит из дома на рассвете.

— Вам не стоит здесь оставаться. Они могут вернуться.

— Постойте, — сказал я. — Я вас знаю, верно? Вы друг Роя...

Том...

— Шипвей. Лучше убраться отсюда. Они чокнутые. Пойдем.

Вслед за Томом Шипвеем я вышел из пустой квартиры.

Он отпер дверь своего собственного жилища двумя комплектами ключей.

— На старт! Внимание! Марш!

Я прыгнул внутрь.

Том захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

— Домовладелица! Она не должна это видеть!

— Видеть?!

Я огляделся.

Мы оказались в подводных апартаментах капитана Немо: в каютах его подлодки и машинном отделении.

— Вот это да! — воскликнул я.

— Неплохо, а? — просиял Том Шипвей.

— Неплохо? Черт возьми, просто фантастика!

— Я знал, что вам понравится. Рой дал мне ваши рассказы. Марс. Атлантида. И то, что вы написали о Жюле Верне. Здорово, да?

Он показывал, размахивая руками, а я ходил, смотрел и ощупывал. Великолепные викторианские кресла, обитые красным бархатом, с медными заклепками, привинченные к полу корабля. Начищенный до блеска медный перископ, спускающийся с потолка. В центре сцены — огромные трубы органа. А позади него окно, переделанное в овальный иллюминатор субмарины, за которым плавали тропические рыбы всех цветов и размеров.

— Взгляните! — сказал Том Шипвей. — Идите сюда!

Я нагнулся, чтобы посмотреть в перископ.

— Он действующий! — воскликнул я. — Мы под водой! Или как будто под водой! Это вы сами все сделали? Вы гений.

— Ага.

— А ваша... домовладелица знает, что вы сотворили с ее квартирой?

— Если бы знала, она бы меня убила. Я никогда не позволю ей сюда войти.

Шипвей нажал какую-то кнопку на стене.

За стеклом, в зелени моря, задвигались тени.

Показался шевелящийся силуэт гигантского паука.

— Кальмар! Вечный враг Немо! Я потрясен!

— Еще бы! Садитесь. Что происходит? Где Рой? Зачем эти бездельники ворвались к нему, как шакалы, а потом смылись, как гиены?

— Рой? Ах да. — Груз воспоминания придавил меня с новой силой. Я тяжело опустился на стул. — Боже мой, да, Рой. Что здесь произошло вчера ночью?

Шипвей тихо двигался по комнате, воспроизводя все, что он мог вспомнить.

— Вы помните, как неуловимо шнырял по Лос-Анджелесу Рик Орсатти? Рэкетир?

— У него была банда...

— Ага. Однажды, много лет назад, под вечер, в центре города, вывернув из-за угла, я увидел шестерых парней, одетых в черное. Один из них был вожаком, и двигались они, как странные крысы, вырядившиеся в кожаные пиджаки и шелковые рубашки: все черные, словно в трауре, волосы напوماжены и зачесаны назад, а лица белые как мел. Нет, даже не крысы, а черные ласки. Молчаливые, неуловимые, как змеи, опасные, враждебные, как черный дым из трубы. Так вот, то же самое было и вчера ночью. Я почувствовал такой сильный запах одеколона, что он проник даже под дверь...

Док Филипп!

— ...я выглянул: эти огромные черные крысы из канализации не спеша вытаскивали из прихожей лапки, динозавров, картины, бюсты, скульптуры и фотографии. Краешками своих крысиных глаз они пристально наблюдали за мной. Я закрыл дверь и стал смотреть через глазок, как они шныряют туда-сюда в черных тапочках на каучуковой подошве. Еще с полчаса я слышал, как они там рыскают. Затем шорох прекратился. Я открыл дверь в пустую прихожую, и меня ударило волной проклятого одеколона. Эти парни убили Роя?

Я вздрогнул:

— Почему вы так думаете?

— Они выглядели как работники похоронного бюро, вот и все. А раз они расправились с квартирой Роя, почему бы им не расправиться с самим Роем? Эге. — Шипвей осекся, увидев мое лицо. — Я ничего такого не хотел сказать... но... э-э-э... Рой действительно...

— Мертв? Да. Нет. Может быть. Такой жизнелюб, как Рой, просто не может умереть!

Я рассказал ему про павильон 13, про разрушенные города, про повешенного.

— Рой никогда бы такого не сделал.

— Может, кто-то сделал это с ним.

— Рой дал бы отпор любым мерзавцам. Черт! — Из глаза Тома Шипвея скатилась слеза. — Я знаю Роя! Он помог мне построить мою первую подлодку. Вот!

На стене висел миниатюрный «Наутилус», всего каких-нибудь тридцати дюймов в длину, мечта ученика художественной школы.

— Не может быть, чтобы Рой умер, ведь так?!

Вдруг где-то в подводных каютах Немо зазвонил телефон.

Шипвей поднял трубку в виде крупной раковины моллюска. Я было засмеялся, но сразу осекся.

— Да? — сказал он в телефон, затем спросил: — Кто это?

Я едва не вырвал трубку из его руки. Я закричал в нее; закричал так, словно от этого зависела моя жизнь. Я слышал, как кто-то дышал там, на том конце провода.

— Рой!

Шелчок. Тишина. Длинный гудок.

Задыхаясь, я в остервенении затряс трубку.

— Это Рой? — спросил Шипвей.

— Его дыхание.

— Проклятье! По дыханию нельзя узнать человека! Откуда был звонок?

Я швырнул на рычаг трубку и застыл над ней, закрыв глаза. Потом я снова схватил телефон-моллюск и попытался набрать номер не с той стороны.

— Как работает эта чертова штуковина? — заорал я.

— Кому вы звоните?

— Хочу вызвать такси.

— Куда ехать? Я подвезу!

- В Иллинойс, черт возьми, в Гринтаун!
— Но до него две тысячи миль!
— В таком случае, — сказал я, в онемении кладя обратно ракушку, — нам пора в путь.

29

Том Шипвей высадил меня возле киностудии.

В самом начале третьего я уже бежал по Гринтауну. Весь городок был выкрашен свежей белой краской и лишь ждал, когда я постучусь в чью-нибудь дверь или загляну в окно сквозь тюлевые занавески. Ветерок взметнул облачко цветочной пыльцы, когда я свернул на тропинку, ведущую к дому моих давно покойных бабушки и дедушки. А когда я поднимался по лестнице, с крыши вспорхнули птицы.

В моих глазах стояли слезы, когда я постучал в дверь с разноцветными стеклами.

Ответом было долгое молчание. Я понял, что сделал что-то не так. Мальчишки, когда зовут других мальчишек играть, не стучат в двери. Я снова спустился во двор, нашел камешек и со всей силы кинул его в стену.

Тишина. Дом тихо стоял в лучах ноябрьского солнца.

— Что? — спросил я, обращаясь к высокому окну. — Ты и *впрямь* умер?

И тут дверь отворилась. Кто-то стоял в проеме и смотрел на меня.

— Это ты?! — прокричал я.

Спотыкаясь, я шагнул через порог, в распахнувшуюся дверь-ширму.

— Это ты?! — снова крикнул я.

И попал в объятия Элмо Крамли.

— Да, — сказал он, не выпуская меня, — если ты ищешь меня. Я бормотал что-то нечленораздельное, пока он затаскивал меня внутрь, а затем закрыл дверь.

— Ладно, не переживай.

Он потряс меня за плечи.

Я едва мог разглядеть его сквозь свои помутневшие очки.

— Что ты делаешь здесь?

— Ты мне сам сказал. Поброди вокруг, посмотри, потом встретимся здесь, верно? Да нет, ты все забыл. Бог мой, и что такого хорошего ты находишь в этом месте?

Крамли пошарил в холодильнике, принес мне печенье с арахисовым маслом и стакан молока. Я сидел, жевал, глотал и повторял снова и снова: «Спасибо, что пришел».

— Заткнись, — сказал Крамли. — Я смотрю, ты совсем раскис. Что нам дальше-то делать, черт возьми? Сделаем вид, что ничего не произошло. Никто ведь не знает, что ты видел тело Роя или то, что принял за его тело? Какие у тебя планы?

— Вообще-то как раз сейчас мне надо представить отчет о новом проекте. Меня перевели. Кино с чудовищем накрылось. Теперь мои коллеги — Фриц и Иисус.

Крамли рассмеялся.

— Вот как им надо было назвать фильм. Ты хочешь, чтобы я еще немного послонялся здесь, как тупой турист?

— Найди его, Крамли. Если я действительно позволю себе поверить, что Роя нет в живых, то сойду с ума! А если Рой не умер, значит, прячется, он боится. Твоя задача — напугать его еще больше, чтобы он вышел из укрытия, пока его по-настоящему не укокошили. Или... если он и в самом деле мертв, значит, кто-то его убил, так? Сам он никогда бы не повесился. Значит, убийца тоже где-то рядом. Найди убийцу. Того, кто разбил глиняную голову чудовища, разможил его красный глиняный череп, а потом напнулся на Роя и повесил его, задушил до смерти. В любом случае, Крамли, найди Роя прежде, чем его убьют. А если он уже мертв, найди проклятого убийцу.

— Черт подери, хорошенький выбор.

— Может, походить по клубам собирателей автографов, а? Вдруг в одном из них знают Кларенса, его фамилию, его адрес. Кларенс. А потом попробуй зайти в «Браун-дерби». С такими, как я, этот метрдотель разговаривать не станет. Он наверняка знает, кто такой этот Человек-чудовище. Между ним и Кларенсом мы сможем вычислить убийцу или того, кто может стать убийцей в любую минуту!

— По крайней мере, есть зацепки, — сказал Крамли, понизив голос, надеясь, что и я буду говорить тише.

— Смотри, — сказал я, — со вчерашнего дня здесь кто-то живет. Все разбросано. Ни я, ни Рой не мусорили, когда работали здесь вместе.

Я открыл дверцу мини-холодильника.

— Конфеты. Ну кто еще положит шоколадные конфеты в холодильник?

— Ты, — фыркнул Крамли.

Я нехотя рассмеялся. И закрыл холодильник.

— Да, черт возьми, я. Но он сказал, что собирается спрятаться. А вдруг... а что, если ему это удалось? Что скажешь?

— Ладно. — Крамли сделал шаг к двери. — Так кого я должен искать?

— Долговязого крикливого журавля шести футов трех дюймов ростом, с длинными руками, длинными тощими пальцами, большим ястребиным носом и ранней лысиной; галстуки у него не сочетаются с рубашками, рубашки — с брюками и... — Я запнулся.

— Прости меня. — Крамли протянул мне платок. — Высморкайся.

30

Через минуту я уже выходил из сельских окраин Иллинойса, покидая дом своей бабушки.

Я прошел мимо павильона 13. Он был закрыт на три замка и опечатан. Постояв там, я представил, как должен был почувствовать себя Рой, когда вошел и увидел, что сам смысл его жизни уничтожен какими-то маньяками.

«Рой, — думал я, — вернись, наделей других чудовищ, еще лучше, живи вечно».

Как раз в этот момент мимо, печатая шаг, ускоренным маршем пробежала фаланга римских воинов; они смеялись. Они текли быстро, как поток, как сверкающая река золотых шлемов с малиновыми перьями. Гвардия Цезаря никогда не смотрелась лучше, никогда не двигалась быстрее. Пока они бежали, мой взгляд на лету выхватил последнего воина. Его длиннющие ноги дергались как-то странно. Локти хлопали о бока. И что-то смахивающее на

ястребиный нос разрезало воздух. У меня вырвался приглушенный крик.

Отряд скрылся за углом.

Я помчался к перекрестку.

«Рой?!» — думал я.

Но я не мог окликнуть его — тогда бегущие увидели бы, что между ними прячется какой-то идиот.

«Проклятый дурак, — тихо произнес я. — Тупица», — бормотал я, входя в столовую.

— Придурок, — сказал я Фрицу, сидевшему с шестью чашками кофе за столом, за которым он обычно назначал встречи.

— Довольно лести! — воскликнул он. — Садись! У нас первая проблема: Иуда Искариот вычеркнут из нашего фильма!

— Иуда?! Уволен?

— Я слышал, в последний раз его видели в Ла-Холье пьяным в корягу и летящим на дельтаплане.

— Госсссподи!

И тут меня точно прорвало. Из груди изверглись громовые раскаты хохота.

Я представил себе Иуду, летящего на дельтаплане сквозь соленый ветер, Роя, бегущего в рядах римской фаланги, и самого себя, промокшего под проливным дождем, когда тело упало со стены, и снова Иуду — высоко в небе над Ла-Хольей, пьяного, на ветру, в полете.

Мой лающий смех встревожил Фрица. Думая, что я подавился своим собственным смущенным кашлем, он постучал меня по спине.

— Что-то не так?

— Все в порядке, — выдохнул я. — Все не так!

Мои всхлипы постепенно затихли.

И тут явился Христос в шуршащих одеждах.

— О Ирод Антипа, — обратился он к Фрицу, — ты призвал меня на суд?

Актер, высокий, как полотно Эль Греко, словно окутанный клубами серного дыма в разрывах молний и грозowymi облаками, пробежавшими по его бледному телу, медленно опустился на стул, даже не взглянув, куда садится. Само это действие было актом

веры. Когда его незримое тело коснулось сиденья, он улыбнулся, гордый, что приземлился так точно.

Официантка немедленно поставила перед ним небольшую тарелку с лососем без соуса и бокал красного вина.

Иисус Христос, прикрыв глаза, прожевал кусочек рыбы.

— Старый режиссер, новый сценарист, — наконец произнес он. — Вы позвали меня, чтобы посоветоваться по поводу Библии? Спрашивайте. Я знаю ее всю, наизусть.

— Спасибо, что хоть кто-то знает ее, — сказал Фриц. — Большую часть нашего фильма ставил за границей один режиссер: мнит о себе много, а как что поставить надо, так ему и подъемный кран не поможет. Мэгги Ботуин сейчас в четвертом просмотровом зале. Через час приходи туда. — Он подмигнул мне своим моноклем. — Увидишь весь провал. Христос ходил по воде, а как насчет ямы с дерьмом? Иисус, ну-ка влей целительный бальзам в нечестивые уши этого парня. — Он тронул меня за плечо. — А ты, мальчик, реши проблему недостающего Иуды, напиши для фильма такую концовку, чтобы толпа не взбунтовалась, требуя вернуть деньги.

Дверь захлопнулась.

И я остался один под пристальным взглядом Иисуса Христа, в чьих глазах отражались голубые небеса Иерусалима.

Он спокойно жевал свою рыбу.

— Вижу, — сказал он, — ты хочешь спросить, почему я здесь. Я, истинный христианин. Кто я? Старый башмак. Мне удобно в компании Моисея, Магомета и пророков. Я об этом не думаю, я такой есть.

— Значит, ты всегда был Христом?

Иисус увидел, что я говорю искренне, и дожевал кусок.

— Действительно ли я Христос? Ну, это вроде как надеть удобную одежду и носить ее всю жизнь, не переодеваясь, всегда комфортно себя чувствовать. Я смотрю на свои стигматы и думаю: да. Я не бреюсь по утрам, но мне не мешает моя борода. Я не могу представить себе другой жизни. О, много лет назад, разумеется, я был любопытен. — Он прожевал еще кусочек. — Перепробовал все. Ходил к преподобной Вайолет Гринер на бульваре Креншоу. В храм Агабека.

— Я тоже там был!

— А какая программа, а? Спиритические сеансы, бубны. Никогда не брало. Я был на Норвелле. Он все еще там?

— Конечно! Тот, что все время мигал огромными коровьими глазами? А с ним были симпатичные мальчики, собиравшие монеты в бубны?

— Ты говоришь моими словами! А астрология? Нумерология? Трясуны?⁵⁰ Просто чума!

— Я тоже был на сеансах трясун.

— А как они боролись в грязи, а как разговаривали на разных языках? Тебе нравилось?

— Еще бы! А как насчет негритянской баптистской церкви на Сентрал-авеню? По воскресеньям хор Холла Джонсона прыгает и поет. Настоящее землетрясение!

— Черт возьми, парень, да ты прямо ходишь по моим следам! Как тебе удалось побывать во всех этих местах?

— В поисках ответов!

— Ты читал Талмуд? Коран?

— Они слишком поздно появились в моей жизни.

— Хочешь, скажу, что на самом деле появилось поздно?..

— Книга Мормона?! — фыркнул я.

— Ну и ну, точно!

— В двадцать лет я побывал на выступлении труппы Мормонского малого театра. Ангел Морони⁵¹ меня усыпил!

Иисус захохотал и хлопнул себя по стигматам.

— Чума! А как насчет Эйми Сэмпл Макферсон?!

— Я поспорил со школьными приятелями, что выбегу на сцену, чтобы обрести «спасение». Я выбежал и встал перед ней на колени. Она хлопнула рукой по моей голове. «Господи, спаси этого грешника!» — вскричала она. Слава! Аллилуйя! Я, спотыкаясь, спустился со сцены и упал в объятия друзей!

— Черт! — сказал Иисус. — Эйми дважды спасла меня! А потом ее похоронили. Помнишь, летом сорок четвертого? В большом бронзовом гробу? Чтобы втащить его на кладбищенский холм, потребовалось шестнадцать лошадей и бульдозер. Боже, у Эйми выросли фальшивые крылья, совсем как настоящие. Я до сих пор хожу в ее храм, по старой привычке. Господи, как мне ее не хватает! Она прикоснулась ко мне, как Христос, вся в этих оборочках, как принято у пятидесятников. Ну и смех!

— И вот теперь ты здесь, — сказал я, — работаешь Христом на полную ставку в «Максимусе». Еще со времен Арбутнота — золотые были деньки.

— Арбутнот?

Лицо Иисуса омрачилось воспоминанием. Он оттолкнул тарелку.

— Ладно, давай проверь меня. Спроси! Старый Завет. Новый.

— Книга Руфи.

Он две минуты читал на память из Руфи.

— Экклезиаст?

— Расскажу от начала до конца!

И рассказал.

— Евангелие от Иоанна?

— Отличная вещь! Последняя вечеря после Тайной вечери!

— Как это? — недоверчиво спросил я.

— Забывчивый христианин! Тайная вечеря была не последней! Она была предпоследней! Через несколько дней после распятия и погребения Симон Петр вместе с другими учениками на берегу Тивериадского моря были свидетелями чуда с рыбой. На побережье они заметили бледный свет. Подойдя, увидели человека, стоящего у разложенного огня, и рядом с ним — рыбу. Они заговорили с человеком и поняли, что это Христос. Он пригласил их рукой и сказал: «Возьмите эту рыбу и накормите братьев своих. Возьмите мою весть, разнесите ее по городам всего света и проповедуйте там прощение греха».

— Черт меня побери, — прошептал я.

— Чудесно, правда? — сказал Иисус. — Сначала Предпоследняя вечеря, потом вечеря да Винчи, а потом Самая Последняя Тайная вечеря, трапеза из рыбы, запеченной в углях на песке у берега Тивериадского моря, после которой Христос ушел, чтобы навеки поселиться в их крови, в их сердцах, умах и душах. Конеч.

Иисус склонил голову, а затем добавил:

— Иди переписывай заново книги, в особенности Иоанна! Не я дающий, ты — беруший! Иди, пока я не взял назад свое благословение!

— Ты благословил меня?

— Всем нашим разговором, сын мой. Всем нашим разговором. Иди.

Я сунул голову в четвертый просмотровый зал и спросил:

— А где Иуда?

— Пароль верный! — вскричал Фриц Вонг. — Тут три бокала мартини! Выпей!

— Ненавижу мартини. Потом, мне надо еще вывести алкоголь из организма. Мисс Ботуин, — обратился я к ней.

— Мэгги, — сказала она, незаметно улыбнувшись, держа на коленях камеру.

— Я многие годы столько слышал о вас и всю жизнь вами восхищался. Я просто обязан сказать, как я рад, что у меня есть возможность поработать...

— Да-да, — добродушно отвечала она. — Только вы не правы. Я не гений. Я... как называются такие насекомые, которые бегают по поверхности пруда и выискивают добычу?

— Водомерки?

— Водомерки! Кажется, будто эти чертовы паучки вот-вот утонут, ан нет, бегают по тонкой пленке на поверхности воды. Поверхностное натяжение. Они распределяют свой вес, растягивая лапы в стороны, и пленка не рвется. Ну разве я не то же самое? Я просто распределяю свой вес, вытягиваю в стороны все четыре конечности, и пленка подо мной не рвется. Пока еще ни разу не потонула. Но я не чемпион, и никакого чуда здесь нет, просто-напросто мне очень рано повезло. И все же, молодой человек, спасибо за комплимент, выше голову и делайте все, что скажет Фриц. Мартини. Вот увидите: в том, что сейчас покажут, моей работы мало.

Она повернулась ко мне своим изящным профилем, чтобы негромко сказать в сторону проекторной:

— Джимми, давай!

Свет медленно потускнел, зажужжал экран, разъехался занавес. На экране замигал грубый монтаж под еще не завершенную музыку Миклоша Рожича⁵². Это мне нравилось.

Пока шел фильм, я украдкой бросал взгляды на Фрица и Мэгги. Они подсакивали так, будто объезжали дикую кобылу. Я тоже вскакивал и падал обратно в кресло под натиском образов, волной нахлынувших с экрана.

Моя рука незаметно взяла один из бокалов с мартини.

— Так-то лучше, парень, — шепнул Фриц.

Когда фильм закончился, мы еще некоторое время сидели молча, пока зажигался свет.

— Как получилось, — наконец спросил я, — что ты почти весь этот материал отснял в сумерках или в темноте?

— Терпеть не могу реализм. — Монокль Фрица ярко блеснул в сторону белого экрана. — Половина этого фильма по плану должна сниматься на закате. Значит, когда день переваливает через хребет. Когда заходит солнце, я вздыхаю с огромным облегчением: еще один день прошел! Каждую ночь я работаю до двух часов, мне не мешают люди, не мешает свет. Два года назад я сделал себе контактные линзы. А потом выкинул их в окно! Почему? Я стал видеть поры на лицах людей, на своем лице. Целые лунные кратеры. Ноздреватости. Черт возьми! Посмотри мои последние фильмы. Никаких людей под солнцем. «Полуночица». «Долгие сумерки». «Убийства в три часа пополудни». «Смерть перед рассветом». Итак, мой мальчик, как насчет этой галилейской лажи — «Христос в Гефсиманском саду», «Цезарь в тупике»?!

Мэгги Ботуин уныло заерзала в полутьме и распаковала свою портативную камеру.

Я откашлялся.

— Мой текст должен прикрыть все дыры в этом сценарии?

— Прикрыть задницу Цезаря? Да!

Фриц Вонг рассмеялся и подлил еще в бокалы.

— И мы посылаем тебя к Мэнни Либеру, чтобы обсудить Иуду, — добавила Мэгги Ботуин.

— Что-о-о?!

— Иудейскому льву⁵³, — сказал Фриц, — вероятно, будет приятно съесть илинойского баптиста. А пока он будет выдергивать тебе ноги, ему придется тебя выслушать.

Я медленно влил в себя второй мартини.

— Что ж, — вздохнул я, — не так уж плохо.

И услышал какое-то жужжание.

Камера Мэгги Ботуин сфокусировалась на мне, чтобы уловить, как я начинаю пьянеть.

— Вы везде носите с собой камеру?

— Ага, — сказала она. — За сорок лет еще не было ни дня, чтобы я не поймала мышку среди слонов. Они не смеют меня вышвырнуть. Иначе я смонтирую вместе все девять часов пленки, на которой засняты эти кретины, и устрой премьерный показ в Китайском театре Граумана. Любопытно? Приходи, посмотришь.

Фриц наполнил мой бокал.

— Я готов. Снимайте крупный план, — сказал я и выпил.

Камера зажужжала.

32

Мэнни Либер сидел на краю своего стола, обрезая огромную сигару с помощью одной из столондаровых золотых гильотин от «Данхилл». Он хмуро наблюдал, как я расхаживаю взад-вперед по кабинету, внимательно осматривая разнообразные низкие диваны.

— Что тебе не нравится?

— Эти диваны, — ответил я. — Такие низкие, что с них трудно встать.

Я сел. И оказался примерно в футе от пола, глядя снизу вверх на Мэнни Либер, который возвышался надо мной, как Цезарь, покоривший весь мир.

Я выругался про себя и пошел за диванными подушками. Затем сложил три подушки одна на другую и сел сверху.

— Какого черта, что ты делаешь? — Мэнни вскочил со своего стола.

— Хочу смотреть вам в глаза, когда говорю. Не желаю ломать себе шею, выглядывая откуда-то из ямы.

Мэнни Либер закурил, откусил кусочек сигары и снова взгромоздился на край стола.

— Ну? — резко спросил он.

— Фриц только что показал мне черновой монтаж фильма. Там недостает Иуды Искарюта. Кто его вырезал? — спросил я.

— Что?!

— Христос не бывает без Иуды. Почему Иуда вдруг стал невидимым учеником?

Я впервые увидел, как маленькая задница Мэнни Либер нервно заерзала по стеклянной крышке стола. Он затянулся по-

тухшей сигарой, бросил на меня испепеляющий взгляд и вдруг заорал:

— Это я приказал вырезать Иуду! Не хочу делать антисемитский фильм!

— Что?! — взорвался я, подскакивая на месте. — Этот фильм должен выйти к ближайшей Пасхе, верно? Во время Пасхальной недели его увидят миллионы баптистов. Два миллиона лютеран?

— Несомненно.

— Десять миллионов католиков?

— Да!

— Два унитария?

— Два?..

— И когда все они в Пасхальное воскресенье, потрясенные, выйдут из кинозала и спросят: «Кто вырезал из фильма Иуду Искариота?» — ответ будет один: Мэнни Либер!

Наступила долгая пауза. Мэнни Либер бросил свою потухшую сигару. Я застыл, глядя, как он протягивает руку к белому телефону.

Он набрал местный трехзначный номер, подождал ответа и сказал:

— Билл?

Затем, набрав побольше воздуха:

— Примите Иуду обратно на работу.

Он с ненавистью наблюдал, как я раскладываю три подушки по трем отдельно стоящим стульям.

— Это все, о чем ты хотел со мной поговорить?

— Пока да.

Я повернул ручку двери.

— А что слышно о твоём друге Рое Холдстроме? — вдруг спросил он.

— Я думал, вы знаете! — воскликнул я и остановился.

«Осторожнее», — подумал я.

— Этот кретин просто сбежал, — выпалил я. — Забрал все вещи из квартиры и уехал из города. Несчастный придурок. Он мне больше не друг. Ни он, ни это проклятое глиняное чудовище, которое он состряпал!

Мэнни Либер внимательно посмотрел на меня.

— Тем лучше. С Вонгом тебе будет лучше работать.

— Конечно. Фриц и Иисус.

— Что?

— Иисус и Фриц.

И я вышел.

33

Я медленно брел, возвращаясь к дому моей бабушки, затерянному где-то в прошлом.

— Ты уверен, что час назад мимо тебя пробежал именно Рой? — спросил Крамли.

— Черт, нет, конечно. Да, нет, может быть. Не могу сказать членораздельно. Мартини посреди дня — это не по мне. Кроме того... — я взвесил в руке сценарий, — мне надо вырезать отсюда два фунта и добавить три унции. Помогите!

Мой взгляд упал на блокнот в руках Крамли.

— Ну что?

— Обзвонил три агентства, собирающие автографы. Они все знают Кларенса...

— Отлично!

— Не совсем. Везде говорят одно и то же. Параноик. Ни фамилии, ни телефона, ни адреса. Всем говорил, что боится. Не того, что ограбят, а того, что убьют. А потом ограбят. Пять тысяч фотографий, шесть тысяч автографов — вот его золотые яйца. Так что в ту ночь он мог и не узнать Человека-чудовище, но испугался, что чудовище узнает его, узнает его адрес и может прийти за ним.

— Нет-нет, совсем не сходится.

— Кларенс, не важно, как там его фамилия, по словам людей из агентств, всегда берет только наличными и платит наличные. Никаких чеков, так что по этой линии следов нет. Он никогда не связывался с ними по почте. Регулярно появлялся, делал дела, а потом исчезал на несколько месяцев. Тупик. В «Браун-дерби» тоже тупик. Я пытался зайти и так и эдак, но метрдотель и слушать меня не стал. Прости, малыш. Эй, смотри...

В этот момент, по расписанию, вдалеке снова показалась римская фаланга на ускоренном марше. Они приближались к нам с радостными выкриками и ругательствами.

Я изо всех сил вытянулся, затаив дыхание.

— Это та компашка, о которой ты говорил? — спросил Крамли. — Среди них был Рой?

— Ага.

— А сейчас он с ними?

— Мне не видно...

— Черт побери, — Крамли прорвало, — какого лешего этот тупой придурок бегаёт тут по студии? Почему он не делает ноги, не удирает отсюда, черт возьми?! Зачем он тут вертится, как привязанный?! Чтобы его убили?! У него был шанс убежать, вместо этого он выжимает из тебя и из меня все соки. Зачем?!

— Мстит, — ответил я. — За все убийства.

— Какие убийства?!

— Убийства всех его созданий, всех его самых близких друзей.

— Чушь.

— Послушай, Крам. Ты давно живешь в своем доме, в Венеции? Двадцать — двадцать пять лет. Все живые изгороди, каждый кустик посажен тобой, ты сам засеял лужайку, построил ротанговую хижину, установил звуковую аппаратуру, поливальные агрегаты, развел бамбук и орхидеи, посадил персиковые деревья, лимоны, абрикосы. Что, если за одну ночь я бы все это разломал и вырвал с корнем, срубил деревья, вытоптал розы, сжег хижину, выкинул на улицу аппаратуру, — что бы ты тогда сделал?

Крамли подумал, и лицо его вспыхнуло от гнева.

— Вот именно, — спокойно произнес я. — Не знаю, женится ли когда-нибудь Рой. Но сейчас, в эту минуту, его дети, вся его жизнь оказались втоптаны в грязь. Все, что он любил в жизни, убито. Может быть, он сейчас находится здесь, пытаюсь выяснить причину этих убийств, пытаюсь, как и мы, найти чудовище и убить его. Может быть, Рой ушел навсегда. Но будь я на месте Роя, я бы остался, спрятался и продолжал поиски, пока не закопаю убийцу в могилу вместе с его жертвой.

— Мои лимоны? — произнес Крамли, задумчиво глядя в сторону моря. — Мои орхидеи, мои джунгли? Кем-то уничтожены? Ладно.

Внизу в лучах закатного солнца пробежала римская фаланга, исчезнув в голубых сумерках.

Высокого неуклюжего воина с журавлиными повадками в ней не было.

Шаги и крики замерли вдали.

— Пошли домой, — сказал Крамли.

В полночь через африканский сад Крамли неожиданно пронесся ветер. Все деревья в округе перевернулись во сне.

Крамли задумчиво посмотрел на меня.

— Чувствую, что-то должно произойти.

И оно произошло.

— «Браун-дерби», — ошеломленный догадкой, произнес я. — Господи, как же я раньше не подумал?! В ту ночь, когда Кларенс удирал в панике. Он же обронил свою папку, он оставил ее лежать на тропинке у входа в «Браун-дерби»! Кто-то наверняка подобрал ее. А может, она еще там, ждет, когда Кларенс успокоится и осмелится тайком вернуться за ней. В папке наверняка есть его адрес.

— Хорошая ниточка, — одобрительно кивнул Крамли. — Я проверю.

Снова налетел ночной ветер, печально вздыхая в ветвях лимонных и апельсиновых деревьев.

— И еще...

— Еще?

— Еще про «Браун-дерби». Метрдотель, скорее всего, с нами разговаривать не будет, но я знаю одного человека, который многие годы обедал там каждую неделю, когда я был еще ребенком...

— Господи, — вздохнул Крамли, — Раттиган. Да она живьем тебя съест.

— Моя любовь будет мне защитой!

— Боже, только сунь этого в постель, и мы обеспечим детишками всю долину Сан-Фернандо.

— Дружба — это защита. Ты ведь не причинишь мне зла?

— И не рассчитывай.

— Нам надо что-то предпринять. Рой прячется. Если они, кто бы это ни был, найдут его, Рою конец.

— Тебе тоже, — заметил Крамли, — если будешь играть в детектива-любителя. Уже поздно. Двенадцать ночи.

— А Констанция как раз просыпается.

— Это она по трансильванскому времени? Черт! — Крамли сделал глубокий вдох. — Тебя отвезти?

Где-то во тьме сада с дерева упал персик и мягко стукнулся о землю.

— Хорошо! — согласился я.

34

— Утром, — сказал Крамли, — если запоешь сопрано, не звони.

И он уехал.

Дом Констанции был, как и прежде, безупречен: белый храм, возвышающийся над побережьем. Все окна и двери были широко распахнуты. Внутри, в огромной пустой белой гостиной, играла музыка: что-то из Бенни Гудмана⁶⁴.

Я шел, как шагал тысячу ночей назад, вдоль кромки, окаймлявшей океан. Она была где-то там, катаясь верхом на дельфинах, переключаясь с тюленями.

Я заглянул в гостиную на первом этаже, заваленную четырьмя дюжинами кричаше-ярких, разноцветных подушек, и посмотрел на белые стены, по которым поздно ночью, перед рассветом, проходили парады теней, ее старые фильмы выплывали из тех времен, когда меня еще не было на свете.

Я обернулся, потому что необычайно тяжелая волна с грохотом ударилась о берег...

...а из нее, словно из ковра, брошенного к ногам Цезаря, вышла...

...Констанция Раттиган.

Она вышла из волн, как быстрый тюлень, ее волосы были почти того же цвета: гладко-каштановые, приглаженные водой, а маленькое тело присыпано мускатным орехом и залито коричневым маслом. Все оттенки осени окрашивали ее быстрые ноги, необузданные руки, запястья и ладони. Глаза были карие, как у забавного, но хитрого и злобного маленького зверька. Улыбающийся рот, казалось, был вымазан маслом грецкого ореха. Констанция выглядела шаловливым порождением ноябрьского прилива, вы-

плеснутым из холодного моря, но горячим на ощупь, как жареный каштан.

— Сукин сын, это ты! — воскликнула она.

— Это ты, Дочь Нила!

Она налетела на меня, как собака, чтобы стряхнуть с себя воду на кого-нибудь другого, схватила меня за уши, расцеловала в лоб, в нос и в губы, а потом повернулась кругом, демонстрируя себя со всех сторон.

— Я голая, как обычно.

— Я заметил, Констанция.

— А ты не изменился: смотришь на мои брови, а не на сиськи.

— И ты не изменилась. И сиськи, похоже, тугие.

— Неплохо для купающейся по ночам пятидесятишестилетней экс-кинодивы, а? Идем!

Она побежала по песку. К тому времени, как я добрался до ее открытого бассейна, она уже принесла сыр, крекеры и шампанское.

— Боже мой. — Она откупорила бутылку. — Сто лет прошло. Но я знала: однажды ты явишься снова. Достала семейная жизнь? Нужна любовница?

— Нет. Спасибо.

Мы выпили.

— Ты встречался с Крамли в последние восемь часов?

— С Крамли?

— Это видно по твоему лицу. Кто умер?

— Один человек двадцать лет назад, на студии «Максимус».

— Арбутнот! — воскликнула Констанция, осененная догадкой.

Тень пробежала по ее лицу. Она потянулась за халатом и завернулась в него, став вдруг совсем маленькой, как девочка, и, обернувшись, долго смотрела вдаль на кромку берега, словно это были не песок и волны, а сами годы.

— Арбутнот, — прошептала она. — Господи, как он был хорош! Какой талант. — Она помолчала. — Я рада, что он умер, — добавила она.

— Не совсем, — сказал я и осекся.

Потому что Констанция живо обернулась ко мне, словно от выстрела.

— Не может быть! — вскричала она.

— Нечто похожее на него. Кукла, прислоненная к стене, чтобы напугать меня, а теперь и ты меня пугаешь!

Слезы облегчения брызнули из ее глаз. Она ловила ртом воздух, будто ее ударили в живот.

— Чтоб тебя! Иди в дом, — приказала она. — Принеси водки.

Я принес водку и стакан. Я смотрел, как она, запрокинув голову, сделала два глотка. И внезапно понял, что больше никогда не буду пить, ибо устал видеть, как люди пьют, устал бояться наступления ночи.

Я не мог придумать, что сказать, поэтому подошел к краю бассейна, снял ботинки, носки, закатал брюки и сел, опустив ноги в воду и глядя вниз.

Наконец Констанция подошла ко мне и села рядом.

— Ты вернулась, — сказал я.

— Прости, — сказала она. — Старые воспоминания не так-то просто стереть.

— Ужасно трудно, — согласился я, в свою очередь устремляя взгляд на берег. — На этой неделе вся студия в панике. Почему все разбегаются, видя под дождем чучело, похожее на Арбутнота?

— Ах вот что случилось?

Я поведал ей остальное, все то, что я рассказывал Крамли, закончил случаем в «Браун-дерби» и прибавил, что теперь мне нужно появиться там вместе с ней. Когда я умолк, побледневшая Констанция осушила еще один стакан водки.

— Мне хотелось бы знать, чего я должен бояться! — сказал я. — Кто написал эту записку, чтобы я пришел на кладбище и представил фальшивого Арбутнота замершему в ожидании человечеству? Но я никому на студии не стал рассказывать об этой кукле, и тогда они, едва не обезумев от страха, нашли его и попытались спрятать. Неужели после стольких лет, прошедших с его кончины, память об Арбутноте так ужасна?

— Да. — Констанция положила дрожащую ладонь мне на запястье. — О да.

— И что же это? Шантаж? Кто-то пишет Мэнни Либеру и требует денег, иначе последуют другие записки, которые раскроют нечто из прошлого студии и жизни Арбутнота? Но что раскроют? Какой-нибудь старый ролик двадцатилетней давности, снятый в ночь гибели Арбутнота? Может, это пленка, где снят момент

аварии, и, если ее показать, запыхают Константинополь, Токио, Берлин и вся остальная натура?

— Да! — словно из глубины времен донесся голос Констанции. — А теперь уходи. Беги. Тебе никогда не снилось, как ночью приходит огромный черный двухтонный бульдог и пожирает тебя? Одному из моих друзей приснился такой сон. Большой черный бульдог сожрал его. Этого бульдога звали Вторая мировая война. Мой друг ушел навсегда. Я не хочу, чтобы и ты тоже ушел.

— Констанция, я не могу бросить это. Если Рой жив...

— Ты не знаешь наверняка.

— ...я вытащу его из этой переделки и помогу вернуть работу. Это единственный правильный поступок, который я могу совершить. Я должен. Это несправедливо.

— Иди в море, побеседуй с акулами, будет больше пользы. Ты и впрямь хочешь вернуться на «Максимус» после всего, что рассказал мне сейчас? Господи! Знаешь, когда я была на студии в последний раз? После похорон Арбутнота.

Этими словами она пустила мой корабль ко дну. А потом вдогонку бросила якорь.

— Это был конец света. Я никогда не видела в одном месте столько больных и умирающих людей. Словно на моих глазах треснула и обрушилась статуя Свободы. Черт. Он был горой Рашмор⁵⁵ после землетрясения. В сорок раз величественнее, мощнее, значительнее, чем Гарри Кон, Дэррил Занук, Гарри Уорнер и Ирвинг Талберг, завернутые в один блин. Когда там, за стеной, захлопнулась крышка и гроб погрузился в могилу, трещины побежали по холму наверх, обрушив надпись *Hollywoodland*. Это был Рузвельт, умерший задолго до своей кончины.

Констанция замолчала, услышав мое затрудненное дыхание.

Затем она сказала:

— Скажи, есть в моей голове хоть капля мозгов? Ты знал, что Шекспир и Сервантес умерли в один день? Представляешь! «Все красные леса мертвы, и гром небес не утихает. Слезами горя тают льды. Отверзлись вновь Христовы раны. И Бог молчит. Как призраки, шагают легионы, все с амазонками кровавыми в глазах». Я, шестнадцатилетняя зубрилка, написала это, когда узнала, что Джульетта и Дон Кихот умерли в один день, и проплакала тогда всю ночь. Ты единственный, кто слышал эти дурацкие строчки.

Так вот, то же самое было, когда погиб Арбутнот. Мне снова было шестнадцать, и я не могла перестать плакать и писать всякую чепуху. Там были и луна, и планеты, и Санчо Панса, и Россинант, и Офелия. Половина женщин на его похоронах были его любовницами. Постельный фан-клуб, плюс племянницы, кухни и сумасшедшие тетушки. Проснувшись в тот день, мы увидели второе Джонстаунское наводнение⁵⁶. Боже, я все еще плачу. Говорят, кресло Арбутнота по-прежнему стоит в его кабинете? Сидел ли в нем с тех пор кто-нибудь столь же толстозадый и столь же мозговитый?

Я вспомнил задницу Мэнни Либера. Констанция продолжала:

— Один бог знает, как студия выжила. Может, посредством спиритизма, получая советы от умершего. Не смейся. Это же Голливуд: тут читают астрологические прогнозы Лев-Дева-Телец, между дублями стараются не наступить на трещины. Студия? Сделай мне большую обзорную экскурсию. Дай старушке вдохнуть запах четырех ветров в пятидесяти пяти городах, посмотреть на безумцев, что теперь там работают, а потом поедem к метрдотелю в «Браун-дерби». Я переспала с ним однажды, девяносто лет назад. Вспомнит ли он старую ведьму с венецианского побережья, позволит ли нам посидеть за чашечкой чая с твоим чудовищем?

— А что ты ему скажешь?

Длинная волна набежала с моря и короткой волной с шуршанием разбилась о берег.

— Я скажу, — Констанция прикрыла глаза, — перестань пугать моего фантаста-динозавролюба, моего почетного внебрачного сына.

— Да уж, — сказал я, — пожалуйста.

35

Вначале был туман.

В шесть утра он, как Великая Китайская стена, надвигался на берег, на равнины и горы.

Во мне заговорили утренние голоса.

Я осторожно пробирался по гостинной Констанции, пытаюсь нащупать где-то под слоновой грудой подушек свои очки, но по-

том оставил эту затею и на ощупь стал искать портативную пишущую машинку. Я сел и вслепую начал настукивать финал «Антипы и Мессии».

И этим финалом было чудо с рыбой.

И пришел Симон-Петр на берег, и встретил призрака у догорающего костра, и нашел рыбу, которую следовало раздать, возвещая при этом освобождение и вечное блаженство, и тихо стояли вокруг него ученики, и настал последний час прощания, и свершилось Вознесение, и произнесены прощальные слова, которые будут звучать еще две тысячи лет, и отзовутся на Марсе, и поплывут с космическими кораблями к альфе Центавра.

И когда слова вышли из-под ленты пишущей машинки, я не мог даже разглядеть их, я приблизил их к своим увлажненным слепым глазам, а в это время Констанция вынырнула из волн, как еще одно чудо, облаченное в необыкновенную плоть, она склонилась над моим плечом и издала крик, в котором слышались печаль и радость, и затрясла меня, как щенка, радуясь моему успеху.

Я позвонил Фрицу.

— Где тебя носит, черт возьми?! — вскричал он.

— Заткнись, — мягко сказал я.

И стал читать ему вслух.

И снова на углях костра жарилась рыба, и угли разлетались на ветру, и искры светлячками неслись над песком, и Христос говорил, и внимали Ему ученики, а когда рассвело, Его следы на песке исчезли, подобно ярким искрам, и Он ушел, а Его ученики разошлись во все концы земли, и теперь уже их следы были подхвачены ветрами, их следы исчезли с песка, и лишь тогда настал Новый День, и на этом закончился фильм.

На другом конце провода Фриц не проронил ни звука.

Наконец он прошептал:

— Ах... ты... сукин... сын.

А потом:

— Когда ты принесешь это?

— Через три часа.

— Приезжай через два, — прокричал Фриц, — и я тебя расцелую в четыре щеки. А пока выжму желчь из ливера Либера и найду урода Ирода!

Я повесил трубку, и тут же раздался звонок.

Звонил Крамли.

— Ну как, Бальзак, ты по-прежнему *honoré*? — спросил он. — Или, как большая рыба Хемингуэя, валяешься дохлый на причале, кости обглоданы добела?

— Крам, — вздохнул я.

— Я позвонил еще кое-куда. Положим, мы соберем всю информацию, которую ты ищешь, найдем Кларенса, узнаем, кто такой этот жуткий тип из «Браун-дерби»... но как мы свяжемся с твоим придурковатым дружкой Роем — он ведь, похоже, в подержанной тоге нарезает круги по студии, — как мы дадим ему знать, что надо выметаться оттуда? Может, взять гигантский сачок для ловли бабочек?

— Крам, — произнес я.

— Ладно, ладно. У меня есть хорошая новость и есть плохая. Я пораскинул мозгами насчет этой папки, которую, как ты сказал, твой старина Кларенс выронил возле «Браун-дерби». Я позвонил в «Дерби» и сказал, что потерял папку. «Конечно, мистер Сопуит, — ответила девушка, — она здесь!»

Сопуит! Так вот, значит, фамилия Кларенса.

— «Я боялся, — сказал я, — что забыл положить в папку свой адрес».

— «Адрес здесь, — ответила девушка, — Бичвуд, тысяча семьсот восемьдесят восемь?» — «Да, — сказал я. — Я сейчас найду и заберу ее».

— Крамли! Ты гений!

— Не совсем. Я звоню тебе из будки рядом с «Браун-дерби».

— Ну и что? — У меня екнуло сердце.

— Папки нет. Кому-то еще пришла в голову та же светлая идея. И этот кто-то меня опередил. Девушка описала мне его. Это не Кларенс, судя по твоим рассказам. Когда девушка попросила у него документ, подтверждающий личность, этот тип просто ушел вместе с папкой. Девушка, конечно, расстроилась, но ничего не напишешь.

— О господи! — проговорил я. — Значит, теперь они знают адрес Кларенса.

— Хочешь, чтобы я пошел к нему и все это рассказал?

* В почете (*фр.*). Зд. игра слов: Оноре (Honoré) де Бальзак.

— Нет-нет. У него будет сердечный приступ. Он боится меня, но я все-таки пойду. Предупрежу, чтобы он спрятался. Боже мой, что теперь будет? Бичвуд, тысяча семьсот восемьдесят восемь?

— Точно.

— Ты суперкрутой чувак, Крам.

— Всегда таким был, — ответил он, — всегда. Странно сказать, но час назад народ на вокзале Венис решил, что я снова взялся за старое. Коронер позвонил мне и сказал, что клиент долго не продержится. Пока я работаю, ты помогаешь. Кто еще на киностудии может знать то, что нас интересует? Я имею в виду человека, которому ты доверяешь. Кто-нибудь из старожиллов студии?

— Богуин, — не задумываясь, ответил я и недоуменно заморгал, сам удивившись своему ответу.

Мэгги со своей миниатюрной камерой, которая день за днем, год за годом, жужжа, запечатлевает события вокруг себя.

— Богуин? — переспросил Крамли. — Спроси у нее. И все же, Бастер...

— Что?

— Береги свою задницу.

— Берегу.

Я повесил трубку и сказал:

— Раттиган?

— Я уже завела машину, — отозвалась она. — Ждет тебя на углу.

36

Уже под вечер мы как угорелые помчались на киностудию. Припрятав в своем родстере три бутылки шампанского, Констанция смачно ругалась на каждом перекрестке и снова мчалась, прилав к рулю, как те собаки, что обожают ветер.

— Дорогу! — кричала она.

Мы с ревом неслись по середине бульвара Ларчмонт, прямо по разделительной полосе.

— Что ты творишь?! — прокричал я.

— Раньше по обеим сторонам этой улицы были трамвайные пути. А посередине — длинный ряд столбов с проводами. Гарольд Ллойд⁵⁷ катался туда и обратно, лавируя между столбами вот так!

Констанция резко свернула влево.

— И вот так, и так!

Мы объехали так полдюжины давно не существующих столбов-призраков, словно преследуемые трамваем-привидением.

— Раттиган, — позвал я.

Она взглянула на мое серьезное лицо.

— Бичвуд-авеню? — спросила она.

Было четыре часа. По улице, в северную сторону, шел последний почтальон. Я кивнул на него Констанции. Она затормозила прямо перед этим человеком, который устало тащился под все еще жарким солнцем. Он поприветствовал меня, как турист-попутчик, — вполне радушно, если принять во внимание весь тот почтовый хлам, который он выгружал у каждой двери.

Я всего лишь хотел проверить фамилию и адрес Кларенса, прежде чем постучаться к нему. Но почтальон болтал без умолку. Он рассказал, как Кларенс ходит, как он бегаёт, описал, как у него дрожат губы. Как нервно двигаются его уши. Его почти белые глаза.

Почтальон со смехом пихнул меня в локоть своей сумкой.

— Настоящий рождественский пирог десятилетней давности! Он подходит к своим дверям, завернутый в толстое верблюжье пальто, какое Адольф Менжу⁵⁸ носил в двадцать седьмом году. Мы, мальчишки, тогда бегали от слащавых сценок: забирались в верхние ряды, чтобы помочиться. Ну конечно. Старина Кларенс. Однажды я сказал ему «гав!», и он в испуге захлопнул дверь. Держу пари, он и в душе моется, не снимая пальто, боится увидеть себя голым. Пугливый Кларенс? Не стучите слишком громко...

Но меня уже и след простыл. Я быстро свернул на Вилла-Виста-Кортс и зашагал прямо к дому номер 1788.

Я не стал стучать в дверь, а поскреб ногтем по маленьким стеклышкам. Их было девять. Я не стал скрестись в каждое. Дверь с той стороны была зашторена, так что я не мог разглядеть, что делается внутри. Поскольку ответа не было, я постучал пальцем чуть громче.

Мне почудилось, будто я слышу, как гулко стучит сердце Кларенса там, за стеклом.

— Кларенс! — позвал я. Затем немного подождал. — Я знаю, что ты там!

И снова мне показалось, будто я слышу, как учащается его пульс.

— Позвони мне, черт побери, — закричал я наконец, — пока еще не поздно! Ты знаешь, кто я. Со студии, черт возьми! Кларенс, если я нашел тебя, значит, и они найдут!

Я забарабанил в дверь обоими кулаками. Одно из стекол треснуло.

— Кларенс! Твоя папка! Она была в «Браун-дерби»!

Это сработало. Я перестал барабанить, услышав звук, похожий то ли на бляение, то ли на сдавленный крик. В замке зашуршало. Потом загремел второй замок, третий.

Наконец дверь приоткрылась, образовав щель, по размеру равную длине медной цепочки.

Затравленное лицо Кларенса глядело на меня из длинного туннеля лет, такое близкое и в то же время такое далекое, что мне даже показалось, будто я слышу эхо его голоса.

— Где? — умоляюще вопрошал он. — Где?

— В «Браун-дерби», — сказал я, устыдившись. — И кто-то ее украл.

— Украл? — Слезы брызнули из его глаз. — Мою папку?! О боже! — простонал он. — Это ты во всем виноват.

— Нет-нет, послушай...

— Если они попытаются сюда ворваться, я покончу с собой. Я им это не отдам!

Он обернулся и со слезами посмотрел на архивные полки, громоздившиеся, как я мог разглядеть, за его спиной, в книжных шкафах, и на стены, увешанные портретами с автографами.

«Мои чудовища, — произнес Рой на собственных похоронах. — Мои прекрасные, мои дорогие».

«Моя прелесть, — говорил Кларенс, — сердце мое, жизнь моя!»

— Я не хочу умирать, — плаксиво проговорил Кларенс и хлопнул дверь.

— Кларенс! — Я сделал последнюю попытку. — Кто они такие? Если бы я знал, я мог бы тебя спасти! Кларенс!

В глубине двора мелькнула чья-то тень.

В другом бунгало кто-то приоткрыл дверь.

Единственное, что я, измученный, мог сказать в тот момент, — это произнести полусшепотом:

— Прощай...

Я вернулся к машине. Констанция сидела внутри и смотрела на Голливудские холмы, пытаясь насладиться чудесной погодой.

— Что все это значит? — спросила она.

— Один дурак — Кларенс. Другой — Рой. — Я повалился на сиденье рядом с ней. — Ладно, отвези меня на фабрику дураков.

Констанция нажала на педаль газа, и вскоре мы подлетели к воротам студии.

— Боже! — прошептала Констанция, поднимая глаза наверх. — Ненавижу больницы.

— Больницы?!

— Эти комнаты кишмя кишат недиагностированными случаями болезней. В этом заведении зачаты и рождены тысячи младенцев. Уютный домик, где бескровным делают переливание жадности. А этот герб над воротами? Стоящий на задних лапах лев со сломанной спиной. И еще слепой козел без яиц. А Соломон, перерубающий пополам живого ребенка? Добро пожаловать в покойницу «Грин-Глейде»!

От этих слов у меня по затылку пробежал ледяной холодок.

Мой пропуск открыл перед нами ворота. Никаких конфетти. Никакого духового оркестра.

— Надо было тебе сказать этому полицейскому, кто ты такая!

— Ты видел его лицо? Он же только *родился* в тот день, когда я удрала со студии в свой монастырь. Скажи «Раттиган», и — ничего, все затухло. Гляди!

Она указала на здание фильмофонда, когда мы проезжали мимо.

— Моя могила! Двадцать коробок в одном склепе! Фильмы, которые умерли в Пасадене, их привезли обратно с бирками на ноге. Вот так!

Мы затормозили посреди Гринтауна, штат Иллинойс.

Я взбежал на крыльцо и протянул руку Констанции.

— Дом моих бабушки с дедушкой. Добро пожаловать!

Констанция позволила мне провести ее вверх по ступеням и села на садовые качели, наслаждаясь их мерным движением.

— Господи, — вздохнула она. — Я столько лет не качалась на таких качелях! Сукин ты сын, — всхлипнула она, — что ты делаешь со старухой?

— Черт, не знал, что крокодилы тоже плачут.

Она пристально посмотрела на меня.

— Ты точно чокнутый. Неужели ты веришь во всю эту чепуху, о которой пишешь? Марс в две тысячи первом? Иллинойс в тысяча девятьсот двадцать восьмом?

— Ага.

— Боже. До чего же хорошо быть, как ты, чертовски наивным. Оставайся таким всегда. — Констанция взяла меня за руку. — Мы над тобой смеемся — проклятые, глупые вестники беды, циники, чудовища, — но ты нам нужен. Иначе Мерлин⁵⁹ умрет, или плотник, который чинит Круглый стол, увидит, что тот покосился от ветхости, а парень, что смазывает доспехи, заменит масло кошачьей мочой. Живи вечно. Обещаешь?

В доме зазвонил телефон.

Мы с Константиной вскочили. Я помчался к трубке.

— Да? — Я сделал паузу. — Алло?!

Но оттуда доносился лишь звук ветра, дующего, казалось, где-то высоко-высоко. У меня по затылку, словно гусеница, пробежала волна мурашек.

— Рой?

В трубке завывал ветер, и где-то вдаль поскрипывали стропила.

Мой взгляд инстинктивно обратился в небо.

В сотне ярдов отсюда я увидел... собор Парижской Богоматери. С его башнями-близнецами, статуями святых, горгульями.

На башнях соборов всегда гуляет ветер. Он вздымает тучи пыли, полощет красные флажки монтажных рабочих.

— Это внутренний телефон студии? — спросил я. — Ты там, где я думаю?

Мне почудилось, будто там, на самой вершине, одна из горгулий... пошевелилась.

«О Рой, — подумал я, — если это ты, забудь о мести. Уходи».

Но ветер стих, дыхание смолкло, и в трубке все умерло.

Я положил трубку и стал пристально вглядываться в башни собора. Констанция перехватила мой взгляд и отыскивала глазами те же башни, с которых вновь налетевший порыв ветра срывал клубы пыли — серых дьяволов.

— Все, хватит заниматься ерундой!

Констанция не спеша вернулась на террасу и, подняв голову, посмотрела в сторону собора.

— Что, черт возьми, здесь все-таки происходит?! — воскликнула она.

— Тсс! — ответил я.

37

Фриц как раз был на съемках, посреди шумной массовки: он кричал, указывал, топал ногой, поднимая пыль. Из-под мышки у него торчала рукоятка кнута для верховой езды, но я ни разу не видел, чтобы Фриц им воспользовался. Камеры, три штуки, были уже практически готовы, и помрежи выстраивали статистов вдоль узкой улицы, ведущей на площадь, на которой вскоре, где-то между этим часом и рассветом, должен будет появиться Христос. Едва мы вошли, Фриц заметил нас среди всей этой суеты и махнул рукой своему секретарю. Тот подбежал к нам, и я протянул ему пять машинописных страниц, после чего секретарь помчался обратно сквозь толпу.

Я наблюдал, как Фриц листает мои бумаги, повернувшись ко мне спиной. Его голова вдруг втянулась в плечи. Прошло немало времени, прежде чем Фриц обернулся и, не встречаясь со мной взглядом, взял мегафон. Он закричал. И мгновенно воцарилась тишина.

— Всем молчать! Те, кто может сесть, — сядьте. Остальные встаньте — как вам удобно. До наступления завтрашнего дня Христос придет и уйдет. И вот как это будет нам представляться, когда мы закончим работу и вернемся домой. Слушайте.

И он стал читать страницы моего последнего эпизода, слово за словом, страница за страницей, тихим, но ясным голосом, и никто не отвернулся, никто не шаркнул ногой. Я не мог поверить, что все это происходит. Все это были мои слова о заре над морем, о чуде с рыбой, о странном бледном призраке Христа на берегу, о рыбе, разложенной на углях, что жаркими искрами разметались на ветру, об учениках, тихо слушающих, закрыв глаза, и о крови Спасителя, стекающей под шепот его прощальных слов из ране-

ных запястий и каплями падающей на жаровню этой Тайной вечера, что была после Тайной вечера.

И вот Фриц Вонг дочитал последние слова.

Из толпы, из группы статистов, из римских фаланг донесся всего лишь тихий шепот, и в этой тишине Фриц наконец прошагал сквозь людскую толпу ко мне, уже почти ничего не видевшему от волнения.

Фриц с удивлением посмотрел на Констанцию, отрывисто кивнул ей, затем, немного помедлив, поднял руку, достал из своего глаза монокль, взял мою правую руку и вложил оптический прибор мне в ладонь, как награду, как медаль. Потом он сжал мою ладонь с моноклем в кулак.

— С сегодняшнего вечера, — тихо проговорил он, — ты будешь моими глазами.

Это был приказ, команда, благословение.

Затем он гордо удалился. Я стоял и смотрел ему вслед, сжимая в дрожащем кулаке его монокль. Выйдя на середину притихшей толпы, он схватил мегафон и прокричал:

— Так делайте же что-нибудь!

Больше он на меня не взглянул.

Констанция взяла меня под руку и увела.

38

По дороге в «Браун-дерби» Констанция, медленно ведя машину, посмотрела на полутемные улицы впереди и сказала:

— Господи, ты веришь во все на свете, да? Но как? Почему?

— Очень просто, — ответил я. — Я не делаю ничего, что я ненавижу, или то, во что не верю. Если бы ты предложила мне написать сценарий для фильма, скажем, о проституции или об алкоголизме, я не стал бы его писать. Я не стал бы платить проституткам, и пьяниц я тоже не понимаю. Я делаю то, что люблю делать. Сейчас, слава богу, это Христос в Галилее во время Его прощальной зари, Его следы на песке. Я закоренелый христианин, но когда я обнаружил эту сцену в Евангелии от Иоанна, или, вернее, когда Иисус открыл ее для меня, я был потрясен. Как я мог не написать об этом?

— М-да.

Констанция пристально смотрела на меня, так что мне даже пришлось наклонить голову и напомнить ей, показав на руль, что она ведет машину.

— Черт, Констанция, я не гоняюсь за деньгами. Если б ты предложила мне «Войну и мир», я бы отказался. Что, Толстой плох? Нет. Просто я его не понимаю. Это я убогий, не он. Но я, по крайней мере, знаю, что не могу сделать из него сценарий, потому что я в него не влюблен. Заказав мне сценарий, ты бы только потеряла деньги. Конец проповеди. А вот и «Браун-дерби»! — сказал я, когда мы плавно проехали мимо, так что нам пришлось возвращаться.

В этот вечер посетителей было мало. «Браун-дерби» почти пустовал, а в глубине зала не было никакой восточной ширмы.

— Черт! — пробормотал я.

Ибо мой блуждающий взгляд остановился на углублении слева. Там располагалась крохотная телефонная кабина, куда поступали звонки для резервирования столиков. Небольшая лампа для чтения горела на стойке, где, вероятно, всего несколько часов назад лежал альбом Кларенса с фотографиями.

Он лежал там и ждал, чтобы кто-то его украл, нашел адрес Кларенса и...

«Господи, — подумал я, — только не это!»

— Дитя мое, — сказала Констанция, — давай закажем тебе выпивку!

Метрдотель как раз выложил счет перед своими последними посетителями. Он увидел нас затылочным зрением и обернулся. Его лицо засветилось от удовольствия, когда он увидел Констанцию, но почти мгновенно потухло при виде меня. Как-никак я был для него плохой новостью. Я был у ресторана в тот вечер, когда Кларенс заговорил с Человеком-чудовищем.

Метрдотель снова улыбнулся, бросился через весь зал, чтобы расстроить мои планы, и жадно расцеловал каждый пальчик на руке Констанции. Констанция откинула назад голову и рассмеялась.

— Не стоит, Рикардо. Я продала свои кольца много лет назад!

— Вы меня помните? — спросил он, потрясенный.

— Рикардо Лопес, известный также как Сэм Кан?

— Но кто же тогда Констанция Раттиган?

— Я сожгла свое свидетельство о рождении вместе со своими трусиками.

Констанция указала на меня:

— А это...

— Я знаю, знаю. — Лопес даже не взглянул на меня.

Констанция снова рассмеялась, ибо он по-прежнему не выпускал ее руку.

— Вот Рикардо был раньше спасателем в бассейне на студии «Метро-Голдвин-Майер». Каждый день десятки девушек тонули там, чтобы он откачал их и вернул к жизни. Веди нас, Рикардо.

Нас усадили за столик. Я не мог оторвать глаз от дальней стены ресторана. Лопес поймал мой взгляд и злобно вкрутил штопор в пробку винной бутылки.

— Я был всего лишь зрителем, — сказал я тихо.

— Да-да, — пробормотал он, наливая Констанции вино на пробу. — Там был и второй придурок.

— Прекрасное вино, — сказала Констанция, сделав маленький глоток, — прекрасное, как ты.

Рикардо Лопес так и согнулся от смеха. Он едва сдержался, чтобы не расхохотаться.

— А кто такой этот второй придурок? — ввернула Констанция, пользуясь моментом.

— Да так, ерунда. — Лопес постарался вернуть себе прежнее выражение человека, страдающего несварением желудка. — Орали друг на друга, чуть не подрались. Мой лучший клиент и какой-то попрошайка с улицы.

«Ах вот как, — подумал я. — Бедный Кларенс, всю жизнь выпрашивавший себе хоть ответ звездной славы».

— Твой *лучший* клиент, мой дорогой Рикардо? — переспросила Констанция, удивленно хлопая ресницами.

Рикардо метнул взгляд в глубину зала, где у стены стояла сложенная восточная ширма.

— Я разбит. Хотя из меня не так-то легко выжать слезы. Мы были так осторожны. В течение многих лет. Он всегда приходил поздно. Ждал на кухне, пока я не проверю, что здесь нет никого из его знакомых. Непростая задача, верно? В конце концов, я же не знаю всех его знакомых, а? И вот теперь из-за какой-то ду-

рацкой ошибки, из-за какого-то случайного идиота мой Великий Клиент, возможно, никогда больше не придет. Он найдет себе другой ресторан, который закрывается еще позже, где еще меньше народу.

— У этого Великого Клиента... — Констанция сунула в руки Рикардо еще один винный бокал и знаком показала, чтобы он сам налил себе, — у него есть имя?

— Нет. — Рикардо налил себе, хотя мой бокал по-прежнему оставался пустым. — И я никогда не спрашивал. Он приходил сюда много лет подряд, хотя бы раз в месяц, и платил наличными, заказывая лучшие блюда и лучшие вина. Но все это время мы обменивались с ним разве что тремя дюжинами слов за вечер.

Он молча читал меню, указывал, что ему хочется, и все это за ширмой. Потом он и его спутница разговаривали, пили и смеялись. То есть если с ним была спутница. Все это были странные спутницы. Одинокие...

— Слепые, — вставил я.

Лопес бросил на меня гневный взгляд.

— Может быть. Или даже хуже.

— Что может быть хуже?

Лопес посмотрел на свой бокал с вином и на свободный стул неподалеку.

— Садись, — предложила Констанция.

Лопес нервно огляделся вокруг в пустом ресторане. Наконец он сел, медленно отпил вина и кивнул.

— Больные, лучше сказать, — произнес он. — Его женщины. Странные. Печальные. Израненные? Да, с израненной душой, женщины, которые не умели смеяться. Но он смешил их. Так, словно для излечения от своей молчаливой, ужасной жизни ему приходилось веселить других, вызывать в них какую-то странную радость. Он доказывал, что жизнь — это шутка! Представляете? Доказать такое. А потом вслед за своим хохотом он выходил в ночь со своей дамой, слепой, немой или безумной, — все представляю себе, как те женщины радовались, — и они садились в такси или в лимузин. Причем лимузин арендовали каждый раз у другой компании, все оплачивалось наличными, никаких кредиток, никаких документов, — и уезжали в безмолвие. Я никогда не слышал, о чем они разговаривали. Если он выглянет и увидит меня ближе

пятнадцати футов от ширмы — мне конец! Мои чаевые? Десять центов! В следующий раз стою в тридцати футах от ширмы. Мои чаевые? Две сотни долларов. Эх, ладно, выпьем за грусть.

Внезапный порыв ветра сотряс входные двери ресторана. Мы похолодели. Двери широко распахнулись, с шумом захлопнулись снова и замерли.

Спина Рикардо застыла неподвижно. Он перевел взгляд с двери на меня, словно это я был виноват в том, что в дверях не было никого, кроме ночного ветра.

— О черт, черт, черт побери, — сказал он негромко. — Он ушел навсегда.

— Человек-чудовище?

Рикардо удивленно уставился на меня.

— Вы так его называете? Что ж...

Констанция кивнула на мой бокал. Рикардо пожал плечами и плеснул мне немного вина.

— Что он за птица такая? Ты притащила его сюда, чтобы разрушить мою жизнь? До нынешней недели я был богат.

Констанция немедленно пошарила в своей сумочке, лежащей у нее на коленях. Ее рука, как мышка, скользнула через стул справа от нее и что-то положила. Рикардо ошупал предмет и отрицательно покачал головой.

— Ах нет, только не от вас, дорогая Констанция. Да, это он сделал меня богатым. Но однажды, много лет назад, вы сделали меня счастливейшим человеком на свете.

Констанция похлопала его ладонью по руке, а глаза ее засияли. Лопес поднялся и на пару минут зашел в кухню. Мы пили вино и ждали, глядя, как ветер распахивает входные двери и с тихим шепотом закрывает их в ночи. Вернувшись, Лопес окинул взглядом пустые столы и стулья, как будто они могли осудить его за плохие манеры, и сел. Он осторожно положил перед нами маленькую фотографию. Пока мы рассматривали ее, он допил свое вино.

— Это было снято на «Поляроид» в прошлом году. Один из наших глупых помощников захотел позабавить своих друзей. Две фотографии, снятые с интервалом в три секунды. Они упали на пол. Человек-чудовище, как вы его называете, сломал камеру, порвал один снимок, думая, что он единственный, и ударил нашего официанта, которого я немедленно уволил. Мы предложили

ужин за счет заведения и подарили последнюю бутылку нашего лучшего вина. Все улеглось. Позднее я нашел второй снимок под столом, куда он отлетел, когда Человек-чудовище с ревом полез в драку. Ну разве не горе?

Констанция была в слезах.

— Вот, значит, какой он?

— О боже, — произнес я, — да.

Рикардо кивнул:

— Мне часто хотелось спросить: «Сэр, зачем вы живете? Вам по ночам не снится, будто вы красивы? Кто ваша дама? Чем вы зарабатываете на жизнь, да и жизнь ли это?» Но ни разу не спросил. Я лишь неотрывно смотрел на его руки, подавал ему хлеб, наливал вино. Но бывали вечера, когда он заставлял меня посмотреть ему в лицо. Давая на чай, он всегда ждал, чтобы я поднял на него глаза. Тогда он улыбался улыбкой, похожей на бритвенный порез. Вы видели драки, когда один полоснет другого и плоть раскрывается, как красный рот? Его рот, рот несчастного монстра, благодарившего меня за вино, высоко поднимавшего деньги, чтобы я взглянул в его глаза. Загнанные на кровавую бойню лица, они мучительно пытались освободиться и тонули в море отчаяния.

Рикардо быстро заморгал и запихнул фотографию в карман.

Констанция еще долго смотрела на скатерть, туда, где недавно лежала фотография.

— Я пришла посмотреть, не узнаю ли я этого человека. Слава богу, нет. Но его голос? Может быть, в какой-нибудь другой вечер?..

Рикардо фыркнул:

— Нет-нет. Все кончено. Этот идиот, пристававшая, торчавший в тот вечер перед рестораном... Такая встреча бывает лишь раз за многие годы. Обычно в этот поздний час на улице пусто. Теперь, я уверен, он больше не придет. И я опять перееду в маленькую квартирку. Простите за такой эгоизм. Непросто расстаться с чаевыми в двести долларов.

Констанция шмыгнула носом, встала, схватила руку Лопеса и что-то в нее засунула.

— Никаких возражений! — заявила она. — Это был прекрасный год, тысяча девятьсот двадцать восьмой. Это времена, когда

я платила за моего дорогого жиголо. Не надо! — сказала она, потому что он попытался сунуть ей деньги обратно. — Подлец!

Рикардо замотал головой и крепко прижал ее ладонь к своей щеке.

— Помнишь: Ла-Холья, море, чудесная погода?

— Бодисерфинг каждый день!

— О да, наши тела, теплый прибор.

Рикардо поцеловал каждый ее пальчик.

Констанция сказала:

— Вкус начинается с локтя!

Рикардо расхохотался. Констанция слегка ушипнула его за подбородок и убежала. Я открыл перед ней дверь и пропустил вперед.

Затем обернулся и посмотрел на нишу с маленькой лампой, стойкой и шкафом для документов.

Лопес увидел, куда я смотрю, и тоже поглядел в эту сторону.

Но папка с фотографиями Кларенса исчезла, пропала в ночи вместе с плохими парнями.

«Кто же теперь защитит Кларенса? — спрашивал я себя. — Кто спасет его от тьмы и будет хранить его жизнь до самого рассвета?»

Я? Слабак, которого собственная кузина побеждала в драке?

Крамли? Смею ли я просить, чтобы он торчал всю ночь перед домом Кларенса? Пойти, что ли, крикнуть у дверей Кларенса: «Тебе конец! Беги!»

Я не стал звонить Крамли. И не пошел кричать у крыльца Кларенса Сопуита. Я кивнул Рикардо Лопесу и вышел в ночь. Констанция стояла на улице и плакала.

— Черт, пошли отсюда, — сказала она.

Она размазала глаза не подходящим к случаю шелковым платочком.

— Проклятый Рикардо. Заставил меня почувствовать себя старухой. Да еще эта фотография несчастного, отчаявшегося человека.

— Да, это лицо, — произнес я и добавил: — Сопуит.

Ибо Констанция стояла на том самом месте, где несколько ночей назад стоял Кларенс Сопуит.

— Сопуит? — переспросила она.

Констанция вела машину, и ее голос резал воздух:

— Жизнь — как нижнее белье, ее надо менять дважды в день. Вечер закончился, я хочу его забыть.

Она стряхнула слезы с глаз и, скосив взгляд, проследила, как они дождем улетают прочь.

— Все, забыла, вот так просто. Так устроена моя память. Видишь, как легко?

— Нет.

— Помнишь кумушек с верхнего этажа того муравейника, где ты жил пару лет назад? Как после большой субботней попойки они швыряли с крыши новые платья, чтобы показать, какие они богатые, что им плевать, завтра они могут купить себе другое? Какая чудовищная ложь; платья летят в разные стороны, а они стоят — со своими жирными или тощими задами — на крыше, в три часа ночи, и смотрят на этот сад из платьев, которые, словно шелковые лепестки, летят на ветру по пустырям и улицам. Помнишь?

— Да!

— Вот так и я. Я все выкидываю: сегодняшний вечер, «Браундерби», того беднягу вместе со всеми моими слезами — все вон.

— Сегодняшний вечер еще не закончился. Ты не можешь забыть это лицо. Ты узнала или не узнала Человека-чудовище?

— Боже мой! Мы с тобой на грани нашего первого серьезного боя в тяжелом весе. Берегись!

— Ты его узнала?

— Его невозможно узнать.

— У него остались глаза. Глаза не меняются.

— Берегись! — закричала она.

— Ладно, — проворчал я. — Умолкаю.

— Ну вот. — Слезы снова тонкими ручейками потекли из ее глаз. — Я опять тебя люблю.

Она улыбнулась овеянной ветром улыбкой, ее волосы сплетались и расплетались в потоке воздуха, обдувавшего нас холодной струей через ветровое стекло.

От этой улыбки все суставы в моем теле размякли. «Боже, — подумал я, — имея такие губы, такие зубы и такие огромные,

якобы невинные глаза, она, наверное, всегда побеждала, каждый день, всю свою жизнь?»

— Ага! — засмеялась Констанция, прочитав мои мысли. — Смотри!

Она резко затормозила перед воротами киностудии и долго, пристально вглядывалась в них.

— О боже! — наконец произнесла она. — Это не больница. Сюда приходят умирать великие, гигантские идеи. Кладбище для безумцев.

— Кладбище за оградой, Констанция.

— Нет. Сначала ты умираешь *здесь*, а потом — *там*. Между ними... — Она обхватила руками голову, словно та могла улечь. — Безумие. Не ввязывайся в это, детка.

— Почему?

Констанция медленно поднялась и, встав за рулем, крикнула во всю глотку, обращаясь к еще не открытым воротам, наглухо запертым ночным окнам и ровным, бесстрастным стенам:

— Сначала они сводят тебя с ума! Потом, доведя до помешательства, начинают преследовать тебя за то, что ты без умолку болтаешь днем и впадаешь в истерику на закате. А с восходом луны превращаешься в беззубого оборотня... Когда ты доходишь до определенной стадии безумия, они выкидывают тебя вон и распространяют слухи, будто ты не умеешь мыслить здраво, не идешь на контакт и начисто лишен воображения. Твое имя печатают на туалетной бумаге и распространяют ее по всем студиям, чтобы великие могли распевать твои инициалы, поднимаясь на палский престол... А когда ты умрешь, они будут трясти тебя, чтобы разбудить, а потом убить еще раз. Затем они подвешивают твою тушку в Бэд-Роке, в О. К. Коррале или в Версале на десятой натурной площадке, маринуют тебя в банке, как фальшивый эмбрион из средненького киношного музея уродов, покупают тебе дешевый склепик за углом, вырезают на могиле твое имя, с ошибками, и проливают крокодиловы слезы. А потом наступает безвестность: никто не вспомнит твоего имени в титрах всех этих фильмов, сделанных тобой в лучшие годы жизни. Кто помнит авторов сценария «Ребекки»?⁶⁰ А «Унесенных ветром»? Кто помог Орсону Уэллсу стать гражданином Кейном? Спроси любого на улице. Черт, да они даже не знают, кто был президентом при

администрации Гувера... И вот ты победитель. Через день после предварительного показа все забыто. Ты боишься уехать из дому между фильмами. Кто-нибудь слышал, чтобы писатель-сценарист когда-нибудь съездил в Париж, Рим или Лондон? Они же все до смерти боятся, что, если уехать, большие шишки забудут о них. Забудут, черт возьми, да они их никогда и не знали. Пригласите на работу этого, как его там. Пусть ко мне зайдет этот, как его бишь. А как же имя перед названием фильма? Продюсер? Само собой. Режиссер? Может быть. Помнится, «Десять заповедей» — это Демилль, а не Моисей. А «Великий Гэтсби» — Френсис Скотт Фицджеральд? Перекури это в мужской уборной. Занюхай своим изъязвленным носом. Хочешь, чтобы твое имя написали большими буквами? Убей любовника своей жены и упади с лестницы вместе с его трупом. Говорю тебе, все это мерцающие картинки на белом экране. Помни, ты всего лишь пробел между каждым шелчком проектора. Ты заметил шесты для прыжков у дальней стены киностудии? Это чтобы прыгнув в высоту было легче перелетать на ту сторону, в карьер. Психопаты нанимают их, а потом выгоняют, ведь таких пруд пруди. А они покупаются, потому что они любят кино, а мы нет. Это дает нам власть. Заставь их выпить, потом отбери бутылку, найми катафалк, позаимствуй лопату. Повторяю: «Максимус филмз» — это кладбище. О да, кладбище для безумцев.

Закончив свою речь, Констанция продолжала стоять, будто стена киностудии была океанской волной, готовой вот-вот обрушиться.

— Не ввязывайся в это дело, — прибавила она в завершение. Раздались негромкие аплодисменты.

Ночной полицейский за фигурной испанской решеткой улыбался и хлопал в ладоши.

— Я недолго буду ввязываться в это дело, Констанция, — сказал я. — Еще с месяцок, а потом поеду на юг заканчивать свой роман.

— Можно, я поеду с тобой? Поедем в Мехикали, в Калехико, к югу от Сан-Диего, почти до самого Эрмосильо, будем купаться нагишом при луне, ну да ладно, ты — в заношенных шортах...

— Неплохо бы. Но теперь только я и Пег, Констанция. Пег и я.

— Ладно, черт. Поцелуй меня.

Я помедлил, и тогда она влепила мне такой поцелуй, от которого зарделись бы все пуленепробиваемые кумушки из многоквартирного муравейника, а лед превратился бы в пламя.

Ворота медленно открылись.

И мы, как два безумных лунатика, захали внутрь.

Когда мы подкатили к огромной площади, запруженной толпами солдат и торговцев, Фриц Вонг тут же в несколько прыжков подскочил к нам.

— Проклятье! Мы все уже готовы к съемкам твоей сцены. А этот пьяница, этот баптист-унитарий как сквозь землю провалился. Ты не знаешь, где этот сукин сын может прятаться?

— Ты звонил в церковь Эйми Сэмпл Макферсон?

— Она умерла!

— Или трясунам. Или универсалистам Мэнли Палмера Холла⁶¹. Или...

— Господи! — заорал Фриц. — Уже полночь! Везде все закрыто.

— А на Голгофе не смотрел? — спросил я. — Это же его *путь*.

— Голгофа! — разбушевался Фриц. — Проверьте Голгофу! Гефсиманский сад! — молил Фриц звезды. — Господи, за что мне эта чаша отравленного манишевича?⁶² Кто-нибудь! Раздобудьте два миллиона цикад для завтрашнего нашествия саранчи!

Всевозможные помощники забегали во все стороны. Я тоже бросился было бежать, но Констанция схватила меня за локоть.

Мой блуждающий взгляд остановился на фасаде собора Парижской Богоматери.

Констанция увидела, куда я смотрю.

— Не ходи туда, — шепнула она.

— Отличное место для Христа.

— Там одни фасады и ничего сзади. Споткнешься обо что-нибудь и упадешь, как те камни, что горбун кидал в толпу.

— Это же кино, Констанция!

— А это, думаешь, все настоящее?

Констанция вздрогнула. Мне так захотелось увидеть прежнюю Раттиган, ту, что все время смеялась.

— Я только что видела кого-то там, на колокольной башне.

— Может, это Иисус, — предположил я. — Пока остальные общаривают Голгофу, почему бы мне не заглянуть туда?

— Я думала, ты боишься высоты.

Я посмотрел на тени, перебегающие по фасаду собора.

— Дурачок. Ну, давай же. Заставь этого Иисуса спуститься, — прошептала Констанция, — пока он не превратился в горгулью. Спаси Иисуса.

— Я спасу его!

Отбежав на сто футов, я обернулся. Констанция уже грела руки у костра римских легионеров.

40

В нерешительности я слонялся вокруг собора. Мне было страшно — войти внутрь, а потом еще забраться наверх! Вдруг, в ужасном волнении, я обернулся и втянул носом воздух. Затем вдохнул поглубже и выдохнул.

— Не может быть. Запах ладана! И свечного дыма! Кто-то там есть... Иисус?

Я прошел внутрь и остановился.

Где-то высоко на опорах шевельнулась огромная тень.

Прищурившись, я стал всматриваться сквозь холстину, натянутую на рейки, сквозь листы клееной фанеры и тени горгулий в вышине, пытаюсь разглядеть, что могло шевелиться там, во мраке собора.

«Кто зажег благовония? — думал я. — Как давно ветер задул свечи?»

С высоты осыпалась струйка мелкой пыли.

«Иисус? — думал я. — Если ты упадешь, кто же спасет Спасителя?»

Молчание было ответом на мое молчание.

И все же...

Трусливейшему из всех трусов на свете пришлось взбираться вверх по лестнице, ступенька за ступенькой, сквозь тьму, боясь, что в любой момент грянут исполинские колокола и столкнут меня в свободное падение. Я зажмурился и полез дальше.

Добравшись до верха, я долго стоял, прижимая руки к бешено стучавшему сердцу, горько сожалея о том, что залез сюда, и страстно желая оказаться внизу, где светло и где пиво льется

рекой, в толпе римлян, чтобы носиться по аллеям и улыбаться на бегу Раттиган, заезжей королеве.

«Если я сейчас умру, — подумал я, — никто из них даже не услышит».

— Иисус! — тихо позвал я в темноту.

Молчание.

Я обошел вокруг длинного листа фанеры. Там, под звездным небом, где когда-то, полжизни назад, сидел уродливый звонарь, свесив ноги над ажурным фасадом собора, виднелась чья-то неясная тень.

Человек-чудовище.

Он глядел на город, на миллионы огней, разбросанных на четырехста квадратных миль вокруг.

«Как ты сюда попал? — удивлялся я. — Как тебе удалось пройти мимо охраны у ворот, или... о нет! — ты перелез через стену! Ну конечно! Лестница, приставленная к ограде кладбища!»

Мне послышался стук плотницкого молотка. Я услышал, как волокут чье-то тело. Хлопнула крышка сундука. Вспыхнула спичка. Загудел мусоросжигатель.

Вдох замер в моей груди. Чудовище обернулось и посмотрело на меня.

Я покачнулся и едва не сорвался с карниза. Но схватился за одну из горгулий.

Вдруг Человек-чудовище вскочил.

Его рука схватила мою.

Мгновение мы балансировали на карнизе собора. В его глазах я прочел страх передо мной. В моих глазах он прочел страх перед ним.

Затем, пораженный, он отдернул руку, словно обжегся. Он живо отпрянул назад, и мы, полусогнутые, остановились.

Я взглянул в это страшное лицо, в его встревоженные и навечно пойманные в капкан глаза, посмотрел на отверстую рану рта и подумал:

«Почему? Почему ты меня не отпустил? Не столкнул? Ведь это ты, тот человек с молотком, да? Тот, кто нашел и уничтожил страшную глиняную голову, сделанную Роем? Никто больше не мог дойти до такой ярости! Почему ты спас меня? Почему я еще жив?»

На эти вопросы не могло быть ответов. Снизу раздался грохот. Кто-то поднимался по лестнице.

Человек-чудовище испустил тяжкий, стонущий вздох:

— Нет!

И бросился бежать по высокому балкону. Его ноги бухали по расхлябанным доскам. Пыль клубами сыпалась вниз, во тьму собора.

На лестнице снова послышался шорох. Я хотел было кинуться вслед за чудовищем к дальней лестнице. Он обернулся ко мне, в последний раз. Его глаза! Что же? Что же было такого в его глазах?

Они были разные и в то же время одинаковые, испуганные и смиренные, то внимательные, то растерянные. Его рука взметнулась вверх, во тьму. На мгновение мне показалось, что он вот-вот окликнет, закричит, заорет на меня. Но с губ сорвался лишь странный, приглушенный вздох. Затем я услышал его шаги, он сбегал по ступеням — прочь из этого нереального мира к еще более жуткому, нереальному миру внизу.

Я, спотыкаясь, бросился в погоню. Мои ноги взметали гипсовую пыль. Она текла, как песок в гигантских песочных часах, оседающий далеко внизу, рядом с купелью. Доски под моими ногами затрещали и покачнулись. Ветер затрепетал размашистыми крылами, хлопая вокруг меня брезентовыми стенами собора, и вот я уже скачу вниз по лестнице и с каждым скачком сжимаю зубы, чтобы с моих губ не сорвались тревожный крик или проклятие. «Господи, — думал я, — мы с этим существом, на одной лестнице, убегаем от чего?»

Я взглянул наверх и увидел горгулий, едва различимых во тьме; я был один и думал, спускаясь во мраке: «А вдруг он поджидает меня там, внизу?»

Я похолодел. И посмотрел вниз.

«Если я упаду, — думал я, — буду лететь до пола целый год». Мне был известен только один святой. Его имя внезапно сорвалось с моих губ: «Крамли!»

«Держись крепче, — сказал Крамли откуда-то из далекого далека. — Сделай шесть глубоких вдохов».

Я втянул в себя воздух, но тот никак не хотел выходить обратно из рта. Задыхаясь, я бросил взгляд на огни Лос-Анджелеса, рас-

сылавшиеся четырехсотмильным одеялом фонарей и автомобильных фар: такое множество людей, разных и красивых, и никого рядом, чтобы помочь мне спуститься вниз, в эти огни! Улицы, улицы, все в огнях!

Далеко-далеко, на краю света, мне почудилось, будто длинная темная волна набегает на неосязаемый берег.

«Бодисерфинг», — шепнула Констанция.

Это подействовало. Я перепрыгнул еще на ступеньку вниз и продолжал спускаться с закрытыми глазами, больше не заглядывая в пропасть, пока не достиг пола, и остановился. Я ждал, что Человек-чудовище, уже занесший руку для убийства, а не для спасения, схватит меня и прикончит.

Но чудовища не было. Лишь пустая купель, в чаше которой лежало с полпинты соборной пыли, потухшие свечи да брошенные палочки ладана.

Я в последний раз взглянул вверх, на незаконченный фасад собора Парижской Богоматери. Тот, кто взбирался по лестнице, был уже наверху.

Вдали, чуть ли не на другом конце континента, толпа носилась по Голгофским холмам, как команда на воскресном футбольном матче.

«Иисус, — подумал я, — если тебя здесь нет, то где же ты?»

41

Те, кого послали обыскать Голгофу, искали не слишком старательно. Они пришли и ушли, а гора лежала, пустынная, под звездами. Над нею носился ветер, разметая впереди себя пыль, овевая подножия трех крестов, которые, казалось, выросли здесь задолго до того, как вокруг них построили киностудию.

Я подбежал к кресту. На вершине ничего не было видно, ночь была темной. Лишь мерцающие отблески света маячили вдаль, там, где правил Ирод Антипа, где бесновался Фриц Вонг и где римляне в огромном пивном облаке маршировали от здания гримерной до Судной площади.

Я дотронулся до креста, покачнулся и невнятно позвал:

— Иисус!

Тишина.

Я снова попытался позвать, мой голос дрожал.

Небольшой комочек перекаати-поля с шуршанием пронесся мимо.

— Иисус! — едва не завопил я.

Наконец откуда-то с небес раздался голос.

— На этой улице, на этом холме, на этом кресте нет никого с таким именем, — печально прошептал голос.

— Кто бы ты ни был, черт возьми, спускайся!

Я пошарил в темноте, стараясь отыскать лестницу и пугаясь окружающей меня тьмы.

— Как ты туда забрался?

— Тут есть лестница, я не прибит гвоздями. Просто держусь за колышки, а под ногами небольшая ступенечка. Здесь так покойно. Иногда я вишу здесь по девять часов, замаливаю грехи.

— Иисус! — позвал я. — Я не могу тут стоять. Мне страшно! Что ты делаешь?

— Вспоминаю все сеновалы и куриные перья, в которых валялся, — ответил голос Иисуса с небес. — Видишь, перья падают, как снежные хлопья? Когда я уйду отсюда, то буду исповедоваться каждый день! Мне надо снять с себя груз десяти тысяч женщин. Я буду описывать точные размеры: задница столько-то дюймов, грудь, как стонала, что у нее между ног, — пока священник не ухватит себя за вспотевшие подмышки! Раз уж я не могу обвить руками ножку в шелковом чулочке, то хоть вызову у церковника такое сердцебиение, что он начнет рвать на себе воротничок-стоечку. Во всяком случае, вот он я, на кресте, вдали от кривой дорожки. Гляжу на ночь, а ночь глядит на меня.

— На меня она тоже глядит, Иисус. Меня пугают темные дорожки и собор, я только что оттуда.

— Не суйся туда, — произнес Иисус, неожиданно придя в ярость.

— Почему? Ты ведь смотрел сегодня ночью на его башни? Ты что-нибудь видел?

— Просто не суйся туда, и все. Опасно.

«Знаю», — подумал я про себя.

И вдруг, оглянувшись вокруг, спросил:

— А что еще ты видишь, Иисус, вися там днем и ночью?

Христос окинул быстрым взглядом тьму.

— Ну что можно увидеть в пустой студии ночью? — тихо проговорил он.

— Мало ли чего!

— Да! — Христос повертел головой, глядя то на юг, то на север. — Мало ли!

— В ночь Хеллоуина, — бросил я наобум, — ты, случайно, не видел... — я указал кивком в сторону севера, на то место, в пятидесяти ярдах отсюда, — приставную лестницу на вершине вон той стены? И человека, пытающегося по ней забраться?

Христос внимательно посмотрел на стену.

— В ту ночь шел дождь. — Иисус обратил лицо к небу, вдыхая бурю. — Найдется ли такой дурак, который полезет туда в грозу?

— Ты.

— Нет, — сказал Иисус. — Я даже сейчас не здесь!

Он расставил руки в стороны, ухватился за перекладины креста, склонил голову и закрыл глаза.

— Иисус, — позвал я. — Они ждут тебя на седьмой площадке.

— Пусть себе ждут.

— Христос пришел вовремя, черт побери! Мир позвал Его. И Он пришел!

— Ты что, веришь во всю эту галиматью?

— Да!

И сам удивился, с какой горячностью я выкрикнул это «да», взлетевшее по его ногам к голове в терновом венце.

— Дурак.

— Нет, я не дурак!

Я попытался представить себе, что бы сказал Фриц, если бы был здесь, но здесь был только я, поэтому я сказал:

— Пришли мы, Иисус. Мы, несчастные, глупые человеческие существа. Но это не важно: мы пришли или Христос. Миру или Богу мы были нужны, чтобы увидеть мир и познать его. И мы пришли! Но мы запутались, забыли, какие мы невероятные существа, и не смогли сами себя простить за то, что натворили. И тогда, после нас, явился Христос, чтобы сказать слово, которое мы и так наверняка знали: прости. Смирись, такая у тебя работа. Пришествие Христа снова и снова повторяется в нас. И две тысячи лет мы все приходили и приходили, нас становилось все больше

и больше, в основном искавших прощения для самих себя. Я бы окаменел навеки, если бы не мог простить себе все те глупости, которые натворил. Вот сейчас ты зависишь на этом столбе и ненавидишь себя, ты распят на кресте, потому что ты — исполненный жалости к самому себе, упертый, тупой, актерствующий бездельник. А теперь слезай, черт возьми, пока я не забрался наверх и не укусил тебя за грязные лодыжки!

Раздался такой звук, будто стая тюленей залаяла в ночи. Иисус, запрокинув голову, вдыхал в себя воздух, заполняя легкие для хохота.

— Вот так речь! Как раз для труса!

— Не бойся меня, мистер! Берегись самого себя, Святой Иисус Христос!

Я почувствовал, как одинокая капля дождя упала на мою щеку.

Не может быть. Я дотронулся до щеки и лизнул свои пальцы. Солёные.

Иисус склонился вперед, заглядывая вниз.

— Боже! — Он был по-настоящему поражен. — Ты неравнодушен!

— Да, черт побери. И если уйду я, придет Фриц Вонг со своим хлыстом!

— Я не боюсь его прихода. Боюсь только твоего ухада.

— Тогда давай! Спускайся. Ради меня!

— Ради тебя?! — тихо воскликнул он.

— Ты так высоко. Что ты там видишь, на седьмой площадке?

— Кажется, огонь. Да.

— Это разложен костер, Иисус. — Я протянул руку и коснулся основания креста, вызывая вверх, к фигуре, поднявшей голову. — И ночь уже на излете, и лодка пристает к берегу после того, как свершилось чудо с рыбой, и Симон-Петр идет по песку вместе с Фомой, Марком, Лукой и всеми остальными, туда, где на углях жарится рыба. Это...

— ...Вечера после Тайной вечери, — прошептал Иисус с высоты, глядя на осенние созвездия. Я видел над его плечом плечо Ориона. — Ты это сделал?!

Он взволнованно зашевелился. Я же спокойно продолжал:

— Я сделал больше! Теперь у меня есть настоящий финал, для тебя, финал, какой никто никогда не снимал. Вознесение.

— Это невозможно сделать, — пробормотал Иисус.

— Слушай.

И я сказал:

— Когда настает время ухода, Христос прикасается к каждому из учеников, а затем идет вдоль берега, удаляясь от камеры. Установите камеру прямо на песок, и будет казаться, что он взбирается по длинному пологому холму. И по мере того как поднимается солнце и Христос удаляется к горизонту, над песком витает горячее марево. Как на шоссе или в пустыне, где воздух растворяется в миражах, возникают и исчезают воображаемые города. Так вот, когда Христос почти добрался до вершины дюн, воздух колышется от зноя. Христос рассыпается на мельчайшие частицы. И вот его уже нет. Ветер заметает его следы на песке. Это твое второе Вознесение вслед за вечерей после Тайной вечери. Ученики плачут и расходятся по всем городам земли, чтобы возвестить о прощении греха. И когда начинается новый день, теперь уже их следы заметает рассветный ветер. КОНЕЦ.

Я замолчал, прислушиваясь к своему дыханию и стуку сердца.

Иисус тоже помолчал, а затем тихо, с изумлением, произнес:

— Я спускаюсь.

42

Впереди ярко светилась съемочная площадка, где нас ждали статисты, костер с жареной рыбой и Безумный Фриц.

В начале аллеи мы с Иисусом, подходя, заметили женщину. Подсвеченный силуэт, всего лишь темный абрис.

Увидев нас, она бросилась навстречу и остановилась, заметив Иисуса.

— Вот так дела, — сказал Иисус. — Это же Раттиган собственной персоной!

Констанция почти испуганно переводила взгляд с Иисуса на меня и обратно.

— Что мне теперь делать? — спросила она.

— Что?..

— Такая безумная ночь. Час назад я плакала над этой ужасной фотографией, а теперь... — Она внимательно посмотрела на Иису-

са, и из глаз у нее ручьями потекли слезы. — Всю жизнь мечтала встретить тебя. И вот ты здесь.

Под тяжестью собственных слов она опустилась на колени.

— Благослови меня, Иисусе, — прошептала она.

Иисус отпрянул, словно вызывая мертвых из могил.

— Встань, женщина! — прокричал он.

— Благослови меня, Иисусе, — проговорила Констанция.

И добавила почти про себя: — О господи, мне снова семь лет, я стою в белом платье для первого причастия, в Пасхальное воскресенье, и мир хорош, еще не успев стать дурным.

— Встань, юная леди, — сказал Иисус, уже тише.

Но она не шелохнулась и в ожидании закрыла глаза.

Ее губы беззвучно прошептали: «Благослови меня».

И вот Иисус простер руку, смиряясь против воли и кротко покоряясь, и положил ладонь на ее макушку. От этого легкого прикосновения слезы еще сильнее брызнули из ее глаз, а губы задрожали. Ее руки взлетели вверх, чтобы удержать, еще на миг продлить это прикосновение к ее голове.

— Дитя, — тихо проговорил Иисус, — я благословляю тебя.

И, глядя на коленапреклоненную Констанцию Раттиган, я подумал: «Вот она, ирония этого пропадающего мира. Католическое чувство вины плюс актерская наигранность».

Констанция встала, не поднимая глаз, обернулась к свету и направилась к ожидавшему нас костру с ярко пылающими углями.

Нам оставалось только последовать за ней.

Собралась толпа — все статисты, уже появившиеся этим вечером в других сценах, плюс администрация киностудии и зеваки. Когда мы приблизились к ним, Констанция отошла в сторону с грацией человека, только что потерявшего сорок фунтов. «Сколько же еще она будет оставаться маленькой девочкой?» — подумал я.

Но тут на противоположной стороне съемочной площадки, по ту сторону ямы с углем, я увидел, как из темноты на свет выступили Мэнни Либер, Док Филиппс и Грок. Взгляд каждого был так прикован ко мне, что я попятился назад, боясь заработать штрафное очко за то, что разыскал Мессию, спас Спасителя и урезал бюджет на ночь.

Взгляд Мэнни был полон сомнений и подозрения, в глазах доктора читалась откровенная злоба, а зрачки Грока туманились от паров хорошего бренди. Может, они пришли посмотреть, как Христос и я будем зажарены на вертеле? Так или иначе, когда Иисус твердым шагом направился к краю горящей ямы, Фриц, просветлев после недавнего припадка гнева, близоруко прищурился на него и крикнул:

— Наконец-то! А мы уж хотели отменить барбекю. Монокль! Никто не пошевелился. Все начали оглядываться.

— Монокль! — повторил Фриц.

И тут до меня дошло: он просит одолжить ему оптическое стекло, которое несколько часов назад с такой щедростью вручил мне.

Я бросился вперед, сунул монокль в его протянутую ладонь и отскочил назад, а Фриц забил его в глаз, как патрон. Бросив испепеляющий взгляд на Иисуса, он гаркнул, выпустив из легких весь воздух:

— И *это* вы называете Христом? Он больше похож на Мафусаила. Наложите тональный крем беж номер тридцать три и заострите линию подбородка. Боже святой, пора делать перерыв на ужин. Чем больше просчетов, тем длиннее сроки. Как ты смеешь опаздывать? Кем, черт возьми, ты себя возомнил?

— Христом, — как и полагается, скромно ответил Иисус. — И вам не следует это забывать.

— Уведите его отсюда! В примерную! Перерыв на ужин! Сбор через час! — прокричал Фриц и едва не швырнул монокль, мою медаль, мне в руки, а сам остался стоять, с горечью глядя на пылающие угли, словно собираясь прыгнуть в огонь.

И за всем этим по-прежнему наблюдала волчья стая по ту сторону костра: Мэнни, считающий потерянные доллары, ибо они, как снежинки в бурю, каждое мгновение падали и таяли; добрый доктор, нетерпеливо сжимающий в кулаке спрятанный в кармане скальпель; и гример Ленина со своей вечной улыбочкой Конрада Вейдта, прорезанной в его бледно-дынной тонкой плоти где-то над подбородком. Но теперь их взгляды были устремлены не на меня; их глаза, в которых читался страшный и неотвратимый приговор, были прикованы к Иисусу.

Словно бригада смерти, производящая бесконечный расстрел.

Иисус споткнулся и покачнулся, точно его ударили.

Помощники Грока из примерной уже готовы были увести Иисуса, как вдруг...

Случилось нечто.

Послышалось тихое шипение, как будто одинокая капля дождя упала на раскаленные угли.

Мы все посмотрели вниз, затем подняли глаза...

На Иисуса, который стоял, вытянув руки над костром. Он внимательно, с огромным любопытством рассматривал свои запястья.

Из них сочилась кровь.

— О господи! — выговорила Констанция. — Сделайте же что-нибудь!

— Что такое? — крикнул Фриц.

— Снимайте сцену, — спокойно сказал Иисус.

— Нет, черт побери! — закричал Фриц. — Иоанн Креститель с отрубленной головой выглядел лучше, чем ты!

— Тогда... — Иисус кивнул туда, где, словно забавный Петрушка с темным рыцарем Апокалипсиса, стояли Станислав Грок с доктором Филиппсом, — тогда... пусть они зашьют и перевяжут меня, пока мы не будем готовы.

— Как ты это делаешь? — Констанция удивленно разглядывала его запястья.

— Это приходит вместе с текстом.

— Иди-ка займись чем-нибудь полезным, — велел мне Иисус.

— И прихвати с собой эту женщину, — приказал Фриц. — Я ее не знаю!

— Да знаешь, — отозвалась Констанция. — Лагуна-Бич, четвертое июля тысяча девятьсот двадцать шестого года.

— Это было в другой стране, в другое время, — отрезал Фриц, хлопнув воображаемой дверью.

— Да. — Констанция помолчала. Все сразу как-то потухло. — Да, все так.

Док Филиппс подошел к левой руке Христа; Грок подошел к правой.

Иисус даже не взглянул на них — он устремил немигающий взгляд на далекое облачко тумана в небесах.

Затем перевернул руки запястьями вверх и вытянул их вперед, чтобы Филипп с Гроком могли видеть, как его жизнь вытекает из свежих стигматов.

— Осторожнее, — сказал он.

Я вышел из света во тьму. За мной последовала маленькая девочка, на ходу превращаясь в женщину.

43

— Куда мы идем? — спросила Констанция.

— Лично я — в прошлое. И даже знаю, кто для этого будет отматывать пленку назад. А ты? Остаешься здесь. Кофе с пончиками. Садись. Я сейчас вернусь.

— Если не найдешь меня здесь, — сказала Констанция, усаживаясь за один из столиков, расставленных для статистов прямо на улице, и беря в руку пончик, — ищи в мужском спортзале.

И я ушел один во тьму. Почти не осталось мест, куда я мог бы пойти, мест для исследования. И теперь я направлялся в сторону единственного места на студии, где еще ни разу не бывал. Там время текло по-другому. Там скрывался кинопризрак Арбутнота, а может, и меня самого, мальчишки, слоняющегося в полдень по территории киностудии.

Я шел.

И вдруг пожалел, что оставил позади смех Констанции Раттиган.

Поздней ночью киностудия разговаривает сама с собой. Если вы пройдетесь по темным аллеям мимо зданий, где на верхних этажах до двух-трех утра шуршат, скрежещут, грохочут и болтают в перерывах монтажные залы, то услышите, как в небесах гремят колесницы и ветер дует над населенной призраками пустыней «Красавчика Жеста»⁶³, услышите гул машин на Елисейских Полях попеременно со звуками валторн и руганью, или грохот Ниагары, низвергающейся со студийных башен в подвалы фильмофонда, или Барни Олдфилда в его последнем заезде, с ревом проносающегося на гоночном автомобиле вокруг Индианаполиса под крики безликой толпы, а потом, пройдя чуть подалее сквозь мрак, услышите, как кто-то спускает с цепи псов войны, услышите, как

открываются раны Цезаря, словно розовые бутоны, сквозь разрезы в его плаще, услышите бульдोजий лай Черчилля на радиоволнах и вой собаки Баскервилей над болотами, а ночной народ в этот волчий час продолжает работать, ибо треск мувиол, и трепещущее мерцание экранов, и любовь крупным планом им милее густой толпы дневного народа по ту сторону стен, оглушенного реальностью. Здесь, далеко за полночь, сталкиваются приглушенные голоса и заблудшие отрывки музыки, попавшие в облако времени между каменных стен и летящие из распахнутых в вышине дверей и окон, а на бледных потолках маячат тени редакторов монтажа, что колдуют над столами, создавая чудо. Лишь на рассвете затихают голоса, и музыка замирает, когда улыбочивые люди с ножами расходятся по домам, не желая встречаться с первыми обитателями обычного мира, приезжающими на работу к шести часам. Лишь на закате вновь раздадутся голоса, и музыка зазвучит ласково или мятежно, а трепещущий свет экранов-светлячков снова будет омыwać лица смотрящих, воспламенять их взгляды и подталкивать руку с занесенными ножницами.

И среди этих зданий, звуков и музыки я бежал теперь по аллее, никем не преследуемый, глядя вверх на окна, где неистовствовал Гитлер, продвигаясь на восток, а ветер с запада доносил сквозь теплую ночь пение русских солдат.

Вдруг я остановился как вкопанный и посмотрел на... монтажную Мэгги Ботуин. Дверь была распахнута.

— Мэгги! — крикнул я.

Молчание.

Я стал подниматься по лестнице туда, где виднелся трепещущий огонек светлячка и слышался заикающийся стрекот мувиолы, а на высоком потолке мерцали тени.

Я долго стоял в темноте, вглядываясь в это единственное на всем белом свете место, где жизнь нарезают ломтями, собирают, а затем вновь разрывают на части. Место, где ты переделываешь и перекраиваешь жизнь, пока она не станет такой, как нужно. Вглядываясь в крохотный экран мувиолы, ты заводишь мотор и мчишься, неистово шлепая по волнам, а киноплёнка струится по желобкам и канавкам, замирает, ставит метку и устремляется дальше. После того как ты полдня проведешь в подвальном мраке, всматриваясь в экран мувиолы, начинает казаться, что стоит

выйти на улицу, и сама жизнь соберется вновь, отбросит свою глупую изменчивость и пообещает вести себя хорошо. Несколько часов работы с мувиолой пробуждают оптимизм, потому что ты можешь еще раз прокрутить свои глупости и отрезать им ноги. Но со временем возникает соблазн никогда больше не выходить на свет божий.

И вот теперь у дверей Мэгги Ботуин, чувствуя за спиной ожидающую меня прохладную пещеру ночи, я наблюдал, как эта удивительная женщина склонилась над своей машиной, словно швея, сшивающая лоскутное одеяло из пятен света и тени, и пленка струилась сквозь ее тонкие пальцы.

Я поскребся в дверь-ширму.

Мэгги оторвала взгляд от своего светящегося колодца, исполняющего желания, и, прищурившись, попыталась разглядеть сквозь сетку, кто пришел, а затем вскрикнула от радости.

— Черт меня поberi! В первый раз за сорок лет сюда явился сценарист. Думаешь, проклятым идиотам любопытно, как я подстригаю им челочку или укорачиваю рукав? Погоди-ка!

Она открыла дверь и затащила меня внутрь. Я, как лунатик, подошел к мувиоле и удивленно заглянул в экран.

— Помнишь его? — устроила мне проверку Мэгги.

— Эрих фон Штрогейм⁶⁴, — выпалил я. — Фильм снят здесь, в двадцать первом году. Утерян.

— А я его нашла!

— А на студии знают?

— Эти сукины дети? Нет! Они никогда не ценят то, что имеют!

— У тебя весь фильм?

— Ага! Когда помру, он отправится в Музей современного искусства. Смотри!

Мэгги Ботуин повернула один из проекторов, прикрепленных к мувиоле, и изображение перешло на стену. Фон Штрогейм с важным видом вертелся и рассказывал вдоль стен, обшитых дубовыми панелями.

Мэгги быстро промотала фон Штрогейма и приготовилась заправить следующий ролик.

Когда она отошла, я внезапно наклонился. И увидел маленькую, не похожую на другие зеленую коробку с кинопленкой, лежащую на рабочем столе среди пары дюжин других коробок.

На ней не было печатной этикетки, лишь чернильный рисунок маленького динозавра на крышке.

Мэгги поймала мой взгляд.

— Что?

— Давно у тебя эта пленка?

— Хочешь ее? Это проба, которую твой приятель Рой закинул мне три дня назад для проявки.

— Ты ее смотрела?

— А ты нет? Студийные дураки уволили его. Что это за история? Никому ничего не сказали. В этой коробке всего тридцать секунд. Но это лучшие полминуты, какие я когда-либо видела. Лучше «Дракулы» и «Франкенштейна». Впрочем, черт, что я об этом знаю?

Мое сердце учащенно билось, коробка в моей руке дрожала, когда я засовывал пленку в карман пальто.

— Симпатичный этот Рой. — Мэгги заправила в мувиолу новую пленку. — Дай мне щетку, и я почищу ему ботинки. Ладно. Хочешь посмотреть единственную нетронутую копию «Сломанных побегов»?⁶⁵ А купюры из «Цирка»? Зарубленная цензурой часть из «Приветствуйте опасность» Гарольда Ллойда? Черт, да тут еще куча всего. Я...

Мэгги Ботуин замолчала, опьяненная воспоминаниями и моим неотрывным вниманием.

— Да, думаю, тебе можно доверять. — Она помолчала. — Ну что же это я, все болтаю да болтаю. Ты ведь не затем пришел сюда, чтобы слушать, как старая курица болтает про свои яйца сорокалетней давности. Как получилось, что ты единственный из сценаристов заглянул ко мне сюда, наверх?

«Арбутнот, Кларенс, Рой и чудовище», — подумал я про себя, но ничего не сказал.

— Ты что, язык проглотил? Ладно, подождем. Так о чем это я? Ах да!

Мэгги отодвинула дверь огромного стенового шкафа. Там на пяти полках было расставлено по меньшей мере сорок коробок с пленкой, и на ободке каждой выведено название фильма.

Мэгги сунула мне в руки одну из коробок. Я посмотрел на крупную надпись: «Юные безумцы».

— Нет, посмотри, что написано мелким печатным шрифтом на маленькой наклейке, на крышке, — посоветовала Мэгги.

— «Нетерпимость»!⁶⁶

— Моя собственная, непорезанная версия, — улыбнувшись, сказала Мэгги. — Я помогала Гриффиту. Много отличных кусков вырезали. Я, в одиночку, отпечатала то, что было выкинуто. Это единственная полная версия «Нетерпимости», дошедшая до нас! А вот еще кое-что!

Прыкая от смеха, как девчонка на дне рождения, Мэгги быстро наклонилась и выложила «Сиротки бури» и «Лондон после полуночи».

— Я ассистировала на съемках этих фильмов или просто подрабатывала. А по ночам печатала купюры из них просто для себя! Готов? Смотри!

Она бросила мне в руки коробку с надписью «Алчность».

— Даже у Штрогейма нет этой двадцатичасовой версии!

— Почему другим монтажерам не приходит в голову то же самое?

— Потому что они юнцы желторотые, а я опытная, хоть и немного ку-ку, — торжествуяще пропела Мэгги Ботуин. — В будущем году я отправлю все это в музей вместе с письмом о передаче. Киностудии предъявят мне иск, это точно. Зато и через сорок лет пленки будут в целости.

Я сидел в темноте и в ошеломлении смотрел, как передо мной мелькали ролик за роликом.

— Боже, — не переставая повторять я, — как тебе удалось перехитрить этих сукиных детей?

— Легко! — ответила Мэгги с жесткой откровенностью, как генерал, предпочитающий говорить правду своим солдатам. — Они давят на режиссеров, на сценаристов, на всех. Но им нужен хотя бы один человек, чтобы подтирать за ними, когда они обмочили всех, кто ниже. Поэтому они никогда не трогали меня, хотя всех остальных кроили по живому. Просто они думали, что достаточно любить. И, бог свидетель, они действительно любили. Майер, братья Уорнеры, Голдфиш-Голдвин⁶⁷ ели и спали с мыслями о кино. Но этого было недостаточно. Я убеждала их, спорила, боролась, хлопала дверью. Они бегали за мной, зная, что я люблю кино больше, чем они сами. Я проиграла столько же битв,

сколько и выиграла, поэтому и решила победить их *всех*. Один за другим я спасала утраченные эпизоды. Не все. Большинству фильмов следовало бы присуждать премии кошачьего туалета. Но пять-шесть раз в год то сценарист напишет что-нибудь эдакое, то Любич приложит руку, и я это прятала. Так что за все эти годы я...

— Сохранила шедевры!

Мэгги засмеялась.

— Не преувеличивай. Просто достойные фильмы. Некоторые забавные, некоторые слезливые. И сегодня они все здесь. Вокруг тебя, — спокойно произнесла Мэгги.

Я впитывал в себя их присутствие, вдыхал их «призраки», и комок стоял у меня в горле.

— Запускай мувиолу, — сказал я. — Домой я сегодня не пойду.

— О'кей. — Мэгги раздвинула еще несколько дверец над своей головой. — Ты голоден? Ешь!

Я взглянул и увидел:

«Марш времени», 21 июня 1933 г.

«Марш времени», 20 июня 1930 г.

«Марш времени», 4 июля 1930 г.

— Не может быть, — произнес я.

Мэгги замерла на полпути.

— В тридцатом году не было еще никакого «Марша времени», — сказал я.

— Прямо в яблочко! А ты, парень, знаток!

— Значит, эти катушки не «Марш времени», — продолжал я. — Это просто прикрытие. Но для чего?

— Мое собственное домашнее кино, снятое восьмимиллиметровой камерой, переведенное в тридцатипятимиллиметровый формат и спрятанное под надписью «Марш времени»⁶⁸.

Я сдерживался, чтобы не броситься скорее к этим коробкам.

— Значит, у тебя тут запечатлена вся история киностудии?

— Назови любой год: двадцать третий, двадцать седьмой, тридцатый! Френсис Скотт Фицджеральд пьяный в столовке. Бернард Шоу в тот день, когда он захватил студию. Лон Чейни в примерной, в тот день, когда он показал братьям Уэстмор⁶⁹, как надо менять лица! А месяц спустя он умер. Удивительный, теплый человек. Уильям Фолкнер, пьяница, но благовоспитанный и грустный сценарист, бедняжка. Старые фильмы. Старая история. Выбирай!

Мой блуждающий взгляд наконец остановился. Я услышал, как воздух с шумом вырвался из моих ноздрей.

15 октября 1934 года. За две недели до того, как погиб глава студии Арбутнот.

— Вот этот.

Мэгги поколебалась в нерешительности, сняла фильм с полки, заправила пленку в мувиолу и включила аппарат.

Перед нами появились входные двери студии «Максимум филмз» октябрьским днем 1934 года. Они были закрыты, но за стеклом виднелись какие-то тени. А затем двери открылись, и из них вышли два или три человека. Посередине — высокий, крепкий мужчина, который смеялся, прищурился, запрокинув лицо к небесам, так что его плечи содрогались от этого веселого хохота. Глаза его превратились в узкие щелочки, так он был счастлив. Он дышал полной грудью, едва ли не последний раз в жизни.

— Ты его знаешь? — спросила Мэгги.

Я заглянул в тесную, полутемную-полусосвещенную пещерку экрана.

— Арбутнот.

Я прикоснулся к стеклу, словно это был магический кристалл, в котором читалось не будущее, а лишь потускневшие краски прошлого.

— Арбутнот. Он умер в тот месяц, когда ты снимала этот фильм.

Мэгги отмотала пленку назад и запустила снова. Трое людей опять, смеясь, вышли из дверей, и в конце концов Арбутнот начал гримасничать перед камерой, в тот невероятно счастливый и давно позабытый полдень.

Мэгги заметила что-то в моем лице.

— Ну что такое? Выкладывай.

— Я видел его на этой неделе, — сказал я.

— Глупости. Ты что, накурился веселящих сигар?

Мэгги прокрутила еще три кадра. Арбутнот поднял голову выше, обратив лицо к обещающим дождь небесам.

А вот Арбутнот зовет кого-то и машет ему за кадром.

Я решил рискнуть.

— В ночь Хеллоуина на кладбище было чучело из папье-маше, на проволочном каркасе, с лицом Арбутнота.

«Дюзенберг» Арбутнота стоял у края тротуара. Босс пожал руки Мэнни и Грока, посулив им счастливые годы. Мэгги больше не глядела на меня, она смотрела только на скачущие, словно через веревочку, черно-белые картинки.

— Ничему не верь в ночь Хеллоуина.

— Его видели еще несколько людей. Некоторые в ужасе убежали. Мэнни и остальные много дней ходили по минному полю.

— Опять глупости, — фыркнула Мэгги. — Что еще новенького? Ты ведь заметил: я пропадаю в просмотрном зале или здесь, где воздух настолько разрежен, что, если подняться сюда, кровь пойдет носом. Вот почему мне нравится полоумный Фриц. Он снимает до полуночи, я монтирую до рассвета. Потом мы впадаем в спячку. Наша ежедневная зимовка заканчивается в пять, мы встаем, сверяя часы по закату. Раз или два в неделю, как ты тоже уже заметил, мы совершаем паломничество в столовую, чтобы за обедом доказать Мэнни Либеру, что мы еще живы.

— А он действительно руководит студией?

— А кто же еще?

— Не знаю. Просто у меня возникло странное впечатление от его кабинета. Мебель выглядит совершенно нетронутой. Стол всегда чистый. Посреди стоит большой белый телефон, а возле стола — кресло, которое в два раза шире, чем зад Мэнни. В нем он смотрелся бы как Чарли Маккарти⁷⁰.

— Он ведет себя как наемный помощник, верно? Полагаю, все дело в телефоне. Все думают, что фильмы делаются в Голливуде. А вот и нет. Этот телефон связан прямой линией с Нью-Йорком и тамошними пауками. Их паутина протянулась через всю страну, а здесь в нее попадают мухи. Пауки никогда не приезжают на Запад. Боятся показать нам, какие они ничтожества, вроде Адольфа Цукора.

— Проблема в том, — сказал я, — что я сам был там, на кладбище, под дождем, у подножия лестницы, на которой висел этот манекен или чучело, не важно.

Рука Мэгги Ботуин, крутившая ручку мувиолы, дрогнула. Арбутнот как-то слишком быстро помахал людям на другой стороне улицы. Камера последовала за его рукой, и в кадре появились существа из иного мира — толпа нечесаных собирателей автографов. Камера медленно прошла по их лицам.

— Подожди-ка минутку! — вскричал я. — Вот!

Мэгги прокрутила еще пару кадров, чтобы приблизить изображение тринадцатилетнего мальчишки на роликовых коньках.

Я прикоснулся к этой картинке с какой-то странной нежностью.

— Неужели это ты? Не может быть, — сказала Мэгги.

— Я, собственной своей глупой персоной.

Мэгги Ботуин перевела взгляд на меня, посмотрела с мгновение, а затем снова перенеслась туда, на двадцать лет назад, в октябрьский день, влажный от близкого дождя.

На картинке был оболтус из оболтусов, тупица из тупиц, самый сумасшедший из всех безумцев, вечно теряющий равновесие на своих роликах, падающий при столкновении с любым транспортом, включая идущих по тротуару женщин.

Мэгги отмотала немного назад. И вновь Арбутнот махал мне, стоящему за кадром, в один из осенних дней.

— Арбутнот, — тихо проговорила она, — и ты... почти вместе?

— Тот человек на лестнице под дождем? О да.

Мэгги вздохнула и продолжила крутить. Арбутнот сел в машину и укатил навстречу той страшной аварии, которая случится всего через несколько коротких недель.

Я смотрел на удаляющуюся машину, как, наверное, смотрел в тот далекий год мой младший двойник, стоявший на противоположной стороне улицы.

— Повторяй за мной, — тихо сказала Мэгги Ботуин. — Никто не стоял на лестнице, не было никакого дождя, и ты никогда там не был.

— ...никогда там не был, — пробормотал я.

Мэгги прищурила глаза:

— А что это за смешной придурок рядом с тобой, в широком верблюжьем пальто, со всклокоченными волосами и огромным фотоальбомом?

— Кларенс, — сказал я и добавил: — Интересно, жив ли он еще сейчас, в эту минуту?

Раздался телефонный звонок.

Это звонил Фриц, он был на грани истерики.

— Быстро беги сюда. Стигматы у Христа все еще открыты. Нам надо заканчивать, пока он не истек кровью!

Мы помчались на съемочную площадку.

Иисус ждал, стоя у края длинной ямы с горящими углями. Увидев меня, он прикрыл свои красивые глаза, улыбнулся и показал мне запястья.

— Кровь совсем как настоящая! — воскликнула Мэгги.

— Еще бы, — сказал я.

Грок взял на себя работу по наложению грима на лицо Мессии. Христос стал выглядеть на тридцать лет моложе, когда Грок нанес на его закрытые глаза последний слой пудры и отступил с победной улыбкой, любуясь на свое творение.

Я посмотрел в лицо Христа, ясное в свете тлеющего костра, между тем как на его ладони с запястий медленно стекал густой, темный сироп. «Безумие! — думал я. — Он умрет посреди эпизода!»

Но ради того, чтобы не выйти из бюджета, — почему бы нет? Толпа снова собиралась, Док Филипс подскочил проверить, льется ли еще святая кровь, и кивнул Мэнни: «Да». В этих святых конечностях еще теплилась жизнь, кое-какие соки еще оставались: «Начинаем!»

— Готовы? — крикнул Фриц.

Грок отступил назад, в марево, поднимавшееся от углей, и встал между двумя статистками в нарядах девственных весталок. Доктор был похож на волка, поднявшегося на задние лапы: его язык был между зубов, а глаза метались и рыскали по сторонам.

«Док? — думал я. — Или Грок? Неужели это они — истинные руководители студии? Неужели это они сидят в кресле Мэнни?»

Мэнни неподвижно смотрел на костер, страстно желая пройти по углям и доказать, что он Царь.

Иисус стоял среди нас такой одинокий, погруженный в самую глубь себя, его лицо было таким трогательно бледным, что у меня разрывалось сердце. Его тонкие губы шевелились, затверживая прекрасные слова, которые поведал мне Иоанн, чтобы я передал их Иисусу и он проповедовал их сегодня ночью.

И перед тем как заговорить, Иисус поднял глаза, и его взгляд, устремленный сквозь студийные города, скользнул вверх вдоль фасада собора Парижской Богоматери и остановился на самой вершине его башен. Я всмотрелся в них вслед за ним, а затем быстро огляделся вокруг и увидел:

Грок застыл на месте, неотрывно глядя на собор. Док Филипс тоже. А стоявший между ними Мэнни сперва переводил взгляд с одного на другого, затем посмотрел на Иисуса и наконец взглянул туда, куда смотрели остальные: на горгулий...

Но никакого движения там не было.

Или Иисус все же заметил какое-то тайное шевеление, условный сигнал?

Иисус что-то видел. Остальные это заметили. Я же разглядел лишь свет и тени на фальшивом мраморном фасаде.

Может быть, Человек-чудовище все еще там? Может, он увидел оттуда яму с горящими углями? Услышал слова Христа, и ему захотелось подойти, поговорить о ненастьях прошлой недели и успокоить наши сердца?

— Тишина! — крикнул Фриц.

Наступила тишина.

— Мотор, — прошептал Фриц.

И вот наконец в полшестого утра, через несколько минут, прямо перед рассветом, мы сняли Последнюю Тайную вечерю после Тайной вечери.

44

Раздули затухавшие угли, уложили на них свежую рыбу, и с первым лучом света, показавшегося к востоку от Лос-Анджелеса, Иисус медленно открыл глаза, и в его взгляде было сострадание, способное утолить пыл и обожателей, и предателей и дать им поддержку, а он, скрыв свои раны, пошел вдоль берега, что будет снят через несколько дней в другой части Калифорнии; и встало солнце, и сцена была завершена безупречно, и у каждого на съемочной площадке увлажнились глаза, и долго еще стояла тишина, пока Иисус наконец не обернулся и не прокричал со слезами:

— Кто-нибудь крикнет наконец «снято»?!

— Снято, — тихо сказал Фриц.

— Ты только что нажил себе врага, — шепнула Мэгги у меня за спиной.

Я посмотрел на ту сторону съемочной площадки. Мэнни Либер сверлил меня огненным взглядом. Затем резко развернулся и гордо пошел прочь.

— Берегись, — предупредила Мэгги. — Ты совершил три ошибки за два дня. Заставил взять обратно Иуду. Нашел решение для концовки фильма. Нашел Иисуса и привел его обратно на съемочную площадку. Такое не прощают.

— Боже мой! — вздохнул я.

Иисус зашагал прочь сквозь толпу статистов, не дожидаясь похвал. Я догнал его.

«Ты куда?» — мысленно спросил я.

«Отдохну немного», — так же молча ответил он.

Я посмотрел на его запястья. Кровотечение прекратилось.

Когда мы дошли до пересечения аллеи киностудии, Иисус взял меня за руки и долгим взглядом посмотрел на натурные площадки вдали.

— Сынок...

— Что?

— Помнишь, мы говорили? Дождь? И человек на приставной лестнице?

— Конечно помню!

— Я его видел, — сказал Иисус.

— Боже мой, Иисус! Но как он выглядел? Как...

— Тсс! — добавил он, прикладывая палец к своим безмятежным губам.

И вернулся на Голгофу.

С рассветом Констанция отвезла меня домой.

Похоже, на улице не было никаких подозрительных машин, и шпионы меня в них не поджидали.

Перед дверью Констанция набросилась на меня и стиснула в объятиях.

— Констанция! Соседи!

— Что нам соседи, мой милый! — Она поцеловала меня так крепко, что у меня остановились часы. — Спорим, твоя жена не умеет так целоваться!

— Если б умела, я бы умер еще полгода назад!

— Держи себя в руках, когда я хлопну дверью!

Я собрался и взял себя в руки. Она хлопнула дверью и уехала. Почти тут же меня наполнило чувство одиночества. Словно Рождество ушло от меня навсегда.

Лежа в постели, я подумал: «Иисус, черт тебя подери! Почему ты не мог сказать мне больше?»

А потом:

«Кларенс! Дождись меня!

Я приду!

Еще одна, последняя попытка!»

45

В полдень я отправился на Бичвуд-авеню.

Кларенс меня не дождался.

Я понял это, когда толкнул полуоткрытую дверь его квартиры. Кружилась метель из обрывков бумаг, измятые книги и изрезанные фотографии валялись прямо у двери: точь-в-точь бойня в павильоне 13, где повсюду лежали разбитые и растоптанные динозавры Роя.

— Кларенс?

Я распахнул дверь пошире.

Это был настоящий кошмар геолога.

На полу лежал футовый слой писем и записок с автографами Роберта Тейлора⁷¹, Бесси Лав и Энн Хардинг: середина тридцатых, начало тридцатых... И это был лишь верхний слой.

Под ним глянцевитым одеялом рассыпались тысячи фотографий, сделанных Кларенсом, моментальных снимков Эла Джолсона, Джона Гарфилда, Лоуэлла Шермана и мадам Шуман-Хайнк. Десять тысяч лиц смотрели на меня. Большинства из этих людей уже не было в живых.

Под многочисленными слоями лежали книги автографов, истории фильмов, афиши более сотни картин, начиная с Бронко Билли Андерсона и Чаплина, перескакивая через те годы, когда букетик лилий, известных под именем сестер Гиш, являл на экране их бледные лица, которые заставляли обливаться слезами иммигрантские сердца. И наконец, под «Кинг-Конгом», «Затерянным миром», «Смейся, паяц!»⁷² и прочими гигантскими пауками, танцовщицами на пуантах и затерянными городами я увидел...

Ботинок.

Ботинок был надет на ступню. Ступня, вывернутая неестественным образом, соединялась со шиколоткой. Шиколотка продолжалась лодыжкой. И так далее, пока я, скользя взглядом вдоль тела, не увидел лица, искаженного предсмертной истерикой. Кларенс лежал, зажатый между сотен тысяч росчерков, тонущий в потоках старых афиш и иллюстрированных страстей, способных раздавить его, смыть бесследно, не будь он уже мертв.

Судя по его виду, он мог умереть от сердечного приступа, от простой встречи со смертью. Его глаза были широко распахнуты, как от фотовспышки, рот застыл в крике: «Что вы делаете с моим галстуком, с моим горлом, с моим сердцем?! Кто вы такие?»

Я где-то читал, что в момент смерти на глазной сетчатке жертвы остается образ убийцы. Если снять эту сетчатку и погрузить в эмульсию, лицо убийцы всплывет из тьмы.

Безумные глаза Кларенса так и умоляли: «Снимите сетчатку!» В каждом глазу застыло лицо убийцы.

Я стоял в этом половодье хлама и с удивлением смотрел вокруг. Это уж слишком! Каждая папка разворочена, сотни снимков измяты. Афиши сорваны со стен, книжные шкафы вывернуты. Карманы Кларенса торчали наизнанку. Ни один грабитель никогда так не бесчинствовал.

Кларенс, который боялся попасть под колеса, стоял у светофора, пока все машины не остановятся, и только потом перебежал улицу, бережно неся своих истинных друзей, свои драгоценные альбомы, наполненные любимыми лицами.

Кларенс.

Я огляделся, отчаянно надеясь найти хоть какую-нибудь зацепку для Крамли.

Ящики письменного стола были выдвинуты наружу, а их содержимое высыпано.

На стенах осталось лишь несколько фотографий. Мои глаза, бесцельно блуждая, остановились на одной из них.

Иисус Христос в сцене на Голгофе.

На фотографии была подпись: «Кларенсу. От единственного на свете Иисуса с пожеланием МИРА».

Я выдрал фотографию из рамки и засунул в карман.

С бешено стучающим сердцем я уже повернулся, чтобы бежать отсюда, как вдруг увидел еще один, последний предмет. И прихватил его.

Спичечный коробок с эмблемой «Браун-дерби».

Что еще?

«Я, — произнес уже остывший труп Кларенса. — Помоги мне».

«О Кларенс, — подумал я, — если б я только мог!»

Мое сердце колотилось в груди. Боясь, как бы меня не услышали, я вышел из квартиры.

И побежал прочь от этого дома.

«Стой! — сказал я себе и остановился. — Если тебя увидят бегущим, значит, преступник ты! Иди медленно, спокойно. Как будто тебе плохо». Я попытался, но выдавил из себя лишь рвотный позыв и старые воспоминания.

Взрыв в 1929-м.

Рядом с моим домом из искореженной машины вышвырнуло человека, и он истошно кричал: «Я не хочу умирать!»

А я стоял на крыльце со своей тетей, зарывшись головой в ее грудь, чтобы не слышать этого.

Или когда мне было пятнадцать. Машина, врезавшаяся в телефонный столб, люди, расплющенные о стены, пожарные гидранты, головоломка из растерзанных тел и разбросанных кусков плоти...

Или...

Останки сгоревшей машины с обуглившимся силуэтом, гротескно выпрямившимся за рулем, невозмутимым под своей обезображенной черно-угольной маской, а руки, сморщенные, как сушеные фиги, оплавились на рулевом колесе...

Или...

Вдруг я почувствовал, что задыхаюсь среди этих книг, фотографий и открыток с автографами.

Я, как слепой, наткнулся на какую-то стену и ошупью пошел вдоль нее по пустынной улице, благодаря Бога за то, что вокруг ни души. Наконец я нашел то, что показалось мне телефонной будкой, и две минуты обшаривал карманы в поисках пятицентовика, который все это время лежал в одном из них. Я сунул монету в прорезь и набрал номер.

Как раз в тот момент, когда я набирал номер Крамли, появились те самые люди с метлами. Они приехали на двух фургонах,

принадлежащих киностудии, и старом потрепанном «Линкольне» и промчались мимо меня в сторону Бичвуд-авеню. Они повернули за угол, к дому Кларенса. От одного их вида я весь сжался, сложился, как гармошка, в своей будке. Человек, сидевший в потрепанном «Линкольне», смахивал на Дока Филиппса, но я так хотел получше спрятаться, приседая, что не разглядел.

— Дай угадаю, — прозвучал в трубке голос Крамли. — Кто-то умер по-настоящему?

— Как ты узнал?

— Успокойся. К тому времени, как я туда доберусь, будет слишком поздно, все улики уничтожат? Ты где?

Я сказал ему.

— Там есть ирландский паб чуть дальше по улице. Иди и сядь там. Не надо светиться снаружи, раз дела так плохи, как ты говоришь. Ты в порядке?

— Я умираю.

— Не надо! Чем мне заняться, если тебя не будет?

Через полчаса, едва толкнув дверь ирландского паба, Крамли сразу отыскал меня и посмотрел с тем глубоким отчаянием и отеческой нежностью во взгляде, которые, словно облака над летними полями, пробежали по его лицу.

— Так, — проворчал он, — где труп?

Войдя во двор, мы увидели, что дверь бунгало Кларенса приоткрыта, словно кто-то нарочно оставил ее незапертой.

Мы толкнули дверь.

И остановились посреди квартиры Кларенса.

Однако она вовсе не была пустой, выпотрошенной, как квартира Роя.

Все книги стояли на своих полках, пол был убран, ни одного разорванного письма. Даже фотографии в рамках — большинство их — снова висели на стенах.

— Ну и, — вздохнул Крамли, — где весь тот кавардак, о котором ты говорил?

— Погоди.

Я открыл один из ящиков четырехуровневого архива. Там были фотографии: измятые, разорванные, запихнутые туда кое-как.

Я открыл шесть ящиков, показывая Крамли, что мне это не приснилось.

Каждый был переполнен истоптанными письмами.

Не хватало только одной детали.

Кларенса.

Крамли вопросительно посмотрел на меня.

— Не надо! — сказал я. — Он лежал на том самом месте, где ты сейчас стоишь.

Крамли перешагнул через невидимое тело. Последовав моему примеру, он внимательно осмотрел другие ящики и увидел там разорванные открытки, разбитые и расколотые фотографии, засунутые подальше от глаз. Издав тяжелый, как наковальня, вздох, он покачал головой.

— Однажды, — сказал он, — ты наткнешься на что-нибудь стоящее. Тела нет, так что я могу сделать? Откуда нам знать, что он не уехал куда-нибудь в отпуск?

— Он никогда не вернется.

— Откуда ты знаешь? Хочешь пойти в ближайший участок, подать жалобу? Они придут, посмотрят на обрывки в ящиках, пожмут плечами, скажут: «Еще один придурак свалился со старого голливудского дуба», сообщат домовладельцу и...

— Домовладельцу? — раздался голос за нашими спинами.

В дверях стоял пожилой человек.

— Где Кларенс? — спросил он.

Я говорил быстро. Бессвязно, сбивчиво я описал полностью 1934-й и 1935-й годы, как я бесцельно гонялся на роликах, как меня, словно маньяк, преследовал, размахивая тростью, Уильям Клод Филдс⁷³, как Джин Харлоу поцеловала меня в щеку перед рестораном «Вандом». Когда она меня поцеловала, из моих роликов выскочили подшипники. И я, хромя, поковылял домой, не обращая внимания на машины, не слыша, что говорили мне школьные товарищи.

— Ладно, ладно, я понял! — Старик окинул взглядом комнату. — На воришек вы не похожи. Но Кларенс все время ждет, что на него вот-вот нападет шайка разбойников и отнимет его фотографии. Так что...

Крамли протянул ему свою визитку. Старик удивленно посмотрел на нее и примолк, зажав свои фальшивые зубы между десен.

— Мне не нужны здесь неприятности! — жалобно проговорил он.

— Не беспокойтесь. Кларенс сам вызвал нас, он боится. Вот мы и приехали.

Крамли огляделся вокруг.

— Пусть Солуит мне позвонит, хорошо?

Старик, прищурившись, посмотрел на визитку.

— Полиция Вениса? Когда же наконец их вычистят?

— Кого?

— Каналы! Помойка, а не каналы!

Крамли вытащил меня на улицу.

— Я этим займусь.

— Чем? — удивленно спросил старик.

— Каналами, — ответил Крамли. — Помойкой.

— Ах да, — произнес старик.

И мы ушли.

46

Мы стояли на тротуаре и пристально наблюдали за домом, будто он мог внезапно съехать со ступеней, как корабль, спускаемый на воду.

Крамли не смотрел на меня.

— Все так же криво, как было. Ты в отчаянии, потому что видел тело. Я — потому что не видел. Бред. Думаю, мы можем подождать здесь, пока Кларенс не вернется.

— Мертвый?

— Ты что, хочешь подать заявление об исчезновении человека? Что ты намерен делать дальше?

— Мы имеем две вещи. Кто-то растоптал фигурки чудовиш Роя и разрушил его гипсовую скульптуру. Затем кто-то другой все убрал. Кто-то напугал до смерти или задушил Кларенса. Затем кто-то другой все убрал. Значит, мы имеем дело с двумя группами людей или с двумя людьми: теми, кто разрушает, и теми, кто приносит сундуки, швабры и пылесосы. Пока что мне приходит в голову только одно: Человек-чудовище перелез через стену, своими руками разломал все в мастерской Роя и убежал, чтобы потом другие люди обнаружили следы разрушений, все убрали или спрятали. То же самое здесь. Человек-чудовище спустился с собора...

— Спустился?

— Я столкнулся с ним лицом к лицу.

Крамли впервые слегка побледнел.

— Ты доиграешься до того, что тебя убьют, черт побери. Держись подальше от высоких точек. Кстати, может, нам не стоит торчать здесь и трепаться у всех на виду? Что, если эти чистильщики вернутся?

— Верно.

Я зашагал прочь.

— Тебя подбросить?

— Тут всего один квартал до студии.

— Я отправляюсь в центр, в газетный архив. Там должно быть что-нибудь, чего мы еще не знаем, об Арбутноте и о тридцать четвертом годе. Хочешь, поищу заодно что-нибудь про Кларенса?

— О Крам, — сказал я, оборачиваясь, — мы оба знаем, что его уже сожгли и пепел развеяли. Мы что, заберемся в мусоросжигатель на задворках студии и будем перетряхивать золу? Я возвращаюсь в Гефсиманский сад.

— Там безопасно?

— Безопасней, чем на Голгофе.

— Сиди там. Позвони мне.

— Ты и так услышишь меня на другом конце города, даже без телефона, — сказал я.

47

Но сначала я остановился у Голгофы.

Все три креста были пусты.

— Иисус, — прошептал я, трогая в кармане его смятую фотографию, и вдруг понял, что уже некоторое время меня преследует ощущение чьего-то могущественного присутствия.

Я оглянулся и увидел, что за моей спиной неслышно крадется туманное облако Мэнни, его темно-серый, как китайский лаковый ларец, похоронный «Роллс-Ройс». Я услышал, как задняя дверь чмокнула резиновыми деснами и бесшумно распахнулась, выдохнув холодное облачко кондиционированного воздуха. Сам размером с эскимо на палочке, Мэнни Либер выглянул из своего элегантного холодильника.

— Эй, ты! — позвал он.

Стоял жаркий день. Я заглянул в прохладный салон «Роллс-Ройса», чтобы освежить лицо, одновременно затачивая разум.

— У меня для тебя новость. — Я видел, как в искусственном морозном воздухе изо рта Мэнни выходит облачко пара. — Мы закрываем студию на два дня. Генеральная уборка. Подкраска. Ломка старого.

— Как вы можете? Такие затраты...

— Каждому заплатят как за полный рабочий день. Это давно надо было сделать. Так что мы закрываемся...

«Зачем? — думал я. — Чтобы убрать всех с площадки. Они знают или подозревают, что Рой до сих пор жив и кто-то пообещал им найти его и убить?»

— Это самая большая глупость, какую я слышал в жизни.

Мне показалось, что оскорбление будет лучшим ответом. Никто ни в чем тебя не заподозрит, если ты, в свою очередь, будешь настолько глуп, чтобы грубить.

— И чья это дурацкая идея? — спросил я.

— Что ты имеешь в виду? — вскричал Мэнни, откидываясь назад в своем холодильнике. Его дыхание вырывалось клубами морозного пара. — Моя!

— Вы не настолько глупы, — продолжал я. — Вы бы никогда такого не сделали. Вы слишком заботитесь о деньгах. Кто-то другой приказал вам это сделать. Кто-то, кто выше вас?

— Нет никого выше меня!

Но пока губы произносили эту двусмысленную ложь, его взгляд скользнул в сторону.

— Вы отдаете себе отчет, что это может стоить где-то полмиллиона в неделю?

— Предположим, — уклончиво согласился Мэнни.

— Наверняка все идет из Нью-Йорка, — выпалил я. — Вам звонили эти пигмеи с Манхэттена. Безумные макаки. Осталось всего два дня до окончания съемок «Цезаря и Христа». А что, если Иисус опять запьет, пока вы там подкрашиваете павильоны?

— Сцена с костром была последней. Мы вычеркиваем его из нашей Библии. Ты вычеркиваешь. И еще: как только студия откроется, ты возвращаешься на «Смерть несется вскачь».

Его слова обдали мое лицо холодом. Мурашки побежали у меня по спине.

— Это невозможно без Роя Холдстрома. — Я решил разыграть из себя еще более наивного и тупого. — А Рой умер.

— Что? — Мэнни подался вперед, отчаянно пытаюсь обрести над собой контроль, затем, прищурившись, посмотрел на меня. — Почему ты так говоришь?

— Он покончил с собой, — ответил я.

Подозрительность Мэнни еще более усилилась. Я представил себе, как он выслушивает отчет доктора Филиппа: «Рой повесился в павильоне 13, тело срезано с веревки, вывезено, сожжено».

Я продолжал как можно наивнее:

— Его чудовища по-прежнему в павильоне тринадцать, под замком?

— Э-э-э, да, — солгал Мэнни.

— Рой жить не может без своих чудовищ. На другой день я пришел к нему в квартиру. Она была пуста. Кто-то украл все его фотокамеры и миниатюры. Без них Рой тоже не может жить. К тому же он не сбежал бы просто так, не сказав мне. После двадцати лет дружбы. Так что, черт возьми, Рой мертв.

Мэнни внимательно вгляделся в мое лицо, проверяя, можно ли мне верить. Я напустил на себя самый грустный вид.

— Найди его, — наконец сказал Мэнни, глядя немигающим взглядом.

— Я же говорю...

— Найди его, — повторил Мэнни, — или я вышвырну тебя вон и ты больше никогда в жизни не будешь работать ни на одной киностудии. Этот глупый соплик не умер. Его видели на студии вчера. Может быть, он болтается тут, чтобы пробраться в тринадцатый павильон и заполучить обратно своих проклятых монстров. Скажи ему, что все забыто. Он вернется с прибавкой к зарплате. Пора признать, что мы были не правы и что он нам нужен. Найди его — и тоже получишь прибавку. О'кей?

— Вы думаете, Рой использовал маску, голову, сделанную им из глины?

Мэнни побледнел еще больше.

— О боже, конечно нет! Мы поищем еще. Повесим объявления.

— Не думаю, что Рой захочет вернуться, если он не сможет создать свое чудовище.

— Вернется, если понимает свою выгоду.

«И его убьют через час после того, как он переступит порог?» — подумал я.

— Нет, — сказал я. — Он по-настоящему умер. Навсегда.

Я забил все гвозди в гроб Роя, надеясь, что Мэнни поверит и не станет закрывать студию, чтобы завершить поиски. Глупая идея. Но безумцы никогда не бывают умны.

— Найди его, — проговорил Мэнни и откинулся на спинку сиденья; воздух застыл от его молчания.

Я захлопнул дверцу холодильника на колесах. И «Роулс» отплыл, исчезнув в облаке своего шелестящего выхлопа, как холодная улыбка.

Весь дрожа, я совершил большое турне. Пересек Гринтаун, прошел через Нью-Йорк к египетским сфинксам и римскому форуму. Только мухи жужжали, колотясь о сетку входной двери в доме моей бабушки. Только пыль кружилась между лап сфинксов.

Я стоял у огромного камня, приваленного к могиле Христа.

*И пришел я к камню: дай укрыть мне!*⁴

— Рой, — прошептал я.

Камень задрожал от моего прикосновения.

И камень возопил: здесь не спрятаться тебе!

«Боже, Рой, — думал я. — Ты наконец нужен им — во всяком случае, на десять секунд, пока они не втопчут тебя в глину».

Камень безмолвствовал. Пыльный вихрь заметался по раскинувшемуся невдалеке невадскому городишке с фальшивыми фасадами, а затем, утомленный, улегся, как непоседливый кот, заснувший у кормушки старого коня.

Откуда-то с небес вдруг раздался голос:

— Не там ищешь! Сюда!

Я бросил взгляд на другой холм в сотне ярдов от меня, закрывавший собой очертания города на горизонте: пологий склон, покрытый дерном из вечнозеленой искусственной травы, которую можно свернуть в рулон.

Там стоял человек с накладной бородой и в развевающихся белых одеждах.

— Иисус! — Задыхаясь и спотыкаясь, я стал карабкаться вверх по холму.

— Как тебе это нравится? — Когда до вершины осталось несколько ярдов, Иисус втащил меня на холм, протянув руку с серьезной и грустной улыбкой. — Здесь я произношу Нагорную проповедь. Хочешь послушать?

— Нет времени, Иисус.

— А как же все эти люди две тысячи лет назад слушали, и ничего?

— У них не было часов, Иисус.

— Верно. — Он внимательно посмотрел на небо. — Лишь солнце, медленно плывущее по небосклону, и бесконечные дни, чтобы сказать самое важное.

Я кивнул. Имя Кларенса застряло у меня в горле.

— Садись, сын мой.

Рядом лежал большой камень. Иисус сел на него, а я, как пастьух, примостился у его ног. Почти с нежностью глядя на меня сверху вниз, он сказал:

— Я сегодня не пил.

— Отлично!

— Бывают такие дни. Боже, я провел здесь большую часть дня, любуясь на облака, мечтая о вечной жизни, и все благодаря прошлой ночи, благодаря тем словам, благодаря тебе.

Он, наверное, почувствовал, как я с трудом сглотнул слюну от волнения, потому что посмотрел вниз и дотронулся до моей головы.

— Ох, ох, — вздохнул он. — Ты собираешься сказать мне что-то такое, отчего я опять запью?

— Надеюсь, нет, Иисус. Это касается твоего друга Кларенса.

Он отдернул руку, словно обжегся.

На солнце набежала тучка, и на удивление заморосил мелкий дождик, прямо как гром посреди ясного, солнечного дня. Я сидел неподвижно, подставляя лицо под капли дождя, и то же самое сделал Иисус, подняв лицо к небу, чтобы немного освежиться.

— Кларенс, — прошептал он. — Я знаю его целую вечность. Он крутился поблизости, когда мы снимали настоящих индейцев. Кларенс стоял у ворот — мальчишка лет девяти-десяти. Огромные очки, светлые волосы, ясное лицо, большой альбом с рисунками

или снимками, приготовленными для автографов. В мой первый день, когда я пришел на рассвете, он уже стоял там, и в полночь, когда я уходил. Я был одним из четырех Всадников Апокалипсиса!

— Смертью?

— А ты догадлив, чертенок, — засмеялся Иисус. — Смертью. Высокий, с костлявым задом, на тощей лошади.

Мы оба взглянули на небо: не скачет ли там по-прежнему его Смерть.

Дождь прекратился. Иисус вытер лицо и продолжил:

— Кларенс. Бедный, глупый, зависимый, одинокий, безжизненный, бессемейный сукин сын. Ни жены, ни любовницы, ни друга, ни любовника, ни собаки, ни свиньи, ни картинок с девочками, ни мужских журналов. Ничего! Даже плавки никогда не носил! Все лето в длинных трусах! Кларенс. Господи.

Наконец я почувствовал, как мои губы зашевелились.

— Ты общался с Кларенсом... в последнее время?

— Он звонил мне вчера...

— В котором часу?

— В полпятого. А что?

«Сразу после того, как я постучал к нему в дверь», — подумалось мне.

— Когда он звонил, он был совершенно вне себя. «Все конечно! — кричал он. — Они придут за мной! Не читай мне нотаций!» У меня кровь застыла в жилах. Как будто десять тысяч статистов уволены, сорок продюсеров покончили с собой, девяносто девять восходящих звезд изнасилованы: закрой глаза и выживай как знаешь. Его последние слова были: «Помоги мне! Спаси меня!» Представь себе меня, Иисуса Христа, на том конце провода, Христа на привязи. Как я мог помочь, если сам был причиной, а не спасением? Я велел Кларенсу принять две таблетки аспирина и перезвонить утром. А надо было броситься к нему на помощь. Ты бы бросился к нему на моем месте?

Я вспомнил Кларенса, лежащего в этом огромном свадебном пироге из книг, открыток, фотографий — слой за слоем, — и истерический пот, склеивший все эти кипы слоев.

Иисус посмотрел, как я отрицательно покачал головой.

— Его больше нет, верно? А ты, — прибавил он, помолчав, — ты бросился ему на помощь?

Я кивнул.

— Он умер не своей смертью?

Я покачал головой.

— Кларенс!

От этого крика мог бы встрепетаться скот, пасущийся на лугу, и спящие пастухи. Это было началом проповеди о мраке.

Иисус вскочил на ноги, запрокинув голову. Слезы брызнули из его глаз.

— ...Кларенс...

И он, закрыв глаза, стал спускаться с горы, прочь от напрасных проповедей, шагая в сторону другой горы, Голгофы, где его ждал крест. Я пошел следом.

Не останавливаясь, Иисус спросил:

— У тебя нет, случайно, с собой ничего такого? Спиртное, выпивка? Черт! День так хорошо начинался! Кларенс, ты идиот!

Мы подошли к кресту, Христос пошарил за ним и с горьким смешком облегчения достал пакетик, внутри которого что-то булькало.

— Кровь Христова в коричневом пакете и незаметной бутылке. Как там должна проходить вся эта церемония? — Он сделал глоток, потом еще. — Что мне сейчас делать? Залезть, прибить себя гвоздями и ждать, когда они придут?

— Они?!

— Господи, парень, это же вопрос времени! Потом мне воткнут гвозди в запястья и подвешат за грудки! Кларенс умер! Как это произошло?

— Задохнулся под своими фотографиями.

— Кто тебе сказал? — напрягся Иисус.

— Я сам видел, Иисус, но никому не рассказывал. Он что-то знал, и его убили. А что знаешь ты?!

— Ничего! — Иисус яростно затряс головой. — Ничего!

— Два дня назад, ночью, у входа в «Браун-дерби» Кларенс узнал одного человека. Этот человек полез на него с кулаками! Кларенс убежал! Почему?

— И не пытайся узнать! — сказал Иисус. — Брось это. Я не хочу, чтобы ты погубил себя вместе со мной. Пока что я ничего не могу сделать, но погоди... — Голос Иисуса дрогнул. — Раз

Кларенса убили, скоро они догадятся, что это я уговорил его отправиться в «Браун-дерби»...

— Так это был ты?!

«А я? — подумал я. — Мне ты тоже написал, чтобы я туда явился?!»

— Кто это был, Иисус? Они, кто такие они?! Люди вокруг умирают. Возможно, мой друг Рой тоже!

— Рой? — Иисус помолчал. — Умер? Тогда он счастливчик. Прячется? Бесплезно! Они его найдут. Как и меня. Я уже давно слишком много знаю.

— Как давно?

— А что?

— Меня тоже могут убить. Я случайно во что-то оказался замешан, но черт меня побери, если я знаю во что. Рой тоже во что-то вмешался, и теперь он мертв или в бегах. Господи, кто-то убил Кларенса, потому что он во что-то случайно вмешался. Они вычислят, это вопрос времени. Черт, может быть, я слишком хорошо знаю Кларенса и меня убьют на всякий случай. Проклятье, Иисус, Мэнни закрывает студию на два дня. Для ремонта, подкраски. Челуха! Это все из-за Роя! Подумай! Выкинуть в окно десятки тысяч долларов, чтобы найти одного сумасшедшего кретина, а его единственное преступление — в том, что он жил десять миллионов лет назад. Он пришел в бешенство из-за своего глиняного чудовища, и за его голову назначили награду. Что за важная птица этот Рой? Почему он, как Кларенс, должен умереть? А ты? Простой ночью. Ты сказал, что был там, на Голгофе. Ты видел стену, лестницу, мертвеца на лестнице. Ты разглядел лицо этого мертвеца?

— Он был слишком далеко.

Голос Иисуса дрогнул.

— Ты видел лицо человека, который поставил труп на лестницу?

— Было темно...

— Это был Человек-чудовище?

— Кто?

— Человек с расплавленным, как розовый воск, лицом, вывороченным правым глазом и ужасным ртом? Это он заташил этот фальшивый труп на лестницу, чтобы перепугать всю кино-

студию — тебя, меня — и чтобы каким-то образом зачем-то всех шантажировать? Если я должен умереть, Иисус, почему я не могу узнать за что? Назови его. Человек-чудовище?

— Назвать и подписать тебе смертный приговор? Нет!

Из-за угла, с задворок студии, вырулил грузовик. Он проехал мимо Голгофы, поднимая пыль и гудя.

— Смотри, куда едешь, идиот! — крикнул я.

Грузовик растворился в клубах пыли.

А вместе с ним и Христос.

Человек на тридцать лет старше меня удирал во все лопатки. Смех! Иисус, галопом, в развевающихся на пыльном ветру длинных одеждах, мчался, словно желая взмыть вверх, улететь, и что-то бессвязно выкрикивал в небеса.

«Не ходи к дому Кларенса!» — едва не прокричал я вслед ему.

«Дурак, — подумал я затем. — Кларенс обскакал тебя. Тебе до него далеко!!»

48

Фриц вместе с Мэгги ждал меня в просмотровом зале номер десять.

— Где тебя носит? — закричал он. — Представляешь? Теперь у нас нет середины фильма!

Это было как бальзам на душу — поговорить о чем-нибудь дурацком, бессмысленном, нелепом: безумие, вышибающее из меня мое собственное крепчающее безумие. «Боже, — думал я, — снимать фильм — все равно что заниматься любовью с горгульей. Просыпаясь, видишь, что вцепился в спинной хребет мраморного кошмара, и думаешь: «Что я здесь делаю?» Лжешь, кривляешься. И все ради того, чтобы двадцать миллионов людей валом валили на сеанс или, наоборот, с сеанса.

И все это делается руками чокнутых фанатиков — они сидят в просмотровых комнатах и бредят персонажами, которых никогда не было в жизни.

Поэтому так здорово спрятаться здесь с Фрицем и Мэгги, слушать, как они мелют чепуху, валяют дурака».

Но эта чепуха мне не помогла.

В поллятого я извинился и побежал в уборную. Там, в вомитории, с моих щек сошел последний румянец. Вомиторий⁷⁵. Так все писатели называют уборную, после того как выслушают гениальные идеи своих продюсеров.

Я попытался вернуть румянец своим щекам, растерев их водой с мылом. Пять минут я простоял, склонившись над умывальником и смывая с себя грусть и тревогу, исчезавшие в водостоке. После последней очереди рвотных позывов я снова умылся и пошел обратно к Фрицу и Мэгги, шатаюсь, благодаря Бога за темноту зала.

— А, это ты! — сказал Фриц. — Стоит изменить одну сцену, и рушится все остальное. Сегодня днем я показал твою Последнюю Тайную вечерю Мэнни. Теперь из-за твоего гениального финала, будь он неладен, Мэнни наперекор своему лучшему «я» говорит, что придется переснять кое-что из уже оплаченного материала, иначе фильм выглядит как дохлая змея с живым хвостом. Он не стал говорить это тебе лично; казалось, что он проглотил собственные внутренности на обед или твои потроха в кастрюльке. Он называл тебя такими словами, какими даже я не пользуюсь, но в конце концов сказал: пусть этот ублюдок займется сценами номер девять, четырнадцать, девятнадцать, двадцать пять и тридцать. Переписать и переснять через одну. А если мы переснимем и все остальные сцены, люди подумают, что у нас получился супергениальный фильм.

Я почувствовал, как теплые краски снова вспыхивают на моем лице.

— Это же просто подарок для начинающего сценариста! — воскликнул я. — Устройство для выдержки времени!

— Все нужно сделать за три дня! Мы задержали съемочную группу. Я звоню в Общество анонимных алкоголиков, чтобы наказать их на Иисуса, хотя бы на семьдесят два часа, ведь мы теперь знаем, где он прячется...

Я спокойно смотрел на них, но не мог сказать, что спугнул Иисуса и тот сбежал со съемочной площадки.

— Похоже, за эту неделю я стал виновником кучи всяких бед, — наконец сказал я.

— Сизиф, останься! — Фриц хлопнул меня по плечу ладонями. — Пока я не дам тебе камень побольше, чтобы ты тащил его на проклятую гору. Ты же не еврей, не ищи своей вины.

Он сунул мне пачку страниц.

— Пиши, переписывай. Переписывай!

— Мэнни хочет, чтобы именно я этим занимался? Ты уверен?

— Да он скорее привязал бы тебя к двум лошадям и выпалил из пистолета, но жизнь есть жизнь. Капля ненависти. Потом море ненависти.

— А как насчет фильма «Смерть несется вскачь»? Он хочет, чтобы я вернулся к работе над ним!

— Когда это ему приспичило? — Фриц вскочил на ноги.

— Полчаса назад.

— Но он не может снимать этот фильм без...

— Правильно, без Роя. А Рой пропал. И мне поручено найти его. А студия закрывается на двое суток для ремонта и подкраски, хотя никакой подкраски не требуется.

— Ничтожества. Тупые задницы. Никто мне ничего не сказал. Ладно, не нужна нам их дурацкая студия. Мы можем переписать Иисуса у меня дома.

Раздался телефонный звонок. Фриц чуть не задушил трубку в кулаке, а затем передал ее мне.

Звонили из храма Ангела⁷⁶ Эйми Сэмпл Макферсон.

— Простите, сэр, — произнес явно приглушенный женский голос, — вы, случайно, не знакомы с человеком, который называет себя Иисус?

— Иисус?

Фриц выхватил у меня трубку. Я снова ее отобрал. Мы оба приникли к ней ухом.

— Заявляет, что он призрак Христа воскресшего и заново раскаявшегося...

— Дайте-ка мне! — прокричал другой, мужской голос. — Преподобный Кемпо у телефона! Вы знаете этого ужасного Антихриста? Мы могли бы вызвать полицию, но если бы газеты узнали, что Христа выщвырнули из нашей церкви... В общем, даю вам полчаса, чтобы спасти этого безбожника от гнева Господа! И моего!

Я выронил трубку.

— Христос, — простонал я, обращаясь к Фрицу, — воскрес!

Мое такси подкатило к воротам храма Ангела как раз в тот момент, когда последние заблудшие овечки выходили из многочисленных дверей, покидая затянувшиеся допоздна занятия в приходской школе.

Преподобный Кемпо ждал перед входом, заламывая свои грубые руки и расхаживая с таким видом, будто в зад ему вставили динамитную шашку.

— Слава богу! — вскричал он, бросаясь ко мне. Вдруг он остановился в ужасе. — Так это вы юный друг этого мерзкого типа, да?

— Иисуса?

— Иисуса! Что за чудовищная мерзость! Да, Иисуса!

— Я его друг.

— Жаль. Ладно, поторапливайтесь!

Он взял меня под руку и потащил в тот придел, где располагалась главная аудитория. Там не было ни души. Откуда-то сверху доносился мягкий шелест перьев, взмах ангельских крыльев. Кто-то проверял звуковую аппаратуру, издавая различные небесные шепоты.

— И где же?.. — осекся я.

Ибо там, посреди алтаря, на сверкающем Господнем престоле из чистопробнейшего золота восседал Иисус Христос.

Он сидел прямо, устремив взгляд куда-то сквозь церковные стены, положив руки на подлокотники, ладонями вверх.

— Иисус! — Я побежал через проход и вдруг остановился.

Потому что из обеих ран на открытых запястьях капала свежая кровь.

— Ну разве не кошмар? Ужасный человек! Прочь! — завывал преподобный за моей спиной.

— Это христианская церковь? — осведомился я.

— Да как вы смеете спрашивать?!

— Вам не кажется, что в такой момент, возможно, сам Христос проявляет к вам милость? — поинтересовался я.

— Милость?! — вскричал преподобный. — Он ворвался во время мессы с криком: «Я истинный Христос! Я боюсь за свою жизнь. Прочь с дороги!» Подбежал к алтарю и выставил напоказ свои раны. С тем же успехом он мог бы взорвать самого себя. Проще-

ние? Всеобщий шок, чуть ли не бунт. Наша паства никогда от этого не оправится. А если люди расскажут, если начнут звонить из газет, вы понимаете? Он превратил нас в посмешище. Твой друг!

— Мой друг...

Однако голосу моему не хватало блеска, он срывался в фальцет, как у переигрывающего актера в пьесе Шекспира.

— Иисус! — воззвал я из бездны.

Глаза Иисуса, устремленные в вечность, заморгали и обратились на меня.

— О, привет, юнга, — сказал он. — В чем дело?

— В чем дело?! — закричал я. — Ты тут только что устроил вокруг себя адский кавардак!

— О нет, нет! — Иисус вдруг осознал, где находится, и посмотрел на свои руки. Он рассматривал их так, словно кто-то подсунил ему двух тарантулов. — Меня снова бичевали? Меня выследили? Мне конец. Защити меня! Ты принес бутылку?

Я похлопал по карманам, как будто все время носил с собой подобные вещи, и отрицательно покачал головой. Затем обернулся к преподобному, и тот, изрыгая проклятия, прошмыгнул за спинку престола и сунул мне в руку бутылку красного вина.

Иисус рванулся к бутылке, но я выхватил ее и стал держать как приманку.

— Иди сюда. Тогда откупорю.

— Как ты смеешь говорить с Христом в таком тоне!

— Как ты смеешь называть себя Христом?! — воскликнул преподобный.

Иисус отступил назад.

— Я не смею, сэр. Я и есть Христос.

Он поднялся в жалкой попытке изобразить надменность и упал со ступенек.

Преподобный выругался, словно готов был собственноручно убить его.

Я поднял Иисуса, благополучно провел его между скамьями, помахивая бутылкой, и вывел из церкви.

Такси все еще ждало у входа. Прежде чем сесть в машину, Иисус обернулся и увидел его преподобие, стоявшего в дверях, с пылающими от ненависти щеками.

Иисус поднял вверх свои кровавые лапищи.

— Святое прибежище! Да? Прибежище?

— Даже ад, — прокричал преподобный, — не станет тебе прибежищем!

Бах! Дверь захлопнулась.

Я представил, как внутри храма вспорхнули тысячи ангельских крыльев, со свистом рассекая лишенный святости воздух.

Иисус ввалился в такси, схватил бутылку вина и, наклонившись вперед, прошептал на ухо таксисту:

— В Гефсимань!

Мы поехали. Водитель одним глазом заглянул в свой дорожный атлас.

— Гефсимань, — пробормотал он. — Что это: улица, проспект или площадь?

50

— Даже крест не спасет, даже крест не спасет теперь, — бормотал Иисус, пока мы ехали по городу, неподвижно глядя на свои израненные запястья, словно не мог поверить, что это его руки. — Куда катится мир?

Он поглядел через окно такси на проплывающие мимо дома.

— Христос страдал маниакально-депрессивным психозом? Как и я?

— Нет, — запинаясь, ответил я, — он не такой дурак. А вот ты точно из породы придурков и тупиц. Что тебя туда занесло?

— За мной гнались. Они преследуют меня. Я — Светоч мира. — Но последнее было сказано с горькой иронией. — Господи, лучше бы я не знал так много.

— Расскажи мне. Исповедуйся.

— Тогда они начнут преследовать и тебя тоже! Кларенс, — прошептал он. — Ведь он тоже не умел быстро бегать, верно?

— Я тоже знал Кларенса, — сказал я, — много лет назад...

Мои слова испугали Иисуса еще больше.

— Никому не говори! От меня они этого не услышат.

Одним залпом он выпил полбутылки вина, затем подмигнул и сказал:

— Я нем как рыба.

— Нет уж, сэр Иисус! Вы должны рассказать мне, хотя бы на тот случай, если...

— Если не доживу до завтрашнего утра? Не доживу! Но я не хочу, чтобы мы погибли оба. Ты славный придурок. Придите ко мне, дети мои, и через Господа да вознесетесь на Небеса!

Он выпил, и улыбка пропала с его лица.

По пути мы остановились. Иисус отчаянно пытался выскочить из машины, чтобы купить джина. Я пригрозил ударить его и купил бутылку сам.

Машина медленно вплыла в ворота киностудии и замедлила ход у дома моих бабушки с дедушкой.

— Э, — сказал Христос, — да это смахивает на негритянскую баптистскую церковь на Централ-авеню! Я не могу туда войти! Я не черный и не баптист. Просто Христос, иудей! Скажи ему, куда ехать!

На закате такси остановилось у подножия Голгофы. Иисус посмотрел вверх, на свой старый знакомый насест.

— Разве это настоящий крест? — Он пожал плечами. — Не более чем я настоящий Христос.

Я внимательно посмотрел на крест.

— Ты не можешь здесь спрятаться, Иисус. Теперь все знают, куда ты ходишь. Надо найти для тебя действительно тайное местечко, если вдруг позовут на пересъемки.

— Ты не понимаешь, — сказал Христос. — Небеса закрыты, ад тоже. Они найдут меня даже в крысиной норе или в заднице бегемота. Голгофа, плюс вино, — единственное место. Ну-ка, убери ноги с моей тоги.

Он вылил в глотку остатки вина и стал подниматься на холм.

— Слава богу, я успел сняться в своих основных эпизодах, — сказал Иисус. — Все кончено, сынок.

Иисус взял мои руки в свои. Свалившись некогда с горних вершин в пропасть и теперь задержавшись где-то посередине, он был невероятно спокоен.

— Я не должен был убегать. И никто не должен был видеть, как ты со мной разговариваешь здесь. Они принесут еще молотков и гвоздей, и ты сыграешь второго вора-статиста по левую руку от меня. Или Иуду. Принесут веревку, и вот ты — Искарот.

Он обернулся и положил руки на крест, а одну ногу поставил на маленький колышек, приделанный сбоку, чтобы легче было забираться.

— Можно последний вопрос? — попросил я. — Ты и вправду знаешь Человека-чудовище?

— Боже, да я был там в ту ночь, когда он родился!

— Родился?

— Да, черт возьми, родился, а что, это звучит странно?

— Объясни, Иисус. Я должен это знать!

— И умереть за то, что ты это знаешь, болван? — сказал Иисус. — Почему ты хочешь умереть? Иисус спасет, да? Но если я Иисус и мне конец, то и вам всем конец! Посмотри на Кларенса: бедный ублюдок. Парни, которые его брали, в страхе разбежались. А когда им страшно, они паникуют, а когда они паникуют, они ненавидят. Ты знаешь, что такое настоящая ненависть, мой мальчик? Так вот, это она: никаких любительских вечеринок, никаких скидок за хорошее поведение. Кто-то говорит «убей!», и тебя убивают. А ты ходишь вокруг да около со своими глупыми, наивными представлениями о людях. Господи, да ты не сможешь познать настоящую шлюху, если она укусит тебя, и настоящего убийцу, если он пырнет тебя ножом. Ты будешь умирать и, умирая, скажешь: «Так вот какой он», но будет уже поздно. Так что послушайся старого Иисуса, дурачок.

— Подходящий дурак, полезный идиот. Как говорил Ленин.

— Ленин?! Вот видишь! В такой момент, как сейчас, когда я кричу: «Впереди Ниагарский водопад! Где твоя бочка?!»⁷⁷ — ты прыгаешь с обрыва без парашюта. Ленин?! Ха! Где тут ближайший сумасшедший дом?

Иисус дрожал, допивая вино.

— Полезный... — он слотнул, — идиот. Ладно, слушай, — добавил он, ибо на сей раз его здорово задело. — Я не стану повторять это дважды. Если останешься со мной, тебя раздавят. Если будешь знать то, что знаю я, они закопают тебя в десяти разных могилах по ту сторону стенки. Разрежут на куски, по одному в каждую яму. Если бы твои родители были живы, их сожгли бы живьем. А твою жену...

Я скрестил руки на груди. Иисус отпрянул.

— Прости. А ты чувствительный. Черт, я все еще трезв. Я сказал «вчувствительный». Когда возвращается твоя жена?

— Скоро.

Это слово прозвучало как звон похоронного колокола в разгар дня.

Скоро.

— Тогда слушай последнюю Книгу Иова. Все кончено. Они не останутся, пока не убьют всех. На этой неделе все полетит в тартарары. Этот труп на стене, который ты видел. Его повесили туда, чтобы...

— Шантажировать киностудию? — сказал я словами Крамли. — Они боятся Арбутнота по прошествии стольких лет?

— Трусливые твари! Иногда у мертвецов в могилах больше власти, чем у живых. Вспомни Наполеона, он умер сто пятьдесят лет назад и до сих пор живет в сотнях книг! Его именем называют улицы и младенцев! Он потерял все и, потеряв все, победил! А Гитлер? Он будет жить еще десять тысяч лет. Муссолини? Он будет висеть вверх ногами, подвешенный в газовой камере, до конца наших дней! Даже Иисус. — Он внимательно посмотрел на свои стигматы. — Я не сделал ничего плохого. А теперь снова должен умереть. Но начиная с воскресенья меня будут иметь во все дыры, если я заберу с собой такого славного придурка, как ты. Так что заткнись. Где вторая бутылка?

Я показал ему бутылку с джином.

Он схватил ее.

— А теперь помоги мне забраться на крест и убирайся к черту!

— Я не могу оставить тебя здесь, Иисус.

— А где еще меня можно оставить?

Он выпил больше половины пинты.

— Эта штука убьет тебя! — забеспокоился я.

— Эта штука убивает боль, детка. Когда они придут за мной, меня здесь уже не будет.

Иисус полез на крест.

Я вцепился руками в почерневшее дерево креста, ударил по нему кулаками, задрал вверх лицо.

— Черт возьми, Иисус. Проклятье! Если это твоя последняя ночь на земле... ты чист?!

Он замедлил движение.

— Что?

— Когда ты последний раз исповедовался? — выпалил я вдруг. — Когда, когда?

Он резко повернул голову на север, обратив лицо в сторону кладбищенской ограды, и посмотрел за нее.

— Когда? Когда ты исповедовался? — допытывался я, удивляясь самому себе.

Его лицо неподвижно, как у загипнотизированного, было обращено на север, и это заставило меня подскочить и начать карабкаться вверх, нащупывая ногами колышки и опираясь на них.

— Что ты делаешь? — закричал Иисус. — Это мое место!

— Теперь уже нет, так, так и вот так!

Я повис, раскачиваясь, прямо за его спиной, так что ему пришлось обернуться, чтобы прокричать:

— Слезай!

— Когда ты исповедовался, Иисус?

Он уставился на меня, но взгляд его упрямо соскальзывал в сторону севера. Я тоже быстро перевел взгляд и посмотрел туда, вдоль поперечной балки креста, достаточно длинной, чтобы пригвоздить и ладонь, и запястье, и всю руку.

— Господи, вот! — сказал я.

Ибо там, словно на линии ружейного прицела, была видна стена и то место на этой стене, где висела кукла из воска и папьемаше, а еще дальше, за лужайкой с надгробиями, виднелся фасад и распахнутые в ожидании двери церкви Святого Себастьяна!

— Точно! — выдохнул я. — Спасибо, Иисус.

— Слезай!

— Уже слезаю.

Я отвел взгляд от стены, но не раньше чем увидел, как Иисус снова обращает лицо в сторону страны мертвых и церкви.

Я спустился.

— Куда ты собрался?! — прокричал Иисус.

— Туда, куда должен был отправиться еще несколько дней назад...

— Безмозглый тупица. Держись подальше от этой церкви! Опасное место.

— Церковь — опасное место?

Я остановился и поглядел наверх.

— Нет, не церкви! Но она стоит на том конце кладбища и поздно ночью поджидает всяких тупых олухов, которые заскочат в нее!

— И он туда заскакивает, верно?

— Он?

— Черт! — Меня пробил дрожь. — По ночам, прежде чем идти на кладбище, он сперва заходит исповедоваться, так?

— Будь ты проклят! — взвизгнул Иисус. — Все, теперь тебе конец!

Он закрыл глаза, что-то проворчал и начал в последний раз устраниваться на темном столбе среди сумерек и надвигающейся ночной темноты.

— Давай продолжай! Ты хочешь ужаса? Ты хочешь испытать страх? Или послушай настоящую исповедь. Спрячься, и, когда он придет ночью — о, глухой, глухой ночью, — ты услышишь его, твоя душа содрогнется, сгорит и умрет!

От этих слов мои руки так сильно вцепились в крест, что занозы жалами впелись в ладони.

— Иисус, тебе ведь известно все, верно? Расскажи мне, во имя Господа Иисуса Христа, Иисус, расскажи мне, пока не поздно. Ты знаешь, почему это тело повесили на стену, а может, это сделал Человек-чудовище, чтобы всех напугать, и кто такой этот Человек-чудовище? Скажи. Скажи.

— Бедное, невинное дитя, несчастный сукин сын. Боже мой, сынок. — Иисус посмотрел на меня сверху. — Ты умрешь и даже не узнаешь за что.

Он развел руки, протянув одну на север, другую на юг, и обхватил поперечную балку креста, словно собираясь взлететь. Но вместо этого к моим ногам упала пустая бутылка и разбилась.

— Бедный, милый мой сукин сын, — прошептал он небесам.

Я отпустил крест и спрыгнул. Когда мои ноги коснулись земли, я в последний раз устало позвал:

— Иисус!

— Убирайся в ад, — грустно сказал он. — Потому что я не знаю, где небеса...

Невдалеке послышался шум машин и голоса.

— Беги, — прошептал Иисус из поднебесья.

Но бежать я не мог. Я просто побрел прочь.

У собора Парижской Богоматери я встретил выходящего оттуда Дока Филиппса. Он тащил пластиковый мешок и смахивал на одного из тех, кто бродит по паркам и скверам, собирая мусор острой палкой в мешок, чтобы сжечь. Он изумленно посмотрел на меня, когда я занес ногу на ступеньку, словно желая попасть на мессу.

— Так, так, — сказал он несколько поспешно и с наигранным воодушевлением. — Вот он, наш кудесник, который учит Христа ходить по воде и возвращает Иуду Искарриота в ряды преступников!

— Это не я, — возразил я. — Это четверо апостолов. Я лишь иду по следам их сандалий.

— Что ты здесь делаешь? — напрямик спросил он, быстро оглядывая меня с ног до головы и нервно теребя пальцами мусорный мешок.

Я почувствовал запах ладана и одеколona Дока.

И решил идти напролом.

— Закат. Лучшее время для прогулки. Боже, как мне нравится это место. Я даже подумываю приобрести его однажды. Не беспокойтесь. Я позволю вам остаться. Когда все это будет мое, я снесу все офисы и сделаю все это по-настоящему живой историей. Пусть Мэнни работает на Десятой авеню, в Нью-Йорке, вон там! А Фрица поселим здесь, в Берлине. Я буду в Гринтауне. А Рой? Если он когда-нибудь вернется, дурачок, вон там построим ему ферму для динозавров. Я бы распутничал. Вместо сорока фильмов в год снимал бы двенадцать, зато шедевров! Я сделал бы Мэгги Ботуин вице-президентом киностудии, она просто блеск, и вытащил бы Луиса Майера с пенсии. И...

Тут я выдохся.

Док Филиппс стоял, открыв рот, словно я протягивал ему тикающую бомбу.

— Никто не возражает, если я войду в собор? Мне хочется забраться наверх и представить, будто я Квазимодо. Здесь безопасно?

— Нет! — чересчур поспешно вскричал доктор, обходя меня кругом, как пес обходит пожарный гидрант. — Опасно. Мы проводим ремонт. Думаем вообще снести эту штуковину.

Он повернулся и направился прочь.

— Дураки. Вы дураки! — крикнул он и исчез в двери собора.

Секунд десять я стоял и смотрел на открытую дверь, затем мурашки побежали у меня по коже.

Ибо из собора донеслось какое-то ворчание, затем стон, а потом что-то похожее на провод или веревку защелкало о стену.

— Док?!

Я подошел к входной двери, но ничего не разглядел.

— Док?

Где-то в вышине собора промелькнула тень — как будто огромный мешок с песком затаскивали наверх, во мрак.

Я вспомнил, как тело Роя раскачивалось под потолком павильона 13.

— Док!

Но доктора и след простыл.

Я вглядывался в темноту, стараясь рассмотреть то, что напоминало подошвы его ботинок, уплывавших все выше и выше.

— Док!

И тут случилось.

Что-то ударилось о пол собора.

Одинокая черная туфля.

— Боже! — вскрикнул я.

Я отступил назад и увидел, как длинная тень унеслась под крышу собора.

— Док? — проговорил я.

52

— Держи!

Крамли бросил десятидолларовую бумажку моему таксисту, тот довольно хмыкнул и уехал.

— Прямо как в кино! — сказал Крамли. — Парни швыряют деньги таксисту и не берут сдачу. Скажи спасибо.

— Спасибо!

— Боже! — Крамли внимательно посмотрел на мое лицо. — Выпей. Выпей это.

Крамли протянул мне пиво.

Я выпил и рассказал Крамли про собор, про Дока Филиппа, про то, как я услышал что-то вроде крика, и про тень, скользящую вверх, во тьму. И еще про одинокую черную туфлю, упавшую на пыльный пол собора.

— Я видел. Но кто может это подтвердить? — закончил я. — Киностудия закрывается наглухо. Я думал, Док Филипп — злодей. Наверное, его убил какой-то другой злодей. Но трупа нет. Бедный доктор. Что я говорю? Ведь я даже не испытывал к нему приязни!

— Христос Всемогущий, — сказал Крамли, — ты приносишь мне кроссворд из «Нью-Йорк таймс», хотя прекрасно знаешь, что мне по зубам только головоломки из «Дейли ньюс». Ты таскаешь мертвецов через мой дом по поводу и без повода, как кот, гордый своей добычей. Любой адвокат вышвырнул бы тебя в окно. Любой судья разможил бы тебе голову своим молотком. Психиатры отказали бы тебе в привилегии лечиться электрошоком. Ты мог бы гонять на автомобиле по Голливудскому бульвару, делая отвлекающие маневры, и никто не арестует тебя за загрязнение окружающей среды.

— Ага, — ответил я, погружаясь в депрессию.

Зазвонил телефон.

Крамли передал мне трубку.

Я услышал голос:

— Его ищут повсюду, его ищут везде, ищут негодника по всей земле. В раю его нет, в аду его нет?..

— Неуловимый Первоцвет!⁷⁸ — вскричал я.

Трубка вылетела из моих рук, словно отброшенная взрывной волной разорвавшейся бомбы. Затем я снова схватил ее.

— Где ты сейчас? — прокричал я.

Пи-пи-пи-пи...

Крамли быстро прижал трубку к своему уху и отрицательно покачал головой.

— Это Рой? — спросил он.

Я, пошатываясь, кивнул.

Закусив кулак, я старался мысленно отгородиться воображаемой стеной от происходящего.

На глаза навернулись слезы.

— Он жив, он и правда жив!

— Спокойно! — Крамли сунул мне в руку следующий стакан. — Наклони голову.

Я наклонился, чтобы Крамли мог помассировать мне затылок и шею. Слезы капали с моего носа.

— Он жив. Слава богу.

— Почему он не позвонил раньше?

— Может, боялся, — произнес я, тупо уставившись в пол. — Я же говорил — они все закрывают, запирают студию на замок. Может, он хотел, чтобы я думал, будто он мертв, тогда меня не тронут. А может, он знает о чудовище больше, чем мы.

Я резко повернул голову.

— Ничего не вижу, ничего никому не скажу. — Крамли работал над моим затылком.

— Господи, он в ловушке, не может выбраться. Или не хочет. Прячется. Мы должны спасти его!

— Спаси мою задницу, — ответил Крамли. — В каком он городе? В Бостоне или на натуральных площадках? В Уганде, в какой-нибудь глухой деревне? В театре Форда?⁷⁹ Хочешь, чтобы нас подстрелили? Да там тысяча мест, где он может прятаться, а мы будем бегать вокруг, как белые вороны, распевая на все голоса: «Выйди, выйди!» — пока нас не убьют? Иди-ка ты сам на студию и ищи его!

— Трусливый Крам.

— А то как же!

— Ты ломаешь мне шею!

— Не рыпайся!

Опустив голову, я позволил ему месить все мои сухожилия и мышцы, разминать в теплое желе. Откуда-то из тьмы, царившей у меня под черепом, донеслись слова:

— Ну так что?

— Дай мне подумать, черт возьми!

Крамли с силой сдавил мою шею.

— Без паники, — пробормотал он. — Если Рой там, надо очистить эту чертову луковицу слой за слоем и найти его в нужном месте в нужное время. Никаких криков, иначе лавина обрушится на нас.

Теперь руки Крамли нежно поглаживали меня за ушами, потечески.

— Все дело, должно быть, в том, чтобы запугать студию Арбутнотом.

— Арбутнот, — задумчиво отозвался Крамли. — Хотел бы я посмотреть на его могилу. Может, там что-то есть, какой-нибудь ключик. Ты уверен, что Арбутнот все еще там?

Я сел и уставился на Крамли.

— Ты хочешь сказать: «Кто лежит в могиле Гранта?»⁸⁰

— Да, это старая шутка. Но откуда мы знаем, что Грант все еще там?

— Мы не знаем. Грабители дважды выкрадывали тело Линкольна. Семьдесят лет назад они уже вытаскивали его через кладбищенские ворота, когда их поймали.

— Может, так оно и есть?

— Может быть.

— Может быть?! — воскликнул Крамли. — Господи, пусть у меня вырастут волосы, чтобы я мог рвать их на себе! Мы пойдем проверять могилу Арбутнота?

— Ну...

— Не говори мне «ну», черт возьми! — Крамли в ярости, сверкая глазами, потер свою лысую макушку. — Ты же сам кричал, что человек на лестнице под дождем был Арбутнот. Может быть! А может, кто-то прослышал об убийстве и выкрал тело, чтобы получить доказательства. Почему бы нет? А эта авария — может, никто ничего не пил, а просто водитель умер за рулем? И тот, кто двадцать лет спустя проводит вскрытие, получает доказательство убийства, материал для шантажа, и тогда этот «кто-то» делает фальшивый труп, чтобы напугать всю студию и огрести денег.

— Крам, это чудовищно.

— Нет, это только догадки, теория, черт возьми. Есть лишь один способ проверить. — Крамли бросил взгляд на часы. — Сегодня ночью. Мы постучимся в дверь к Арбутноту. Посмотрим, дома он или кто-то вытащил его, чтобы читать знамения по кишкам и напугать полуразгромленных легионеров Цезаря, чтоб те мочились кровью.

Я подумал о кладбище. И наконец сказал:

— Нет смысла идти туда без хорошей ищейки.

— Хорошей ищейки? — Крамли удивленно отступил назад.

— Собаки-поводыря.

— Поводыря? — Крамли внимательно посмотрел мне в глаза. — Этот пес живет, случайно, не на углу Темпл и Фигероа? Четвертый этаж?

— В полночь на кладбище не важно, что ты видишь, тут нужен нюх. А у него он есть.

— Генри? Величайший слепой в мире?

— На все времена, — подтвердил я.

53

Я постоял перед дверью Крамли, и она открылась.

Я постоял на берегу возле дома Констанции Раттиган, и она вышла из моря.

И вот теперь я шел, стараясь быть незамеченным, по бесковровым половицам старой многоэтажки, где сам когда-то жил без гроша в кармане, глядел в потолок, прозревая свои будущие фантазии, и где меня ждал чистый лист, запроваженный в портативную «Смит-Корону»⁸¹.

Я остановился перед дверью Генри и почувствовал, как быстро забилось мое сердце, потому что там, за дверью, была комната, где умерла моя дорогая Фанни; и вот теперь я вернулся сюда впервые с тех далеких печальных дней, когда нам, закадычным друзьям, казалось, что мы будем вечно жить вместе.

Я постучался.

И услышал постукивание трости и приглушенное покашливание. Заскрипели половицы.

Я услышал, как Генри коснулся своим темным лбом внутренней стороны двери.

— Я узнаю этот стук, — прошептал он.

Я снова постучал.

— Черт меня подери!

Дверь резко распахнулась.

Невидящие глаза Генри смотрели в никуда.

— Дай-ка мне сделать глубокий вдох.

Он вдохнул. Я выдохнул.

— Господи боже! — Голос Генри дрожал, как пламя свечи при легком ветерке. — Мятная жвачка. Это ты!

— Это я, Генри, — с нежностью проговорил я.

Его руки ошупью потянулись вперед. Я схватил его за обе ладони.

— Господи, сынок, как хорошо, что ты зашел! — вскричал он.

Он схватил и сжал меня в объятиях, потом вдруг опомнился и отступил.

— Прости...

— Что ты, Генри! Обними меня снова.

И он снова стиснул меня в долгих объятиях.

— Где ты был, мой мальчик, о, где ты был так долго, а Генри тут один, в этом проклятом огромном доме, который скоро пойдет под снос.

Он повернулся, подошел к креслу, сел, нашел и ошупал руками два стакана.

— Этот, кажется, чистый, а?

Я посмотрел и кивнул, потом спохватился и сказал:

— Ага.

— Не хочу передавать тебе микробы, сынок. Ну-ка посмотрим. Ага!

Он резко выдвинул ящик стола и извлек оттуда большую бутылку отличного виски.

— Ты это пьешь?

— С тобой — да.

— Вот это дружба!

Он налил и протянул стакан в пустоту. Но стакан почему-то попал прямо мне в руку.

Мы подняли стаканы навстречу друг другу, и по черным щекам Генри потекли слезы.

— А ты и не знал, что черный слепой может плакать, верно?

— Теперь знаю, Генри.

— Дай-ка взглянуть. — Он наклонился и провел рукой по моей щеке. Затем облизнул палец. — Соленая водичка. Черт! Да ты такой же слюняк, как и я.

— На все времена.

— Оставайся таким, сынок. Так где же ты был? Жизнь была тебя? Что привело тебя сюда?.. — Он внезапно замолк. — О, какие-то неприятности?

— И да и нет.

— Но в основном да? Это нормально. Когда ты вылетел на волю, я знал, что скоро ты не вернешься. То есть если рассматривать слона с головы, а?

— Если рассматривать слона с хвоста — тоже.

— Почти угадал. — Генри засмеялся. — Господи, как хорошо слышать твой голос, сынок. Я всегда считал, что от тебя хорошо пахнет. Я хочу сказать, если и существовало когда-нибудь воплощение невинности, то это был ты, жевавший по две мятные пластинки сразу. Что же ты стоишь? Присядь. Позволь рассказать о моих тревогах, потом расскажешь мне о своих. Венисовский причал снесли, трамвайные пути убрали, все уничтожили. На следующей неделе снесут и этот дом. Куда бегут крысы? Как нам покинуть корабль без спасательных шлюпок?

— Ты серьезно?

— Они наняли термитов, работающих там, внизу, круглосуточно. На крыше — динамитная команда, в стены вгрызаются гоферы и бобры, а шайка трубачей, разучивающих «Иерихон, Иерихон»⁸², репетируют рядом с домом, чтобы все это поскорее рухнуло. Куда мы катимся? Мало нас осталось. Умерла Фанни, Сэм спился и умер, а Джимми утонул в ванне, и почти сразу все почувствовали, что их обвела вокруг пальца — как ты бы сказал, подтолкнула под локоток — старушка Смерть. Незаметно подкралась печаль, и этого хватило, чтобы в одно мгновение опустошить многолюдный дом. Стоит запустить одну большую мышь, и начнется мор, это уж точно.

— Неужели все так плохо, Генри?

— Все хуже и хуже, но ничего. В любом случае пора двигаться дальше. Я всегда говорил: каждые пять лет бери зубную щетку, покупай новые носки — и вперед. У тебя нет на примете местечка для меня? Знаю, знаю. Там вокруг одни белые. Но я же слепой, черт возьми, так какая им разница?

— Есть свободный уголок в гараже, где я стучу на машинке. Он твой!

— Бог, Иисус и Святой Дух явились мне разом.

Генри откинулся в кресле и ощупал свои губы.

— Это улыбка или улыбка? Я останусь всего на пару деньков! — добавил он быстро. — Потом этот негодяй, муж моей сестры, придет за мной из Нового Орлеана и отвезет домой. Так что я избавлю тебя от своей персоны...

Он перестал улыбаться и наклонился ко мне.

— Опять попал в дурные места? Там, в большом мире?

— Не совсем, Генри, но что-то вроде того.

— Надеюсь, не совсем дурные.

— Хуже, — сказал я, выдержав паузу. — Ты не мог бы пойти со мной прямо сейчас? Мне очень неприятно дергать тебя, Генри. И прости, что вытаскиваю тебя на улицу среди ночи.

— Ничего, сынок, — тихо усмехнулся Генри, — ночь, день: я что-то слышал об этом в детстве.

Он встал и пошарил вокруг рукой.

— Погоди, — сказал он, — найду палку. Чтобы видеть.

54

Крамли, слепой Генри и я пришли на кладбище в полночь.

Я в нерешительности остановился, внимательно глядя на ворота.

— Он там. — Я кивнул в сторону могил. — В ту ночь Человек-чудовище побегал туда. Что делать, если встретим его?

— Не имею ни малейшего понятия.

Крамли зашел в ворота.

— Черт! — произнес Генри. — Почему бы нет?

И тоже пошел, оставив меня позади, во тьме, на пустынном тротуаре.

Я догнал их.

— Подождите-ка, дайте принюхаться. — Генри сделал глубокий вдох и выдохнул. — Ага. Точно, кладбище!

— Это тебя беспокоит, Генри?

— Черт возьми, — сказал Генри, — мертвые не кусаются. Это из-за живых я теряю сон. Хочешь знать, откуда мне известно, что это не просто старый сад? В садах полно разных цветов, смесь запахов. А на кладбищах? В основном туберозы. С похорон. Всегда ненавидел похороны из-за этого запаха. Ну как я вам, детектив?

— Класс, но... — Крамли отвел нас подальше от света. — Если торчать здесь, кто-нибудь решит, что мы торопимся в могилу, и сделает свое дело. Шевелитесь!

И Крамли быстро зашагал среди тысяч молочно-белых надгробий.

«Человек-чудовище, — подумал я, — где ты?»

Я оглянулся и посмотрел на машину Крамли: она показалась мне дорогим другом, от которого я уходил за тысячи миль.

— Ты еще не сказал, — заговорил Генри, — зачем притащил слепого на кладбище. Тебе нужен мой нюх?

— Ты просто собака Баскервией, — ответил Крамли. — Сюда.

— Не трогай за живое. У меня собачий нюх, но гордость как у кошки. Берегись, Смерть.

И он пошел, ведя нас между надгробиями, постукивая тростью направо и налево, словно прогоняя ночь, отбивая от нее большие куски или высекая искры там, где никогда не было ни единой искры.

— Ну как я вам? — прошептал он.

Я стоял рядом с Генри посреди всех этих мраморных плит с именами и датами, понемногу зарастающих травой.

Генри принюхался.

— Кажется, я чую большущий камень. Так. Что тут за азбука Брайля?

Он переложил трость в левую руку, а правая, дрожа, нащупала имя, высеченное над дверью склепа в греческом стиле.

Его пальцы с дрожью очертили «А» и застыли на конечном «Т».

— Знакомое имя. — В его белых, как бильярдные шары, глазах защелкали листки картотеки. — Не покоится ли здесь великий и давно почивший владелец киностудии, той самой, что находится за стеной?

— Да.

— Крикливый тип, сидевший на всех заседаниях, так что никому уже не оставалось места? Тот, что сам готовил себе бутылочки, сам менял себе пеленки, в два с половиной года купил песочницу, в три уволил детсадовскую воспитательницу, в семь отправил десяток мальчишек напрямик к медсестре, в восемь ухаживал за девочками, в девять их имел, в десять приобрел автостоянку, а в двенадцать — киностудию, когда умер его отец, оставив сыну Лондон, Рим и Бомбей? Этот?!

— Генри, — вздохнул я, — ты чудо.

— Жить от этого не легче, — тихо признался Генри. — Что ж.

Он протянул руку, чтобы еще раз нащупать имя и дату под ним.

— Тридцать первое октября тысяча девятьсот тридцать четвертого года. Хеллоуин! Прошло двадцать лет. Интересно, каково это — так долго быть в мертвецах? Черт. Давайте спросим! Кто-нибудь прихватил инструмент?

— Я взял лом из машины, — сказал Крамли.

— Хорошо... — Генри вытянул вперед руку. — Если только эта дьявольская штуковина не...

Его пальцы дотронулись до двери склепа.

— Святые угодники! — воскликнул он.

Дверь медленно отворилась на смазанных петлях. Никакой ржавчины! Никакого скрипа! Они смазаны маслом!

— Господи Иисусе! Заходи кто хочешь! — Генри живо отошел в сторону. — Раз ты зрячий... иди первым, ладно?

Я коснулся рукой двери, и та открылась, мягко скользнув во тьму.

— Сюда.

Крамли подскочил ко мне, зажег карманный фонарь и ступил в крошечную мглу.

Я пошел за ним.

— Не оставляйте меня здесь, — попросил Генри.

Крамли показал на вход:

— Закрой дверь. Мы же не хотим, чтобы кто-то увидел наш фонарь...

Я помедлил. Столько раз я видел в кино, как двери склепа хлопаются и люди оказываются в ловушке навсегда — кричи не кричи. А что, если там, внутри, стоит Человек-чудовище?..

— Боже! Смотрите! — Крамли толкнул дверь, оставив лишь узкую шелку для воздуха. — Вот.

Он обернулся.

Комната была пуста, если не считать большого каменного саркофага, стоящего посередине. На нем не было крышки. Внутри должен был находиться гроб.

— Черт! — сказал Крамли.

Мы заглянули внутрь. Гроба не было.

— Не говорите мне ничего! — сказал Генри. — Надену-ка я мои черные очки, так лучше чувствуется запах! Вот так!

И пока мы смотрели, Генри наклонился, глубоко втянул в себя воздух, задумался, задержав мысль за темными очками, потом выдохнул, потряс головой, сделал еще один вдох. И просиял.

— Дудки! Нет тут ничего! Верно?

— Верно.

— Арбутнот, где ты? — прошептал Крамли.

— Здесь его нет, — сказал я.

— И никогда не было, — добавил Генри.

Мы быстро взглянули на него. Он кивнул, чрезвычайно довольный собой.

— Никого с таким именем или с любым другим никогда здесь не было. Если б был, я бы почуял, понимаете? Ни чешуйки перхоти, ни ногтя, ни волоска из носа. Здесь нет даже запаха туберозы или ладана. В этом месте, друзья, никогда не лежал мертвец, ни часа не лежал. Нос даю на отсечение!

Ледяной пот заструился у меня по спине, затекая в ботинки.

— Боже, — пробормотал Крамли, — зачем они построили склеп и никого туда не положили, а только сделали вид?

— Может быть, и трупа никогда не было? — предположил Генри. — Что, если Арбутнот не умирал?

— Нет-нет, — сказал я. — Газеты трубили об этом по всему миру, пять тысяч людей пришли на похороны. Я сам там был. Я видел катафалк.

— Что же они тогда сделали с телом? — спросил Крамли. — И для чего?

— Я...

И тут дверь склепа с грохотом захлопнулась!

Генри, Крамли и я закричали от испуга. Я схватился за Генри, Крамли схватил нас обоих. Фонарь упал. Мы с проклятиями наклонились, стукнувшись головами, и у нас перехватило дыхание, ибо мы услышали, как в двери поворачивается ключ: нас заперли. Мы стали обшаривать пол, чуть не подрались из-за фонаря и наконец направили дрожащий луч на дверь в жажде жить, видеть свет, дышать ночным воздухом.

Все втроем мы навалились на дверь.

И — о боже! — она действительно была заперта!

— Господи, как мы выберемся отсюда?

— Нет, только не это, — повторял я.

— Заткнись, — велел Крамли, — дай подумать.

— Думай скорее, — сказал Генри. — Тот, кто нас запер, пошел за подмогой.

— Может, это всего лишь сторож? — предположил я.

«Нет, — подумал я тут же, — это был Человек-чудовище».

— Нет, дай-ка мне фонарь. Ага. Черт! — Крамли посветил фонарем вверх, вокруг. — Все петли снаружи, до них не добраться.

— Что ж, вряд ли здесь есть другие двери, а? — высказался вслух Генри.

Крамли резко направил луч фонаря на его лицо.

— Что я такого сказал? — спросил Генри.

Крамли отвел луч света от его лица и стал обходить склеп, держа перед собой фонарь. Он светил то вверх, то вниз, освещая то потолок, то стены, затем провел лучом вдоль швов каменной кладки и вокруг маленького окошка, такого крохотного, что даже кошка не смогла бы в него пролезть.

— Может, покричать в окно?

— Не хотел бы я встретиться с тем, кто откликнется, — заметил Генри.

Крамли ходил кругами, размахивая фонарем.

— Другая дверь, — бормотал он. — Должна быть другая дверь!

— Должна! — вскрикнул я.

Я почувствовал, как в глазах закипают слезы, а горло пересохло от жестокой засухи. Я представил, как среди могил звучат тяжелые торопливые шаги, как они приближаются, чтобы убить меня, как стремительно надвигаются тени, чтобы задушить меня, они называют меня Кларенсом, они желают мне смерти. Я представил, как распахивается дверь и нас накрывает, захлестывает многотонная волна книг, фотографий и открыток с автографами.

— Крамли! — Я выхватил у него фонарь. — Дай-ка мне!

Осталось только одно место, где мы еще не смотрели. Я заглянул в саркофаг. Вглядевшись, я так и ахнул.

— Смотрите! — сказал я. — Там. Боже, что это? Ямки, зубчики, бугорки. Никогда не видел ничего подобного в могилах. А там, смотрите, на стыке: уж не свет ли оттуда пробивается? Точно, черт! Погодите!

Я вскочил на край саркофага и, удерживая равновесие, взглянул на одинаковые, равномерно расположенные зубцы на дне.

— Будь осторожен! — крикнул мне Крамли.

— Сам будь осторожен!

Я спрыгнул на дно саркофага.

Послышался скрип смазанного механизма. Подо мной пришел в движение какой-то противовес, и комната вокруг закачалась.

Я начал опускаться вниз вместе с полом. Мои ступни утонули во тьме, затем и колени. Крышка стала наклоняться вместе со мной и вдруг остановилась.

— Ступеньки! — воскликнул я. — Лестница!

— Что? — Генри потыкал палкой дно. — Да!

Дно саркофага в горизонтальном положении было похоже на ряд пирамидальных зубцов. Теперь же, когда дно наклонилось, они превратились в удобные ступени, ведущие под могилу.

Я начал торопливо спускаться вниз.

— Пошли!

— Пошли?! — переспросил Крамли. — Ты хоть знаешь, черт возьми, что там внизу?

— А там что, черт возьми! — показал я на захлопнувшуюся входную дверь.

— Проклятье!

Крамли залез на саркофаг и подал руку Генри. Тот подпрыгнул, как кошка.

Я медленно спускался по лестнице, дрожа, и водил фонарем. Генри и Крамли, чертыхаясь и пытая, шли следом.

Крышка саркофага плавно переходила вниз в следующий пролет лестницы, уводящий еще на десять футов в глубь катакомбы. Когда Крамли, шедший последним, переступил эту грань, крышка с шорохом поднялась и захлопнулась. Я бросил взгляд на закрывшийся над нами потолок и увидел висящий в полумраке противовес. С обратной стороны исчезнувшей лестницы торчало огромное железное кольцо. Отсюда, снизу, можно было схватиться за кольцо и, используя свой вес, опустить лестницу.

Все это я увидел в одно мгновение.

— Не нравится мне это место! — сказал Генри.

— Тебе-то откуда знать, что это за место? — спросил Крамли.

— И все равно не нравится. Слышишь? — сказал Генри.

Наверху ветер — или что-то другое — бился о входную дверь.

Крамли схватил фонарь и осветил им во все стороны.

— Теперь и мне не нравится это место.

В десяти футах от нас в стене виднелась дверь. Крамли дернул за ручку и что-то проворчал. Дверь открылась. Пропустив Генри между нами, мы с Крамли протиснулись в нее. Дверь захлопнулась за нашими спинами. И мы побежали.

«Прочь от чудовища, — думал я, — или прямо к нему в лапы?!»

— Не смотри! — крикнул Крамли.

— Что ты имеешь в виду: не смотри? — Генри молотил по воздуху своей тростью, стуча ботинками по каменному полу и мечась от стены к стене между нами.

Крамли, бежавший впереди, крикнул:

— Просто не смотри, и все!

Но я, пока мы мчались, натываясь на стены, все же разглядел груды костей и пирамиды черепов, разбитых гробов и разбросанных венков, через которые мы с шумом пробирались; загробное побоище; расколотые урны для благовоний, осколки статуй, растерзанные иконы, словно в разгар долгих похоронных торжеств смерть выпустила, прогоняя нас, шрапнель как раз в тот момент, когда мы убегали с одним-единственным фонариком, луч которого отскакивал от зеленовато-замшелых потолков и втыкался в квадратные дыры, где разлагалась плоть и улыбались оскалы черепов.

«Не смотреть? — думал я. — Нет, не останавливаться!» Я едва не толкнул Генри в бок, опьяненный страхом. Он осадил меня, хлестнув тростью, и припустил вперед, как избалованный злодей.

Мы вслепую переносились из одной страны в другую, от груды костей к грудам жестянок, от мраморных сводов к бетонным, и вдруг очутились на территории старого, немного, черно-белого. Повсюду громоздились коробки с пленками, мелькали имена и названия фильмов.

— Черт, где это мы? — задыхаясь, проговорил Крамли.

— Раттиган! — услышал я свой собственный задыхающийся голос. — Ботуин! Боже мой! Мы же... на «Максимус филмз»! По ту сторону, мы прошли под стеной, сквозь стену!

В самом деле, мы оказались в подземном кинофонде Мэгги Ботуин и преисподней Констанции Раттиган, среди плохо освещенных фотопейзажей, по которым они бродили в 1920-м, в 22-м и 25-м. Это были уже не захоронения костей, а старые подвалы

синаматеки, о которой говорила мне Констанция во время наших прогулок. Я оглянулся во тьме и увидел, как настоящие мертвецы исчезают, а из мрака выступают призраки фильмов. Мимо проплывали названия: «Муж индианки»⁸³, «Коварный доктор Фу Маньчжу», «Черный пират». Здесь были не только фильмы, снятые на «Максимусе», но и ленты других киностудий, одолженные или украденные.

Меня словно разрывали на части. Одна половинка рвалась прочь из мрачных подземелий. Другой хотелось потрогать, прикоснуться, увидеть эти древние призрачные тени, преследовавшие меня все детство, заставлявшие меня скрываться от света на нескончаемых дневных сеансах.

«Боже! — воскликнул я про себя. — Не уходите! Чейни! Фэрбенкс! Человек в этой чертовой железной маске! Подводный капитан Немо! Д'Артаньян! Подождите меня! Я вернусь. Вернусь, если останусь жив! До скорого!»

Все это — лишь испуганный и отчаянный лепет, внезапно накатившая волна любви и страха, погасившая мое глупое бормотание.

«Не заглядывайся на красоток, — сказал я себе. — Помни о мраке. Беги. И ради бога, не останавливайся!»

Мы в панике бежали, быстрее и быстрее, подстегиваемые эхом собственных шагов. Хором крича, единой массой мы промчались последние ярдов тридцать, и наконец я и слепой Генри вслед за Крамли, размахивавшим, как обезумевшая макака, своим фонариком, врезались в последнюю дверь.

— Господи! Если она заперта...

Мы ухватились за дверную ручку.

Я похолодел, вспомнив старые фильмы. Дверь со скрипом открывается: Нью-Йорк затоплен, соленые волны над ним затягивают тебя туда, в глубину. Дверь со скрипом открывается, и адский огонь испепеляет тебя, превращая в мумифицированные останки. Дверь со скрипом открывается, монстры из будущего хватают тебя своими ядерными когтистыми лапами и швыряют в бездонный колодец. И ты с криком падаешь в вечность.

Всплывшей рукой я взялся за ручку. Из-за двери доносились шорохи Гуанахуато⁸⁴. Меня снова ждал тот длинный туннель в Мексике, где я однажды уже проходил сквозь ужасный строй:

110 мужчин, женщин и детей, высохших, как табачный лист, мумий, выскакивали из своих могил и выстраивались в ряд, в ожидании туристов и Судного дня.

«Гуанахуато? Здесь?! — подумал я. — Не может быть!»

Я толкнул дверь. Она отворилась, совершенно бесшумно повернувшись на смазанных петлях.

На мгновение мы испытали шок.

Мы вошли, открыв рот от удивления, и захлопнули за собой дверь.

Мы огляделись вокруг.

Рядом стояло большое кресло.

И пустой письменный стол.

С белым телефоном посередине.

— Где мы? — спросил Крамли.

— Судя по его дыханию, наш малыш знает, где мы, — заметил Генри.

Луч от фонаря Крамли запрыгал по комнате.

— Пресвятая Дева Богородица, Цезарь и Христос, — вздохнул я.

Передо мной были...

Кресло Мэнни Либера.

Стол Мэнни Либера.

Телефон Мэнни Либера.

Кабинет Мэнни Либера.

Я обернулся и увидел зеркало, прятанное ныне невидимую дверь.

Полупьяный от истощения, я уставился на свое отражение в этом холодном стекле.

И вдруг увидел...

Двадцать шестой год. Оперная певица в своей гримерной, голос из зазеркалья зовет, поучает, подсказывает, желает, чтобы она прошла сквозь зеркало, как Алиса шагнула в страшное Зазеркалье... растворенная в отражениях, спускаясь и исчезая в преисподней, она идет вслед за человеком в черном плаще и белой маске, который ведет ее к гондоле, покачивающейся на темных волнах канала, и везет в свое тайное убежище, где стоит кровать в форме гроба.

Зеркало Призрака.

Дверь, через которую Призрак выходит из страны мертвых.
И вот передо мной...

Его кресло, его стол, его кабинет.

Но он не призрак. Он — Человек-чудовище.

Я оттолкнул кресло.

Человек-чудовище... приходит повидаться с Мэнни Либером?

Я пошатнулся и отступил назад.

«Мэнни, — думал я. — Он никогда по-настоящему не отдавал приказы, только получал. Он лишь тень, а не суть. Интермедия, а не гвоздь программы. Управлял ли он студией? Нет. Был лишь телефонным проводом, по которому передавались голоса? Да. Мальчик на посылках. Рассыльный, что приносит шампанское и сигареты, точно! Однако он сидит в этом кресле? Он никогда в нем не сидел. Потому что...

Крамли подтолкнул Генри:

— Шевелись!

— Что? — в оцепенении проговорил я.

— Кто-нибудь ворвется сюда через зеркало с минуты на минуту!

— Зеркало?! — вскричал я.

Я протянул руку.

— Нет! — закричал Крамли.

— Что он задумал? — спросил Генри.

— Хочу посмотреть назад, — сказал я.

Я не мог оторваться, глядя в длинный туннель, поражаясь, насколько долго мы по нему бежали, от страны к стране, от тайны к тайне, через двадцать лет — от Хеллоуина до Хеллоуина. Туннель уходил под землю и через хранилища жестянок с пленками вел к безымянной гробнице. Мог ли я пробежать весь этот путь без Крамли и Генри, разгоняя тени своим гулким дыханием, которое эхом отдавалось в стенах?

Я прислушался.

Мне показалось, или там, вдалеке, распахнулась и захлопнулась дверь? Бросилось ли за мной в погоню темное войско или всего лишь Человек-чудовище? Неужели орудие смерти вот-вот начнет крошить черепа, промчится вихрем сквозь туннель и со страшной силой отбросит меня прочь от зеркала? Неужели...

— Проклятье! — чертыхнулся Крамли. — Идиот! Уходи!

Он ударил меня по руке. Зеркало закрылось.

Я схватил телефонную трубку и набрал номер.

— Констанция! — прокричал я. — В Гринтауне.

Констанция что-то крикнула мне в ответ.

— Что она сказала? — Крамли пристально заглянул мне в глаза. — Не важно, — добавил он, — потому что...

Зеркало дрогнуло. Мы бросились бежать.

55

Киностудия была так же темна и пустынна, как и кладбище за стеной.

Два города смотрели друг на друга сквозь ночной воздух и притворялись одинаково мертвыми. Мы были единственными живыми и теплыми существами на этих улицах. Наверное, где-то Фриц просматривал ночные пленки, на них мелькали Галилея, разложенные угли, навевающий воспоминания Христос и рассветный ветер, стирающий следы на песке. Где-то Мэгги Ботуин склонилась над своим телескопом, рассматривая закоулки китайской глубинки. Где-то рыскал Человек-чудовище, а может, и нет.

— Плюнь ты на все! — сказал Крамли.

— За нами никто не гонится, — отозвался Генри. — Послушай меня, это тебе слепой говорит. Куда мы теперь?

— К моим бабушке с дедушкой.

— Что ж, звучит неплохо, особенно теперь, — сказал Генри.

Мы торопливо зашагали.

— Боже, боже, — перешептывались мы, — знает ли кто-нибудь на студии об этом потайном ходе?

— Если и знает, то никогда не скажет.

— Только представь. Если никто ничего не знал и Человек-чудовище приходил каждую ночь или каждый день и слушал из-за стены, то через какое-то время ему все уже было известно. Все дела, все входы и выходы, все аферы с бумагами, все женщины. Накопи побольше информации, и можно собирать дань. Потрясти Гаем у всех перед носом, забрать деньги и деру.

— Гаем?

— Куклой Гая Фокса, чучелом для фейерверков, тем самым Гаем, которого швыряют в огонь каждый год пятого ноября в День Гая Фокса⁸⁵ в Англии. Это вроде нашего Хеллоуина, только с религиозно-политическим уклоном. Фокс когда-то чуть не поджег парламент. Его поймали и повесили. И у нас тут что-то похожее. Человек-чудовище задумал взорвать «Максимус». Не в буквальном смысле, а расколоть студию подозрениями. Напугать всех. Потрясти перед ними этим жупелом. Может, он вытряхивал из них деньги годами. Никто другой не додумался. Он как тайный маклер, использующий секретную информацию.

— Хо-хо! — воскликнул Крамли. — Слишком складно все выходит. Мне не нравится. Ты думаешь, никто не знает, что Человек-чудовище прячется за стеной, за зеркалом?

— Ага.

— Тогда почему же сотрудники студии или некоторые из них, например твой босс Мэнни, бьются в истерику при виде роевской глиняной куклы с лицом чудовища?

— Ну...

— А может, Мэнни знает, что чудовище здесь, и боится его? Может, Человек-чудовище ночью пришел на студию, увидел работу Роя и в гневе уничтожил ее? А теперь Мэнни боится, что Рой будет шантажировать его, потому что Рой знает о существовании Человека-чудовища, а все остальные не знают? Ну же, ну, ну? Ответь же!

— Боже мой, Крамли, заткнись!

— «Заткнись»! Что за грубый тон?

— Я думаю.

— Ага, слышу, как вертятся шестеренки. Кто он? Неужели никто не знает, кто прячется за зеркалом и подслушивает? Значит, они боятся неведомого? Или они знают и боятся еще больше, потому что за многие годы Человек-чудовище накопил про всех столько гадостей, что может разгуливать, где ему вздумается, собирать дань и восвояси убежать, ныряя под стену? Они не смеют перечить ему. Возможно, он заготовил письма и какой-нибудь адвокат разошлет их, как только с Человеком-чудовищем случится несчастье. Ты же видел, как Мэнни паникует, как по десять раз на дню бегаешь стирать трусы? Ну так что же? Кто он такой? Или у тебя есть третья версия?

— Не пугай меня. Я впаду в панику.

— Черт, малыш, я совсем не хотел тебя пугать, — сказал Крамли, горько скривив губы, словно проглотил лимон. — Прости, что перепугал тебя, но я не могу тратить время на твои половинчатые, недоделанные умозаключения. Я только что пробежал через туннель, и за мной гнался целый рой преступников, чей улей ты разворошил. Мы и впрямь потревожили гнездо мафии или всего лишь ловкого маньяка-одиночку? Догадки, сплошные догадки! Где Рой? Где Кларенс? Где чудовище? Покажи мне хотя бы один труп! Что скажешь?

— Погоди.

Я остановился, повернулся и пошел в другую сторону.

— Куда собрался? — проворчал Крамли.

Вслед за мной он забрался на невысокий холм.

— Где мы, черт возьми?

Он огляделся, напряженно всматриваясь во тьму.

— На Голгофе.

— Что это там наверху?

— Три креста. Ты жаловался, что у тебя нет трупов?

— Ну и что?

— У меня ужасное предчувствие.

Я протянул руку и дотронулся до основания креста. Рука покрылась чем-то липким и пахла чем-то грубым, как сама жизнь.

Крамли сделал то же самое. Он понюхал пальцы и кивнул, определив, что это за запах.

Мы посмотрели наверх, на крест, уходящий в небо.

Через некоторое время наши глаза привыкли к темноте.

— Там нет никакого тела, — сказал Крамли.

— Нет, хотя...

— Вполне логично, — произнес Крамли и, спотыкаясь, побрел в сторону Гринтауна.

— Иисус? — прошептал я. — Иисус...

У подножия холма Крамли окликнул меня:

— Не стой там как истукан!

— А я и не стою тут как истукан!

Медленно досчитав до десяти, я крепко вытер кулаками глаза, шмыгнул носом и сбежал вниз.

Я повел Генри и Крамли по дорожке, ведущей к дому моей бабушки.

— Пахнет геранью и лилиями.

Генри поднял голову.

— Да.

-- А еще скошенной травой, мебельным лаком и огромным количеством кошек.

— Студии нужны крысоловы. Генри, здесь ступеньки, восемь ступенек вверх.

Мы стояли на крыльце, с трудом переводя дух.

— Боже мой! -- Я посмотрел на Иерусалимские холмы за Грин-тауном и на Галилейское море за Бруклином. — Как же я раньше этого не понял. Человек-чудовище пошел тогда не на кладбище, он вошел на студию! Ловко придумано. Если он входит через туннель, никто и не заподозрит, что он шпионит за жертвами своего шантажа. Видите, как он напугал всех этим трупом на стене, потом забрал деньги, потом напугал всех снова и опять собрал дань!

— Если только он действительно этим промышляет, — сказал Крамли.

Я судорожно набрал в грудь воздуха и наконец выдохнул.

— Есть еще одно мертвое тело, которое я тебе не смог продемонстрировать.

— Даже слышать об этом не желаю, — ответил Крамли.

— Тело Арбутнота.

— Черт, а ведь верно!

— Кто-то его выкрал, — сказал я. — Уже давно.

— Нет, позвольте, — вмешался слепой Генри. — Его никогда и не было. Там все чисто, в этой ледяной могилке.

— Так где же тело Арбутнота было все эти годы? — спросил Крамли.

-- Ты детектив, вот и расследуй.

— Ладно, — сказал Крамли, — как вам такая версия? Пьянка по случаю Хеллоуина. Кто-то подмешивает яд в выпивку и дает ее Арбутноту в последний момент перед его уходом. Арбутнот умирает прямо за рулем, врезается в другую машину и вылетает с дороги. Вот тебе и прикрытие. Вскрытие показывает, что яда в его теле хватило бы, чтобы завалить даже слона. Перед похоронами, вместо того чтобы закопать улику, ее сжигают. Арбутнот густыми

клубами дыма вылетает в трубу. А пустой саркофаг по-прежнему ждет его в склепе, где все и раскрылось благодаря присутствующему здесь слепому Генри.

— О да, это я раскрыл, точно, — подтвердил Генри.

— Человек-чудовище, зная, что могила пуста, а может, даже зная, почему она пуста, использует склеп как базу, вешает куклу, похожую на Арбутнота, на лестницу и смотрит, как вся эта компания за стеной бежит в ужасе, как ошпаренные муравьи. Ну как?

— И все равно это не поможет нам найти ни Роя, ни Иисуса, ни Кларенса, ни чудовище, — сказал я.

— Господи, избавь меня от этого парня! — взмолился Крамли, обращаясь к Небесам.

И Небеса его услышали.

Издали на аллеях студии донесся страшный грохот, послышались взрывы выхлопных газов, гудки и крик.

— Это Констанция Раттиган, — заметил Генри.

Констанция припарковала машину напротив старого дома и выключила мотор.

— Даже когда она выключает зажигание, — сказал Генри, — я все равно слышу гудение ее мотора.

Мы встретили ее у входа.

— Констанция! — воскликнул я. — Как тебе удалось проехать мимо охранника?

— Легко, — улыбнулась она. — Он оказался здешним старожилом. Я напомнила, как однажды атаковала его в мужском спортзале. Пока он краснел, я с ревом влетела в ворота! Лопни мои глаза, да ведь передо мной величайший слепой в мире!

— А ты по-прежнему работаешь на маяке, указываешь путь кораблям? — спросил Генри.

— Обними меня.

— Ты просто лышечка.

— А это Элмо Крамли, старый сукин сын!

— Она никогда не ошибается, — сказал Крамли, когда Констанция сжала его в объятиях, едва не поломав ему все ребра.

— Пойдемте-ка отсюда подальше, — сказала Констанция. — Генри, веди нас!

— Уже веду! — отозвался Генри.

Когда мы выезжали со студии, я шепнул:

— Голгофа.

Проезжая мимо древнего холма, Констанция замедлила ход.

Тьма была кромешная. Ни луны. Ни звезд. Это была одна из тех ночей, когда туман очень рано приходит с моря, накрывая весь Лос-Анджелес и поднимаясь на высоту около пятисот футов. Самолеты глушат моторы, аэропорты закрываются.

Я напряженно вглядывался в верхушку этого маленького холма, надеясь увидеть, как пьяный Христос совершает прощальное Вознесение.

— Иисус! — шепотом позвал я.

Но облака немного рассеялись. И я увидел, что на крестах никого нет.

«Трое ушли из жизни, — думал я. — Кларенс захлебнулся в бумагах, Дока Филиппа среди бела дня утащила мгла собора, оставив лишь один башмак. И вот теперь...»

— Ты что-нибудь видишь? — спросил Крамли.

— Может быть, завтра.

«Когда я отодвину Камень. Если только у меня хватит духу». Все сидящие в машине замолкли в ожидании.

— Прочь отсюда, — подсказал Крамли.

— Прочь, — тихо согласился я.

У ворот Констанция прокричала охраннику что-то нецензурное, и тот отшатнулся.

Мы поехали в сторону моря, к дому Крамли.

56

Мы остановились возле моего дома. Когда я забежал, чтобы взять свой восьмимиллиметровый проектор, зазвонил телефон.

После двенадцатого звонка я схватил трубку.

— Ну? — спросила Пег. — Почему ты ждешь двенадцать звонков, держа руку на телефоне?

— Надо же, женская интуиция.

— Что стряслось? Кто пропал? Кто спит в мамочкиной кровати? Ты не звонил. Будь я там, я бы выгнала тебя из дома. На расстоянии это сделать трудновато, но я попробую: убирайся!

— Ладно.

Этого удара ее сердце не выдержало.

— Подожди! — встревожилась она.

— Ты же сама сказала: убирайся!

— Да, но...

— Крамли ждет меня на улице.

— Крамли! — взвизгнула она. — Святые угодники! Крамли?!

— Он меня защитит, Пег.

— Защитит от твоих панических припадков? Он что, может сделать тебе искусственное дыхание рот в рот? Проследить, чтобы ты съел завтрак, обед и ужин? Запереть от тебя холодильник, когда ты отрастишь пузо? Он что, заставляет тебя менять нижнее белье?

— Пег!

И мы оба немного посмеялись.

— Ты правда собираешься уходить? Мамочка прилетает домой в пятницу, рейс шестьдесят семь, авиакомпания «Пан Америкэн». Будь дома! Чтобы все убийства были раскрыты, трупы захоронены, а от хищниц-любовниц даже духу не осталось! Если не сможешь встретить меня в аэропорту, будь в постели, когда мамочка хлопнет входной дверью. Ты еще не сказал: «Я люблю тебя».

— Я люблю тебя, Пег.

— И последнее... скажи напоследок: кто умер?

У края тротуара меня ждали Генри, Крамли и Констанция.

— Жена не хочет, чтобы меня видели с вами, — сказал я.

— Залезай в машину, — вздохнул Крамли.

57

Пока мы ехали на запад по пустынному бульвару, где вокруг не виднелось даже тени другой машины, Генри пересказывал все, что было с нами под землей, под стеной и снаружи. Было даже приятно слушать о нашем стремительном бегстве из уст слепого, который яростно кивал головой, с шумом втягивал носом воздух и рисовал на ветру черными пальцами: вот здесь был Крамли, здесь он сам, дальше я, а позади чудовище. Или как нечто за дверями гробницы, словно тесто, наползает, запечатывая нам выход. Бред! Но Генри рассказывал так, что нас дрожь пробрала, и мы закрыли все окна. Не помогло: ведь у машины не было крыши.

— Вот почему, — заявил Генри, снимая в финале свои темные очки, — мы призвали на помощь вас, безумная леди из Вениса.

Констанция нервно взглянула в зеркало заднего вида.

— Черт, мы едем слишком медленно!

И она пришпорила машину. Наши головы откинулись назад. Крамли отпер входную дверь своего дома.

— О'кей. Располагайтесь! — проворчал он. — Который час?

— Поздно, — сказал Генри. — Жасмин благоухает так, что голова идет кругом.

— Правда? — крикнул Крамли.

— Нет, но звучит неплохо. — Генри улыбнулся невидимым зрителям. — Сходи за пивком.

Крамли раздал всем по пиву.

— Неплохо было бы добавить туда джина, — сказала Констанция. — Черт! Да там уже есть джин!

Я включил проектор в розетку, заправил пленку Роя Холдстрема, и мы выключили свет.

— Ну что? — Я щелкнул выключателем проектора. — Начинаем.

Пошел фильм.

На стене в доме Крамли замелькали картинки. Из того, что можно назвать фильмом, там было всего каких-то тридцать секунд, да и то довольно сумбурных, будто Рой снял анимацию со своей скульптурой всего за несколько часов, а не потратил на съемки несколько дней, как обычно: придать фигуре позу, сделать снимок, затем передвинуть бюст и снять еще кадр, потом еще один и так далее.

— Боже святой! — прошептал Крамли.

Мы все сидели и смотрели, открыв рот, на существо, скакавшее по стене.

Это была копия Человека-чудовища, тот самый тип из «Бранун-дерби».

— Не могу на это смотреть, — сказала Констанция.

И все-таки она смотрела.

Я украдкой бросил взгляд на Крамли и почувствовал себя снова как в детстве, когда мы с братом сидели в темном кинозале, а на экране появлялся Призрак Оперы, или Горбун из собора Парижской Богоматери, или Летучая Мышь. У Крамли было такое же лицо, как у моего брата тридцать лет назад, — за-

вороженное и испуганное одновременно: в нем читалась смесь любопытства и отвращения — такое выражение бывает у людей, когда они смотрят, сами не желая того, на последствия дорожной аварии.

Ибо там, на стене, реальный и такой близкий, был Человек-чудовище. Каждая черточка его деформированного лица, каждое поднятие его бровей, каждое подрагивание ноздрей, каждое движение губ — все было в нем безупречно, как те наброски, что делал Доре, приходя домой после долгой ночной прогулки по черным от печной угольной сажи закоулкам Лондона, пряча под веками глаз гротескные образы, и вот уже нетерпеливые пальцы тянутся к карандашу, к чернилам, к бумаге, и началось! Как Доре делал наброски лиц лишь по памяти, так и внутренний взор Роя запечатлел Человека-чудовище и воспроизвел малейшее шевеление волосков в ноздрах, каждую ресницу на моргающих веках, изогнутое ухо и вечно капающую из дьявольского рта слюну. А когда Человек-чудовище в упор уставился на нас с экрана, мы с Крамли отпрянули. Он увидел нас. Он заставил нас испустить крик ужаса. Он пришел, чтобы нас убить.

Стена в гостиной снова стала темной.

Я услышал невнятный звук, сорвавшийся с моих губ.

— Глаза, — прошептал я.

Пошарив рукой в темноте, я перемотал пленку и пустил заново.

— Смотри, смотри, о, смотри! — вскрикнул я.

Камера наехала крупным планом на лицо.

Дикие глаза неподвижно смотрели на нас в безумной конвульсии.

— Это не глиняная кукла!

— Нет? — удивился Крамли.

— Это Рой!

— Рой?!

— В гриме, как будто бы он — чудовище!

— Не может быть!

Лицо слегка повернулось, живые глаза покосились в сторону.

— Рой...

И вновь наступила темнота.

Так же как тогда, под куполом собора Парижской Богоматери, чудовище посмотрело на меня — тем же взглядом, а потом отступило назад и исчезло...

— Господи! — выговорил наконец Крамли, глядя на стену. — И эта штука свободно разгуливает ночью по кладбищу?

— Или Рой разгуливает.

— Но это же глупо! Зачем ему это делать?!

— Человек-чудовище стал причиной всех его несчастий, из-за него Роя уволили и чуть не убили. Что еще остается делать, как не притвориться чудовищем, стать им: вдруг кто увидит. Если Рой Холдстром в гриме и прячется, он перестает существовать.

— И все равно глупо!

— Вся жизнь его — сплошная глупость, это точно, — согласился я. — А теперь? Теперь все всерьез!

— И какая ему от этого выгода?

— Мечь.

— Мечь?!

— Чтобы чудовище погибло от рук чудовища, — сказал я.

— Нет-нет. — Крамли замотал головой. — Бред какой-то. Запусти еще раз пленку!

Я запустил. По нашим лицам пронеслась череда картин.

— Это не Рой! — воскликнул Крамли. — Это глиняная скульптура, анимация!

— Нет, — сказал я и выключил проектор.

Мы сидели в темноте.

Констанция издала какой-то странный звук.

— О, знаете, что это? — сказал Генри. — Плач.

58

— Я боюсь идти домой, — сказала Констанция.

— А кто сказал, что ты должна идти домой? — ответил Крамли. — Бери раскладушку, выбирай любую комнату или спи среди джунглей.

— Нет, — прошептала она. — Это *его* место.

Мы все посмотрели на белую стену, где, словно отпечаток на сетчатке глаза, медленно угасал образ чудовища.

— Он не стал нас преследовать, — сказал Крамли.

— А вдруг? — Констанция шмыгнула носом. — Я не хочу ночевать одна в чертовом пустом доме у чертова океана, полного монстров. Я уже стара. И еще знайте: я собираюсь попросить какого-нибудь хмыря — помоги ему Бог — взять меня в жены.

Она взглянула в окно на джунгли, туда, где ночной ветер шелестил пальмовые листья и высокую траву.

— Он там.

— Прекрати, — сказал Крамли. — Мы даже не знаем, гнался ли за нами вообще кто-нибудь по кладбищенскому туннелю до самого кабинета. Не знаем, кто захлопнул дверь склепа. Может, это был ветер.

— Всегда так... — Констанция дрожала, как человек, погружающийся в трясину долгого зимнего недуга. — И что теперь?

Она откинулась в кресле, дрожа и обхватив руками себя за локти.

— Вот.

Крамли выложил на кухонный стол подборку фотокопий газетных статей. Три дюжины заметок, больших и маленьких, о последнем дне октября и первой неделе ноября 1934 года.

«АРБУТНОТ, КИНОМАГНАТ, ПОГИБ В АВТОКАТАСТРОФЕ» — гласил первый заголовок. «К. Пек Слоун, первый помощник продюсера студии «Максимус», погиб в той же аварии вместе со своей женой Эмили».

Крамли постучал пальцем по третьей статейке. «Слоуны похоронены в один день с Арбутнотом. Заупокойная служба прошла в той же церкви напротив кладбища. Все похоронены на одном кладбище за стеной студии».

— Когда произошла авария?

— В три утра. На пересечении бульваров Гувера и Санта-Моники!

— Боже мой! На углу возле кладбища! И примерно в квартале от киностудии!

— Потрясающе удобно, правда?

— Далеко ходить не надо. Умираешь прямо возле морга, им остается только затащить тебя внутрь.

Нахмурившийся Крамли бросил взгляд на другую газетную колонку.

— Похоже, у них была чумовая вечеринка в честь Хеллоуина.

— А Слоун и Арбутнот там были?

— Здесь сказано, что Док Филипс предложил отвезти их домой, но они были пьяны и отказались. Док поехал на своей машине впереди, расчищая путь их машинам, и промчался на желтый свет. Арбутнот и Слоун поехали за ним, но уже на красный. И в них едва не врезалась какая-то неизвестная машина. Единственный автомобиль на улице в три часа ночи! Арбутнот и Слоун резко свернули, потеряли управление и врезались в телефонный столб. Док Филипс тут же подоспел со своей аптечкой. Но было уже бесполезно. Все мертвы. Трупы отвезли в морг, в ста ярдах отсюда.

— Господи боже! — произнес я. — Чисто сработано, черт побери!

— М-да, — задумчиво проговорил Крамли. — Вот и возьми его теперь за задницу, этого таблеточного аналитика-предсказателя Дока Филипса. На месте аварии оказался случайно. А теперь заведует медпомощью на студии, а заодно и полицией! Это он отвез тела в морг. Он как распорядитель готовил их к погребению. Верно? У него на кладбище все схвачено. В начале двадцатых он помогал рыть первые могилы. Принимал роды, провожал в последний путь, а в промежутках — лечил.

«А мурашки и в самом деле ползают», — думал я, ощупывая свои верхние конечности.

— Кто подписывал свидетельства о смерти? Док Филипс?

— Я уж думал, ты никогда не спросишь.

Крамли кивнул.

Наконец Констанция, присев, как ледяной истукан, на краешек дивана и бессмысленно глядя на газетные вырезки, произнесла, едва шевеля губами:

— Где кровать?

Я отвел ее в соседнюю комнату и посадил на кровать. Она взяла мои руки, словно это была раскрытая Библия, и сделала глубокий вдох.

— Малыш, кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что твое тело пахнет как кукурузные хлопья, а твое дыхание как мед?

— Таким был Герберт Уэллс. Он сводил женщин с ума.

— Меня уже поздно сводить с ума. Боже, какая она счастливая, твоя жена: ночью в кровати ее ждет здоровая пища.

Она со вздохом легла. Я сел на пол, ожидая, что она закроет глаза.

— Как тебе удалось, — прошептала она, — за три года несколько не постареть, в то время как я состарилась на тысячу лет?

Она тихонько засмеялась. Большая слеза скатилась из ее правого глаза и растаяла на подушке.

— О черт! — горько произнесла она.

— Расскажи мне, — стал нашептывать я. — Скажи, что ты хочешь сказать?

— Я была там, — прошептала Констанция. — Двадцать лет назад. На студии. В ночь Хеллоуина.

Я затаил дыхание. За моей спиной в дверном проеме шевельнулась какая-то тень: это тихо прислушивался Крамли.

Констанция устремила неподвижный взгляд куда-то сквозь меня, в другой год и в другую ночь.

— Самая чумовая вечеринка из тех, что я видела. Все были в масках, никто не знал, кто тут, что он пьет, зачем и почему. В каждом съемочном павильоне разливали контрабандное пойло, а в аллеях слышался громкий хохот, и если бы Тара и Атланта были построены в ту ночь, их бы точно спалили. Там было около двух сотен статистов в костюмах и три сотни без костюмов, таскавших выпивку туда-сюда по этому кладбищенскому туннелю, как будто сухой закон все еще был в самом разгаре. Даже если спиртное легальное, думаю, трудно отказаться от такой забавы, верно? Тайные переходы среди могил и провалов, я имею в виду провальные ленты, пылящиеся на полках. Нам невдомек было тогда, что после автокатастрофы, всего через неделю проклятый туннель заложат кирпичом.

«Катастрофа года, — подумал я. — Арбутнот погиб, и людей на студии стало выкашивать, как слонов под ружейным огнем».

— Это не был несчастный случай, — шепнула Констанция.

Ее бледное лицо обрамляла, словно притягиваясь к нему, какая-то особенно густая темнота.

— Убийство, — проговорила она. — Самоубийство.

Пульс на моем запястье учащенно забился. Констанция взяла мою руку и крепко сжала.

— Да, — сказала она, — самоубийство и убийство. Мы так никогда и не узнали, как, почему и что произошло. Ты читал газеты.

Поздно ночью, две машины на углу бульваров Гувера и Санта-Моники, и ни одного свидетеля. Все, кто был в масках, разбежались, так и не сняв их. Аллеи студии были похожи на рассветные венецианские каналы: пустые гондолы, причалы, усеянные оброненными серьгами и нижним бельем. Я тоже сбежала. Потом ходили слухи, что якобы Слоун застал Арбутнота со своей женой возле ограды или за оградой. А может, это Арбутнот застал Слоуна с его собственной женой. Господи, если любишь жену другого, а она занимается с мужем любовью на безумной вечеринке, неужели это может настолько свести с ума?! И вот одна машина на полном ходу преследует другую. Арбутнот гонится за Слоуном на скорости восемьдесят миль в час. На бульваре Гувера он врывается ему в зад и вбивает прямо в столб. Вся вечеринка тут же узнала новость! Док Филипс, Мэнни и Грок бросились туда, перенесли пострадавших в католическую церковь поблизости. Церковь Арбутнота. Он жертвовал ей деньги, чтобы не гореть в вечном огне, избежать геенны огненной, как он говорил. Но было слишком поздно. Они умерли, и тела отнесли в морг на другую сторону улицы. Я ушла задолго до этого. На следующий день у доктора и Грока был такой вид, будто они несли гроб на собственных похоронах. В полдень я закончила съемки последней сцены последнего в моей жизни фильма. Студия закрылась на неделю. На каждой съемочной площадке повесили траурные ленты, каждую улицу окутали искусственными облаками, туманом и моросью, а может, облака были настоящие? Газетные заголовки утверждали, что все трое были пьяны и счастливы, возвращаясь домой. Нет. Это была месть, настигшая и убившая любовь. Через два дня двух несчастных ублюдков и одну несчастную, жадную до любви сучку похоронили за стеной, там, где недавно рекой лилась выпивка. Туннель под кладбищем заложили кирпичом и... черт! — Она вздохнула. — Я думала, все кончилось. Но теперь — туннель открыт, фальшивый труп Арбутнота висит на стене, да еще этот ужасный человек в фильме с печальными, безумными глазами, — все начинается снова. К чему бы это?

Ее часы остановились, голос становился все тише, она засыпала. Ее губы еще шевелились. Слова, как призраки, еще слетали с губ, обрывками.

— Бедняжка, святой человек. Дурачок...

— Что за святой дурачок? — спросил я.

Крамли приник к двери.

Констанция, словно откуда-то из глубины, дала ответ:

— ...священник. Бедная овечка. Его обманули. Ворвались люди с киностудии. В баптистерии кровь. Трупы, господи, трупы повсюду. Бедняга...

— Священник из церкви Святого Себастьяна? Этот бедняга?

— Конечно, конечно. Бедный он. И все бедные, — шептала Констанция. — Бедный Арби, глупый, печальный гений. Бедняга Слоун. Бедная его жена. Эмили Слоун. Что она такого сказала в ту ночь? Думала, будет жить вечно. Боже! Вот это сюрприз: проснуться в небытии. Бедная Эмили. Несчастный Холлихок-хаус⁸⁶. Несчастливая я.

— Что-что ты сказала? Кто несчастный?

— Хо... — невнятно бормотала Констанция, — ли... ок... хаус...

И она уснула.

— Холлихок-хаус? Не знаю фильма с таким названием, — прошептал я.

— Нет, — сказал Крамли, входя в комнату. — Это не фильм. Вот.

Он засунул руку под ночной столик, вытащил телефонный справочник и полистал страницы. Пробежав пальцем сверху вниз, он вслух прочел:

— Санаторий «Холлихок-хаус». Полквартила к северу от церкви Святого Себастьяна, так?

Крамли наклонился к самому уху Констанции.

— Констанция, — проговорил он. — Холлихок. Кого там держат?

Констанция застонала, прикрыла глаза рукой и отвернулась. Несколько последних слов о той далекой ночи были обращены к стене.

— ...думала жить вечно... так мало знала... бедные все... бедный Арби... бедный священник... бедняга...

Крамли поднялся, бормоча:

— Черт! Проклятье! Ну конечно. Холлихок-хаус. Это же в двух шагах от...

— Церкви Святого Себастьяна, — закончил я. И добавил: — Отчего у меня такое чувство, что ты потащишь меня туда?

— Ты, — сказал мне Крамли за завтраком, — похож на умирающего. А ты, — он указал бутербродом с маслом на Констанцию, — на Справедливость без Милосердия.

— А я на кого похож? — спросил Генри.

— Тебя я не вижу.

— Вот ведь беда, — посетовал слепой.

— Скидывайте одежды, — скомандовала Констанция, неподвижно глядя в одну точку, словно читая какую-то идиотскую вывеску. — Пора искупаться. Едем ко мне!

И мы поехали к Констанции.

Позвонил Фриц.

— Ты мне сделал середину фильма, — прокричал он, — или это было начало? Теперь надо переделать Нагорную проповедь!

— А надо ли? — почти крикнул я.

— Ты в последнее время ее не перечитывал? — Фриц, судя по звукам, решил сделаться как Крамли, то есть рвал на себе последние остатки волос. — Так перечти! А потом напиши закадровый текст для всей нашей чертовой картины, чтобы он скрыл все десять тысяч рытвин, впадин и мозолей, оставшихся на заднице нашего эпоса. Ты что, за последнее время не перечитывал Библию целиком?

— Вообще-то нет.

Фриц вырвал у себя еще клочок волос.

— Так давай пролистай по-быстрому!

— По-быстрому?!

— Через две страницы. Ровно в пять будь на студии с такой проповедью, которая бы сразила меня наповал, и таким закадровым текстом, чтобы Орсон Уэллс в штаны обмочился! Твой *Unterseeboot Kapital* командует: погружение!

И он погрузился, повесив трубку.

— Одежду долой! — сказала Констанция, еще не совсем проснувшись. — Все в море!

Мы поплыли. Я плыл за Констанцией в прибойных волнах так далеко, как только мог; потом тюлени позвали ее с собой и унесли в океан.

— Боже! — сказал Генри, сидя по шею в воде. — Мое первое купание за многие годы!

К двум часам дня мы приговорили пять бутылок шампанского и вдруг почувствовали себя почти счастливыми.

Затем, не знаю как, я присел и написал *свою* Нагорную проповедь и прочел ее вслух под грохот волн.

Когда я закончил, Констанция тихо сказала:

— Где бы мне записаться в воскресную школу?

— Иисус гордился бы, прочтя такую проповедь, — сказал слепой Генри.

— Я всегда знал, что ты... — Крамли налил мне в ухо шампанского, — гений.

— Черт возьми! — скромно произнес я.

Я вернулся в дом и добавил еще про то, как Иосиф с Марией въехали верхом в Вифлеем, нашли мудрых людей, положили Младенца на кучу соломы, а животные смотрели на них с недоверием, и среди всех этих полночных верблюжьих караванов, загадочных звезд и чудесных рождений я услышал за спиной голос Крамли:

— Святой бедняга.

Он набрал номер справочной.

— Голливуд? — сказал он. — Церковь Святого Себастьяна?

60

В полчетвертого Крамли подвез меня к церкви.

Он внимательно посмотрел мне в лицо, словно желая видеть не только мою башку, но и то, что болтается внутри.

— Перестань! — приказал он. — У тебя тупая самодовольная ухмылочка, приклеенная к губе, как цирковой билет. Как будто ты споткнулся, а с лестницы навернулся я!

— Крамли!

— Христос всемогущий, а как же вчерашняя погоня, когда мы кругами носились под стеной со скелетами, а Рой, который до сих пор скрывается, а слепой Генри, отгоняющий призраков своей палкой, а Констанция, которая к вечеру опять испугается и явится сдирать пластыри с моих незаживших ран? Это была моя идея —

притащить тебя сюда! А теперь ты стоишь тут как ученый клоун, готовый сигануть с обрыва!

— Святой бедняга. Дурачок. Бедный священник, — отозвался я.

— О нет, перестань!

И Крамли уехал.

61

Я бесцельно бродил по церкви, небольшой по размерам, но сверкавшей золотым убранством. Затем остановился перед алтарем, в котором было, наверное, золота и серебра, пожалуй, не меньше чем на пять миллионов долларов. Если отдать в переплавку возвышающееся посредине изображение Христа, можно было бы купить половину Монетного двора США. Как раз в тот момент, когда я стоял, ослепленный исходящим от креста светом, за спиной раздался голос отца Келли.

— Вы тот сценарист, что звонил по поводу своей проблемы? — негромко окликнул он из-за церковной кафедры.

Я не мог оторвать взгляд от ослепительного алтаря.

— У вас, наверное, много богатых прихожан, отец, — сказал я. А про себя подумал: «Арбутнот».

— Нет, церковь пуста в пустые времена. — Отец Келли протиснулся через боковой проход и протянул мне свою широкую ручищу. Он был высок, шесть футов и пять дюймов ростом, атлетического телосложения. — Нам повезло, что есть несколько прихожан, которым совесть все время доставляет неприятности. Они силой заставляют церковь принимать их деньги.

— Вы говорите правду, отец.

— Будь я проклят, или заведи меня Господь, если это не так. — Он рассмеялся. — Трудно брать деньги с прожженных грешников, но это все же лучше, чем позволять им выкидывать эти деньги на скачках. Здесь у них больше шансов выиграть, ибо я через страх насаждаю в их души Христа. Пока психиатры занимаются болтовней, я попросту издаю вопль, от которого у половины паствы сердце уходит в пятки, а остальные обращаются в бегство. Давайте сядем. Вы любите шотландский виски? Я часто думаю: живи

Христос в наше время, налил бы Он нам виски, смогли бы мы отказаться? Это ирландская логика. Идемте.

В кабинете он налил нам по рюмочке.

— По глазам вижу, эта штука вам не по вкусу, — заметил священник. — Оставьте. Так вы пришли по поводу той безумной картины, которую как раз заканчивают снимать на студии? Фриц Вонг действительно такой сумасшедший, как некоторые рассказывают?

— И такой же потрясающий.

— Приятно слышать, как сценарист хвалит своего босса. Я редко хвалил своего.

— Вы?! — воскликнул я.

Отец Келли засмеялся.

— В молодости я написал девять сценариев, и ни один не был снят, вернее сказать, снят и вынут из петли. До тридцати пяти лет я из кожи вон лез, чтобы как-то продать, сбыть, втереться, преуспеть. А потом послал все к черту и, хоть и поздно, примкнул к священникам. Это было непросто. Церковь не берет легкомысленно с улицы таких, как я. Но я промчался через семинарию небрежным галопом, ибо незадолго до этого работал над кучей документальных фильмов о христианстве. А как насчет вас?

Я рассмеялся.

— Что смешного? — спросил отец Келли.

— Мне пришло в голову, что половина сценаристов с киностудии, зная о вашем писательском опыте, наверное, прибегают сюда не для того, чтобы исповедоваться, а чтобы задать вопросы! Как бы вы написали эту сцену, а как бы закончили ту, а как смонтировать, как...

— Вы протаранили лодку и утопили команду!

Священник залпом допил свой виски, затем, усмехаясь, налил еще, и мы, перебивая друг друга, стали говорить, говорить, как старые заядлые киномены, обо всем, что касается киносценарных дел. Я рассказал ему про своего Мессию, он поведал про своего Христа.

Затем он сказал:

— Похоже, вы правильно сделали, что поставили заплатку на этот сценарий. Те парни, две тысячи лет назад, тоже латали дыры, если вы заметили разницу между Евангелиями от Матфея и от Иоанна.

Я вертелся в кресле, горя страстным желанием выложить ему все подчистую, но не осмелился выплеснуть на священника шипящее масло в тот момент, когда он лил на меня прохладные струи святого источника.

Я встал.

— Что ж, спасибо, святой отец.

Он посмотрел на протянутую ему для пожатия руку.

— У вас при себе пистолет, — сказал он просто, — но вы из него не выстрелили. Так что сядьте обратно.

— Неужели все священники так разговаривают?

— В Ирландии — да. Вы ходили вокруг дерева, но не сорвали яблоко. Так потрясите яблоню.

— Думаю, мне следует принять немного вот этого. — Я взял рюмку и сделал глоток. — Ну вот... Представьте, что я католик...

— Представил.

— Которому очень нужно исповедоваться.

— Им постоянно нужно исповедоваться.

— И я пришел сюда после полуночи...

— Неподходящее времечко.

Но в его глазах вспыхнули свечные огоньки.

— И постучался в дверь...

— Вы бы так сделали? — Он слегка наклонился ко мне. — Продолжайте.

— Вы бы впустили меня? — спросил я.

Эти слова, как резкий удар, повалили его в кресло.

— Разве церкви когда-то не были открыты в любое время дня и ночи? — продолжал я.

— Это было давно, — ответил он как-то слишком поспешно.

— Так что же, святой отец, если я приду как-нибудь ночью в крайней нужде, вы не откроете мне?

— Отчего ж не открыть? — Пламя свечей полыхало в его глазах, словно он выпрямил согнутый фитиль, чтобы горело ярче.

— Может, ради самого ужасного греха в истории человечества, а, святой отец?

— Нет такого существа...

Поздно, его язык замер, когда с него сорвалось это последнее, ужасное слово. Глаза забегали и заморгали. Он поправился, желая придать своим словам другое звучание.

— Нет такого человека.

— Но, — продолжал я, — что, если осужденный на вечные муки, сам Иуда явится с мольбой... — я сделал паузу, — поздно ночью?

— Искарriot? Да, ради него я бы встал с постели.

— Святой отец, а что, если бы этот бесстыдный, ужасный человек с больной совестью стал стучаться к вам по ночам не раз в неделю, а почти каждую ночь, весь год? Вы встанете с постели или сделаете вид, что не слышите стука?

Эти слова попали в самую точку. Отец Келли вскочил, как будто я выдернул огромную пробку из бутылки. Румянец сошел с его щек, даже кожа у корней волос побледнела.

— Вам надо идти по своим делам. Не смею вас удерживать.

— Нет, святой отец. — Я изо всех сил старался казаться храбрым. — Это вам надо, чтобы я ушел. Двадцать лет назад, — я пошел напролом, — однажды поздней ночью в вашу дверь постучали. Сквозь сон вы услышали, как кто-то барабанит в дверь...

— Стойте, ни слова больше! Убирайтесь!

Это был крик ужаса, который издал Старбак⁸⁷, проклиная святотатство Ахава, и последний негодующий взгляд, брошенный им на огромную тушу белого кита.

— Выйдите отсюда!

— Выйти? Это вы вышли тогда, святой отец. — Сердце прыгало в груди, выкручивая меня из собственной плоти. — И впустили внутрь треск, грохот и кровь. Может, вы даже слышали, как столкнулись машины. Потом шаги, а затем громкий стук в дверь и крики. Может быть, события вышли из-под контроля, жертвам несчастного случая понадобилась сторонняя помощь... если это был несчастный случай. Может быть, им нужен был подходящий ночной свидетель — тот, кто все увидит, но ничего не расскажет. Вы впустили сюда истину и с тех пор не выпускаете ее наружу.

Я встал и едва не упал в обморок. Когда я поднялся, священник, словно противоположная чаша весов, опустился, безвольно обмякнув, в кресло.

— Вы были очевидцем, святой отец, правда? Ведь это произошло всего в нескольких ярдах отсюда, и тогда, в ночь Хеллоуина тысяча девятьсот тридцать четвертого года, они притащили пострадавших сюда?

— Господи, помоги мне! — простонал священник. — Да.

Еще мгновение назад распираемый огненным гневом, отец Келли вдруг утратил свой воинственный пыл и стал постепенно, слой за слоем, погружаться в себя.

— Они все были мертвы, когда толпа внесла их сюда?

— Не все, — произнес пастор, выходя из оторопелой задумчивости.

— Спасибо, святой отец.

— За что? — Он закрыл глаза, словно от воспоминания у него разболелась голова, и внезапно снова широко открыл их, почувствовав прилив новой боли. — Вы хоть знаете, во что влезли?!

— Боюсь спрашивать.

— Тогда возвращайтесь домой, умойте лицо, а потом — греховный совет — напейтесь!

— Слишком поздно. Отец Келли, вы причащали кого-нибудь из них перед смертью?

Отец Келли затряс головой вперед-назад с таким остервенением, словно отгонял призраков.

— Вы еще сомневаетесь?!

— Человека по имени Слоун?

— Он был мертв. И все же я благословил его.

— А другой мужчина?..

— Великий, знаменитый и всемогущий?..

— Арбутнот, — закончил я.

— Его я осенил крестом, исповедовал и окропил святой водой.

А потом он умер.

— Умер совсем и навсегда, протянул ноги, он действительно умер?

— Боже, как вы это говорите! — Он втянул в себя воздух, а затем с шумом выдохнул: — Черт, да!

— А женщина? — спросил я.

— С ней было хуже всего! — вскричал он, новая бледность залила и без того бледные щеки. — Она помешалась. Обезумела, даже больше чем обезумела. Сошла с ума, разум покинул тело, его уже не вернешь. Она застряла между двумя трупами. Господи, это напомнило мне спектакль, виденный в юности. Падающий снег. Офелия, внезапно объятая страшным, бескровным покоем, делает

шаг в воду и не столько тонет, сколько растворяется в предсмертном безумии, в холодном безмолвии, которое не разрезать ножом, не разбудить криком. Даже смерть не могла нарушить обретенного этой женщиной ледяного покоя. Вы слышите? «Вечная зима», — сказал как-то один психиатр. Заснеженная страна, откуда редко кто возвращается. Жена Слоуна, как в ловушке, застряла между двумя бездыханными телами там, в пасторском доме, не зная, как вырваться из плена. Поэтому она ушла в себя, насовсем. Тела забрали те же люди со студии, которые перед этим на время затащили их сюда.

Он говорил, глядя в стену. Затем повернулся и внимательно посмотрел на меня, объятый внезапной тревогой и нарастающей ненавистью.

— Все это продолжалось — сколько? — может быть, час. И все эти годы меня преследовало воспоминание.

— А Эмили Слоун, она сошла с ума... и?..

— Ее увела какая-то женщина. Актриса. Я забыл ее имя. Эмили Слоун так и не поняла, что умирает. Я слышал, она скончалась через неделю или через две.

— Нет, — сказал я. — Через три дня хоронили всех троих. Арбутнота отдельно. А Стоунов, как говорят, вместе.

— Не важно, — подвел итог священник, — она умерла.

— Очень даже важно. — Я наклонился к нему. — Где она умерла?

— В морг напротив ее не привозили — это все, что мне известно.

— Значит, в больнице?

— Я рассказал вам все, что знаю.

— Не все, святой отец, а только часть...

Я подошел к окну пасторского дома и посмотрел на мощный двор и ведущую к нему дорогу.

— Если я когда-нибудь вернусь, вы расскажете мне ту же историю?

— Я вообще не должен был вам ничего рассказывать! Я нарушил тайну исповеди!

— Нет, ничего из того, что вы рассказали, не было конфиденциальным. Это просто события. А вы были очевидцем. А теперь наконец вы облегчили душу, исповедавшись мне.

— Уходите!

Священник вздохнул, налил себе еще виски и выпил. Но румянец на его щеки не вернулся. Он лишь еще более обмяк.

— Я очень устал.

Я открыл дверь дома и посмотрел на церковь. В глубине ее виднелся алтарь, сверкавший драгоценными камнями, серебром и золотом.

— Откуда у такой маленькой церкви такое богатое убранство? — спросил я. — Да за один баптистерий можно было бы нанять кардинала и избрать папу.

— Когда-нибудь, — произнес отец Келли, неподвижно глядя в пустой стакан, — я с радостью предам вас адскому пламени.

Стакан выпал из его руки. Но он даже не пошевелинулся, чтобы собрать осколки.

— Прощайте, — сказал я.

И вышел на улицу.

Два свободных участка и еще третий, к северу, позади от церкви, были сплошь покрыты сорной порослью, длинной травой, диким клевером и запоздалыми подсолнухами, кивающими на теплом ветру. Сразу за этими лугами стояло двухэтажное белое здание, на котором виднелась незажженная неоновая вывеска: «САНАТОРИЙ «ХОЛЛИХОК-ХАУС»».

Я увидел две призрачные фигуры,двигающиеся по тропинке среди травы. Одна женщина вела другую, они удалялись.

«Актриса, — сказал отец Келли. — Я забыл ее имя».

Травы с сухим шелестом ложились на тропинку.

Одна из женщин-призраков возвращалась той же дорогой в одиночестве, она плакала.

«Констанция?..» — беззвучно позвал я.

62

Я сделал круг по бульвару Гауэра, чтобы заглянуть в ворота киностудии.

«Гитлер в своем подземном бункере в последние дни Третьего рейха, — думалось мне. — Пылающий Рим и Нерон в поисках новых факелов.

Марк Аврелий в ванне вскрывает себе вены и наблюдает, как из них вытекает жизнь».

И все лишь потому, что кто-то откуда-то выкрикивал приказы, нанимал маляров с невероятным количеством краски, людей с огромными пылесосами, всасывающими подозрительную пыль.

На всей киностудии были открыты только одни ворота. Возле них три охранника впускали и выпускали маляров и уборщиков, глядя в их лица.

В этот момент с внутренней стороны студии к воротам с ревом подкатил на своем ярко-красном «Бритиш-Моргане» Станислав Грок и, нажимая на газ, прокричал:

— Прочь с дороги!

— Нет, сэр, — спокойно сказал охранник. — Приказ начальства. Никто не может покинуть студию в ближайшие два часа.

— Но я гражданин города Лос-Анджелеса, а не этого проклятого герцогства!

— Значит ли это, — спросил я через решетку, — что если я войду внутрь, то не смогу выйти?

Охранник приложил руку к козырьку и назвал мое имя.

— Вы можете входить и выходить. Приказ.

— Странно, — сказал я. — Почему именно я?

— Проклятье! — Грок собрался было вылезти из своей машины.

Я прошел через небольшую калитку в решетчатых воротах и открыл дверцу «Моргана» Грока.

— Вы не могли бы подбросить меня до монтажной Мэгги? К тому времени, когда вы вернетесь, глядишь, вас и выпустят.

— Нет. Мы в ловушке, — возразил Грок. — Этот корабль уже неделю идет ко дну, и ни одной спасательной шлюпки. И ты тоже беги, пока не утонул!

— Ладно, ладно, — спокойно сказал охранник. — Не психуйте.

— Ты только послушай его! — Лицо Грока побледнело как мел. — Тоже мне великий охранник-психиатр! Ладно, ты, залезай. Прокатись напоследок!

Я в нерешительности посмотрел в его лицо, все изрезанное штрихами эмоций. Обычно мужественное и надменное выражение на лице Грока расплывалось и таяло. Оно было похоже на тестовую таблицу на экране телевизора — смазанную, то по-

являющуюся, то пропадающую. Я сел и захлопнул дверцу машины, которая тут же рванула с места и понеслась с бешеной скоростью.

— Эй, к чему такая слешка?!

Мы с ревом мчались мимо съемочных павильонов. Все они были настезь распахнуты для проветривания. Наружные стены по крайней мере шести из них перекрашивали. Старые декорации ломались и выносились на улицу.

— В любой другой день это было бы классно! — орал Грок, стараясь перекрыть шум мотора. — Мне бы это здорово понравилось! Хаос — моя стихия. На фондовых биржах крах? Где-то перевернулся паром? Отлично! В сорок шестом я вернулся в Дрезден только затем, чтобы посмотреть на разрушенные здания и людей, чьи души искалечила война.

— Не может быть!

— А ты разве не хотел бы на это взглянуть? Или на полыхающий Лондон в сороковом году. Каждый раз, когда люди ведут себя по-скотски, я счастлив!

— А что, хорошие вещи не делают вас счастливым? Артистические натуры, творческие люди, мужчины и женщины?

— Нет-нет. — Грок еще сильнее нажал на газ. — Это приводит меня в уныние. Баюкающее сюсюканье среди всеобщей тупости. Просто есть несколько наивных дурачков, портящих весь вид своими срезанными розами, и на фоне этих натюрмортов лишь еще больше становятся заметны обитатели трущоб, ничтожные червяки и ублюдочные гады, благодаря которым крутятся невидимые шестеренки и мир летит в пропасть. Я давно решил: раз уж континенты — всего лишь слежавшаяся грязь, куплю себе немереных размеров сапоги и вываляюсь в этой грязи всласть, как ребенок. Но это же смешно: нас заперли на этой дурацкой фабрике. Я хочу посмеяться над этой машиной, а не быть ею раздавленным. Держись!

Мы сделали вираж и помчались мимо Голгофы.

Я едва не вскрикнул.

Ибо Голгофы не было.

На той стороне из мусоросжигателя поднимались огромные клубы черного дыма.

— Наверное, это горят три креста, — сказал я.

— Хорошо! — одобрительно хмыкнул Грок. — Интересно, Иисус будет сегодня спать в ночлежке?

Я повернул голову и посмотрел на него.

— Вы хорошо знаете Иисуса?

— Этого портвейнового Мессию? Я сам его создал! Другим ведь я делал брови, грудь, почему бы не сделать руки для Христа?! Я срезал лишнюю плоть, чтобы пальцы казались тоньше: руки Спасителя. Почему бы нет? Разве религия не шутка? Люди думают, что они спасутся. Мы знаем, что это не так. А все эти отметины от тернового венца, стигматы!

Грок закрыл глаза и едва не врезался в телефонный столб, после чего резко повернул и остановился.

— Я догадывался, что это ваша работа, — сказал я наконец.

— «Если играешь Христа, будь Им! — сказал я Христу. — Я сделаю тебе такие раны от гвоздей, что хоть показывай на выставках искусства Ренессанса! Я пришью тебе стигматы Мазаччо, да Винчи, Микеланджело! С мраморной плоти микеланджеловской *Pieta*!»⁸⁸ И как ты уже видел, в некоторые особые вечера...

— ...стигматы кровоточат.

Я с шумом распахнул дверцу машины.

— Пожалуй, остаток пути я пройду пешком.

— Нет-нет, — извиняющимся тоном произнес Грок, издав пронзительный смешок. — Ты мне нужен. Какая ирония! Нужен, чтобы меня выпустили из ворот, после. Иди поговори с Ботуин, а потом мы умчимся отсюда как черти.

Я в нерешительности держал дверцу полуоткрытой. Казалось, Грок пребывает в какой-то развеселой тревоге, его ликование граничило с истерией, так что мне ничего не оставалось, как закрыть дверцу. Грок поехал дальше.

— Спрашивай, спрашивай, — сказал он.

— Ладно, — осторожно ответил я. — Что вы скажете про все эти лица, которые вы сделали красивыми?

Грок нажал на педаль газа.

— «Они останутся такими навечно», — сказал им я, и дурачки поверили. В любом случае я уйду на покой, если только мне удастся выбраться за ворота. Я купил билет в кругосветный круиз на завтра. За тридцать лет мои шутки превратились в змеиные уку-

сы. Мэнни Либер? Он может умереть в любой день. А где доктор? Ты не знаешь? Он куда-то пропал.

— Куда?

— Кто знает? — Но взгляд Грока скользнул в сторону стены, отделявшей киностудию от кладбища. — Отлучен от церкви?

Мы все еще ехали. Грок покачал головой.

— А вот Мэгги Ботуин мне нравится. Она хирург-виртуоз, как и я.

— Она не говорит таких слов, как вы.

— Если бы она когда-нибудь такое сказала, ей пришел бы конец. А ты? Что ж, избавление от иллюзий — долгий процесс. Тебе стукнет семьдесят, прежде чем ты поймешь, что шел по минному полю, крича отряду идиотов: «За мной!» Твои фильмы забудутся.

— Нет.

Грок бросил взгляд на мой решительный подбородок и упрямую нижнюю губу.

— Пусть так, — согласился он. — У тебя вид настоящего праведника-безумца. Нет, твои фильмы не забудутся.

Мы свернули за угол, и я спросил, кивнув головой на плотников, уборщиков и маляров:

— Кто приказал затеять все эти работы?

— Мэнни, разумеется.

— А кто приказал Мэнни? Кто на самом деле отдает здесь приказы? Тот, кто прячется за зеркалом? Приходит из стены?

Грок резко ударил по тормозам и неподвижно уставился вперед. Мне хорошо были видны следы швов вокруг его ушей, изящных и ясно очерченных.

— На этот вопрос нет ответа.

— Нет? — переспросил я. — Я гляжу вокруг — и что же я вижу? Студия, у которой в производстве восемь фильмов. Один из них — огромный проект, наше эпическое полотно об Иисусе, осталось всего два дня съемок. И вдруг, по какой-то прихоти, кто-то говорит: «Заприте двери». И начинается дурацкая покраска и уборка. Это безумие — закрывать студию с ежедневным бюджетом от девяноста до ста тысяч долларов. В чем же дело?

— Ну и в чем? — тихо спросил Грок.

— Ну, скажем, Док: по-моему, он просто медуза, ядовитая, но бесхребетная. Смотрю на Мэнни: с его задницей только на вы-

соком стульчике сидеть. Вы? У вас под одной маской скрывается другая маска, а под той еще одна. Ни у кого из вас нет пороховой бочки или мощного электронасоса, чтобы разнести вдребезги всю студию. А она тем не менее летит в гартарары. Я представляю студию как большого белого кита. В него летят гарпуны. Значит, должен быть и безумный капитан.

— Тогда скажи мне, — сказал Грок, — кто здесь Ахав?

— Мертвец на кладбище. Он стоит на приставной лестнице, глядит вверх стены и отдает приказы. И вы все разбегаетесь.

Грок заморгал — медленно, словно игуана. Веки трижды опустились на его огромные темные глаза.

— Но не я, — сказал он, улыбаясь.

— Не вы? Почему не вы?

— Потому что, дурья ты башка! — Грок расплылся в улыбке, глядя на небо. — Подумай! Есть только два гения, способных смастерить такого мертвеца! Чтобы он стоял на лестнице под дождем, глядел вверх стены и у людей сердце останавливалось!

Тут Грока скрутил такой приступ смеха, что он чуть не помер.

— Кто мог слепить такое лицо?

— Рой Холдстром!

— Да! А еще?!

— Гример... — запнулся я, — гример Ленина?

Станислав Грок повернулся ко мне, сияя ослепительной улыбкой.

— Станислав Грок, — оцепенело произнес я. — Вы.

Он скромно склонил голову.

«Так это вы! — думал я. — Не чудовище, которое прячется в могилах и залезает на приставные лестницы, чтобы подвесить туда чучело Арбутнота и заморозить всю работу на студии! Нет, это Грок, человек, который смеется, маленький Конрад Вейдт с вечной улыбкой, пришитой к лицу!»

— Но зачем? — спросил я.

— Зачем? — Грок усмехнулся. — Господи, да чтобы расшевелить всех! Тут же годами царил скука! Док подсел на свои иголки. Мэнни разрывается пополам. Мне не хватало шуток на этом корабле дураков. Так пусть мертвые восстанут! Но ты все испортил: нашел труп, но никому не сказал. Я надеялся, что ты побежишь с криком по улице. Вместо этого на следующий день ты закрыл

рот на замок. Мне пришлось сделать несколько анонимных звонков, чтобы позвать людей со студии на кладбище. И тут начались беспорядки! Скандал.

— Это вы послали второе письмо, чтобы заманить нас с Роем в «Браун-дерби» и показать Человека-чудовище?

— Я.

— И все это ради шутки? — оторопело спросил я.

— Не совсем. Киностудия, как ты уже заметил, расколота надвое и стоит над прожорливой расселиной, над разломом Сан-Андреас⁸⁹, готовым вот-вот взорваться новым землетрясением. Я почувствовал толчки несколько месяцев назад. Тогда я прислонил к стене лестницу и поднял на нее мертвеца. А заодно, как ты можешь сказать, поднял и свои гонорары.

«Шантаж», — раздался шепот Крамли где-то в моем подсознании.

Грок скорчился от смеха, потешаясь над собственными словами:

— Запугать Мэнни, Дока, Иисуса, всех, включая чудовище!

— Чудовище? Вы хотели напугать его?!

— А почему бы нет? Толпу! Сборище! Заставить их всех платить, пока они не узнают, что за всем этим стою я. Поднять панику, собрать сливки и смотреться!

— Боже, но ведь это значит, — проговорил я, — что вы все знали о прошлом Арбутнота, о его смерти. Его отравили? Это так?

— Э, — отозвался Грок, — все это теории, домыслы.

— Сколько людей знает о том, что вы купили билет в кругосветное путешествие?

— Только ты, бедный, милый, печальный, обреченный мальчик. Но я думаю, кое-кто уже догадался. Иначе зачем было закрывать ворота и держать меня в ловушке?

— Да, — сказал я. — Они только что выбросили вместе с хладом гроб Христа. Им нужно, чтобы туда же последовало и тело.

— То есть я, — внезапно побледнев, сказал Грок.

Рядом с нами притормозила машина студийной охраны.

Из окна высунулся охранник:

— Мэнни Либер хочет вас видеть.

Грок как-то весь обмяк, плоть растворилась в жилах, кровь утекла в душу, а душа рассеялась в небытии.

— Это конец, — прошептал он.

Я представил кабинет Мэнни, зеркало позади его стола и лабиринт подземелий там, за зеркалом.

— Бросайте все и бегите, — посоветовал я.

— Дурак, — сказал Грок. — Далеко ли я убегу? — Он похлопал меня по руке дрожащей ладонью. — Ты придурок, но добрый придурок. Нет, отныне каждый, кого увидят со мной, отправится в тот же водоворот, когда они начнут дергать за ниточки. Смотри сюда.

Он бросил на сиденье свой портфель, открыл его и снова захлопнул. Я увидел пачку перевязанных столларовых купюр.

— Держи, — сказал Грок. — Они мне больше не нужны. Спрячь быстро. Тут хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Нет, спасибо.

Он снова хлопнул меня — на этот раз по ноге. Я вырвался, будто мне в колено вонзили ледяной кинжал.

— Придурок, — сказал Грок. — Но добрый придурок.

Я вылез из машины.

Машина охраны медленно ехала впереди нас с еле слышно работающим двигателем. Водитель тихо просигналил один раз. Грок внимательно посмотрел на машину, потом перевел взгляд на меня, оглядел мои уши, веки, подбородок.

— Твоей коже не понадобятся подтяжки еще лет тридцать, плюс-минус год.

Его рот наполнила обильная слюна. Он отвел взгляд, взялся за руль цепкими, хваткими пальцами и уехал прочь.

Полицейская машина свернула за угол, за ней последовала машина Грока — небольшой похоронный кортеж направлялся к дальней стене студии.

63

Я поднялся по лестнице в террариум Мэгги Браун. Я назвал его так потому, что пленка с вырезанными эпизодами змеиными кольцами свивалась в мусорной корзине или расползалась по всему полу.

В маленькой комнатке не было ни души. Старые призраки разлетелись. Змеи уползли в свои норы или еще куда-то.

Я стоял посреди пустых полок, оглядываясь вокруг, пока не обнаружил записку, приклеенную к крышке молчащей мувиолы.

ДОРОГОЙ ГЕНИЙ! Я ПЫТАЛАСЬ ДОЗВОНИТЬСЯ ДО ТЕБЯ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ДВУХ ЧАСОВ. МЫ ОСТАВИЛИ ПОЛЕ БИТВЫ ПРИ ИЕРИХОНЕ И БЕЖАЛИ. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ МЫ ДАДИМ В МОЕМ БУНКЕРЕ НА СКЛОНЕ ХОЛМА. ПОЗВОНИ. ПРИХОДИ! ЗИГ ХАЙЛЬ! ФРИЦ И ДЖЕКИ ПОТРОШИТЕЛЬНИЦА.

Я сложил записку, чтобы потом сунуть ее в свой дневник и перечитывать в старости. Затем спустился по лестнице и покинул студию.

Никаких штурмовых отрядов замечено не было.

64

Шагая по берегу, я рассказал Крамли о священнике, о тропинке в высокой траве и о двух женщинах, что когда-то давным-давно прогуливались по ней.

Мы нашли Констанцию Раттиган на пляже. Я впервые в жизни увидел ее лежащей на песке. Раньше она всегда плавала либо в бассейне, либо в море. А теперь лежала между тем и другим, словно была не в силах ни войти в воду, ни вернуться к дому. Она лежала, словно выброшенная на берег волной, такая безвольная и бледная, что больно было на нее смотреть.

Мы присели на песок рядом с ней и подождали, пока она не почувствует наше присутствие, потому что глаза ее были закрыты.

— Ты лгала нам, — сказал Крамли.

Глазные яблоки под ее веками повернулись.

— Лгала? Ты о чем?

— О том, что ты сбежала посреди той полуночной вечеринки, двадцать лет назад. Ты сама знаешь, что оставалась тогда до самого конца.

— И что же я делала?

Она отвернула голову. Мы не видели, куда она смотрела: может, на серое море, откуда надвигался слепополуденный туман, грозя испортить остаток дня.

— Они привели тебя к месту аварии. Твоей подруге нужна была помощь.

— У меня никогда не было никаких подруг.

— Брось, Констанция, — сказал Крамли, — у меня есть факты. Я собрал улики. В газетах писали, что трех человек похоронили в один и тот же день. А отец Келли из церкви, что стоит рядом с местом аварии, утверждает, что Эмили Слоун умерла уже после похорон. Что, если я получу судебное предписание — вскрыть могилу Слоунов? Сколько там будет тел: одно или два? Я думаю, одно; так куда же делась Эмили? И кто ее увел? Ты? По чьему приказу?

Констанция Раттиган дрожала всем телом. Не знаю точно, было ли тому причиной давнишнее горе, вдруг вспыхнувшее с новой силой, или просто туман, уже клубившийся вокруг нас.

— Вот ведь хрень. А ты чертовски умен, — заметила она.

— Нет, просто иногда мне удается упасть на гнездо с яйцами и ни одного не разбить. Отец Келли сказал нашему другу-сценаристу, что Эмили сошла с ума. Значит, пришлось ее увести. Это поручили тебе?

— Господи, помоги мне, — прошептала Констанция Раттиган. На берег накатила волна. Сгустившийся туман добрался до кромки прибоя. — Да...

Крамли спокойно кивнул и сказал:

— В этот трудный момент, чтобы скрыть правду, наверное, понадобилась большая, огромная, да что там, чудовишная сумма. Кто-нибудь набил деньгами церковную кружку? То есть я хочу сказать: киностудия обещала, скажем, ну, не знаю, отремонтировать алтарь, до скончания века жертвовать на вдов и сирот? А что пастор — получает еженедельно баснословные деньги, согласившись забыть, что ты увела оттуда Эмили Слоун?

— Это... — прошептала Констанция, уже сидя на песке и уставив широко открытые глаза в сторону горизонта, — только часть правды.

— Они пообещали еще больше денег, еще и еще больше, если пастор скажет, что авария произошла не перед его церковью, а дальше по улице, скажем, в ста ярдах. Поэтому он не видел, как Арбутнот протаранил другую машину, как он убил своего врага и как жена его врага сошла с ума, увидев их мертвыми. Так?

— Это... — прошептала Констанция Раттиган откуда-то из глубины лет, — почти вся правда.

— И через час ты вывела Эмили Слоун из церкви и, как ходячий труп, повела через пустырь, весь в подсолнухах и табличках «ПРОДАЕТСЯ»...

— Все было так близко, так удобно, даже смешно, — вспоминала Констанция без тени улыбки, с посеревшим лицом. — Кладбище, похоронное бюро, церковь, чтобы быстренько справить похороны, пустырь, тропинка, Эмили? Черт! Она унеслась далеко вперед, по крайней мере в своем воображении. Мне оставалось только направлять ее.

— Скажи, Констанция, — спросил Крамли, — Эмили Слоун еще жива?

Констанция медленно, кадр за кадром, как механическая кукла, с промежутками в десять секунд, стала поворачивать ко мне лицо, пока ее плохо сфокусированный взгляд не остановился, глядя куда-то сквозь меня.

— Когда в последний раз ты носила цветы мраморной статуе? — спросил я. — Статуе, не замечавшей цветов, не замечавшей тебя, жившей внутри своей мраморной оболочки, внутри своего молчания: когда это было в последний раз?

Из правого глаза Констанции Раттиган вытекла одинокая слеза.

— Я ходила к ней каждую неделю. Все время надеялась, что она выплывет из воды, как айсберг, а потом растает. Но в конце концов я больше не могла выносить ее молчание, без всякой благодарности. Из-за нее я чувствовала себя мертвой.

Ее голова вновь, кадр за кадром, повернулась в другом направлении, обратившись к воспоминаниям прошлого года или какого-то из предыдущих лет.

— По-моему, — сказал Крамли, — пришло время снова отнести цветы. Так?

— Не знаю.

— Знаешь. Как насчет... Холлихок-хауса?

Внезапно Констанция Раттиган вскочила на ноги, взглянула на море, рванулась к прибою и нырнула.

— Не надо! — крикнул я.

Меня вдруг охватил страх. Даже отличных пловцов море иногда забирает и не отдает обратно.

Я подбежал к кромке воды и уже стаскивал с себя ботинки, как вдруг Констанция, разбрызгивая воду, как тюлень, и отряхиваясь, как собака, вынырнула из волн и стала с трудом выбираться на берег. Почувствовав под собой твердую землю, сырой песок, она остановилась и выругалась. Ругательство выпрыгнуло из ее уст, как пробка. Она стояла, руки в боки, глядя на какой-то предмет в полосе прибоя, все дальше уносимый волной.

— Черт меня побери, — отчего-то сказала она. — Этот волосяной комок, наверное, плавал здесь все эти годы!

Она повернулась и оглядела меня с ног до головы, и на ее щеки вновь вернулся румянец. Она тряхнула на меня пальцами, оросив мое лицо морскими брызгами, словно желая меня освежить.

— Плавание всегда так хорошо действует на тебя? — спросил я, показывая на океан.

— Как только перестанет, я вообще не буду выходить из дома, — спокойно ответила она. — Быстро окунулся, быстро перепихнулся. Я ничем не могу помочь Арбутноту или Слоуну, они мертвы. Или Эмили Уикс...

Она застыла на месте, а затем поправилась:

— Эмили Слоун.

— Уикс — это ее *новое* имя, под которым она живет двадцать лет в Холлихок-хаусе? — спросил Крамли.

— Раз от меня оторвался этот комок волос, залью-ка в себя шампанского. Идем.

У бассейна, выложенного голубой плиткой, она открыла бутылку и наполнила наши бокалы до краев.

— Неужели вы настолько безумны, чтобы пытаться спасти Эмили Уикс-Слоун, не важно, жива она или мертва, по прошествии стольких лет?

— А кто нам может помешать? — спросил Крамли.

— Да вся студия! Или нет: три человека, которые знают, что она там. Нужно, чтобы кто-нибудь вас представил. Никто не может войти в Холлихок-хаус без Констанции Раттиган. Не смотрите на меня так. Я помогу вам.

Крамли выпил свое шампанское и сказал:

— Еще один, последний вопрос. Кто в ту ночь, двадцать лет назад, руководил всем этим? Занятие, наверное, не из приятных. Кто...

— Режиссировал? Разумеется, кто-то был режиссером. Люди бегали, налетали друг на друга, кричали. Настоящее «Преступление и наказание» или «Война и мир». Кто-то должен был крикнуть: «Не сюда, туда!» Тогда, посреди ночи, среди всех этих криков и крови, слава богу, он спас эпизод, актеров, студию, причем без пленки и кинокамеры. Величайший немецкий режиссер из ныне живущих.

— Фриц Вонг?! — воскликнул я.

— Фриц, — подтвердила Констанция, — Вонг.

65

Из орлиного гнезда Фрица, что на полпути от отеля «Бeverли-Хиллз» к Малхолланд-драйв, открывался вид на десяток миллионов огней простиравшегося внизу Лос-Анджелеса. Стоя на длинной, изящной мраморной террасе перед его виллой, вы могли наблюдать, как самолеты заходят на посадку в пятнадцати милях отсюда, как горят яркие фонари, как медленно летят метеоры, ежеминутно появляющиеся на небе.

Фриц Вонг пинком распахнул дверь дома и прищурился, притворяясь, будто не замечает меня.

Я достал из кармана его монокль и протянул ему. Фриц взял его и вставил в глаз.

— Нахальный сукин сын. — Монокль блеснул в его правом глазу, как лезвие гильотины. — Так это ты! Восходящая звезда пришла шпионить за догорающей. Король, всходящий на престол, стучится к потерявшему могущество принцу. Писатель, наказывающий львам, что говорить Даниилу⁹⁰, приходит к дрессировщику, указывающему им, что делать. Зачем ты приехал? Фильму капут!

— Вот несколько страниц. — Я зашел в дом. — Мэгги? С тобой все в порядке?

Мэгги кивнула мне из дальнего угла гостиной, она была бледна, но, насколько я мог видеть, уже оправилась.

— Не обращай внимания на Фрица, — сказала она. — Он полон вздорных мыслей и ливерной колбасы.

— Сядь рядом с этой потрошительницей и замолчи, — сказал Фриц, прожигая моноклем дыры в моих листках.

— Слушаюсь... — я посмотрел на портрет Гитлера на стене и щелкнул каблуками, — сэр!

Фриц бросил на меня сердитый взгляд.

— Дурак! Этот портрет маньяка-мазилы висит здесь как напоминание, что я сбежал от больших ублюдков и попал сюда к мелким. Господи, фасад студии «Максимус филмз» — точная копия Бранденбургских ворот! Да опусти куда-нибудь свой *Sitzfleisch*!

Я опустил свой *Sitzfleisch* и открыл рот от удивления.

Ибо за спиной у Мэгги Ботуин оказался самый невероятный иконостас, какой я когда-либо видел в жизни. Он был ярче, больше и прекраснее, чем алтарь из серебра и золота в церкви Святого Себастьяна.

— Фриц! — воскликнул я.

Ибо весь этот алтарь был заполнен мятными ликерами, бренди, виски, коньяками, портвейнами, бургундским и бордо, которые лежали на полках слоями хрустала и выпуклого сверкающего стекла. Все это переливалось, как подводная пещера, откуда косяками могли бы выплывать искрящиеся бутылки. Над нею и вокруг нее было развешано бесчисленное множество резных скульптур из шведского хрустала, стеклянные фигурки Лалика⁹¹, уотерфордские штуки. Это был парадный трон, ложе, где появился на свет Людовик XIV, гробница Эхнатона, коронационная зала Наполеона. Это была витрина магазина игрушек в ночь Рождественского сочельника. Это было...

— Как ты знаешь, — сказал я, — я пью редко...

У Фрица выпал монокль. Он поймал его и вставил на место.

— Что будешь пить? — рявкнул он.

Мне удалось избежать его презрительности, вспомнив вино, о котором он сам как-то упоминал при мне.

— «Кортон», — сказал я, — тридцать восьмого года.

— Ты действительно думаешь, что я открою свое лучшее вино для такого, как ты?

Я с трудом сглотнул слюну и кивнул.

Выждав момент, он подскочил ко мне и взметнул вверх свой кулак, словно собираясь одним ударом свалить меня на пол. За-

⁹¹ Седалище, зад (нем.).

тем кулак опустился, с неким изяществом, рука Фрица открыла дверцу стеклянного шкафа и достала оттуда бутылку.

«Кортон», 1938 год.

Он стал закручивать штопор, скрипя зубами и поглядывая на меня.

— Я буду следить за каждым твоим глотком, — проворчал он. — И если замечу на твоём лице хоть малейший намек на то, что тебе не нравится... чпок!

Он красиво вытащил пробку и, поставив бутылку, вдохнул аромат.

— Ладно, — вздохнул он, — хотя фильму конец, посмотрим-ка, что натворил наш вундеркинд!

Он плюхнулся в кресло и пролистал мои новые страницы.

— Дай-ка почитаю твой несносный текст. Хотя к чему при- творяться, будто мы снова вернемся на эту скотобойню, — бог его знает!

Фриц прикрыл левый глаз, а правый за сверкающим стеклом быстро забегал по строчкам. Закончив, он швырнул листки на пол и сердито кивнул Мэгги, чтобы та их подняла. Пока она это дела- ла, Фриц наблюдал за её лицом, наливая себе вино.

— Ну?! — крикнул он в нетерпении.

Мэгги взяла рукопись себе на колени и положила на нее руки, словно это было Евангелие.

— Я могу расплакаться. Ну вот! Я плачу.

— Перестань разыгрывать комедию! — Фриц залпом проглотил свое вино и застыл, сердясь на меня за то, что я заставил его вы- пить так поспешно. — Ты не мог написать это всего за несколько часов!

— Прости, — робко извинился я. — Хорошо получается только тогда, когда работаешь быстро. Стоит замедлиться, и ты начина- ешь думать о том, что делаешь, и получается плохо.

— Думать вредно, так? — спросил Фриц. — Ты что, сидишь на своих мозгах, когда печатаешь?

— Понятия не имею. Э, неплохое винцо.

— Неплохое! — Фриц в гневе возвел глаза к потолку. — Это «Кортон» тридцать восьмого года, а он говорит «неплохое»! Да это лучше, чем все твои чертовы карамельки, которые ты жуешь все время на студии, я видел. Лучше, чем все женщины мира. Почти.

— Это вино, — быстро исправился я, — почти так же прекрасно, как твои фильмы.

— Великолепно. — Фриц, польщенный, улыбнулся. — А ты парень смысленный.

Фриц вновь наполнил мой бокал и вернул мне медаль почета, свой монокль.

— Ну что ж, юный знаток вин, зачем еще вы пожаловали?

Удобный момент настал.

— Фриц, — начал я, — тридцать первого октября тысяча девятьсот тридцать четвертого года ты был режиссером, оператором и монтажером фильма под названием «Безумная вечеринка».

Фриц лежал, откинувшись в своем кресле, вытянув ноги, держа в руке бокал с вином. Его левая рука потянулась к карману, где должен был лежать монокль.

Губы Фрица нехотя, невозмутимо приоткрылись.

— Повтори?

— Ночь Хеллоуина, тридцать четвертый год...

— Еще. — Фриц, закрыв глаза, протянул мне свой бокал.

Я налил.

— Если пролешь, я спущу тебя с лестницы.

Лицо Фрица было обращено в потолок. Почувствовав, что бокал отяжелел от вина, он кивнул и оторвался от кресла, чтобы наполнить мой.

— Откуда, — губы Фрица шевелились как будто отдельно от всего его невозмутимого лица, — ты узнал об этом идиотском фильме с таким дурацким названием?

— Он был снят, но не на пленку. Ты был его режиссером, наверное, часа два. Хочешь, перечислю актеров, игравших в ту ночь?

Фриц открыл один глаз и попытался без монокля сфокусировать взгляд на противоположной стороне комнаты.

— Констанция Раттиган, — по памяти стал перечислять я, — Иисус, Док Филипс, Мэнни Либер, Станислав Грок, Арбутнот, Слоун и его жена, Эмили Слоун.

— Черт, неплохой состав, — сказал Фриц.

— Не хочешь рассказать мне, как все было?

Фриц медленно поднялся в кресле, чертыхнулся, допил вино, затем, ссутулившись, сел над своим стаканом и долго смотрел в него. Потом прищурился и сказал:

— Что ж, рассказать наконец придется. Все эти годы я ждал случая, чтобы выплеснуть это из себя. Так вот... кто-то должен был взять на себя режиссуру. Сценария не было. Сплошное безумие. Меня пригласили в последний момент.

— И какая часть этого была твоей импровизацией? — спросил я.

— Большая часть, да нет, все от начала до конца, — сказал Фриц. — Повсюду были трупы. Вернее, не трупы. Люди и море крови. Я всю ночь не выпускал камеру из рук, ты же знаешь, такая вечеринка, к тому же всем нравится заставить людей врасплох, по крайней мере мне. Первая часть вечера прошла отлично. Люди кричали, бегали туда-сюда по студии и по туннелю, танцевали на кладбище под джаз-банд. Было безумно и потрясающе весело. Пока все не пошло вразнос. Я об аварии. К тому моменту, ты прав, у меня в шестнадцатимиллиметровой камере уже не было пленки. И я стал отдавать приказы. Бежать сюда. Бежать туда. Не звать полицию. Убрать машины. Наполнить церковную кружку.

— Я об этом догадался.

— Заткнись! Жалкий пасторишка, как девчонка, чуть с ума не сошел. Студия всегда держит под рукой кучу наличности на всякий пожарный. Прямо на глазах у священника мы наполнили купель монетой, как в День благодарения. В ту ночь я так и не понял, видел ли он вообще, что мы делаем, — он был в таком шоке. Я приказал увести оттуда жену Слоуна. Ее забрал кто-то из статистов.

— Нет, — сказал я, — это была актриса.

— Правда?! Она ушла. А мы тем временем собирали осколки и заматали следы. В то время это было легче сделать. В конце концов, киностудии правили городом. У нас было одно тело — Слоуна — для показа, мы сказали, что еще одно тело — Арбутно-та — лежит в морге, и доктор подписал свидетельства о смерти. Никто так и не попросил предъявить *все* тела. Мы заплатили коронеру, чтобы он взял больничный на год. Вот как все это было состряпано.

Фриц поджал под себя ноги, устроил между ними бокал и подыскал выражение лица, соответствовавшее моему.

— К счастью, по случаю вечеринки Иисус, Док Филиппс, Грок, Мэнни и прочие подхалимы были на студии. Я крикнул: «Выставьте охрану! Подгоните машины! Оцепите место аварии! Люди выходят из домов? Возьмите мегафоны, загоните их обратно!» К тому же на этой улице домов раз два и обчелся, да еще закрытая заправка. Что еще? Адвокатские конторы — там везде темно. Когда из дальних кварталов начала подтягиваться толпа людей в пижамах, я уже успел раздвинуть воды Красного моря, воскресить Лазаря и задал новую работенку каждому фоме неверующему в далеких краях! Восхитительно, изумительно, превосходно! Еще вина?

— А это что за пойло?

— Коньяк «Наполеон». Столетней выдержки. Тебе не понравится!

Он налил.

— Скривисься — убью.

— А что стало с трупами?

— Поначалу был только один погибший, Слоун. Арбутнот был смят — о боже! — в кровавую лепешку, но все еще жив. Я сделал что смог, перенес его на другую сторону улицы, в похоронную контору, и оставил там. Арбутнот умер позже. Док Филиппс и Грок пытались его спасти в той самой комнате, где бальзамируют трупы, превратившейся тогда в отделение «Скорой помощи». Какая ирония, не правда ли? Через два дня я режиссировал похороны. И снова все шито-крыто!

— А Эмили Слоун? Она в Холлихок-хаусе?

— Последний раз я видел, как ее вели через пустырь, заросший сорными цветами, к этому частному санаторию. На следующий день она умерла. Это все, что я знаю. Я просто был режиссером, которого позвали, чтобы спасти от гибели горящий «Гинденбург»⁹², или регулировщиком движения во время землетрясения в Сан-Франциско. Вот и все мои заслуги. Но зачем, зачем, зачем ты спрашиваешь об этом?

Я глубоко вдохнул, глотнул немного коньяка, почувствовал, как из глаз моих, словно из крана, хлынули горячие потоки воды, и сказал:

— Арбутнот вернулся.

Фриц выпрямился в кресле и закричал:

— Ты что, рехнулся?!

— Или его подобие, — добавил я, почти переходя на визг. — Это Грок состряпал. Ради шутки, по его словам. Или ради денег. Сделал куклу из папье-маше и воска. А потом подбросил ее, чтобы напугать Мэнни и остальных, может, даже при помощи этих фактов, о которых ты знал, но до сих пор никому не рассказывал.

Фриц Вонг поднялся и зашагал кругами по комнате, впечатывая подошвы ботинок в ковер. Затем он остановился перед Мэгги, раскачиваясь взад-вперед, потрясая своей огромной головой.

— Ты знала об этом?!

— Этот молодой человек что-то говорил...

— Почему ты мне не рассказала?

— Потому, Фриц, — урезонила его Мэгги, — что во время работы над фильмом ты и слышать не желаешь ни от кого никаких новостей, ни плохих, ни хороших!

— Так вот, значит, что тут происходит! — проговорил Фриц. — Док Филипс третий день подряд напивается за обедом. Голос Мэнни Либера звучит как тридцатитрехоборотная пластинка, поставленная на ускоренное воспроизведение. Бог мой, я-то думал, что это я все делаю правильно, отчего он всегда бесился! Нет! Боже мой, господи, черт бы его побрал, этого пакостника Грока!

Он прервал тираду, чтобы обратиться ко мне.

— Тех, кто приносит королю плохие вести, казнят! — вскричал он. — Но прежде чем ты умрешь, расскажи, что ты еще знаешь!

— Могила Арбутнота пуста.

— Его тело... украдено?

— Его никогда и не было в могиле, никогда.

— Кто это сказал? — крикнул Фриц.

— Один слепой.

— Слепой!

Фриц снова сжал кулаки. Мне подумалось: вдруг все эти годы он управлял актерами, как беспомощными скотами, при помощи своих кулаков.

— Слепой?!

«Гинденбург» потонул в нем, охваченный последней вспышкой страшного огня. Остался... лишь пепел.

— Слепой... — Фриц медленно прошаживался вокруг комнаты, не замечая нас двоих, потягивая свой коньяк. — Рассказывай.

Я рассказал все, что до этого рассказывал Крамли.

Когда я закончил, Фриц взял телефон и, держа его в двух дюймах от глаз, прищурившись, набрал номер.

— Алло, Грейс? Это Фриц Вонг. Закажи мне билеты на самолет в Нью-Йорк, Париж, Берлин. Когда? Сегодня! Остаюсь на линии!

Он обернулся и посмотрел в окно на Голливуд — за много миль от дома.

— Господи, всю неделю я чувствовал подземные толчки и думал, что это смерть Христа из какого-то гадкого сценария. Теперь все окончательно умерло. Мы уже никогда к нему не вернемся. Наш фильм пойдет на переработку и превратится в целлулоидные воротнички для ирландских священников. Скажи Констанции, чтоб бежала. И себе тоже возьми билет.

— Куда? — спросил я.

— Придумай куда! — завопил Фриц.

В разгар этого взрыва бомбы где-то внутри у Фрица лопнула какая-то лампочка. От его тела внезапно повеяло не теплом, а холодом. Его плохо видящий глаз начал подергиваться, и это подергивание переросло в чудовишный тик.

— Грейс, — закричал он в трубку, — не слушай этого идиота, который только что звонил! Отмени Нью-Йорк. Возьми билет до Лагуны! Что? На побережье, дура. Домик с видом на Тихий океан, чтобы я мог входить в воду на закате, как Норман Мейн, даже если сам Фагум постучится в дверь. Зачем? Чтобы спрятаться. Париж — отличное место; но эти маньяки наверняка узнают. Но они никак не могут ожидать, что этот дурачок *Unterseeboot Kapitän*, ненавидящий солнечный свет, вдруг объявится в Сол-Сити, Южная Лагуна⁹¹, среди всех этих бессмысленных голых задниц. Лимузин мне, немедленно! В девять я буду входить в ресторан «Виктор Гюго», и чтобы к этому моменту дом был готов. Выполняй!

Фриц с грохотом повесил трубку и метнул на Мэгги огненный взгляд:

— Ты едешь?

Мэгги Ботуин была любезна, как нетающее ванильное мороженое.

— Дорогой Фриц, — сказала она. — Я родилась в Глендейле в тысяча девятисотом году. Я могла бы вернуться туда и уме-

реть от скуки или спрятаться в Лагуне, но от всех этих «задниц», как ты их называешь, у меня мурашки ползут по животу. Как бы то ни было, Фриц и ты, мой милый мальчик, весь тот год я каждую ночь качала педаль своей зингеровской машинки, сшивая кошмары, чтобы они чуть меньше смахивали на похотливые сны, стирая глупые ухмылки со рта грязных девчонок и выбрасывая все это в мусорные корзины за продавленными койками в мужском гимнастическом зале. Я никогда не любила ни вечеринок, ни воскресных послеполуденных коктейлей, ни боев сумо субботними вечерами. Что бы там ни случилось в ту ночь Хеллоуина, я ждала, что кто-нибудь, хоть кто-то, принесет мне пленку. Но ее не принесли. Была эта авария за стеной или нет, не знаю, я не слышала. Не важно, были на следующей неделе одни похороны или тысяча, — я отвергла все приглашения и резала увядшие цветы здесь. Я никогда не спускалась, чтобы увидеться с Арбутнотом при его жизни, так зачем мне смотреть на него мертвого? Обычно он сам забирался наверх и стоял за прозрачной дверью. Заметив его, такого высокого в лучах солнца, я говорила: «Тебе нужно сделать монтаж!» И он смеялся и никогда не входил, просто говорил портнихе, что ему хотелось бы такое-то лицо, крупным или общим планом, в кадре или за кадром, и уходил. Как мне удавалось оставаться одной на студии? Это был новый бизнес, и в городе была всего одна портниха — я. Остальные были гладильщиками брюк, искателями работы, цыганами, сценаристами-гадалками, которые не могли предсказывать даже по чайникам. Однажды на Рождество Арби прислал мне прялку с острым веретеном и латунной табличкой на педали: «БЕРЕГИ, ЧТОБЫ СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА НЕ УКОЛОЛА ПАЛЬЧИКИ И НЕ ЗАСНУЛА». Жаль, что я не знала его лично, но он был лишь еще одной тенью за прозрачной дверью, а мне и здесь хватало теней. Я видела только толпы людей, шедших попрощаться с ним, они шли мимо моих окон в конец квартала и заворачивали за угол, к холодным успокоительным угольям. Как и все в жизни, эта надгробная проповедь тоже слишком затянута.

Она опустила голову на грудь, словно хотела взять невидимые четки, повешенные специально для ее неутомонных пальцев.

После долгого молчания Фриц сказал:

— Мэгги Ботуин теперь будет отдыхать целый год!

— Ну нет. — Мэгги Ботуин испытующе посмотрела на меня. — У тебя есть какие-нибудь замечания по тем эпизодам, которые мы отсмотрели за последние несколько дней? Кто знает, может, завтра нас всех снова возьмут на работу за треть жалованья.

— Нет, — неуверенно проговорил я.

— К черту все это! — объявил Фриц. — Я собираю вещи!

Мое такси все еще ждало, накручивая на счетчик астрономические суммы. Фриц с презрением поглядел на него.

— Почему ты не научишься водить, идиот?

— Чтобы давить людей на улицах, как Фриц Вонг? Ну что, прощай, Роммель?⁹⁴

— Только до тех пор, пока союзники не захватят Нормандию.

Я сел в такси и ощупал карман пальто.

— А что делать с моноклем?

— Вставь себе в глаз на следующей церемонии вручения «Оскаров». Я устрою тебе место на балконе. Чего ты еще ждешь, объятий? На, получай!

Он сердито прижал меня к себе:

— *Outen zee ass!*

Когда я отъезжал, Фриц крикнул:

— Опять забыл сказать, как я тебя ненавижу!

— Лжец! — крикнул я в ответ.

— Да, — кивнул Фриц и поднял руку в медленном, усталом приветствии, — я лгу.

66

— Я как раз думал о Холлихок-хаусе, — сказал Крамли, — и о твоей подруге Эмили Слоун.

— Она мне не подруга, но продолжай.

— Сумасшедшие вселяют в меня надежду.

— Что?! — Я чуть не выронил свое пиво.

— Сумасшедшие — это те, кто решил остаться в этой жизни, — сказал Крамли. — Они настолько любят жизнь, что не разрушают

* Шевели задницей! (англ., голл., искаж.)

ее, а возводят для себя стену и прячутся за ней. Они притворяются, будто не слышат, но они слышат. Притворяются, будто не видят, но они видят. Их сумасшествие говорит: «Я ненавижу жить, но люблю жизнь. Я не люблю правила, но люблю себя. Поэтому, чем ложиться в могилу, я лучше найду себе убежище. Не в алкоголе, не в кровати под одеялами, не в шприцах и не в дорожках белого порошка, а в безумии. В собственном доме, среди своих стен, под своей безмолвной крышей». Поэтому сумасшедшие, да, они вселяют в меня надежду. Смелость оставаться живым и здоровым, а если устанешь и нужна будет помощь, лекарство всегда под рукой — безумие.

— Дай-ка мне свое пиво! — Я схватил его стакан. — Сколько таких ты уже выпил?

— Всего восемь.

— Господи! — Я сунул ему стакан обратно. — Это что, войдет в твой новый роман?

— Может быть. — Из рта Крамли послышался негромкий звук легкой самодовольной отрыжки, и он продолжил: — Если бы тебе пришлось выбирать между триллионами лет жизни во тьме без единого луча солнца и кататонией, разве ты не выбрал бы последнее? Ты по-прежнему мог бы наслаждаться зеленой травой и воздухом, пахнувшим разрезанным арбузом. Прикасаюсь к своему колену, когда никто не видит. И все это время ты бы притворялся, что тебе все равно. Но тебе настолько не все равно, что ты выстроил себе хрустальный гроб и собственноручно его запечатал.

— Боже мой! Продолжай!

— Я спрашиваю себя: зачем выбирать безумие? Чтобы не умереть, — отвечаю я. Любовь — вот ответ. Все наши чувства — это проявления любви. Мы любим жизнь, но боимся того, что она с нами делает. Итак, почему бы не дать безумию шанс?

Повисло долгое молчание, затем я спросил:

— До чего, черт побери, нас доведут такие разговоры?

— До сумасшедшего дома.

— Пойдем разговаривать с кататоничкой?

— Однажды это сработало, верно? Пару лет назад, когда я тебя загипнотизировал, так что в конце концов ты почти вспомнил убийцу?

— Ага, только я не был помешанным!

— Кто сказал?

Я замолчал, а Крамли заговорил:

— Ладно, а что, если мы отведем Эмили Слоун в церковь?

— Черт побери!

— Не чертыхайся на меня. Мы все были наслышаны о ее пожертвованиях церкви Святой Девы Марии на бульваре Сансет. Как она два года подряд на Пасху раздавала по двести серебряных распятий. Уж если ты католик, то это на всю жизнь.

— Даже если она сумасшедшая?

— Но она будет все осознавать. Внутри, за своими стенами, она будет чувствовать, что присутствует на мессе, и... заговорит.

— Начнет что-нибудь выкрикивать, бредить, может быть...

— Может быть. Но она знает все. Поэтому-то она и сошла с ума, чтобы не думать, не говорить об этом. Она единственная, кто выжил, все остальные умерли или прячутся прямо у нас под носом, держа рот на замке за хорошие деньги.

— И ты думаешь, она может в достаточной мере чувствовать, ощущать, знать и помнить? А вдруг мы только усугубим ее безумие?

— Господи, да откуда я знаю! Это последняя наша зацепка. Никто другой не станет с нами откровенничать. Половину истории тебе рассказала Констанция, еще четверть — Фриц, есть еще священник. Это головоломка, а Эмили — рамка, внутри которой нужно собрать все части. Зажгите свечи, воскурите ладан. Пусть зазвонит алтарный колокол. Может быть, она очнется после семи тысяч дней молчания и заговорит.

Целую минуту Крамли молча сидел, медленно и тяжело потягивая пиво. Затем он наклонился вперед и произнес:

— Ну что, пойдём вытащим ее?

67

Мы не привели Эмили Слоун в церковь.

Мы привели церковь к Эмили Слоун.

Констанция все устроила.

Мы с Крамли принесли свечи, ладан и медный колокол, сделанный в Индии. Затем расставили и зажгли свечи в одной из

полутемных комнат санатория «Елисейские Поля» в Холлихокхаусе. Я приколот на колени булавками несколько кусков хлопчатобумажной ткани.

— А это еще зачем? — проворчал Крамли.

— Звуковые эффекты. Они шуршат. Как полы сутаны.

— Господи!

— Да-да, именно.

Потом, когда свечи были зажжены, мы с Крамли, спрятавшись в укромной нише, развеяли в воздухе запах ладана и проверили колокол. Он издал чистый, приятный звон.

— Констанция! — тихо позвал Крамли. — Веди!

И вот вошла Эмили Слоун.

Она двигалась не по своей воле, она не шла; ее голова была неподвижна, неподвижный взгляд неподвижных глаз замер на ее лице, словно выточенном из мрамора. Сперва из темноты показался ее профиль, затем недвижимое тело и руки, в безмятежности надгробной статуи застывшие на девственных от времени коленях. Она сидела в кресле на колесиках, подталкиваемом сзади почти невидимой рукой ассистентки режиссера, Констанции Раттиган, одетой в черное, как на репетиции сцены старинных похорон. Как только бледное лицо и ужасающе неподвижное тело Эмили Слоун выплыли из темноты холла, послышался шорох, словно шумно взлетела стайка птиц; мы стали разгонять веерами ладанный дым и негромко звонить в колокол.

Я кашлянул.

— Тсс, она же слушает! — шелнул мне Крамли.

И правда она слушала.

Когда Эмили Слоун оказалась в лучах мягкого света, слабое движение — легкая дрожь — промелькнуло под ее веками, а неуловимое колебание свечного пламени отзывалось на тишину и меняло изгибы теней.

Я помахал веером.

И ударил в колокол.

При этих звуках само тело Эмили Слоун словно унеслось прочь. Как невесомый воздушный змей, подхваченный невидимым ветерком, она качнулась, будто плоть ее растаяла.

Снова ударил колокол, и ладанный дым заставил вздрогнуть ее ноздри.

Констанция отступила назад, во тьму.

Голова Эмили Слоун повернулась к свету.

— Боже мой, — прошептал я.

«Это она», — подумал я.

Слепая женщина, которая пришла в «Браун-дерби» и ушла вместе с чудовищем в ту далекую ночь, за тысячу, казалось, ночей назад.

Значит, она не слепая.

Всего лишь кататоничка.

Но не просто кататоничка.

Она восстала из могилы и плыла по комнате в аромате и дыму благовоний, под звуки колокола.

Эмили Слоун.

Десять минут Эмили сидела, не говоря ни слова. Мы ждали, считая удары своих сердец. Мы смотрели, как пламя пожирает свечи и рассеивается дым.

И вот настало то прекрасное мгновение, когда голова ее склонилась, а глаза широко распахнулись.

Она сидела еще, наверное, минут десять, жадно впитывая воспоминания о тех далеких днях, задолго до того, как страшный удар выбросил ее, словно обломок кораблекрушения, на калифорнийский берег.

Я увидел, как губы ее дрогнули, а язык шевельнулся во рту.

Она словно водила пером по внутренней стороне своих век, а затем воплощала это в словах.

— Никто... — прошептала она, — не пони... мает...

И продолжила:

— Никто... никогда не понимал...

Пауза.

— Он был... — наконец произнесла она и остановилась.

Клубился дым благовоний. Колокол издал тихий звон.

— ...студия... он... любил...

Я прикусил запястье и ждал, что она скажет.

— ...место... для... игр. Съемочные... площадки...

Тишина. Ее зрочки подергивались, она вспоминала.

— Площадки... игрушки... электрические... поезда. Мальчишки, да. Десятилетние... — Она перевела дыхание. — Одиннадцатилетние...

Пламя свечей всколыхнулось.

— ...он... всегда говорил... Рождество... всегда... никогда не уходит... Он бы... умер... если бы не Рождество... глупец. Но... двенадцать... он сказал... родителям не покупать ему... носки... галстуки... свитера. На Рождество. Покупать игрушки. Иначе он не станет... разговаривать.

Ее голос постепенно угасал.

Я взглянул на Крамли. Его глаза вылезали из орбит, так ему хотелось слушать еще и еще. Поплыл дым от ладана. Я тихонько ударил в колокол.

— А потом?.. — впервые за все это время прошептал он. — Потом?..

— Потом... — эхом отозвалась она. Она читала строчки на внутренней стороне своих век. — Вот так... он... стал управлять... студией.

Ее тело вновь стало обретать плоть. Она вновь возникала в своем кресле, как будто воспоминание задело какие-то струны и бывшая сила, утраченная живость и само ее существо стали понемногу возвращаться на место. Даже кости лица, казалось, двигаются, меняя очертания щек и подбородка. Теперь она говорила быстрее. И наконец ее прорвало.

— Игра. Да. Он не работал... играл. В киностудию. Когда его отец... умер.

И по мере того, как она рассказывала, с ее уст уже слетало по три, по четыре слова, и наконец они стали выплескиваться десятками, а потом это были уже тугие струи, и ручьи, и реки. Румянец коснулся щек, блеск появился в глазах. Она начала подниматься. Словно лифт из темной шахты, поднимающийся к свету, ее душа выплывала из тьмы, а следом и она сама начала вставать на ноги.

Это напомнило мне те вечера 1925—1926 годов, когда где-то вдали, сквозь шум радиопомех, играла музыка или пели голоса и ты, пытаясь их поймать, крутил семь или восемь ручек настройки на своем супергетеродине⁹⁵, чтобы услышать далекий город Скенектади, где несколько чертовых безумцев играли музыку, которую тебе совсем не хотелось слушать. Но ты все равно продолжал настраивать, пока наконец не удавалось установить одну за другой все ручки, и тогда шум исчезал, и голоса выстреливали

из большого и круглого, как пластинка, динамика, и ты победно смеялся, хотя тебе нужны были одни лишь звуки, а не смысл. И то же самое было в тот вечер, в этом месте, где ладан, колокол и пламя свечей постепенно вызывали Эмили Слоун из тьмы к свету. А она вся была одним бесплотным воспоминанием, так слушай, слушай, колокол, колокол и голос, голос, а за спиной бледной статуи стояла Констанция, готовая подхватить ее, если та упадет, а статуя говорила:

— Студия. С иголки, в Рождество. Каждый день. Он всегда. Приходил сюда в семь. Утра. Энергичный. Нетерпеливый. Если он видел людей. С закрытыми ртами. Он говорил: откройте! Смейтесь. Никогда не понимал. Кто-то в унынии, а жизнь всего одна. Надо жить. Многие еще не сделано...

Она снова стала уплывать, распускаться, словно эта длинная тирада лишила ее всех сил. С дюжину ударов сердца она ждала, пока кровь не будет спокойнее течь в жилах, затем наполнила воздухом легкие и спешно, словно за ней гнались, продолжила свою речь:

— Я... в тот же год, с ним. Двадцать пять, только что из Иллинойса. Помешанная на кино. Он увидел, что я помешанная. Держал меня... рядом.

Молчание. Затем:

— Чудесно. Все первые годы... Студия развивалась. Он строил. Чертежи. Сам себя называл Первооткрывателем. Картографом. К тридцати пяти. Сказал. Хочет, чтобы весь мир был внутри... стен. Никогда не путешествовал. Ненавидел поезда. Только машины. Машины убили его отца. Страсть. Вот, понимаете, он жил в маленьком мире. Мир становился тем меньше, чем больше городов и стран он строил на съемочной площадке. Галлия! У его ног. Затем... Мексика. Острова у берегов Африки. Потом... Африка! Он говорил. К чему путешествовать? Просто запер себя внутри. Он приглашал людей. Вы бывали в Найроби? Пожалуйста! Лондон? Париж? Прошу! На каждой площадке выстроил специальные гостиницы. Ночи: в Нью-Йорке. Выходные: на Рив-Гош... очнуться на римских развалинах. Возложить цветы. К могиле Клеопатры. За фронтонами каждого из городов постелил ковры, поставил кровати, водопровод. Работники студии смеялись над ним. Ему было плевать. Молодой, горячий.

Он продолжал строить. В двадцать девятом, в тридцатом, тридцать первом, тридцать втором!

Крамли на противоположном конце комнаты поднял брови и посмотрел на меня. Господи! А я-то думал, что изобрел что-то новое, когда поселился и стал писать в гринтаунском доме моей бабушки!

— Даже такое место, — прошептала Эмили Слоун, — как собор Парижской Богоматери. Спальный мешок. Высоко-высоко над Парижем. Просыпался с восходом солнца. Безумец? Нет. Он смеялся. Заставлял *вас* смеяться. Не был безумен... это потом, позже...

Она погрузилась в молчание.

Это длилось долго, и мы уже думали, что Эмили утонула в нем навеки.

Но тут я снова тихо ударил в колокол, и она, опустив голову на грудь, посмотрела на узор, вывязываемый ее пальцами, и вновь подобрала невидимую нить.

— Позже... действительно... безумен. Я вышла замуж за Слоуна. Бросила работу секретарши. Никогда себе не простила. Он по-прежнему играл в большие игрушки... сказал, что все еще любит меня. И вот в ту ночь... авария. Это. Это. Это случилось. И я... умерла.

Долгую минуту мы с Крамли ждали. Одна из свечей погасла.

— Знаете, он иногда приходит, — сказала наконец Эмили под замирающее потрескивание мерцающих и гаснущих свечей.

— Он? — осмелился прошептать я.

— Да. О, два... три... раза... в год.

«Знаешь ли ты, сколько лет прошло с тех пор?» — подумал я.

— Он меня забирает с собой, забирает с собой, — вздохнула она.

— Вы разговариваете? — шелотом спросил я.

— Он говорит. Я только смеюсь. Он говорит... Он говорит, что...

— Что?

— Что даже спустя все эти годы любит меня.

— А вы?

— Ничего. Это неправда. Я причинила... горе.

— Вы ясно видите его?

— О нет. Он сидит далеко, где нет света. Или стоит за спинкой моего стула, говорит о любви. Приятный голос. Все тот же. Хотя он мертв, и я мертва.

— Но чей это голос, Эмили?

— Как... — Она помедлила с ответом. Затем ее лицо озарилось. — Арби, конечно.

— Арби?..

— Арби, — ответила она и покачнулась, неподвижно глядя на последнюю непогасшую свечу. — Арби. Он создал ее от начала до конца. Он так думает. Есть ради чего жить. Студия. Игрушки. Не важно, что я ушла. Он жил ради того, чтобы снова вернуться в единственное место, которое он любил. Поэтому он делал это даже после смерти. Молоток. Кровь. О боже! Он убил меня. Меня! — пронзительно вскрикнула она и упала в свое кресло.

Ее веки и губы крепко сомкнулись. Она сидела без сил, безмолвная, вновь превратившись в статую, навеки. Никакие колокола, никакие благовония уже не сотрут с нее эту маску. Я тихо позвал ее по имени.

Но она уже выстроила для себя новый стеклянный гроб и закрыла крышку.

— Боже! — произнес Крамли. — Что мы наделали?

— Доказали два убийства, а может быть, три, — ответил я.

— Пойдемте домой, — сказал Крамли.

Но Эмили не услышала. Ей было хорошо там, где она была.

68

И вот наконец оба города слились воедино.

Чем больше света было в городе мрака, тем больше мрака было в городе света.

Туман и таинственная дымка начали переливаться через высокие стены кладбища. Надгробные камни задвигались, словно тектонические плиты. В сухие подземные туннели стали просачиваться холодные ветры. Сама память захлестнула подземелья фильмофондов. Черви и термиты, обитавшие раньше в цветущих садах каменных надгробий, ныне подкапывались под яблочные

сады Иллинойса, вишневые деревья Вашингтона и геометрически подстриженные кустарники вокруг французских замков. Огромные павильоны пустели один за другим, с грохотом захлопывая свои ворота. Дошчатые домики, бревенчатые хижины и просторные усадьбы Луизианы начали ронять с крыш куски дранки, распахнули зияющие дыры своих дверей, затрепетали от свалившихся на них напастей и обрушились.

Ночью две сотни старинных автомобилей, стоявших на натуральных площадках, взревели моторами, выпустили клубы дыма и, взметая гравий и пыль, тайными тропами помчались в родной Детройт.

В зданиях постепенно, этаж за этажом, погас свет, захлебнулись кондиционеры, последние тоги, словно призраки Рима, на грузовиках вернулись в «Вестерн костюм», что всего в квартале от Аплиевой дороги, а полководцы и цари ушли вместе с последними сторожами.

Нас оттесняли в море.

Границы, как мне казалось, день ото дня все сужались.

Все больше вещей, по слухам, рассыпалось и исчезало. Вслед за миниатюрными городами и доисторическими животными исчезли нью-йоркские дома из бурого песчаника и небоскребы, а вслед за давно пропавшим крестом на Голгофе отправился в печь и в отворенный на рассвете Гроб Господень.

В любой момент само кладбище могло затрещать по швам. Его растрепанные жильцы, лишенные крова, выставленные в полночь на улицу, вот-вот пойдут в поисках нового пристанища на другой конец города, в «Форест лон»⁹⁶; они будут останавливать в два ночи автобусы и пугать водителей, и захлопнутся последние ворота, и подземные туннели-склепы, где хранятся бутылки с виски и коробки с фильмами, до краев заполнятся багровыми потоками холодной жижи, а церковь на другой стороне улицы наглухо заколотит все двери, и пьяный пастор с метрдетелем из «Браун-дерби» будут спасаться бегством среди темных холмов у надписи «Голливуд», в то время как скрытая угроза и невидимая армия будут теснить нас все дальше и дальше на запад, выгоняя меня из дома, а Крамли — с его поляны в джунглях, пока наконец здесь, в арабском гетто, где почти нет еды, зато шампанское льется рекой, мы не найдем свое послед-

нее пристанище, и тогда армия мертвецов во главе с чудовищем под дикие крики хлынет с песчаных дюн, чтобы швырнуть нас на обед тюленям Констанции Раттиган и натолкнуться на призрак Эйми Сэмпл Макферсон, сквозь прибой выбирающейся на берег, изумленной, но возрожденной на христианской заре.

Так все и было.

С поправкой на метафоричность.

69

Крамли пришел в полдень и застал меня у телефона.

— Собираюсь позвонить на студию и договориться о встрече, — сказал я.

— С кем?

— С тем, кто окажется в кабинете Мэнни Либеры, когда зазвонит белый телефон на огромном столе.

— А потом?

— А потом пойду славаться.

Крамли посмотрел на холодные волны прибоя за окном.

— Иди-ка освежи голову, — сказал он.

— Так что же нам делать?! — воскликнул я. — Сидеть и ждать, пока они не выломают дверь или не выйдут из моря? Я не могу сидеть без дела. По мне, так лучше умереть.

— Дай-ка мне!

Крамли схватил трубку и набрал номер.

Дождавшись ответа, он едва сдержался, чтобы не перейти на крик:

— Я вполне здоров. Закрой мой больничный. Вечером буду на работе!

— И это в тот момент, когда ты мне так нужен, — сказал я. — Предатель.

— Предатель, черта с два! — Он с грохотом бросил трубку на рычаг. — Я — стремянный!

— Кто-о-о?

— Вот кем я был всю неделю. Ждал, когда ты пролезешь в дымоход или свалишься с лестницы. Стремянный. Парень, который держал поводья, когда генерал Грант спрыгивал со своей лошади.

Тайком пробираться на заупокойные службы и читать подшивки старых газет — это все равно что спать с русалкой. Пора помочь моему коронеру.

— А ты знаешь, что слово «коронер» означает всего лишь «при короне»? Парень, который выполнял поручения короля или королевы. Корона. Король. Коронер.

— Черт побери! Мне надо позвонить в телеграфное агентство. Дай-ка трубку!

Раздался телефонный звонок. Мы оба вздрогнули.

— Не поднимай, — сказал Крамли.

...Восьмой звонок. Десятый. Наконец я не выдержал. И снял трубку.

Сперва в ней слышался только шум электрических волн, накатывающих на берег где-то на другом конце города, где невидимые капли дождя падали на неумолимые плиты надгробий. А затем...

Я услышал тяжелое дыхание. словно где-то, за много миль отсюда, хлюпала огромная черная квашня.

— Алло, — отозвался я.

Молчание.

Наконец тягучий, вязкий голос, голос, идущий из глубин искоженной плоти, произнес:

— Почему ты не здесь?

— Никто не звал меня, — ответил я дрожащим голосом.

Я слышал тяжелое дыхание, словно доносящееся из-под толщи воды, как будто кто-то тонул в своей собственной ужасной плоти.

— Сегодня вечером. — Голос становился все тише. — В семь. Ты знаешь где?

Я кивнул. Глупец! Я кивнул!

— Хорошо... — медленно проговорил голос из глубины, — это было так давно, так далеко... отсюда... поэтому... — Голос стал печален. — Прежде чем я уйду навсегда, мы должны, о, мы должны... поговорить...

Послышался шумный вздох, и голос исчез.

Я сел, не выпуская из руки трубку, крепко зажмурил глаза.

— Кто это был, черт возьми? — спросил Крамли у меня за спиной.

— Не я ему позвонил, — проговорили мои губы. — Он сам позвонил *мне!*

— Дай-ка мне!

Крамли набрал номер.

— Я по поводу больничного... — начал он.

70

Студия была наглухо закрыта: там царили опустошение, темнота и смерть.

Впервые за тридцать пять лет у ворот стоял всего один охраннык. Ни в одном из зданий не горел свет. Лишь несколько фонарей освещали перекрестки аллей, которые вели к собору Парижской Богоматери, если он все еще стоял на месте, мимо исчезнувшей навсегда Голгофы, и упирались в ограду кладбища.

«Господи, — подумал я, — вот они, мои два города. Только ныне они оба холодны, оба темны, между ними нет никакой разницы. Стоят бок о бок, города-близнецы: в одном царят лужайки и холодный мрамор, в другом, по эту сторону, — человек: мрачный, жестокий, все презирающий, как сама Смерть. Он повелевает мэрами и шерифами, полицией с ее ночными псами, телефонными сетями, протянувшимися к банкам Восточного побережья».

Наверное, я был единственным живым существом на всем пути, по которому я шел, дрожа от страха, из одного мертвого города в другой.

Я подошел к воротам.

— Ради бога, — произнес за моей спиной Крамли, — не делай этого!

— Я должен, — ответил я. — Чудовищу известно, где находится каждый из нас. Он мог бы прийти в дом к тебе, или к Констанции, или к Генри и нас уничтожить. Но теперь, мне кажется, он этого не сделает. Кто-то окончательно выследил нас и сделал это для него. Согласись, нет никакого способа его остановить. Ни одного доказательства. Никакого закона, чтобы его арестовать. Нет такого суда, который бы выслушал нас. И нет такой тюрьмы, которая бы его приняла. Но я не хочу,

чтобы меня вышвырнули на улицу или прибили в собственной постели. Господи, Крамли, я не могу томиться и ждать. В конце концов, ты же слышал его голос. Не думаю, что он может отправиться куда-либо, кроме как на тот свет. Его постигло что-то страшное, и ему нужно поговорить.

— Поговорить! — вскричал Крамли. — Что-то вроде «Сиди смирно, пока я не трахну тебя по башке»?!

— Поговорить.

Я стоял в воротах и смотрел на длинную улицу впереди.

Стояния Крестного пути:

Стена, от которой я убежал в канун Дня всех святых.

Гринтаун, где мы с Роем по-настоящему жили.

Павильон 13, где была создана и разрушена фигура чудовища.

Столярная мастерская, где был спрятан гроб, а позже сожжен.

Комната Мэгги Ботуин, по стене которой скользил силуэт Арбутнота.

Столовая, где апостолы от кино преломляли черствый хлеб и пили Христово вино.

Голгофа, которой ныне нет, и звездный круг, вращающийся над нею, и Христос, давным-давно второй раз сошедший в могилу, так что чудо с рыбой уже не повторится.

— К черту все, — сказал Крамли у меня за спиной. — Пойду с тобой.

Я отрицательно покачал головой:

— Нет. Ты что, хочешь неделями и месяцами бродить кругом в поисках чудовища? Он будет прятаться от тебя. Сейчас он открылся мне, быть может, затем, чтобы рассказать о пропавших людях. Ты что, намерен получить разрешение на вскрытие сотни могил за этой стеной? Думаешь, город даст тебе в руки лопату и позволит откопать Иисуса, Кларенса, Грока и Дока Филиппса?! Мы никогда их больше не увидим, если только Человек-чудовище не покажет нам. Так что подожди у входа на кладбище. Обойди вокруг квартала раз восемь-десять. Может, я выскочу с криками из каких-нибудь ворот, а может, просто выйду.

— Ладно. — Голос Крамли звучал тоскливо. — Иди, пусть тебя убьют! — Он вздохнул. — Эх! Черт! Держи.

- Пистолет? — воскликнул я. — Я боюсь оружия!
— Возьми. Положи пистолет в один карман, а пули в другой.
— Нет!
— Бери! — Крамли сунул мне пистолет в руку.
Я взял.
— Возвращайся целым и невредимым!
— Слушаюсь, сэр, — ответил я.

Я вошел внутрь. Киностудия приняла на себя мой груз. Я почувствовал, как она прогнулась в ночи под моей тяжестью. В любое мгновение последние из оставшихся зданий могли, словно подстреленные слоны, рухнуть на колени; их гниющее мясо достанется собакам, кости — ночным птицам.

Я пошел по улице, все еще надеясь, что Крамли окликнет меня. Тишина.

У третьей аллеи я остановился. Мне захотелось взглянуть в сторону, туда, где был Гринтаун, штат Иллинойс. Но не стал. Если его башенки, эркеры, игрушечные мансарды и винные погреба уже скрыты экскаваторами и пожраны термитами, я не буду на это смотреть.

На здании администрации горел всего один маленький фонарь. Дверь была не заперта.

Я сделал глубокий вдох и вошел.

Дурак. Идиот. Кретин. Маразматик.

Я бормотал эту литанию, поднимаясь наверх.

Я взялся за ручку двери. Заперто.

— Слава богу!

Я уже собрался было бежать, как вдруг...

Щелкнули механизмы.

Дверь кабинета медленно распахнулась.

«Пистолет», — подумал я. И нащупал в одном кармане оружие, в другом — патроны.

Я сделал полшага вперед.

Кабинет освещала лишь лампа над картиной, висящей на противоположной от меня, западной стене. Я пошел вперед, бесшумно ступая по полу.

Вокруг были все те же пустые диваны, кресла и огромный пустой стол с единственным телефоном.

И большое кресло, которое на сей раз не пустовало.

Я слышал его дыхание во тьме — долгое, медленное и тяжелое, как дыхание громадного животного.

И смутно различимая, массивная фигура человека, сидящего в этом кресле.

Я споткнулся о стул. От этого удара мое сердце едва не остановилось.

Я украдкой взглянул на фигуру в дальнем конце комнаты и ничего не разглядел. Его голова была опущена, лицо оставалось в тени, большие руки и огромные, как лапы, ладони были вытянуты вперед и покоились на столе. Вздох. Вдох-выдох.

Голова и лицо Человека-чудовища поднялись, обратившись к свету.

На меня уставились горящие глаза.

Он колыхался, как огромное черное тесто под паром.

Массивная плоть стонала, когда фигура поворачивалась.

Я протянул руку к выключателю.

Рана-которая-была-ртом растянулась и обнажилась.

— Не надо! — Огромная тень протянула свою длинную руку.

Я услышал, как повернулся телефонный диск: один раз, два. Затем жужжание, шелканье. Я повернул выключатель. Света не было. Запоры двери снова вернулись на место.

Молчание. А дальше...

...раздался шум втягиваемого воздуха, затем столь же шумный выдох:

— Ты пришел... устраиваться на работу?

«Что?» — подумал я.

Огромная тень подалась вперед и исчезла в темноте. Я смотрел на нее, но не видел глаз.

— Ты пришел, — прошелестел голос, — чтобы встать во главе студии?

«Я?!» — подумал я. А голос продолжал, выговаривая слог за слогом:

— ...Нет теперь никого, кто годится для этой работы. Это целый мир, который ищет своего хозяина. Целый мир на нескольких акрах земли. Когда-то здесь росли апельсины, лимоны, пасся скот. Скоты и теперь здесь. Ну да бог с ними. Все это твое. Я дарю этот мир тебе...

Безумие.

— Подойди взгляни, чем ты теперь владеешь!

Он сделал жест своей длинной рукой. Прикоснулся к невидимому диску телефона. Зеркало позади стола отодвинулось, распахнув широкий проход, откуда потянуло подземным холодком, и я увидел туннель, ведущий вниз, в пещеру.

— Сюда! — прошептал голос.

Тень вытянулась и повернулась. Вращающееся кресло пронзительно скрипнуло, и вдруг тень исчезла — ее не было теперь ни в кресле, ни за креслом. Передо мной простирался стол, пустой, как палуба гигантского корабля. Тяжелое зеркало начало медленно закрываться. Я бросился вперед, испугавшись, что, когда оно закроется, тусклые огни погаснут совсем и меня поглотит темнота.

Зеркало продолжало скользить. Я увидел в нем свое лицо, искаженное паникой.

— Я не могу идти за вами! — крикнул я. — Мне страшно!

Зеркало застыло на месте.

— Ты же был там на прошлой неделе, — прошепел голос. — Что же сегодня? Вскрыл могилу. Мою могилу.

Теперь его голос был похож на голос моего отца, когда он таял на смертном одре: отец жаждал смерти как подарка, но ему пришлось томиться не один месяц, прежде чем умереть.

— Переступи порог, — спокойно произнес голос.

«Господи, — подумал я, — эта фраза знакома мне с шести лет. Призрак, манящий из зазеркалья. И вот певица, привлеченная мягкостью голоса, прислушивается к нему, касается зеркала, и оттуда появляется рука, которая поведет ее вниз, в подземелья, и похоронная гондола покачивается на черной воде канала, и Смерть стоит у руля. Зеркало, шепот, пустынное здание оперы, и где-то вдали слышится пение».

— Я не могу двинуться, — сказал я. И это было правдой. — Я боюсь. — Мой рот словно наполнился песком. — Вы ведь давно умерли...

Он — силуэт по ту сторону зеркала — покачал головой:

— Не так-то легко быть мертвым и при этом жить под сводами киноархива, уходящего в глубь могил. Содержать людей, которые знают ничтожно мало, платить им много и убивать их, если не справились с работой. Смерть после полудня в павильоне три-

надцать. Или смерть в бессонную ночь по ту сторону ограды. Или здесь, в этом кабинете, где я часто спал в широком кресле. Так что же...

Зеркало задрожало — то ли от его дыхания, то ли от прикосновения, я не знаю. Кровь застучала у меня в ушах. Стекло отразило эхо моего голоса, мальчишеского голоса:

— А нельзя ли нам поговорить здесь?

И снова послышался печальный полувздых-полусмех:

— Нет. Нам предстоит большая экскурсия. Ты должен знать все, если собираешься занять мое место.

— Но я не хочу! Кто сказал, что я собираюсь?

— Я сказал. Я это говорю. Послушай, мне лучше быть мертвым.

Потянуло сыростью, пахнувшей целлулоидом старой киноплёнки и влажной землей могил.

Зеркало, скользя, вновь отодвинулось в сторону. Послышался звук тихо удаляющихся шагов.

Я напряженно вгляделся внутрь, в туннель, слабо освещенный тусклыми аварийными лампами на потолке.

Человек-чудовище, словно огромная тень, медленно сходил вниз по наклонному полу и вдруг обернулся.

Он пристально посмотрел на меня своими до невозможности безумными, неслыханно печальными глазами.

Он кивнул головой в сторону наклонного коридора, теряющегося в темноте.

— Что ж, если не можешь идти, беги, — прошептал он.

— Бежать от кого?

Его губы влажно причмокнули, и наконец он произнес:

— От меня! Я всю жизнь бегал! Что, думаешь, я не могу догнать тебя? Господи! Притворись! Вообрази, что я по-прежнему силен, что обладаю все той же властью. Что я могу убить тебя! Сыграй, будто тебе страшно!

— Но мне страшно!

— Так беги! Черт тебя побери!

Он поднял кулак и ударил по стене, стряхнув с нее тени.

Я побежал.

А он за мной.

Это была жуткая притворная погоня, сквозь подземелья, где покоились коробки с фильмами, к каменным склепам, где покоились кинозвезды из всех этих фильмов, под стеной и сквозь стену, и вот стена уже позади, а я все мечусь по катакомбам, убегая от чудовища, чьи избыточные телеса вот-вот хлынут мне на пятки, я мчусь к могиле, где никогда не лежал Дж. Ч. Арбутнот.

И, убегая, я знал: да никакая это не экскурсия, мой путь имеет конечную цель. Меня не преследовали, меня гнали, как скотину. Но куда?

На самое дно подземелья, где тысячу лет назад стояли мы: Крамли, слепой Генри и я. Я резко остановился, словно ударившись о стену.

Лестница, бывшая основанием саркофага, ждала на месте; вокруг — никого.

Я слышал, как позади в темном туннеле дробно стучат шаги и бушует огненный рев погони.

Я прыгнул на ступеньки, зацепившись за что-то, чтобы туда залезть. Скользя, бормоча жалкие молитвы, я со стоном поднялся наверх, издал крик облегчения и, выскочив из саркофага, с воплем спрыгнул на пол.

Я навалился на дверь склепа, и та широко распахнулась. Выпав из нее и очутившись на кладбище, я стал напряженно всматриваться сквозь лес могил туда, где был бульвар, бесконечно далекий и безлюдный.

— Крамли! — заорал я.

Ни одной проезжающей машины, ни одного припаркованного авто.

— О господи! — простонал я. — Крамли! Где ты?

У меня за спиной, у самого входа в склеп, бешено стучали шаги. Я в отчаянии обернулся.

Человек-чудовище вынырнул из темноты.

Луна освещала в проеме его фигуру. Он стоял, как надгробная статуя, воздвигнутая в память самой себя, под своим же именем, высеченным на камне. На мгновение он показался мне призраком английского лорда, стоящего на пороге сторожки у ворот старинного поместья: он словно просился, чтобы его запечатлели на

пленке, а затем в темной комнате погрузили в кислотный раствор, и тогда, по мере проявления, вновь возникнут его неясные очертания — одна рука опирается на дверные петли справа, другая поднята, словно в стремлении отмахнуться от Судьбы, швырнув ее, как шар, через холодное мраморное поле для игры. Вверху, над дверью из холодного мрамора, я снова прочел:

АРБУТНОТ

Наверное, я едва не выкрикнул вслух это имя.

При этом слове он бросился вперед, точно кто-то выстрелил из стартового пистолета. Его крик заставил меня рвануть к воротам. Дюжину раз я наткнулся на могилы, отскакивал, опрокидывал вазы с цветами и, крича, бежал дальше с удвоенной скоростью. Одна половинка меня чувствовала себя затравленным зверем, другая видела во всем фарс в духе кистонских фильмов. На одной картинке могучие волны захлестывали одинокого беглеца. На другой за Чарли Чейзом⁹⁷ неслось стадо обезумевших слонов. То дико хохоча, то погибая от отчаяния, я промчался по кирпичным дорожкам между могилами и вдруг обнаружил, что...

Крамли не было. Бульвар безлюден.

На другой стороне улицы стояла, распахнув настежь двери, церковь Святого Себастьяна, в ней горел свет.

«Иисус, — подумал я, — если бы только ты был со мной!»

Я бросился туда, ощущая кровь на губах.

Сзади слышался тяжкий грохот неуклюжих шагов и затрудненное дыхание полуслеплого, изуродованного человека.

Я примчался к дверям.

Святое прибежище!

Но в церкви не было ни души.

На золотом алтаре горели свечи. Они горели в пещерах, где Христос уступил Деве Марии почетное место среди ярких огней, сочащихся слезами любви.

Двери исповедальни были открыты.

Послышался грохот приближающихся шагов.

Я нырнул в кабинку, захлопнул за собой дверь и, дрожа как лист, погрузился во тьму, в этот темный колодезь.

Грохот шагов...

...стал стихать, будто ураган. Словно буря, шаги постепенно улеглись, а затем, среди наступившего штиля, приблизились ко мне.

Я почувствовал, как лапа чудовища легла на ручку двери. Дверь не заперта.

Но ведь я пастор, не так ли?

Кто бы ни прятался здесь, за закрытой дверью, он был святейшим человеком, с мнением которого надо считаться, с кем можно поговорить и остаться... *в живых?*

Из-за двери я услышал это ужасное ворчание изможденного человека, самого себя обречшего на смерть. Меня била дрожь. Я разжал зубы, чтобы помолиться о самых простых вещах. Я просил один час, чтобы провести его с Пег. Оставить после себя ребенка. Мелочи. Пустяки, заслоняющие собой ночь, огромные, как надежда увидеть рассвет...

Мои ноздри, наверное, источали сладкий запах жизни. Он просачивался наружу вместе с моими молитвами.

В последний раз послышалось ворчание и...

Господи!

Человек-чудовище неуклюже ввалился в соседнюю кабинку исповедальни!

Отчаянная ярость, с которой он втиснулся внутрь, заставила меня содрогнуться больше, нежели страх, что его ужасающее дыхание испепелит решетку и выжжет мне глаза. Но его огромная туша плюхнулась на сиденье, словно обширные кузнечные мехи, вздыхающие всеми своими складками.

Я понял: странная погоня закончилась, начался последний раунд.

Я слышал, как Человек-чудовище шумно вздохнул один раз, другой, третий, будто набираясь смелости, чтобы заговорить, или боясь заговорить, словно все еще хотел убить меня, но устал — о господи, — наконец-то он устал.

Вот он тяжело вздохнул, словно ветер зашумел в печной трубе, и произнес:

— Благослови меня, отче, ибо я согрешил!

«Боже, — подумал я, — господи боже, что же отвечали пасторы во всех этих старых фильмах, которые я смотрел полжизни назад? Вот глупая память, что?!» У меня возникло безумное желание вы-

скакнуть вон и что есть духу мчаться куда глаза глядят, чувствуя, как чудовище дышит мне в спину.

Но едва я овладел своим дыханием, послышался его ужасающий вздох:

— Благослови меня, отче...

— Я не твой отче! — крикнул я.

— Нет, — прошептал Человек-чудовище.

И после секундной тишины добавил:

— Ты мой сын.

Я так и подпрыгнул на месте, сердце мое провалилось в холодный и мрачный туннель.

Человек-чудовище зашевелился.

— Кто... — (пауза), — как ты думаешь... — (пауза), — нанял тебя на работу?

«Господи боже!»

— Я, — произнес тот, чье лицо скрывала решетка.

«Так это был не Грок?» — подумал я.

И Человек-чудовище начал читать страшную молитву, перебирая черные четки, а я потихоньку невольно откидывался назад, пока голова не коснулась стенки исповедальни, и тогда я повернул ее и прошептал:

— Почему ты меня не убил?

— Я никогда этого не хотел. Твой друг случайно на меня напал. Он сделал этот бюст. Безумие. Да, я хотел его убить, но прежде он сам убил себя. Или сделал вид, будто покончил с собой. Он жив, он ждет тебя...

«Где?!» — хотелось мне крикнуть. Но вместо этого я спросил:

— Зачем ты меня спас?

— Зачем?.. Я хочу, чтобы однажды кто-нибудь рассказал мою историю. Ты единственный... — он помолчал, — кто может ее рассказать, рассказать... правильно. На студии нет ничего, что было бы мне неизвестно, да и в мире не найдется ничего, о чем бы я не знал. Всю ночь я читал, спал урывками и снова читал, и однажды — о, совсем недавно, несколько недель назад, — я прошептал сквозь стену твое имя. «Он сделает это, — сказал я себе. — Найди его. Вот он, мой летописец. Мой сын».

Так и вышло.

Его шепот из-за зеркала стал причиной моего назначения.

И этот шепот теперь был здесь, меньше чем в четырнадцати дюймах от меня, воздух между нами дрожал от его дыхания, как от работы кузнечных мехов.

— Милые, выбеленные, как кости, холмы Иерусалима, — произнес его слабый голос. — Тысячи дней я нанимал, увольнял всех и вся. Кто другой мог бы это сделать? Что еще мне оставалось, кроме моего уродства и желания умереть? Работа — вот что связывало меня с жизнью. Когда я нанял тебя, это стало еще одной странной связью.

«Может, надо поблагодарить его?» — подумал я.

Вскоре послышалось что-то похожее на вздох. И он снова заговорил:

— Сперва я руководил всем опосредованно, из-за зеркала. Мой голос стучал в барабанных перепонках Мэнни Либера: я предсказывал поведение рынков, правил сценарии, сидя в могиле, а потом подсовывал ему, когда он в два часа ночи прикинул щекой к стене. Вот это были свидания! Вот это двойники! Это и супер-это. Горн и трубач. Танцор был плох. Но я стал его зазеркальным хореографом. Господи, мы делили с ним один кабинет. Он крил недовольные рожи и заявлял о своих великих решениях, а я ждал каждую ночь, чтобы выйти на первый план, сесть в кресло за пустым столом с единственным телефоном и диктовать Либери, моему секретарю.

— Я знаю, — прошептал я.

— Откуда ты знаешь?!

— Я догадался.

— Догадался?! Что? Обо всем этом страшном безумии? О Хеллоуине? О том, что случилось двадцать, о боже, двадцать лет назад?!

Он тяжело задышал, ожидая ответа.

— Да, — прошептал я.

— Да-да. — Человек-чудовище начал вспоминать. — Сухой закон уже был отменен, но мы таскали выпивку с бульвара Санта-Моники через склеп, по туннелю, просто так, ради смеха. Половина вечеринки на кладбище, половина — под сводами киноархива! Черт! Пять павильонов, заполненных кричащими людьми, девушками, кинозвездами, статистами. Я с трудом припоминаю ту ночь. Знаешь ли ты, сколько людей, сколько безумцев занимается любовью на кладбище? Тишина! Прикинь!

Я молчал, пока он мысленно возвращался в те далекие годы. Затем Человек-чудовище сказал:

— Он нас застукал. Господи, застукал там, среди могил. Молотком кладбищенского сторожа он бил меня по голове, по щекам, по глазам! Избивал! А потом убежал вместе с ней. Я с криком погнался за ними. Они сели в машину и уехали. Я... боже, я поехал следом. И вот — бах, машины вдребезги, а потом...

Он перевел дух, сделав паузу, чтобы умирить биение сердца.

— Помню, Док тащит меня в церковь — первым делом! — священник обезумел от ужаса, потом — в морг. Да исцелит тебя могила! Да восстановит тебя сыра земля! А на соседний стол бухнули Слоуна — оттрясся! А Грок! Как он пытался исправить то, что исправить уже невозможно. Бедняга Грок. Ленину повезло больше! Я пошевелил губами, пытаюсь сказать: «Скрой правду, давай! Час поздний. Улицы пусты. Солги! Скажи, что я мертв! Господи, мое лицо! Тут ничего не поправишь! Лицо! Так скажи всем, что я мертв! А что с Эмили? Что? Она сошла с ума? Спрячь ее! Все шито-крыто. Деньги, разумеется. Сколько хотите. Пусть все выглядит правдоподобно. Кто узнает? Похороны в закрытом гробу, а я тут же, рядом, в покойницкой, но не покойник, — Док неделями выхаживал меня! Господи, что за безумие. Я увидел Фрица и почувствовал, что мое лицо, моя голова может крикнуть: «Фриц! Ты! Распорядись!» И Фриц стал распоряжаться. Маньяк по части работы. Слоун — мертв, унесите! Эмили, бедняжка, — все кончено, сошла с ума. Констанция! И Констанция увела ее прочь, в «Елисейские Поля». Так называют эти больницы, санатории для выздоравливающих алкоголиков/шизофреников/наркоманов, где они никогда не выздоравливают, да их и не лечат, но они отправились туда, Эмили ушла в никуда, и я сошел с ума. Фриц приказал всем заткнуться, а они все плакали и плакали, глядя на мое лицо, словно это было нечто вынутое из мясорубки. Я читал свой ужас в их глазах. Их взгляды говорили: ты умираешь, — но я сказал: черта с два! Там были мясник Док и косметолог Грок, пытавшийся поправить мое лицо, и еще Иисус, а Фриц наконец сказал: «Все! Я сделал все, что мог. Позовите священника!» — «К черту! — закричал я. — Устройте похороны, но меня там не будет!» Как побелели их лица! Они знали, что я имею в виду. Из моего рта, из этой кровавой раны, они услышали безумный план. И подумали:

«Умрет он, и нам конец». Ибо, Христос Вседержитель тому свидетель, это был лучший год в истории студии. В разгар Депрессии мы заработали двести миллионов, а потом еще триста — больше, чем все остальные студии, вместе взятые. Они просто не могли позволить мне умереть. Я был на три головы выше всех остальных. Где они нашли бы мне замену? Среди этих глупцов, ничтожеств, придурков и бездельников? «Ты его спасешь, а я подлатаю!» — сказал Грок мяснику Доку Филипсу. И они помогли мне родиться заново, воскреснуть, чтобы больше не видеть солнца, никогда!

Слушая, я вспомнил слова Иисуса: «Человек-чудовище? Я был там в ту ночь, когда он родился!»

— И вот Док спас мне жизнь, Грок меня подлатал. Боже! Но чем быстрее он латал, тем быстрее лопались мои швы, а эти только и думали: «Если он умрет, нам крышка». И вот тогда я возжелал смерти всей душой! Но мое лицо, рыло с вывороченными костями, плавающее в кетчупе, страстно желало победить. И после того, как я несколько часов то стремительно падал в объятия смерти, то выкарабкивался, боясь даже прикоснуться к своему лицу, я сказал: «Объявите поминки. Скажите, что я умер! Спрячьте меня здесь, подлечите! Оставьте туннель открытым, похороните Слоуна! Похороните меня вместе с ним, «заочно», с заголовками в газетах. В понедельник утром, господи, в понедельник я вернусь к работе. Что? И отныне буду на рабочем месте каждый понедельник. И чтоб никто не знал! Я не хочу, чтобы меня видели. Убийца с расквашенным лицом? Устройте кабинет, стол, кресло, и я потихоньку, потихоньку, месяц за месяцем, буду приходить туда в те часы, когда кто-нибудь будет сидеть там один и слушать голос из-за зеркала... Мэнни! Где Мэнни? Ты будешь слушать! Я буду говорить сквозь стены, нашептывать сквозь трещины, бродить тенью в зеркальном стекле, а ты, ты будешь открывать свой рот, мой голос будет проходить через твои уши, через твой рот. Ты понял меня? — Понял! — Оформляйте бумаги. Подписывайте свидетельства о смерти. Слоуна — в ящик. Меня — в морг, хочу отдохнуть, поспать, прийти в чувство. Мэнни! — Я здесь! — Устрой кабинет. Живо!» И все эти дни до моих похорон я орал, а моя небольшая команда слушала, молчала, кивала и исполняла... Итак, Док спас мне жизнь, Грок подправил лицо, которое уже невозможно было подправить, Мэнни стал руководить студией,

но по моей указке, а Иисус просто оказался там в ту ночь и был первым, кто нашел меня, истекающего кровью, переставил машины и сделал так, что авария стала похожа на несчастный случай. Обо мне знали только четверо. Фриц и Констанция? Им поручили замести следы, но так и не рассказали, что я остался жив. Те четверо стали пожизненно получать по пять тысяч в неделю. Подумать только! Пять тысяч в неделю, это в тридцать четвертом году! В те годы средний заработок составлял пятнадцать вшивых баксов. Так что Док, Мэнни, Иисус и Грок стали богачами, верно? За деньги, ей-богу, можно купить все! Долгие годы молчания! Так что все было замечательно, все прекрасно. Фильмы, студия, отныне все работало, прибыли росли, я прятался, никто обо мне не знал. Акции поднимались в цене, в Нью-Йорке все были довольны, пока...

Его речь прервал тяжкий стон отчаяния.

— Кое-кто не сделал одно страшное открытие.

Молчание.

— Кто же? — осмелился я спросить из темноты.

— Док. Старый добрый хирург Док. Обнаружилось, что мои дни сочтены.

Снова воцарилось молчание, затем он произнес:

— Рак.

Я молчал, ожидая, пока он снова наберется сил и заговорит.

— Рак. Кто знает, кому из остальных Док рассказал об этом. Один из них хотел бежать. Забрать наличность и исчезнуть. Начались запугивания. Угрозы раскрыть правду. Потом — шантаж, потом требовали денег.

«Это Грок», — подумал я, но вслух спросил:

— Вы знаете, кто это был?

А потом я еще спросил:

— Кто поставил труп на лестницу? Кто написал письмо, чтобы я пришел на кладбище? Кто сказал Кларенсу, чтобы он ждал у выхода из «Браун-дерби» и смог вас увидеть? Кто внушил Рою Холдстрому сделать бюст настоящего чудовища для ненастоящего фильма? Кто спаивал Иисуса лошадиными дозами виски в надежде, что он потеряет рассудок и все разболтает? Кто?

При каждом вопросе гигантская тень за тонкой перегородкой вздрагивала, шевелилась, жадно вдыхала воздух и с шумом выды-

хала, словно каждый вдох был надеждой на спасение, а каждый выдох — покорностью перед неизбежным.

Наступило молчание, а затем он сказал:

— Когда все это началось, эта канитель с трупом на стене, я подозревал всех подряд. Ситуация усугублялась. Я пришел в ярость. «Док, — думал я. — Нет. Он трус, да и слишком очевидно. В конце концов, это он обнаружил мою болезнь и рассказал мне о ней. Иисус? Этот еще трусливей, к тому же каждый вечер топит свой разум в бутылке. Это не он».

— А где сейчас Иисус?

— В какой-то могиле. Я бы и сам его закопал. Я решил закопать их всех, одного за другим, избавиться от всех, кто пытался причинить мне боль. Я хотел задушить Иисуса, как сделал это с Кларенсом. Убить его, как хотел убить Роя, который, как я думал, сам убил себя. Но Рой остался жив. Это он убил и закопал Иисуса.

— Не может быть! — вскричал я.

— Могил много. Рой спрятал его в одной из них. Бедняга Иисус.

— Только не Рой!

— Почему нет? Мы бы все убивали, будь у нас такая возможность. Убийство — вот то, о чем мы мечтаем, но никогда не осуществляем. Уже поздно, позволь мне закончить. Док, Иисус, Мэнни, перебирал я, кто из них попытался бы ужалить меня, а затем сбежать? Мэнни Либер? Нет. Он — пластинка, которую я могу в любое время вставить в патефон и услышу всегда одну и ту же мелодию. Кто ж тогда, наконец? Грок! Это он взял на работу Роя, но я-то думал, он взял Роя, чтобы втянуть в большую охоту тебя. Откуда же мне было знать, что охота велась в конечном счете на меня самого?! Что в конце концов меня изваяют в гипсе! О, я был просто вне себя от ярости. Но теперь — все.

Я бегал, кричал, безумствовал и вдруг подумал: хватит. Я устал, я так устал за все эти годы, столько крови, столько смертей, и вот все кончено, и у меня рак. И вдруг в туннеле, вблизи могил, я встретил другое чудовище.

— Другое чудовище?

— Да, — вздохнул он, прислонив голову к стенке исповедальни. — Иди и поймай его. Ты же знал, что там не только я, верно?

— Еще одно?..

— Твой друг. Да, тот самый, чью скульптуру я разрушил, когда увидел, что он скопировал мое лицо. Тот, чьи города я растоптал ногами. Тот, чьих динозавров я распотрошил... Это он правит студией!

— Этого... этого не может быть!

— Дурак! Он всех нас обвел вокруг пальца. И тебя тоже. Увидев, что я сделал с его чудовищами, городами, гипсовым бюстом, он потерял рассудок. Он превратился в ходячий ужас. Эта ужасная маска...

— Маска... — шевельнулись мои губы.

Я давно догадывался, но не хотел в это верить. Я видел лицо чудовища на стене у Крамли. Это был не глиняный бюст в покадровой анимации, а Рой — отныне отец разрушения, дитя хаоса, родной сын истребления.

Рой снялся в фильме, сыграл роль чудовища.

— Твой друг, — снова и снова со вздохом повторял человек за решетчатой перегородкой. — Боже, какой актер. Голос в точности мой. Он говорил через стену позади письменного стола Мэнни и...

— Принял меня обратно на работу, — услышал я собственный голос. — И принял обратно на работу самого себя?!

— Да! Как смешно! Вручите ему «Оскара»!

Мои пальцы крепко сжали решетку.

— Как же он...

— Захватил власть? А где грань, где черта, где граница? Я встретился с ним под стеной, среди могильных сводов, лицом к лицу! О, он чертовски хитер, этот сукин сын. Многие годы я не гляделся в зеркало. И вдруг — вот он я, стою у самого себя на дороге! Да еще и ухмыляюсь! Я хотел разбить это зеркало! Я думал, это обман зрения. Призрачный отблеск на стекле. Вне себя, я закричал и нанес удар. Отражение подняло свой кулак и ударило меня. Я очнулся в подземелье, в каком-то склепе, за решеткой, я бушевал, а он смотрел. «Кто ты такой?!» — кричал я. Но я уже знал. Сладкая месть! Я уничтожил его творения, разрушил города, я пытался убить его самого. И вот теперь — сладкий миг победы! Он бросился ко мне с криком: «Послушай! Я ухожу, чтобы принять обратно на работу самого себя! И даже — о да! — повесить себя в должности!» Он приходил дважды в день, приносил шоколад и кормил умирающего. Пока не понял, что я и в самом деле умираю, и тогда это переста-

ло его забавлять, так же как и меня. Может быть, он понял, что власть — это не всегда так здорово, замечательно, хорошо и весело. Может, она стала путать его, может, наскучила. Несколько часов спустя он отпер решетку и отвел меня наверх, чтобы я позвонил тебе. Он оставил меня дожидаться. Мне можно было не говорить, что надо делать. Он просто указал вниз, на туннель, ведущий к церкви. «Пришла пора исповедоваться», — сказал он. Вот так. А теперь он ждет тебя в конечной точке этого путешествия.

— Где это?

— Черт побери! А где находится единственное место для таких, как я, и для таких, как он?

— Я понял, — кивнул я, и слезы полились из моих глаз. — Я уже бывал там.

Человек-чудовище грузно зашевелился в исповедальне.

— Теперь все, — вздохнул он. — За эту неделю я причинил боль многим людям. Некоторых убил я, остальных — твой друг. Спроси его. Он обезумел, так же как и я. Когда все кончится и тебя будет допрашивать полиция, вали все на меня. Зачем нужны два чудовища, если достаточно одного? Верно?

Я молчал.

— Говори!

— Да.

— Хорошо. Когда он увидел, что я умираю, действительно умираю в этой могиле, и что он тоже умирает от рака, заразившись от меня, и что игра не стоит свеч, ему хватило порядочности отпустить меня. Студия, которой он правил, я правил, начала буксовать и встала намертво. Нам обоим пришлось запускать ее вновь. И вот теперь, со следующей недели, она заработает в полную силу. Возобнови съемки картины «Мертвец несется вскачь».

— Нет, — прошептал я.

— Черт побери! Да я со смертного одра встану, чтобы придушить тебя. Скажи: «Будет сделано!»

— Будет... сделано, — выдал я наконец.

— И последнее. То, о чем я уже говорил. Мое предложение. Студия. Если хочешь, она твоя.

— Не надо...

— Других претендентов нет! Не отказывайся так поспешно. Большинство людей бились бы насмерть, лишь бы унаследовать...

— Насмерть, точно. Меня убили бы через месяц: пьяная авария и — смерть.

— Ты не понимаешь. У меня один-единственный сын — ты.

— Мне жаль, что так вышло. Но почему я?

— Потому что ты настоящий, самый что ни на есть чудаковатый гений. Истинный безумец, не подделка. Вроде болтун болтуном, а потом, глядишь, говорит-то дело. И ты ничего не можешь с собой поделывать. Все доброе утекает из твоих рук, обращаясь в слова.

— Да, но ведь я не сидел, прижавшись к зеркалу, и не слушал вас годами, как Мэнни.

— Мэнни говорит, но слова его ничего не значат.

— Но он многому научился. Должно быть, теперь он уже знает, как надо руководить. Позвольте мне работать на него!

— Последний шанс? Последнее предложение? — Его голос звучал все слабее.

— И вы оставите в покое мою жену, мои книги и мою жизнь?

— О! — вздохнул голос. И наконец произнес: — Да... — А потом добавил: — Ну вот, наконец-то. Благослови меня, святой отец, ибо я грешен.

— Не могу.

— Можешь, ты можешь. И отпусти мне грехи. Это работа священника. Отпусти мне грехи и благослови меня. Еще немного — и будет поздно. Не посылай меня на вечные муки в ад!

Я закрыл глаза и произнес:

— Благословляю тебя.

А потом сказал:

— Я отпускаю тебе грехи, хотя, видит Бог, я тебя не понимаю!

— А кто меня понимал? — вздохнул он. — Я сам себя не понимал. — Его голова стукнулась о стенку исповедальни. — Благодарю.

Его глаза закрылись, словно в безвоздушном пространстве, беззвучно. Звуковую дорожку добавил я сам. Грохот массивных ворот, замкнутых печатью забвения, звук захлопнувшейся двери склепа.

— Я прощаю тебе! — крикнул я страшной маске.

— ...прощаю тебе... — Мой голос эхом отозвался под куполом пустой церкви.

На улице — ни души.

«Крамли, — подумал я, — где же ты?»

И я побежал.

Мне оставалось отправиться всего в одно место.

Я вскарабкался наверх по темным внутренностям собора Парижской Богоматери.

И увидел кого-то неподвижно сидящего на краешке верхнего карниза левой башни рядом с горгульей, положившей хищный подбородок на костлявые лапы и устремившей неподвижный взор вдаль, на Париж, которого там никогда не было.

Я осторожно подошел к краю, сделал глубокий вдох и позвал: — Это ты?.. — Я осекся.

Сидящий, чье лицо было скрыто в тени, не шелохнулся.

Я снова набрал в легкие побольше воздуха и произнес:

— Эй!

Человек настороженно выпрямился. Его голова, его лицо осветились слабым отблеском городских огней.

Я в последний раз сделал глубокий вдох и спокойно позвал:

— Рой?

Чудовище повернуло ко мне свою голову, точную копию той, что всего несколько минут назад, упав, прислонилась к стенке исповедальни.

Я увидел ужасное лицо, вперившее в меня свой ужасный, безумный взгляд, от которого кровь застывала в жилах. Страшная рана на месте рта раскрылась, раздвинулась, втянула в себя воздух и выдавила одно-единственное слово:

— Дааааааа.

— Все кончилось, — сказал я прерывающимся голосом. — Господи, Рой. Спускайся отсюда.

Человек-чудовище молча кивнул. Он поднял правую руку и сорвал с себя лицо, стал сдирать воск, стирать грим — маску, повергавшую в ужас и оторопь. Он раздирал свое кошмарное лицо, соскребая его ногтями и пальцами. И вот из-под ошметков проступили черты моего старого школьного друга, он снова смотрел на меня.

— Ну как, похож я был на него? — спросил Рой.

— О господи, Рой! — Я едва мог разглядеть его от слез. — Еще как!

— Еще бы, — пробормотал Рой. — Я так и думал.

— Господи, Рой, — выдохнул я, — сними с себя все это! У меня такое ужасное чувство, что, если ты это оставишь, оно прирастет к тебе и я никогда больше тебя не увижу!

Правая рука Роя импульсивно потянулась вверх и сорвала ненавистную щеку.

— Странно, — прошептал он, — но мне кажется то же самое.

— Как тебе удалось так изменить свое лицо?

— Ты хочешь две исповеди? Одну ты уже выслушал. Хочешь другую?

— Да.

— Ты что же, заделался священником?

— Похоже на то. Хочешь, отлучу?

— От чего?

— От нашей дружбы.

Его глаза метнули на меня быстрый взгляд.

— Ты этого не сделаешь!

— Могу.

— Друзья не шантажируют друг друга своей дружбой.

— Тем более ты должен все рассказать. Давай.

Из-под наполовину сорванной маски послышался тихий голос Роя:

— Это все из-за моих зверей. Никто никогда не трогал моих драгоценных, моих любимых тварей, никогда. Я всю свою жизнь отдал, выдумывая их, создавая их. Они были совершенны. Я был Богом. Что было у меня, кроме них? Я что, хоть раз пригласил на свидание девчонку из класса, какую-нибудь гимнастку и бейсбольную фанатку? Была у меня хоть одна женщина за все эти годы? Черта с два. Я ложился спать со своим бронтозавром. По ночам я летал со своими птеродактилями. Представь, каково было мне, когда кто-то уничтожил моих невинных созданий, разрушил мой мир, погубил тех, с кем я когда-то делил постель. Я не просто обезумел. Я помешался.

Рой замолчал, так и не сняв с себя ужасную плоть. А потом сказал:

— Черт, все было так просто. Все стало ясно практически с самого начала, но я не сказал об этом. Помнишь ту ночь, когда я погнался за чудовищем на кладбище? Я так влюбился в этого проклятого монстра. И боялся, что ты испортишь шутку. Шутка?!

Из-за этой шутки погибли люди! Так вот, когда я увидел, как он зашел в свою могилу и не вышел оттуда, я промолчал. Я знал, что ты постарайся помешать, а мне так нужно было это лицо: потрясающая страшная маска для нашего эпического шедевра! И тогда я закрыл рот на замок и слепил глиняный бюст. И что же? Тебя чуть не уволили. Меня — долой со съемок! А что потом? Мои динозавры порушены, декорации растоптаны, а изваяние страшилища разбито вдребезги. Я пришел в бешенство. Но тут меня осенило: есть только один человек, который мог это разрушить. Это не Мэнни и не кто-то из наших знакомых. Это сам Человек-чудовище! Тот самый, из «Браун-дерби». Но как он узнал о моем глиняном бюсте? Может, кто-то ему сказал? Нет! Я вспомнил ночь, когда преследовал его на кладбище рядом со студией. Господи, ну конечно! Он вошел в склеп, каким-то образом прошел под стеной, глухой ночью пробрался на студию и там — о боже! — он увидел своего глиняного двойника и пришел в ярость. Черт, в тот момент в моей голове возникло множество невероятных планов. Я знал, что, если чудовище найдет меня, мне конец. И тогда я сам «убил» себя! Направил его по ложному следу. Я знал: если он будет считать меня мертвым, я смогу отыскать Человека-чудовище и отомстить! Я повесил куклу, похожую на меня. Ты ее обнаружил. А потом ее нашли они и сожгли, а я в ту ночь перебрался через стену. Ты сам знаешь, что я там обнаружил. Я дернул ручку двери склепа, она оказалась не заперта, я вошел, спустился вниз и стал подслушивать, стоя за зеркалом в кабинете Мэнни! Я был потрясен! Все так здорово складывалось. Человек-чудовище, никем не видимый, управлял студией. Так зачем убивать сукина сына — надо подождать и захватить власть, которая ему принадлежит. Не убивать чудовище, а самому стать чудовищем, жить в его образе! И взять под свою власть двадцать семь, двадцать восемь стран, господи, править всем миром. А потом, когда придет время, разумеется, выйти вновь на свет, воскреснуть, сказать: у меня была амнезия, или напести еще какую-нибудь чепуху, не знаю, придумал бы что-нибудь — все равно Человек-чудовище не жилец. Я это видел. Он умирал прямо на ногах. Я спрятался, наблюдал, слушал, а затем сразил его наповал в подземельях студии на полпути к кладбищу. Вот она, сила грима! Увидев меня там, под сводами, он был настолько поражен, что я успел оглушить его

и запереть в подвале. Потом я поднялся наверх, чтобы проверить свой давний талант, проверить, как будет звучать мой голос из-за зеркала. Я слышал, как говорил Человек-чудовище в «Браундерби», а потом на улице, и еще в туннеле, и за стеной кабинета. Я стал нащелпывать, бормотать, и — вот черт! — «Мертвец несется вскачь» снова вставили в план съемок. А нас с тобой приняли обратно на работу! Я уже был готов сорвать с себя грим и вернуться на студию в своем обличье, но тут со мной что-то произошло.

— Что же?

— Я понял, что мне нравится власть.

— Что-о-о?!

— Власть. Я полюбил власть. Биржевые воротилы, владельцы огромных корпораций, вся эта чепуха. Уму непостижимо. Я словно опьянел! Мне нравилось заправлять студией, принимать решения, и никаких тебе совещаний. Все через зеркала, эхо, тени. Запустить в работу все фильмы, которые давно надо было снять, но их не снимали! Заново выстроить себя, свой мир! Заново придумать, воссоздать моих друзей, мои творения. Заставить киностудию расплачиваться наличными, а не только плотью, кровью и жизнями. Вычислить главных виновников того, что моя жизнь оказалась выброшенной на помойку, а затем — затем раздавить этих ничтожеств одного за другим, размазать по стенке весь этот рой бездарей и тех, кто поддакивает тупицам. Раньше студия правила мной, теперь я правил студией. Господи, неувидительно, что Луис Б. Майер был несносен, а братья Уорнеры каждую ночь кололи себе в вены воду с растолченными в порошок отрывками фильмов. Пока не попробуешь управлять киностудией, парень, тебе не понять, что такое власть. Ты не просто управляешь городом, страной: ты правишь миром за пределами этого мира. «Замедлить!» — приказываешь ты, и все бегут медленнее. Командуешь: «Быстрее!» — и люди перескакивают через Гималаи, с размаху шлепаются в собственные могилы. И все потому, что ты вырезал некоторые сцены, дал указания актерам, обозначил начало, угадал конец. С тех пор я каждую ночь поднимался на башни собора и хохотал над мирянами, я превращал в карликов тех самых гигантов, что некогда причиняли боль моим товарищам, тех, кто сломал гироскоп, когда-то вращавшийся в моей груди. И вот теперь этот гироскоп снова начал вращаться в безумном ритме,

соскочив со своей оси. Взгляни на то, что я сделал: сплошные руины. Человек-чудовище начал, а я закончил. Я знал: если не остановлюсь, меня заберут в психдоильник, чтобы выдоить всю паранойю. А тут еще умирающий Человек-чудовище умоляет дать ему последнюю попытку со священником, колоколами, свечами, исповедью и — прощением грехов. Мне пришлось вернуть ему студию, чтобы он мог передать ее тебе.

Рой говорил все медленнее, затем облизнул свои ужасные губы и умолк.

— Есть один момент, даже несколько моментов, которые мне не совсем ясны... — сказал я.

— Назови.

— Скольких человек убил Арбутнот за последние дни? И скольких убил... — Я осекся, не в силах произнести это слово.

Рой произнес его за меня:

— Рой Холдстром, чудовище номер два?

Я кивнул.

— Я не убивал Кларенса, если ты этого боишься.

— Слава богу.

Я проглотил стоявший в горле комок и наконец выдавил:

— В какой момент... о боже! — когда?..

— Что — когда?

— В каком часу... в какой день... Арбутнот перестал... и ты взял бразды в свои руки?

Настал черед Роя, под маской изуродованного лица, сглотнуть подступивший к горлу ком.

— Конечно, после Кларенса. Там, в подземелье, я слышал голоса в телефонных трубках, на каждом перекрестке между могил. Голоса в самих туннелях. Так или иначе, то поднимая телефонные трубки, то в панике прячась, я иногда подглядывал издали, иногда шел вслед за темными фигурами, двигавшимися в сторону кладбища. Я знал, что Кларенсу суждено стать покойником, уже через пять минут после того, как Человек-чудовище в ярости перевернул всю его квартиру. Я смотрел и слушал издали, как Док с шуршанием тащит Кларенса по туннелям к какой-то заброшенной могиле. Тогда я уже знал: скоро они поймут, что я жив, если еще не догадались об этом. Интересно, заглядывали они в мусоросжигатель? Там они нашли бы вместо моих настоящих костей

поддельный скелет. Кто же следующий? Ты! Ты знал Кларенса. Они могли видеть тебя у него дома или у меня в квартире. Если бы они сопоставили все факты, они бы тебя живьем закопали. Так что, сам видишь, мне пришлось взять власть в свои руки. Я вынужден был стать чудовищем. И не только это: я закрыл студию, чтобы испытать свою власть, посмотреть, будут ли они танцевать под мою дудочку, делать так, как сказал я. К тому же, если студия опустеет, мне будет легче расправиться со злодеями, вплотную заняться теми, кто, вероятно, убил меня.

— Станиславом Гроком? — спросил я.

— Грок?.. Ах да. Он первый втянул нас в это дело. Для начала нанял меня, потому что я умел освежить лица манекенов, так же как он когда-то прихоращивал покойного Ленина. Может быть, Грок даже шепнул на ухо Арбутноту, чтобы тот взял тебя на работу. Потом он состряпал куклу-мертвеца и водрузил на стену, чтобы напугать всю студию, а заодно и Арбутнота, потом пригласил нас в «Браун-дерби», чтобы познакомить с Человеком-чудовищем. А потом, когда я слепил бюст чудовища и всех напугал, вытряс кое из кого денежки.

— Так, значит, это ты убил Грока?

— Не совсем. Я приказал арестовать его у ворот. Когда они притащили его в пустой кабинет Мэнни и оставили одного, зеркало отодвинулось, и он, увидев меня, умер. А теперь Док Филипс, спроси про него.

— Док Филипс?

— В конце концов, это ведь он уничтожил мой, так сказать, труп, чтобы замести следы, верно? Он и его вечные приспешники, подбирающие за ним какашки. Я столкнулся с ним случайно в соборе. Док даже не пытался бежать. Я привязал его к веревке и поднял наверх, к колоколам. Я просто хотел попугать его. Поднять повыше и трясти до тех пор, пока его сердце не остановится, как у Грока. Непредумышленное убийство, ничего больше. Но когда я потащил его наверх, он пытался вырваться, начал безумно дергаться и задушил сам себя. Кто его убил, я? Виноват ли я в его смерти?

«Виноват», — подумал я. А потом подумал: «Нет».

— А Иисус? — спросил я, затаив дыхание.

— Нет-нет. Просто пару дней назад, ночью, он забрался на крест, и его раны так и не закрылись. Жизнь вытекла из его за-

пястий. Он умер на кресте, бедняга, несчастный пьянчужка Христос, упокой Господи его душу. Я нашел его и предал земле, как подобает.

— Где же они все лежат? Грок, Док Филипс, Иисус?

— Не важно. Где-то там. Какая разница? Там сплошь мертвцы, их миллионы. Но я рад, что среди них нет... — он слегка помедлил, — тебя.

— Меня?

— Именно это заставило меня наконец остановиться и все прекратить. Примерно двенадцать часов назад. Я обнаружил, что ты в моем списке.

— Что-о-о?!

— Я поймал себя на мысли: «Если он перейдет мне дорогу, он умрет». Эта мысль положила конец всему.

— Господи, надеюсь, что так!

— Я подумал: «Постой, он ведь не имеет никакого отношения ко всей этой дурацкой комедии. Не он раскрутил эту сумасшедшую карусель. Это твой лучший товарищ, твой закадычный друг, твой старый приятель. Он — все, что у тебя осталось в жизни». Это был переломный момент. Первый шаг к выздоровлению, возвращению из безумия, — это осознание того, что ты безумен. Возвращение означает, что впереди больше нет прямой дороги и у тебя только один путь — назад. Я любил тебя. Я люблю тебя. Поэтому я вернулся. Открыл могильную темницу и выпустил на волю настоящее чудовище.

Рой повернул голову и посмотрел на меня. Его пристальный взгляд словно вопрошал: «Достоин ли я наказания? Причинишь ли ты мне боль за ту боль, которую я причинял? Остались ли мы друзьями? Что заставило меня сделать все то, что я сделал? Нужно ли заявить в полицию? И кто заявит? Надо ли меня наказывать? Разве сумасшедшие должны расплачиваться за свои поступки? Не было ли все это сплошным безумием? Безумные декорации, безумные реплики, безумные актеры? Спектакль окончен? Или он только начинается? Что нам теперь делать: смеяться или плакать? Над чем?»

Его лицо, казалось, говорило: «Очень скоро встанет солнце, оба города очнутся от сна, один живет другого. О да, мертвые так и останутся мертвыми, а живые будут повторять заученные фразы, те же, что и вчера. Позволить им говорить? Или мы должны вместе

переписать их реплики? Если я изваяю Смерть, которая несется вскачь, то, когда она откроет рот, будут ли в ее устах твои слова?»

Что?..

Рой молча ждал.

— Ты и вправду снова со мной? — спросил я.

Я перевел дыхание и продолжил:

— Ты и вправду снова стал Роем Холдстромом, и останешься таким, и всегда будешь моим другом, и никем иным, отныне и навсегда? Рой?

Рой опустил голову. И наконец протянул мне руку.

Я схватился за нее так, словно мог сорваться и упасть вниз, на улицы Парижа, в лапы чудовища.

Мы крепко обнялись.

Свободной рукой Рой содрал с себя остатки маски. Он скал в кулаке вязкую субстанцию — содранный воск, пудру, шрам из серо-зеленой глазури — и швырнул все это с высоты собора. Мы не слышали звука падения. Зато снизу раздался удивленный возглас:

— Черт побери! Эй!

Мы посмотрели вниз.

Это оказался Крамли, простой селянин на паперти собора Парижской Богоматери.

— У меня закончился бензин! — крикнул он. — Я все ездил и ездил вокруг квартала. И вдруг — нет бензина. Что, черт подери, там у вас происходит? — прокричал он, ладонью прикрывая глаза от солнца.

73

Арбутнота похоронили через два дня.

Или, точнее, перезахоронили. Точнее даже, положили в могилу, после того как несколько друзей церкви, не знавшие, кого, почему и зачем они несут, перетащили его туда перед рассветом.

Отец Келли отслужил похоронную службу по мертворожденному младенцу, безымянному и, следовательно, некрещеному.

Я присутствовал на отпевании вместе с Крамли, Констанцией, Генри, Фрицем и Мэгги. Рой стоял далеко позади нас.

— Зачем мы сюда пришли? — пробормотал я.

— Просто чтобы удостовериться, что он похоронен окончательно, — заметил Крамли.

— Чтобы дать прощение бедному сукину сыну. — тихо сказала Констанция.

— О, если бы только эти люди знали, что здесь происходило сегодня, — сказал я, — представляете, сколько народу пришло бы убедиться, что все наконец-то закончилось. Прощание с Наполеоном.

— Он не был Наполеоном, — сказала Констанция.

— Не был?

Я посмотрел вдаль, туда, где за оградой кладбища простирались города мира и где не было места ни для Кинг-Конга, хватающего лапами бипланы, ни для овеваемой пыльными бурями белой гробницы, в которой когда-то покоился Христос, ни для креста, где распята чья-то вера или чье-то будущее, ни для...

«Нет, — подумал я, — может быть, он был не Наполеоном, а Барнумом⁹⁸, Ганди и Иисусом. Иродом, Эдисоном и Гриффитом. Муссолини, Чингисханом и Томом Миксом. Бертраном Расселом, Человеком, который мог творить чудеса, Человеком-невидимкой, Франкенштейном, Малюткой Тимом и Драку...»

Наверное, я сказал это вслух.

— Тише, — вполголоса проговорил Крамли.

И ворота склепа Арбутнота, где стояли цветы и лежало тело чудовища, с лязгом захлопнулись.

74

Я пошел проведать Мэнни Либера.

Он по-прежнему миниатюрной горгульей сидел на краешке своего стола. Я перевел взгляд с Мэнни на большое кресло за его спиной.

— Ну что ж, — сказал он. — «Цезарь и Христос» отснят. Мэгги как раз монтирует эту штуковину.

Кажется, ему хотелось пожать мне руку, но он не знал, как подойти. Тогда я обошел комнату кругом, собрал диванные подушки, как в старые добрые времена, сложил их одну на другую и уселся сверху.

Мэнни Либеру ничего не оставалось, как улыбнуться:

— Ты когда-нибудь перестанешь дурачиться?

— Если бы я не дурачился, ты давно съел бы меня живьем.

Я посмотрел на стену за его спиной.

— Проход закрыт?

Мэнни соскользнул со стола, подошел к зеркалу и снял его с крюков. Там, где раньше была дверь, оказалась свежоштукатуренная и покрашенная стена.

— Даже не верится, что вот тут каждый день, год за годом, в комнату проникал монстр, — сказал я.

— Он не был монстром, — произнес Мэнни. — И он здесь руководил. Без него все бы давным-давно погибло. Он сошел с ума только в самом конце. Все остальное время он был Богом, который прячется за стеклом.

— Он не мог привыкнуть к тому, что люди на него пялятся?

— А ты привык бы? И что удивительного в том, что он прятался, а поздно ночью выходил из туннеля и сидел в этом кресле? Это не глупее и не умнее того, что показывается на киноэкранах по всему миру. В каждом захудалом городишке Европы люди начинают походить на нас, сумасшедших американцев, одеваться как мы, выглядеть как мы, разговаривать, танцевать как мы. Благодаря кино мы завоевали весь мир, но так глупы, что не замечаем этого. А раз так, то что, я спрашиваю, удивительного, если человек, вынужденный скрываться, имеет склонности к творчеству?!

Я помог ему снова повесить зеркало на свежую штукатурку.

— Скоро, когда все успокоится, — сказал Мэнни, — мы позовем тебя и Роя обратно и будем строить Марс.

— Только никаких чудовищ.

Мэнни помолчал в нерешительности.

— Поговорим об этом потом.

— Хм.

Я бросил взгляд на кресло.

— Найдешь ему замену?

Мэнни задумался.

— Лучше отращу задницу. Раньше я все откладывал. Думаю, в этом году будет самое то.

— Достаточно большой зад, чтобы оседлать нью-йоркский головной офис?

— Ну, если я приложу мозги в то же место, куда и зад, — конечно. После его ухода у меня грандиозные планы. Не хочешь примериться?

Я долго рассматривал кресло.

— Нет уж.

— Боишься, что сядешь и больше не встанешь? Все, проваливай. Придешь через четыре недели.

— Когда тебе понадобится новая концовка для «Иисуса и Пилата», или «Христа и Константина», или...

Прежде чем он успел увернуться, я пожал его руку:

— Удачи!

— Надеюсь, он говорит это искренне, — проговорил Мэнни, закатывая глаза в потолок. — Черт поберит!

Он отошел и сел в кресло.

— Ну как ощущения? — спросил я.

— Неплохо. — Закрыв глаза, он почувствовал, как все его тело утопает в этом кресле. — Можно привыкнуть.

У двери я обернулся и еще раз посмотрел на ничтожную фигурку, застывшую среди огромного величия.

— Ты по-прежнему ненавидишь меня? — спросил он, не отрывая глаз.

— Да. А ты меня?

— Еще как.

Я вышел и закрыл за собой дверь.

75

Выйдя из дома-муравейника, я зашагал через дорогу, а за мной след в след шел Генри, прислушиваясь к моим шагам и звуку чемодана, подрагивающего у меня в руке.

— Мы все взяли, Генри? — спросил я.

— Всю мою жизнь в одном чемодане? Конечно.

На противоположной стороне мы остановились у края тротуара и обернулись.

Кто-то где-то выстрелил из невидимой и беззвучной пушки. От этого выстрела половина здания обрушилась.

— Звучит так, словно взорвали причал Вениса, — сказал Генри.

— Точно.

— Или будто развалились «американские горки».

— Точно.

— Или как в тот день, когда выдирали рельсы большого красного трамвая.

— Точно.

Затем рухнула оставшаяся часть дома.

— Пошли, Генри, — сказал я. — Пойдем-ка домой.

— Домой, — произнес слепой Генри и радостно кивнул. — У меня никогда не было дома. Хорошо звучит.

76

Я пригласил Крамли, Роя, Фрица, Мэгги и Констанцию на прощальную вечеринку, перед тем как родственники Генри приедут и увезут его в Новый Орлеан.

Громко играла музыка, пиво лилось рекой, слепой Генри в четырнадцатый раз торжественно пересказывал историю с обнаружением пустой могилы, а Констанция, полупьяная и полураздетая, кусала меня за ушко, и тут дверь моей убогой хижины распахнулась.

Послышался голос:

— Я прилетела ранним рейсом! Пробки на дороге чудовишные. А, вот вы где! Тебя я знаю, и тебя, и тебя.

И тут Пэг встала в дверях, указывая пальцем.

— А это что еще за полутолая дамочка?! — закричала она.

КРАТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ

«Кладбище для безумцев» (1990) вместе с романами «Смерть — дело одинокое» (1985) и «Давайте все убьем Констанцию» (2002) входит в своеобразную мистическую трилогию, связанную не столько общим сюжетом, сколько действующими во всех трех романах персонажами, в том числе и фигурой рассказчика, которому Брэдбери, несомненно, подарил часть своей подлинной биографии.

Действие мистического детектива происходит в Голливуде в 1954 году, примерно в тот период, когда сам писатель работал в качестве сценариста над фильмами «Пришелец из космоса» (*It Came from Outer Space*, 1953) и «Царь царей» (*King of Kings*, 1961). Сюжетно эти фильмы также перекликаются с теми вымышленными кинокартинами, съемки которых описаны в романе.

Вообще, «Кладбище для безумцев» изобилует отсылками к голливудским реалиям, что отражено в примечаниях. Конечно, нельзя сказать, что за каждым вымышленным именем и названием скрывается реальный человек или место, тем не менее под многими из них угадываются конкретные прототипы. Так, киностудия «Максимус», вобравшая в себя характерные черты многих гигантов Голливуда (например, «Метро-Голдвин-Майер»), внешне очень напоминает знаменитую «Парамаунт пикчерз». Действительно, территория «Парамаунта» примыкает своей задней стеной к кладбищу «Холливуд форEVER» (*Hollywood Forever Cemetery*), где покоится прах многих голливудских звезд. Да и описание ажурных ворот в испанском стиле не оставляет никаких сомнений в том, что Брэдбери «списал» их именно с «Парамаунта». За образами Роя Холдстрема и Фрица Вонга угадываются друзья писателя Рэй Харрихаузен и Фриц Ланг. Что касается Арбутнота, его можно назвать собирательным образом киномагната голливудского золотого века.

«Кладбище для безумцев» — настоящая энциклопедия Голливуда 30—50-х годов прошлого века, что делает этот роман не просто увлекательным, но и познавательным чтением.

¹ *Рэй Харрихаузен (Ray Harryhausen)* (р. 1920) — выдающийся голливудский аниматор, создатель чудовищ во многих фильмах, например «За миллион лет до нашей эры» (1966), «Сельское путешествие Синдбада» (1958), «Язон и аргонавты» (1963), «Битва титанов» (1980). Увлечение Рэя Харрихаузена анимацией началось в 13 лет, когда он посмотрел «Кинг-Конга» и с тех пор влюбился в динозавров.

² «*Вестерн костюм компани*» (*Western Costume Company*) — старейшая голливудская фирма (основана в 1912 году), изготавливающая и поставляющая костюмы для киностудий. Существует до сих пор.

Стояния Крестного пути — в традиции западного христианства так называют 14 картин, описывающих этапы Крестного пути Христа. Обычно ими украшают стены церквей, чтобы верующие, переходя от одной картины к другой, могли как бы пройти с Христом последний путь и вспомнить о Его страданиях. Первоначально же Стояния обозначали места поклонения на Крестном пути для паломников, которые приезжали в Иерусалим.

³ «*Кистонские полицейские*» (*Keystone Kops*) — популярный немой комедийный сериал, созданный продюсером Максом Сеннетом, главой «Кистон филм компани», в 1912—1917 годах. По сюжету, глупые полицейские во главе со своим незадачливым начальником попадают в различные комические ситуации.

«*Сентрал кастинг*» (*Central Casting*) — кастинговое агентство, основанное в 1925 году как подразделение основных голливудских киностудий. Ныне оно занимается подбором актеров на второстепенные роли, статистов для массовок, а также дублеров.

«*Повесть о двух городах*» (*A Tale of Two Cities*) (1858) — исторический роман Чарльза Диккенса, действие которого происходит в Париже в эпоху французской революции.

⁴ *Эмпайр-стейт-билдинг (Empire State Building)* — знаменитый 102-этажный небоскреб в Нью-Йорке, построенный в 1931 году. С тех пор как в результате теракта 11 сентября 2001 года были разрушены башни-близнецы, он снова стал самым высоким зданием в городе.

⁵ «*Призрак оперы*» (*The Phantom of the Opera*) (1925) — классиче-

ская немая экранизация одноименного романа Гастона Леру. Главную роль в фильме исполнил знаменитый актер Лон Чейни.

⁶ *UFA — Universum Film AG* — крупнейшая киностудия Германии времен Веймарской республики и Второй мировой войны (существовала с 1917-го по 1945 год). На ней работали такие знаменитые режиссеры, как Фриц Ланг (видимо, ставший прототипом Фрица Вонга), Мурнау и молодая Лени Рифеншталь.

⁷ «*Владыка Марса*» (*The Warlord of Mars*) (1913—1914) — фантастический роман Эдгара Райса Берроуза, третья часть знаменитого цикла о Барсуме (Марсе).

⁸ «*Смерть в Венеции*» (*Der Tod in Venedig*) (1913) — новелла Томаса Манна.

«*Фауст*» (*Faust*) (1831) — трагедия Иоганна Вольфганга фон Гёте.

Марлен Дитрих (*Marlene Dietrich*) (1901—1992) — немецкая актриса и певица, ставшая голливудской звездой.

Кэри Грант (*Cary Grant*), настоящее имя Арчибальд Александер Лич (1904—1986), — английский актер, с начала 1930-х годов снимавшийся в Голливуде. Позднее он принял американское гражданство. Настоящий секс-символ 30—50-х годов, он снялся во множестве фильмов. Ян Флеминг признавался, что образ Джеймса Бонда во многом списан с Кэри Гранта.

Стадион «Лиджен» (*Legion Stadium*) — голливудский стадион «Лиджен» (*Hollywood Legion Stadium*) начиная с 1920-х годов был одним из двух главных боксерских рингов Лос-Анджелеса (второй — зал «Олимпик», *Olympic Auditorium*). В 1959 году стадион был закрыт. Сейчас на его месте на бульваре Гауэра, неподалеку от студий «Парамаунт пикчерз», располагается боулинг (*Legion Lanes Bowling Alley*).

Джин Харлоу (*Jean Harlow*) (1911—1937), урожденная Хэрлин Харлоу Карпентер, — американская киноактриса, секс-символ 1930-х годов, знаменитая «платиновая блондинка» и звезда киностудии «Метро-Голдвин-Майер».

Клодетт Кольбер (*Claudette Colbert*) (1903—1996), урожденная Лили Клодетт Шошуэн, — американская актриса французского происхождения. Звезда голливудского кино 1930—1950-х годов, удостоенная многих наград (в том числе «Эмми» и «Золотой глобус»).

⁹ «*Олд-Айронсайдс*» (*Old Ironsides*) — трехмачтовый фрегат военно-морского флота США «Конституция» (*USS Constitution*), за непробиваемый дубовый корпус (от которого отскакивали пушечные сна-

ряды) получивший прозвище «Олд-Айронсайдс» («железнобокий»), ныне старейший в мире боевой парусный корабль. Он был построен в 1797 году и служил флоту США почти 100 лет (до 1885 года), бывав во многих морских сражениях. Сейчас это символ Америки и туристическая достопримечательность.

«Затерянный мир» (*The Lost World*) (1925) — немая экранизация одноименного романа Артура Конан Дойля.

«Кинг-Конг» (*King Kong*) (1933) — первый, черно-белый, голливудский фильм ужасов о гигантской доисторической горилле по имени Конг. В замысле и сюжете картины, несомненно, отразилось влияние «Затерянного мира» Конан Дойля и романов Эдгара Райса Берроуза.

«Сын Кинг-Конга» (*The Son of Kong*) (1933) — сиквел популярного фильма ужасов «Кинг-Конг».

«Дракула» (*Dracula*) (1931) — классический фильм ужасов, созданный на киностудии «Юниверсал» по мотивам романа Брэма Стокера «Дракула». В главной роли снялся Бела Лугоши.

«Франкенштейн» (*Frankenstein*) (1931) — еще один шедевр американского хоррора, снятый на студии «Юниверсал» по мотивам одноименного романа Мэри Шелли. Роль монструозного создания доктора Франкенштейна в картине исполнил Борис Карлофф.

«Вулвортовская» баракхолка — «Вулворт компани» (*F. W. Woolworth Company*) — американская сеть дешевых магазинов «тысячи мелочей»; позднее фирма стала называться «Фут локер» (*Foot Locker, Inc.*).

Борис Карлофф (*Boris Karloff*) (1887—1969), настоящее имя Уильям Генри Пратт, — американский актер английского происхождения. Слава пришла к нему после исполнения роли чудовища в фильме «Франкенштейн» (1931). Впоследствии он также играл монстров в сиквелах «Невеста Франкенштейна» (1935) и «Сын Франкенштейна» (1939). Удостоен двух звезд на голливудской Аллее Славы (за выдающийся вклад в области кино и телевидения).

Бела Лугоши (*Bela Lugosi*) (1882—1956), настоящее имя Бела Ференц Дешо Бласко (*Bela Ferenc Dezső Blaskó*), — американский актер венгерского происхождения. Роль Дракулы (в фильме «Дракула», 1931) сделала его знаменитым. После почти одновременного выхода на экраны «Франкенштейна» и «Дракулы» студия «Юниверсал» выпустила целую серию фильмов ужасов с участием Карлоффа и Лугоши. На многие годы два актера стали соперниками в исполнении ро-

лей монстров. Впрочем, карьера Бориса Карлоффа сложилась более удачно. В конце жизни Лугоши почти не снимался.

¹⁰ *Карл Денем (Carl Denham)* — персонаж фильмов о Кинг-Конге. По сюжету, он, режиссер, снимающий фильмы о природе, вместе со своей съемочной группой попадает на остров, населенный доисторическими животными. Интересно, что, хотя персонаж вымышленный, энциклопедия указывает точные даты его жизни: 1896—1957.

Томас Вулф (Thomas Wolfe) (1900—1938) — американский писатель, за свою короткую жизнь написавший четыре романа, два из которых были изданы посмертно. В том числе «Домой возврата нет» (*You Can't Go Home Again*). Также его перу принадлежат множество рассказов и несколько пьес. В своих книгах, написанных в период Великой депрессии 1930-х годов, Вулф отразил разнообразие и самобытность американской культуры.

¹¹ *«Зигфрид» (Siegfried)* (1871) — третья опера Рихарда Вагнера из тетралогии «Кольцо Нибелунга» («Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов»). Во втором акте герой Зигфрид убивает дракона Фафнира, который сторожит золото Рейна.

Концертный зал «Шрайн» (Shrine Auditorium) — открыт в 1926 году на месте храма Аль-Малайках, сгоревшего во время пожара в 1920 году. Впрочем, здание и по сей день остается центром храмовников Аль-Малайках (храмовники — члены американского тайного масонского братства «Древний арабский орден благородных адептов Таинственного храма» (*Ancient Arabic Order of Nobles of the Mystic Shrine*)). В этом знаменитом зале проходили церемонии вручения премий «Грэмми», «Эмми», MTV, а также премий «Оскар» Американской киноакадемии. С 2002 года преобразован в крупнейший в Америке выставочный центр.

¹² *«Уизрд тейлз» (Weird Tales, досл. «жуткие истории»)* — популярный журнал, выходивший с 1926 года, печатавший рассказы в жанре ужасов и фантастики. В сороковые годы в нем неоднократно публиковался начинающий писатель Рэй Брэдбери.

Метеоритный кратер (Meteor Crater) (другие названия: Аризонский кратер, кратер Барринджера, каньон Дьявола) — большой метеоритный кратер в Аризоне, в 30 км к западу от города Уинслоу (*Winslow*) и 56 км от города Флэгстафф (*Flagstaff*). Представляет собой гигантскую земляную чашу диаметром 1200 метров и глубиной 180 метров.

¹³ «Человек-леопард» (*The Leopard Man*) (1943) — фильм в жанре ужасов, снятый режиссером Жаком Турнером по мотивам романа «Темное алиби» (*Black Alibi*) Корнелла Вулрича.

«Остров мертвых» (*The Isle of the Dead*) (1945) — фильм в жанре ужасов, снятый режиссером Марком Робсоном с Борисом Карлоффом в главной роли. Продюсер и сценарист фильма Вэл Льютон (*Val Lewton*) (настоящее имя Владимир Иванович Левентон) взял за основу известную картину швейцарского художника-символиста Арнольда Бёклина «Остров мертвых» (*Toteninsel*) (1880). Кстати, эта картина вдохновляла не только кинематографистов, но, например, Сергея Рахманинова (Op. 29), Роджера Желязны (одноименный роман 1969 года) и многих других.

Опять влипли, Стэнли! — фраза из комедийного фильма «Опять влипли» (*Another Fine Mess*) (1930) с участием Стэна Лорела и Оливера Харди. Лорел и Харди — один из самых известных комедийных дуэтов в кино, мастера фарсовой клоунады, создавшие противоположные маски двух обаятельных чудаков — тшедушного плаксы Лорела и толстяка бонвивана Харди. Они снялись в десятках фильмов, каждый из которых заканчивался коронной фразой «Опять влипли!». Кстати, у Брэдбери есть рассказ «Опять влипли» (*Another Fine Mess*) (1995), входит в сборник «В мгновенье ока».

¹⁴ «Парамаунт» (*Paramount Theater*) — возможно, имеется в виду кинотеатр в городе Окленд, штат Калифорния. Был открыт в 1931 году и просуществовал как кинотеатр до 1970 года. Здание существует до сих пор и является архитектурной достопримечательностью. В интерьерах ар-деко проводятся концерты симфонической и джазовой музыки.

Боб Хоуп (*Bob Hope*) (1903—2003), настоящее имя Лесли Тауниз Хоуп, — американский актер и шоумен английского происхождения. Участвовал в бродвейских мюзиклах, выступал на радио, на телевидении, снимался в кино. Награжден двумя почетными «Оскарами» и четырьмя звездами на голливудской Аллее Славы (за выдающийся вклад в искусство кино, театра, радио и телевидения).

«Кот и канарейка» (*The Cat and the Canary*) (1939) — комедия ужасов режиссера Элиотта Наджента по одноименной пьесе Джона Уилларда (1922), римейк немой кинокартины 1927 года.

¹⁵ Рудольф Валентино (*Rudolph Valentino*) (1895—1926), настоящее имя Родольфо Альфонсо Раффаэлло Пьеро Филиберто Гульельми, —

голливудский актер итальянского происхождения, один из первых настоящих секс-символов немого кинематографа. Его популярность была необычайной. После его трагической смерти сто тысяч поклонников выстроились на улицах Нью-Йорка в очередь, чтобы проститься с кумиром. После прощания его тело было отправлено поездом в Калифорнию и теперь покоится в Голливуде на знаменитом кладбище звезд «Холливуд форEVER».

Лон Чейни (Lon Chaney) старший (1883—1930), настоящее имя Леонидас Фрэнк Чейни, — американский актер немого кино, получивший прозвище «Человек с тысячей лиц». Он снялся во многих фильмах ужасов, в частности в «Призраке оперы», «Горбуне собора Парижской Богоматери» и классической картине американского хоррора «Лондон после полуночи». Рэй Брэдбери неоднократно писал и говорил, что Лон Чейни оказал огромное влияние на всю его жизнь. Впервые он увидел актера в 1923 году (то есть в возрасте трех лет) в фильме «Горбун собора Парижской Богоматери», потом посмотрел другие картины с его участием и навсегда заболел кино.

¹⁶ *Стивен Лонгстрит (Stephen Longstreet)* (1907—2002), настоящее имя Чаунси (Генри) Уинер, — американский писатель и сценарист.

¹⁷ *Пинкхэм, Лидия Эстес (Lydia Estes Pinkham)* (1819—1883) — американская предпринимательница и основательница фирмы по производству лекарственных составов на основе трав. В течение более девяноста лет (с 1875 года) «Растительный состав Лидии Пинкхэм» на основе старинного сбора трав и спирта для лечения женских недугов, бесплодия и облегчения родовых болей пользовался большой популярностью в Америке и Англии. Газеты были наводнены рекламой чудодейственного лекарства. Впрочем, чудодейственность настойки Пинкхэм была разоблачена еще в 1905 году. Однако само предприятие просуществовало до 1973 года. Имя Лидии Пинкхэм даже осталось в шуточных народных песнях, «воспевающих» силу ее растительного состава («*The Ballad of Lydia Pinkham*» и «*Lily the Pink*»). Так имя прабабушки современных БАДов вошло в легенду.

¹⁸ *Демилль, Сесил Блаунт (Cecil Blount DeMille)* (1881—1959) — выдающийся американский режиссер, снявший десятки немых фильмов (среди них «Муж индианки» (*The Squaw Man*, 1914, 1918, позднее римейк, 1931), «Запретный плод» (*Forbidden Fruit*, 1921), «Ребро Адама» (*Adam's Rib*, 1923) и звуковых картин («Величайшее представле-

ние на Земле» (*The Greatest Show on Earth*, 1952), «Десять заповедей» (*The Ten Commandments*, 1959) и другие).

Мексиканский День мертвых (*Día de los Muertos*) — мексиканский праздник, традиции которого восходят к доколумбовой эпохе. В те времена он приходился на девятый месяц по ацтекскому календарю (примерно начало августа) и посвящался богине Миктекацихуатль, царице загробного мира (в наше время ее называют Катрина, Повелительница Мертвых). Теперь этот праздник совпадает с Днем всех святых (1 ноября). В этот день принято посещать кладбища, украшать могилы, приносить усопшим подарки (*ofrendas*). Символом Дня мертвых традиционно считается человеческий череп (маски, костюмы, изображения). Этот праздник стал популярен во многих странах, в том числе в Европе.

Эдгар Кеннеди (*Edgar Livingston Kennedy*) (1890—1948) — американский комедийный актер, известный как «король тихой ярости» (*the king of the slow burn*). В 1914 году он начал сниматься в «Кистонских полицейских», позднее работал с такими известными мастерами комедии, как Чарли Чаплин, братья Маркс, Лорел и Харди, группой «Маленькие негодяи» (*The Little Rascals*).

Хэл Роуч (*Hal Roach*) (1892—1992), настоящее имя Харольд Юджин Роуч, — американский продюсер, в 1920—1930-е годы продюсировал комедийные фильмы, ставшие классикой жанра: сериал «Маленькие негодяи» (*The Little Rascals* или *Our Gang*), картины с участием Лорела и Харди.

¹⁹ Лорел и Харди (*Laurel and Hardy*) — знаменитый комедийный дуэт американского кино. Стэн Лорел (*Stan Laurel*, 1890—1965) (настоящее имя Артур Стэнли Джефферсон) и его напарник Оливер Харди (*Oliver Hardy*, 1892—1957) (настоящее имя Норвелл Харди) снялись вместе в более чем ста фильмах. Впервые это произошло в 1919 году. Однако славу им принесли комедии Хэла Роуча, в которых они снимались начиная с 1926 года. После смерти Оливера Стэн Лорел ушел из кино и не сыграл больше ни одной роли. Здесь Брэдбери упоминает фильм «*Towed in a Hole*» (1932).

Джон Филипп Суза (*John Philip Sousa*) (1854—1932) — известный как «король марша», американский композитор и дирижер военных оркестров, прославившийся своими патриотическими маршами («*The Liberty Bell*», «*King Cotton*», «*The Stars and Stripes Forever*» и др.).

Томбстоун (*Tombstone*) — буквально: «надгробный камень». Город

в штате Аризона, основанный в 1879 году неподалеку от серебряных рудников. Несмотря на то что город сразу стал быстро развиваться, эта местность по-прежнему оставалась дикой и изолированной от других поселений (поскольку здесь не было железной дороги). Окрестные банды ковбоев часто вступали в стычки с чужаками (предпринимателями и старателями, осваивавшими рудники). Самой известной стала так называемая перестрелка в О. К. Коррале (*The Gunfight of O. K. Corral*) 26 октября 1881 года, прославленная в классическом вестерне. Ныне Томбстоун — музей-заповедник, воссоздающий быт Дикого Запада.

«Ровно в полдень» (*High Noon*) (1952) — классический вестерн с Гэри Купером в главной роли.

²⁰ Том Микс (*Tom E. Mix*) (1880—1940) — американский актер, звезда ковбойских фильмов (с 1910-го по 1935 год он снялся в 336 картинах!), ставший эталоном для исполнителей ролей в этом жанре.

Хут Гибсон (*Hoot Gibson*) (1892—1962), настоящее имя Эдмунд Ричард Гибсон, — чемпион родео, режиссер, продюсер и один из первых актеров, снимавшихся в ковбойских фильмах (еще в зрелом возрасте).

Кен Мейнард (*Ken Maynard*) (1895—1973), полное имя Кеннет Олин Мейнард, — американский актер и каскадер, снялся в более чем девяноста ковбойских фильмах.

Джон Уэйн (*John Wayne*) (1907—1979), настоящее имя Мэрион Роберт (Майкл) Моррисон, — американский актер, удостоенный награды Американской киноакадемии «Оскар». Звезда экрана 1940—1970-х годов, он стал настоящей легендой, снимаясь в вестернах и эпических фильмах о Второй мировой войне, хотя среди его работ есть роли практически во всех жанрах.

...траурный поезд Линкольна... — После убийства Авраама Линкольна в Вашингтоне его тело было на специальном поезде перевезено в его родной город Спрингфилд, штат Иллинойс и захоронено там на кладбище «Оук-Ридж». За время этого долгого путешествия (2661 км) тысячи американцев во многих штатах смогли проститься со своим президентом.

Гэри Купер (*Gary Cooper*) (1901—1961), настоящее имя Фрэнк Джеймс Купер, — легендарный американский актер, дважды удостоившийся премии Американской киноакадемии «Оскар». Он снялся

в более чем ста фильмах, среди которых немало классических вестернов.

²¹ «Красавица Миссисипи» (*Mississippi Belle*) — увеселительный пароход-казино, курсирующий по реке Миссисипи.

Колоннада Бернини — колоннада собора Святого Петра в Риме, созданная архитектором Джованни Лоренцо Бернини (1598—1680).

²² Фрегат «Баунти» (*Bounty*) — английский фрегат под командованием капитана Уильяма Блая (*William Bligh*). 28 апреля 1789 года неподалеку от о. Тофуа на борту корабля произошел мятеж под предводительством помощника штурмана Флетчера Кристиана (*Fletcher Christian*). Эти трагические события легли в основу сюжетов многих фильмов и литературных произведений. Одна из самых известных картин — «Мятеж на Баунти» (*Mutiny on the «Bounty»*, 1935) с Чарльзом Лоутоном и Кларком Гейблом в главных ролях.

²³ Парад роз (*Rose Parade*) — ежегодное праздничное шествие, устраиваемое 1 января в Пасадене (пригород Лос-Анджелеса). Традиция существует с 1890 года. Во время праздника по улицам проходят повозки, украшенные розами, маршируют школьные оркестры, проводятся соревнования между спортивными командами.

²⁴ Луис Б. Майер (*Luis Burt Mayer*) (1882—1957), настоящее имя Элизер Мейр — американский продюсер, один из создателей киноконцерна «Метро-Голдвин-Майер». Он сделал МГМ самой финансово успешной в мире киностудией. При нем МГМ даже в годы Великой депрессии 1930-х годов давала прибыль. Кроме того, он открыл множество звездных имен, таких как Одри Хепберн, Кларк Гейбл, Лон Чейни, Джуди Гарленд, Джин Харлоу и др.

²⁵ «Вэрайти» (*Variety*) и «Холливуд репортер» (*Hollywood Reporter*) — два крупнейших американских журнала, посвященных шоу-бизнесу.

²⁶ «Фонтаны Рима» Респиги (1916) — симфонические поэмы итальянского композитора Отторино Респиги (*Ottorino Respighi*) (1879—1936).

«Браун-дерби» (*Brown Derby*) — буквально: «коричневый котелок». Известный ресторан в Лос-Анджелесе, излюбленное место голливудских знаменитостей в 1930—1960-е годы. Здание ресторана действительно было похоже на коричневую шляпу-котелок. Он открылся в 1926 году напротив отеля «Амбассадор» (3400, бульвар Уилшир), где много раз проводились церемонии вручения «Оскаров». Впоследствии рестораны «Браун-дерби» открывались по всему Лос-Анджелесу.

Но только самый первый действительно имел форму шляпы-котелка. Как становится понятно из дальнейшего текста, здесь Брэдбери имеет в виду второй ресторан «Браун-дерби» на углу Голливудского бульвара и Уайн-стрит (здание в испанском стиле, построенное по заказу Сесила Демилля). Он открылся в 1929 году и был снесен в 1994-м. Для американского кино это место также является легендарным, ведь тротуары этих двух улиц представляют собой голливудскую Аллею Славы.

²⁷ «...личный гример Николая Ленина...» — Николай Ленин — один из псевдонимов вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

²⁸ «Волшебник из Страны Оз» (*The Wizard of Oz*, 1939) — фильм-мюзикл, снятый на студии «Метро-Голдвин-Майер» по мотивам известной сказки Фрэнка Баума. В фильме участвуют такие звезды, как Джуди Гарленд и Фрэнк Морган. Роли жевунов (маленького народца в волшебной стране) сыграли настоящие карлики.

²⁹ *Фестиваль пирогов в Айове* — ежегодный праздник на открытом воздухе, где все посетители могут попробовать разнообразные пироги. Такие фестивали проводятся по всей Америке. Существуют отдельные фестивали пирогов с мясом, или «американских» пирогов.

³⁰ Трясуны (*Holy Rollers*) — просторечное название пятидесятников (баптистская секта), членов методистской общины в Лос-Анджелесе, основанной чернокожим пастором Сеймуром. Эта община состояла из белых и черных членов, отличающихся повышенной восприимчивостью и впечатлительностью. Каждый день Сеймур вместе со своей общиной страстно молился о «крещении Духом Святым», а результатом таких молитв было то, что в апреле 1906 года группа верующих заговорила на непонятных языках.

³¹ «...моих отпрысков «последних дней»...» — «Святые последних дней» (*Latter Day Saints*) — самоназвание мормонских фундаменталистов, сохраняющих традиции многоженства и отрицающих современный прогресс.

³² Джинни Иглз (*Jeanne Eagles*) (1890—1929), настоящее имя Амелия Джаннин Иглз (*Eagles*), — американская актриса, игравшая в бродвейских спектаклях и нескольких кинофильмах.

Нидлз (*Needles*) — буквально: «иголки».

³³ «...вроде той женщины, что сбежала из Шангри-Ла и сморщилась, как монгольская старуха!» — Намек на фильм «Потерянный горизонт»

(*Lost Horizon*, 1937) Франка Капры. По сюжету, несколько европейцев случайно попадают в затерянную где-то в Китае идиллическую долину Шангри-Ла. Один из героев влюбляется там в девушку. Вместе с ней они бегут из райской страны. Но через два дня пути девушка падает лицом в снег и умирает. Перевернув ее, герой видит, что она превратилась в дряхлую старуху.

³⁴ Конрад Вейдт (*Konrad Veidt*) (1893—1943), полное имя Ханс Вальтер Конрад Вейдт, — немецкий актер, сыгравший главные роли в известнейших фильмах «Кабинет доктора Калигари» (1920), «Касабланка» (1942), «Человек, который смеется» (1928), «Багдадский вор» (1940) и др.

«Человек, который смеется» (*The Man Who Laughs*) (1928) — экранизация одноименного романа Виктора Гюго, где в роли Гуинплена снялся Конрад Вейдт.

Мэри Пикфорд (*Mary Pickford*) (1892—1979), настоящее имя Глэдис Луиза Смит, — звезда немого кино, награжденная премией Американской киноакадемии «Оскар». Она снялась более чем в ста фильмах и вместе с Чарли Чаплином и Дэвидом Гриффитом основала студию «Юнайтед артистс». В 1933 году она завершила артистическую карьеру, но продолжала продюсировать фильмы до 1956 года.

³⁵ ...*верховный лама долины Голубой Луны*. — Еще один намек на фильм «Потерянный горизонт».

³⁶ *Гюстав Доре* (*Gustave Dore*) (1832—1883), полное имя Поль Гюстав Доре, — французский гравер, иллюстратор и живописец. Его называют величайшим иллюстратором XIX века. После того как в 1869 году в Лондоне состоялась выставка его работ, у английского издателя Блэнчарда Джероллда возникает идея создать многосторонний образ Лондона и уместить его в одном издании. Он подписывает контракт с Доре, и в 1872 году выходит книга «Лондон: странствие» (*London: A Pilgrimage*), куда вошли 180 иллюстраций французского художника.

³⁷ *Грета Гарбо* (*Greta Garbo*) (1905—1990), настоящее имя Грета Ловиса Густафсон, — шведская актриса, в 1954 году получила почетную премию «Оскар» за вклад в киноискусство. Она стала звездой, снимаясь в немых фильмах. Однако с приходом звукового кино также осталась востребованной и сыграла во многих картинах, среди них «Мата Хари» (1931), «Гранд Отель» (1932).

Рональд Колман (*Ronald Colman*) (1891—1958), полное имя Ро-

нальд Чарльз Колман, — известный английский актер, в 1948 году получивший «Оскар» за лучшую мужскую роль в фильме «Двойная жизнь» (*A Double Life*). Он также исполнил главную роль в фильме «Потерянный горизонт» (1937).

Кларк Гейбл (Clark Gable) (1901—1960), полное имя Уильям Кларк Гейбл, — знаменитый голливудский актер, кинозвезда и секс-символ 1930—1940-х годов. Он носил прозвище Король Голливуда. В 1935 году был удостоен премии «Оскар» за лучшую мужскую роль в фильме «Это случилось однажды ночью» (*It Happened One Night*). Он сыграл главные роли в таких культовых фильмах, как «Унесенные ветром» (1939), «Мятеж на «Баунти»» (1935) и др.

³⁸ *Бинг Кросби (Bing Crosby)* (1903—1977), настоящее имя Гарри Лиллис Кросби, — один из самых популярных американских певцов и актеров XX столетия. Его фильмография насчитывает около сотни фильмов. Среди них «Король джаза» (*The King of Jazz*, 1930), «Миссисипи» (*Mississippi*, 1935) и «Идти своим путем» (*Going My Way*, 1944), получивший семь «Оскаров», в том числе за лучшую мужскую роль.

³⁹ *Дуглас Фэрбенкс-старший (Douglas Fairbanks Sr.)* (1883—1939), настоящее имя Дуглас Элтон Ульман, — американский актер, звезда немого кино. Снимался в костюмных комических боевиках «Знак Зорро» (*The Mark of Zorro*, 1920), «Три мушкетера» (*The Three Musketeers*, 1921), «Робин Гуд» (*Robin Hood*, 1922), «Багдадский вор» (*The Thief of Bagdad*, 1924), «Черный пират» (*The Black Pirate*, 1926) и др. Именно Фэрбенкс и его жена Мэри Пикфорд были первыми, кто оставил отпечатки своих ладоней на Аллее Славы в Голливуде. В 1927 году Фэрбенкс стал первым президентом Американской академии киноискусства и провел первую церемонию вручения «Оскаров».

Марлон Брандо (Marlon Brando) (1924—2004) — выдающийся американский актер театра и кино. Дважды лауреат премии «Оскар». Всемирное признание он получил после роли в пьесе Теннесси Уильямса «Трамвай «Желание»» (1947), по которой позже был снят фильм с его же участием (1951). Среди его заметных ролей можно перечислить такие культовые картины, как «Дикий» (1953), «Последнее танго в Париже» (1972), «Крестный отец» (1972), «Апокалипсис сегодня» (1979).

Фред Аллен (Fred Allen) (1894—1956), настоящее имя Джон Флоренс Салливан, — американский комедийный актер, с 1934-го по 1949 год, в эпоху золотой эры радио, он вел одно из самых попу-

лярных юмористических радишоу. Классикой стала его комическая «перебранка» с Джеком Бенни.

Джек Бенни (Jack Benny) (1894—1974), настоящее имя Бенджамин Кубельски, — американский комедийный актер и ведущий популярных передач на радио. Звезда золотой эры американского радио. Он и Фред Аллен стали великолепным звездным дуэтом, их смешные реплики были подхвачены публикой и разобраны на цитаты.

Джордж Бернс (George Burns) (1896—1996), настоящее имя Натан Бирнбаум, — американский комедийный актер, писатель, ведущий радиопередач и телевизионных шоу, обладатель «Оскара» за роль второго плана в фильме «Солнечные мальчишки» (*The Sunshine Boys*, 1975), где он заменил своего умирающего друга Джека Бенни.

⁴⁰ «Когда святые маршируют» — широко известный американский госпел «*When The Saints Go Marching In*». В Новом Орлеане эта песня традиционно исполняется на похоронах, так называемый траурный джаз.

Чандлер, Раймонд Торнтон (Raymond Thornton Chandler) (1888—1959) — американский писатель, автор детективных рассказов и романов («Женщина в озере» (1943), «Долгое прощание» (1954) и др.). Также он написал сценарии к нескольким фильмам.

Джеймс Кейн (James Cain) (1892—1977), полное имя Джеймс Маллахан Кейн, — американский журналист и писатель, автор детективов. Самый известный его роман — «Почтальон всегда звонит дважды» (*The Postman Always Rings Twice*, 1934), выдержавший несколько экранизаций. В 1943 году по мотивам этого романа Лукино Висконти снял фильм «Одержимость» (*Osessione*). Кроме того, в 1946-м и 1981 годах вышли две экранизации под оригинальным названием.

⁴¹ ...*Призрак Стрелочника...* — Возможно, здесь упоминается рассказ Чарльза Диккенса «Связист» (*The Signalman*, 1866), однако экранизация этого рассказа встречается только в телевизионной версии и никак не подходит ко времени, описываемому в романе Брэдли.

«*Сильвер скрин*» (*Silver Screen*) — журнал, посвященный звездам кино, выпускался в 1930—60-е годы.

⁴² «*Величайшее представление на Земле*» (*The Greatest Show on Earth*, 1952) — фильм Сесила Б. Демилля, награжденный премией Американской киноакадемии «Оскар».

«*Красавица и чудовище*» (*La Belle et la Bete*, 1946) — фильм Жана Кокто и Рене Клемана с участием Жана Марэ.

⁴³ *Мэй Уэст (Mae West)* (1893—1980), полное имя Мэри Джейн Уэст, — американская киноактриса, звезда и секс-символ 1930—1940-х годов.

Граучо Маркс (Groucho Marx) (1890—1977), настоящее имя Джулиус Генри Маркс, — американский комик, работавший в составе группы «Братья Маркс» сначала на Бродвее, а затем в кино (фильмы «Утиный суп», «Ночь в опере» и другие).

Джонни Вайсмюллер (Johnny Weismuller) (1904—1984), настоящее имя Януш Вайсмюллер, — американский актер и пловец, родившийся в Австро-Венгрии. В 1920-е годы он был пятикратным олимпийским чемпионом по плаванию, на его счету 67 мировых рекордов. Закончив спортивную карьеру, он снялся в двенадцати фильмах о Тарзане и еще в десятках других картин. Хотя роль Тарзана исполняли и другие актеры, классический образ человека-обезьяны создал именно Вайсмюллер со своим знаменитым криком.

Луле Велес (Lupe Velez) (1908—1944), полное имя Мария Гуадалупе Велес де Вильялобос, — мексиканская актриса. В 1933 году она стала женой Джонни Вайсмюллера. Впрочем, их брак был весьма скандальным и недолгим. За свою карьеру Велес снялась в нескольких десятках фильмов.

«*Дамы (Dames, 1934)*», «*Дорожка флирта (Flirtation Walk, 1934)*» — экранизации бродвейских мюзиклов.

⁴⁴ «*Маленькие негодяи (Little Rascals или Our Gang)*» — серия комедийных короткометражных фильмов, герои которых, банда малолетних оборванцев, попадают во всякие комичные истории. Начатый продюсером Хэлом Роучем в 1922 году, этот сериал с большим успехом просуществовал (перейдя впоследствии в звуковой формат) до 1944 года.

⁴⁵ «*Эсквайр (Esquire)*» — мужской журнал, основанный в 1933 году. В нем публиковались многие знаменитые авторы, такие как Хемингуэй, Фитцджеральд, Норманн Мейлер, Тим О'Брайен и др.

⁴⁶ *Венис (Venice)* — район на западе Лос-Анджелеса, известен своими каналами, пляжами и роскошной набережной. Каналы, как можно догадаться по названию, были прорыты по образцу итальянской Венеции.

⁴⁷ «*Дайм мистери (Dime Mystery)*» — журнал, существовавший в 1930—1940-е годы, печатавший рассказы в жанре ужасов, фантастики, фантастического детектива.

День отца (*Father's Day*) — в США празднуется в третье воскресенье июня.

⁴⁸ «Таун энд кантри» (*Town & Country*) — старейший американский журнал светской хроники (основан в 1846 году под названием *The National Press*, позже переименован в *The Home Journal* и, наконец, в 1901 году обрел нынешнее название).

⁴⁹ ...пусто, как в буфете матушки Хаббард. — Намек на известный детский стишок из «Книги Матушки Гусыни» «Старушка и пес»: «Матушка Хаббард, которой сто лет, / Пошла и открыла старинный буфет, / Чтоб косточку псу принести, / Но смотрит в буфет, / А косточки нет, / Ну что ж, милый песик, прости!» (Пер. Ю. Сабанцева.) Вольное переложение этого стихотворения мы знаем как произведение С. Маршака «Пудель» («На свете старушка спокойно жила...»).

⁵⁰ *Трясуны* — см. примечание к с. 86. Предсказатели Вайолет Гринер и Норвелл упоминаются также в романе Брэдбери «Смерть — дело одинокое».

Холл Джонсон (*Hall Johnson*) (1888—1970), полное имя Фрэнсис Холл Джонсон, — американский композитор, поднявший афро-американский спиричуэл на качественно новый уровень. В 1925 году он создал Негритянский хор Холла Джонсона (*Hall Johnson Negro Choir*), с огромным успехом выступавший с концертами и на радио. С 1933 года хор участвует в бродвейских постановках, а затем и в кино (кстати, в не раз уже упомянутом фильме «Потерянный горизонт»).

Книга Мормона (*The Book of Mormon*) — Священное Писание, признаваемое Церковью Иисуса Христа Святых последних дней и отколовшимися от нее конфессиями. Центральное место в Книге Мормона занимают пророчества о приходе Мессии и учение Иисуса Христа.

⁵¹ *Ангел Морони* (*The Angel Moroni*) — ангел, который якобы несколько раз начиная с 1823 года посетил Джозефа Смита (основателя Церкви Иисуса Христа Святых последних дней). В сентябре 1827 года небесный посланник привел Джозефа Смита к холму, где тот нашел сокрытую в каменном хранилище древнюю летопись, выгравированную на золотых пластинах. Переведенная летопись стала Книгой Мормона.

Эйми Сэмпл Макферсон (*Aimee Semple MacPherson*) (1890—1944), урожденная Эйми Элизабет Кеннеди, — известная также как сестра Эйми, — евангелистка, в 1923 году основавшая в Лос-Анджелесе Ме-

ждународную церковь Четырехугольного Евангелия, принадлежащую к группе Пятидесятников Двух Благословений. Участница множества судебных процессов и скандалов в 1920—30-е годы.

⁵² *Миклош Рожа (Miklos Rozsa) (1907—1995)* — венгерский композитор, работавший в Голливуде и прославившийся музыкой к известным кинофильмам «Завороженный» (*Spellbound*, 1945) Альфреда Хичкока, «Камо грядеши?» (*Quo Vadis?*, 1951), «Бен-Гур» (*Ben-Hur*, 1959) и др.

⁵³ *Иудейскому льву...* — Лев традиционно символизирует иудейский народ. В Книге Бытия Иаков, благословляя своего сына Иуду, называет его «молодым львом». Лев присутствует на гербе Иерусалима.

Китайский театр Граумана (Grauman's Chinese Theatre) — знаменитый кинотеатр на Голливудском бульваре в Лос-Анджелесе. Он был построен в 1927 году и вскоре стал одной из достопримечательностей Голливуда. Здесь дважды проводились церемонии вручения «Оскаров». Многие звезды кино оставили свои автографы на бетонных плитах перед входом в кинотеатр.

⁵⁴ *Бенни Гудман (Benny Goodman) (1909—1986)*, полное имя Бенджамин Дэвид Гудман, — американский джазовый музыкант, виртуозный кларнетист, «король свинга».

⁵⁵ *Гора Рашмор (Mount Rushmore)* — гора недалеко от города Кистоун в Южной Дакоте. Известна тем, что в ее горной породе высечены гигантские головы четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна. На строительство скульптур выделил деньги американский бизнесмен Чарльз Рашмор, и его имя было увековечено в названии горы. Работы по созданию мемориала были завершены в 1941 году.

Гарри Кон (Harry Cohn) (1891—1958) — один из основателей, а впоследствии президент и продюсер кинокомпании «Коламбия пикчерз».

Дэррил Фрэнсис Занук (Darryl Francis Zanuck) (1902—1979) — продюсер, сценарист, актер и кинорежиссер, сыгравший огромную роль в истории голливудского кино. Он был одним из основателей студии «XX век» (впоследствии объединенной с компанией «Фокс»).

Гарри Уорнер (Harry Warner) (1881—1958), настоящее имя Хирш Уорнер, — американский продюсер, в 1918 году вместе со своими

тремя братьями основал киностудию «Уорнер бразерс», до сих пор являющуюся одной из крупнейших кинокомпаний в мире.

Ирвинг Талберг (Irving Thalberg) (1899—1936), полное имя Ирвинг Грант Талберг, — американский кинопродюсер, которого называли «чудо-мальчиком» за его молодость и необычайное чутье на хорошие сценарии, талантливых актеров и режиссеров. Во многом благодаря его умению организовать кинопроизводство компания «Метро-Голдвин-Майер» была в 1930-е годы столь успешной. Именно Талберг стал прототипом героя «Последнего магната» Френсиса Скотта Фитцджеральда.

Hollywoodland — букв. «Страна Голливуд», надпись, состоящая из огромных белых букв, установленная на Голливудских холмах в 1923 году и ставшая с тех пор одним из символов Голливуда. В 1949 году надпись была сокращена на четыре последние буквы. Позднее, в 1978 году, все буквы в надписи *Hollywood* были полностью заменены новыми.

⁵⁶ *Джонстаунское наводнение (Johnstown Flood)* — одна из самых больших катастроф в истории США. Наводнение произошло 31 мая 1889 года в результате многодневных дождей и прорыва плотины, находившейся в 14 милях вверх по течению от города Джонстаун, штат Пенсильвания. В результате 200 миллионов галлонов воды обрушились на город. Погибли 2200 человек.

⁵⁷ *Гарольд Ллойд (Harold Lloyd)* (1893—1971), полное имя Гарольд Клейтон Ллойд, — американский актер и продюсер. Один из величайших комиков немого кино наравне с Чарли Чаплином и Бастером Киттоном.

⁵⁸ *Адольф Менжу (Adolphe Menjou)* (1890—1963), полное имя Адольф Жан Менжу, — американский актер, снявшийся более чем в ста фильмах. Его отличительным стилем была манера изысканно одеваться, безупречно приглаженные волосы и усы.

⁵⁹ *Мерлин* — мудрец и волшебник из кельтских мифов, наставник короля Артура. Фея Моргана околдовала Мерлина, погрузив его в вечный сон.

⁶⁰ *«Ребекка» (Rebecca, 1940)* — психологический триллер Альфреда Хичкока, получивший «Оскар»; экранизация одноименного романа Дафны Дюморье.

«Унесенные ветром» (Gone With The Wind, 1939) — кинокартина Виктора Флеминга по одноименному роману Маргарет Митчелл

с Кларком Гейблом и Вивьен Ли в главных ролях. Легендарный фильм, получивший десять «Оскаров».

«Гражданин Кейн» (*Citizen Kane*, 1941) — новаторская кинокартина Орсона Уэллса, получившая «Оскара» именно за лучший сценарий.

«Десять заповедей» (*The Ten Commandments*, 1923) — эпическая немая кинокартина Сесила Демилля с Теодором Робертсом в роли Моисея. Позднее, в 1956 году, Демилль снял римейк этого фильма в звуковом формате.

«Великий Гэтсби» (*The Great Gatsby*, 1925) — роман Френсиса Скотта Фицджеральда. По этому произведению был снят немой фильм 1926 года (ныне утраченный), позднее звуковая экранизация была реализована в 1949 году. Впоследствии, в 1974 году, вышла самая известная на сегодняшний день киноверсия романа с Робертом Редфордом в главной роли, однако она не соотносится с описываемым Брэдбери периодом.

⁶¹ Мэнли Палмер Холл (*Manly Palmer Hall*) (1901—1990) — американский писатель-мистик, автор книги «Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцерской символической философии» (1926). В 1934 году основал в Лос-Анджелесе Общество философских исследований (*Philosophical Research Society*), где читал лекции.

⁶² Манишевич — сладкое кошерное вино торговой марки «Манишевич».

⁶³ «Красавчик Жест» (*Beau Geste*, 1939) — фильм Уильяма Уэллмана, снятый по одноименному роману Персиваля Кристофера Рена (*Percival Christopher Wren*), римейк немого фильма 1926 года. В роли Красавчика снялся Гэри Купер.

Барни Олдфилд (*Barney Oldfield*) (1878—1946), настоящее имя Берн Эли Олдфилд, — один из пионеров автогонок, первый человек, проехавший на автомобиле со скоростью 100 км/ч.

⁶⁴ Эрих фон Штрогейм (*Erich von Stroheim*) (1885—1957), полное имя Эрих Освальд Штрогейм, — американский режиссер австрийского происхождения. Один из известнейших режиссеров немого кино.

⁶⁵ «Сломанные побеги» (*Broken Blossoms*, 1919) — немой фильм Дэвида Гриффита с Лилиан Гиш в главной роли.

«Цирк» (*The Circus*, 1928) — немой фильм Чарли Чаплина, номинировавшийся на «Оскар».

«Приветствуйте опасность» (*Welcome Danger*, 1929) — первый звуковой фильм, где снимался Гарольд Ллойд. Картина вышла сразу в двух версиях — немой (для тех кинотеатров, где еще не было звуковой аппаратуры) и звуковой.

⁶⁶ «Нетерпимость» (*Intolerance*, 1916) — фильм Дэвида Гриффита, один из величайших шедевров немого кино. В этой эпической картине повествование охватывает четыре периода в истории человечества: Вавилонская эра, Иудейское царство (распятие Христа), французский Ренессанс (Варфоломеевская ночь) и современная Америка. Существует несколько версий фильма длительностью от двух до трех часов.

«Сиротки бури» (*Orphans of the Storm*, 1921) — фильм Дэвида Гриффита с участием сестер Лилиан и Дороти Гиш. Первая часть фильма основана на сюжете пьесы «Две сиротки» Адольфа Филиппа Деннери, вторая — на мотивах романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах».

«Лондон после полуночи» (*London After Midnight*, 1927) — утраченный немой фильм Тода Браунинга с участием Лона Чейни-старшего. Ни одной копии этой мистической кинокартины не сохранилось. Однако позже (в 1935 году) Тод Браунинг снял звуковой римейк (хотя несколько измененный) этого фильма под названием «Метка вампира» (*Mark of the Vampire*) с Белой Лугоши в главной роли.

«Алчность» (*Greed*, 1924) — один из самых известных в истории кино утраченных фильмов. Эрих фон Штрогейм снимал эту картину по роману Фрэнка Норриса «Мактиг», желая в точности перенести на экран малейшие детали, описанные в книге. В результате длина конечного варианта составила более восьми часов (не говоря уже о баснословной стоимости производства картины). Студия «Метро-Голдвин-Майер» потребовала урезать фильм. Штрогейм сделал это с большой неохотой, но все равно длительность урезанного варианта превышала четыре часа. После этого, несмотря на протесты режиссера, монтажеры и редакторы урезали картину до двух с половиной часов. Из конечной версии были вырезаны даже некоторые заглавные персонажи. Все вырезанные кадры были уничтожены. Вышедшую на экраны картину ждал полный провал. Однако в последующие годы даже эта, сокращенная, версия «Алчности» была признана шедевром реалистического кино. В 1999 году компания «Тернер энтертеймент» сделала попытку воссоздать оригинальную версию картины, комби-

нируя существующий материал и фотографии утраченных эпизодов в соответствии с набросками Штрогейма. В результате длительность восстановленного фильма составила чуть более четырех часов.

⁶⁷ *Голдфиш-Голдвин* — имеется в виду Сэмьюэл Голдвин (*Samuel Goldwyn*) (1882—1974), настоящее имя Шмуэль Гелбфиш, голливудский продюсер польского происхождения, стоявший у истоков «Парамаунт пикчерз», основатель «Голдвин пикчерз корпорейшн», впоследствии влившейся в «Метро-Голдвин-Майер», создатель «Сэмьюэл Голдвин стьюдио». После того как семья из Польши переехала в Англию, его стали называть Сэмьюэлом Голдфишем. Голдвин — это псевдоним, взятый уже во время работы в Голливуде.

⁶⁸ *Эрнст Любич* (*Ernst Lubitsch*) (1892—1947) — немецкий режиссер, работавший в Голливуде. Наиболее известные его фильмы: мюзикл «Парад любви» (*The Love Parade*, 1929) с Морисом Шевалье в главной роли, «Улыбающийся лейтенант» (*The Smiling Lieutenant*, 1932), «Неприятности в раю» (*Trouble in Paradise*, 1932), «Ниночка» (*Ninotchka*, 1939) с Гретой Гарбо.

«*Марш времени*» (*The March of Time*) — ролики кинохроники, показывавшиеся в американских кинотеатрах перед основным фильмом с 1935-го по 1951 год. После массового прихода телевидения и новостных программ необходимость в таком формате отпала. Под таким же названием в 1930 году на студии «Метро-Голдвин-Майер» снимался музыкальный фильм. Впрочем, на экраны он так и не вышел, хотя номера из этого мюзикла были потом использованы в других картинах.

⁶⁹ Братья Уэстмор (*Westmore*) — знаменитые голливудские гримеры.

⁷⁰ *Чарли Маккарти* (*Charlie McCarthy*) — кукла, с которой выступал американский актер и чревовещатель Эдгар Берген (*Edgar Bergen*, 1903—1978). Кукла представляла мальчика, одетого во фрак и шляпу-цилиндр, в правом глазу — неизменный монокль. В основном Берген и Маккарти участвовали в комедийных радиошоу.

Адольф Цукор (*Adolph Zukor*) (1873—1976) — основатель студии «Парамаунт» и один из величайших киномагнатов Голливуда.

⁷¹ *Роберт Тейлор* (*Robert Taylor*) (1911—1969), настоящее имя Спанглер Арлингтон Бру, — американский киноактер, голливудский красавец с «безупречным профилем», игравший в таких фильмах, как «Мост Ватерлоо» (1940), «Камо грядеши?» (1951), «Айвенго» (1952) и др.

Бесси Лав (Bessie Love) (1898—1986), настоящее имя Хуанита Хортон, — американская актриса, начинавшая сниматься еще в эру немого кино (в частности, ее первая небольшая роль была в знаменитой «Нетерпимости» (1916) Гриффита). Исполнила одну из главных ролей в «Бродвейской мелодии» (*The Broadway Melody*, 1929), первой звуковой картине, получившей «Оскар» как лучший фильм года.

Энн Хардинг (Ann Harding) (1901—1981), настоящее имя Дороти Уолтон Гатли, — американская актриса, особенно популярная в 1930-е годы. Сыграла главную роль в романтической комедии «Праздник» (*Holiday*, 1930), «Человек в фланелевом сером костюме» (*The Man in the Gray Flannel Suit*, 1956).

Эл Джолсон (Al Jolson) (1885—1950), настоящее имя Ася Гессельсон (в английском варианте Йоэльсон), — американский певец, один из популярнейших эстрадных артистов XX столетия. Он снимался во многих фильмах. В частности, сыграл главную роль в картине «Певец джаза» (*The Jazz Singer*, 1927), одном из первых звуковых фильмов, к тому же снискавшем огромный успех.

Джон Гарфилд (John Garfield) (1913—1952), настоящее имя Джейкоб Джулиус Гарфинкль, — американский актер, в кино сыграл множество ролей, в том числе в таких фильмах, как «Почтальон всегда звонит дважды» (*The Postman Always Rings Twice*, 1946), «Джентльменское соглашение» (*Gentleman's Agreement*, 1947), «Тело и душа» (*Body and Soul*, 1947).

Лоуэлл Шерман (Lowell Sherman) (1885—1934) — американский актер и режиссер.

Шуман-Хайнк, Эрнестина (Ernestine Schumann-Heink) (1861—1936), урожденная Тини Рёсслер, — знаменитая оперная певица, родившаяся в Австрийской империи, но в 1905 году принявшая гражданство США. В 1926 году перед Рождеством она впервые исполнила на американском радио песню «Тихая ночь» (*Stille Nacht*, 1818) на английском языке (*Silent Night*), и с тех пор, вплоть до 1935 года, эта песня каждый год исполнялась на радио накануне Рождества.

Бронко Билли Андерсон (Broncho Billy Anderson) (1880—1971), настоящее имя Макс Аронсон, — американский актер, сценарист, режиссер и продюсер, более известен как звезда вестернов, киноковбой Бронко Билли.

Сестры Гиш — Лилиан Гиш (Lillian Gish) (1893—1993), полное имя Лилиан Диана Гиш, — звезда немого кино, снимавшаяся во

многих фильмах Дэвида Гриффита (среди них «Рождение нации» (*The Birth of a Nation*, 1915), «Нетерпимость» (1916), «Сломанные побеги» (1919), «Сиротки бури» (1921); Дороти Гиш (*Dorothy Gish*) (1898—1968), полное имя Дороти Элизабет Гиш, — младшая сестра Лилиан Гиш, снявшаяся более чем в ста фильмах; во многих из них сестры исполнили парные роли.

⁷² «Смейся, паяц!» (*Laugh, Clown, Laugh*, 1928) — немой фильм режиссера Герберта Бренона с Лоном Чейни в главной роли.

⁷³ Уильям Клод Филдс (*William Claude Fields*) (1880—1946), настоящее имя Уильям Клод Дьюкенфилд, — американский комедийный актер, ставший популярным еще во времена немомого кино.

⁷⁴ *И пришел я к камню: дай укрытие мне! / И камень возопил: здесь не спрятаться тебе!* — слова из спичичуэла «*There's No Hiding Place*».

⁷⁵ *Вомитории* (лат. vomitiorium, от vomitare — извергать) — выходы, пандусы древнеримского амфитеатра, спускающиеся от зрительских мест — театрона — к площадке внизу — арене. В английском языке глагол «*to vomit*» означает «тошнить, рвать». Отсюда и путаница.

⁷⁶ *Храм Ангела* (*Angelus Temple*) — главный храм Международной Церкви Четырехугольного Евангелия, расположенный в Лос-Анджелесе. Он был построен и освящен в 1923 году основательницей церкви Эйми Сэмпл Макферсон.

⁷⁷ *...Впереди Ниагарский водопад! Где твоя бочка?!* — Ниагарский водопад давно (с XIX века) притягивал смельчаков, пытавшихся его преодолеть и остаться в живых. В 1901 году это удалось 63-летней учительнице Энни Эдсон Тейлор. Она упала с пятидесятиметровой высоты, сидя в бочке, и осталась жива. С тех пор этот способ спуска с водопада стал весьма популярен среди отчаянных голов.

⁷⁸ «*Неуловимый Первоцвет*» (*The Elusive Pimpernel*, 1950) — фильм Майкла Пауэлла и Эмерика Прессбургера, снятый по авантюристическому роману «Алый Первоцвет» (*The Scarlet Pimpernel*, 1905) английской писательницы баронессы Эммушки Орцы. Здесь прямая цитата из фильма.

⁷⁹ *Театр Форда* (*Ford's Theatre*) — театр в Вашингтоне, ставший печально известным после того, как здесь во время спектакля 14 апреля 1865 года Джон Уилкс Бут застрелил 16-го президента США Авраама Линкольна.

⁸⁰ «*Кто лежит в могиле Гранта?*» — популярная шутка Граучо

Маркса в его игровом шоу «Ставка — ваша жизнь» (*You Bet Your Life*), которое в 1947 году появилось на американском радио, а с 1950 года перешло на телевидение. Этот спасительный вопрос Граучо задавал участнику, чтобы помочь набрать хоть какие-то очки.

Грабители дважды выкрадывали тело Линкольна. — Действительно, было несколько попыток выкрасть тело Линкольна, поскольку поначалу оно не было в прямом смысле захоронено, а покоилось в гранитной усыпальнице. Чтобы избежать дальнейших посягательств на останки Линкольна, в 1901 году его потомок Роберт Тодд Линкольн решил захоронить тело. Пришлось даже вскрыть гроб, чтобы проверить, действительно ли оно на месте.

⁸¹ «Смит-Корона» — известная американская фирма (основана в 1926 году), производившая офисные и портативные пишущие машинки.

⁸² «Иерихон, Иерихон» — отсылка к известному спиричуэлу «Joshua Fit the Battle of Jericho», основанному на библейском мифе о том, как евреи на пути из египетского плена в Палестину осадили город Иерихон, обнесенный очень прочными стенами. Шесть дней утром и вечером по приказу израильских священников войны трубили в священные трубы, обходя город. На седьмой день стены не выдержали и рухнули, Иерихон был взят.

⁸³ «Муж индианки» (*The Squaw Man*, 1914) — фильм Сесила Б. Демиля. Он же снял впоследствии еще две версии этой картины: немую (в 1918 году) и звуковую (в 1931 году).

«Коварный доктор Фу Маньчжу» (*The Insidious Dr. Fu Manchu*, 1913) — детективно-приключенческий роман английского писателя Сакса Ромера. Здесь имеется в виду фильм Роуанда Ли «Таинственный доктор Фу Маньчжу» (*The Mysterious Dr. Fu Manchu*, 1929) с Уорнером Оландом в главной роли.

«Черный пират» (*The Black Pirate*, 1926) — немой приключенческий фильм Альберта Паркера по сценарию Джека Каннингема и Дугласа Фэрбенкса (который также был продюсером и сыграл в картине главную роль).

⁸⁴ *Гуанахуато* — город в Мексике, известный своим Музеем мумий. К западу от города расположены катакомбы, использовавшиеся для захоронений. Некоторые тела в этих захоронениях оказались подвержены естественной мумификации. В конце XIX века власти города ввели пошлину на захоронение, которую полагается выплачи-

вать семьям умерших. Если семья не в состоянии платить эту пошлину, тело выкапывают и сжигают или, если оно мумифицировалось, выставляют на всеобщее обозрение в специально построенном для этого музее.

⁸⁵ *Гай Фокс (Guy Fawks) (1570—1606)* — один из главных участников так называемого Порохового заговора в Англии. 5 ноября 1605 года небольшая группа католиков, недовольных отношением к католицизму действующего короля Джеймса I, решила взорвать здание парламента вместе с правительством и королевской семьей. Заговор вовремя раскрыли, и Гай Фокс вместе с другими конспираторами был казнен.

⁸⁶ *Холлихок-хаус (Hollyhock House)* — архитектурная достопримечательность Лос-Анджелеса, музей. Построенный в 1921 году по проекту Фрэнка Ллойда Райта, этот дом был подарен городу его владелицей, Элин Барнсдалл, и с 1927 года там находился Центр искусств и художественная галерея (*California Art Club*).

⁸⁷ *Старбак, Ахав* — персонажи романа Генри Мелвилла «Моби Дик».

⁸⁸ *Pieta* — «Оплакивание Христа» (1499), скульптурная композиция в соборе Святого Петра в Ватикане, одна из наиболее известных работ Микеланджело Буонаротти (1475—1564).

⁸⁹ *Разлом Сан-Андреас (San Andreas Fault)* — геологический разлом, проходящий через Западную и Южную Калифорнию и разделяющий Тихоокеанское и Североамериканское тектонические плато.

⁹⁰ *Даниил* — библейский пророк, за свою веру брошенный по приказу вавилонского царя Дария на растерзание львам. Однако львы не тронули Даниила, что стало доказательством его праведности.

⁹¹ *Лалик, Рене (Rene Lalique) (1860—1945)* — французский дизайнер, художник и ювелир, особенно прославившийся своими работами в области художественного стекла.

Уотерфорд (Waterford) — всемирно известная торговая марка изделий из хрусталя производства компании «Веджвуд» (Ирландия). Люстры из уотерфордского хрусталя украшают, например, Вестминстерское аббатство и Виндзорский замок.

«*Кортон*» (*Corton*) — марка высококачественных бургундских вин, преимущественно красных.

⁹² «*Гинденбург*» (*LZ 129 Hindenburg*) — немецкий цеппелин, самое большое в истории воздушное судно. 6 мая 1937 года при приземле-

нии на аэродром в Манчестере (Нью-Джерси, США) на дирижабле возник пожар. Погибли 36 человек. Гибель цеппелина была запечатлена многочисленными кинооператорами и фотографами, благодаря чему и стала всемирной сенсацией.

Землетрясение в Сан-Франциско (San Francisco Earthquake) — крупнейшее землетрясение, потрясшее Сан-Франциско и побережье Северной Калифорнии 18 апреля 1906 года. Стихия нанесла удар вдоль разлома Сан-Андреас и затронула участок общей протяженностью 477 километров. Возникший в результате землетрясения пожар стал величайшей природной катастрофой в истории Соединенных Штатов. Кроме того, стихийное бедствие унесло рекордное число человеческих жизней и полностью разрушило город Сан-Франциско.

⁹³ *Лагуна* — Лагуна-Бич (*Laguna Beach*) — богатый прибрежный курорт в Калифорнии.

Норман Мейн (Norman Maine) — персонаж фильма «Звезда родилась» (*A Star is Born*, 1937) режиссера Уильяма Уэлмана (*William Wellman*). Роль Мейна, голливудской звезды, сыграл Фредрик Марч.

Ресторан «Виктор Гюго» (Victor Hugo) — известный в 1930—1940-е годы ресторан в Беверли-Хиллз. Владельцем ресторана был человек по имени Виктор Гюго, однако имел ли он какое-либо отношение к знаменитому французскому писателю, неизвестно. Излюбленное место встречи тогдашних голливудских кинозвезд, а также любителей потанцевать. Ресторан прославился выступавшими в нем бигбендами.

⁹⁴ *Роммель, Эрвин (Erwin Rommel)* (1891—1944) — немецкий генерал-фельдмаршал, командовавший гитлеровскими войсками в Северной Африке (за что получил прозвище Лис Пустыни). После неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 года был причислен к заговорщикам (хотя непосредственного участия в заговоре он не принимал). Учитывая военные заслуги фельдмаршала, Гитлер предоставил Роммелю выбор между Народным трибуналом и самоубийством. Роммель предпочел последнее.

⁹⁵ *Супергетеродин* — супергетеродинный радиоприемник. Подобные приемники, появившиеся в середине 1930-х годов, несмотря на достаточно высокую сложность построения и наладки, стали фактически стандартом в профессиональной и любительской радиосвязи.

⁹⁶ *«Форест лон» (Forest Lawn Memorial Park (Hollywood Hills))* —

кладбище в Лос-Анджелесе, где похоронены многие звезды американского шоубизнеса.

⁹⁷ *Чарли Чейз (Charley Chase)* (1893—1940), настоящее имя Чарльз Джозеф Паррот, — американский комедийный актер, сценарист и режиссер. Снимался в фильмах Мака Сеннета и Чарли Чаплина на студии «Кистон». Позже был режиссером на студии Хэла Роуча.

⁹⁸ *Барнум, Финеас Тейлор (Phineas Taylor Barnum)* (1810—1891) — известный своими мистификациями американский шоумен, антрепренер, основатель Цирка Барнума и Бейли. Его «Величайшее шоу на Земле» объединяло в себе цирк, зверинец и шоу уродцев.

«Человек, который мог творить чудеса» (The Man Who Could Work Miracles) — новелла Герберта Уэллса и одноименный фильм 1936 года Лотара Мендеса (продюсер Александер Корда).

Малютка Тим (Tiny Tim) — персонаж святочной повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь» (*A Christmas Carol*).

О. Акимова

**Давайте все
убьем Констанцию**

*Эту книгу я посвящаю с любовью
своей дочери Александре,
без которой третье тысячелетие
могло бы и не наступить вовсе.
А также Сиду Стебелу —
с любовью и благодарностью.*

ГЛАВА 1

Была темная грозовая ночь¹. Та самая, на которую лучше всего клюет читатель.

Мне ведь не жалко. Грозовая — так грозовая. Небо раскальвалось от молний, а в каналы калифорнийской Венеции² обрушивались потоки воды. Дождь, который лениво моросил с самого утра, к вечеру решил взять реванш. На пляже не осталось ни души, во всех бунгало были захлопнуты ставни — город как вымер. Одни только совы зловеще мелькали в голубых вспышках, призывая Смерть... Да и кого еще можно было призвать из этого буйства стихии? Очень скоро выяснилось, что кое-кто бежит впереди Смерти...

Внезапный стук в фанерную дверь бунгало заставил меня вздрогнуть.

Я как раз прилег на печатную машинку, пытаюсь победить бессонницу: кто-то для этого считает овец, я же — раскапываю могилы. И вот, сижу я в очередной яме, кругом гроза, и вдруг в крышку гроба кто-то стучит...

Открываю дверь и вижу — Констанция Раттиган.

Та самая Раттиган — которую знают все.

Стоит под молниями — и они фотографируют ее со вспышкой. Вот есть Раттиган, а вот нет Раттиган... Вот — есть, вот — нет.

Вот — есть... Вспышка выхватывает из темноты загорелое тельце морского котика, в котором каким-то загадочным образом уместились сорок лет радостей и невзгод. А вот — уже нет... Наверное, поплыла за буйки по рассветной дорожке — чтобы вечером вернуться по закатной. То она в океане — подпевает хору морских зверей... То загорает обнаженной в своем бассейне, зажав по мартини в каждой руке. А то метнется в подвал, в киноаппаратную — в очередной раз любоваться на себя, увековеченную в компании

с призраками Эриха фон Штрогейма³, Джека Джилберта⁴ и Рода ля Рока⁵, которые послушно бегают по потолку и беззвучно смеются, стоит нажать кнопку... Думаете, она еще там? Черта с два. Вон она, вдалеке, скользит на доске по волнам прибоя...⁶ Чем быстрее движется мишень, тем труднее в нее попасть. Ни Время, ни Смерть не смогут за ней угнаться.

Констанция.

Раттиган.

— Господи, ты-то откуда здесь? — кричит она, пытаюсь перекрыть грозу.

И невозможно понять: дождь у нее на лице — или слезы...

— Господи, да ты сама-то откуда?

— Отвечай на вопрос!

— Мэгги уехала на восток на конференцию учителей. А я тут пытаюсь закончить новый роман. Дома — тоска смертная. Бывший хозяин сказал, бунгало на море свободно — приезжай и пиши. Вот я и приехал. Господи, Констанция, заходи скорей, ты же промокнуешь!

— Я и так уже вся промокла. Отойди с прохода! — говорит она. А сама не двигается с места.

И чем дальше она там стоит, под молниями, тем сильнее, с каждой новой вспышкой, становится похожа на ту женщину, которую я знал раньше... Как будто пленку с призраками в киноаппаратной кто-то запустил задом наперед и она прокручивается прямо через их жизни — фон Штрогейма и всех остальных.

Дальше, дальше — и вот уже передо мной маленькая девочка, прижимающая к груди черный портфель. Она дрожит от холода, глаза ее полны вселенского ужаса. И теперь уже невозможно поверить, что это она — сама Раттиган, легендарная звезда экрана... Собственной персоной явилась ко мне ночью в разгар грозы.

— Ну, заходи же! — повторил я.

— Так пропусти!

Она повисла на мне и впилась в мои губы страстным поцелуем — как будто в рот засунули ириску со вкусом морской воды. Побежала в комнату, потом с полпути вернулась и поцеловала меня еще раз — в щеку.

— А в этом что-то есть... — сказала она. — Но все потом. Сейчас у меня шок...

Прямо в мокрой одежде Констанция запрыгнула с ногами на диван и подтянула колени к подбородку. Зубы у нее стучали. Пришлось срочно снять с нее платье и завернуть ее в большое полотенце.

— Ты так со всеми женщинами поступаешь? — спросила она, пытаясь унять озноб.

— Только с теми, которые заявляются ночью в грозу.

— Пожалуй, не стоит рассказывать об этом Мэгги.

— Будет тебе, расслабься, Раттиган.

— Эту фразу я слышу всю жизнь, от всех своих мужиков. После нее обычно следует удар в самое больное место. Или осиновый кол.

— А ты стучишь зубами от холода или от страха?

— И то и другое... — Она в изнеможении откинулась на диван. — Всю дорогу бежала. Не думала, что ты здесь, ты же съехал сто лет назад. Как же хорошо, что я тебя застала! Ты должен меня спасти.

— Боже праведный, от чего еще?

— От смерти.

— Насколько я знаю, от этой штуки спастись еще никому не удавалось.

— Господи, ты опять в своем репертуаре! Я лично умирать не собираюсь. Я хочу жить вечно!

— Звучит почти как молитва. Спустись на землю, Констанция.

— Но ты тоже будешь жить вечно. В своих книгах!

— Лет сорок, может, протяну.

— Целых сорок лет! Может, со мной поделишься?

— Могу пока поделиться выпивкой. Что тебе уж точно не помешает, так это выпить и успокоиться.

Я откопал на кухне полбутылки Cold Duck⁷.

— Бр-р, что это?

— Извини, виски не держу. Только дешевое писательское пойло. Попробуй.

— Ну и отрава. — Она пригубила и поморщилась. — Быстрее! Дай что-нибудь запить!

В крохотной ванной я нашел фляжку с водкой, которую держал для бессонных ночей. Со словами: «Ну, иди же к мамочке!» — Констанция схватила ее и судорожно отпила.

— Стоп, стоп... — сказал я.

— Ладно, авось не помру. — На сделала еще пару глотков и отдала мне фляжку. — Спасибо Господу.

Она откинулась на подушки.

— Хочешь знать, от кого я убегала?

— погоди... — Я схватил бутылку Cold Duck и немного отхлебнул. — Теперь говори.

— Это была смерть, — сказала Констанция.

ГЛАВА 2

Я начал жалеть о том, что во фляге оказалось так мало водки. Теперь меня тоже трясло. Включив газовый обогреватель, я еще раз обыскал кухню и обнаружил бутылку Ripple.

— О господи! — вскричала Раттиган. — Это же тоник для волос! — Она отпила, и ее передернуло. — На чем мы остановились?

— На том, что ты убегала.

— Убегала от того, от чего не убежишь...

Входная дверь несколько раз дернулась от ветра.

Я взял Констанцию за руку и не отпуская, пока все не стихло.

После этого дрожащими пальцами она залезла в свою черную сумочку и достала какую-то книжечку.

— Взгляни.

«Телефонный справочник Лос-Анджелеса, 1900», — прочел я и присвистнул.

— Как ты думаешь, почему я его принесла?

Я открыл справочник и сначала пролистал всех на «А», потом дошел до «Г», перекинулся на «М», потом на «Т»... и везде были фамилии, фамилии, имена, фамилии — и все из другого столетия...

— Ты только вдумайся, — сказала Констанция.

Я вернулся в начало. Все на «А» — Александер, Альберт и Вильям. Б — Берроуз.

— Ну да, бодрит, — сказал я, — 1900-й год. А сейчас 1960-й. — Я взглянул на Констанцию, которая выглядела бледной, несмотря на сильный загар. — Вряд ли кто-то из этих людей еще жив. —

Я указал глазами на список. — Им уже не позвонишь. По сути, это...

— Что — это? Ну, говори.

— Книга мертвых.

— Угадал.

— Книга мертвых из Египта. Прямо из гробницы.

— Ага, из могилы, — невесело усмехнулась Констанция.

— Тебе кто-то ее прислал? — спросил я. — А записка прилагалась?

— Записка?

Я снова полистал справочник.

— Впрочем, все и так ясно. Поскольку их всех уже нет в живых, это означает, что...

— Что и мне тоже пора, — сказала Констанция.

— Стать последней в реестре Книги мертвых?

— Да.

Я вздрогнул и поднял температуру на обогревателе.

— Но это же ужасно.

— Да, ужасно, — сказала она.

— Вообще, телефонные книги — это такая штука... Я, бывает, даже плачу над ними. Во всяком случае, Мэгги так говорит. Они же разные бывают, эти телефонные книги. Все зависит от...

— Еще какие разные, — перебила меня она. — Вот, взгляни...

Она достала из сумки еще одну черную книжечку, поменьше. Записную.

Я открыл ее и прочел: «Констанция Раттиган». Дальше шел адрес ее дома на побережье. А потом, как положено, начинались все на «А».

— Абрам, Александр, Аллен... — Я огласил весь список и перешел на «Б». — Болдуин, Брэдли, Бенсон, Бус...

Я невольно похолодел.

— Это же все твои друзья... Я их всех знаю... знал.

— Вот именно.

— Почти все уже лежат на Форест-Лаун⁸. Хорош блокнотик... Прямо книга погребений какая-то.

— Поверь мне, это в сто раз хуже, чем справочник 1900 года.

— Почему?

— Потому что я собственноручно выкинула ее — сто лет назад. После того сериала — «Голливудские слуги» — я уже не могла вычеркивать имена выбывших. Просто рука не поднималась. А мертвцов в списке становилось все больше. В конце концов я решила, что книжка мне больше не понадобится. Конечно, немного живых там еще оставалось... Но я все равно ее выкинула. И вот теперь, представь, она ко мне вернулась. Я обнаружила ее сегодня, когда пришла с моря.

— О господи, ты еще и плавала в такую погоду?

— Мне без разницы — солнце или дождь. Пришла вечером с моря — а они там лежат — во дворе. Загробный подарочек.

— И никакой записки?

— А что здесь комментировать? Все и так ясно.

— Да уж... — Я взял в одну руку фолиант 1900 года, а в другую — записную книжку Раттиган. — Две Книги почти мертвых — да простят меня, если кто там есть живой.

— А они там есть, — сказала Констанция. — Посмотри — вот... И здесь тоже. И еще здесь.

На трех страницах она показала мне имена, обведенные красной ручкой — и рядом с каждым был нарисован крест.

— Они что — какие-то особенные? — спросил я.

— Да, особенные. Смерть их пометила. Крестом — ты же видишь.

— Пометила тех, кто скоро умрет?

— Да! Нет! Не знаю! Но я там тоже есть. Смотри.

Ее имя на первой странице тоже было обведено красным и снабжено крестом.

— Книга мертвых — плюс список тех, кто скоро ее пополнит?

— Вот ты ее держишь — ты ничего такого не чувствуешь?

— Холод чувствую, — сказал я. — Она прямо ледяная.

Дождь стучал по крыше...

— И кто бы это мог учинить такое с тобой, Констанция? У тебя есть какие-нибудь версии?

— Сто миллионов версий... Ну ладно, пусть будет девятьсот. Десятком меньше, десятком больше...

— Не слишком ли широкий круг подозреваемых...

— Для тридцати-то лет? Как бы не маловато...

— Маловато?!

— Они же выстраивались в очереди.

— Надо было не пускать!

— Они все кричали: Раттиган!

— Надо было не слушать.

— Может быть, это сделали баптисты?

— Ох...

— Ну, хорошо. — Она последний раз припала к бутылке и поморщилась. — Ты сможешь мне найти эту сволочь — или двух сволочей, если эти Книги мертвых пришли с разных концов?

— Я не сыщик, Констанция.

— Помню, помню... Как ты чуть не утонул в канале с этим психопатом Чужаком.

— Ну и что?

— И как ты лазил на Нотр-Дам вместе с Горбуном из студии «Феникс». Просто мама дорогая...

— Надо поспать. Утро вечера мудренее...

— Вот еще — поспать! А кто будет обнимать старые кости?

Она вдруг схватила обе Книги мертвых, подбежала к двери и распахнула ее с явным намерением забросить их прямо туда — в разверстую черную пасть стихии.

— Эй, подожди! — крикнул я. — Если я захочу тебе помочь, они мне понадобятся!

— То-то же! — Она закрыла дверь. — Ну что — теперь в кровать и обниматься? Только без физкультуры...

— Да у меня и в мыслях не было, — сказал я.

Глава 3

Ровно в два сорок пять чудовищная молния ударила в землю рядом с нашим бунгалом. Это было похоже на взрыв. Думаю, все мыши в стенах передохли.

Раттиган так и подскочила в кровати.

— Спаси меня! — завопила она.

— Констанция... — Я вглядывался в темноту. — Ты к кому обращаешься — к себе самой, к Богу или ко мне?

— К тому, кто услышит!

— Да всем вроде хорошо слышно.

Я обнял ее покрепче.

В три часа ночи зазвонил телефон — как раз в то время, когда те, кому положено умереть, — умирают.

Я поднял трубку.

— Кто с тобой в постели? — спросил голос Мэгги откуда-то из царства тишины, где не бывает ни дождей, ни бурь.

Я снова попытался разглядеть в темноте темнокожую Констанцию, бледнолицая сущность которой была надежно скрыта под толстым слоем загара.

— Никого, — сказал я, и это была почти что правда.

ГЛАВА 4

В шесть утра встало солнце — правда, этого никто не увидел из-за дождя. Молнии по-прежнему фотографировали со вспышкой сцены истязания берега прибоем.

В тот момент, когда самая мощная из них с грохотом ударила в гущу улиц, я понял, что сейчас протяну руку и обнаружу, что кровать рядом со мной пуста.

— Констанция!

Фанерная дверь была распахнута настежь, как аварийный выход, и дождь нагло барабанил по ковру. А на видном месте лежали две телефонные книжки — большая и маленькая.

— Констанция... — Я в отчаянии оглядел комнату.

«По крайней мере, платье она надела», — подумал я.

Набрал ее номер. Тишина.

Я натянул плащ и поплелся по берегу, ничего не видя из-за дождя. Дойдя до ее дома, выстроенного в виде арабской крепости, я обнаружил, что он ярко освещен — и внутри, и снаружи.

При этом нигде не было видно ни души.

— Констанция! — срывающимся голосом заорал я.

Никто не откликнулся, свет все так же горел.

Чудовищная волна обрушилась на берег.

На всякий случай я поискал следы Констанции на песке.

Не нашел. Хотя их могло размывать ливнем...

— Ну и черт с тобой! — крикнул я.

И ушел.

Глава 5

Спустя какое-то время я шел по пыльной тропинке, проложенной в джунглях среди кустов азалии, и нес две упаковки пива. Когда я постучал в резную африканскую дверь Крамли, мне никто не открыл. Немного подождав, постучал еще раз. Тишина. Я поставил под дверью одну из упаковок пива и повернулся, чтобы идти обратно.

Последовало нескольких тяжелых вздохов — и дверь открылась, но ровно настолько, чтобы в щель пролезла рука. Желтые от табака пальцы схватили пиво и заташили его внутрь. Дверь закрылась.

— Крамли! — крикнул я и бросился к двери.

— Иди отсюда, — сказал голос изнутри дома.

— Крамли, это я, Псих. Пусти меня.

— Не пушу, — произнес голос Крамли, после чего сразу перешел в характерное бульканье. — Твоя жена звонила.

— Черт! — прошипел я.

— Она сказала, — Крамли продолжал засасывать пиво, — что стоит ей уехать из города, как ты подцепляешь какое-нибудь дерьмо на пирсе или устраиваешь бои без правил с командой карлиц-лесбиянок.

— Она такого не говорила!

— Послушай, Вилли, — он явно имел в виду Вильяма Шекспира. — Я слишком стар для пробежек по кладбищу и крокодильих заплывов с маской по ночам. Поставь лучше пиво под дверь. И дай бог здоровья твоей жене.

— Да пошел ты... — проворчал я.

— Она сказала, что, если ты не образумишься, она вернется раньше.

— Она может.

— Ладно, договорились, никаких внезапно прибывающих жен. — Он снова отхлебнул пиво. — Надеюсь, ты помнишь, что добрые поступки заслуживают благодарности, Вильям.

Я поставил под дверь вторую упаковку пива, а сверху положил телефонный справочник 1900 года и записную книжку Раттиган. И повернулся, чтобы уходить.

Рука появилась не сразу. Сначала, будто считывая шрифт Брайля⁹, шустрые пальцы обследовали телефонные книги. Затем скинули их и схватили пиво. Я подождал еще. Спустя какое-то время дверь открылась снова. Рука еще раз нащупала книги и втащила их внутрь.

— Отлично! — прокомментировал я.

«Отлично, — повторил я про себя. — Примерно через час он мне позвонит».

ГЛАВА 6

Крамли позвонил через час.

Но уже не называл меня Вильям.

— Говноу, Говнелли, Говенманн... — сказал он. — Умеешь ты все-таки создать интригу. Зачем ты подбросил мне эти Книги мертвых?

— Почему ты их так называешь?

— Ну, как тебе сказать... Я же родился в морге, детство провел на кладбище, а окончательно созрел уже в Долине фараонов, в Карнаке, — это, кажется, в Верхнем Египте. Или в Нижнем — неважно. В будущем планирую превратиться в мумию... А вообще, догадаться несложно — какую еще книгу тебе могут подать в качестве закуски к пиву, если не Книгу мертвых?

— Ты неисправим, — сказал я.

— Могу исправиться. Сейчас положу трубку и наберу номер твоей жены.

— Не надо!

— Почему же?

— Потому что... — Я запнулся, потом набрал воздуха и выпалил: — Нам надо встретиться!

— Говноу...

— Ты слышал, что я сказал?

— Да слышал, слышал... Приходи к дому Раттиган, когда начнет темнеть, — в это время из моря как раз лезет всякая нечисть.

— О'кей, у Раттиган.

Но он уже повесил трубку.

ГЛАВА 7

Правильно, в темноте. К черту дневной свет. Никакого солнца, только сумрак. На солнце все замирает. Какой интерес выходить при свете? Полночь — совсем другое дело. Деревья надевают черные тени и пускаются в пляс. Поднимается ветер. Падают листья. Шаги становятся гулкими. Скрипят стропила и половицы. С кладбищенских ангелов падает облупившаяся краска. Между уснувших фонарей, как вороны, мечутся призраки. Город спит — до самого рассвета.

Идеальное время для встречи — если вас интересуют тайны, мистика и приключения. Утром будет поздно. Хватайте ужас сейчас, вцепляйтесь ногтями в темноту, ловите за хвост тени.

И места лучше не придумаешь — черный-черный берег, о который бьются черные-черные волны. Именно там меня ждал Крамли — прямо у входа в белую арабскую крепость. Мы поднялись по лестнице и заглянули в дом.

Все двери были открыты, внутри горел яркий свет, и Гершвин, записанный на перфоленду пианолы в 1928 году¹⁰, не уставая играл одну и ту же музыку неизвестно для кого. Констанции нигде не было.

Я открыл было рот, чтобы извиниться за то, что побеспокоил Крамли, но тот меня опередил.

— Не надо слов — лучше выпей, — сказал он и сунул мне в руку пиво. — Хотелось бы понять, что означает вот эта фигня? — Он перелистнул несколько страниц записной книжки Раттиган. — Вот тут, тут и тут. И здесь тоже.

Красным было обведено штук шесть имен, а рядом жирно, с нажимом пририсованы кресты. Чернила были явно свежие.

— Констанция считает — и я с ней согласен, — что люди, которых пометили, еще живы, но жить им осталось недолго. А ты что думаешь?

— Вообще ничего не думаю, — сказал Крамли. — Я в эти игры не играю. Собирался провести выходные в Йосемитском парке. А тут ты со своими книжками — дешевый режиссеришка. Давайте будем мочиться в каждой сцене, тогда у фильма будет особый, неповторимый дух... Да я лучше поеду на ночь глядя в Йосемити, охота была выслушивать твои дурацкие бредни.

— Ладно, остынь, — сказал я, увидев, что он собрался уходить. — Разве тебе не интересно проверить, кто из этих людей уже умер, а кто — еще жив?

Я взял телефонный справочник и раскрыл его наугад. И сразу попал на страницу с огромным крестом. Имя, возле которого он был нарисован, отлично бы смотрелось на цирковой афише. Крамли мрачно молчал. Я прочел: Калифия. Царица Калифия. Бункер-Хилл. Точного адреса не значилось. Зато был номер телефона.

Крамли все так же мрачно молчал, уставившись в книгу.

— Ты знаешь, где это находится? — спросил я.

— Бункер-Хилл? Да уж знаю, как не знать. Я же родился на соседней улице. Райончик тот еще. Мексиканцы, цыгане, ирландцы — отборнейший сброд всех цветов и мастей. Там еще похоронное бюро есть — «Каллаган и Ортега», я бегал туда глазеть на трупы. Одни имена чего стоят — как будто ты где-нибудь в Хуаресе... Бомжи из Гвадалахары, проститутки из Дублина, похоронные букеты от Розариты Бич... Эй, ты! — Крамли с недовольным видом оборвал свою речь, решив, видимо, что демонстрирует слишком большую увлеченность моими делами. — Ты, вообще, слушаешь меня или нет?

— Слушаю, — сказал я. — А почему бы нам не позвонить по этим меченым телефонам и не узнать, живы ли эти люди?

Не дожидаясь возражений, я схватил книгу и побегал к бассейну, где на столике в патио был телефон — слава богу, там тоже горел свет. Боясь взглянуть на Крамли и не увидеть его, я набрал первый номер. Но, кажется, Крамли был на месте.

Мне ответил далекий голос. «Этот номер больше не обслуживается». Не успел я подумать: «Вот черт!» — как услышал: — «Подождите».

Я быстро записал новый номер, набрал его и перенес телефон поближе к Крамли, чтобы ему тоже было слышно.

— «Каллаган и Ортега», добрый вечер, — произнесла трубка матерым прокуренным голосом с провинциальным акцентом, каким обычно говорят актеры из театра Эбби¹¹.

От радости я чуть не засмеялся в голос — я увидел, как Крамли вздрогнул.

— «Каллаган и Ортега!» — повторила трубка с явным раздражением. Я продолжал молчать. — Да кто это, черт возьми?

Когда Крамли подошел, я уже нажал на рычаг.

Он споткнулся и грязно выругался.

— Говоришь, родился на соседней улице? — уточнил я.

— Через одну — не хочешь?

— Ну-ну, — сказал я.

Крамли взял в руки записную книжку Раттиган.

— Книга почти мертвых...

— Хочешь, попробуем еще один номер? — Я открыл справочник, пролистал и остановился на «Р». — Ага, вот, нашел. Это будет получше Царицы Калифии.

Крамли прищурился.

— Раттиган, Маунт-Лоу. Что еще за Раттиган живет на Маунт-Лоу? Насколько я помню, Маунт-Лоу — это то самое место, где раньше ходил большой красный трамвай, который возил толпы народа на холм, на пикники.

От этого воспоминания на лицо Крамли набежала тень.

Я ткнул в следующее имя.

— Раттиган. Собор Святой Вивианы.

— Во имя Христа-спасателя, и в соборе Раттиган окопался?

— Как-как ты сказал? Спасателя? Речь истинного неопита, — похвалил я.

У Крамли по-прежнему был категорически недовольный вид. Я пошел на крайние меры.

— Ладно, мне пора, — сказал я и решительно шагнул в темноту.

Рискуя переломать ноги, я вынужден был пройти метров десять, пока Крамли, наконец, не сдался.

— Интересно, как ты собираешься туда добираться, если у тебя нет ни машины, ни прав?

— Так ты меня отвезешь, — не поворачиваясь, сказал я.

Повисла тяжелая пауза.

— Ну что, по рукам? — помог делу я.

— И ты сможешь найти этот чертов Маунт-Лоу, где ходил трамвай?

— Меня возили туда года в полтора.

— То есть дорогу показать сможешь?

— Как сейчас помню...

— Ладно, заткнись. — Крамли закинул в свой драндулет несколько бутылок пива. — Садись в машину.

Мы загрузились в авто, попрощались с Гершвином, оставив его в Париже с любимой перфолентой, и отбыли.

— Только молчи, — сказал Крамли, — можешь, если что, кивать — да или нет.

Глава 8

— Не знаю, какого хрена я все это делаю... — проворчал Крамли, чуть не выехав на встречную полосу. — Я говорю, не знаю, какого хрена...

— Да слышу я, — сказал я, глядя на проплывающие за окном холмы и предгорья.

— Знаешь, кого ты мне напоминаешь? — не унимался Крамли. — Мою первую и единственную жену. Она отлично умела пудрить мне мозги своими формами, размерами и улыбками на тридцать два зуба.

— Я — пудрю тебе мозги?

— Только попробуй скажи «нет» — живо вылетишь из машины. Или это, может быть, не ты, как только завидишь меня на горизонте, тут же садишься и делаешь вид, что поглощен разгадыванием кроссворда? И еще с умным видом вписываешь слова четыре, пока я не подойду и не наступчу тебе по башке...

— Я что, действительно так делаю, Крамли?

— Не выводите меня. Ты смотришь на указатели? Давай поглядывай. А еще скажи мне на всякий случай, зачем ты ввязался во все это дерьмо?

Я бросил взгляд на телефонную книжку Раттиган, которая лежала у меня на коленях.

— Она прибежала ко мне и сказала, что за ней гонится сама Смерть. Один из смертников со страниц телефонной книжки... Или тот, кто подкинул ей этот «подарочек». А может, она и сама уже вышла на него... Когда пыталась, как мы, разыскать этого типа, который имеет наглость посылать трепетным юным актрисам какие-то загробные словари...

— Юным? Тоже мне, нашел девочку, — проворчал Крамли.

— Да, девочку! Она не была бы звездой экрана, если бы не сохранила в себе этот пикантный налет нимфетки из Meglin

Kiddie¹², со всеми полагающимися сексуально-акробатическими ужимками. Нет, перед нами не старушка Раттиган. Перед нами — маленькая школьница Раттиган, которая в ужасе бежит через темный голливудский лес, полный диких зверей.

— Так, понятно. Прогоняешь очередную рождественскую пургу в шоколаде?

— Что ты сказал?

— Без комментариев. Лучше подумай, зачем кому-то из этих обведенных красным друзей понадобилось посылать ей две книги гнилых воспоминаний?

— А что тебя так удивляет? Констанция за свою жизнь перелюбила кучу народу. А это значит, что теперь, по прошествии лет, куча народу ее ненавидит. Кому-то она отказала, кого-то бросила, кого-то просто забыла. Она же стала знаменитой. А они остались валяться в придорожной канаве. И вот теперь все состарились и перед уходом в мир иной решили ей отомстить.

— Ты рассуждаешь прямо как я, — сказал Крамли.

— Бог свидетель, я к этому не стремился. Я имел в виду, что...

— Да ладно, я пошутил. Тебе никогда не быть Крамли, как мне не быть Жюль Верном-младшим. Где мы?

Я поднял взгляд на дорогу.

— Стоп! Кажется, приехали. Это Маунт-Лоу! Когда-то здесь разбился насмерть великий исторический красный трамвай. Но это было давно.

— Профессор Лоу... — задумчиво добавил я, покопавшись в архивах подсознания, расположенных, по моим ощущениям, где-то по ту сторону глазных яблок, — человек, который во времена Гражданской войны изобрел фотографирование с воздушного шара...

— Откуда ты только все это берешь? — удивился Крамли.

— Просто вспомнилось, — пожал плечами я.

— Ты просто забит бесполезной информацией.

— Ну, извини, — обиженно сказал я. — Мы ведь на Маунт-Лоу, не так ли? А этот холм назван в честь профессора Лоу и его тунервильского трамвая, который ходил к вершине.

— Допустим, и что дальше? — сказал Крамли.

— Профессор Лоу придумал делать фотографии с воздушного шара, и это помогало обнаруживать неприятеля во время самой великой из войн. По сути, два изобретения — воздушные шары и железная дорога — принесли нам победу на севере...

— О'кей, о'кей, — проворчал Крамли. — Выходим из машины — и наверх.

Высунувшись из окна, я проводил взглядом заросшую бурьяном тропинку, убегаящую вверх по склону и тающую в ранних сумерках.

Закрыв глаза и снова порылся в подсознании.

— До верха не меньше пяти километров, — объявил я. — Ты уверен, что надо идти пешком?

Крамли бросил на гору выразительный взгляд.

— И не уговаривай. — Он подошел к машине и как следует захлопнул дверь. — Если мы сорвемся с этой чертовой тропы, нам точно крышка.

— Именно. Поехали!

Крамли подогнал свою колымагу к подножию холма, выключил мотор, вылез и пошел вверх по тропинке, пробираясь сквозь густые заросли.

— Аллилуйя! — заорал он через минуту. — Железка! Старые рельсы! Они даже не удосужились их убрать, просто похоронили.

— Да неужели!

Весь красный от возбуждения, Крамли метнулся обратно к машине, нырнул в нее и схватился за ключи зажигания.

— Ах ты, тварь! Теперь она не заводится!

— Может, попробуешь нажать на газ?

— Попробую! Комод тебе в рот! — Крамли вдавил педаль в самый пол, так что машина дернулась и слегка прыгнула вбок.

Мы тронулись.

Глава 9

Путь наверх был сущим безумием. Трава высохла от жары до состояния созревшей пшеницы, и машина с ужасающим хрустом продиралась через нее, уже почти в темноте. Пару недель назад во всех газетах и по телевизору сообщали, что кто-то устроил здесь

пал травы и якобы весь склон погорел. Даже показали бушующий огонь. Сейчас о пожаре напоминал только легкий запах гари.

— Хорошо, что тебе не видно пейзаж по левому борту, — сказал Крамли через какое-то время. — Высота метров триста.

Я невольно сжал колени.

— Ну, хорошо, — сто пятьдесят, — уступил Крамли.

Я зажмурился и просканировал архивы.

— Трамвайная ветка Маунт-Лоу работала на электричестве и еще дублировалась канатной дорогой.

— Так-так? — Крамли изобразил любопытство.

Я разжал колени и продолжил свой поток сознания.

— На открытие железной дороги в июле 1983 года прибыли тысячи людей, всем раздавали бесплатную выпечку и мороженое. Для первого подъема в вагончик загрузили Пасаденский духовой оркестр, который исполнял «Привет, Колумбия!». Правда, эту композицию они играли только вначале, а когда скрылись в тучах, перешли на «Ближе, Господь, к Тебе». В этот момент плакали все — все десять тысяч человек. А потом, уже на самой вершине, они сыграли «Вверх, только вверх». Следующим заходом в вагончики загрузился Симфонический оркестр Лос-Анджелеса в полном составе: струнные — в первый, медные духовые — во второй, а литавры и деревянные духовые — в третий. В суматохе забыли кондуктора вместе с жезлом. Но и это было еще не все. Ближе к вечеру в путь отправился хор Обитатели мормонов из Солт-Лейк-Сити — тоже в трех вагонах. В первом — сопрано, во втором — баритоны, а в третьем — басы. Они пели «Вперед, Христовы воины!», что выглядело особенно символично, когда они скрылись в густом тумане. Как писали в прессе, на многие километры все было украшено разноцветными флажками — красными, белыми и голубыми. Вечером во все газеты попала цитата из пламенной речи некой экзальтированной дамы, которая бурно восторгалась заслугами профессора Лоу, создавшего эту прекрасную железную дорогу вместе с тавернами и отелями. «Хвала Господу за все его благодеяния — и профессору Лоу!» — возвестила она. И опять все рыдали...

— Меня сейчас стошнит, — сказал Крамли.

— Тихоокеанская трамвайная дорога проходила через Маунт-Лоу, Пасаденскую страусиную ферму, Селегский львиный пи-

томник, Миссию Святого Гавриила, Монровию, ранчо Балвина и Виттиер...

Крамли что-то прошамкал и выразительно замолчал.

Кажется, он хотел этим что-то сказать.

— Мы что — приехали? — спросил я.

— Разуй глаза, слизняк...

Я присмотрелся.

— Кажется, приехали.

О том, что мы прибыли на место, красноречиво говорили руины железнодорожной станции и остатки сгоревшего павильона.

Мы с Крамли вылезли из машины, и перед нами открылся живописнейший вид: окрестные земли, которые простирались до самого моря.

— Такого, наверное, не видывал сам Кортес¹³, — сказал Крамли. — Просто блеск. Остается только удивляться, почему это все до сих пор не восстановили.

— Политика, однако...

— Как всегда. Ну, и где, скажи на милость, мы должны искать здесь абонента по фамилии Раттиган?

— Везде!

Примерно в двадцати метрах, среди перечных деревьев, мы заметили небольшой дом, наполовину вросший в землю. Огонь его пощадил, зато непогода отыгралась по полной: краску смыло дождем, а крышу местами сорвало ветром.

— Значит, труп находится там, — сказал Крамли, как только мы двинулись к дому.

— Почему сразу труп?

— Дальше иди один. Я останусь здесь переживать по поводу того, что взял так мало выпивки.

— О'кей, поиграем в детектив... — Я решительно подошел к дому и рывком распахнул дверь. Когда она открылась, я на всякий случай отпрыгнул назад, а уж потом заглянул внутрь.

— Крамли! — крикнул я.

— Что? — отозвался он издалека.

— Иди сюда.

— Что там — труп?

— Не то слово.

ГЛАВА 10

Перед нами был лабиринт из прессы. Огромные штабеля New York Times, Chicago Tribune, Seattle News, Detroit Free Press, настоящие катакомбы — с узкими проходами, с поворотами и тупиками. Ходить здесь было опасно для жизни — в любой момент мог последовать сход лавины.

— Господи, спаси меня! — поежился я.

— Помолись как следует, — прорычал Крамли. — Спаси меня, Господи, от тысяч воскресных и ежедневных газет, лежащих здесь слоями, — и от старых пожелтевших спаси, и от свежих белых... И от одной пачки спаси, и от сотни пачек!

Коридор из прессы делал изгиб и скрывался где-то в темноте за углом.

Мы с Крамли, втянув животы и задницы, осторожно протискивались между его стенами. Наверное, так же чувствовал себя лорд Карнавон, обнаруживший в 1922 году гробницу Тутанхамона. Древние заголовки, некрологи. Впереди штабеля, сзади штабеля... Куда ведут, зачем ведут?

— А если, не дай бог, землетрясение? — прошептал я.

— Было уже! — раздался вдруг голос откуда-то снизу, из дальнего конца газетного коридора. — Снесло все к чертовой матери! Сам чуть не погиб!

Наверное, это была мумия.

— Кто здесь? — спросил я. — Где вы, черт возьми?

— Как вам мои катакомбы? — весело продолжала мумия. — Все сам строил! «Утренний дайджест», «Ночная жизнь», «Новости со скачек», «Воскресные комиксы» — все по кирпичику. Сорок лет! Целая музейная библиотека новостей, не для печати. Проходите сюда, ко мне! После плавного поворота резко налево...

— Пошли! — тяжело дыша, подтолкнул меня Крамли. — Где-то здесь должен быть свет.

— Сюда! — прохрипел голос. — А не то задохнетесь. Забирайте налево. И не курите там. Огнеопасная зона: «Гитлер захватил власть», «Муссолини сбросил бомбы на Эфиопию», «Кончина Рузвельта», «Черчилль строит железный занавес» — и все в таком духе.

Мы миновали последний поворот, бумажная чаша расступилась, и мы вышли на поляну.

В дальнем ее конце мы увидели армейскую раскладушку. На ней лежало нечто одновременно напоминающее кусок вяленой говядины и восставший из-под земли мумифицированный труп. Воняло оно безбожно. Я подумал, вот же он — не мертвый и не живой.

Мы осторожно приблизились. Запах окреп, и его природа стала более понятной. Пахло не смертью, а давно не мытым телом.

Когда мы подошли, нечто зашевелилось, в результате чего произошло частичное отслоение от лица фрагментов старого одеяла, а в трещинах высохших век появились проблески света.

— Извините, что не встаю, — произнесли трясущиеся сухие губы. — Со мной это уже лет сорок, со времен осады Армантьера. — Он попытался извлечь из себя кудахтающий смех, но в итоге чуть не умер от кашля.

Откашлявшись, он продолжал, уже шепотом:

— Все, порядок... — Голова откинулась набок. — Ну, и где вы были?

— В смысле?..

— Я вас ждал! Какой сейчас год? 1932-й? 1946-й? 1950-й?

— Теплее...

— 1960-й. Попал?

— В яблочко, — сказал Крамли.

— Видите, я еще не совсем... того, — прошелестели губы. — Что, принесли мне харч?

— Харч?

— Понятно, ложная тревога. Мне тут пацан притаскивает банки с собачьим кормом, я каждый раз боюсь, что он обрушит к чертовой матери всю эту Граб-стрит¹⁴. Вы же — не он?

Мы с Крамли покачали головами и опасно огляделись.

— Как вам мой чертог? Между прочим, слово «чертог» происходит от корня «черт». Первоначально оно означало — «защитное укрепление от чертей». Это уже потом все договорились, что «чертог» будет значить — «дворец». Чтобы повесить ренту. Где я был тогда? Ладно, не суть... Что скажете?

— Читальный зал общества «Христианская наука»¹⁵, — сказал Крамли.

— Вот я и говорю — дурная голова... — продолжал Рамзес II. — Начал эту болягу в 1925 году. И не смог остановиться. Руки загребушие. Началось с того, что я забыл выбросить утренние газеты. Потом они скопились за неделю. А потом пошло-поехало — Tribune, Times, Daily News... Вот тут справа 1939-й год. Слева — 1940-й. За ним — 1941-й. Осторожнее!

— А если вам понадобится конкретная газета за какое-то число, а она лежит в самом низу, под слоем толщиной в метр?

— Лучше не думать об этом. А за какое число?

— Девятое апреля 1937 года, — ляпнул я наугад.

— Начинается... — проворчал Крамли.

— Не мешай парню, пусть спрашивает, — поднимая пыль, прошуршали ошметки одеяла. — Отвечаю: Джин Харлоу, скончался в двадцать шесть лет. Уремия. Похороны с утра, на Форест-Лаун, музыкальное сопровождение — дуэт Нельсон Эдди и Джанетт Макдональд¹⁶.

— Боже милосердный! — воскликнул я.

— Чтоб я опух, — сказал Крамли. — А еще?

— Третье мая 1942 года, — выпалил я.

— Погибла Кэрол Ломбард. Авиакатастрофа. Гейбл в слезах...¹⁷ Крамли переглянулся со мной.

— Вы только это можете вспомнить? Про звезд кино — кто когда умер?

— Ну, вот что. Хватит меня дурачить, — произнес голос из загробного мира. — Что вы тут делаете?

— Мы пришли, гм, чтобы... — начал Крамли и сбился.

— Дело в том, что... — продолжил я.

— Не надо, я понял. — Старичок зашевелился и поднял настоящую пыльную бурю. — Вы — вторая серия.

— Вторая серия?

— В последнее время на Маунт-Лоу добираются только те, кто собрался сигануть с обрыва. Правда, никто так и не решается — все спускаются обратно и там, внизу, находят утешение под колесами. А вот сегодня в полдень...

— Сегодня?!

— А почему бы и нет? Можно ведь и проведать иногда старую рухлядь — а то я уже мхом тут зарос без женской ласки, считай, с 1932 года. Несколько часов назад слышу — кто-то крадется че-

рез мои залежи дурных новостей... А потом как завопила! Сказка про горшочек каши. Помните? «Горшочек, вари!» И он стал варить. Девочка его запустила. А слово, чтобы остановить, забыла. И чертова каша затопила весь город. Людям приходилось проедать в каше дорожки, чтобы прийти друг к другу в гости. А у меня, вот, не каша, а старые газеты... Так о чем я?

— Завопила.

— Ну да. Где-то примерно между London Times и Le Figaro... Вы когда-нибудь слышали, как кричит осел? Я аж штаны промочил — как она заорала. Думал, стены рухнут от ее крика. Стоит ведь одну стопку завалить — и они все, как костяшки домино... Вся печатно-массовая архитектура. Верная гибель!

— Как при землетрясении...

— Хуже! Бывали у меня землетрясения. Трясло дай боже... Пережил и «Потоп на реке Янцзы», и «Римские походы Дуче». Даже во время самых мощных толчков — в 1932-м — мои карточные домики устояли. А эта фурия — она же страшнее атомной войны. ...Пришла, начала на меня орать, обвинять во всех грехах, стала требовать какие-то газеты. За такое-то число такого-то года, за такое-то такого-то... Я говорю ей: посмотри в левом ряду сверху, потом в правом... У меня ведь все по порядку. Слышали бы вы, что она там устроила! Прямо «Пожар в Лондоне» номер два. А потом как хлопнет дверью — и побежала. Наверное, обрыв искать, чтобы с него сигануть. Машину-то вряд ли за ней прислали... Что, так и не догадались, о ком речь? Я ведь нарочно не стал называть имя.

— Откуда же мне знать, — недоуменно пожал плечами я.

— Видите письменный стол с кошачьим наполнителем? Разгребите мусор и найдите там бумаги с вензелями.

Я подошел к столу. Под слоем пыли и какого-то птичьего помета мне удалось обнаружить стопку абсолютно одинаковых приглашений.

— Кларенс Раттиган и... — Я запнулся.

— Читайте, читайте! — сказал старик.

— ...и Констанция Раттиган, — выдохнул я, после чего продолжил: — Рады сообщить о своем бракосочетании на вершине Маунт-Лоу 10 июня 1932 года, в три пополудни. Доставка наверх по железной дороге и на моторе. Шампанское для гостей.

— Вы такое не получали? — спросил Кларенс Раттиган.

Я поднял взгляд к потолку и покопался в архивах.

— Кларенс Раттиган и Констанция Раттиган... Постоите-постоите. А как же девичья фамилия невесты... Констанции?

— Намекаете на инцест?

— Ну да, звучит немного странно.

— Смешно сказать, — прошелестели губы, — но это Констанция заставила меня сменить фамилию! Моя фамилия была Оверхольт. И она сказала, что ни за что в жизни не поменяет свой шикарный псевдоним на какую-то второсортную дешевку.

— То есть вы покрестились другим именем прямо перед брачной церемонией?

— Нет, не другим именем. Я вообще принял крещение в первый раз. Дьякон там, в Голливуде, подумал, что у меня не все дома... А вы когда-нибудь пробовали спорить с Констанцией?

— Я...

— Только не говорите мне, что да! «Люби меня — или уходи» — так, кажется, она пела. Очень красивая мелодия. В общем, вымазали меня каким-то маслом — или елеем, черт его разберет... Наверное, второго такого идиота не нашлось во всей Америке — который бы своими руками сжег свое свидетельство о рождении...

— Будь я проклят...

— Да нет, это будь я проклят. Ну, что вы так смотрите?

— На вас смотрю.

— Понятно, — сказал он, — видок у меня не очень. Да и раньше был не ахти... Видите блестящую штуковину там, на столе, рядом с приглашениями? Это рукоятка от трамвайного колокольчика — с трамвая на Маунт-Лоу. Раттиган любила, когда я в него звонил. Я был вагоновожатым этого чертова трамвая... Ради всего святого, есть ли тут где-нибудь глоточек пива? — неожиданно вырулил он.

Я чуть не подавился.

— Вы только что сделали такое признание, объявили себя первым мужем Раттиган, а после этого как ни в чем не бывало переходите к пиву?

— Я не говорил — первым. Одним из нескольких. Так что там насчет пива? — Он пожевал губами.

Крамли со вздохом полез в карманы.

— Вот пиво, и еще есть печенье — бисквит в шоколаде.

— Печеньки! — Старик высунул язык, и я положил на него бисквит Mallomac, который тут же стал таять, как священная облатка. — Печеньки! Шоколад! Женщины! Жить без них не могу!

Он приподнялся, чтобы глотнуть пиво.

— Раттиган, — умоляюще сказал я.

— Ах да. Про женитьбу. Она приехала сюда на моем трамвае — и ее очень разозлила погода, она почему-то решила, что это моих рук дело, и предложила пожениться, а потом, в какую-то ночь, уже после медового месяца, выяснила, что ошиблась, что на самом деле я не могу управлять климатом, быстро охладела ко мне и сбежала. А мое тело уже никогда не будет таким, как прежде... — Старик вздрогнул.

— Это все?

— Что значит — все? А вам удавалось хоть раз выиграть у нее две партии из трех?

— Почти... — тихо сказал я.

После этого я вытащил записную книжку Раттиган.

— А вот что привело нас сюда.

Старик впился взглядом в свое имя, обведенное красным.

— Кто вас сюда направил? — Он снова глотнул пиво. — Погодите... Вы — какой-то писатель?

— Ну, допустим, какой-то...

— Как я вас вычислил! И давно вы с ней знакомы?

— Несколько лет.

— Сочувствую, сынок. Один год с Раттиган — это уже тысяча и одна ночь. Причем в сумасшедшем доме. В общем, мне все понятно. Эта чертовка пометила меня красным, потому что хочет, чтобы ты написал для нее автобиографию. Мемуары. А я ей нужен, как Старый Гейзер¹⁸.

— Не думаю.

— Разве она не просила тебя про нее написать?

— Нет, не просила.

— И зря, между прочим. Идея отличная! Книга про Раттиган! Хищники на свободе! Такая отпетая стерва, как она, тянет на бестселлер! Одна ночь с Раттиган — и утром ты просыпаешься в лучах славы. Давай, сынок, руки в ноги — и вниз, подписывать договор с издательством. И мне тоже отстегнешь процентик. О'кей?

— О'кей.

— А пока — еще печенек и пива. Дальше-то будешь слушать?

Я кивнул.

— Вон на том столике... — кажется, имелся в виду ящик из-под апельсинов, — найдешь список приглашенных на свадьбу.

Я порывлся на «столике» и среди кипы счетов откопал листок глянцевого бумажки.

— Тебе что-нибудь известно о происхождении слова «Калифорния»? — спросил он.

— А кто все эти... — начал я, но он остановил меня взглядом.

— Не гони лошадей. Так вот, когда выходцы из Испании пришли на север из Мексики в 1509 году, они привезли с собой книги. В одной из них, изданной в Испании, упоминалась царица амазонок, владычица земли молока и меда — Калифия. Страна, которой она правила, называлась Калифорния. Придя в эту долину, испанцы вкусили молока и меда и решили назвать ее...

— Калифорния?

— А теперь загляни в список приглашенных.

Я заглянул и прочел:

— Калифия! О господи! Мы же пытались ей сегодня позвонить! Где она?

— Именно это и хотела выяснить Раттиган. Когда-то эта Калифия предсказала ей нашу женитьбу — но почему-то не удосужилась предсказать печальный финал. Да-да, это из-за нее Раттиган меня захомотала, а потом устроила весь этот дурдом на вершине с дешевым шампанским. А сегодня, представьте себе, заявила ко мне и вопит прямо с порога: «Где эта сука?! Ты должен знать!» Я ей в ответ: «Да я-то тут при чем! Это же Калифия! Это она сломала нам жизнь! Давай, Констанция, ату — найди ее и убей! А потом еще раз убей! Смерть Калифии!!!»

Мумия в изнеможении откинулась на свое ложе.

— Вы прямо так ей и сказали? — спросил я. — Именно сегодня?

— Факт! — выдохнул старик. — Послал ее по следу. Пусть найдет эту... пред-исказительницу. — Голос его ослаб. — Еще... бисквит...

Я положил ему на язык печенью. Оно растаяло, и он сбивчиво продолжил:

— Думаете про меня, что я тряпка и увальень? А у меня, между прочим, пол-лимона лежит в банке. Можете проверить. Откуда? Скупал на Уолл-стрит полумертвые акции и дождался, когда они оживут. С 1941 года случилось много чего — Хиросима, Энвенток¹⁹, скандал с Никсоном... Тогда я и прикупил себе — и IBM, и Bell... Зато теперь я — хозяин шикарных видов на Лос-Анджелес. У меня есть портативный туалет системы Andy Gump. А мальчишка-посыльный из магазина в Глендейле притаскивает мне сюда наверх тушенку, консервированные бобы и бутилированную воду — а я отстегиваю ему чаевые. В общем, жизнь Райли!²⁰ Надеюсь, теперь-то — полная явка призраков моего прошлого?

— Почти.

— Раттиган, конечно, Раттиган... — продолжал старик. — Браво, бис и бурные аплодисменты. В газетах про нее частенько писали... А знаете что? Забирайте-ка их. В четырех первых стопках слева и в шести — справа. Берите то, что лежит сверху. Они все разные. Кошечка немного наследила по дороге в Марокко²¹. А сегодня вернулась специально, чтобы подчистить гуано.

— Вы ее действительно видели?

— А зачем видеть? Вполне хватило и того, что я слышал. Крик был такой, что самого Румпельштильцхена²² разорвало бы пополам, а потом опять склеило.

— Она хотела адрес Калифорнии?

— Да, и еще газеты... Забирайте их — и валите ко всем чертям. Этот чертов развод никогда не кончится...

— А это можно взять? — Я показал на приглашение.

— Да берите хоть всю пачку! Кому они нужны? Кто по ним явился? Только тупоголовые дружки Раттиган... Которыми она подтиралась вместо туалетной бумаги, а потом комкала и бросала в нужник. «Ничего, закажем еще!» — это была ее любимая фраза. Забирайте приглашения. Найдите газеты. Как, ты сказал, тебя зовут?

— Я не говорил.

— Ну и слава богу! А теперь идите! — сказал Кларенс Раттиган.

Мы с Крамли осторожно протиснулись между башнями лабиринта, взяли из разных стопок восемь разных газет — и уже собрались вырывать к выходу, как вдруг на нашем пути вырос мальчишка с картонной коробкой в руках.

— Что у тебя там? — спросил я.

— Продукты.

— Выпивка, что ли?

— Продукты, — сказал парень. — Он все еще... там?

— И больше не приходите! — раздался голос Тутанхамона из недр газетных катакомб. — Меня все равно не будет!

— Он еще там, — сказал мальчишка, заметно побледнев.

— Три пожара и одно землетрясение! И еще одно грядет... Я его чую! — Голос мумии стал слабеть.

Мальчик поднял на нас взгляд.

— Это все вы...

Я сделал шаг в сторону, пропуская его.

— Не двигайтесь и не дышите. — Он стал протискиваться мимо нас.

Мы с Крамли перестали двигаться и дышать.

И он скрылся.

Глава 11

С божьей помощью Крамли развернул свою колымагу и умудрился съехать вниз, не сорвавшись в пропасть. Всю дорогу я сидел, вытаращив глаза.

— Только ничего не говори. — Крамли старался не смотреть на меня. — Я не хочу это выслушивать.

Я судорожно сплотнул.

— Три пожара и одно землетрясение. И еще одно грядет!

— Я же просил! — Крамли врезал по тормозам. — Оставь свои жалкие мыслишки при себе! Можешь быть спокоен, землетрясение уже началось — «Раттиган» называется. Живым точно никто не уйдет! А теперь выметайся из машины.

— Я боюсь высоты.

— Ну, тогда захлопни пасть!

Мы проехали двадцать тысяч лье под гнетом тяжелого молчания. Встали в пробку, и я решил просмотреть газеты.

— Не понимаю, — сказал я, — почему он отдал нам именно их?

— А что там?

— Ровным счетом ничего. Ноль. Пшик.

— Дай-ка сюда... — Крамли взял газету и одним глазом заглянул в нее, а другим продолжал смотреть на дорогу.

Пошел дождь.

— Эмили Старр, умерла в двадцать пять лет, — зачитал он.

Автомобиль вильнул.

— Смотри на дорогу! — крикнул я.

Он взял следующую.

— Коринн Келли разводится с фон Штейнбергом...

Он швырнул газету через плечо.

— Ребекка Стендиш в больнице, при смерти...

Еще одна полетела ему за спину.

— Женевьев Карлос выходит замуж за сына Голдуина. Ну надо же...

В уютном свете молний Крамли просмотрел еще три выпуска. Все они так же переключались на заднее сиденье.

— А еще клялся, что дружит с головой. Нехорошо, нехорошо...

Я снова взялся за старую прессу.

— Наверное, мы что-то пропустили. Не стал бы он хранить их просто так.

— Да брось ты... Эти коллекционеры с психами по одним дорожкам ходят. И тараканы у них общие.

— Но ведь и Констанция... — начал я и тут же запнулся. — О боже... Сядь, а то упадешь!

— Да я и так сiju, — сказал Крамли, картинно откинувшись за рулем.

— Смотри, вот здесь, на страничке светской хроники. Огромное свадебное фото. Боже мой, Констанция, на двадцать лет моложе... И рядом с ней — мумия, тот самый мужик с холма, тоже еще свеженький — и вполне ничего из себя. А по бокам — Марти Кребс, помощник Льюиса Б. Мейера и... Шарлотта К. Калифия, подпись — астролог!

— Астролог! Да еще какой. Не успела предсказать свадьбу на Маунт-Лоу — как Констанция тут же побежала подтверждать прогноз. Поищи-ка лучше раздел некрологов.

— Некроло... Ого!

— Что там еще?

— Кое-что. Ежедневный гороскоп от... Царицы Калифии!

— И какие предсказания? Ясно? Безоблачно? Идеальный день, чтобы сажать овощи или выйти замуж за придурка? Огласи.

— «Удачная неделя, удачный день. Принимайте все предложения, совершайте любые сделки».

— Ну, хорошо — гороскоп, а дальше-то что? — спросил Крамли.

— Мы должны найти эту Калифию.

— Зачем?

— Если ты не забыл, она ведь тоже помечена красным. Надо увидеться с ней, пока ничего не случилось. Крест — это же знак смерти? Так ведь?

— Не факт. Этот Туганхамон с Маунт-Лоу еще вовсю шевелит клешнями, а его имя тоже обведено — и с крестом у него все в порядке!

— Да, но у него есть предчувствие, что кое-кто точит на него зубы, — напомнил я.

— Кто — Констанция? Эта финтифлюшка?

— Хорошо... Допустим, старик пока жив — хотя от него толку, как от козла молока... Но это не значит, что Калифию уже не убрали. Может быть, она могла бы рассказать нам больше. Надо обязательно найти ее адрес.

— Всего-то? Аллилуйя! — Крамли резко свернул на обочину и вышел из машины. — Все-таки обидно, что большинство людей не имеют привычки думать. Понятно, что Констанция не думает никогда в принципе. Но мы-то! Надо быть совсем тупыми, чтобы не попытаться поискать адрес в «Желтых страницах»!

Он перебежал улицу, зашел в ближайшую телефонную будку, быстро пролистал справочник и вырвал оттуда страницу. Через минуту он был уже возле машины.

— Телефонный номер старый, а вот адресок может пригодиться.

Он сунул мне под нос вырванную страницу. Я прочел: «ЦАРИЦА КАЛИФИЯ. Хиромантия. Френология. Астрология. Египетская некрология. Ваша жизнь в моих руках. Добро пожаловать».

И в конце — месторасположение этого гнусного вместилища зодиака.

— Итак! — сказал Крамли, который после пробежки так часто и глубоко дышал, что был близок к обмороку из-за гипервентиляции легких. — Что мы имеем? Констанция вывела нас на еги-

петскую древнюю книгу, а книга указала на Калифию, которая велела ей выйти замуж за монстра.

— Ну, это еще неизвестно!

— Ты даже не представляешь насколько! Вот заодно все и выясним.

Он завел мотор, и мы поехали выяснять.

Глава 12

Как только мы вырулили на Бункер-Хилл к Центру парапсихических исследований Царицы Калифии, наше следствие сдвинулось с мертвой точки. Крамли едва успел бросить недобрый взгляд на парапсихическую вывеску, как я указал ему еще на одну, которая не могла его не порадовать:

ПОХОРОННОЕ БЮРО КАЛЛАГАНА И ОРТЕГИ.

Это явно его воодушевило.

— Как будто домой приехал, — сказал он и остановил свой драндулет.

Я вышел.

— Ты идешь? — спросил я.

Крамли продолжал сидеть в машине, держась обеими руками за руль и изображая, как будто мы едем.

— Куда? — сказал он, выглядывая из-за опущенного стекла. — Мы же еще не до конца съехали. В смысле, с холма. Или, думаешь, окончательно?

— Короче, ты идешь? Ты мне нужен.

— Ну и что ты встал? — Крамли уже поднимался по крутым ступенькам бетонной лестницы.

Покрытая трещинами дорожка вела к ветхому сооружению, больше похожему на клетку для птиц, чем на жилой дом.

— Пекарный цех по производству дурных предсказаний, — сказал Крамли.

Мы прошли еще немного. Встретили на своем пути сначала кошку, потом козу, а потом павлина, который стал строить нам глазки, развернув свой тысячеглазый хвост. Я постучал в дверь —

и ответом мне был целый снегопад облупившейся белой краски, которая тут же украсила мои ботинки.

— А дом-то крошится прямо на глазах, — заметил Крамли. — Как бы весь не раскрошился.

Я постучал еще раз — осторожно, одними костяшками. За дверью раздался звук, как будто кто-то передвигает по паркету огромный железный сейф. В дверь что-то бухнуло.

Я занес руку, чтобы постучать еще раз, но в этот момент противный голос произнес:

— Иди отсюда!

— Но я...

— Иди!

— Ради бога, пять минут... Четыре, две, одну! Мне нужна ваша помощь.

— Нет, — проскрипел голос, — это мне нужна ваша помощь.

Мой мозг лихорадочно перебирал карточки в архивах, пока не наткнулся на мумию.

— Вам что-нибудь известно о происхождении слова «Калифорния»? — прошамкала она.

Я повторил ее вопрос.

За дверью повисло гробовое молчание, а затем голос прошипел:

— Черт знает что...

По очереди проскрежетали три замка.

— Этого никто не знает, про Калифорнию. Никто.

В двери появилась щель.

— Ладно, давайте... — сказал голос.

Из щели высунулась ладонь, похожая на мясистую морскую звезду.

— Кладите свою!

Я накрыл ее ладонь своей.

— Переверните.

Я перевернул руку ладонью вверх, и она сжала ее, как в тисках.

— Расслабьте.

Она помяла мою руку, затем большим пальцем прощупала линии на ладони.

— Не может быть, — прошептала она.

Обследовала бугорки, расположенные под пальцами.

— Так и есть, — со вздохом сказала она.

А потом добавила:

— Вы помните свое рождение.

— Откуда вы узнали?

— Вы же седьмой сын седьмого сына!

— Ничего подобного, — сказал я, — я один в семье, у меня нет братьев.

— Боже! — Ее рука дернулась. — Вы будете жить вечно!

— Никто не...

— А вы будете. Не само ваше тело, а то, что вы делаете. Чем вы занимаетесь?

— Вообще-то, моя жизнь у вас в руках...

Она издала смешок.

— Понятно. Актер? Нет... Внебрачный сын Шекспира.

— У него не было сыновей.

— Значит, Мелвилла²³. Внебрачный сын Германа Мелвилла.

— Было бы неплохо.

— Так оно и есть.

Я услышал, как от двери со скрипом отъехало что-то тяжелое, после чего она медленно отворилась.

Моему взору предстала необъятных размеров женщина в огромной мантии из красного бархата — она сидела на троне, поставленном на колесный ход. Гроыхая по паркету, этот трон отвез ее в глубину комнаты и остановился у стола, где в свете витражной лампы сияли искрами сразу четыре хрустальных шара. Там же маячил и железный сейф. Не было никаких сомнений, что из недр вот этой стотридцатикилограммовой мясной туши берет начало не что иное, как пронзающий все живое взгляд Царицы Калифии — астролога, хироманта, френолога и специалиста по прошлому и будущему.

— Пройдите, я не кусаюсь, — сказала она.

Я вошел. Следом за мной — Крамли.

— Но дверь оставьте открытой, — добавила она.

Во дворе прокричал павлин, и я решил, что это сигнал к тому, чтобы показать ей другую руку.

Поглядев в нее, Царица Калифия отпрянула, как будто ее обдало жаром.

— Вы знаете Грина — писателя? — тихо спросила она. — Грэма Грина?

Я кивнул.

— У него есть роман о священнике, потерявшем веру. Который потом лицезрел чудо — сам же его и вызвал. И его вера воскресла — с такой силой, что он сам чуть не умер от шока...²⁴

— И что?

— И вот... — Она вдруг замолчала и уставилась на мою ладонь, как будто это был предмет, никак не связанный с остальным моим телом. — О боже...

— С вами случилось то же самое, что с тем священником?

— Боже милосердный! — Она почти меня не слушала.

— Вы потеряли веру и дар исцеления?

— Да, да... — очнулась она.

— А теперь, вот прямо сейчас, она к вам вернулась?

— Да, черт возьми!

Я прижал руку к груди, чтобы прекратить доступ к информации.

— И как же вы это поняли? — спросил я.

— А мне и понимать не надо. Это же... как удар током.

Я помахал перед ней свадебным приглашением и страничкой светской хроники.

— Вы были у него наверху... — сказала она.

— Нечестно. Вы подсмотрели.

Она криво ухмыльнулась и издала утробный смешок.

— От него люди рикошетом попадают ко мне.

— Не думаю, что это происходит часто, — сказал я. — Можно мне сесть? Иначе я просто упаду.

Она кивнула на стул, стоящий на безопасном расстоянии от ее трона. Я тут же плюхнулся на него.

Крамли, на которого никто не обращал внимания, стоял в сторонке и имел крайне недовольный вид.

— Так вот, о Раттигане. У него в принципе редко кто бывает. Никто не знает, что старик еще жив и что он живет на Маунт-Лоу. А вот сегодня, представьте, нагрянули гости — да еще со скандалом.

— Истеричка... — На вершину горы мяса словно набежала черная туча. — Я ее на порог не пустила!

— Кого — ее?

— Говорила же я себе: не рассказывай никому о будущем, даже если ты его знаешь. — Царица Калифия бросила взгляд на свои хрустальные шары. — Намекнуть — пожалуйста! Но я не обязана никому указывать, какие акции покупать и с кем ложиться в постель. Диету могу посоветовать, витамины продаю, китайские травы... Но не бессмертие же.

— А сами только что обещали.

— Вы — другое дело. — Она вытянулась вперед, и колеса ее трона скрипнули. — Ваше будущее у меня как на ладони. Я еще никогда не видела ничье будущее так четко. И я вижу, что вы в смертельной опасности! Вы можете выжить, но кто-то очень хочет этому помешать. Будьте осторожны!

Она закрыла глаза и на некоторое время погрузилась в молчание.

— Вы — ее друг? Вы знаете, о ком я.

— И да и нет, — сказал я.

— Все так говорят. В ней и черное, и белое, и черт знает что еще.

— Мы, вообще, о ком говорим?

— Обойдемся без имен. Это ее я на порог не пустила. Час назад. Я переглянулся с Крамли.

— Похоже, мы идем за ней след в след. Вот-вот догоним.

— Не советую, — сказала Калифия. — Она так тут верещала, что я не удивлюсь, если у нее в кармане нож. Орала мне: «Никогда не прощу! Ты нас направила на ложный путь! Мы запутались! Мы заблудились! Чтоб тебе гореть в аду!» А потом газанула и уехала. А я теперь всю ночь спать не буду.

— Может, я скажу глупость, но она не уточнила — куда?

— Почему глупость? — сказала Калифия. — Значит, так. Сначала она сходила к этому старому болвану на Маунт-Лоу, которого когда-то бросила в одну ночь... Потом заявила ко мне, которая ее во все это «втянула»... Ну а теперь, наверное, на очереди тот, кто проводил церемонию. Мечтает собрать нас всех вместе и сбросить со скалы!

— Придется ей, видимо, похоронить эту мечту.

— Как знать? Сколько женщин было у вас за всю жизнь?

Подумав, я с некоторым смущением ответил:

— Одна.

Царица Калифия промокнула лицо носовым платком величественной с банное полотенце и, вновь войдя в образ, царственно подъехала ко мне. Свой трон она приводила в движение с помощью ног, обутых в изящные туфельки. Я вдруг заметил, что ее кукольные ступни занимают неправдоподобно малую территорию на фоне бескрайних просторов туловища — особенно по сравнению с огромной луной обрюзгшего лица. И где-то там, под всей этой массой, вдруг промелькнул призрак Констанции...

Царица Калифия закрыла глаза.

— Она вас использует. Вы ее любите?

— Соблюдая технику безопасности...

— Правильно. Будьте всегда начеку. Она просила вас сделать ей ребенка?

— Если и просила, то без помощи слов.

— Действительно, а зачем слова? Рожать мертвых выbledков можно и без слов. Расплодила монстров по всей долине Лос-Анджелеса... Загадила и без того вшивый Голливуд до самого Мейна... Вот что я вам скажу: сожгите постель, в которой вы с ней спали, развеите пепел по ветру и пригласите священника.

— Какого еще священника, зачем?

— Какого конкретно, скажу позже. А пока продолжим по поводу... — Она запнулась, чтобы ненароком не произнести имя. — По поводу нашей дорогой подруги. Что-что, а исчезать из поля зрения она любит. Это одна из ее фирменных уловок — заставлять мужчин нервничать. Сначала она быстренько выносит им мозг. А потом они выходят на улицы и устраивают массовые беспорядки. Так что в вашей ситуации... Помните такую игру — «Кролик Вигили»?²⁵ Как там было? «Скок-поскок — на шесток, и молчок!»

— Но я ей нужен!

— Конечно, нужен! Еще бы! Она же питается дурной энергией. Получает удовольствие, когда делает кому-нибудь гадости. Она бы и Рим смогла разрушить одним только взглядом. А вас так просто сожрет — и не подавится. Эх, попадись она мне... так бы и раздавила прямо вот этими колесами! Ладно, давайте руку, посмотрю еще раз... — Трон снова заскрипел, и гора плоти угрожающе приблизилась.

— Хотите забрать свои предсказания обратно?

— Нет. Я говорю только то, что вижу на ладони. В жизни вы можете все сделать по-другому! Порвите газету. Сожгите приглашение. Уезжайте из города. А главное — пожелайте ей смерти. Так и скажите: умри, гадина. Но не при личной встрече, а по телефону, желательно отъехав подальше. А теперь идите!

— А сейчас мне... куда?

— О господи... — раздраженно прошептала она, закрыв глаза. — Загляните в приглашение.

Я поднял к глазам листок и прочел:

— Шеймус Брайан Йозеф Раттиган, собор Святой Вивiany, священник.

— Идите к нему и скажите, что его сестра на полпути в ад — пусть пришлет ей святой водички. А теперь все валите отсюда! У меня и без вас куча дел.

— Интересно, каких?

— Тьфу на тебя!

Крепко сжимая в потной руке отца Шеймуса Раттигана, я попытался назад и натолкнулся на Крамли.

— А вы, собственно, кто? — спросила Калифия, наконец-то заметив, что у меня есть спутник.

— Я думал, вы знаете... — сказал Крамли.

Мы вышли и прикрыли за собой дверь.

Через несколько секунд дом содрогнулся от глухого удара, и Калифия крикнула из-за двери:

— И передайте ей, чтобы больше здесь не появлялась!

Я переглянулся с Крамли.

— А тебе она будущее так и не предсказала...

— Воистину, безгранично милосердие Господне, — сказал Крамли.

Глава 13

Мы спустились по крутой лестнице, и уже возле машины Крамли пристально взгляделся в мое лицо, освещенное мертвенным лунным светом.

— Что это с тобой? — спросил он.

— А что?

— У тебя вид как у бешеной собаки.

— Ну, я же только что приобщился к вере...

— Ладно, залезай уже, с божьей помощью.

Я сел в машину, чувствуя, как меня пробирает озноб.

— Куда едем?

— К собору Святой Вивiany?

— Жеваный карась!

Он включил зажигание.

— Нет! — взмолился я. — Еще одной очной ставки я не выдержу. Давай лучше домой, Джеймс! В душ, потом по пиву — и на боковую. А Констанцию догоним с утра.

Мимо правого борта неспешно проплыла вывеска «Каллаган и Ортега». Наконец-то у Крамли был довольный вид.

Перед тем как пойти в душ, принять пиво и заснуть мертвецким сном, я развесил над кроватью семь из восьми трофейных газет — на случай, если я проснусь и мне в голову придут конструктивные мысли.

Должны же быть причины, по которым все эти имена, фотографии, крупные и мелкие заголовки бережно хранились долгие годы. Необъяснимые или объяснимые причины.

— Ну вот, паролод тебе в рот! — проворчал Крамли. — Ты что — собрался ночевать со всей этой мертвечиной?

— Ночью они все спрыгнут со стены, пролезут сквозь мои веки в череп и пройдут обработку в творческом полушарии мозга.

— В творческом, говоришь? Японские самураи... Американские бульдоги... Все они спрыгнут с катушек, как ты, и будет у вас один общий дурдом?

— Знаешь что? Если в мозг ничего не вкладывать, то ничего и не выйдет.

— Подожди, пока я прикончу бутылочку... — Крамли глотнул пиво. — А потом уже ночуй со своими дикобразами. И вставай с первыми пандами... — Он кивнул в сторону чьих-то висящих на стене фамилий, фотографий и биографий. — Констанция там где-нибудь есть?

— Пока что она на кладбище несбывшихся надежд.

— Ладно, гребни в душ. А я тут посторожу некрологи. Если начнут спрыгивать, буду кричать. Кстати, как ты насчет того, чтобы опрокинуть на ночь по стаканчику «Маргариты»?²⁶

— Признаться, я ждал этого вопроса.

ГЛАВА 14

В полдень мы уже ехали к собору Святой Вивианы — Центральный район Лос-Анджелеса, Скид-Роу...²⁷ Мы двигались на восток, минуя большие трассы.

— Смотрел «Если бы у меня был миллион»? — спросил Крамли. — Помнишь, там Уильям Филдс²⁸ накупил себе старых «Фордов» и таранит на них дорожное хамье? Я тоже не люблю большие магистрали. Ездить невозможно — так и хочется вломиться кому-нибудь в зад... Ты меня слушаешь?

— Надо же, Раттиган... — сказал я. — Я думал, что хорошо ее знаю...

— Как бы не так, — краем губ усмехнулся Крамли. — Хрена ты кого знаешь. Великий американский роман он собрался писать... Научись сперва отличать дерьмо от шоколадки. Все герои на одно лицо — прекрасные принцы и скромные пастушки. — Он махнул рукой. — Тебя спасает лишь то, что другие писатели и того хуже — только поэтому вся твоя приторная хрень сходит тебе с рук. А дерьмо — что? Дерьмо пусть месят реалисты...

Я молчал.

— Знаешь, в чем твоя проблема? — Крамли спохватился и сбавил тон. — Ты любишь людей, которые этого недостойны.

— Ты имеешь в виду себя, Хрум-хрумми?

Он покосился на меня с некоторой опаской.

— Да я-то еще ладно, — сказал он. — Слегка потертый, но пробу еще пока есть где ставить... Стоп! — Крамли ударил по тормосам. — Круглый свод — там поп живет!

Я выглянул в окно и увидел собор Святой Вивианы на Скид-роу. Здесь было так тихо, что казалось, здешние обитатели вымерли, а у тех, кто остался, жизнь протекает, словно в замедленном кино.

— Вот где селиться-то надо было... — сказал я. — Ты пойдешь внутрь?

— Черта с два! Меня отлучили от церкви еще в возрасте двенадцати лет — за связи с порочными женщинами.

— Снова причащаться не собираешься?

— Разве что когда умру... Выпрыгивай, неудачник. Приехали. От Царицы Калифии напрямик к Царице Ангелов.

Я вышел из машины.

— Прочти за меня «Аве, Мария», — сказал Крамли.

ГЛАВА 15

В храме после полудня был мертвый час. Только одна прихожанка, желающая покаяться, ждала возле исповедальни. Вышел священник и кивком пригласил ее пройти в кабинку.

По его лицу я сразу понял, что мы пришли по адресу.

Как только женщина ушла, я незаметно нырнул на ее место.

В окошке за решеткой зашевелилась тень.

— Слушаю, сын мой.

— Простите, святой отец, — выпалил я. — Калифия...

В ту же секунду я услышал ругательство, и дверца исповедальни со стороны священника со стуком распахнулась. У святого отца был такой вид, как будто словом «Калифия» я нанес ему пулевое ранение.

В окошке сидело ожившее дежавю Раттиган. У меня было полное ощущение, что передо мной скелет Констанции, на который каким-то неведомым образом надели другую плоть. В результате этих преобразований коричневый загар превратился в мертвенно-бледную немощ священника эпохи Ренессанса, а губы, открытые наслаждениям и изысканным блюдам, были заменены на уста, никогда ничего не жаждавшие, кроме молитвы о спасении. Он был похож на Савонаролу²⁹, который умоляет безмолвствующего Господа простить ему неистовые речи — и при этом у него из глаз, откуда-то из глубины черепа, дерзко выглядывал призрак Констанции.

После некоторых внутренних терзаний отец Раттиган счел меня достаточно безопасным, несмотря на оброненное мной слово, и, кивнув в сторону ризницы, завел меня туда и закрыл дверь.

— Вы ее друг?

— Нет, сэр.

— Прекрасно! — Он слегка помедлил и продолжал: — Садитесь. У вас есть пять минут. Меня ждет кардинал.

— Тогда вам лучше идти.

— Пять минут... — сказала Констанция, скрытая под маской своего генетического двойника. — Слушаю вас.

— Недавно я был у...

— Калифии... — В голосе священника послышалось плохо скрываемое раздражение. — Царица! Отправляет ко мне лю-

дей, которым сама помочь не может. При этом у нее своя вера, а у меня — своя...

— Констанция опять пропала, святой отец.

— Опять?

— Так сказала Царица... гм... Калифия.

Я достал Книгу мертвых и дал отцу Раттигану полистать.

— Где вы ее взяли?

— У Констанции. Она сказала, что ей кто-то ее прислал. То ли чтобы напугать, то ли чтобы убить, то ли бог весть для чего еще. Во всяком случае, только она знает, насколько это реальная угроза.

— Думаете, она может прятаться просто всем назло? — Он на некоторое время задумался. — Не знаю, что и сказать... У меня лично двойное ощущение. Ведь когда-то нашлись люди, которые сожгли Савонаролу, а теперь находятся те, которые ему поклоняются... Наверное, один из самых странных парадоксов — это когда грешник и святой — одно и то же лицо.

— Между ними много общего, святой отец, — позволил себе вставить реплику я. — Многие грешники становятся потом святыми, не так ли?

— Вам что-нибудь известно о Флоренции времен 1492 года, когда Савонарола заставил Боттичелли сжечь свои картины?

— Нынешний век интересуется меня больше, сэр... э-э-э... святой отец. Савонарола жил раньше, а Констанция — сейчас.

— О да... Если бы Савонарола был с ней знаком, он бы убил себя сам. Нет, так невозможно. Я должен подумать. С самого восхода ничего не ел. У меня тут есть хлеб и вино. Давайте перекусим, пока я не свалился в голодный обморок.

Добрый батюшка достал из чулана буханку хлеба и кувшин с вином, и мы сели за стол. Он преломил хлеб, а потом налил вина: себе — немного, а мне — побольше, против чего я нисколько не возражал.

— Вы — баптист? — спросил я.

— Как вы догадались?

— Можно я об этом умолчу?

Я осушил свой стакан.

— Так вы поможете мне с Констанцией, святой отец?

— Нет... О господи! Ну, ладно.

Он снова наполнил мой стакан.

— Прошлой ночью... Ну да, прошлой... Я засиделся в исповедальне. У меня было такое чувство... что кто-то должен прийти. И вот, примерно в полночь, в исповедальню зашла женщина. Довольно долго она просто сидела и молчала, и в конце концов мне пришлось воззвать к ней, как Иисус к Лазарю. И вот тогда она разрыдалась. И стала говорить, говорить, говорить... Вывалила мне все свои грехи за год, потом за десять лет, за тридцать... Рассказывала все подряд — и не могла остановиться. Ночь за ночью — чем дальше, тем отвратительнее... Потом вдруг замолчала, и только я хотел ей дать наставление читать «Аве, Мария», как она... сбежала. Я скорее зашел в кабинку исповедальни, но там остался только запах ее духов. Господи боже мой...

— Это были духи вашей сестры?

— Вы имеете в виду Констанцию? — Отец Раттиган откинулся на спинку стула. — Чтоб они в аду сторели, эти ее духи...

Надо же, прошлой ночью. Всего несколько часов назад. Если бы мы с Крамли вчера все-таки поехали...

— Наверное, вам лучше идти, святой отец, — сказал я.

— Кардинал подождет.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Если она придет еще раз, вы можете позвонить мне?

— Нет, — ответил священник. — В исповедальне — как в адвокатской конторе, все сведения о клиентах хранятся в тайне. Вы расстроены?

— Да, — сказал я, не заметив, что при этом нервно кручу на пальце обручальное кольцо.

Разумеется, это не ускользнуло от бдительного ока отца Раттигана.

— А ваша жена обо всем этом знает?

— В общих чертах.

— Какие у вас, однако... высокие отношения.

— Моя жена мне доверяет.

— Жены это умеют, благослови их Господь. И что, моя сестра, по-вашему, достойна того, чтобы ее спасти?

— А вы думаете — недостойна?

— Для меня все ее достоинство умерло, когда она сказала, что искусственное дыхание изо рта в рот — это одна из поз Камасутры...

— Ох, Констанция! Но все-таки, святой отец, если она объявится, пожалуйста, наберите мой номер и просто повесьте трубку. Это будет для меня знак, что она у вас.

— Вам не откажешь в упорстве и изобретательности. Ладно, диктуйте телефон. Вы, конечно, не баптист, но уж точно честный христианин.

На всякий случай я оставил ему не только свой номер, но и Крамли.

— Просто позвоните — и все, святой отец.

Священник просмотрел номера.

— Мы все живем на склоне холма, — сказал он, — но кому-то из нас чудом удастся пустить там корни... Лучше не ждите этого звонка. И не рассчитывайте на него. Оставлю еще ваш номер своей ассистентке, Бетти Келли, о'кей? Почему вы все это делаете?

— Она же катится в пропасть.

— Смотрите, как бы она и вас за собой не уташила. Нехорошо, конечно, так говорить... Но как-то в детстве она пошла кататься на роликах и выехала на проезжую часть. Просто ради смеха. — Его глаза влажно блеснули. — Почему я вам все это рассказываю?

— Лицо у меня такое.

— Что?

— Лицо. Сам я, сколько ни смотрю в зеркало, этого не замечаю — ну, выражение же постоянно меняется. А на самом деле, если приглядеться, то я — помесь младенца Иисуса и Чингисхана. Все мои друзья от этого в шоке.

Этот ответ немного приободрил священника.

— Синдром саванта...³⁰ — сказал он.

— Вроде того. В школе я одним только своим видом вызывал у сверстников острое желание набить мне морду. Так что вы говорили?

— Я — говорил?! Ну, допустим, говорил. Если та женщина, что приходила ночью, действительно Констанция, хотя голос был вроде не ее, то она, кроме всего прочего, пыталась дать мне... гм... распоряжения. Да, представьте себе, распоряжения — священнику. Поставила мне срок: двадцать четыре часа. За это время я, видите ли, должен отпустить ей все ее грехи, все двадцать тысяч — оптом. А она вернется и проверит. Как будто мы на рынке... Я говорю ей: прежде ты должна простить их себе сама, а потом уже

просить о прощении других. Господь любит тебя. А она сказала: «Да нет, как-то не очень он меня любит» — и ушла.

— Как вы думаете, она вернется?

— С двумя голубками на плечах, как у папы римского. Или с громом и молнией.

Отец Раттиган проводил меня к выходу.

— А этот ее вид, прости господи... Ни дать ни взять — сирена, заманивающая в пучину несчастных моряков. Вы тоже — один из них?

— Нет, святой отец. Я — несчастный, который пишет о жизни на Марсе.

— Надеюсь, у них там жизнь получше, чем у нас... Вспомнил! Вот что она еще сказала... Что будет теперь посещать другую церковь. И больше не станет докучать мне своими признаниями.

— Какую церковь, святой отец?

— Китайскую. Имени Граумана³¹.

— У них большая паства... Вы были там?

— Смотрел «Царя царей»³². Честно говоря, площадка перед входом понравилась мне гораздо больше, чем сам фильм... У вас такой вид, как будто вы хотите немедленно сорваться и убежать.

— В новую церковь, святой отец. Китайскую. Имени Граумана.

— Не ходите по следам на зыбучем песке. Многие грешники в нем канули. Какой фильм там сейчас крутят?

— Кажется, «Джек и бобовый стебель» с Эбботтом и Костелло³³.

— Плакать хочется, — вздохнул святой отец.

— Мне тоже, — сказал я, направляясь к выходу.

— Помните о зыбучем песке! — крикнул отец Раттиган, когда я уже выходил из дверей.

ГЛАВА 16

Мы взяли курс на противоположный конец города, и всю дорогу я чувствовал себя воздушным шариком, в который вместо гелия вдохнули Большие надежды³⁴. Крамли приходилось периодически хлопать меня по плечу, чтоб я ненароком не улетел. Но должны же мы были попасть в эту чертову «другую церковь».

— Тоже мне церковь, — проворчал Крамли. — С каких это пор киносеансы стали заменять Отца, Сына и Святого Духа, вместе взятых?

— Со времен «Кинг-Конга». Если мне не изменяет память, тысяча девятьсот тридцать второй год. Фэй Рэй³⁵ тогда поцеловала меня в щечку...

— Да что вы говорите! Долбать-колотить! — сказал Крамли и включил радио.

«...ближе к вечеру, — донеслось из динамика, — Маунт-Лоу...»

— Ты слышал? — У меня внутри все похолодело.

Голос продолжал: «Смерть... полиция... Кларенс Раттиган... жертва... — Опять часть слов съели помехи. — Нелепый случай... был раздавлен насмерть старыми газетами... вспоминаются братья из Бронкса, на которых обрушились штабеля старых газет, которые они сами же и собирали. Газеты-убийцы...»

— Выключи.

Крамли выключил.

— Бедная заблудшая душа... — сказал я.

— Так уж и заблудшая?

— Станет заблудшей, ведь проводить-то некому. И никто ее не проводит...

— То есть ты хочешь сказать, мы едем сейчас туда?

— Надо... поехать, — с трудом выговорил я, недвусмысленно шмыгая носом.

— Ты же совсем не знал его, — сказал Крамли. — Может, хватит сырость тут разводиться?

Последняя полицейская машина как раз отъезжала. Группо-перевозка, судя по всему, уехала уже давно. У подножия холма Маунт-Лоу оставался только один случайный полицейский на мотоцикле. Крамли высунулся из окна.

— Можно нам проехать наверх — или есть ограничения?

— Из ограничений — только я, — ответил офицер. — Но я уже уезжаю.

— А репортеры были?

— Да нет, там ничего интересного.

— Абсолютно ничего... — сказал я и снова шмыгнул носом.

— Да едем мы, едем, успокойся, — проворчал Крамли, выкручивая руль. — Смотри только не утони в соплях по дороге.

Я взял себя в руки и замолчал — правда, ненадолго.

Полицейский на мотоцикле скрылся, и мы тронулись по тропе наверх, к развалинам Карнакского храма, руинам Долины царей и затерянными землям Каира. И всю дорогу у меня не закрывался рот.

— Лорд Карнавон откопал царя, — говорил я. — Мы — хороним царя. Я сам бы не отказался от такой могилы...

Мы прибыли на вершину.

— Булл Монтана, — сказал Крамли, — булка, бульдог, бульдозер...

Вместо древних руин мы увидели... да, именно бульдозер, водитель которого, судя по всему, не умел читать. Попирая колесами могучие газетные пирамиды, он явно не ведал, что творит и какой урожай собирает. Аукционы Херста³⁶ двадцать девятого года... Откровенное интервью Маккормика для Chicago Tribune³⁷, тридцать второй год... И далее по списку: Рузвельт, Гитлер, Малышка Роуз Мари³⁸, Мари Дресслер³⁹, Эйми Семпл Макферсон...⁴⁰ Навсегда замолчали. Похоронены. И не один раз... Я выругался.

Некоторое время Крамли удавалось удерживать меня за рукав: я рвался выпрыгнуть из машины и начать немедленно спасать ПОБЕДУ В ЕВРОПЕ, ГИТЛЕРА В БУНКЕРЕ или, на худой конец, ЭЙМИ, ВЫХОДЯЩУЮ ИЗ МОРСКОЙ ПЕНЫ.

— Сидеть...

— Нет, ты посмотри! Что он творит?! Им же цены нет! Надо что-то делать!

Я вырвался из его лап, бросился в гущу событий и выхватил наугад несколько передовиц. Рузвельт избран... Рузвельт умер... переизбран... а утром уже — Хиросима и Перл-Харбор.

— Спасибо тебе, Господи! — прошептал я, прижимая все эти ужасы к сердцу, как будто это были мои родные дети.

В это время Крамли удалось урвать Я ЕЩЕ ВЕРНУСЬ, — СКАЗАЛ МАКАРТУР⁴¹.

— Наверное, ты прав, — сказал он. — Он, конечно, был тот еще отморозок, но лучше его в Японии императора не было.

Моторизированная старуха с косой остановилась, и водитель высунулся посмотреть, что это за мусор болтается у него под колесами. Мы с Крамли отпрыгнули в сторону, после чего он с хрустом проложил борозду к мусорной машине, где уже заняли свое

место МУССОЛИНИ БОМБИТ ЭФИОПИЮ, ЖАНЕТТ МАКДОНАЛЬД ВЫХОДИТ ЗАМУЖ и СКОНЧАЛСЯ ЭЛ ДЖОЛСОН⁴².

— Не курить! Пожароопасно! — проорал он.

И на моих глазах полсотни лет в самом прямом смысле слова отправились на свалку истории.

— Как сухостой... — с горечью сказал я. — Ничуть не хуже...

— Ты о чем?

— Не более чем легко воспламеняющиеся материалы... Я не удивлюсь, если в будущем люди будут использовать газеты и книги для растопки.

— Так они уже используют, — сказал Крамли. — Мой отец зимой всегда подсовывал в печку кусок газеты и чиркал спичкой. Каждое утро.

— А книги?

— Надо быть полным идиотом, чтобы растапливать печь книгами... Стоп! А что это мы так разволновались? Не иначе как собрались писать десятитонную энциклопедию?

— Нет, просто рассказ про одного человека, от которого пахло керосином⁴³, — сказал я.

— Человека, говоришь...

Мы прошлись по остаткам грандиозной полувековой помойки. Дни, ночи и целые годы хрустели под нашими ногами, как сухой завтрак.

— Иерихон⁴⁴, — сказал я.

— Думаешь, кто-то пришел сюда с трубой и... натрубил?

— Скорее даже наорал... Крику было много. И здесь, и у Царицы Калифии.

— А потом еще у святого отца, — сказал Крамли. — Удивительно, как только его церковь не рухнула под этим напором... Смотри-ка, а ведь мы стоим на Омаха-бич⁴⁵, в Нормандии, прямо в центре театра военных действий Черчилля. А вот и зонтик Чемберлена...⁴⁶ Ты, вообще, прочувствовал момент?

— Более чем. Я все думаю о том, что ощущал старик Раттиган в последнюю секунду... Когда тонул в этом потоке из фалангистов Франко, гитлерюгенда, сталинских коммунистов, беспорядков в Детройте и воскресных комиксов мэра Ла Гуардия... Ну и смерть!

— Ладно, замнем. Посмотри лучше сюда.

Из кучи кошачьего наполнителя, густо перемешанного с ОБРУШЕНИЯМИ РЫНКА и КРИЗИСАМИ БАНКОВ, символически

торчал обломок смертного одра Кларенса Раттигана. Подняв венчавший эту конструкцию выпуск театральной странички, я обнаружил там танцующего Нижинского.

— Еще один чокнутый, для комплекта, — сказал Крамли. — Нашли друг друга. Нижинский и Раттиган — один чокнутый сохранил другого.

— Вытри глаза.

Крамли вытер — и там было что вытирать.

— Ну, хватит! — сказал он. — Чертово кладбище. Пошли!

Напоследок я подобрал ТОКИО ПРОСИТ МИРА...

И мы поехали к морю.

Крамли привез меня в мое старое бунгало на побережье, и в это время опять пошел дождь. Я вдруг почувствовал, как со стороны океана повеяло угрозой ночного шторма, убийственные волны которого вполне могли принести с собой Констанцию — мертвую, разумеется. И еще какого-нибудь Раттигана, тоже мертвого... И вообще, смыть к чертовой матери всю мою постель, перемешав ее с водорослями. Нет уж, дудки! Перед уходом я сорвал со стены газеты Кларенса Раттигана.

После этого Крамли отвез меня домой — в глубь материка, в поселок, где не было никакого шторма, где меня ждал пустующий коттедж и припасенная водка под кодовым названием «Эликсир Крамли». Оставив друга с рюмкой у изголовья и включенным светом, он сказал, что обязательно позвонит чуть позже — узнать, хорошо ли я тут себя веду. И уехал.

Я прислушался. По крыше барабанил град — как будто кто-то заколачивал гвозди в крышку гроба. Я позвонил Мэгги на другой континент, прямо сквозь дождь.

— Мне слышится — или кто-то плачет? — спросила она.

Глава 17

Солнце уже видело десятый сон за горизонтом, когда у меня зазвонил телефон.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени? — спросил Крамли.

— Ночь на дворе, черт бы тебя побрал!

— Похоже, эти смертники основательно выбили тебя из колеи. Нельзя же так раскисать! Ведешь себя как плаксивая баба-исте-

ричка... Или маменькин сынок с бумажными платочками во всех кармашках.

— Если я и сынок, то уж, во всяком случае, не твой.

— Так. Быстро в душ, чистить зубы — и на выход. И не забудь прихватить с веранды Daily News. Это я оставил, когда звонил в твой чертов звонок, а ты не отзывался. Нашей Царице Калифии надо было не тебе судьбу предсказывать, а себе самой...

— А что, она...

— В семь тридцать я выезжаю на Бункер-Хилл. Будь у входа в чистой рубашке и с зонтиком.

Ровно в семь тридцать... девять я был у входа в чистой рубашке и с зонтиком. Когда я сел в машину, Крамли взял меня за подбородок и внимательно изучил выражение моего лица.

— Смотри мне, чтоб без проливных дождей!

Он вдарил по газам, и мы устремились на Бункер-Хилл.

Вид похоронного бюро «Каллиган и Ортега» нас насторожил. И вообще, нигде не было ни полицейских машин, ни карет трупоперевозки.

— Знаешь, есть такой шотландский эль — называется «Старый особый»? — спросил Крамли, когда мы припарковались к обочине. — Тебе не кажется, что здесь как-то подозрительно, по-особому тихо?

Я развернул на коленях газету. Калифия не попала на первую полосу. Ее скромно прикопали поближе к некрологам.

«Знаменитый медиум, прославленная актриса немых фильмов, погибла, упав с лестницы. Альма Кроун, более известная как Царица Калифия, была обнаружена на крыльце собственного дома на Бункер-Хилл. Соседи сообщают, что слышали крик ее павлина. Судя по всему, Калифия вышла посмотреть, что случилось, и упала на ступеньках. Ее книга «Химия хиромантии» в 1939 году стала бестселлером. Свой прах Калифия завещала развеять в египетской Долине царей, где, как полагают некоторые, она родилась».

— Редкостная чушь, — сказал Крамли.

Приглядевшись, мы заметили, что у входа в дом Царицы темнеет чей-то силуэт, и решили подойти. На ступеньках крыльца сидела молодая особа лет двадцати — смуглая, с длинными темными волосами, — судя по всему, цыганка. По

ее лицу ручьями текли слезы, которые она даже не пыталась утереть.

— Господи! Это так ужасно! — рыдая, проговорила она, указывая на парадную дверь. — Так ужасно!

Я открыл дверь и заглянул внутрь.

— О боже, нет...

Подошел Крамли, чтобы тоже взглянуть на картину разорения.

Дом Калифии был полностью опустошен. Как будто какая-то загадочная компания по перевозке грузов старательно вывезла отсюда все: картины, хрустальные шары, карты таро, лампы, грампластинки, мебель...

Я прошел на небольшую кухню и принялся открывать ящики. В них было пусто, как после вакуумной уборки. В серванте тоже — ни специй, ни варенья. Не оставили ничего даже собаке.

Спальня — горы пустых плечиков в гардеробной. Ни платьев размером с туристическую палатку, ни туфель, ни чулок.

Мы с Крамли снова вышли на крыльцо и с немим вопросом уставились на цыганку.

— Все! — вскричала она, указывая вокруг себя сразу в нескольких направлениях. — Все вынесли! На моих глазах! Они, видите ли, бедные, неимущие! Простите их, несчастных! Как только полиция за порог — сразу набежали, оттолкнули меня — и вперед... Бедные они! Вы бы видели, что они тут устроили. Все носятся! Туда-сюда, туда-сюда! Старики, старухи, дети... Кричат, гогочут — прямо как стая ворон. Вот это хватай, вот это не забудь! Все подряд сметали — стулья, картины, шторы, книги... Фиесту себе устроили! Через час здесь было уже пусто. Вон туда, вон в тот дом все снесли, на той стороне напротив. Ну не смешно ли... Посмотрите на мои руки — до крови! А вам что — нужны какие-то вещи Калифии? Идите! Пожалуйста, идите, постучитесь к ним! Давайте, ну что же вы, идите!

Мы с Крамли присели на крыльцо рядом с ней — я справа, а Крамли слева, и взяли девушку за руки.

— Сволочи! — прошипела она. — Какие же сволочи!

— Что уж теперь? — сказал Крамли. — Ступай-ка домой. Тут сторожить нечего. Ничего не осталось.

— Осталось. Она еще там. Тело забрали, но она еще там. Она меня пока не отпустила.

Мы, не сговариваясь, оглянулись на дверь, как будто ожидали увидеть на ней, как на экране, гигантский призрак Калифии.

— А как ты узнаешь, что она тебя отпустила?

Цыганка подняла сверкающий взгляд.

— Узнаю.

— Ты куда? — спросил Крамли, в то время как я уже переходил улицу к дому напротив.

Постучал. Тишина. Еще раз постучал.

Заглянул в окошко. В глубине дома просматривалось нагромождение мебели, прямо посреди комнаты — там, где ее быть явно не должно. А также неадекватное количество ламп и свернутых в рулоны ковров.

Я выругался и пнул дверь ногой. Затем, выйдя на середину улицы, уже собрался произнести грозную речь, обращенную ко всем жителям окрестных домов, но ко мне тихо подошла цыганка и тронула за рукав.

— Мне уже можно уходить, — сказала она.

— Калифия?

— Разрешила.

— Куда подкинуть? — Крамли кивнул на машину.

— Мои друзья живут неподалеку от площади Красного Петуха, — сказала она, не отрывая взгляда от дома Калифии, который, судя по всему, был для нее центром всей Калифорнии. — Может быть, вы...

— Садись, — сказал Крамли.

Цыганка проводила взглядом исчезающий вдаль царский чертог.

— Завтра я вернусь... — крикнула она.

— Она знает, что вернешься, — сказал я.

Мы проехали мимо бюро Каллагана и Ортеги, но на этот раз Крамли не удостоил его взглядом. Всю дорогу до площади, названной в честь петуха столь говорящего цвета, мы молчали.

Высадив цыганку, мы двинулись обратно.

— Ну и дела, прости господи... — сказал я. — Это как тогда, еще давно, у меня умер друг — и к нему в дом влезли иммигранты из Курнаваки... Вытащили всю его коллекцию — 1900 фоногра-

фов, пластинки Карузо, мексиканские маски... Опустошили, как египетскую гробницу.

— Так ведь... бедные они. Видите ли... — сказал Крамли.

— Ну и что? Мне тоже приходилось быть бедным. Но я никогда не воровал.

— Может, у тебя просто не было подходящей возможности?

Мы снова проехали мимо дома Калифии — в последний раз.

— Нет, она точно еще здесь. Цыганка права, — сказал я.

— Она-то права. Зато кое-кто — явно не в себе.

— Будешь тут не в себе, — сказал я, — когда такое творится.

Это уже просто беспредел... Сначала Констанция приносит мне два талмуда просроченных телефонов, а сама исчезает. Потом — двадцать тысяч лье под старыми газетами. Теперь вот сказка о мертвой царице. В этой связи даже хочется спросить: а все ли в порядке с отцом Раттиганом?

Крамли резко вывернул на обочину и остановился напротив телефонной будки.

— Держи монетку!

Я зашел в телефонную будку и набрал телефон храма.

— Скажите, а мистер... — Я смущенно запнулся. — Отец Раттиган... с ним все в порядке?

— В смысле — в порядке? Он на исповеди!

— Это хорошо, — как-то уж совсем невпопад ляпнул я. — Главное, чтобы у его исповедника было все в норме.

— Ни у кого, — произнес голос, — ни у кого и никогда не бывает все в норме.

В трубке шелкнуло, и я поплелся к машине.

— Ну, что?! — Крамли смотрел на меня, как собака, ожидающая, что ее покормят.

— Жив. Куда мы сейчас?

— Трудно сказать. Но с этого момента наше путешествие превращается в ретрит⁴⁷. Знаешь, что такое католические ретриты? Это прежде всего долгие, молчаливые уик-энды... Так что рот на замок. О'кей?

Мы подъехали к мэрии района Венеция. Крамли вышел из машины и хлопнул дверью.

Его не было полчаса. Вернувшись, он просунул голову в окно со стороны водителя и сказал:

— А теперь слушай. Я на неделю взял больничный. Потому что это явно диагноз. В общем, у нас неделя на то, чтобы разыскать Констанцию, прикрыть Сент-Вивианского священника, воскресить труп Лазаря и предупредить твою жену, чтоб была готова прийти на помощь, если я начну тебя душить. Быстро говори «да».

Я кивнул.

— Так. В ближайшие двадцать четыре часа без разрешения не разговаривать! Где у тебя эти гребаные телефонные книжки?

Я молча протянул ему Книги мертвых.

Крамли сел за руль и уставился на них с самым мрачным видом.

— Скажи что-нибудь напоследок, перед тем как заткнешь пасть!

— И все-таки, несмотря ни на что, ты мне друг! — выпалил я.

— К сожалению, — сказал Крамли и надавил на газ.

Глава 18

Ближе к вечеру мы решили навестить дом Раттиган. Машину мы оставили прямо на берегу, а сами отправились наверх пешком. Там по-прежнему вовсю горело электричество, и крепость освещала наш путь, как полная луна или восходящее солнце. Гершвин так же был на посту — и лабал по очереди то про Манхэттен, то про Париж.

— Спорим, что его похоронили прямо в роале, — сказал Крамли.

Мы взяли одну из Книг мертвых — записную книжку с телефонами дружков Раттиган, по большей части почивших в бозе, — и начали все по новой. Чем больше мы ее листали, тем сильнее ощущали бренность нашего существования.

На тридцатой странице добрались до буквы «Р».

Там все было по-прежнему: «мертвый» номер Раттигана и рядом могильный крестик, нарисованный красными чернилами.

— Чертовщина. Давай еще раз посмотрим Калифию.

Мы отмотали книжку назад — царица была на месте, два раза подчеркнутая и с крестом.

— И это значит, что...

— Что кто-то, заполучив записную книжку Констанции, поместил все эти имена красным и пририсовал кресты, затем передал ей, а потом — убил первых двоих. Может быть. Я уже ничего не соображаю.

— Или он рассчитал, что Констанция увидит эти кровавые кресты еще до убийств, поднимет панику в ту же ночь и непреднамеренно уокошит всех своими воплями. Давай проверим всех остальных помеченных. Проверь собор Святой Вивiany.

Крамли пролистал и сказал на выдохе:

— Крест!

— Но отец Раттиган жив! — сказал я. — Черт его подери!

Утопая в песке, я доплелся до телефона возле бассейна и набрал собор Святой Вивiany.

— Кто это? — рявкнул голос на другом конце провода.

— О, отец Раттиган! Это вы... Спасибо Господу!

— За что спасибо?

— Это друг Констанции. Ненормальный, помните?

— Какого черта! — заорал священник.

— Не принимайте сегодня больше исповедей!

— Это что — приказ?

— Святой отец, вы живы! В смысле, я говорю, как бы нам вас обезопасить, или...

— Нет уж, спасибо! — в том же тоне продолжал он. — Отправляйтесь в ту церковь, к язычникам! К Джеку и к его бобовому стеблю!

Трубка щелкнула и отключилась.

Мы с Крамли посмотрели друг на друга.

— А поищи-ка Граумана, — сказал я.

Крамли искал.

— На «К»... Китайский театр... Грауман... И красным обведен, и крест есть. Правда, он уже давно умер.

— Да, но зато там погребена Констанция — вернее, ее часть. Впечатана в бетон. Я тебе покажу. К тому же это наш последний шанс посмотреть Джека и его бобовый стебель.

— Если очень постараться, можно подгадать время и приехать к самому концу фильма, — сказал Крамли.

Глава 19

Подгадывать ничего не пришлось.

Когда Крамли высадил меня у входа в так называемую другую церковь — в этот великий храм, сотканный из целлулоидной пленки, шума, веселья, романтики и слез... на красной китайской двери обнаружилась табличка «ЗАКРЫТО НА РЕКОНСТРУКЦИЮ». Рядом крутились несколько разнорабочих. На площади перед входом гуляли люди — примеряли свои подошвы к отпечаткам следов.

Крамли высадил меня, а сам куда-то смылся.

Я окинул взглядом ярко освещенный высокий фасад, стилизованный под китайскую пагоду. Китайского в нем было процентов десять, не больше, а остальные девяносто — сам Грауман. Коротышка Сид⁴⁸.

Этот мальчик-с-пальчик, восьмой гном и манчкин⁴⁹ кинематографа в одном лице... Метр с кепкой, непрерывно извергающий из себя километры киноплёнки и фонограмм — то Кинга-Конга, визжавшего на здании Эмпайр-стейт, то Колмана в стране Шангри-Ла...⁵⁰ Чертов пигмей, который дружил с Гретой Гарбо⁵¹, Марлен Дитрих и Одри Хэпберн, одевал Чарли Чаплина и играл в гольф с Лорелом и Харди...⁵²

Хранитель пламени⁵³, коллекционер тысяч единиц чужого прошлого, сумасшедший бетонщик, увековечивший оттиски звездных туфель и башмаков, король тротуарных автографов...

Я стоял прямо на вулканической породе — подо мной были следы призраков, оставивших потомкам свой размер обуви.

Целое поле, по которому тут и там бродили стайки туристов, со смехом примеряя свои ступни к бетонным отпечаткам.

«Действительно, чем не церковь», — подумал я. И прихожан здесь побольше, чем у Святой Вивiany.

— Раттиган... — шепнул я себе под нос. — Ты здесь?

Глава 20

Я слышал, что у Констанции Раттиган самая миниатюрная ступня во всем Голливуде, а может, и во всем мире. Она всегда заказывала обувь в Риме, и ей два раза в год присылали ее авиа-

почтой — за это время старая как раз успевала раствориться от шампанского, пролитого особо страстными поклонниками. Маленькие ножки, изящные пальчики, кукольные туфельки...

Два крохотных следа, оставленные ею в бетоне у Граумана вечером 22 августа 1929 года, — лучшее тому доказательство. Обычно девушки, которые пытаются приложить свои туфли к этим отпечаткам, сразу начинают чувствовать себя великаншами — и в ужасе отходят подальше...

Надо сказать, довольно странное ощущение — оказаться вечером в одиночестве на площади у Граумана, — единственном месте во всем давно почившем, но так и не похороненном Голливуде, где потребители грез могут... сдать товар обратно.

Толпа заметно поредела. Наконец, метрах в семи от себя я разглядел отпечатки Раттиган. И похолодел.

Потому что как раз в этот момент какой-то лилипут в черном плаще и надвинутой по самые брови шляпе подошел и... засунул в них свои ботинки.

— Боже всемогущий, — вслух проговорил я. — Они влезли!

Лилипут стоял и тупо смотрел на свои лилипутские туфли. Пожалуй, это был первый случай за сорок лет, когда в следы Раттиган кому-то удалось поместиться.

— Констанция? — почти шепотом позвал я.

Плечи лилипута вздрогнули.

— Я рядом с тобой, — шепнул я, и это было похоже на рефрен из какой-то песни.

— Ты — один из них? — произнес голос из-под широкополой шляпы.

— Один из кого? — спросил я.

— Ты — смерть, которая меня преследует?

— Вообще-то, я — друг, который пытается тебе хоть как-то помочь.

— Я тебя давно жду... — продолжал голос, в то время как ноги продолжали стоять не двигаясь в бетонных следах Констанции Раттиган — будто приросли к ним.

— Как все это понимать? — спросил я. — Что за безумные догадки? Ты действительно боишься — или просто валяешь дурака?

— Как ты можешь такое говорить! — произнес невидимый голос.

— А что? Что еще я должен думать про все эти ужимки и прыжки? — сказал я. — Между прочим, кое-кто вообще решил, что ты собралась писать мемуары и ищешь себе помощника. Так вот, если ты рассчитываешь на меня — уволь. У меня есть занятие получше.

— Что может быть лучше... чем я? — произнес совершенно упавший голос.

— Ничего, конечно, — и никто... Но скажи, ради всего святого: смерть правда гонится за тобой? Или ты просто пытаешься таким образом изменить свою жизнь — одному Богу известно, в какую сторону?

— Бетонные могилки дялюшки Сида. Они, конечно, лучше. Имена, под которыми ничего нет... Ладно, проехали.

— Может, ты хотя бы повернешься ко мне?

— Так я не смогу говорить.

— Или это новый способ меня заинтриговать? Но я пока так и не понял: наш погребальный сосуд наполовину полон — или наполовину пуст? Эти красные пометки в Книге мертвых сделал кто-то другой — или ты сама?

— Ну, разумеется, кто-то другой! Иначе с чего бы я так перепугалась? Эти мерзкие красные пометки... Я должна была просмотреть их все до одной — найти тех, кто уже умер, и тех, кто пока жив. Пока... Послушай, а у тебя не бывает такого ощущения, что... все уже — сливай воду, отсчет пошел?

— Только не для тебя, Констанция.

— Как раз таки для меня! Иногда вот ложишься спать этакой Кларой Боу⁵⁴, а утром просыпаешься, а вместо нее в зеркале какой-то... Ной, перебравший водки. Скажи, у меня сильно состарилось лицо?

— Да нет, очень даже красиво состарилось.

— А, теперь уж все равно... — Она махнула рукой и посмотрела в сторону Голливудского бульвара. — Когда-то здесь были туристы так туристы. А теперь... Шляются какие-то оборванцы в потертых рубашках. Все кончено, малыш. Венецию засыпали, фуникулер заржавел. Голливуд и Вайн... Да было ли это все вообще?

— Давным-давно... Когда в «Браун-дерби»⁵⁵ на стенах висели портреты Гейбла и Дитрих, когда все метрдотели сплошь были русскими князьями, а к парадному входу в своем двухместном

авто лихо подруливал Роберт Тейлор с Барбарой Стэнвик...⁵⁶ И каждый, кто хоть раз ступал на перекресток Голливуд и Вайн, мог сказать, что наконец-то познал блаженство...

— Красиво говоришь, черт возьми. А хочешь знать, где была мамочка?

Она нырнула рукой под плащ и достала оттуда какие-то газетные вырезки. Я успел разглядеть Калифию и Маунт-Лоу.

— Я был там, Констанция, — сказал я. — Старик погиб под лавиной газет — прямо-таки смерть на тектоническом разломе Сан-Андреаса⁵⁷. Сдается мне, что кто-то специально обрушил на него все эти штабеля. Не слишком почетное погребение. А Царица Калифия? Упала с лестницы... А твой брат — священник? Ты ведь была у всех троих — а, Констанция?

— Я не обязана тебе отвечать.

— Ну, хорошо, давай поставим вопрос по-другому. Ты любишь себя?

— Что...

— Вот послушай. Например, я — себя люблю. Да, черт возьми, я не идеален, но я ни разу в жизни не завалил никого в кровать, пользуясь своим положением. Мне все говорили: живи по полной, отрывайся! А мне это просто ни к чему. Даже если мне все подадут на блюдечке. Чем меньше грехов, тем лучше спится. Конечно, у меня тоже всякое бывало. Однажды, когда еще был маленький, сбежал от бабушки — удрал вперед на несколько кварталов, и она искала меня, пришла домой вся в слезах... До сих пор не могу себе простить. А еще — пнул своего пса, единственный раз в жизни. Прошло уже тридцать лет, а меня все еще мучает совесть. Но все же с таким списком грехов можно спать и видеть нормальные сны...

Констанция все так же стояла в своих бетонных следах.

— Боже мой... — сказала она. — Мне бы твои сны...

— А ты попроси — я тебе одолжу.

— Ты всегда был как ребенок... — сказала Констанция, — наивный, безответный, невинный младенец... За это я тебя и люблю. Что касается меня, то, думаю, это дохлый номер — пытаться получить ангельские крылышки у врат небесных — в обмен на черные грязные кошмары...

— На всякий случай уточни это у своего братца.

— Да что там уточнять... Он уже отправил меня в ад, тут, на днях...

— Ты не ответила на мой вопрос. Ты себя любишь?

— То, что я вижу в зеркале, мне нравится. Но то, что там, в глубине, за зеркалом, честно говоря, меня пугает. Я просыпаюсь от этого по ночам, оно стоит у меня перед глазами... Если бы ты знал, какое оно. Помоги мне...

— Но как? Я же не знаю, что есть что. Где ты, а где твое отражение. Что на поверхности, а что внутри.

Констанция попыталась переставить ноги.

— Погоди-ка, стой пока на месте, — сказал я. — Красный свет... Ты застряла в этом дурацком бетоне. Что же делать?

На моих глазах она с трудом вытащила ноги из туфель.

— О господи, на нас же люди смотрят! — воскликнула она.

— Да нет там никаких людей. Театр закрыт. Фонари еле светят.

— Ты не понимаешь. Мне надо идти. Прямо сейчас.

Я бросил взгляд на парадный вход театра Граумана — он по-прежнему был открыт, и рабочие заносили туда оборудование.

— Это следующий ход, но, черт, как же мне туда попасть?

— Просто дойди.

— Нет, ты не понимаешь. Это как классики. Нужны другие клетки, то есть следы, ведущие к двери. Черт! По какой же цепочке следов мне прыгать?

Она дернула головой. Черная шляпа упала на асфальт. Я увидел бронзовые, коротко остриженные волосы Констанции.

— А если я скажу тебе — иди? — спросил я.

— Я пойду. — Она по-прежнему стояла, глядя перед собой и не поворачиваясь, как будто боялась, что я увижу ее лицо.

— И где мы сможем встретиться снова?

— Бог его знает. Скорее же! Говори — «иди». Они уже близко.

— Кто — они?

— Все... эти. Они меня убьют, если я не убью их первой. Ты же не хочешь, чтобы я умерла прямо здесь? Скажи — не хочешь?

Я поспешно потряс головой.

— Ну, тогда говори: «На старт, внимание...»

— На старт, внимание...

И она пошла.

Она двигалась по площадке зигзагами. Пробежала вправо, потом — влево, потом остановилась, а потом прошагала еще две цепочки — и застыла, как будто дальше — минное поле.

Раздался резкий гудок автомобиля. Я обернулся. Когда я снова посмотрел на вход в Граумана, то увидел, как парадная дверь открыла пасть и проглотила какую-то тень...

Я сосчитал до десяти, чтобы дать Раттиган время уйти, потом наклонился и вытащил из бетонного отпечатка туфли, которые она там оставила. После этого я прошел по первой цепочке следов к тому месту, где она останавливалась. «Салли Симпсон, 1926», — прочитал я, и это имя показалось мне эхом из далекого прошлого.

Затем я проследовал по второй цепочке. «Гертруда Эрхард, 1924». Еще более далекий призрак времени. И, наконец, третья — почти до самого входа. «Долли Дон, 1923. Питер Пэн». Долли Дон? В голове мутной чередой пронеслись десятки лет. Я почти ее помнил...

— Черт... — прошептал я себе под нос. — Дальше — некуда...

И приготовился к тому, что вот сейчас невсамделишный китайский дворец дялюшки Сиды откроет свою черную драконью пасть и скажет «ам».

Глава 21

Я остановился прямо перед ярко-красной дверью, потому что явственно услышал голос отца Раттигана, который прокричал прямо мне в ухо: «Плакать хочется!»

На всякий случай я решил достать Книгу мертвых.

До этого я просматривал только имена и фамилии, а теперь решил поискать по месту. Театр Граумана я нашел на «Г». Там значился адрес и фамилия — Клайд Рустлер.

Рустлер. Насколько я помню, он снимался у Гриффита и Гиш⁵⁸, а ушел из кино в 1920-м после скандальной истории со смертью Долли Димплз⁵⁹ в ванне... Интересно, он еще жив? На бульваре звезд он значится — но там ведь «хоронят» без предупреждения. А потом точно так же вымарывают из истории — в духе дялюшки

Джо Сталина⁶⁰, который всегда использовал для этих целей самое надежное средство — ружье.

У меня подпрыгнуло сердце — его имя тоже было обведено красным, а рядом — два креста.

Раттиган... Я посмотрел в темноту за красной дверью.

Раттиган, это понятно. Но... Рустлер, этот-то здесь откуда? Я уже взялся за бронзовую ручку двери, в то время как чей-то голос пробубнил прямо у меня над ухом:

— Да нечего там тырить...

Голос принадлежал какому-то бомжу — худому, как скелет, одетому во все оттенки серого. Он стоял справа от входа и разговаривал сам с собой. И чувствовал, что я на него смотрю.

— Ладно уж, иди... — прочел я у него по губам. — Терять тебе тоже нечего.

Даже более чем нечего. А могу и выиграть. Дело за малым: раскопать эту чертову китайскую гробницу, набитую катушками с черно-белой пленкой. Войти в вольер, полный сумасшедших птиц. Увернуться от осколков памяти, которые летят из черной дыры экрана и норовят попасть прямо в твою совесть...

Бомж терпеливо ждал, пока у меня закончится приступ саморазрушения воспоминаниями. Я кивнул. Улыбнулся.

И траурная темнота поглотила меня так же быстро, как Раттиган.

ГЛАВА 22

В холле застыла в восковом порыве целая армия китайских носильщиков чая, наложниц и императоров, которые шествовали парадным маршем в никуда.

Одна из восковых фигур подмигнула мне: «Ну, что?»

«Свят, свят», — подумал я. Снаружи дурдом, внутри дурдом, а в качестве бонуса — полуразложившийся Клайд Рустлер, которому вот-вот сравняется сто лет...

Нет, это точно место, откуда сбежало время... Там, снаружи, все уже давно по-другому. Сделай только шаг за дверь — и что ты увидишь? Десятки кинотеатров, где кино смотрят, сидя в ма-

шине и жуя гамбургеры, которые деловито развозят подростки на роликах...

«Ну, что?» — вновь оживился китайский восковой манекен.

Я нырнул в первую дверь, спустился вниз по боковому проходу под балконом и оттуда посмотрел наверх.

Огромный глубоководный аквариум. Наверное, здесь кишат целые стаи пугливых киношных призраков — изредка шарахаясь от шелота киношных выстрелов и уносясь куда-то под потолок, в вентиляцию. «Белый кит» Мелвилла — невидимый, конечно, и «Старик — железный бок»⁶¹, и «Титаник». И мятежный «Баунти»⁶², который отправлен в вечное плавание и уже никогда не доберется до порта... Как по ступенькам, я поднялся взглядом по всем балконам — до самой галерки, в так называемый негритянский рай.

Это было вчера. Мне три года.

Мое сердце замирает от китайских сказок, которые нащептывает мне на ночь моя любимая тетушка. После них мне представляется, что смерть — это такая птица вечная или молчаливый пес во дворе... Я знаю, что мой дед лежит в специальном ящике в похоронном бюро.

— А как же тогда Тутанхамон? — спрашиваю я. — Все говорят, что он восстал из своей гробницы. Скажи мне, чем он так знаменит?

— А тем, что был мертвецом четыре тысячи лет.

— А как это? — спрашиваю я, малыш.

И вот я здесь — в сумрачной гробнице под пирамидой, куда я так мечтал попасть. Я знаю, здесь, прямо под коврами дорожками в проходах, таятся неизвестные захоронения фараонов, полные свежих хлебов и пучков зеленого лука, собранных в дорогу тем, кто уже плывет по реке к Вечности...

Нет, это ни в коем случае нельзя разрушать. Рано или поздно я бы хотел присоединиться к этим уважаемым мертвым людям.

— Это вам не кладбище Грин-Глейд, — произнес рядом со мной очередной восковой китаец, который, видимо, читал мои мысли.

Или это я говорил вслух.

— А когда был построен театр? — тихо уточнил я.

В ответ антикварное изделие из воска разразилось целой лекцией — коротенько, дней на сорок, как Вавилонский потоп:

— Построили его в двадцать первом году — одним из первых. В то время здесь не было ничего. Пальмы, несколько фермерских домов, какие-то коттеджи, грязные улицы... Да еще парочка бунгало — специально, чтобы заманить сюда Дуга Фербенкса, Лилиан Гиш и Мэри Пикфорд⁶³. Ведь радио — это что? Жалкая детекторная коробка с наушниками. Разве через нее можно услышать зов будущего? Мы открыли людям нечто большее. Народ стал ходить к нам пешком аж с самого Мелроуза. Целые караваны киношных фанатов тянулись сюда каждую субботу. Тогда еще кладбище не начиналось от Гауэра и Санта-Моники. Оно разрослось позже — когда у Валентино в двадцать шестом году лопнул аппендикс⁶⁴. На открытие к Грауману прибыл сам Луис Б. Майер⁶⁵, прямо из зоосада в Линкольн-парке, да-да, откуда у МГМ лев. Кстати, он был без зубов, несмотря на всю свою свирепость. Конечно же, тридцать танцующих девушек — куда без них? Уилл Роджерс⁶⁶ вместе со своими веревками. Трикси Фриганца⁶⁷ спела здесь свое знаменитое «Мне все равно», а потом — раз, и погасла — снялась всего один раз, и то статисткой — в 1934 году, в одном из фильмов Свенсон⁶⁸. А еще, если вам интересно, спуститесь в подвал. Там, в одной из старых раздевалок, сохранилось дамское нижнее белье — еще со времен, когда толпы девиц умирали от любви к Лоуэллу Шерману. Помните, был такой красавчик с усами — скончался от рака в тридцать четвертом... Вы слушаете?

— Клайд Рустлер, — невпопад произнес я.

— Боже праведный! Кто-то его еще помнит! Видите, вон там наверху — старая кинорубка? Его там похоронили заживо в двадцать девятом, когда построили новую аппаратную на втором ярусе.

Я поднял взгляд туда, где тихо кружили призраки тумана, дождя и снега в Шангри-Ла, и попытался понять, кто из них верховный лама.

— Лифта нет, — предупредил мой спутник. — Двести ступенек!

Мне предстояло долгое восхождение без шерпа-проводника — среднее фойе, бельэтаж, потом балкон, потом еще один балкон... Три тысячи сидений. Господи, как это возможно? А если они при-

дут, все три тысячи? И каждый восьмилетний шкет будет выбегать пописать раз в полчаса?

Я устремился наверх.

Наверное, там, на самой вершине, меня должно было ждать обновление и очищение. Но вместо этого примерно на середине пути я сдох и почувствовал себя старой развалиной.

Глава 23

Наконец я добрался до темной стороны Эвереста и постучал в дверь старой кинорубки.

— Это... ты? Я угадал?! — в ужасе прокричал чей-то голос.

— Нет, — тихо сказал я. — Это всего лишь я. Пришел на последний дневной сеанс — сорок лет спустя.

Это гениальный ход — просто выbleвать свое прошлое.

— Скажи пароль.

Голос за дверью звучал уже спокойнее.

— Том Микс и его конь Тони⁶⁹. Хут Гибсон⁷⁰, Кен Мейнард⁷¹. Боб Стил⁷². Хелен Твелтвтриз⁷³. Вильма Бэнки...⁷⁴

— Пойдет.

Еще немного тишины. Наконец, по ту сторону двери зашевелился гигантский паук. Взвизгнули петли. Я увидел знакомую серебристую тень — как будто с экрана сошел один из черно-белых призраков, мелькавших там когда-то давно, еще в прошлой жизни.

— Никто досюда не доходит, — сказал он.

— Никто?

Этот призрак был стар даже для старика. Казалось, от времени у него засеребрились не только волосы, но и лицо, и одежда. За семьдесят лет, проведенных на вершине, он полностью вышвел, бесконечно просматривая то, чего в реальности нет...

— Никто и никогда не стучится в мою дверь. Никто не знает, что я здесь. Даже я сам.

— Вы действительно здесь. И вы — Клайд Рустлер.

— Я?! — Он был близок к тому, чтобы начать ошупывать свою одежду и хлопать себя по плечам.

— Кто вы? — Он вытянул шею, как черепаха из панциря.

Я назвал свое имя.

— Никогда о вас не слышал. — Он бросил взгляд на темный экран. — Вы один из них?

— В смысле, умерших звезд?

— О да... Эти иногда приходят. Вчера вот Фербенкс заходил.

— Это который Зорро, д'Артаньян, Робин Гуд? Он хоть постучался?

— Царапался в дверь. У мертвых свои сложности. Так вы заходите или нет?

Я поспешил войти, пока он не передумал.

Комната, уставленная кинопроекторами, направленными в пустоту, напоминала погребальный покой в особняке Чун-Кинг. Кажалось, воздух здесь навсегда пропитался пылью, грязью и едким запахом киноплёнки. Стул был всего один — старик ведь говорил, что к нему никто не заходит.

Я принялся рассматривать густонаселенные стены. На них висело десятка три фотографий — какие-то в дешевых рамках из универмага «Вулворт», какие-то — в серебряных. Просто — вырезки из старых номеров «Серебристого экрана». Здесь было множество женщин — и ни одна не повторилась...

Самый старый из стариков сморщил лицо в подобие улыбки.

— Вот они, мои цыпочки — еще из тех времен, когда действовал мой вулкан...

Он прищурился, пытаясь разглядеть мое лицо сквозь густую сетку своих морщин, с тем самым выражением, какое бывает у человека, когда он лезет с утра в холодильник за смешанным накануне мартини.

— Приходится запирать дверь. Я подумал, может, это вы — тот, кто поднял весь этот хай...

— Не я.

— Значит, кто-то другой. А больше никто и не приходил, с тех пор как умер Лоуэлл Шерман.

— Зимой 1934-го. За десять минут — от двух болезней сразу. Рак и пневмония.

— Об этом же никто не знает! — воскликнул старец.

— Как-то в субботу, это было как раз в тридцать четвертом, я пошел в «Колизей» на футбол⁷⁵ и перед матчем катался на ро-

ликах. И увидел там Лоуэлла Шермана, он беспрерывно кашлял. Я тогда взял у него автограф и сказал: «Берегите себя». А через два дня он умер.

— Лоуэлл Шерман... — Он посмотрел на меня, и глаза его блеснули. — Пока вы живы, он тоже жив.

Клайд Рустлер рухнул на свой единственный стул и снова вцепился в меня взглядом.

— Лоуэлл Шерман... Вы-то, скажите мне, зачем притащились сюда, на верхотуру? Так ведь можно и умереть по дороге. Сам дядюшка Сид поднимался сюда раза два, не больше... Потом сказал — нет уж, хватит — и построил нормальную большую аппаратную на пару километров ниже, в реальном мире, если таковой существует. Я лично там не бывал... Что?

Он перехватил мой взгляд, блуждающий по стенам его доисторического жилища от одного вечно молодого лика к другому.

— Хотите, представлю вам моих маленьких хищных кошечек?

Он подался всем корпусом вперед и протянул руку.

— Эту звали Карлотта, или Мидж, или Дайана. Горячая испанская штучка... Кулиджевская Деваха в своей юбке до пупа...⁷⁶ Царица римская из молочной ванны Де Милля...⁷⁷ Женщина-вамп, ее звали Иллиша... Машинистка по имени Перл... Тенисистка из Англии — Памела. Или — Сильвия? Держала нудистскую мухоловку в Шайенне. Некоторые звали ее «Холодная Ханна, вампирша Саванны». Одевалась как Долли Мэдисон⁷⁸, пела в «Чаше на двоих», в «Чикаго»⁷⁹, выскакивала из раковины — как будто она жемчужина рая, сам Фло Зигфелд⁸⁰ был от нее без ума. В тринадцать лет отец чуть не застрелил ее за неподобающее возрасту поведение — Уилла-Кейт. Работала в китайской забегаловке — Лайла Вонг. Победила на конкурсе красоты в Кони-Айленде, двадцать девятый год — собрала больше голосов, чем сам президент. Хороша Уилла — да не наша. Сошла с ночного поезда в Глендейле — Барбара Джо, и чуть ли не на следующий день возглавила Glory Films — Анастасия-Элис Граймз...

Он замолчал. Я поднял на него взгляд.

— Ну что, вот мы и добрались до Раттиган... — сказал я.

Клайд Рустлер вжался в стул.

— Вы сказали, что к вам уже много лет никто не заглядывал. Но сегодня... она ведь приходила к вам, не так ли? Вероятно, чтобы посмотреть вашу экспозицию. Приходила — или нет?

Старец уставился на свои пыльные руки, после чего медленно приподнялся и дунул в латунный свисток специальной трубы, встроенной в стену, по принципу мусоропровода — такие используют на подводных лодках, чтобы свистом вызывать кого нужно на другом конце и заказывать еду.

— Лео? Вина мне! Два доллара на чай!

Из горла трубы раздался искаженный связью голос:

— Вы ведь не пьете!

— А сейчас хочу выпить. И хот-догов!

Латунный раструб что-то проскрипел и умолк навеки.

Древнейший удовлетворенно крикнул и в молчаливом ожидании уставился на стену. Несчастные пять минут тянулись как пять столетий. Пока мы ждали, я достал блокнот и переписал туда имена с фотографий. Наконец мы услышали характерный звук, с которым обычно хот-доги и вино ездят в кухонном лифте. При этом Клайд Рустлер так насторожился, как будто уже успел напрочь забыть о том, что у него в стене проходит труба. Возня со штопором, которым он открывал вино, присланное с нижнего этажа ангелом по имени Лео, отняла у него запредельное количество времени. Стакан был только один.

— Один, — пожав плечами, извинился он. — Давайте сначала вы. Я заразиться не боюсь.

— Мне нечем вас заражать. — Я выпил и передал ему стакан. Он тоже выпил — и прямо на глазах размяк.

— А теперь, — сказал он, — предлагаю вам посмотреть, что я смонтировал из старых пленок. Спросите зачем? На прошлой неделе кто-то позвонил мне с Большой земли. Какой-то знакомый голос. Знаете, когда-то у Гарри Кона⁸¹ была сиделка, которая никогда не говорила «да» — она всегда говорила: «Да-да-да, Гарри, конечно!» Так вот, сказали, что ищут Робина Локсли. Робина Гуда. В смысле, Робина из Локсли. А я вспомнил, что была одна актриса, которая взяла себе такой псевдоним. Зря старалась — все равно сгинула где-то в замке Херст или на его задворках... И вот теперь какой-то голос — столько лет прошло — и спрашивает Локсли. Я испугался. Просмо-

трел все катушки, откопал один фильм, в котором она снялась в двадцать девятом году, уже во времена нормального звука. Посмотрите.

Он вставил пленку в проектор и включил подсветку. В нижней части большого экрана высветлилось пятно изображения.

На экране прыгает и кружится цирковая бабочка — красиво взмахивает прозрачными крыльями, расточает улыбки и смех... А через минуту — не менее красиво убегает, преследуемая белыми рыцарями и черными злодеями.

— Узнаете?

— Нет.

— Так, даю еще одну попытку!

Он запустил пленку. На ней дымились какие-то костры в снегу, а на их фоне русская аристократка томно курила длинные сигареты и терзала носовой платок — как будто кто-то уже умер или умрет в следующем кадре.

— Ну что? — с надеждой спросил Клайд Рустлер.

— Нет.

— Попробуем еще раз!

Проектор выбросил в темноту: 1923. Мальчик а-ля Том Сойер карабкается на дерево за яблоками, поворачивается в кадр, смеется, при этом под рубашкой проступают буторки — и это явно не яблоки.

— Том-Сойерша... Кто такая — ума не приложу.

Старец вывалил на экран по очереди еще штук пятнадцать образов — начал 1925-м, а закончил 1952 годом. Здесь были все — женщина-загадка, мисс Очевидность, добрая фея, мерзкая ведьма, сумасбродка, вещь в себе, красавица, простушка, серая мышь, хитрая лиса и святая невинность...

— Никого из них не узнали? Черт! Так ведь можно и голову сломать. Все пытаюсь вспомнить, зачем я сохранил эти дурацкие пленки... Видите — кто перед вами сидит! Вы хоть представляете, сколько мне лет?

— Девяносто — девяносто пять — что-то около этого?

— Десять тысяч — не хотите? Помните корзинку, которая плыла по Нилу? Так это меня в ней нашли. Я — спустился с холма со скрижалями. И неопалимую купину — тоже я. И когда Марк Антоний повелел: «Спустите псов войны», думаете, кто их спу-

стил в таком количестве? Или это все просто чудеса? Верите ли — ночью спать не могу, все стучу себя по голове, пытаюсь собрать мозги в кучу. Но каждый раз, когда уже вроде совсем что-нибудь вспомнишь, только чуть повернешь голову, случайно — и мозги опять растекаются, как кисель... Черт знает что! Так вы точно никого и ничего не вспомнили? И на фотографиях тоже? Очень странно все это. Прямо детектив какой-то!

— Вот и я про то же. Я, собственно, из-за этого и тащился к вам сюда — пытаюсь идти по следу. А может быть, тот самый голос по телефону...

— Какой голос?

— Голос Констанции Раттиган, — сказал я.

Я подождал, пока у него перед глазами осядет туман.

— А она-то тут при чем? — спросил он.

— Может быть, она что-то знает. Последний раз, когда я ее видел, она стояла в бетонных отпечатках собственных ног.

— Вы думаете, она может знать, что это за лица, что значат все эти фамилии? Погодите... Голос под дверью... Так, кажется, это было сегодня... Нет, нет — не вчера. Ну да, сегодня, она сказала: отдайте их!

— Кого — их?

— Не кого, а что. Как вы думаете, много ли здесь того, что я мог бы отдать?

Я посмотрел на картинки, развешанные по стенам. Клайд Рустлер перехватил мой взгляд.

— Кому они могли понадобиться... — сказал он. — Абсолютно ничего ценного. Даже я уже теперь не помню, какого черта я их сюда прицепил. То ли чьи-то жены, то ли девицы из бывших...

— А сколько их у вас?

— Пальцев на руках не хватит.

— Значит, Констанция хотела их у вас заполучить. Может — из ревности?

— Констанция? Может! Кто-то имеет привычку хамить за рулем на улице, а она лихачит, прыгая из койки в койку. Ей нужно обязательно всех распахать локтями, а еще лучше задавить или взорвать. Всех моих цыпочек, всех до одной... Ну, ладно. Допивайте вино. У меня куча дел.

— Интересно, каких?

Вместо ответа он снова принялся перематывать свои пленки в проекторе, явно настроившись не менее чем на тысячу и одну ночь волшебных сказок из прошлого.

Я еще раз прошелся вдоль стены, лихорадочно переписывая имена с фотографий, после чего сказал:

— Если Констанция придет еще раз, вы сможете дать мне знать?

— Если она явится сюда за фотографиями?! Спущу ее с лестницы.

— Кое-кто уже грозился это сделать — правда, на лестницы не разменивался. Пообещал сразу в преисподнюю. А вы-то за что ее так?

— Наверняка ведь есть какая-то причина... Надо только вспомнить! Так зачем, вы говорите, сюда пришли? И как вы меня назвали?

— Клайд Рустлер.

— Ну да. Он самый. Теперь вспомнил. А вы знаете, что я отец Констанции?

— Что?!

— Отец Констанции. Я думал, я вам говорил. Ладно, идите. Доброй ночи.

Я вышел и закрыл дверь, оставив за ней неизвестно чьи лица на стенах, запечатленные неизвестно кем.

Глава 24

Спустившись в зал, я прошел его до конца и посмотрел вниз. Потом шагнул в оркестровую яму, добрался до задней стены — и через дверь взгляделся в глубину длинного вестибюля, где одна крошечная ночь сменяла другую, сгущаясь в черную точку где-то вдаль, в районе заброшенных гардеробных.

Ужасно захотелось выкрикнуть имя... Прямо туда.

Но что, если она... ответит?

Темнота в коридоре была такой густой, что в ней мерещился шум моря или ход невидимой реки.

Я занес было ногу, чтобы сделать шаг вперед, но быстро передумал и вернул ее на место.

Черный океан продолжал шуметь, и кромка берега убегала куда-то в бесконечность...

Я развернулся и поспешил покинуть царство вечной тьмы — скорее наверх, через оркестровую яму, потом в проход между рядами сидений, на которых никто не сидит, к двери, за которой, на что я очень надеялся, обнаружится синее вечернее небо...

Я отнес неправдоподобно маленькие туфли Раттиган к ее отпечаткам и стал осторожно пристраивать их на место.

И в этот момент почувствовал, как на плечо мне легла рука моего ангела-хранителя.

— Да ты, брат, воскрес из мертвых... — сказал Крамли.

— Воистину воскрес... — сказал я, оглядываясь на красные врата граумановского театра, за которыми массово роились кинопризраки.

— Она там, — свистящим шепотом сказал я, — и я ума не приложу, как ее оттуда вытащить.

— Думаю, небольшого денежного взрыва будет достаточно.

— Крамли!

— Ой, извини, я и забыл, что мы говорим о Флоренс Найтингейл...⁸²

Я отошел в сторону, чтобы Крамли смог получше разглядеть крохотные туфельки Раттиган — в следах, оставленных ею на бетоне миллионы лет назад.

— Прямо скажем, не рубиновые башмачки Дороти...⁸³ — вынес свой приговор он.

Глава 25

Тихим теплым вечером мы ташились через весь город домой. Всю дорогу я рассказывал сказки про бескрайний черный океан, который шумит в коридорах театра Граумана.

— Там есть целый цокольный этаж с бывшими раздевалками. Думаю, в них можно откопать раритеты, которые хранятся и с двадцать пятого года, и с тридцатого. Что-то мне подсказывает, что она именно там...

— Лучше бы это что-то захлопнуло свою пасть, — сказал Крамли.

— Надо, чтобы кто-нибудь спустился туда и проверил.

— А сам что — боишься?

— Ну, не то чтобы...

— Значит, боишься! Тогда молчи и смотри за дорогой.

Наконец мы приехали к Крамли. Там он приложил мне ко лбу холодное пиво.

— Подержи вот так — пока не почувствуешь, что излечился от слабоумия.

Я не сопротивлялся. Крамли включил телевизор и принялся щелкать по каналам.

— Даже не знаю, какое из зол хуже — твой словесный понос или региональные новости.

— Отец Шеймус Раттиган... — донеслось вдруг с экрана.

— Оставь! — закричал я.

Крамли вернул предыдущий канал.

— ...в соборе Святой Вивьяны.

Последовали треск статического разряда и снежная буря телевизионных помех.

Крамли принялся стучать по вероломному ящику кулаком.

— ...от естественных причин. Ему сулили должность кардинала...

Экран пронзила короткая снежная агония, после чего телевизор слох уже окончательно.

— А я ведь собирался сдать его в починку... — вздохнул Крамли.

В этот же момент мы оба уставились на телефон, мысленно заклиная, чтобы он зазвонил.

И разом подпрыгнули на месте.

Потому что он действительно зазвонил!

ГЛАВА 26

Звонила женщина — ассистент отца Раттигана, Бетти Келли, — оказывается, уже третий раз. Из ее бессвязной речи я понял, что она просит о помощи.

Я предложил тот вид помощи, который был доступен прямо сейчас, — приехать на место.

— И, пожалуйста, поскорее — иначе я тоже умру, — взмолилась она.

Когда мы с Крамли подъехали к собору Святой Вивианы, Бетти Келли, глубоко погруженная в себя, ждала нас на улице. Нам пришлось постоять, прежде чем она обратила на нас внимание. Наконец, она слабо махнула нам рукой, после чего снова опустила взгляд в землю. Мы подошли и встали рядом. Я представил ей Крамли.

— Мои соболезнования, — сказал я.

Она подняла голову.

— Значит, это вы говорили тогда с отцом Раттиганом! — вздохнула она. — Прошу вас, ради всего святого, давайте зайдем внутрь.

Главный вход уже закрыли на ночь, нам пришлось заходить через боковую дверь. Едва оказавшись внутри, Бетти Келли покачнулась и едва не упала в обморок. Я подхватил ее и усадил на скамью, чтобы она пришла в себя.

— Мы торопились, как могли, — сказал я.

— Вы его знали? — почти шепотом спросила она. — Извините, если что-то путаю. Или у вас просто были общие знакомые или друзья?

— Родственники. С той же фамилией.

— Раттиган! Это она его убила. Подождите... — Она схватила меня за рукав, потому что я сразу вскочил на ноги. — Сядьте, — прошипела она. — Это не было убийство в прямом смысле этого слова. Но все равно — это она его убила.

Я похолодел и в изнеможении прислонился к стене. Крамли отошел в сторону. А Бетти Келли схватила меня за локоть и зашептала свистящим шепотом прямо мне в ухо:

— Знаете, она приходила сюда — иногда даже по три раза на дню — и там, в исповедальне, сначала бормотала, а потом начинала биться в рыданиях... После ее ухода бедный отец Раттиган выглядел так, как будто его подстрелили... А она просто изводила его, сидела, пока он уже не валился с ног от голода. Он потом даже есть не мог — только глушил спиртное. Приходилось и одну ее там оставлять, чтобы прооралась... Я потом проверяла кабинку — ушла или нет. Так там запах гари оставался — как после удара молнии... Она все время кричала одно и то же.

— Что?

— Прямо в голос кричала: «Я убиваю их! И буду убивать, пока они все не передохнут! Помоги же мне убить их, благослови их души! Я их всех добыю. Всех! Вон из моей жизни! Только так, только так, святой отец, я смогу очиститься! Помоги мне схоронить их так, чтобы они больше не вернулись! Помоги!» А он ей в ответ: «Сгинь! Прочь! Что ты от меня хочешь?!» — «Помоги мне от них избавиться, помолись за них, чтобы они не приходили ко мне! Обещай мне!» А он ей тогда крикнул: «Вон отсюда!!!» — И началось уже полное непотребство.

— Что?

— Она проорала ему: «Будь ты проклят, проклят, проклят! Проваливай в ад!» И так громко, что люди из церкви разбежались. И опять — рыдания. Святой отец у себя в кабинке сразу же замолчал — я думала, он просто в шоке. А потом я услышала ее шаги, в потемках. Подождала, думала, отец Раттиган скажет что-нибудь — но он все молчал. И тогда я решилась открыть дверь. Он был там. И он молчал, потому что был уже... мертвый...

По ее щекам полились слезы.

— Бедный святой отец, — сказала она. — Даже у меня от этих страшных слов чуть не остановилось сердце... А у него — действительно остановилось. Надо найти эту мерзавку. Пусть возьмет свои слова обратно, чтобы он мог жить дальше... Господи, что же это я говорю? Нет, он прямо как подкошенный там лежал — как будто она разом выкачала из него всю кровь. Вы ее знаете? Расскажите, расскажите ей, что она наделала... Ну, ладно. Ну, все — я все вам сказала, освободилась. Теперь вы сами думайте, как очиститься. Уж извините, что я на вас это выплеснула.

Я с тревогой взглянул на свой костюм, как будто ожидал увидеть на нем следы блевотины или помоев.

Крамли подошел к исповедальне, открыл обе двери и заглянул в темноту кабинок. Я со вздохом последовал за ним.

— Чувствуете этот запах? — спросила Бетти Келли. — Он до сих пор остался. Я сказала кардиналу, что надо сломать эту исповедальню, а потом сжечь.

Я еще раз принюхался и уловил легкие оттенки гари и огня Святого Эльма.

Крамли закрыл двери.

— Не поможет, — сказала Бетти Келли. — Она все равно еще здесь... Бедная, бедная его душа! Есть же поговорка — «устал до смерти», а он и правда — так сильно устал, что взял и умер. Два гроба рядом, Господи, спаси. Совсем я вас вымотала. Вид у вас прямо как у отца Раттигана...

— Не надо, пожалуйста, так говорить, — упавшим голосом попросил я.

— Ладно, не буду, — сказала она.

После этого Крамли заботливо, как инвалида, повел меня к выходу.

Глава 27

Я не мог ни спать, ни бодрствовать, ни писать, ни вообще — думать. В конце концов, от всей этой мешанины у меня вскипели мозги, и уже глубокой ночью я решил еще раз позвонить в Святую Вивиану.

Когда Бетти Келли все-таки подняла трубку, голос у нее был такой, как будто она только что вернулась из камеры пыток.

— Не могу... говорить!

— Одну минуту! — взмолился я. — Скажите, вы помните все, что она выкрикивала в исповедальне? Может быть, было еще что-нибудь... важное, существенное? Или странное?

— Да ничего такого... — сказала Бетти Келли. — Слова как слова. Хотя нет, погодите... Она еще все время повторяла: ты должен простить нас всех! Всех-всех! При этом в исповедальне никого, кроме нее, не было. А она говорила — всех нас. Вы слушаете?

— Слушаю, — очнулся я.

— Вам еще что-нибудь нужно?

— Пока нет.

И я повесил трубку.

— Всех нас... — прошептал я. — Простить всех нас!

Я позвонил Крамли.

— Можешь ничего не говорить... — проявил интуицию он. — Уснуть не получилось. Поэтому ты хочешь через час встретиться у Раттиган. Чтобы обыскать дом. Так?

— Ну да, небольшой дружеский налет...

— Налет, говоришь... И что, у тебя есть какая-то конкретная идея? Или просто шило в заднице?

— Просто здравый смысл.

— Засунь-ка его себе знаешь куда? — сказал Крамли и отключился.

— Кажется, с вами не хотят говорить? — обратился я к собственному отражению в зеркале.

— Это с тобой не хотят говорить, — ответило зеркало.

Глава 28

Зазвонил телефон. Я осторожно снял трубку — как будто она была из раскаленного металла.

— Это ты, Марсианин? — спросил голос на том конце провода.

— Генри! — заорал я.

— Да, это я, — сказал голос, — твой маленький цветной брат. Конечно, не такой зеленый, как ты, — и не из летающей тарелки. Извини, тупая шутка.

— И нисколючки... не тупая! — дрогнувшим голосом произнес я.

— Э, э! — осадил меня Генри. — Если ты там будешь распускать нюни, я отключаюсь.

— Не буду, — шмыгнул носом я. — Боже мой, Генри, как же я рад слышать твой голос!

— И много еще у тебя в закромах этих кисломолочных любезностей? Может быть, мне тоже сказать тебе что-нибудь учтивое? Я могу.

— Не надо, Генри. Я и так по уши в дерьме. Мэгги уехала на восток. Конечно, я здесь не один, а с Крамли, но...

— Можешь не продолжать, я понял. Срочно требуется слепой поводырь, который поможет тебе выбраться из кучи дерьма. Подожди минутку, сейчас достану платок... — Он шумно высморкался. — Ну, и когда тебе потребуется мой всевидящий нос?

— Вчера.

— Какая удача. А я как раз тут, неподалеку. В Голливуде, гу-жуюсь со всякой чернотой.

— Знаешь Китайский театр Граумана?

— Еще бы.

— Через сколько ты смог бы там быть?

— А через сколько тебе надо — тогда и буду. Встречаемся у Билла Робинсона⁸⁴ в ботинках для степа. Что — пойдем на кладбище?

— Типа того.

Я позвонил Крамли и сообщил о своих перемещениях. Сказал, что до Раттиган доеду чуть позже, но зато притащу с собой Генри.

— Слепой в поводьях у слепого, так-так, — сказал Крамли.

Глава 29

Он стоял точно там, где и обещал: в оттисках «неподражаемых» танцевальных туфель Билли Робинсона, когда-то сошедшего с негритянской галерки в центр парадной площади, чтобы тысячи белых проходили мимо и кланялись.

Стоял прямо и неподвижно — и только ноги в отпечатках Робинсона слегка притоптывали — как бы сами собой. Глаза прикрыты, рот — тоже, чтобы где-то там, внутри, наслаждаться картинами воображения.

Я встал прямо перед ним и сделал короткий выдох.

Рот Генри ожил.

— Ага! Риглис-гам — двойная мята — с нею жизнь вдвойне богата! Кто не верит — выйди вон! — Он со смехом взял меня за локти. — Да ты неплохо выглядишь, брат! Это я тебе не глядя говорю. А голос у тебя всегда был как у чуваков, которые на экране.

— Сказывается привычка нырять в кино с головой...

— Ну, дай же я тебя помну, братишка. Ага, чую, без пива тут не обошлось...

— Ты выглядишь просто шикарно, Генри.

— Мне самому всегда было интересно — как я выгляжу...

— Примерно так же, как Билл Робинсон бил степ.

— Кстати, я правильно попал в его туфли? Только не говори «нет»!

— Абсолютно точное попадание. Спасибо, что пришел, Генри.

— А как не прийти? Уже лет сто носа на кладбище не совал. Могилки уже по ночам сняты. А что здесь за кладбище, брат?

Я оглянулся на псевдовосточный фасад театра Граумана.

— Кладбище призраков. Я сам их так назвал, когда мне было лет шесть. Был в кино, прокрался за экран — и увидел всех этих черно-белых тварей изнутри. Представляешь, перед тобой огромный Фантом⁸⁵, который играет на органе, а потом сбрасывает маску и вырастает еще больше, во весь экран, и хочет убить тебя взглядом... И все это движется прямо у тебя перед глазами — серое, полуразмытое... И ты знаешь, что эти актеры давно умерли... Что они — настоящие призраки. И они прямо рядом с тобой...

— И ты рассказал об этом своим предкам?

— Обижаешь.

— Благоразумный мальчик... Чем-то таким восточным потянуло. Мы уже у Граумана? Сразу чувствуется. Не какая-нибудь тебе дешевая забегаловка.

— Сюда. Давай подержу дверь.

— Э, да тут темнотища. Фонарик взял? Надо всегда ходить и размахивать фонариком, чтобы все думали, что ты крутой.

— Вот фонарь, Генри.

— Говоришь, призраки?

— Тридцать лет по четыре сеанса в день.

— Не надо придерживать меня за локоть. Я так чувствую себя беспомощным. А если упаду, лучше сразу пристрели!

И он пошел сам, почти не касаясь кресел, по направлению к оркестровой яме и дальше — туда, где шумел бескрайний черный океан.

— Здесь что — еще темнее? Дай-ка включу фонарик.

Он нажал на кнопку.

— Ну вот, — улыбнулся он. — Так-то лучше.

Глава 30

В цокольном этаже совсем не было освещения. И по всему коридору — комнаты, комнаты, комнаты... Все увешанные зеркалами, в которых множились и дробились блики. И пустота — целое море безжизненной пустоты...

Мы вошли в первую, самую большую. Генри встал посередине и пустил луч фонаря по кругу, как будто это был луч маяка.

— Да тут и правда их полно...

Луч захлебнулся и потонул в океанских глубинах.

— И они здесь другие — чем наверху. Словно еще призрачнее. Меня всегда смущали зеркала и то, что принято называть отражением. Как будто это ты — но еще один... Где-то там, подо льдом, метра полтора в глубину... — Генри протянул руку и коснулся зеркальной поверхности. — Эй, есть тут кто?

— Только ты, Генри, — ты и я.

— Проклятье... Хотел бы я знать это наверняка.

Мы двинулись вдоль холодной череды зеркал.

И они, призраки, не заставили себя ждать. Причем не просто призраки. Вполне реальные надписи. На зеркалах. Наверное, я чересчур порывисто вздохнул, потому что Генри направил фонарик мне в лицо.

— Что — увидел там что-то, чего я не вижу?

— Да, черт возьми!

Я протянул руку к мертвяще-холодному окну в другое время.

На пальце остался след древней губной помады.

— Ну? — Генри наклонился вперед, как будто пытался что-то рассмотреть. — Что там?

— Марго Лоренс, R. I. P.⁸⁶, октябрь, 1923.

— Кто-то прикопал ее здесь, за зеркалом?

— Не думаю. Вон там, выше на целый метр, еще одно: Хуанита Лопес, лето двадцать четвертого.

— Ни о чем не говорит.

— Следующее зеркало: Карла Мур, Рождество, двадцать пятый год.

— Есть! — сказал Генри. — Эту я помню. Фильм был немой, но один мой зрячий дружок читал мне титры. Точно — Карла Мур! И не в последней роли.

Я посветил фонариком.

— Элеонора Твелвтриз, апрель двадцать шестого, — прочитал я.

— Помнишь, «Кот и канарейка»⁸⁷ — но, кажется, там была... Хелен Твелвтриз?

— Может, это ее сестра? А может, и нет. Трудно сказать, когда кругом сплошные псевдонимы. Люсиль Лесюэр стала Джоан Кроуфорд⁸⁸, Лили Шошуан — Клодетт Кольбер⁸⁹, Глэдис Смит —

Кэрл Ломбард⁹⁰. А Кэри Грант⁹¹ на самом деле был Арчибальдом Личем.

— Тебе пора вести телевикторину. — Генри вытянул руку. — А там что?

— Дженнифер Лонг, двадцать девятый год.

— Она ведь, кажется, не умерла?

— Ну да, она пропала. Примерно тогда же, когда ангелы спели аллилуйя сестричке Эйми⁹².

— Много их там еще?

— Столько же, сколько зеркал.

Генри облизнул палец.

— А помада-то ничего! Отлично сохранилась. А какого цвета?

— Эта — «Оранж», от Tangee. А это «Летний зной», от Coty, а вот эта — Lanvier, «Вишня».

— Интересно знать, для чего эти милые дамы написали здесь свои имена и даты смерти?

— Боюсь, Генри, что это сделали вовсе не сами «милые дамы»... Все это дело рук одной-единственной милой... женщины.

— Женщины, но не дамы? Ага... Подержи-ка мою трость, я должен подумать.

— У тебя же нет трости, Генри.

— Правда, забавно, когда твоя рука ощущает предметы, которых нет? Ну, ладно. Хочешь, чтобы я сам догадался?

Я молча кивнул — зная, что Генри этого не увидит, но все равно вычислит по движению воздуха. Мне хотелось, чтобы он сам произнес это имя — именно он. Генри лучезарно улыбнулся — и зеркала ответили ему не менее чем сотней улыбок.

— Констанция... — Он дотронулся до холодного зеркала. — Та самая Раттиган.

ГЛАВА 31

Генри еще раз провел пальцем по красному следу от помады, после чего дотронулся до губ.

Потом перешел к следующей надписи и попробовал ее на язык.

— Между прочим, вкус разный, — сказал он.

— Так же, как и у женщин... — заметил я.

— Все возвращается...⁹³— Он прищурил глаза, как будто смотрел куда-то вдаль. — Господи, сколько женщин прошло через мои руки и через мое сердце. Я их не видел — они приходили, уходили... И у каждой был свой запах. А теперь — все возвращается. Все просто ходит по кругу. У меня такое чувство, что я сосуд, который заткнули пробкой.

— У меня тоже такое чувство.

— Брось! Крамли говорит, если ты отвинчиваешь вентиль, лучше отойти в сторонку. Ты у нас пацан что надо.

— Я не пацан!

— Вот-вот... Именно так говорят пацаны лёт в четырнадцать, когда у них ломается голос и начинают расти усы.

Он снова вернулся к зеркалу, тронул пальцем помадный след и уставился незрячим взглядом на остатки древнего вещества.

— Значит, думаешь — Констанция?

— Не думаю — чую.

— Чуйка у тебя мощная, нечего сказать... Это я еще по твоей писанине понял — мне читали. Знаешь, маманя моя как говорит? «Одна хорошая чуйка — лучше, чем два мозга». Народ-то все больше мозгом пользуется — вместо того чтобы прислушаться к тому, что сидит под ребрами. Как его там? Гонг... нет, ганг... Ганглий, что ли? Но маманя по-другому его называет — паучок внутри. Как только она видит какого-нибудь долбаного политика, у нее сразу открывается чуйка — где-то в районе желудка. Если паук там шебуршит, то она улыбается, и это значит — да. А если сжимается в комочек, то она глаза прикрывает, это значит — нет. И у тебя эта штука тоже есть. Моя мать тебя сразу раскусила, по книжкам. Говорит, рассказы у него странные (по-моему, она хотела сказать — страшные), и пишет он их не серым веществом. И он умеет дергать своего паука за лапки — вот что сказала моя... маманя. «Этот парень никогда не будет болеть, его никогда никто не отравит, потому что он все выблюет, и он знает, как растормошить своего паука». А еще сказала — этот не станет по ночам заниматься всяким непотребством, чтобы состариться молодым. Он мог бы стать хорошим врачом — кто знает, как найти болячку, вырвать ее, а потом выбросить.

— Она что, правда так говорила? — У меня покраснели щеки.

— Такая у меня маманя. Родила двенадцать детишек, скорила шестерых — остальных вырастила. Два мужа, один — дурной, другой — хороший. Во всем до тонкости разбиралась, знала даже, на каком боку надо лежать в постели, чтобы запора не было...

— Жаль, что я не был с ней знаком...

— Она всегда здесь... — Генри приложил ладонь к груди.

Затем он снова взгляделся в невидимые зеркала и, вынув из кармана черные очки, протер их и надел.

— Так получше. Черт. Раттиган с этими надписями... она что — совсем там съехала? Хотя положи руку на сердце — была ли она когда-нибудь нормальной?

— Бывает иногда. В открытом море. Я слышал, она плавает там с морскими котиками, твякает вместе с ними по-тюленьи. Вольная душа⁹⁴.

— Ну и оставалась бы там.

— Типа, второй Герман Мелвилл? — усмехнулся я.

— Извини, не расслышал?

— Да это я читаю «Моби Дика» — уже лет пять... Мелвиллу надо было оставаться в море — со своим любимым дружкой Джекком. На берегу у него душа разрывалась на части. Он и не жил — просто старел и двигался к смерти. Тридцать лет неизвестно зачем проторчал на таможенном складе...

— Жаль сукина сына, — сказал Генри.

— Да, жаль сукина сына, — тихо повторил я.

— А Раттиган? Ей, что ли, тоже лучше жить в море, а не в этом роскошном доме на берегу?

— Роскошный, большой, белый... Все правильно. Только это не дом. Это — гробница, в которой живут призраки из кино-проектора. Огромные — сорок футов в высоту и пятьдесят лет в ширину. Как в тех фильмах на большом экране. Как в старых зеркалах... И еще — одинокая баба, которая почему-то их всех ненавидит...

— Да, жаль сукина сына, — сказал Генри.

— Да и суку тоже... — добавил я.

ГЛАВА 32

— Давай еще глянем, — сказал Генри. — Включи фонарь, чтобы я мог идти без трости.

— Ты действительно чувствуешь, когда есть свет, а когда нет?

— Наивный. Читай имена!

Я взял его за руку, и мы снова двинулись мимо зеркал — я зачитывал ему имена и фамилии.

— А даты под ними? — строго спросил Генри. — Они идут по возрастанию?

Ну да, они шли по возрастанию: 1935. 1937. 1939. 1950. 1955... И возле всех были имена, и все разные. Имена, имена, имена...

В конце концов Генри сдулся.

— Больше не могу... — сказал он. — Может — хорош?

— Еще одно. Читаю дату — тридцать первое октября прошлого года.

— Кстати, ты заметил — вся фигня всегда случается с тобой на Хеллоуин?

— Мудакам всегда везет, — пожал плечами я.

— Так, дата есть... — Генри тронул зеркальный лед. — А имени что — нет?

— Нет.

— Значит, наверняка вернется и впишет. Тихонько, по темноте — так, чтобы ни одна тварь не услышала. Она ведь...

— Тсс, Генри... — Я взгляделся в глубину зеркального коридора, в самую гущу призраков.

— Слышь, братан. — Генри взял меня за руку. — Пойдем-ка отсюда.

— Еще одно, точно последнее... — Я сделал десяток шагов и остановился.

— Подожди, не говори... — Генри втянул в себя воздух. — Под тобой пол... кончился.

Я посмотрел вниз, в круглый люк. Взгляд проваливался в черную бесконечность.

— Судя по звуку, там пусто... — Генри снова вдохнул. — Это ливневый сток, не канализация!

— Да, он под задней стеной.

— О господи!

Мы вздрогнули, потому что где-то в глубине стока зашумела вода, распространив в воздухе запах свежести и альпийского луга.

— Дождь шел пару часов назад, — сказал я. — Вода из водосточков доходит сюда где-то за час. Обычно там сухо — большую часть года. Набирается после дождя — а потом все уходит в океан.

Я наклонился и ощупал края люка. Ну да, лестница.

Генри все понял и насторожился.

— Надеюсь, спускаться не собираешься?

— Зачем? Там темно и холодно, и до моря плыть черт знает сколько. Да и утонуть можно ненароком.

Генри хмыкнул.

— Представляешь, она приплывет сюда, чтобы проверить, как тут поживают ее надписи?

— Можно просто спуститься из кинотеатра...

— Эгей! Смотри-ка, воды прибью!

Из люка дохнуло леденящим ветром.

— О боже, нет! — заорал я.

— Что там?!

Я изо всех сил всматривался в темноту.

— Там что-то было! Я видел!

— А я и сейчас вижу...

Луч фонарика в отчаянии заметался по зеркалам, в то время как Генри схватил меня за локоть и потащил прочь от проклятой дыры.

— Нам туда? Правильно? — выкрикнул он.

— Хочется верить, что туда! — откликнулся я.

Глава 33

Такси выкинуло нас на обочине — прямо за белокаменной арабской крепостью Раттиган.

— Не я буду, если этот счетчик не натикал нам лишнего... — сказал Генри. — К черту, теперь буду рулить сам.

Крамли был обнаружен нами не сиротливо сидящим у ворот со стороны берега, а уютно расположившимся наверху, у бассейна, с целой батареей картины — причем два стакана уже

были пусты. Окинув туманным взором все это великолепие, он пояснил:

— Подготовку к вашим неподражаемым выходкам считаю законченной. Цитадель надежно укреплена... Рад тебя видеть, Генри. Ты еще не пожалел о том, что приперся сюда из Нью-Орлеана, чтобы жрать все это дерьмо?

— Если я не ошибаюсь, здесь пахнет водкой? Давай ее сюда — все сожаления как рукой снимет.

Один стакан я протянул Генри, а другой схватил сам, не дожидаясь, пока Крамли начнет допрос с пристрастием.

— Выкладывай... — проворчал он.

Я рассказал ему про Граумана и про подвально-гардеробные зеркала.

— А еще, — похвастался я, — я составил списки...

— Сделай паузу. А то я что-то резко протрезвел. Надо хлопнуть еще стаканчик... — Он помахал нам очередным мартини. — Ладно, валий. Зачитывай список.

— Мальчишка-разносчик на Маунт-Лоу. Соседи Царицы Калифорнии на Бункер-Хилл. Секретарша отца Раттигана. Киномеханик с верхнего этажа Китайского театра Граумана...

— Что за фрукт? — встрял Генри.

Я рассказал про Рустлера, чахнувшего над грудями старых пленок. Про женщин, которые печально взирают с фотографий на стенах и от которых остались только голые имена.

Генри нахмурил брови.

— А список этих дам у тебя есть? — спросил он.

Я принялся зачитывать из блокнота:

— Мейбл. Хелен. Мэрили. Аннабел. Хейзел. Бетти Лу. Клара. Поллианна...

Крамли выпрямился.

— А список имен на зеркалах в подвале?

Я покачал головой:

— Нет, там было слишком темно.

— Зато у меня есть, — сказал Генри, постучав пальцем по черепу. — Хейзел. Аннабел. Грейс. Поллианна. Хелен. Мэрили. Бетти Лу... Засекай совпадения.

Генри продолжил оглашать имена, а я ставил галочки в своем карандашном списке. Нашлись все до одной.

И тут на небе сверкнула молния. Свет погас. Сразу стало слышно, как ревет прибой, облизывая длинным шершавым языком прилегающий к дому пляж. В наступившей темноте проявился берег, посеребренный светом луны.

Потом ударил гром — и это стимулировало работу моей мысли.

— Насколько я знаю, у Раттиган сохранились полные списки всех выпусков Академии — с фильмографиями, годами жизни, ролями. Учítывая, что для нее все бабы — соперницы, это вполне вьжется с фотками в старой кинорубке и исписанными зеркалами в подвале...

Вдалеке снова загрохотало. Свет, мигнув, включился.

Мы зашли в дом и отыскиали ежегодники Академии.

— Проверьте имена с зеркал, — сказал Генри.

— Да знаю, знаю, — проворчал Крамли.

Через полчаса мы имели на руках ежегодники за тридцать лет со вставленными в них скрепками.

— Этель, Карлотта, Сюзанна, Клара, Хелен... — читал я.

— Неужели Констанция ненавидела их всех?

— Вполне возможно, — сказал Генри. — Надо посмотреть, что там у нее еще на полках.

Через час к делу были приобщены альбомы, посвященные отдельным актерам, — с подборками фотографий и газетных вырезок. На обложке одного из них значилось имя — Дж. Уоллингтон Брэдфорд, а ниже следовал целый список псевдонимов. Я зачитал: «Он же — Таллулла Вторая⁹⁵, он же — Свенсон Глория in Excelsis⁹⁶, он же — Фанни Кривляка».

У меня в затылке тихонько зазвенел колокольчик.

Я открыл другой альбом и прочел: «Альберто Квикли⁹⁷. Один — за всех: головокружительные преобразования. Играет все роли в «Больших надеждах». В «Рождественской песни»⁹⁸ исполняет Скруджа, призрака Марли, Мистера Феззивига, а также трех Духов Рождества. В «Святой Жанне» — всех, кто не сгорает на костре⁹⁹. Альберто Квикли. Мастер мгновенных перевоплощений. Дата рождения: 1895. Свободный актер».

Колокольчик еле слышно звякнул опять.

— Погодите-ка... — Я невольно перешел на шепот. — Сначала коллекция девиц на стенах, потом помада на зеркалах, теперь этот

Брэдфорд, «он же», и тоже сплошные тетки... И Квикли, у которого, наоборот, сплошные мужики... — Колокольчик заглох. — А Констанция их знала?

Двигаясь словно во сне, я встал и принес одну из Книг мертвых — записную книжку Констанции.

Ну вот, пожалуйста.

Есть Брэдфорд, почти в самом начале.

Есть и Квикли — ближе к концу.

— Но они не обведены красным. Это означает, что они еще живы? Или все-таки уже умерли?

— Можно это выяснить, — предложил Генри.

В этот момент ударила молния. Электричество снова отключилось.

И в полной темноте прозвучал голос Генри:

— Стоп. Не говори. Угадаю с трех раз.

Глава 34

Крамли высадил нас у старой трехэтажки и уехал.

— Кого мы тут ищем? — спросил Генри, когда мы вошли в подъезд.

Я поднял взгляд в лестничный пролет.

— Марлен Дитрих, живую и в добром здравии.

Когда мы подошли к двери, меня едва не сбил с ног запах духов. Сначала я чихнул, потом все-таки постучал.

— Боже ж ты мой! — раздалось за дверью. — А мне и прикрыться-то нечем...

Дверь открылась, и за ней обнаружилось существо явно из викторианской эпохи, которое томно куталось в кимоно а-ля мадам Баттерфляй. При виде меня существо замерло и смерило меня медленным взглядом снизу доверху: ботинки, колени, плечи... И наконец, уперлось в глаза.

— Дж. Валлингтон Брэдфорд? — Я откашлялся. — Мистер Брэдфорд?

— А вы, собственно?.. — спросило нечто стоящее в дверях. — Нет, вы, конечно, проходите. Проходите... Господи, а это еще кто?

— А я — его Всевидящее Око. — Генри повел носом. — Стул? Ничего, если я сяду? Запах что-то резковат. Ради бога, не принимайте на свой счет...

Кимоно поклонилось и сделало широкий жест рукавом, как будто намеревалось осыпать наш путь лепестками сакуры.

— Надеюсь, у вас ко мне не деловой разговор? Садитесь, а Мама пока нальет джин. Вам по большой или по маленькой?

Не успел я открыть рот, как он наполнил высокий стакан кристалльно-голубым «Бомбей Сапфиром»¹⁰⁰ и подал его мне. Я сделал глоток.

— Какой чудный мальчик, — сказал Брэдфорд. — Вы только на чаек — или с ночевкой? Ой-ой-ой, как мы покраснели... Понятно, вы насчет Раттиган.

— Раттиган? — Я так и подскочил. — Интересно, как вы это поняли?

— Была она у меня — правда, уже ушла. Обычно раз в несколько лет Раттиган пропадает из виду. Это у нее такой способ расходиться. Не важно с кем — с новым мужем, старым любовником или, мать его, личным астрологом. *Quien sabe?*¹⁰¹

Я озадаченно кивнул.

— Несколько лет назад она спросила у меня: как же ты так можешь? Ну, вы понимаете... Я ей говорю: господи, Констанция, ты на себя посмотри. Сколько ты уже жизней прожила своих, кошачьих? Тысячу, не меньше? Давай ты не будешь спрашивать у меня, по каким нормам я ходок и под чьими кроватями ночую...

— Но...

— И никаких «но». Мать-земля и так все знает... У нее отличное образование. Для начала освоила старика Фрейда, потом добавила по вкусу Юнга и Дарвина. А знаете замечательную историю про то, как она по очереди уложила в постель всех шестерых руководителей студии? При всех поспорила с Гарри Коном в «Браундерби». Пообещала, что отымеет по самые помидоры — как самого Джека Уорнера, так и всех его братьев¹⁰². «Всех за год?!» — не поверил Кон. «К черту за год — неделю не хочешь, с одним выходным?» — «Ставлю сотню, что у тебя ничего не получится!» — «Ставь тысячу — и по рукам». Гарри Кон тогда вытаращился на нее: «А что ты поставишь против?» А Раттиган говорит: «Себя».

А Кон ей: «Ну-ка, пройди!» Она прошла. А потом швырнула ему на колени свои трусики — «Держи!» — И была такова...

Дж. У. Брэдфорд немного перевел дух и продолжал:

— Ну, про меня вам рассказывать не надо... Был и Джуди Гарленд¹⁰³. И Джоан Кроуфорд, и Бетт Дэвис¹⁰⁴... И Таллулой Бэнкхед в «Спасательной шляпке»¹⁰⁵... Да-да, я такой — мистер днем сплю, по ночам гуляю, в постели — ураган... Что — помочь вам найти Раттиган? Могу составить список ее «отставников». Кое-что и мне от нее перепадало. Вы хотели что-то сказать?

— А ваше настоящее «я» вообще существует?

— Чур меня, чур... Надеюсь, что нет. Это же не приведи господь — оказаться в одной постели с собственным «я»! Раттиган, Раттиган... А вы искали у нее в доме на пляже? Когда-то у нее там жил Арти Шоу¹⁰⁶, это уже после Карузо¹⁰⁷. С Карузо она была лет в тринадцать. Бедняга лез от нее на стенку театра «Ла Скала». А у баритонального баса Лоренса Тиббетта¹⁰⁸ открылось сопрано, когда она его турнула под зад коленом. А в тридцать шестом, когда она делала Тальбергу¹⁰⁹ искусственное дыхание «рот в рот», у ее дома дежурила команда врачей-спасателей, готовых стартовать прямо на Форест-Лаун... С вами все в порядке?

— Честно говоря, вы меня ошарашили.

— Выпейте еще джина. Так говорит Таллулла.

— Вы поможете нам найти Констанцию?

— Если не я, то кто же? Когда-то лет сто пятьдесят назад я одолжил ей весь свой гардероб... Подарил всю свою ненужную косметику, научил, как пользоваться духами, рисовать удивленные брови, как приподнять уши, укоротить верхнюю губу, сделать шире улыбку, как уменьшить или увеличить грудь, как выглядеть выше или ниже ростом... Я был ей вместо зеркала. Она садилась напротив и просто смотрела на мою мимику — как я изображаю восторг, отчаяние, настороженность, угрызения совести... Училась всему подряд — петь в золотой клетке, запрыгивать в пижаму, инсценировать разрыв сердца... Могла превратиться в гарцующего циркового пони или в целый выводок балерин. Что и говорить, я выпустил ее в жизнь совсем другим человеком... Правда, это было тысяч десять водевилей назад — до нашей эры. Эры водевилей, шоу, фильмов, из которых Раттиган выживала других актрис — успевая при этом уводить у них мужей... Ну, все, пупсик. —

Дж. У. Брэдфорд принялся со скрипом чиркать в блокноте. — Вот вам скромный реестр тех, кто был влюблен в Констанцию. Здесь девять продюсеров, десять режиссеров, сорок пять свободных актеров — и рождественский гусь в придачу.

— Неужели она вот так всю жизнь и скакала?

— Видели когда-нибудь морских котиков напротив ее дома? Мне кажется, у нее с ними много общего. Скользкие как масло, проворные как ртуть — что еще нужно для скоростного запрыгивания в койку? Если бы в Лос-Анджелесе проводился такой чемпионат, первое место ей было бы обеспечено еще до старта. На трех киностудиях пролезла в совет директоров — была и Вампирой¹¹⁰, и мадам Дефарж¹¹¹, и Долли Мэдисон. Уметь надо!

— Спасибо... — Я бегло просмотрел список, которого бы хватило на две Бастилии.

— А теперь, если вы позволите, Мата Хари снимает маску!

Вжик — и он взмахнул полой кимоно.

Вжик! Я схватил Генри за руку, и мы скатились по лестнице прямо на улицу.

— Эй! — раздался крик нам вслед. — Куда же вы!

Я обернулся и посмотрел наверх. В окне, свесившись через подоконник, стояла Джин Харлоу, она же — Марлен Дитрих, она же — Клодетт Кольбер — и расточала такие улыбки, как будто где-то рядом в кустах спрятался фон Штрогейм, снимающий ее крупным планом.

— Могу посоветовать вам еще одного придурка вроде меня — и даже похлеще. Квикли!

— Альберто Квикли? Он еще жив?

— Еще как. Ходит раз в неделю в ночной клуб — потом неделю отлеживается в больнице. Только врачи чуть подлатают — и опять в прощальную гастроль. Старый кретин, дубина столетняя, прости господи... Рассказывал, как он познакомился с Констанцией, — врет небось. Якобы ехал по трассе 66, когда ему было то ли сорок лет, то ли пятьдесят. Подобрал на обочине пацанку с маленькими титьками. И сделал из нее звезду. Сам-то он уже начал тогда выходить в тираж... Устроил у себя в гостинной интимный театр. Приглашал народ по пятницам смотреть на Цезаря, заколотого кинжалом, Антония, насаженного на меч, и Клеопатру, укушенную змеей... — Из окна спланировал листок бумаги. — Держите еще!

— А это что?

— Конни, Хелен, Аннетт, Роберта... Группа по самоусовершенствованию. На прошлой неделе были занятия, но Констанция на них не явилась. Должна была приехать — и не приехала.

— Ничего не понимаю, — крикнул я, — какие занятия?

— У меня. Опять учу ее. Где темное — где светлое, где шепотом — а где во весь голос, где мягко, а где — на разрыв... Готовлю к новой роли. Хочет, видите ли, стать другим человеком. С собой — прежней. Но я, честно говоря, не знаю, как у нее это получится. Актеры ведь такой народец — они же не могут вообще не играть. Уильяму Филдсу приходилось специально тренироваться, чтобы сыграть в водевиле роль самого себя — Уильяма Филдса... Вы даже не представляете, какие это оковы. Вот и Констанция. Она именно с этим ко мне пришла: «Помоги мне заново найти себя». А я ей прямо сказал: «Извини, дорогая, но я понятия не имею, чем бы я мог тебе помочь. Если действительно хочешь обрести новой кожей — ступай к священнику...»

Священник! При этом слове в голове у меня прогремел вечеровый колокол.

— Ну, ладно, хватит... — капризно сказала Джин Харлоу. — А то мы с вами забрели уже в какие-то дебри... Чао-какао! — Брэдфорд скрылся в окне.

— Квикли... — как в бреду, пробормотал я. — Надо звонить Крамли...

— Ты с кем говоришь? — спросил Генри. — Я только уловил, что речь идет про какие-то фигли-мигли.

— Да нет, про Альберто Квикли. Он же — кролик, вылезавший из шляпы, он же — призрак отца Гамлета.

— Ага... — сказал Генри.

Глава 35

Мы высадили Генри на Централ-авеню, где жили какие-то его родственники с приятным говором. После чего Крамли сразу отвез меня к дому Альберто Квикли, про которого мы знали, что ему девяносто девять и что он был первым «учителем» Раттиган.

— Я был первым, кто дактилоскопировал Констанцию по системе Бертильона¹¹², — сказал он, — от макушки до кончиков пальцев...

После этого Квикли немедленно перешел к себе любимому.

Прославился он в водевилях, где обычно выступал под именем «мистер Метафора» и играл сразу по несколько ролей... В «Оливере Твисте» он так изображал в одиночку всю шайку Фейджина, что зрители в зале молили о пощаде... В «Лавке древностей» — играл вообще все роли до одной... Вне всякого сомнения, он был самым зловещим из всех призраков Марли и бледнее, чем сам По... Критики в один голос кричали, что Темза выходит из берегов от слез, которые проливаются, когда под звуки реквиема Квикли в образе Тоски¹¹³ бросается с башни в вечность...

О себе мистер Метафорический Квикли говорил долго и убедительно, не скупился на метафоры и, кажется, получал истинное удовольствие от своего рассказа. Но когда в качестве угощения он предложил мне Лючию, которая должна была сойти с ума¹¹⁴ — прямо здесь, в маленькой гостиной, переоборудованной в мини-театр, — я подумал, что это уже слишком. И категорически отказался — как от любезно предложенных мне бумажных платочков Kleenex, так и от самой Лючи.

— Стоп! Баста! — выкрикнул я, скрестив руки перед грудью. — Давайте вернемся к Констанции.

— Ну, с ней лично я знаком мало, — сказал он. — Зато хорошо помню ее в качестве Кэти Келли... Двадцать шестой год, первое творение Пигмалиона!

— Пигмалиона? — прошептал я, мгновенно сложив в уме фрагменты головоломки.

— А Молли Каллахан, двадцать седьмой год, помните?

— Смутно.

— А Полли Риордан, двадцать шестой?

— Что-то припоминаю.

— Кэти была Алисой в Стране чудес, Молли — Молли в «Безумной Молли О'Дэй», а Полли, соответственно, — «Полли из цирка», в том же году. Так вот, и Кэти, и Молли, и Полли на самом деле все — Констанция. Представьте себе волшебный котел: ныряет в него никому не известное имя, а выныривает уже

знаменитость. Это я подучил ее: кричи громче: «Я — Полли!» Чтобы продюсеры закричали в ответ: «Да! Да, детка, ты — Полли!» И все получилось: первый фильм с ней сняли за шесть дней. Потом я переделал ее — и натравил на самого льва Лео¹¹⁵, чтобы вцепилась ему в глотку. «Я — Милашка Кэти Келли...» — «Да! Да!» — завопил весь львиный прайд. Второй ее фильм сварганили дня за четыре. Потом Келли исчезла, Молли взобралась на радиобашню RKO¹¹⁶, и — понеслось. Молли, Полли, Долли, Салли, Герти, Конни плодились как кролики и вместе с Констанцией резвились на студийных лужайках!

— И никто за все годы так и не догадался, что Констанция играла не одну роль, а несколько?

— Это я, Альберто Квикли, добыл для нее славу, богатство и почет! Превратил ее в жар-птицу, несущую золотые яйца! Никто так и не узнал, что некоторые имена на Голливудском бульваре придуманы Констанцией. А сколько туфель она впечатала в бетон у Граумана своей кукольной ножкой — и все разного размера, от тридцать шестого до тридцать девятого.

— И где теперь эти Молли, Полли, Салли, Герти, Конни?

— Этого не знает никто — даже она сама. Наверное, поросли бильем... Вот, у меня остались шесть разных адресов — за двенадцать летних сезонов... Годы — вот где легче всего спрятаться. В них тебя прячет сам Господь... Стоять-бояться! Как меня зовут?!

Шаркая ногами, он прошелся по кругу. Мне кажется, я даже слышал скрип его старых костей.

— Ну! Ну же! — Он изобразил на лице муку.

— Мистер Метафора!

— Ты знал! — Он свалился без чувств.

Я тут же склонился над ним, в полном смятении. И вдруг он вытаращил на меня один глаз.

— Это же было кулуарное имя, не для всех! Приподнимите меня повыше. Раттиган сбежала... из-за меня, — выпалил он без всякого перехода. — Я ее напугал. Я хотел... это была инсценировка. Кто-то ведь должен был, наконец, заинтересоваться, когда жили все эти Полли-Молли и существовали ли они вообще. И мне сам бог велел это сделать — не будь я Фейджин, Марли Скрудж, Гамлет и Квикли в одном лице... Признаюсь, с годами

меня все больше мучила ревность. Я все сильнее злился, вспоминая, как сначала заполучил, а потом потерял ее. Злился, но ничего не предпринимал. Помните, как Гамлет откладывал расправу над коварным злодеем, убившим призрака его отца? В это время Офелия и Цезарь жаждали крови... Шли годы, злоба накапливалась... Вскоре одно только воспоминание о Констанции поднимало у меня в груди целую армию мстителей. И вот, когда мне перевалило за девяносто, все во мне поднялось и потребовало возмездия. Я не нашел ничего лучшего, как послать Констанции эту дурацкую Книгу мертвых. Старый дурак! Наверное, это из-за меня она от всех и сбежала...

Мистер Метафора помолчал, переводя дыхание.

— Вызовите «Скорую», — сказал он. — У меня сломаны берцовые кости и грыжа в паху. Вы записали все это?

— Потом запишу.

— Не откладывайте. Пишите сразу. Через час я буду уже в Валгалле¹⁷ излагать все это статуям. Где моя кровать?

Я уложил его в кровать.

— Ради бога, успокойтесь, — сказал я. — Вы говорите, послали Констанции Книгу мертвых?

— В прошлом месяце Женская Лига кино организовала какую-то вшиво-блошиную распродажу актерского барахла. Мне перепало несколько карточек Фербенкса, рукопись песни Кросби¹⁸ ...но это не важно. Главное, что там же я откопал старую записную книжку Раттиган, всю исписанную телефонами ее бывших хахалей. И вот тут-то меня и переключило. Старый хрен, я почувствовал себя змеем-искусителем. Продался дьяволу по дешевке — испил яду... Подумал: почему бы не отнять у Раттиган спокойный сон? Дождался, когда ее не будет, подкинул ей Книгу мертвых и был таков... Наверное, она там чуть не обделалась от страха?

— Да уж не без этого... — Я взгляделся в ухмылку, блуждавшую на лице мистера Квикли. — Так-так. Значит, к смерти почтенного господина с Маунт-Лоу вы не причастны?

— Вы про того губошлепа, которого Констанция бросила первым? Что — этот старый болван дал дуба?

— Представьте, его убили газеты.

— Представляю — газетные критики делают это на раз-два.

— Да нет, не критики. На него свалились две тонны старых номеров Tribune.

— Какая разница как, — главное, что убили.

— И Царица Калифия — тоже не ваших рук дело?

— А-а-а... Эта. Ноев ковчег, каждой твари — с три короба наврали. Высоко/низко, холодно/горячо. Верблюжье дерьмо, лошадиные яблоки. Это которая сказала Констанции, куда идти, — и та пошла? Что — тоже скончалась?

— Упала с лестницы.

— Не, я не сталкивал.

— А потом еще священник...

— Братец ее? Тоже не я. Калифия сказала ей, куда идти. А священник — напрямик отправил к дьяволу! Ну, Констанция и пошла... Скажите, а этот-то от чего? Нет, вы посмотрите — все! Все уже поумирили, прости господи!

— Она просто... слишком сильно на него накричала. Я так думаю, что это она.

— Накричала? И вам известно, что именно она кричала?

— Нет.

— А мне — да.

— Вам?..

— Вчера ночью я слышал голоса, думал, что во сне. Вернее, один голос — кажется, ее. Думаю, мне она кричала то же самое, что и бедолаге священнику. Хотите узнать что?

— Жду с нетерпением.

— Ну, так вот. Она кричала: «Как мне вернуться, где следующий след, как мне вернуться?»

— Вернуться?

Веки Квикли дрогнули, как стрелки прибора, который показывал движение мысли. Он всхрипнул.

— Брат указал ей, куда идти, и она пошла... Но потом она сказала: «Я заблудилась, покажите мне дорогу»... Значит, Констанция хочет, чтобы ее нашли... Верно?

— Да. Или нет... Бог ее разберет!

— Похоже, она и сама ничего не разберет. Наверное, из-за этого и все ее вопли. А мне плевать. У меня дом крепкий — из кирпича. Мой — уж точно устоит.

— У других что-то не очень устоял.

— У первого мужа, у Калифии и у брата?

— Боюсь, это слишком долгая история.

— И путь до дома ваш далек?¹¹⁹

— Да.

— Только вот не надо строить из себя бешеную курицу — куда меня посадят, такие я и снесу яйца... Красный галстук? Будут красные яйца. Синий ковер? Вот вам синие. Розовый лифчик? Розовые... Как я. Видите вон ту клетчатую простыню?

— Клетчатую?

На самом деле простыня была белая — и я сказал ему об этом.

— У вас плохое зрение... — Он уставился на меня. — И вы уж точно слишком много болтаете. Вы меня утомили. Всего хорошего... — Веки его захлопнулись.

— Но, сэр...

— Я занят, — пробормотал он. — Как меня зовут?

— Фейджин, Отелло, Лир, О'Кейси¹²⁰, Бут¹²¹, Скрудж...

— Да-да-да-да... — И он захрапел.

Глава 36

Такси отвезло меня обратно к морю, в мое бунгало с видом на океан. Я должен был все переварить и обдумать.

И тут в мою дверь словно ударил отбойный молоток: бумс!

Не дожидаясь второго удара, с которым она вылетит к чертям, я бросился открывать.

Луч фонарика, бьющий сквозь бриллиант дверного глазка, чуть меня не ослепил.

— Наш пламенный привет Эдгару Уоллесу!¹²² Давай уже, открывай, ты, мудила! — раздался голос из-за двери.

Я чуть не провалился сквозь землю от такой наглости — называть меня Эдгаром Уоллесом, поставить рядом с этим дешевым статистом из массовки!

— Кого я вижу — Фриц! — выкрикнул я, открывая дверь. — Давай уже, заходи, от мудилы слышу!

— Захожу, захожу!

Фриц Вонг прошелся по коврику так, как будто выбивал из него пыль или разношивал армейские ботинки. Затем со скрипом оста-

новился и, выхватив откуда-то из воздуха монокуляр, оставил его прямо на меня.

— Постарел! — радостно воскликнул он.

— Ты тоже! — парировал я.

— Нарываешься?

— Учусь у тебя!

— Осади лошадей.

— Ты первый начал! — набычился я. — Сам-то понял, кем ты меня обозвал?

— А что — Микки Спиллейн¹²³ было бы лучше?

— Да пошел ты!

— Ну, а если... Джон Стейнбек?

— Ладно, пойдет... Только не ори — достал уже.

— Вот так нормально? — Он перешел на шепот.

— Нет, все равно громко.

Фриц Вонг громогласно расхохотался.

— Узнаю своего ублюдка-сынка!

— Узнаю своего сифилитика-папашку!

Неистово гогоча, мы сцепились в железной хватке, которую принято называть дружескими объятиями. Фриц Вонг вытер глаза.

— Ладно, с формальностями покончено, — прорычал он. — Как ты?

— Скорее жив, чем мертв. А ты?

— Жив, но с трудом... А где жратва — что, проблемы с доставкой?

Я вытащил пиво, которое привез Крамли.

Фриц заглотнул едва не полстакана и поморщился.

— Помой, — прохрипел он. — А что, вина нет? Ладно, хрен с ним... — Он грузно опустился в мое единственное кресло. — Ну, говори — что там за помощь тебе нужна?

— Почему ты решил, что мне требуется помощь?

— А когда она тебе не требуется? Нет, погоди! Так дело не пойдет...

Бухая несуществующими сапогами, Фриц выбежал под дождь — и тут же вернулся с бутылкой Le Gorton. Уже через несколько секунд она была вскрыта красивым серебряным штопором, который как бы случайно оказался у него в кармане.

Я вытащил две чистые стеклянные банки из-под джема. Глядя на них с явным презрением, Фриц разлил вино.

— За великий тысяча девятьсот сорок девятый год! — объявил он. — Не слышу возгласов восторга!

Я глотнул.

— Куда — залпом?! — гаркнул Фриц. — А наслаждаться? А впитывать аромат?

Я понюхал банку. На всякий случай сделал ею круговые движения.

— Вполне, — кивнул я.

— Что ты сказал? Вполне?!

— погоди, сейчас еще подумаю...

— Хватит уже думать, сучий потрох! Пей прямо носом! А выдыхай через уши!

Он закрыл глаза и показал, как надо. Я повторил за ним.

— О да, превосходно!

— А теперь сядь и заткнись.

— Вообще-то ты занял мое место, Фриц.

— Было твое — стало мое...

В итоге я уселся на пол, прислонившись к стене, а Фриц встал прямо передо мной в позе Цезаря, созерцающего муравейник¹²⁴.

— Ладно, давай, выгребай запасы из закромов.

Я взял лопату и старательно все выгреб — все до единого факта.

Когда я закончил, Фриц с недовольной миной долил мне вина.

— Хоть ты этого и не заслуживаешь... — подчеркнул он. — Де-густатор хренов. Марочных вин. Сиди молча — и смакуй.

Он нахмурился.

— Да, если уж кому и способен решить такую проблему, как Раттиган, так это я... — Он глотнул вина. — Или здесь надо было сказать — «кто»? Ладно, молчи.

Он распахнул дверь, ведущую прямо в восхитительный дождь, которому не было конца.

— Что, нравится? — Он кивнул на дождь.

— Обожаю.

— Вот я и говорю — мудень... — Фриц подкрутил свой монокуляр, настроив его на дальний обзор.

— Это вон там, что ли, — дом Раттиган? — спросил он. — Говоришь, семь дней уже ее не было? А может, уже — того,

тю-тю? Всех поубивала, а сама просто исчезла — типа, хрен вы найдете мой труп. Никто не должен видеть мертвой повелительницу империи убийств... Ладно, теперь моя очередь выгребать закрома.

Он с ненавистью разлил в банки из-под джема остатки волшебного Le Gogon.

И объявил, что уже давно вообще нигде не снимается. За два года — ни одного фильма. Говорят, слишком старый.

— И это они говорят мне — лучшему в мире специалисту по кувыркам в постели! — громко возмутился Фриц. — Уроды! Вот, на безрыбье решил взяться за пьесу. Бернард Шоу — «Святая Жанна». Правда, пока еще не понял, кто сможет мне всю эту хрень сыграть. И еще между делом прорабатываю роман Жюль Верна, у которого истек срок авторских прав. Хочу обойти продюсера — редкостный говнюк, я тебе скажу. Все тихой сапой — и все себе в карман. В общем, для тебя есть работа. Мне как раз нужен какой-нибудь... второразрядный писатель-фантаст. Хочу немного причесать этот могучий шедевр. Соглашайся.

Не успел я открыть рот, как...

Небо разверзлось над нашим жалким жилищем, выплеснув на него тонны дождя вперемешку с огнем и громом. В этот момент Фриц проорал:

— Вы приняты!

После этого мы вернулись к делу Раттиган.

— Есть еще что показать и рассказать? — спросил Фриц.

Я показал и рассказал.

Вырезки из старых газет, наклеенные скотчем прямо над кроватью, Фрицу пришлось рассматривать чуть ли не лежа.

— Чертова работа! — кряхтя и матерясь, ворчал он. — У меня же только один глаз! Второй я потерял на дуэли...

— На дуэли?! — пораженно переспросил я. — Ты никогда не рассказывал...

— Ладно, замнем. Лучше прочти почтенному немецкому режиссеру-циклопу имена под фотографиями.

Я начал читать, а Фриц повторял за мной.

— Так, эту знаю... — Он ткнул пальцем в газетную вырезку. — И эту. И эту тоже. Хм, тебе это ничего не напоминает? Например, стенд «Их разыскивает полиция»...

— А ты всех их снимал — или только некоторых?

— Можно говорить о нескольких коротких дислокациях в мотеле «Санта-Барбара». Я не хвастаюсь, упаси господь. Только голые факты.

— Ты всегда был честен со мной, Фриц.

— Ну, конечно. Держи карман шире. У тебя просто мозгов не хватало меня поймать. Надо же... Полли. Молли. Долли... Звучит как тупая скороговорка. Погоди-ка. Не может быть... Нет, почему не может? Ну да — так и есть!

Он наклонился, настроил монокуляр и изо всех сил прищурился.

— Как же я этого раньше не замечал? Идиот, dummkopf!¹²⁵ Просто между ними были перерывы. По несколько лет. Вот эта, вот эта — и вон та. Боже праведный!

— Что, Фриц?

— Все они — одна и та же актриса, одна и та же женщина. Просто разные волосы, разные прически, цвет волос, косметика... Здесь брови густые, здесь — тонкие, здесь вообще нет бровей. Губы тонкие — губы пухлые. Глаза: с ресницами, без ресниц. Женские штучки. На прошлой неделе на Голливудском бульваре подходит ко мне какая-то фря и спрашивает: «Узнаешь меня?» — «Нет», — говорю. А она: «Я — такая-то». Смотрю — нос не ее. Рот — тоже. Брови — и говорить нечего. Плюс к этому сбросила килограмм пятнадцать и перекрасилась в блондинку. Интересно, и как я должен был ее узнать?

Он покрутил в руках монокуляр.

— Откуда у тебя весь этот вернисаж?

— Из музея на Маунт-Лоу...

— А, это тот сумасшедший владелец газетной библиотеки... Поднимался я к нему как-то раз — хотел кое-что поискать. Так и ушел ни с чем. Не смог дышать в его сраных катакомбах. Я этому хрену тогда сказал: слышь, ты, хрен, как сделаешь уборку помещения, ты звони, ага? Похоже, Констанцию сильно контузило во время бомбежки, раз она вышла за этого олигофрена. Нет... Ты мне все-таки скажи: как это я умудрился снять ее в трех фильмах под видом разных актрис — и ни разу не догадался, что все это она! Это же черт знает что такое. Даже уже не черт, а дьявол с Люцифером и его супругой в одном лице...

— Наверное, тебе было не до этого... — сказал я. — Ты же тогда, кажется, обхаживал Марлен Дитрих?

— Как-как ты сказал? Обхаживал? Это так теперь называется? — Фриц чуть не свалился с кровати от хохота. — Ладно, давай отлепляй от стены все эти вещдоки. Если я возьмусь за дело, они мне понадобятся.

— Если что, есть еще одна аналогичная экспозиция. В Китайском театре Граумана, в бывшей кинорубке. Там сидит старый...

— Ты хотел сказать — старый идиот?

— Я бы так не сказал.

— И очень напрасно! Как-то я узнал, что у него хранится недостающая часть моей «Атлантики», которую я делал еще для UFA — и имел неосторожность за ней прийти. Так этот дровича чуть к стулу меня не привязал — пытался заставить смотреть все серии древнего сериала с Рин-Тин-Тин¹²⁶. На какой-то там по счету я пригрозил, что выпрыгну с балкона, — только тогда он дал мне забрать «Атлантику» и уйти.

Фриц разложил фотографии по всей кровати и принялся буравить их взглядом через свой монокуляр.

— Говоришь, у Граумана есть еще?

— Ну да... — сказал я.

— А что ты скажешь, если я предложу тебе совершить небольшое путешествие на автомобиле «Альфа-Ромео» со скоростью сто пятьдесят км в час? Каких-то пять минут — и мы уже в гробаном театре.

Кровь в одно мгновение отхлынула у меня от лица.

— Ну вот и отлично, — заключил Фриц.

Через пару секунд он был уже под дождем. А еще через пять мы уже мчались на полной скорости, и, кажется, я даже успел выпрыгнуть в машину.

Глава 37

— Фонарик, спички, блокнот... Карандаш — чтобы делать записи... — Я порылся в карманах. — Что еще?

— Вино, — сказал Фриц, — на случай, если эти страшные люди наверху не держат бренди.

Бутылку вина мы уговорили на двоих еще внизу — как только увидели гигантское нагромождение ступенек, ведущее в старую кинорубку.

Фриц улыбнулся.

— Чур, я иду первым. Не собираюсь тебя ловить, если ты начнешь падать.

— Спасибо, ты настоящий друг.

Он сделал первый шаг в темноту. Я двинулся следом, ощупывая пространство лучом фонаря.

— Слушай, а с чего ты вообще взялся мне помогать? — спросил я на ходу.

— Это все Крамли. Я позвонил ему, и он сказал, что лежит прикованный к постели. Странно, правда? Обычно общение с такими мудаками, как ты, очищает кровь и заново запускает сердце... Держи нормально фонарь, а то я споткнусь.

— Лучше не зли меня... — Я угрожающе дернул лучом.

— Не хотел это говорить, — продолжал Фриц, — но ты действительно мне удался. Ты ведь у меня десятый, если не считать Мари Дресслер!

Мы достигли высоты, на которой носовые кровотечения являются физиологической нормой. Всю дорогу до конца второго балкона Фриц уливался собственной руганью по этому поводу.

— Так, давай еще раз, — сказал он, не переставая шагать по ступенькам. — Ну, допустим, мы поднимемся туда. И что дальше?

— Дальше — обратно, тем же путем. Вниз — в подвал с зеркалами...

— Стучи! — сказал Фриц, когда мы пришли.

От моего стука дверь кинорубки распахнулась сама, открыв нашему взору темноту, в которой угадывались два проектора. Один из них работал — и был здесь единственным источником света.

Скользнув лучом по стене, я присвистнул.

— Что? — спросил Фриц.

— Они исчезли! Фотографии. Кто-то их сорвал.

Луч фонарика нервно запрыгал по пустым рамкам: судя по всему, призраки темной комнаты испарились всем коллективом.

— Черт! Кажется, мы в полном дерьме. Этот чертов козел... господа, я уже начал разговаривать как ты!

— Узнаю своего сынка, — с одобрением сказал Фриц. — Покрути-ка еще фонарем!

— О' кей, только без нервов... — Я осторожно прошел вперед, дрожащей рукой направляя луч на то, что виднелось между двумя проекторами.

Там, конечно же, сидел отец Констанции — застывший, как ледяная статуя, с одной рукой на выключателе.

Стрекочущий проектор на полной скорости прокручивал пленку, замкнутую в кольцо, и картинка повторялась снова и снова, каждые десять секунд. Правда, не на экране, а внутри проектора, потому что дверца, которая пропускает изображение на экран, была закрыта. Но если придвинуться поближе и прищурить глаза, можно было разглядеть их всех до одной: Салли, Долли, Молли, Холли, Гейли, Нелли, Роби, Салли, Долли, Молли... и так до бесконечности.

Я долго смотрел на старика Раттигана, но так и не смог определить, чего больше в гримасе, сковавшей его лицо, — торжества или отчаяния.

Потом перевел взгляд на стены, где уже не было ни Салли, ни Долли, ни Молли... Наверное, тот, кто их украл — кто бы это ни был, — не предполагал, что у старика на этот случай есть запасной вариант: прошлое в виде закольцованной пленки, на которой вся «семейка» бежит по кругу. Или...

Внутри у меня все оборвалось.

В голове явственно прозвучал голос Бетти Келли, повторявшей вопли Констанции: «Прости меня, прости, прости!» А потом — голос Квикли: «Как мне вернуть, как мне вернуть?» Что вернуть? Другое «я»?

«Кто же это с тобой сделал? — размышлял я, стоя над самым старым из стариков. — Или не кто-то — или это ты сам?»

Мертвые мраморные глаза были неподвижны.

Я выключил проектор.

Но они продолжали мелькать — теперь уже по сетчатке моих глаз: танцующая дочь, бабочка, прекрасная китайка, клоунесса...

— Бедная заблудшая душа, — прошептал я.

— Он что — твой приятель? — спросил Фриц.

— Нет.

— Тогда и нечего его жалеть.

— Фриц! У тебя вообще сердце внутри есть?

— У меня шунт. А сердце я удалил.

— Как же ты без него живешь?

— Дело в том, что я... — Фриц протянул мне свой монокуляр. Я вставил в глаз холодную линзу и направил прямо на него.

— Дело в том, что я... — повторил он.

— Ты просто мудила!

— Во — точно! — кивнул Фриц и добавил: — Ладно, пошли.

А то это не аппаратная, а какая-то покойницкая.

— Так это уже давно — лет пятьдесят...

Я позвонил Генри — попросил его взять такси и подъехать к Грауману. Pronto¹²⁷.

ГЛАВА 38

Слепой Генри ждал нас в проходе между рядами, который вел вниз к оркестровой яме и дальше — к заброшенным примеркам в покоем этаже.

— Не рассказывай, — сказал Генри.

— Что?

— Про фотографии наверху, в кинобудке. Это ведь правда? Им действительно — капут, как выражается Фриц Вонг?

— Сам дурак, — буркнул Фриц.

— Генри, но как ты догадался?

— Я уже все узнал. — Генри направил невидящий взгляд в оркестровую яму. — Я сходил туда, где зеркала. Трость мне не нужна, фонарь — тем более. Просто пришел, протянул руку и потрогал зеркало. И сразу понял, что фотографии наверху — тоже... Потом прошупал все остальные зеркала. Никаких следов. Все стерто. Это ведь значит, что там, наверху, — он перевел взгляд на невидимые задние кресла, — все тоже исчезло. Так ведь?

— Так... — слегка запнувшись, ответил я.

— Пойдем, сам посмотришь. — Генри повернулся лицом к оркестровой яме.

— погоди, сейчас включу фонарь.

— Опять ты со своим фонарем! Может, хватит уже — одно и то же? — сказал Генри и уверенно шагнул в яму.

Я шагнул следом за ним. Зато Фриц стоял, как на параде.

— Ну и? — спросил я. — Ты чего-то ждешь?

Он сделал шаг.

Глава 39

— Вон, сам посмотри! — Генри носом указал на вереницу зеркал. — Что я говорил?

Я двинулся вдоль зеркального ряда, проверяя каждое из них — сперва лучом фонарика, а потом пальцами.

— Ну, что? — прорычал Фриц.

— Здесь были имена, а теперь нет имен. Там были фотографии — теперь нет фотографий.

— Я же говорил, — сказал Генри.

— Интересно, почему бывают глухонемые, но не бывает... слепонемых? — спросил Фриц. — Почему все время нужно балаболить?

— Надо же чем-то заполнять время. Что, давай перечислим всех по списку?

Я начал называть имена по памяти.

— Забыл Кармен Карлотту, — поправил меня Генри.

— О' кей. Карлотта.

Фриц поднял взгляд.

— Главное, не забудь того, кто украл фотографии из кинобудки...

— А потом стер каракули на зеркалах.

— Почему-то такое ощущение, что всех этих дам не было на свете вообще, — сказал Генри.

Он еще раз прошелся вдоль череды зеркал, склоняясь к каждому и ощупывая его слепыми пальцами.

— Ничего... И здесь ничего... А ведь помада была сильно засохшая от времени. Представляю, сколько пришлось возиться с каждой надписью. Кто же такой старательный?

— Генриетта, Мейбл, Глория, Лидия, Алиса...

— И каждая спускалась сюда и стирала свою надпись?

— Не совсем. Мы уже выяснили, что все эти женщины приходили и уходили, рождались и умирали — и каждый раз оставляли имена, вроде мемориальной таблички.

— То есть?

— Все эти надписи появились в разное время — начиная примерно с двадцатых годов. Каждая из этих женщин или, как ты говоришь, дам спускалась сюда на собственную погребальную церемонию, устраивала себе своеобразные похороны. В первый раз, в первом зеркале, она видела одно лицо, а в следующем — было уже другое...

— Сочиняешь на ходу?

— Боюсь, что перед нами не что иное, как большой парад похорон, рождений и погребений, сделанный с помощью одной пары рук и одной лопаты.

— Но ведь почерк был везде разный... — Генри потрогал пустоту рукой.

— Люди все время меняются, начиная с рождения. Просто она никак не могла выбрать для себя какую-то одну жизнь — а может, не хотела. Поэтому вновь и вновь оказывалась перед зеркалом... Стирала помаду и рисовала себе другие губы. Смывала одни брови и рисовала другие, еще более красивые. Увеличивала глаза. Поднимала границу волос. Надвигала шляпу, как абажур, а потом, наоборот, — снимала. Или раздевалась совсем, догола.

— Вот отсюда, пожалуйста, поподробнее... — улыбнулся Генри.

— Не смешно, — сказал я.

— А что — хорошее занятие, — продолжал Генри, — малевать надписи на зеркалах — и смотреть, как ты изменилась.

— Не каждый же день. Раз в год, может, раз в два года. Сделать себе губки бантиком — на полгода или хотя бы на лето — и любоваться, чувствуя себя другим человеком. Ну что, Генри?

— Констанция... — сами собой произнесли губы Генри. — Это точно... — прошелтал он. — Она ведь каждый раз пахла по-разному... — Машинально трогая зеркала, Генри дошел до самого последнего — и оказался возле открытого люка. — Я уже рядом, да?

— Остался один шаг, Генри.

Мы заглянули в круглую дыру, зияющую в цементном полу. Оттуда доносился шум ветра, долетавшего сюда из долины Сан-Фернандо, или из Глендейла, а может — с самого Рокавейского

полуострова¹²⁸. Вода внизу почти высохла, там не было даже пощиколотку.

— Тупик, мертвая зона, — сказал Генри. — Наверху пусто, внизу пусто. Все ниточки ускользнули. Но вот куда?

Словно в ответ, из темной дыры в холодном полу донесся нечеловеческий крик. Мы прямо подпрыгнули на месте.

— О господи! — вскричал Фриц.

— Боже! — заорал я.

— Силы небесные! — сказал Генри. — Надеюсь, это не Молли, Долли, Холли?

Я шепотом повторил это за ним, как будто читал молитву.

Фриц зыркнул на меня и выругался.

Крик повторился, уже дальше, вниз по течению. У меня к глазам подступили слезы. В одно мгновение я подскочил к люку и свесился через край. Фриц схватил меня за локоть.

— Ты слышал? — крикнул я.

— Ничего я не слышал!

— Кто-то кричал!

— Да это просто вода шумит.

— Фриц!

— Только не говори, что я тебе вру.

— Но, Фриц!

— Нет, ты говоришь «Фриц!» так, как будто я тебе вру. А я не вру. Но ты же ведь не имеешь в мыслях затащить меня в эту дыру? Скажи, ты, сучий потрох, — ведь нет?

— Тогда я пойду один!

— Эх, была бы здесь твоя жена, она бы тебе еще и ускорение придала, dummkopf!

Я заглянул в люк. Где-то вдалеке снова прозвучал крик. Фриц выругался.

— Ты пойдешь со мной, — сказал я.

— Не-не-не-не...

— Что — боишься?

— Я — боюсь? — Фриц вынул из глаза монокуляр. Судя по всему, этот прибор служил еще и затычкой, которая удерживала кровь под кожей, потому что лицо его моментально побелело прямо через загар. Глаза увлажнились. — Я — боюсь? То есть ты хочешь сказать — Фриц Вонг испугался какой-то вонючей пещеры?

— К сожалению, — подтвердил я.

— Знаешь что, оставь-ка свои сожаления при себе. Величайший в истории кинематографа режиссер студии «UFA» в них не нуждается.

Он вставил на место свой огнедышащий монокуляр.

— В общем, так, — продолжал он. — Сейчас я найду телефон и позвоню Крамли — и пусть он сам вытаскивает тебя из этой черной дыры. Трудный подросток, мать твою!

— Я тебе не подросток.

— А кто же ты? Ах, ну да, как же я забыл, — олимпийский чемпион по нырянию в бассейн без воды! Давай-давай, лезь туда, ломай себе шею, захлебывайся в дерьме!

— Скажи Крамли — пусть едет к водостоку и двигается мне навстречу со стороны моря. На полдороге встретимся. Если увидит Констанцию — пусть хватает. Если меня — тем более.

Фриц сощурил один глаз, как будто вторым собирался открыть по мне огонь прямо через монокуляр.

— Небольшой совет от обладателя премии «Оскар». Не желаешь?

— Что еще?

— Падай быстро. Упадешь — не останавливайся. Беги, тогда тебя не схватят — кто бы там ни прятался. Увидишь ее — скажи, пусть бежит следом. Всосал?

— Всосал!

— В общем — или сдохнешь, как собака, или... — Он осклабился. — Станешь крутым отморозком, который прошел сквозь ад...

— Встречаемся на берегу?

— Я там не буду!

— Будешь!

Фриц направился к выходу, где уже стоял Генри.

— Хочешь пойти с этим полудурком? — прорычал он.

— Нет.

— Что, темноты боишься?

— Да я сам чернее любой темноты! — сказал Генри.

И они ушли.

А я, изрыгая немецкие ругательства, стал спускаться вниз — туда, где меня ждало туманное будущее и остатки ночного дождя.

ГЛАВА 40

Сразу, без перехода, я очутился в Мехико 1945 года. Или в Риме 1950-го.

Катакомбы.

В темноте так всегда бывает — мерещится черт знает что. Мумии, которых вышвырнули из могил за то, что они не оплатили кладбищенскую ренту. Или груды костей и черепов, про которые с каждым шагом думаешь, что, вот, сейчас зацепишь ногой — и они с грохотом повалятся во все стороны...

Тьма.

Я зажат между двумя слоями вечности, в сумраке, пролегающем под Мехико и Ватиканом.

И здесь — только тьма.

В последний раз я оглянулся на лестницу, ведущую в безопасный мир, где я оставил слепого Генри и злобного Фрица. Но они уже ушли наверх, к свету. К фасаду Граумана с его давно и безнадежно протекающей крышей.

Я отчетливо слышал, как ниже по течению, километрах в пятнадцати отсюда, где-то в Венеции, тяжело бухает сердце прибора. Где-то там тоже был, мать его в пень, безопасный мир. Там блуждал соленый ночной ветер, с которым меня разделяли несколько тысяч метров серого бетона...

И тут я резко вдохнул. Потому что увидел...

Как из темноты, еле волоча ноги, прямо на меня бредет какой-то бледный человек.

Нет, он не был пьян, но в нем явно сквозило что-то ненормальное. Эти странные вывернутые колени и локти. Эта опрокинутая голова. Руки, висящие, словно тушки подстреленных птиц. А взгляд...

— Я тебя знаю! — вдруг выкрикнул он.

Фонарик выпал у меня из рук.

Он поднял его и воскликнул:

— Что ты делаешь здесь, внизу? — Его голос отскакивал от бетонных стен. — Ты же ведь... — И он назвал мое имя. — Ну, точно! Ты что, тут прячешься? Или насовсем? Что ж, добро пожаловать... — Я не отрываясь смотрел, как бледная призрачная рука размахивает моим фонарем. — Ничего местечко, а? Я здесь

уже целую вечность. Спустился посмотреть. Назад не вернулся. Друзей тут толпа. Хочешь, познакомлю?

Я замотал головой.

— Действительно... На кой черт тебе сдались какие-то заблудшие в подземелье придурки!

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросил я. — Мы что — вместе учились в школе?

— Не помнишь! Черт бы тебя подрал!

— Гарольд? — попытался угадать я. — Росс?

В тишине было слышно, как где-то вдалеке капает из крана вода.

Я продолжал называть имена. К глазам опять подступили слезы. Ральф, Сэмми, Арнольд — эти были в школе. Гэри, Филипп — ушли на войну, храни их Господь.

— Кто ты? Когда мы познакомились?

— Никто никогда никого не узнает, — сказал он, куда-то ускользая.

— Ты был моим близким другом?

— Я всегда знал, что ты далеко пойдешь. А у меня ни фиги ничего не выйдет... — Его голос теперь доносился откуда-то издалека.

— Что, война?

— Нет, я умер еще до войны. И после нее тоже. И вообще никогда не рождался, ну что — угадал? — Он почти растворился.

— Эдди! Эд... Эдвард... Эдуарде, это ты! — У меня заколотилось сердце.

— Когда ты звонил мне последний раз? А на моих похоронах был? Знаешь хотя бы, что я...

— Не знал... — сказал я, в невольном порыве шагнув к нему.

— Приходи почаще. Стучаться не надо. Я всегда на месте. погоди! — крикнул он. — Ты кого-то ищешь? Как она выглядит? Слышишь меня? Как она выглядит? Я правильно понял? Да или нет?

— Да! — выпалил я.

— Она пошла туда... — Он махнул моим фонариком.

— Когда?

— Только что. Что она делает здесь, в Дантовом аду?

— Как она выглядела? — крикнул я.

— «Шанель номер 5»!

— Что?

— «Шанель»! На этот запах сбегаются крысы. Ей сильно повеет, если она дойдет до берега. Но я успел ей крикнуть: «Держись подальше от Масл-Бич!»¹²⁹

— Что-что?

— Говорю, я крикнул ей: держись. Она где-то тут, неподалеку. «Шанель номер пять»!

Я выхватил у него из рук свой фонарик и направил луч прямо в призрачное лицо.

— Где?

— А зачем тебе? — Он засмеялся безумным смехом.

— Не знаю, какая разница!

— Да там, там...

Он продолжал гоготать, и его смех плясал от стены к стене.

— Не вижу где!

— А зачем тебе? «Шанель»! — И снова хохот.

Я повел вокруг себя фонарем.

Пока он нес свою чушь, мне показалось, что где-то там, вдалеке, что-то произошло с погодой — какие-то шумные сезонные изменения. Я подумал, что вероятность дождя высокая — сухой чисткой тут явно не обойдется. Сначала воды будет по шиколотку, потом по колено, а потом затопит все к чертовой матери до самого моря!

Мой луч заметался — вверх, по кругу, обратно... Пустота. Звук нарастал. Теперь стало ясно, что перемены погоды тут ни при чем — это был не шум дождя, а шепот множества голосов. Не стук капель о цементный пол, а шлепанье босых ног. Чьи-то тихие вопросы, возгласы удивления и даже перебранки.

О господи... Это же люди — такие же призрачные тени, как та, что я встретил. Много теней. Тысячи теней и их голосов, и теней этих теней — все их треклятое племя в полном составе. Здесь и немые призраки из киноаппаратной Раттиган, и привидения из Граумана, взмывающие под потолок, чтобы пройти, как короткий ливень, и исчезнуть... Какой-то странный ветер сдул их всех — с ее проектора, с бледных экранов кинотеатра. Одел их в паутину, дал им голоса, заставил светиться изнутри... Боже милосердный, что же за бред!

Я прикрыл луч фонаря рукой, потому что боялся, что в его свет опять попадет это ужасное лицо. Он по-прежнему был здесь — городской сумасшедший из водостока. И продолжал что-то мямлить и кланчить у меня над ухом. Сколько я ни пытался отойти в сторону, я все равно чувствовал на щеке его горячее дыхание. Еще больше я боялся светить в туннель, где один раз мой луч уже открыл шлюзы для прохода призрачной нечисти. Их голоса были все громче, все ближе... Поток темноты нес с собой целую толпу... Шум дождя, похожий на шум голосов, и шум голосов, похожий на шум дождя... Мой полоумный дружок стал расти и наползать на меня в темноте, и мне показалось, что он схватил меня за рукав и держит и его хватка все крепче... А голоса все ближе... И я понимаю, что надо срочно валить отсюда, бежать, не разбирая куда, — в надежде на то, что эти твари безногие!

— Я... — хрипло проблеял я.

— Что с тобой? — крикнул он.

— Я...

— Чего ты испугался? Смотри. Смотри! Сюда смотри!

Что-то подтолкнуло меня в глубину тьмы, в самый водоворот черных теней. Все они толпились вокруг некоего вполне телесного существа. Его гортанные вскрики напоминали мольбы утопающих — как будто какая-то женщина тонет в океане тьмы.

Кричит, стонет, плачет, потом замолкает и стонет снова.

Кто-то щелкнул зажигалкой, и синий язычок пламени выхватил из темноты взерошенное создание, завернутое в шаль.

Следом за первой зажигалкой из тьмы с тихим посвистом выплыла вторая, огонек которой вздрогнул, но устоял. А потом еще одна, и еще... Как будто огненные светлячки слетались на представление и в темноте рассаживались по кругу. Десятка два проникли в самую середину — чтобы осветить все эти муки, стенания, шепот и всхлипы, поджечь этот голос, устроить ему ритуальное сожжение... И чем гуще был их хоровод, тем пронзительнее кричало создание, требуя невидимых даров³⁰, умоляя признать его, не оставлять его, дать ему жизнь, соединить и примирить между собой это лицо, тело и сущность.

— Если бы не мои голоса, я бы впала в уныние! — причитал голос.

Что-то страшно знакомое. Где-то я уже это слышал... Я точно помню. Но где же, где?

— Здесь, на просторе, в тишине, звон колоколов слышится, как будто с небес... И от каждого удара тянется долгий отзвук... В этом отзвуке и живут мои голоса!

Ну же, ну... Что-то крутится в голове... Господи, да что же это?

И вдруг где-то вдалеке ударил гром, из темноты со стороны моря вырвался порыв соленого штормового ветра.

— Ты? — крикнул я уже в полной темноте. — Это — ты!

Как будто все огни разом превратились в истошные вопли.

Я громко выкрикнул ее имя, но мой голос потонул в лавине голосов и топоте ног.

Началась давка. В темноте я натыкался на чьи-то тела — то рукой, то ногой, то лицом, то коленкой, и снова кричал: «Ты! Ты!»

Тьма еще сильнее забурлила, прорастая тысячами новых притоков. Из нее вынырнул один мерцающий огненный светлячок, который, подплыв к самым моим губам, гневно крикнул голосом одной из этих тварей: «Это ты, ты ее спугнул!»

И тут ко мне со всех сторон стали тянуться хищные руки — пока не повалили навзничь.

— Нет! — заорал я.

Перевернулся, вскочил на ноги и побежал, изо всех сил надеясь, что бегу в сторону моря, а не обратно к призракам.

Споткнулся, упал, выронил фонарь. Господи, только бы его найти... Я должен немедленно его найти.

Ползая на четвереньках в полной темноте, я заклинал: «Ну пожалуйста, ну найдись!»

Наконец мои пальцы нащупали свет. Я вскочил и, как в пьяном угаре, побежал дальше, подгоняемый потоком тьмы. «Только не упасть, только не упасть!» — твердил про себя я. Луч фонаря тянул меня вперед, как на веревке, — не падай, не оглядывайся! Где они? Совсем рядом, или отстали, или ждут в засаде? Боже всесильный!

И тут туннель огласился самыми чудесными из всех существующих на земле звуков. А впереди замаячило нечто напоминающее солнечный рассвет в раю... Сверкнули фары, запел автомобильный гудок, и, словно довершая эту картину счастья, ударил гром. Машина!

Некоторые люди, вроде меня, привыкли мыслить мизансценами — крупными и средними планами, вспышками молнии, выхватывающими из жизни самые сочные кадры... И я подумал: Джон Форд¹³¹, ни дать ни взять! Долина монументов в Колорадо! Индейцы! Прибытие нашей кавалерии!

Вот она, красавица, выходящая из морской пены... Старая колымага, спасение мое... И в ней привставший за рулем... конечно же, Крамли. Изрыгающий самые страшные ругательства, на которые он только способен. Проклинающий меня последними словами и абсолютно счастливый оттого, что меня нашел.

— Черт возьми, смерти моей хочешь! — Я с трудом увернулся от автомобиля, затормозившего прямо у моих ног.

— Не торопись, ублюдок, дай мне только выйти отсюда... — проорал Крамли.

В свете фар тьма тут же съежилась и отступила. А Крамли обрушил на меня такой поток ругательств, что я остолбенел. Зажмурив глаза, он орал, размахивал руками, долбил по кнопке клаксона, брызгал слюной...

— Твое счастье, что этот чертов драндулет сюда пролез! Что там у тебя?

Я оглянулся назад, в темноту.

— Да ничего...

— Ну, тогда и незачем тебя отсюда вывозить! — Крамли нажал на газ.

В ту же секунду я с такой страстью прыгнул на сиденье, что колымага содрогнулась.

Крамли схватил меня за подбородок.

— Ты как, в порядке?

— Теперь — да!

— Тогда можно ехать!

— Не можно, а нужно! — завопил я, увидев, как из темноты снова поперли тени. — Жми двести пятьдесят!

— Девяносто — не хочешь?

Крамли взгляделся в темноту.

— Сэчел Пейдж¹³², кажется, говорил: никогда не оглядывайся. Тупое правило — его очень легко могут использовать против тебя.

Несколько фигур уже вышли на свет...

— Поехали! — заорал я.

И мы сорвались с места. Со скоростью явно больше стольника.

— Это Генри позвонил мне! — на ходу проорал Крамли. — Говорит: кажется, наш недоносок Марсианин опять попал! Причем конкретно!

— Генри? — переспросил я.

— Фриц тоже позвонил! Сказал, что Генри не прав! Что ты гораздо хуже, чем просто недоносок!

— Так и есть! А ты еще быстрее можешь?

Крамли смог. И я, наконец, услышал шум прибора.

ГЛАВА 41

Мы вырулили из водостока, и я сразу увидел нечто заставившее меня вскрикнуть от удивления.

— Смотри!

Крамли следом за мной повернулся на юг.

— Это же дом Раттиган! Отсюда — метров сто пятьдесят, не больше! Как же мы раньше не замечали этот сток?

— Просто раньше ему не приходилось работать трассой 66.

— Значит, если мы смогли проехать внутри туннеля от Китайского театра до берега, то и Констанция могла добираться от этого места к Грауману...

— Могла, конечно. Если совсем с дуба рухнула... Так. Похоже, она рухнула одновременно со всех дубов штата Огайо! Гляди...

По песку вился узкий след.

— Велосипед! Ну да, на велосипеде отсюда не больше часа.

— Да нет, нереально. Я ни разу не видел ее на велике.

Привстав прямо в машине, я бросил взгляд на вход в водосток.

— Она еще там. Вряд ли ей удалось уйти. А если и удалось, то слишком далеко и совсем не туда... Бедная Констанция.

— Бедная?! — взорвался Крамли. — Да у этой бедной шкура толще, чем у мамонта. Давай-давай, жуй сопли из-за этой шлюшки, а я позвоню твоей жене, чтоб приехала и оторвала тебе яйца!

— За что? Я пока ничего такого не сделал.

— Ах, неужели? — Крамли с ревом газанул и выехал на берег. — А то, что ты три дня носился, как конь педальный, — поперся на Маунт-Лоу, собрал всех вшей у всех вшивых фриков

Лос-Анджелеса, влез на крышу Китайского театра — это как, не считается? Возглавил парад придурков — и все из-за прощановки, получившей «Оскара» за то, что дешевле всех продалась! Или я не прав? Можешь разбить мою шарманку, если я сыграл хоть одну фальшивую ноту!

— Крамли! Я же видел ее там, в водостоке. Раттиган! И после этого ты предлагаешь мне ее послать?

— Конечно!

— Ты так не думаешь, — сказал я. — Я слишком хорошо тебя знаю. Ты пьешь водку, а писаешь яблочным соком.

Крамли еще сильнее надавил на газ.

— Что ты имеешь в виду?

— В душе ты остался мальчиком при храме.

— Так, стоп! Пожалуй, поеду-ка я подальше от этого гребаного Приюта одиноких моряков!

Он прищурился, рванул еще быстрее, скрипнул зубами, но потом все-таки сбросил скорость.

— Что еще скажешь?

Я сплотнул и продолжал:

— Ты же был мальчиком-сопрано. Может быть, ты забыл, как твои родители гордились тобой на полуночной мессе? А когда мы сидели в кинотеатре? Думаешь, я не видел, как ты скрывал, что плачешь от фильма... Католический верблюд, который ломает себе хребет, но все-таки пролезет в игольное ушко. Знаешь, Хрум-хрумли... Из великих грешников получаются великие святые. Как бы ни был плох человек, он всегда заслуживает второго шанса.

— У твоей Раттиган их было девять десятков!

— Думаешь, Господь их считает?

— Боюсь, что да!

— А ты не бойся. Лучше подумай о том, что когда-нибудь, через много-много лет, ночью, ты позовешь священника, чтобы он тебя благословил, — и он вернет тебя в одну из тех далеких рождественских ночей, когда папа тобой гордился, а мама плакала от умиления... И ты закроешь глаза, и это будет такое сумасшедшее счастье для тебя — вернуться в свой родной дом, где не нужно прятаться в туалете, чтобы скрыть свои слезы... Ведь надежда все еще не умерла в тебе. И знаешь почему?

— Ну, и почему же?

— Потому, что я очень хочу, чтобы так было, Хрум-хрумли. Хочу, чтобы ты вернулся к себе домой, чтобы ты пришел к чему-нибудь, не важно, к чему — пока не поздно. Можно я расскажу тебе одну историю...

— Нашел время трендеть! Только-только унес ноги от банды лунатиков. Расскажи лучше, что ты видел в гребаном водостоке.

— Не знаю что. Я ни в чем не уверен.

— О господи! Подожди, не рассказывай! — Крамли порылся в бардачке и с взгласом явного облегчения выудил оттуда небольшую фляжку, которую тут же откупорил. — Если уж мне придется сидеть здесь между Сциллой и Харибдой твоего красноречия, так хоть не на сухую... — сказал он после того, как сделал приличный глоток. — Теперь говори.

И я рассказал:

— Когда мне было двенадцать, в наш город приехал ярмарочный фокусник, мистер Электрико¹³³. Он прикоснулся ко мне своим огненным мечом¹³⁴ и громко крикнул: «Живи вечно!» Почему он мне это сказал, Крамли? Может, увидел что-то в моем лице, в том, как я сижу, разговариваю? Не знаю. Мне лично ясно одно: в тот момент, когда он прожег меня насквозь своим всевидящим оком, он определил мое будущее. Помню, я шел с ярмарки и остановился у карусели — там каллиопа¹³⁵ играла «Прекрасный Огайо»...¹³⁶ Я стоял и плакал. Я понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее, какое-то чудо — я даже не знал, как это называть... Через три недели я начал писать — мне тогда было всего двенадцать лет. И с тех пор пишу каждый день. Вот как все это объяснить, Крамли? Скажи, как?

— На, — сказал Крамли, — допей.

Я прикончил остатки водки.

— Как? — тихо, как эхо, повторил я.

Теперь была его очередь говорить.

— Как, как... Просто он понял, что ты один из тех романтических придурков, которые ходят по облакам с пылесосом и собирают всякую сказочную чушь. А потом всем рассказывают, что видели на потолке живого призрака. Таких, как ты, видно за версту. Можно хоть тридцать раз вывалить тебя в собачьем дерьме — а у тебя все равно будет такой вид, как будто ты только что вышел из душа! Типа, мы такие невинные, сейчас у нас вырастут

крылышки! Терпеть не могу. И этот твой Электрико тоже сразу все просек... А где водка? Ах да... У тебя все?

— Нет, не все. Понимаешь, я чувствую, что если мистер Электрико наставил меня на праведный путь — то и я должен сделать то же самое. Во мне до сих пор сидит его сила, его электричество — как оберег. И сейчас у меня есть выбор: потратить его на себя — или отдать для ее спасения...

— Старик, ты бредишь!

— Это не бред — озарение. По-другому жить я не умею. Когда я женился, друзья говорили Мэгги, что я — пассажир из ниоткуда в никуда. Я ей тогда сказал: «Я — пассажир на Луну и на Марс, хочешь со мной?» И она ответила: хочу. И все было ведь не так уж и плохо, правда? Так почему бы по дороге к «благослови меня, святой отец»¹³⁷ и счастливому закату дней не отыскать в своем сердце местечко и для Раттиган? И не взять ее с собой...

Крамли сидел с остановившимся взглядом.

— Ты все это сейчас серьезно говоришь?

Он протянул руку и потрогал щеки у меня под глазами, потом лизнул пальцы.

— Ну, вот опять, — пробурчал он. — Соленая водичка. Твоя жена говорит, что ты плачешь даже над записными книжками... — добавил он.

— А как же, ведь в них полно людей, которые уже давно на кладбище... Знаешь что — если я сейчас сдамся, я себе этого не прошу. И тебя не прошу, если ты меня уговоришь сдать.

Некоторое время Крамли сидел молча, а потом вылез из машины.

— Подожди меня, — сказал он, пряча взгляд. — Пойду отолью.

Глава 42

Вернулся он не скоро.

— Умеешь же ты вынести человеку мозг... — сказал он, залезая в свой драндулет.

— Да ладно, всего лишь легкое сотрясение.

Крамли скорчил мне рожу.

— Чудо ты в перьях.

— Сам такой.

Мы медленно поехали вдоль берега к дому Раттиган. Я сидел и молчал.

— Что на этот раз? — спросил Крамли.

— Я думаю, почему все так... — сказал я. — Констанция... Женщина-молния. Женщина, которая смеется и ходит по проволоке под куполом... Актриса, которая играет морских котиков. И она же — дьявол во плоти, самая злобная тварь в переполненном ковчеге жизни...

— Спроси об этом Александра Великого, — отозвался Крамли, — или гунна Аттилу, который любил собак. Или Гитлера. Не забудь еще Сталина, Ленина, Муссолини, Мао, весь их чертов Анвильский хор. Роммеля¹³⁸, который был прекрасным семьянином. Может ли один и тот же человек ласкать кошек и резать человеческие глотки? Жарить пирожки и поджаривать людей? А как мы умудряемся любить Ричарда Третьего, зная, что он топил младенцев в бочках с вином? Почему у нас Аль Капоне¹³⁹ — звезда экрана? Бог не даст тебе ответа.

— Да я его и не спрошу. Он же нас отпустил. Снял с нас узду: паситесь сами по себе. Не помнишь, кто это сказал: «Виски сделало то, что было не под силу Мильтону¹⁴⁰, чтобы оправдать действия Бога по отношению к Человеку»¹⁴¹. Я бы продолжил: «А Фрейд жалеет розги и портит детей, чтобы оправдать действия Человека по отношению к Богу».

Крамли фыркнул:

— Да у этого Фрейда в башке тараканов было как в тыкве семечек... Я лично всегда считал, что каждый прышавый придурок должен получать по зубам.

— Мой отец ни разу в жизни не дал мне по зубам.

— Да кому ты нужен? Ты же как рождественский кекс, который зачерствел, потому что никто его не ест.

— Скажи, Констанция — красивая?

— По-моему, ты принимаешь за красоту просто... задор. Помню, за границей меня этим сильно озадачили француженки. Они же там просто из кожи вон лезут, чтобы продемонстрировать, как в них бурлит жизнь: и глазки строят, и ручкой машут, чуть ли не пританцовывают на ходу... Констанция — такая же. Если она не будет держать себя в режиме полной мощно-

сти, а еще лучше — на грани короткого замыкания, то она сразу превратится в...

— Страшила? Нет!

— Дай-ка! — Он сорвал у меня с носа очки и посмотрел сквозь них. — Так и есть — розовые! Что ты видишь, когда ты без них?

— Да на что тут смотреть?

— Действительно. На что тут смотреть!

— Другое дело — Париж весной. Париж под дождем. Париж в канун Нового года...

— Ты там был?

— В кино видел. Париж. Отдай.

— Пусть полежат у меня — до тех пор, пока слепой Генри не обучит тебя вальсировать. — Крамли засунул очки себе в карман.

Подъехав к фасаду беломраморного дворца, мы увидели две темные фигуры, сидящие у бассейна со стороны моря. Под зонтиком, который отлично защищал их от луны.

Мы с Крамли вскарабкались на дюну и присоединились к слепому Генри и злобному Фрицу Вонгу. Стоит ли говорить, что перед ними стоял поднос с мартини.

— Я знал, — сказал Генри, — что после ливневого стока вам потребуется новый приток сил. Берите. Пейте.

Мы взяли. Выпили.

Потом Фриц обмакнул свой монокуляр в водку, вставил на место и произнес: «Так-то будет лучше!» — И немедленно выпил.

ГЛАВА 43

Я расставлял вокруг бассейна складные стулья.

Некоторое время Крамли исподлобья наблюдал за мной, после чего произнес:

— А теперь — финал детективной истории Агаты Кристи! Пуаро устраивает у бассейна сходку всех подозреваемых. Я угадал?

— В самую точку.

— Поясни.

Я пояснил.

— Этот стул — для коллекционера старых газет с Маунт-Лоу.

— Он что — будет давать показания заочно?

— Да, заочно. Следующий стул — для Царицы Калифии, давно почившей вместе со своей хиромантией и френологическими шишками¹⁴².

Я шел вдоль бассейна.

— Третий стул — отец Раттиган. Четвертый — киномеханик с горных вершин Китайского театра Граумана. Пятый — Дж. У. Брэдфорд, он же — Таллулла, он же — Гарбо, Свенсон и Кольбер. Шестой — профессор Квикли, он же — Скрудж, он же — Николас Никльби¹⁴³, он же — Ричард Третий. Седьмой стул — я. Восьмой — Констанция...

— Погоди-ка...

Крамли встал и прикрепил мне на рубашку свой полицейский значок.

— Мы тоже хотим, — сказал Фриц, — послушать очередную залепуху от Нэнси Дрю¹⁴⁴.

— Схорони-ка подальше свой монокуляр, — сказал Крамли.

Фриц схоронил.

— Ну что, стажер, начинаем?

Новоиспеченный стажер подошел к стульям.

— Итак, я — Раттиган, — сказал Крамли, — бегу под дождем с двумя Книгами мертвых. Кто-то уже умер, кто-то — вот-вот умрет...

Я выложил книжки на стеклянную столешницу и продолжил:

— На данный момент нам всем известно, что одну из книжек с покойниками послал в припадке ностальгического безумия Квикли. Он хотел напугать Констанцию — и ему это удалось. Далее... Констанция пускается в бегство от прошлого, от воспоминаний о своей стремительной, бурной и никчемной жизни.

— Метко подмечено... — вставил Крамли.

Я замолчал.

— Извини, — сказал Крамли.

Я взял в руки записную книжку Констанции с ее личным списком телефонов.

— А что, если Констанция испытала слишком сильное потрясение от своей старой Книги мертвых? Слишком близко к сердцу приняла свое прошлое, в котором уже так много утрат и потерь? И не нашла ничего лучшего, чем просто покончить с ним... Например, уничтожить его, а вернее — его свидетелей, одного за

другим? Что, если она сама пометила красным все фамилии, а потом просто забыла?

— Если бы да кабы... — сказал Крамли.

— Ладно уж, дадим идиоту выразить свой восторг...¹⁴⁵ — Фриц Вонг вставил в глаз монокуляр и всем телом подался вперед. — По-моему, завязка отличная: Раттигангстер решает убить, покалечить или как минимум — напугать свое собственное прошлое, ja?¹⁴⁶ — глубоким тевтонским голосом сказал он.

— И ты предлагаешь в этом ключе разыграть все последующие сцены? — уточнил я.

— Вот-вот — и, если можно, побольше действия, — оживился Фриц.

Я перешел за первый пустой стул.

— Это — тупик старой троллейбусной ветки на Маунт-Лоу.

Фриц и Крамли кивнули, сразу увидев перед собой мумию, спеленутую в газетные заголовки.

— Погодите... — Слепой Генри прищурился. — Порядок, теперь и я на месте.

— Там, на Маунт-Лоу, находится ее первый муж — ее первая крупная ошибка. Кроме того, на холм ей нужно, чтобы найти газеты со своими прежними «я» — и уничтожить их. Она поднимается туда, забирает газеты — там же, где взял их и я, а потом что-то кричит ему на прощание. То ли обвал произошел от этого ее крика, то ли она просто случайно задела стопку газет — этого теперь никто не узнает. Итог в любом случае один: трамвайщик с Маунт-Лоу тонет в лавине плохих новостей. Так?

Я посмотрел на Крамли — его губы сложились в круглое «о'кей». Фриц тоже коротко кивнул. А Генри, как всегда, услышал всех безмолвных и жестом показал: продолжай.

— Стул номер два. Бункер-Хилл — Царица Калифия. Предсказывает будущее, рисует судьбу.

Я взялся за стул, всем своим видом выразив готовность толкать перед собой африканского слона на роликах.

— Итак, что сделала Констанция? Просто немного поскандалила у нее под дверью. Калифию никто не убивал — так же как никто не убивал египетскую мумию с Маунт-Лоу. Ну да, Раттиган на нее наорала — потребовала отменить все ее поганые предсказания светлого будущего. Давняя история. Когда-то Калифия

эффектно развернула перед ней свой папирус, на котором был начертан ее жизненный путь. Констанция повелась, и, как слепая летучая мышь, — да простит меня Генри, — полетела исполнять предсказания. Но разве Калифия ее обманула? Да ничего подобного! Будущее было сказочным? На все сто! И вдруг, спустя годы, уже в финале игры, Констанция требует отказаться от этих предсказаний. Калифия вынуждена согласиться — и говорит заведомую неправду, просто чтобы сохранить себе жизнь. Но потом от волнения, исключительно по неосторожности, срывается с лестницы и погибает. Это не убийство. А элементарное нарушение техники безопасности.

— А не многовато ли Калифии? — сказал Крамли, изо всех сил стараясь не показывать своего одобрения.

— Сцена третья, дубль первый, — объявил Фриц.

— Сцена третья, дубль первый, стул номер три... — Я переместился. — Исповедальня собора Святой Вивiany.

Фриц передвинул поближе свой стул и медленно обвел всю мою мизансцену своим монокуляром — как будто это был луч маяка. Затем небрежным кивком велел мне продолжать.

— Здесь перед нами возникает Кларенс Раттиган, великодушный брат, который всю жизнь пытается наставить ее на стезю добродетели, вывести на путь истинный. Разумеется, маршрут этого пути существенно отличается от того, что предложила ей Калифия. Там, где у Калифии «налево», у него — жесткое «направо». В конце концов годы беспробудного греха делают свое дело: братец умывает руки и выгоняет Констанцию из храма. Через какое-то время она возвращается и со скандалом требует отпущения грехов. Кричит на всю церковь: «Очисти меня! Прости меня — ведь я же твоя плоть и кровь! Пожалей меня, уступи!» А он в ответ затыкает уши, а потом сам начинает орать громче ее. Так что, выходит, — он умер вовсе не от ее крика, а от своего собственного.

— Это все твои личные догадки! — Фриц прищурил один глаз — и открыл по мне огонь из второго, направив всю свою жгучую энергию в монокуляр. — Ты докажи. Дай мне момент истины — если уж мы якобы замахнулись на то, что якобы снимаем фильм... Придумай его! Я хочу знать — почему ты так уверен, что священник пал жертвой собственного гнева?

— Черт возьми, да кто тут детектив, в конце концов? — вмешался Крамли.

— Да вот, есть у нас тут один... вундеркинд, — сказал Фриц, не удостоив Крамли взглядом, поскольку все еще держал меня под прицелом своей линзы. — Сейчас все и решится — или грудь в крестах, или голова в кустах. Это уж смотря что он скажет.

— Я что — нанимаюсь на работу? — спросил я.

— Работу ты уже получил. Но можешь и вылететь с треском. Я — директор студии, и я решаю, с кем заключать договор. Итак, откуда тебе известно, что священник сам довел себя до смерти?

Я выдохнул.

— Мне достаточно того, что я слышал, как он дышит... Видел, как он ходит... Наблюдал за его лицом... Для него казалось невыслышимым даже то, что она плавает на доске, что она погружается в зоне прибоя и выныривает в другом месте. Она была как раскаленный воздух, а он — как утренний туман. И они столкнулись. Удар молнии — отсюда и жертвы.

— И весь этот фейерверк устроили священник и его дрянная сестренка?

— Святой и грешница, — пояснил я.

На лице Фрица Вонга заиграл здоровый румянец и улыбка отъявленного безбожника.

— Вы приняты. Что скажешь, Крамли?

Крамли слегка отодвинулся от Фрица, но все же кивнул.

— По поводу доказательства? Сойдет... — сказал он. — Что дальше?

Я перешел к следующему стулу.

— Мы в Китайском театре Граумана, на самом верху. Поздний вечер, в проекторе прокручивается пленка, на экране — фигуры, на стене — фотографии. Все прежние «я» Раттиган в сборе — приходи и забирай. Да еще и ее папаша — единственный человек, который знает ее как облупленную, хранитель адского огня. Впрочем, Констанция ему не нужна, так же как и он ей. И вот, она вламывается к нему и срывает со стен свидетельства своего прошлого. Надо скорее их уничтожить, сжечь — все прежние «я», которые она так ненавидит. Папаша в шоке — как от сломанной двери, так и от всего остального. В нем борются противоречивые чувства: все-таки Констанция — его дочь.

В итоге он мирится с потерей фотографий, но запускает в проекторе закольцованную пленку: Молли, Долли, Салли, Холли, Гала, Уилла, Сью... Через какое-то время являемся мы — увы, слишком поздно. Пленка крутится, лица мелькают, но нам уже не спасти ни старика, ни фотографии. Вот вам не криминальный труп номер четыре...

— Допустим... А как насчет Дж. Валлингтона Брэдфорда — он же Таллулла Бэнкхед, Кроуфорд, Кольбер и еще с ними? Этот пока живой? Еще не пал жертвой? — спросил Крамли. — А тот, второй, — склонный к измене и перемене, Квикли?

— Эти пока живы, но, боюсь, ненадолго. Их судьба едва ли надежнее бумажного змея в бурю. Ведь Констанция затаила на них злобу...

— За что? — спросил Крамли.

— Это ведь они обучили ее всем возможным приемам, чтобы не быть собой, — сказал Фриц, очень гордый своей проницательностью. — Так не делай — делай вот так, так не поступай — поступай вот эдак. Сейчас Ричард Третий научит тебя быть дочерью короля Лира, Медеей и леди Макбет. Они же все — на одно лицо. И вот она послушно становится Электрой, Джульеттой, леди Годивой, Офелией, Клеопатрой... Брэдфорд сказал — Раттиган сделала. А еще ведь есть Квикли. Каждой Конни нужно зайти по очереди к обоим. Хлопот не оберешься: скинуть старую кожу, стереть прежние черты, сжечь документы... Только вот могут ли учителя разучить обратно? Она именно это от них потребовала. «Объясните мне, кто такая Констанция, что она из себя представляет?» — вот вкратце суть ее заявления. Но учителя ведь имеют обыкновение учить только туда, а не обратно. И вот тогда Констанцию понесло...

— В гардеробные цокольного этажа, — подхватил я. — Разумеется, уже после того, как она стащила фотографии в кинорубке. Последний штрих — стереть с зеркал свидетельства своих прежних «я». Содрать, соскоблить, смазать — имя за именем, год за годом...

Я закончил, запил этот факт мартини и замолчал.

— Ну что ж, кажется, наше «Убийство в Восточном экспрессе» прибывает на конечную станцию? — спросил Фриц, развалившись, как римский император в купальне.

— Да.

— А дальше — вот что... — произнес он своим тевтонским гортанным голосом. — Скажи мне, готов ли ты приступить к работе над киносценарием под названием «Все смерти Раттиган»? Начиная с понедельника пять сотен в неделю, всего десять недель плюс двадцать тысяч премии, если мы все-таки снимем эту хрень?

— Хватай деньги и беги, — сказал Генри.

— А ты как думаешь, Крапли, — принять предложение?

— Само расследование, конечно, — полная чушь, но для фильма — то, что надо.

— Ты правда так считаешь? — воскликнул я.

— Извини, таких придурков, как ты описал, в реальной жизни не бывает.

— Господи, и чего ради тогда все это... — Я обессиленно рухнул на стул. — Не хочу больше жить!

— Сейчас захочешь... — Фриц согнулся в три погибели и принялся что-то рисовать в блокноте.

Кажется, это были пять сотен в неделю.

Закончив, Фриц бросил на стол чек на пять долларов.

— Вот твое жалованье за первые десять минут!

— Значит, ты тоже думаешь, что все это чушь? Тогда не надо... — Я отодвинул от себя чек. — Я надеялся, что хотя бы один из вас примет мою идею целиком...

— Я приму.

Все посмотрели на слепого Генри.

— Подписывай контракт, — сказал он, — только пусть он сначала распишется в том, что действительно верит каждому твоему слову!

После недолгих сомнений я быстро настроил свою прокламацию. А Фриц, недовольно ворча, поставил под ней свою подпись.

— Чертова баба! — бубнил он. — Сваливается на голову, обвивается вокруг горла, как змея. Да кому она нужна: убьет она себя, не убьет, — кому это интересно? Это же полный бред. Так я и поверил, что она испугалась собственной записной книжки... А потом еще побежала разыскивать всех уродов, которые встретились ей на жизненном пути. Как же, держи карман шире! Вот ты бы испугался какой-то сраной телефонной книги? Можешь

не отвечать! Я уверен, должна быть настоящая причина, почему она ударилась в бега. Для этого нужен веский мотив. Зачем она совершала все эти телодвижения? Чего хотела добиться? Постояй-постояй...

Фриц на глазах побледнел, а потом стал медленно, но неуклонно краснеть.

— Нет. Да. Нет. Этого не может быть. Нет. Да. Точно!

— Что точно, Фриц?

— Хорошо, что я иногда разговариваю сам с собой. И хорошо, что сам себя слушаю. А кто-нибудь еще это слышал?

— Но ты ничего не сказал, Фриц.

— Я буду говорить сам с собой, а вы подслушивайте, ja?

— Ja.

Фриц прожег меня взглядом до самых печенок. Потом погасил злобу глотком мартини и начал:

— Месяц или два назад она приперлась ко мне на работу. Прибежала вся в мыле. «Это правда, — кричит, — что ты приступаешь к новому фильму? Пока без названия?» — «Ja, — говорю я ей, — возможно». — «А для меня там есть роль?» А сама виснет у меня на шее, прыгает на колени. «Нет же, нет!» — говорю. «Да же, да! Должна же она быть, обязательно должна. Какая роль, Фриц, ну, скажи!» Не надо было ей говорить. Зачем я все ей выболтал, прости господи! Пристала: «Скажи, что за фильм, Фриц?» — «Это только задумка, тебе знать ни к чему», — говорю я ей. «Да, ты прав, Фриц, но бога ради, пожалуйста, скажи! Какой фильм?»

Фриц не обращал на меня никакого внимания. Разглядывая сквозь монокуляр звездное небо, он говорил сам с собой, а мы только подслушивали.

— «Эта роль не по тебе», — говорю, — продолжал он, — тогда она заплакала. «Ну, пожалуйста, — говорит. — Ну, попробуй меня». А я ей говорю: «Есть роли, Констанция, которые тебе никогда не сыграть, такое ты никогда не играла... — Фриц порывисто приложился к стакану. — Орлеанская дева». А она как закричит: «Жанна д'Арк! Боже мой! Жанна! Я должна это сыграть! Я бы все свои роли отдала за эту одну!»

«Должна это сыграть! — отозвалось эхо. — Жанна!» Какой-то плачущий голос зазвучал у меня в ушах. Потом пошел дождь.

Где-то капала вода. А потом в темноте зажглось сразу много зажигалок, и они осветили какую-то женщину — она была чем-то расстроена, плакала и говорила: «Если бы не мои голоса, я бы впала в уныние! Здесь, на просторе, в тишине, звон колоколов слышится, как будто с небес... И от каждого удара тянется долгий отзвук... В этом отзвуке живут мои голоса!»¹⁴⁷ И подземная публика прошептала: «Это Жанна...»

Жанна д'Арк.

— О боже, Фриц! — крикнул я. — Повтори!

— «Святая Жанна»...

Я отшатнулся и свалил свой стул.

Фриц продолжал:

— Я говорю ей: «Слишком поздно, Констанция». А она говорит: «Нет, никогда не поздно». А я ей говорю: «Послушай, давай я дам тебе задание: если справишься, если сможешь сыграть сцену из «Святой Жанны» Шоу — шансов мало, конечно, но чем черт не шутит, — тогда получишь эту роль». Она чуть не в обморок. Кричит мне: «Подожди! Я уже умираю! Подожди, я вернусь...» И убежала.

— Знаешь, Фриц, что ты только что сказал?

— Что, что! «Святая Жанна»!

— Господи, Фриц, как ты не понимаешь? Мы сбились со следа из-за того, что она сказала отцу Раттигану. Она кричала: «Я убила их, убила! Помоги мне их похоронить!» И мы подумали, что она говорит о старике Раттигане с Маунт-Лоу, о Царице Калифии с Бункер-Хилл... А ведь все на самом деле не так! Она их не убивала, она просто хотела, чтобы ей помогли убить... Констанцию!

— Еще не легче. Приехали... — проворчал Крамли.

— «Помоги мне убить Констанцию!» — говорила Констанция. Спрашивается, зачем? Ради Жанны д'Арк! Вот ответ. Ей просто до зарезу нужна была эта роль. Она же целый месяц к ней готовилась. Так ведь, Фриц?

— Подожди, я только выну монокуляр и вставлю обратно... — Фриц смотрел на меня застывшим взглядом.

— Послушай, Фриц! Она прекрасно понимает, что эта роль не ее... И все-таки есть один способ, чтобы она смогла стать Святой Жанной!

— И какой же, не скажешь ли?

— Скажу ли! Ей просто нужно было убежать от тебя, вернуться в свое прошлое — и жестко пересмотреть всю свою жизнь... Вырвать с корнем, убить одну за другой все свои сущности, изгнать всех призраков... И только потом, когда все эти Констанции будут мертвы, можно было приступать к заданию. Только тогда она могла бы попробовать приблизиться к этой роли — только попробовать, без всяких гарантий, что получится. Она ведь в жизни не играла ничего подобного. Такого шанса у нее еще не было никогда. Но все это обрело смысл только при одном условии: она должна убить свое прошлое. Как ты не понимаешь, Фриц? Этим объясняется все, что происходило в последнюю неделю. С Констанцией, со всеми остальными... Все эти ее внезапные появления, исчезновения и воскрешения из ниоткуда...

— Нет, нет! — замотал головой Фриц.

— Не нет, а да, — сказал я. — Как только ты назвал имя, мне сразу все стало ясно. Святая Жанна — вот он, настоящий мотив. Недостижимая мечта всех женщин на этой земле...

— О господи, убейте меня!

— Нет, Фриц! Ты будешь оправдан! Это же ты разгадал этот ребус! Теперь, если мы найдем Констанцию и скажем ей, что, может быть, возможно, не исключено — она получит этот шанс... С некоторой долей... — Я запнулся. — Фриц! Ну, говори...

— Что?

— Если Констанция внезапно преобразится в Орлеанскую Деву... Если она будет выглядеть неправдоподобно молодо, изменится чудесным образом — тогда ты дашь ей эту роль?

Фриц нахмурился.

— Только, пожалуйста, сделай милость, не надо на меня давить!

— Я не давлю. Но послушай. Разве у нее не было в жизни периода, когда она могла сыграть Деву?

— Да, был, — помолчав, сказал Фриц. — Но тогда было — тогда, а сейчас — это сейчас!

— Выслушай меня. Если все же случится чудо — и у нее получится? Просто подумай о ней, как будто — вот она, стоит здесь. А от прошлого абстрагируйся совсем. Вспомни ту Констанцию, которую ты знал когда-то... Ей бы ты дал эту роль — если бы она попросила?

Фриц взял в руки свой стакан. Потом поставил его и наполнил из запотевшего хрустального графина. И наконец сказал:

— Ну, хрен его знает... Наверное, мог бы. Но только не дави на меня. Ради всего святого, не дави!

— Фриц, а если мы найдем ту самую Констанцию и она тебя попросит — согласишься ли ты хотя бы... подумать?

— О господи! — взорвался Фриц. — Мама моя дорогая! Да! Нет! Не знаю!

— Фриц!

— Черт возьми, прекратишь ты ныть или нет! О'кей! Согласен! Но только — подумать!

— Отлично! Потрясающе! Теперь, если только нам удастся...

Независимо от меня мой взгляд заметался по берегу, пытаюсь отыскать вдалеке вход в этот чертов водосток. Когда я спохватился — было уже поздно.

И Крамли, и Фриц все просекли.

— А юноша-то, не будь дурак, знает, где Медя, — сказал Крамли.

Знаю, да, конечно, знаю! Сам же и спугнул ее своими идиотскими воплями!

Фриц направил монокуляр на слив водостока.

— Это оттуда ты явился? — спросил он.

— Вот именно — явился не запьялился... — фыркнул Крамли.

— Ну да, не я был за рулем... — виновато сказала я.

— Какое черта было вообще лезть в эту сточную канаву? Что толку с того, что ты нашел там свою Раттиган? Ты же снова ее потерял.

Да, потерял! Как это ни прискорбно!

— А может быть... — задумчиво протянул Фриц. — Заметь, я сказал — может быть... ты просто не туда пошел?

— Что значит — не туда?

— Здесь, в этом чокнутом Голливуде, — продолжал Фриц, — можно ожидать чего угодно. Почему ты так уверен, что путь в водостоке только один? Эти туннели вполне могут разветвляться на несколько направлений.

— На юг, на север, на запад и... — на этом слове я невольно запнулся, — и на восток.

— На восток! — гаркнул Фриц. — Да, на восток!

В ту же секунду каждый из нас мысленно совершил бросок через холмы и спустился вниз, прямо к Глендейлу. Никто и никогда не бывает в Глендейле. Там можно оказаться только в одном случае.

Если ты умер.

Фриц Вонг подкрутил свой огнедышащий монокуляр, и на губах у него появилась самая порочная из всех улыбок, которые бывают в природе.

— Клянусь своей печенью! — сказал он, взяв в объектив весь восточный фронт. — Это будет грандиозный финал. Сценарий не понадобится. Хотите знать, где она прячется? На востоке! Ушла под землю!

— Куда-куда ушла? — спросил Крамли.

— Это же Раттиган... Хитрая лиса, хищная кошка... Она уходит под землю, прячется в норе, сбегает от позора. Она смертельно устала от всех своих жизней. Единственное ее желание — вернуть их всех в ковер Клеопатры¹⁴⁸ — и поместить в банк Вечности. С глаз долой. В темноту. А под землей места много... — Он выдержал паузу, наслаждаясь нашим ожиданием. — Особенно на Форест-Лаун.

— Господи, Фриц, это же кладбище!

— Кто тут режиссер, в конце концов? — сказал Фриц. — Ты просто не туда свернул — к свежему воздуху, к морю, к жизни... А Раттиган — пошла на восток, на зов Смерти. Смерть позвала ее — от имени их всех. И она ответила им — уже от имени самой себя.

— Складно звонишь, — сказал Крамли.

— Ты уволен, — парировал Фриц.

— А я и не нанимался. Что дальше?

— Пойдем и докажем, что я прав!

— То есть, по-твоему, Раттиган спустилась в дождевую канализацию и пешком отправилась на восток — или поехала, или ее подвезли?

— Вот именно! — сказал Фриц. — Так и буду снимать. Это же готовый фильм. Пальчики оближешь...

— Но зачем ей идти именно на Форест-Лаун? — попытался возразить я, смутно подозревая, что не кто иной, как я сам, ее туда и отправил.

— Чтобы умереть! — с торжествующим видом объявил Фриц. — Кто читал повесть Людвиг Бемельманса¹⁴⁹ — о старике, который, когда умер, поставил себе на голову зажженную свечу, обвешался венками и, будучи единственным участником похоронной процессии, прошествовал в могилу? Констанция сделала примерно то же самое. Отправилась в последний путь — и теперь уже в последний раз... Ну так что, я завожу мотор? Кто-нибудь еще едет? Поверху поедем — или под землей?

Я посмотрел на Крамли, он — на меня, а потом мы оба — на слепого Генри. Он уловил наши взгляды — и коротко кивнул.

За это время Фриц успел уйти — не забыв прихватить водку.

— Идите первыми, — сказал Генри. — Только материтесь почаще и погромче, чтобы я вас не потерял.

Мы двинулись к драндулету — сначала я и Крамли, потом — Генри.

Фриц уже сел в свою машину. Прямо перед нашим носом он хлопнул дверцей и посигналил.

— Давай-давай, колбасник хренов! — крикнул Крамли.

— Эй! Где тут ближайшее шоссе для смертников? — Автомобиль Фрица взревел и подпрыгнул на месте.

Мы стояли на распутье, поглядывая то внутрь туннеля, то на дорогу.

— Ну что, куда едем, красавчик? — спросил Крамли. — В Дантов Ад или на трассу 66?

— Дай подумать... — сказал я.

— Можешь не трудиться! — выкрикнул Крамли.

Мы поискали глазами машину Фрица — ее нигде не было.

И только повернув головы направо, мы увидели, как в глубине туннеля прощально тают два красных огонька.

— Проклятье! — прорычал Крамли. — Этот козел все-таки рванул через трубу!

— Что будем делать? — спросил я.

— Ничего не делать! — С этими словами он полностью утопил педаль газа.

Мы развернулись и нырнули в туннель.

— Это же безумие! — заорал я.

— Пить надо меньше! — Крамли грязно выругался. — И еще три раза так!

— Хорошо, что я этого не вижу... — сказал Генри, который сидел на заднем сиденье и разговаривал со встречным ветром.

Мы двинулись по водостоку, держа курс в глубь материка.

— А мы проедем? — спросил я. — Какая тут высота потолков?

— Около трех метров, — прокричал Крамли. — Чем глубже забираешься, тем выше свод. В Глендейле вода стекает с гор, там канал вообще широкий. Держитесь крепче!

Машина Фрица почти скрылась из виду.

— Вот урод, — сказал я. — Интересно, он имеет хоть малейшее представление о том, куда ехать?

— Имеет, — кивнул Крамли. — До Китайского театра, а потом налево — и напрямик в сад мраморных камней.

Наш мотор завывал так, что мог бы озвучивать конец света. В этом грохоте толпа лунатиков, которая замаячила впереди, показалась мне особенно жуткой. Я узнал их.

— О господи! — завопил я. — Мы их собьем! Нет! Не сбавляй скорость! Они же ненормальные! Только не останавливайся!

Мы не останавливались. Мотор ревел. Мимо нас, увековеченная на стенах, пролетала история Лос-Анджелеса... Наскальные рисунки, граффити, шокирующие иллюстрации быта бомжей, сороковой год, тридцатый, двадцать пятый, гадкие рожицы, пошлые картинки, и ничего живого...

Наконец мы врезались в самую гущу подземных психов, которые встретили нас визгливыми воплями. Крамли сбавил скорость, но не остановился. Мы просто ехали и резали толпу пополам, разбрасывая ее направо и налево.

Вдруг один из призраков поднялся и, пошатываясь, начал что-то бормотать.

Эд, Эдвард, Эдди... О, Эдуардо! Это опять ты?

— Ты не попросался со мной! — истуленно выкрикнул Эд — и, не успев вскрикнуть, как он уже остался позади.

Мы помчались дальше — как будто спасались бегством от моей вины... Все оставалось позади, и чем дальше мы углублялись в туннель, тем сильнее меня сковывал ужас.

— Как же мы сможем понять, что мы приехали? — спросил я. — Здесь ведь нет никаких указателей. А может, мы просто их не видим?

— Действительно, — сказал Крамли, — надо приглядеться...

Мы пригляделись и увидели, что в туннеле полно всяких знаков, нарисованных где мелом, а где черной краской.

Крамли сбросил скорость. Прямо перед нами на стене были нацарапаны несколько распятий и могилочек.

— Если верить гиду по имени Фриц, то мы уже в Глендейле, — сказал Крамли.

— Значит, это...

— Да. Форест-Лаун.

Крамли включил дальний свет, и мы медленно двинулись вперед, виляя то вправо, то влево. Очень скоро мы увидели лестницу, которая вела наверх — в люк, прикрытый решеткой. Рядом с ней стояла машина Фрица, а сам он карабкался по ступенькам в небо. Кресты начинались уже здесь.

Мы вышли из автомобиля и, миновав пересохшие лужи, тоже полезли наверх. Что-то громыкнуло в вышине у нас над головами. Кажется, это был не гром, а Фриц, который сдвигал железную решетку. Дождь, тем не менее, закапал.

Поднимались молча, и только Фриц где-то над нами выкрикивал режиссерские указания:

— Давайте уже, шевелите булками! Мудачье...

Мы посмотрели вниз.

Слепой Генри явно не планировал оставаться в арьергарде.

ГЛАВА 44

Гроза прошла, но дождь все еще накрапывал. Небо вело себя как коварный соблазнитель, которого хватает только на обещания.

— А мы еще на этом свете? — спросил Генри.

Через ворота кладбища Форест-Лаун был виден огромный склон, беспорядочно усеянный торчащими из травы могильными камнями — как после метеоритной бомбардировки.

— Говорят, электорат здесь побольше, чем в Падьюке, Ред-Ривере, Вайоминге и Азузе, вместе взятых, — проявил осведомленность Крамли.

— А я люблю старые кладбища, — сказал Генри. — Здесь есть что потрогать... И могилы такие, что на них лежать можно, вместо статуй... Или прийти ночью с девушкой поиграть в доктора...

— Или проверить, на месте ли у Давида фиговый листок... — вставил Фриц.

— Бесплезно, — сказал Генри. — Парню крупно не повезло. Когда его перевезли сюда на корабле, он был еще без листка. Сначала целый год провалялся под брезентом в форте — дабы не оскорблять чувства пожилых дам в теннисных туфлях. Ну, а потом решили налепить ему этот дурацкий листок. Чтобы всем испортить удовольствие. Но перед тем как налепить, отбили ему... тренажер для изучения системы Брайля. Наверное, подумали, что надо блюсти нравственность среди мертвецов. Живые, бог с ними, пусть себе устраивают предварительные ласки по ночам на могилах. Мертвые же намного опаснее — у них-то разврат не предварительный, а уже загробный...

Мы стояли под морозящим дождем, высматривая путь¹⁵⁰ к погребальной конторе.

— Уходит под землю... — шепнул кто-то у меня над ухом. Кажется, это был я сам.

— Надо двигать! — сказал Крамли. — Через полчаса вся дождевая вода с холма будет внизу. И наши машины смое в океан.

Мы посмотрели на зияющий люк. Оттуда уже доносился шепот воды.

— Не шути так! — сказал Фриц. — У меня коллекционный автомобиль!

— Я и говорю — надо двигать! — повторил Крамли.

Мы рванули через улицу к зданию конторы.

— Про кого будем спрашивать? — спросил я. — И что?

Судя по взглядам, этот вопрос поставил всех в тупик.

— Про Констанцию?

— Ну, конечно, — ворчливо сказал Крамли. — Про Констанцию, про газетные заголовки и про черные списки. Про псевдонимы, про подвал и помаду на зеркалах...

— Извини, не расслышал? — спросил Генри.

— Проехали. Это была развернутая метафора. Пошли быстрее!

Бодрым шагом мы прошествовали под своды чертога смерти, который по совместительству оказался царством конторщиков и картотечных шкафов.

Брать номерок и томиться в ожидании нам не пришлось: какой-то очень высокий мужчина — пепельный блондин с лицом

цвета мороженных устриц — стремительно спланировал за ближайший к нам письменный стол и посмотрел на нас с такой неприязнью, как будто мы только что вылезли из мусорного контейнера.

Затем он выложил на стол свою визитку и пододвинул ее к Крамли.

— Вы — Грей? — спросил тот.

— Элихью Филлипс Грей, как видите.

— Мы хотим купить участки на кладбище.

Губы Элихью Ф. Грея подернулись улыбкой, как зимнее озеро льдом. Отрепетированным жестом фокусника он разложил перед нами карту и прайс-лист.

Крамли не удостоил их и взглядом.

— Сначала — вот это... — Он вытащил составленный мною список фамилий и положил его перед Греем — вверх ногами.

Тот молча на него уставился.

Затем Крамли достал из кармана несколько свернутых в рулон сто долларовых купюр.

— Подержите пока это у себя, молодой человек... — Бросив рулон мне, он вновь обратился к Грею: — Вам известны эти фамилии?

— Да, известны, — сказал Грей и снова впал в молчание.

Крамли выругался сквозь зубы.

— Зачитайте их, молодой человек.

Я стал одно за другим называть имена.

— Холли Морган.

Грей влез в картотеку.

— Она здесь. Похоронена в двадцать четвертом.

— Полли Старр?

Последовал шелест карточек.

— Тоже здесь. Двадцать шестой год.

— А Молли Серс?

— Есть. Двадцать седьмой.

— Эмили Данс?

— Двадцать восьмой.

— И все похоронены здесь? Точно?

Грей обиженно нахохлился.

— За всю свою жизнь я не ошибался еще ни разу. Но здесь как-то... очень странно... — Он заново просмотрел карточки, которые

только что откопал. — Не понимаю. Они что — все родственницы, все из одной семьи?

— В смысле?

Грей бросил на карточки ледяной взгляд, как будто хотел их заморозить.

— А вот, посмотрите, — все они похоронены в одном и том же готическом склепе.

— То есть как? — Крамли прямо на глазах выпал из образа скучающего скептика и схватил со стола карточки. — Как это может быть?!

— Это очень странно. Но все эти женщины с разными фамилиями отправлены на покой в одну и ту же гробницу — мемориальное сооружение с восемью полками для упокоения восьми членов одного семейства.

— Но они не принадлежали к одной семье! — сказал Фриц.

— Очень странно... — продолжал твердить Грей. — Ничего не понимаю.

Я стоял как громом пораженный.

— Нет-нет, стоп... — прошептал я.

Фриц, Крамли и Генри, как по команде, обернулись ко мне.

— Ну-у-у? — Грей приподнял свои заснеженные брови.

— Это же гробница? Семейный склеп? Значит, над входом должно быть имя. Имя, высеченное в мраморе...

Грей просматривал карточки, мы напряженно ждали.

— Раттиган, — сказал он.

— Точно?

— За всю свою жизнь...

— Да-да, я понял! Повторите имя!

Мы затаили дыхание.

— Раттиган... — В его голосе появился холодный металл средневекового орудия инквизиции.

Мы выдохнули.

Наконец я сказал:

— Но они не могут все находиться в одном склепе...

Грей закрыл глаза.

— За всю свою...

— Да-да-да... — протараторил я.

И встретился глазами со всеми по очереди.

— Вы тоже... об этом подумали?

— Вот ведь чертовщина, — пробормотал Крамли. — Господи прости. Не покажете ли нам, как лучше пройти к гробнице Раттиган?

Грей взял у меня блокнот и начертил в нем от руки, как пройти.

— Найдете без проблем. Перед гробницей лежат свежие цветы. Дверь открыта. Завтра там будет заупокойная служба.

— А кого будут хоронить?

Зажмурившись, мы ждали ответа, уже зная его заранее.

— Раттиган, — сказал Грей, и мне показалось, у него на губах промелькнула тень улыбки. — Некую Констанцию Раттиган.

Глава 45

Кладбище почти растворилось в пелене дождя. Из окон электромобиля, который поднимал нас вверх по склону, был виден только ближайший к дороге ряд памятников. И ничего впереди. Я держал на коленях карту с пометками и стрелками. Наконец мы остановились.

— Кажется, это там, — сказал Крамли. — Это же Сады Азалий? Нам нужен шестнадцатый участок. Неопалладийская постройка.

Ветер откинул завесу дождя, как будто это была тюлевая штора — и вспышка молнии осветила гробницу с палладийской колоннадой, высокая кованая дверь которой стояла распахнутой настежь.

— Это значит, что тот, кто хотел выйти — вышел... — сказал Генри. — Или ждет гостей. Раттиган!

Дождь временно отнесло ветром в сторону, и склеп будто замер в ожидании, прислушиваясь к дальним раскатам грома. Открытая дверь вздрагивала от каждого его удара.

— Это ж надо... — проговорил Крамли, ни к кому не обращаясь. — Хоронить саму себя... Имя за именем. Год за годом. Играть роль, отрабатывать очередное лицо-маску, а потом заказывать могилу — и саму себя хоронить... А теперь, чтобы получить шанс у Фрица, она пытается их убить заново — все свои прежние «я»! Не ходи туда, Вилли. Ну его к черту.

— Но она там, — сказал я.

— Достал уже со своей гребаной интуицией, — проворчал Крамли.

Я вздрогнул.

— Если тебе угодно — это не гребаная интуиция, а гребаное озарение. Ее нужно спасти. — Я вылез из кабины.

— Она же умерла!

— Все равно я ее спасу!

— Хрена лысого ты ее спасешь! Ты арестован! А ну, быстро влез назад!

— Ты, конечно, представитель закона, но ты и мой друг...

В этот момент ветер снова пригнал тучу — и между мной и Крамли упала стена ледяного дождя.

— Ну и хрен с тобой! — проорал он. — Давай! Беги! Придурок малахольный! Пойдемте отсюда — или вам охота посмотреть, как из этого сортира вылетит его дурья башка? Мы ждем тебя внизу. Ты понял, слизняк смердящий?

— погоди! — крикнул мне Фриц.

— И нечего годить!

Не выходя из кабины, Фриц бросил в меня фляжкой, и она стукнулась мне в грудь.

Я посмотрел на него долгим взглядом, продолжая стоять под проливным дождем и дрожать от холода. Наконец Крамли, изрыгая ругательства, вылез из электромобиля. Теперь мы стояли друг напротив друга посреди бескрайнего похоронного поля. Позади — открытые железные ворота, впереди — открытая дверь гробницы... И дождь, который вот-вот вымоет из-под земли кости мертвецов. Я зажмурился и залпом выпил водку.

— Была не была... — прошептал я. — С богом!

— Придурок, — сказал Крамли.

Глава 46

Была темная грозовая ночь.

Как, опять? О господи...

Все по новой. Топот шагов, крики, молнии, гроза... Прошло-то всего несколько дней.

И вот на тебе!

Хляби небесные разверзлись, дождь льет стеной из темноты... А под дождем — я. Стою у холодной гробницы. А в гробнице — тьма и безумие. А может, и сама смерть.

«Стоп», — сказал я сам себе.

Контакт...

Где-то позади скрипнули ворота. В ответ им пронзительно взвизгнула кованая дверь.

Мы стояли у входа в мраморную гробницу, зная, что солнце скрылось навсегда. Вместо него пришел дождь — и будет теперь идти отныне и во веки веков...

Внутри склепа было темно. Только огоньки трех голубых обрядовых свечей подрагивали от сквозняка.

Мы посмотрели направо — на саркофаг в самом низу.

На нем было написано — Холли. Крышка отсутствовала, а внутри было пусто — если не считать толстого слоя пыли.

Мы перевели взгляды на одну полку выше.

Снаружи, в шуме дождя, сверкнула молния — и ей ворчливо ответил гром.

В ее голубом свете мы увидели, что на второй полке высечено в мраморе имя Молли. И снова нет крышки, а саркофаг пуст.

В открытую дверь захлестывал дождь.

Оставалось еще две полки с мраморными ящиками — предпоследняя и последняя, на самом верху. На них значились имена Эмили и Полли. Один саркофаг точно был пуст. Пытаясь побороть дрожь, я залез повыше и протянул руку, чтобы проверить верхний. Пальцы провалились в пустоту.

Ни Холли, ни Полли, ни Молли, ни Эмили. Ни тел, ни останков.

Молнии продолжали вспыхивать одна за другой.

Не отрывая взгляда от верхнего ящика, я приподнялся на цыпочки, как вдруг явственно услышал тихий вздох и сдавленный плач.

Я инстинктивно отдернул руку и оглянулся на Крамли. Некоторое время он не отрываясь смотрел на верхний саркофаг, а потом произнес:

— Дальше давай сам, стажер.

Наверху, в темноте, кто-то порывисто вздохнул.

— Хорошо, хорошо, — сказал Крамли, — уходим.

Они вышли наружу, где по-прежнему не смолкал шелест дождя. В дверях Крамли остановился — посмотрел на меня, как на умалишенное дитя, протянул мне фонарик, кивнул на прощание и ушел.

Я остался один.

Зашел внутрь. Выронил фонарик. Чуть не упал в обморок. Долго искал, нашел. И обнаружил, что луч прыгает по стенам в ритме ударов моего сердца.

— Это ты... — прошептал я. — Ты — там...

Господи, неужели все это действительно происходит?

— Это я... — прошептал я чуть громче. — Я все-таки нашел тебя...

— А? — отозвалось невидимое.

В проеме двери по-прежнему стояла стена дождя. Молнии вспыхивали, гром не отвечал.

— Констанция, — сказал я, обращаясь к темному силуэту на верхней полке, который тоже, казалось, был спрятан за пеленой дождя. — Ты слышишь... Это я...

Я назвал свое имя.

Молчание.

Я повторил его.

Господи... Нет, ну не мертвая же она! Только не это!

Хватит! Давай уже, выходи! Тень пошевелилась, будто пожимая плечами. Тень, у которой нет лица на том месте, где должно быть лицо... Я слышал ее дыхание.

А может, и не слышал. Только чувствовал.

— Что? — почти беззвучно прошептала она.

Я был рад любой жизни, любому ее биению...

— Меня зовут... — Я еще раз назвал свое имя.

— О... — отозвался сумрак.

Меня как будто вбросило в реальность. Из дождя в гробовой холод.

— Я пришел тебя спасти, — прошептал я.

— Да?

Или это просто облако мошкары вьется в темноте? Его не слышно, его нет... Нет. Ведь мертвые женщины не умеют говорить?

- Я уже сплю... — прошептал шепот. — Спокойной ночи...
— Не засыпай! — крикнул я. — А то не вернешься! Не умирай.
— Почему?
— Потому. Потому что я так говорю.
— Говори...

Вздых.

Господи, ну, придумай же что-нибудь, кретин!

- Говори! — сказала тень.
— Спускайся! — прошептал я. — Это место не для тебя!
— Для меня... — почти беззвучно прошелестел шепот.
— Нет!
— Да... — выдохнула тень.
— Я помогу тебе выбраться.
— Откуда? — спросила тень.
Внезапно ее охватил ужас.

— Их нет! Они ушли! — воскликнула она.

— Кто — они?

— Эти! Они должны были уйти! Скажи, они ушли?

Огромная молния пронизала землю, прямо в гробницу ударил гром. Я увидел, как сверкающий сад надгробных камней тонет в дожде... Как холодные потоки смывают имена и даты, написанные помадой на зеркале, фотографии со стен, в рамках и без, чернила с писем и рукописей, серебристые лица с кинопленок, экраны, на которых они беззвучно смеются... И все стекает в землю, в бездну, на тысячи километров вниз — фотографии, зеркала, киноплетки и еще киноплетки, еще зеркала, еще фотографии, имена, даты, имена, имена...

— Они еще там? — спросила тень с верхней полки склепа. — Там, под дождем?

Я окинул взглядом кладбищенский холм, где десятки, сотни, тысячи могильных камней лежали в траве под одним общим дождем.

— Их больше нет, не должно быть... — продолжала она. — Я думала, они уйдут насовсем. Но они стали стучать в двери, будить меня. Я уплывала в море к своим друзьям — морским котикам... Заплывала очень далеко, но когда возвращалась — они все равно поджидали меня на берегу. Ведь сплетники всегда свято помнят то, что ты хочешь забыть...

Она помолчала.

— Я не смогла от них убежать. И тогда мне пришлось убить их — по очереди, одну за другой... Кто они были такие? Разве они были мной? Это я, я их преследовала — а не они меня. Я находила их по очереди — где они похоронены... И хоронила их снова. Двадцать пятый год, потом — двадцать восьмой, тридцатый, тридцать пятый... Чтобы они остались там навечно. Теперь и мне тоже пора — лечь и уснуть навсегда. Иначе они снова заявятся ко мне в три часа ночи... Где я?

Повисла пауза, которую сразу же заполнил шелест дождя. Потом я сказал:

— Ты здесь, Констанция. И я тоже здесь, я слушаю тебя.

Она снова замолчала.

— Так они ушли? На море теперь спокойно? Я опять могу плавать... и не бояться?

— Да, Констанция, теперь они все похоронены. Ты это сделала. И все простят тебя за то, что теперь ты будешь Констанцией. Выходи.

— Зачем? — спросил меня голос с верхней полки склепа.

— Потому что... может, я скажу глупость, но ты нужна. Так что, пожалуйста, соберись с силами, а потом протяни мне руку, и я помогу тебе спуститься. Ты слышишь меня, Констанция?

Небо потемнело, свет померк. И только дождь все лил, размывая камни, надгробья и имена... Эти страшные имена — высеченные для вечной памяти, чтобы потом зарастить травой...

— Они правда ушли? — просвистел шепот.

— Да... — Ледяной дождь добрался и до моих глаз.

— Да?

— Да. На кладбище никого. Фотографии сорваны. Зеркала отчищены. Остались только ты и я.

Дождь заливал камни, уже наполовину скрытые в траве.

— Выходи, — тихо позвал я.

Дождь, который растворяет все: дороги, надгробия, камни, плиты, имена...

— И еще, Констанция...

— Что?

Я выдержал длинную паузу.

— Фриц Вонг ждет, — сказал я. — Сценарий закончен. Декорации выстроены...

Я зажмурился, мучительно вспоминая.

Вспомнил.

— «Если бы не мои голоса, я бы впала в уныние... — Я запнулся и продолжил: — Там, на просторе, в тишине, звон колоколов слышится, как будто с небес... И от каждого удара тянется долгий отзвук... В этом отзвуке и живут мои голоса! Без них я бы точно впала в уныние...»

В склепе повисла тишина.

Тень зашевелилась. На свет появились сначала кончики пальцев, потом вся ладонь и за ней — тонкая рука.

Констанция долго молчала. Потом судорожно вздохнула и произнесла:

— Я спускаюсь.

Глава 47

Гроза прошла, как будто ее и не было вовсе. На небе не осталось ни облачка. Дул свежий ветерок — кажется, придуманный специально, чтобы вымести остатки воспоминаний и с могильных плит, и с зеркал, и из головы.

Крамли, Генри и я молча стояли на берегу перед арабской крепостью Раттиган. Фриц Вонг прошупывал взглядом мизансцену в поисках мелких и крупных планов.

Было видно, как по дому, точно призраки, ходят двое мужчин в белых комбинезонах. И в моем больном писательском воображении сразу же родилась мысль о том, что они похожи на служителей церкви. Не хватало только, уж простите за кощунство, отца Раттигана в белом — с курильницей, ладаном и дождем из святой воды. Стоило бы освятить этот дом заново — если он вообще когда-либо был освящен. Может быть, священник и смог бы очистить эту обитель порока от греха... Маляры старательно отскребали стены, перед тем как покрыть их свежей краской. Их счастье, что они не знали, кому принадлежал этот дом. И что здесь раньше обитало.

В патио, на столике у бассейна, стояло пиво, предназначенное для теплой компании, состоящей из Крамли, Фрица, Генри и меня. И водка — на случай резкой смены настроения.

Запах свежей краски вселял надежду. В нем было и избавление от безумия, и отпущение грехов. Молю тебя, Господи... Пусть с новой краской наступит новая жизнь.

— Как далеко она обычно заплывает? — Крамли вглядывался в барашки волн метрах в ста от берега.

— Вопрос не ко мне, — отозвался Генри.

— Думаю, она в открытом море — плавает с котиками, — сказал я, — или уже у берега. В море у нее гораздо больше друзей. Слышишь?

Где-то тявкали морские котики... Во всяком случае, я их слышал. И эти звуки радовали меня не меньше, чем свежая краска.

— Скажи малярам — когда они будут красить ее почтовый ящик, пусть оставят место только для одного имени, ja?

— Это правильно... — Генри склонил голову набок, как будто к чему-то прислушивался, после чего нахмурил брови. — Что-то долго она плавает. А если не вернется?

— Ничего страшного, — сказал я. — Она любит плавать в открытом море.

— После шторма вода высокая — для серфинга самое то... Эгей! Что там за шум!

Это был явно шум, достойный театрального финала.

На парковку за домом Раттиган с ревом въехало такси. Очень вовремя.

— О господи! — сказал я. — Кажется, я знаю, кто это!

Хлопнула дверца машины. Мы увидели, как от дома к бассейну, проваливаясь ногами в песок, шагает женщина, руки которой недвусмысленно сжаты в кулаки. Когда она подошла ко мне, все остальные отошли подальше, как будто боялись об нее обжечься.

— Ну и что ты скажешь в свое оправдание? — выкрикнула Мэгги.

— Ну, извини... — проблеял я.

— Извини!

Она размахнулась и изо всех сил врезала мне по носу.

— Еще на бис, пожалуйста! — сказал Крамли.

— И еще разочек на счастье, — подхватил Фриц.

— Что происходит? — спросил Генри.

— Ублюдок!

— Знаю...

— Сукин сын!

— Да, — кивнул я.

Она нанесла второй удар.

Кровь хлынула мне на подбородок и забрызгала мои поднятые вверх руки. Мэгги отскочила.

— О господи, — вскрикнула она, — что я наделала!

— Врезала сукину сыну и ублюдку, — отозвался Фриц.

— Точно, — подтвердил Крамли.

— А ты помолчи! — рывкнула Мэгги. — Кто-нибудь, принесите пластырь.

Я посмотрел на свои окровавленные руки.

— Пластырь тут не поможет.

— А ну, заткнись, бабник!

— Почему бабник? Она же всего одна... — заныл я.

— Заглохни! — проорала она и опять занесла кулак.

Я заглох, и Мэгги сдалась.

— Я больше так не могу... — Она заплакала. — Господи, ну за что мне все это?

— Бей... Я заслужил.

— Правда заслужил?

— Правда.

Мэгги посмотрела в синюю вдаль.

— Где она? В море?

— Да, где-то там.

— Надеюсь, она больше не выплывет!

— Я тоже.

— Оригинально. Что ты хочешь этим сказать?

— Не знаю... — тихо сказал я. — Может быть, на самом деле ей там лучше. Там у нее друзья — немые... Может, и не надо ей возвращаться, пусть остается с ними навсегда.

— Попробует вернуться — убью.

— Ну, тогда ей точно стоит держаться отсюда подальше.

— Все защищаешь ее, гаденыш?

— Нет, просто говорю, что ей лучше сюда не возвращаться. Обычно после шторма ей всегда становилось лучше. Когда море спокойное, небо ясное... Я не раз это наблюдал. В такие дни она была почти счастлива — могла не пить целый день и только плавала, плавала. И каждый раз казалось, что вот в этот раз она не вернется...

— Господи, что только у тебя в голове? И что у нее?

— Никто не знает. Но так бывает всегда. Это не объяснить. Просто что-то случается, а дальше ты понимаешь, что это все, край...

— Говори, говори... Может, все-таки скажешь что-нибудь умное.

— Вряд ли — чем больше слов, тем меньше в них смысла... Сначала она пропала. Надолго. Теперь, возможно, нашлась. Но только возможно — не наверняка. Это бред, я понимаю. Со стороны это звучит как полный бред. Но я пообещал ей, что, если она заплывет в море со всеми своими... именами, то выплывет обратно уже с одним. Возможно. Нельзя ничего обещать. Вот выйдет на берег, тогда все и узнаем...

— Замолчи. Ты же знаешь, что я тебя люблю, сволочь ты малохольная.

— Знаю.

— Даже несмотря на все вот это дерьмо — я все равно люблю тебя. Господи, неужели это участь всех женщин?

— Почти, — сказал я. — Почти что всех. И этому нет объяснений. И причин тоже нет. Просто — страшная правда. Пес гуляет. Пес возвращается домой. Пес виновато улыбается. Его бьют. Он прощает за то, что простили его. И отправляется к себе в конуру. Или живет один. Я не хочу жить один. А ты?

— И я нет, избави господи. Вытри нос.

Я вытер. Кровь пошла еще сильнее.

— Прости... — зарыдала Мэгги.

— Не надо просить прощения. Ты ни в чем не виновата. Не надо.

— Подождите! — сказал Генри. — Слышите...

— Что? — спросили все в один голос.

— Вы чувствуете?

— Что, черт возьми, что?

— Это идет большой вал, самая большая волна, — прошептал Генри. — И что-то несет с собой.

Где-то вдалеке затаивали морские котики.

Где-то вдалеке поднялась на дыбы гигантская волна.

Крамли, Фриц, Генри, Мэгги и я затаили дыхание...

И волна пришла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Была темная грозовая ночь — знаменитая, часто упоминаемая в пародиях вступительная фраза из романа «Пол Клиффорд», написанного в 1830 году английским писателем Эдвардом Булвером-Литтоном — родоначальником жанра криминальной беллетристики...

² Венеция — восточный пригород Лос-Анджелеса на берегу Тихого океана, построенный в начале XIX века по образцу итальянской Венеции.

³ Эрих фон Штрогейм — австрийский актер и режиссер (1885—1957).

⁴ Джек Джилберт — американский поэт и автор эротических романов (1925—2012).

⁵ Род ля Рок — американский актер (1898—1969).

⁶ ...скользит на доске по волнам прибой — судя по всему, героиня Брэдбери увлекалась бодисерфингом — так называется катание по волнам на маленькой доске с маленькими ластами, при котором в качестве глассирующей поверхности используется тело серфера...

⁷ Cold Duck — американское игристое вино.

⁸ Форест-Лаун — знаменитое калифорнийское кладбище, мемориальный парк Forest Lawn, что в переводе с английского означает «лесная поляна».

⁹ Шрифт Брайля — тактильный шрифт для слепых, изобретенный французом Луи Брайлем (1809—1852).

¹⁰ Джордж Гершвин (1898—1937) — знаменитый американский композитор, который в 1928 году ездил в Европу — в частности, в Париж, где сочинил и записал популярное произведение «An American in Paris» и ряд других.

¹¹ Эбби — театр в Дублине.

¹² Meglin Kiddie — популярная в 1930—50-е годы театральная труппа, состоящая из актеров-детей до 16 лет.

¹³ Эрнан Кортес (1485—1547) — испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государство ацтеков.

¹⁴ Граб-стрит — улица в Лондоне, название которой стало нарицательным для обозначения литературных поденщиков, дешевых компиляторов и «желтых» журналистов.

¹⁵ «Христианская наука» — протестантская секта, основанная в 1866 году Мэри Бейкер-Эдди, пропагандирующей исцеление силой духа.

¹⁶ Нельсон Эдди (1901—1967) и Джанетт Макдональд (1903—1965) — популярный вокальный дуэт 1930—1940-х годов, снялись вместе в нескольких музыкальных фильмах.

¹⁷ Кларк Гейбл (1901—1960) и Кэрол Ломбард (1908—1942) — голливудские звезды, муж и жена с 1939 года.

¹⁸ Имеется в виду известный гейзер Old Faithful — одна из достопримечательностей Калифорнии.

¹⁹ Эниветок — атолл в Тихом океане из группы Маршалловых островов, на котором в 1946—1958 годах армия США проводила испытания ядерного оружия.

²⁰ Здесь имеется в виду популярный американский фильм — комедия-вестерн 1927 года «Жизнь Райли».

²¹ Аллюзия на известный фильм 1945 года «Дорога в Марокко».

²² Румпельштильцхен — карлик из сказки братьев Гримм, который от злости разорвал самого себя.

²³ Герман Мелвилл (1819—1891) — американский писатель и моряк, автор знаменитого романа «Моби Дик, или Белый кит».

²⁴ Здесь упоминается один из романов известного английского писателя 1940—1960-х годов, автора знаменитого романа «Тихий американец» Грэма Грина (1904—1991) — этот роман называется «Власть и слава».

²⁵ Кролик Виггили — старый кролик, страдающий ревматизмом, главный герой детских книжек известного американского писателя начала XX века Говарда Гэриса (1873—1962).

²⁶ Маргарита — мексиканский коктейль из текилы, сока лимона или лайма и ликера.

²⁷ Скид-Роу — бедный район, где расположено много притонов и ночлежек, «дно».

²⁸ Уильям Филдс — американский комик, актер, фокусник и писатель (1880—1946).

²⁹ Джироламо Савонарола (1452—1498) — итальянский священник, проповедник и реформатор церкви.

³⁰ Синдром саванта — редкое состояние, при котором лица с отклонением в развитии имеют «остров гениальности» — выдающиеся способности в одной или нескольких областях знаний, контрастирующие с общей ограниченностью личности.

³¹ Имеется в виду «Китайский театр Граумана» — кинотеатр на бульваре Голливуд в Лос-Анджелесе, построенный в 1927 году импресарио Сидом Грауманом, который является одной из главных достопримечательностей города, во многом благодаря аллее памяти перед фасадом — площадке, где звезды кино начиная с 1920-х годов оставляют в бетоне подписи, следы и отпечатки рук.

³² Фильм 1927 года — эпическая драма Сесила Б. Демиля о жизни Иисуса.

³³ «Джек и бобовый стебель» — музыкальная комедия Джин Ярбру 1952 года по мотивам известной сказки, один из двух цветных фильмов, в которых снялся знаменитый американский комедийный дуэт — Бад Эбботт (1895—1974) и Лу Костелло (1906—1959).

³⁴ Аллюзия на знаменитый роман Чарльза Диккенса «Большие надежды» (1860), который является самым популярным произведением писателя по количеству экранизаций и театральных постановок.

³⁵ Фэй Рэй (1907—2004) — американская актриса, известная прежде всего благодаря исполнению роли Энн Дэрроу в фильме «Кинг-Конг».

³⁶ Уильям Херст (1863—1951) — американский медиамагнат, родоначальник «желтой прессы» и Public Relations, миллионер, построивший в Калифорнии дворец «Сан-Симеон», для украшения которого массово скупал безвкусные вещи на аукционах.

³⁷ Роберт Маккормик (1880—1955) — американский газетный магнат, владелец «Чикаго трибюн», внук основателя этой газеты и мэра Чикаго Джозефа Медилла.

³⁸ Роуз Мари (1923 г.) — американская актриса и певица, сделавшая карьеру, еще будучи маленьким ребенком.

³⁹ Мари Дресслер (1868—1934) — канадско-американская актриса, звезда водевилей, обладательница премии «Оскар», автор книги «Биография Гадкого утенка».

⁴⁰ Эйми Семпл Макферсон (1890—1944) — известная канадско-американская евангелистка, которая первой стала вести христианские проповеди на радио.

⁴¹ Дуглас Макартур (1880—1964) — американский военачальник, главнокомандующий оккупационными войсками союзников в Японии во время нападения на Перл-Харбор, соавтор послевоенных реформ и новой японской конституции, получивший прозвище Некоронованный Император. «Я сделал что мог; я еще вернусь» — знаменитые слова Макартура, сказанные им по прибытии в Австралию весной 1942 года, после эвакуации американских войск с Филиппин.

⁴² Эл Джолсон (1886—1950) — популярный в США эстрадный певец, исполнитель главной роли в фильме 1927 года «Певец джаза», в котором впервые использовалась синхронизация звука и артикуляции.

⁴³ Речь идет о главном герое романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», который впервые был издан в 1953 году.

⁴⁴ Город в Палестине, стены которого, по преданию, однажды пали от громких труб израильтян.

⁴⁵ Кодовое название одного из секторов вторжения союзников на побережье оккупированной нацистами территории Франции во время Второй мировой войны.

⁴⁶ Легендарный «зонтик» Невилла Чемберлена, премьер-министра Великобритании в 1937—1940 годах, которым он победно размахивал в Лондоне после заключения мира с Гитлером в 1938 году, считая, что уберет Европу и мир от большой войны.

⁴⁷ *Retreat* — английское слово, вошедшее в русский язык как международное обозначение времяпрепровождения, посвященного духовной практике.

⁴⁸ Прозвище Сида Граумана (1879—1950) — американского шоумена, создавшего одну из самых узнаваемых и посещаемых достопримечательностей Южной Калифорнии — оригинальный кинотеатр в восточном стиле — Китайский театр Граумана.

⁴⁹ Манчкин — в русском переводе «жевун» — маленький человечек из знаменитой книги Лаймена Фрэнка Баума «Волшебник страны Оз».

⁵⁰ Имеется в виду фильм 1937 года «Потерянный горизонт», экра-

низация романа Джеймса Хилтона, с Рональдом Колманом в главной роли.

⁵¹ Грета Гарбо (1905—1990) — знаменитая голливудская звезда шведского происхождения 1920—1930-х годов, снималась в фильмах «Плоть и дьявол», «Анна Каренина», «Дама с камелиями» и др.

⁵² Стэн Лорел и Оливер Харди — знаменитый американский кинодуэт, созданный в 1927 году, одна из наиболее популярных комедийных пар в истории кино.

⁵³ Аллюзия на кинодраму «Хранитель пламени» 1942 года, снятую знаменитым голливудским режиссером Джорджем Кьюкором (1899—1983).

⁵⁴ Американская актриса, звезда немого кино и секс-символ 1920-х годов.

⁵⁵ Brown Derby — «Коричневый котелок», известный ресторан в Лос-Анджелесе, выстроенный в 1926 году в форме шляпы-котелка, излюбленное место голливудских знаменитостей в 1930—1960-е годы.

⁵⁶ Известные американские актеры 1930—1940-х годов — муж и жена.

⁵⁷ Город, расположенный вокруг гавани, образованной геологической пропастью, которая, как считается, однажды разорвет его на части.

⁵⁸ Дэвид Гриффит (1875—1948) — известный американский актер и режиссер начала XX века, автор фильмов «Рождение нации», «Нетерпимость» и др., сестры Лилиан Гиш (1893—1993) и Дороти Гиш (1898—1968) — звезды американского немого кино, прославившиеся ролями в фильмах Д. У. Гриффита.

⁵⁹ Традиционное прозвище балаганной толстухи, самая известная в XX веке «Долли Димплз» — Селеста Гейер, но здесь упоминается не она.

⁶⁰ Так называли Сталина Черчилль и Рузвельт.

⁶¹ Второе название знаменитого американского фрегата «Конститюшн» 1794 года.

⁶² Британский корабль, экипаж которого устроил восстание и побег на острова — событие, которое легло в основу многих произведений, в том числе оscarоносного фильма 1935 года «Мятеж на «Баунти» с Кларком Гейблом в главной роли.

⁶³ Дуглас Фербенкс (1883—1939) и Мэри Пикфорд (1892—

1979) — знаменитые американские кинозвезды, муж и жена в 1920—1936 гг.

⁶⁴ Рудольф Валентино (1895—1926) — знаменитый американский актер 1920-х годов, кумир огромного количества женщин, погибший в результате врачебной ошибки, названной впоследствии термином «аппендикс Валентино».

⁶⁵ Луис Барт Майер (1884—1957) — один из первых кинопродюсеров, один из основателей знаменитой голливудской киностудии МГМ, американской Академии кинематографических искусств и наук, а также премии «Оскар».

⁶⁶ Уилл Роджерс (1879—1935) — американский ковбой, комик, актер и журналист, занесенный в Книгу рекордов Гиннеса как человек, способный одновременно бросать три лассо.

⁶⁷ Трикси Фриганца (1870—1955) — популярная в 1910—1920-е годы водевильная певица и актриса.

⁶⁸ Глория Свенсон (1899—1983) — известная и самая высокооплачиваемая американская актриса немого кино 1920—1930-х годов, автор собственного, не слишком успешного кинопроекта.

⁶⁹ Том Микс (1880—1940) — американский актер вестернов эпохи немого кино, прославился трюками, которые выполнял сам на своем коне Тони.

⁷⁰ Хут Гибсон (1892—1962) — каскадер в американских вестернах, астронавт НАСА, совершил пять космических полетов.

⁷¹ Кен Мейнард (1895—1973) — американский актер и каскадер, авиатор.

⁷² Боб Стил (1907—1988) — американский актер вестернов, играл самого себя.

⁷³ Хелен Твелвтриз (1908—1958) — американская кино- и театральная актриса 1930-х годов, героиня скандальных хроник.

⁷⁴ Вильма Бэнки (1898—1991) — американская актриса немого кино венгерского происхождения.

⁷⁵ Имеется в виду стадион Los Angeles Memorial Coliseum в Калифорнии.

⁷⁶ Имеется в виду время правления президента США Кэла Кулиджа в 1920-е годы, которое называют еще эпохой джаза, и популярная тогда актриса Клара Боу по прозвищу Деваха — The «It» Girl, которая стала первым секс-символом Америки, снявшись в фильме «It» — «Это», где слово несет тот же смысл, что и в стихотворении

Маяковского «Про это», и где ее героиня, собираясь на свидание, отрезает покороче юбку.

⁷⁷ Сесиль Блаунт де Милль (1881—1959) — американский кинорежиссер и продюсер, которого называли «поэт ваннх комнат», так как в каждом его фильме показывались сцены в роскошных ваннх апартаментах.

⁷⁸ Долли Мэдисон (1768—1849) — супруга 4-го президента США Джеймса Мэдисона, положила начало новой тенденции в моде — носила украшенные перьями тюрбаны.

⁷⁹ Бродвейские мюзиклы.

⁸⁰ Фло Зигфелд (1869—1932) — бродвейский импресарио, автор театрального шоу «Безумства Зигфелда».

⁸¹ Гарри Кон (1891—1958) — американский кинопродюсер, один из президентов Columbia Pictures Corporation.

⁸² Флоренс Найтингейл (1820—1910) — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.

⁸³ Имеются в виду волшебные башмачки из фильма «Волшебник страны Оз» (1939) со знаменитой Джуди Гарленд в главной роли.

⁸⁴ Билл Робинсон (1878—1949) — самый знаменитый американский исполнитель чечетки, «черный бриллиант» Бродвея, много снимался в Голливуде.

⁸⁵ Имеется в виду эпизод фильма 1925 года «Фантом оперы» Роберта Джулиана с Лоном Чейни в главной роли — самой известной из множества экранизаций одноименного романа Гастона Леру.

⁸⁶ Лат. *requiescat in pace* — принятое католиками и протестантами сокращение, означающее «покойся с миром».

⁸⁷ Фильм 1927 года Пауля Лени, вторая из почти десятка экранизаций одноименной пьесы Джона Уилларда.

⁸⁸ Джоан Кроуфорд (1908—1977) — американская актриса немого и звукового кино, в 1930-е годы не менее популярная, чем Марлен Дитрих и Грета Гарбо.

⁸⁹ Лили Клодетт Шошуан (1903—1996) — американская комедийная актриса, обладательница премий «Оскар» и «Золотой глобус».

⁹⁰ Кэрол Ломбард (1908—1942) — американская актриса, настоящие имя и фамилия — не Глэдис Смит, а Джейн Элис Питерс.

⁹¹ Кэри Грант (1904—1986) — англо-американский актер, признанный величайшим киноактером в истории Голливуда.

⁹² Имеется в виду Эйми Семпл Макферсон — известная канадско-американская евангелистка, которая вела христианские проповеди в ночных клубах и на радио, скончалась в 1944 году.

⁹³ Судя по всему, здесь цитируется известная композиция джазового оркестра Гарри Джеймса «It all comes back».

⁹⁴ «Вольная душа» — так называется фильм 1931 года — «A Free Soul», с Нормой Ширер в главной роли.

⁹⁵ Имеется в виду Таллулла Бэнкхед (1902—1968) — американская актриса 30-х годов, знаменитая своим остроумием, яркой внешностью и хриплым голосом.

⁹⁶ Игра слов: Глория Свенсон — американская актриса, одна из самых ярких звезд эпохи немого кино, Gloria in Excelsis — древний христианский богослужебный гимн, входящий в состав католической мессы латинского обряда и англиканской литургии.

⁹⁷ Фамилия Quickly в переводе с английского означает «быстро».

⁹⁸ «Рождественская песнь в прозе, или Святочный рассказ с привидениями» — повесть Чарльза Диккенса, один из самых популярных рассказов о Рождестве в Великобритании, далее перечисляются его персонажи.

⁹⁹ Имеется в виду пьеса Бернарда Шоу 1923 года о суде и казни Жанны Д'Арк, в эпилоге которой появляются призраки участников этого события.

¹⁰⁰ Bombay Sapphire — марка джина из Великобритании.

¹⁰¹ Кто знает? (исп.)

¹⁰² Здесь речь идет о знаменитом концерне по производству фильмов и телесериалов Warner Brothers Production, названном в честь четырех братьев Уорнеров — Гарри Уорнера (1881—1958), Альберта Уорнера (1883—1967), Сэма Уорнера (1887—1927) и Джека Уорнера (1892—1976).

¹⁰³ Джуди Гарленд (1922—1969) — американская актриса, сыгравшая Дороти в знаменитом музыкальном фильме-сказке «Волшебник страны Оз» 1939 года.

¹⁰⁴ Бетт Дэвис (1908—1989) — американская киноактриса 1930—1940-х годов, известная исполнением ролей сильных, решительных женщин — «Бремя страстей человеческих», «Все о Еве» и др.

¹⁰⁵ «Спасательная шлюпка» — фильм 1944 года А. Хичкока по одноименной повести Дж. Стейнбека.

¹⁰⁶ Американский джазовый кларнетист, дирижер, композитор и писатель, один из крупнейших музыкантов «эры свинга».

¹⁰⁷ Энрико Карузо (1873—1921) — знаменитый итальянский тенор, мастер бельканто, прославился как оперный певец и исполнитель неаполитанских песен.

¹⁰⁸ Лоренс Тиббетт (1896—1960) — знаменитый американский оперный певец и киноактер, обладатель прекрасного баритона с большим диапазоном.

¹⁰⁹ Ирвинг Тальберг (1899—1936) — голливудский продюсер, прозванный «вундеркиндом Голливуда» за свою способность распознавать удачные сценарии и звездный потенциал актеров, послужил прообразом Монро Стара — героя неоконченного романа Ф. Скотта Фицджеральда «Последний магнат».

¹¹⁰ Вампира — ведущая одноименной хоррор-телепередачи в середине 1950-х — персонаж телешоу, придуманный американской актрисой Майлой Нурми по мотивам образа Мортиции Адамс из «Семейки Адамсов» — до сих пор культовый персонаж готической субкультуры.

¹¹¹ Персонаж «Повести о двух городах» Ч. Диккенса — жена парижского революционера, женщина с сильным характером и привычкой ни при каких обстоятельствах не выпускать из рук вязание.

¹¹² Бертильонаж — система и методика антропологического исследования для идентификации правонарушителя путем обмеров и снятия отпечатков, созданная в XIX веке французским юристом Альфонсом Бертильоном.

¹¹³ Имеется в виду героиня оперы Джакомо Пуччини «Тоска».

¹¹⁴ Героиня трагической оперы итальянского композитора Г. Доницетти «Лючия ди Ламмермур», которая убивает своего мужа и сходит с ума.

¹¹⁵ Имеется в виду самая знаменитая голливудская киностудия MGM, символом которой является лев Лео.

¹¹⁶ RKO Pictures — Radio-Keith-Orpheum — последняя по времени основания и наименьшая по оборотам из пяти студий-мейджоров классического Голливуда.

¹¹⁷ В германо-скандинавской мифологии — небесный черт в Асгарде для павших в бою, рай для доблестных воинов.

¹¹⁸ «Бинг» Кросби (1904—1977) — американский певец и актер, один из самых успешных исполнителей в США.

¹¹⁹ Здесь неточно цитируется известное стихотворение Роберта Фроста, американского поэта, лауреата Пулитцеровской премии, «Stopping by woods on a snowy evening» — «Снежный вечер в лесу».

¹²⁰ Шон О'Кейси (1880—1964) — знаменитый ирландский драматург.

¹²¹ Бут — герой древнегреческой мифологии, а также есть Эдвин Бут (1833—1893) — знаменитый американский актер шекспировского репертуара.

¹²² Эдгар Уоллес (1875—1932) — английский писатель, драматург, киносценарист, журналист, основоположник жанра триллер.

¹²³ Микки Спиллейн (1918—2006) — американский писатель, автор популярных произведений в жанре «крутой детектив».

¹²⁴ Очевидно, имеется в виду история о том, как Цезарь обнаружил свою ручную змею заеденной муравьями и увидел в этом знак остерегаться черни, пересказанная древнеримским историком Светонием в его труде «12 цезарей».

¹²⁵ Болван (*нем.*).

¹²⁶ Рин-Тин-Тин — немецкая овчарка, известная своими ролями в фильмах «Зов Севера», «Рин-Тин-Тин спасает своего хозяина», «Геройский поступок Рин-Тин-Тина».

¹²⁷ Побыстрее (*исп.*).

¹²⁸ Здесь перечисляются пригороды Лос-Анджелеса — Сан-Фернандо, Глендейл, а также один из районов Нью-Йорка — Фар-Рокавей.

¹²⁹ Известный пляж в Лос-Анджелесе.

¹³⁰ Очевидно, речь идет о «невидимых рождественских дарах», упоминаемых в популярной книге «Письма живого усопшего, или Послания с того света, записанные Эльзой Баркер в 1914—1918 гг.».

¹³¹ Джон Форд (1895—1973) — американский кинорежиссер и писатель, крупнейший мастер вестерна, единственный в истории обладатель четырех «Оскаров» за лучшую режиссуру.

¹³² Сэчел Пейдж (1906—1982) — американский бейсболист, первый чернокожий бейсболист, принятый в Американскую лигу.

¹³³ История, описанная Рэем Брэдбери как реальная на его сайте в 2001 году — в ней говорится о приезде в городок Воукиган в штате Иллинойс фокусника мистера Электрико, который сидел на элек-

трическом стуле с мечом в руках, и когда электричество проходило по его телу, он поднимал меч и возводил в рыцари всех детей, сидящих в первом ряду.

¹³⁴ Аллюзия на меч херувима, охраняющего вход в рай, о котором говорится в Библии.

¹³⁵ Паровой орган с громким пронзительным звуком, использующий локомотивные или парходные гудки, который часто делался с механизмом для автоматического звукоизвлечения без участия исполнителя, по образцу механического пианино или органа.

¹³⁶ Знаменитая мелодия, впервые исполненная в 1919 году известным канадским певцом 1920-х годов Генри Бурром.

¹³⁷ Возможно, здесь цитируется популярная песня «Can you find it in your heart», которую исполнял в 1940-х годах Тони Беннет, американский эстрадный исполнитель традиционной свинговой и поп-музыки с элементами джаза.

¹³⁸ Эрвин Роммель (1891—1944) — немецкий генерал-фельдмаршал и командующий войсками Оси в Северной Африке.

¹³⁹ Аль Калоне (1899—1947) — американский гангстер, действовавший в 1920—1930-х годах на территории Чикаго.

¹⁴⁰ Джон Мильтон (1608—1674) — выдающийся английский поэт, политический деятель, мыслитель и автор религиозных трактатов.

¹⁴¹ Цитата из Альфреда Хаусмана — популярного английского поэта начала XX века.

¹⁴² Понятие из френологии — теории, согласно которой на основании формы черепа можно судить о психических особенностях человека.

¹⁴³ Николас Никльби — главный герой одноименного воспитательного романа Чарльза Диккенса (1839).

¹⁴⁴ Нэнси Дрю — литературный и киноперсонаж, девушка-детектив, известная во многих странах. Сериал о Нэнси Дрю выпускается с 1930 года.

¹⁴⁵ Аллюзия на популярную комедию 1939 года «Восторг идиота» с Кларком Гейблом в главной роли.

¹⁴⁶ Да, не так ли (нем.).

¹⁴⁷ Здесь и ранее цитируется пьеса Бернарда Шоу «Святая Жанна».

¹⁴⁸ Ковер Клеопатры — знаменитый образ, связанный с эпизодом жизни знаменитой царицы Клеопатры и Юлия Цеза-

ря, когда юная Клеопатра, чтобы проникнуть в охраняемый дворец лидера римлян, приказала завернуть ее в ковер, — этот эпизод был не раз представлен в кинематографе лучшими красавицами Голливуда.

¹⁴⁹ Людвиг Бемельманс (1898—1962) — американский писатель, художник, книжный иллюстратор и сценарист, выходец из Австрии.

¹⁵⁰ Возможно, аллюзия на короткометражный фильм 1915 года «Across the way».

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕРТЬ -- ДЕЛО ОДИНОКОЕ	5
КЛАДБИЩЕ ДЛЯ БЕЗУМЦЕВ	275
ДАВАЙТЕ ВСЕ УБЬЕМ КОНСТАНЦИЮ	605

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Рэй Брэдбери

ГОЛЛИВУДСКАЯ ТРИЛОГИЯ

Ответственный редактор *Г. Батанов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Г. Дегтяренко*
Корректор *Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Taуар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 14.06.2019. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,32.
Тираж 3000 экз. Заказ 6490.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

16+

В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:

один клик до книг

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»

Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д.1.

Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде

Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге

Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбург

Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2иц
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самара

Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»
Телефон: +7 (846) 207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону

Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7(863) 303-82-10. E-mail: info@rnd.eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске

Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске

Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006
Телефон: (4212) 910-120, 910-211. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Пермякова, 1а, 2 этаж. ТЦ «Перестрой-ка»
Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3452) 21-53-96

Республика Беларусь: ООО «ЭКМО АСТ Си энд Си»

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минск
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet»
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 561-81-92
Режим работы: с 10.00 до 22.00. E-mail: exmoast@yandex.by

Казахстан: «РДЦ Алматы»

Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровскийого, 3А
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина: ООО «Форс Украина»

Адрес: 04073, г. Киев, ул. Вербовая, 17а
Телефон: +38 (044) 290-99-44, (067) 536-33-22. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в книжных магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chital-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-04-100781-2

9 785041 007812 >

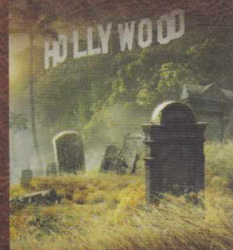

В
Б

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Весь
БРЭДБЕРИ

ГОЛЛИВУДСКАЯ
ТРИЛОГИЯ

ISBN 978-5-04-100781-2

9 785041 007812 >

